SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VII-й. № 6-й.

UNIV. OF CALIFORNIA

МІРЪ БОЖІЙ

05 M63

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

60979

ІЮНЬ
1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ЦИВИЛИЗОВАННЫХЪ СТРАНАХЪ. **Л. К—ой.**	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ЛѢТОМЪ. **Allegro.**	14
3.	ЗАХОЛУСТНЫЕ ОЧЕРКИ. **Л. Хлопова**	15
4.	АВТОТОМІЯ И БОЛЕВАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ У ЖИВОТНЫХЪ. (Біологическій очеркъ). **Виктора Фаусека.** (Окончаніе).	30
5.	РУДОЛЬФЪ ВИРХОВЪ, его жизнь, научная и общественная дѣятельность. (Окончаніе). **Ю. Г. Малиса.**	46
6.	ПЕРЕМУДРИЛЪ. Повѣсть **Габріэли Рейтеръ.** Перев. съ нѣм. **М. Чепинской.**	61
7.	КАПИТАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. (Продолженіе). **Л. Крживицкаго.**	101
8.	КАПИТАЛИЗМЪ И РЫНОКЪ. (По поводу книги С. Булгакова «О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ». Москва. 1897 г.). **М. Туганъ-Барановскаго.**	118
9.	ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Продолженіе). Часть вторая. **И. Потапенко.**	128
10.	СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ. Академика **А. Фаминцына** (Продолженіе).	152
11.	ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ **Холль Кэна.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** (Книга вторая).	174
12.	ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть третья. (Продолженіе). **Ив. Иванова.**	218
13.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ПЛОВЦЫ. **П. Я.**	268

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Критика искусства гр. Толстого.—Искусство богатыхъ классовъ.—Всенародное искусство.—Основная задача искусства.—Парадоксъ графа.—Отрицаніе школы и критики.—Окончаніе «Тяги» г. Боборыкина.—Конечный выводъ автора —Фабрика, какъ подсобное средство деревни.—Ошибочность такого заключенія.—Седьмое изданіе книги г. Джаншіева «Эпоха великихъ реформъ».—Одинъ изъ эпизодовъ этой эпохи. **А. Б.** 1

Годъ VII-й. № 6-й.

UNIV. OF CALIFORNIA

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

60979.

ІЮНЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

Дозволено цензурою 26-го мая 1898 года. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1897-6
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ЦИВИЛИЗОВАННЫХЪ СТРАНАХЪ. **Л. К—ой** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЛѢТОМЪ. **Allegro** 14
3. ЗАХОЛУСТНЫЕ ОЧЕРКИ. **Л. Хлопова** 15
4. АВТОТОМІЯ И БОЛЕВАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ У ЖИВОТНЫХЪ. (Біологическій очеркъ). **Виктора Фаусека.** (Окончаніе). 30
5. РУДОЛЬФЪ ВИРХОВЪ, его жизнь, научная и общественная дѣятельность. (Окончаніе). **Ю. Г. Малиса** 46
6. ПЕРЕМУДРИЛЪ. Повѣсть **Габріэли Рейтеръ.** Перев. съ нѣм. **М. Чепинской** 61
7. КАПИТАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. (Продолженіе). **Л. Крживицкаго** 101
8. КАПИТАЛИЗМЪ И РЫНОКЪ. (По поводу книги С. Булгакова «О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ». Москва. 1897 г.). **М. Туганъ-Барановскаго** 118
9. ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Продолженіе). Часть вторая. **И. Потапенко** 128
10. СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ. Академика **А. Фаминцына** (Продолженіе) 152
11. ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ **Холль Кэна.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** (Книга вторая). 174
12. ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть третья. (Продолженіе). **Ив. Иванова** 218
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПЛОВЦЫ. **П. Я.** 268

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Критика искусства гр. Толстого.—Искусство богатыхъ классовъ.—Всенародное искусство.—Основная задача искусства.—Парадоксъ графа.—Отрицаніе школы и критики.—Окончаніе «Тяги» г. Боборыкина.—Конечный выводъ автора.—Фабрика, какъ подсобное средство деревни.—Ошибочность такого заключенія.—Седьмое изданіе книги г. Джаншіева «Эпоха великихъ реформъ».—Одинъ изъ эпизодовъ этой эпохи. **А. Б.** 1

881300

стр.

15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Изъ неурожайныхъ мѣстностей. — Народные толки о переписи 1897 г. — Статистика ссылки въ Россіи. — Кустарное ткачество въ Черниговской губ.—Семья Бѣлинскаго послѣ его смерти. 14
16. **За границей.** Гладстонъ.—Микель и Рихардъ Вагнеръ въ роли героевъ 1848 года.—Американское войско.—Женское движеніе въ Индіи.—Этическое движеніе въ Германіи. 26
17. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des Revues».—«La Sciénce Sociale».—«Century Magazine». 37
18. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Интересная находка д-ра Дюбуа. **Н. Могилянскаго** 42
19. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. **Астрономія.** 1) Тѣнь, отбрасываемая землею. 2) Новая комета. **Физика и метеорологія.** 1) Аномалія сплавовъ желѣза съ никелемъ и объясненіе ихъ. 2) Лучи, испускаемые элементомъ торіемъ и его соединеніями. 3) Лунная радуга. 4) Удары молніи въ Юго-западной Россіи. **Геологія и минералогія.** 1) Фергюссонитъ—эндотермическій минералъ. 2) Новый замѣчательный гротъ Арманъ. **Біологія.** 1) Сумчатое животное съ плацентой. 2) Мозгъ и эмбріональное развитіе. 3) Вліяніе алкоголя на мускульную работу. **В. Агафонова.** 54
20. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги. **Беллетристика.** — Публицистика. — **Исторія литературы.** — **Исторія всеобщая.** — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. 63
21. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Современный сфинксъ. **Ив. Иванова** 87
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 107

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ОВОДЪ (Gadfly). Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ. М-ссъ **Е. Войничъ.** Переводъ съ англійскаго **З. Венгеровой.** (Окончаніе). 7
24. ЭВОЛЮЦІЯ ТОРГОВЛИ У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. **Шарля Летурно.** Переводъ съ французскаго **Т. Богдановичъ** 27

UNIV. OF CALIFORNIA

Начальное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ.

I.

Вышедшая недавно во Франціи интересная книга Е. Левассера «Начальное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ» вполнѣ заслуживаетъ вниманія всѣхъ, интересующихся вопросами народнаго обученія. Считаемъ поэтому не лишнимъ познакомить читателя съ ея богатымъ фактическимъ матеріаломъ и главными выводами, отсылая къ подлиннику лицъ, спеціально интересующихся этимъ вопросомъ.

XIX в., говоритъ Левассеръ, справедливо можетъ быть названъ вѣкомъ народнаго образованія. Начальное обученіе существовало, конечно, и раньше во всѣхъ странахъ христіанскихъ, буддійскихъ и мусульманскихъ, но въ XIX в. оно впервые было признано дѣломъ государства и на него было обращено серьезное вниманіе, независимо отъ того значенія, какое раньше придавалось ему въ вопросахъ вѣры и религіи. Въ началѣ XIX в. большинство обитателей цивилизованнаго міра, особенно женское населеніе, было безграмотно. Прогрессъ демократическихъ идей и развитіе наукъ, ихъ приложеніе къ промышленности въ началѣ XIX в. не мало способствовали распространенію просвѣщенія въ массахъ и подъему ихъ культурнаго уровня. Если въ то время еще возникалъ вопросъ, необходимо ли широкое распространеніе просвѣщенія въ народѣ, встрѣчались еще люди, боявшіеся развитія въ массахъ сознательнаго отношенія къ окружающему, упадка религіозности и т. п., то теперь объ этомъ уже почти не спорятъ и XIX в. практически разрѣшилъ этотъ вопросъ: народное образованіе считается необходимымъ, безъ него не можетъ обойтись ни одна цивилизованная страна, уровень начальнаго образованія въ массахъ является лучшимъ мѣриломъ культурности народа; вопросъ уже не въ томъ, нужно ли образованіе, а въ томъ, какъ лучше его организовать и распространить въ массахъ. Вопросы педагогическіе занимали многихъ и раньше, но въ XIX в. они получили наибольшую разработку и приложеніе; общественныя власти заботятся о постройкѣ школьныхъ зданій, о приготовленіи учителей, улучшеніи учебныхъ и классныхъ пособій, книгъ, картъ, картинъ, какъ объ одной изъ важнѣйшихъ отраслей государственной дѣятельности; появляется масса трудовъ и брошюръ по вопросамъ образованія и просвѣщенія.

Большинство школьныхъ законовъ, установившихъ современную систему народнаго образованія и увеличившихъ затраты на него въ различныхъ государствахъ Европы и другихъ частей свѣта, относятся къ

половинѣ XIX в. и стоятъ въ связи съ экономическими и политическими преобразованіями, происшедшими въ большинствѣ странъ цивилизованнаго міра: съ измѣненіями въ способахъ производства, примѣненіемъ пара, увеличившимъ неизмѣримо власть человѣка надъ природой, и съ политическими реформами, давшими демократіи первенствующую или значительную роль въ управленіи государствомъ.

Масса періодическихъ изданій (приблизительно около 60.000 названій въ 1894 г.), книгъ и брошюръ, распространяющихся повсюду за послѣднее пятидесятилѣтіе, служитъ лучшимъ доказательствомъ прогресса народнаго просвѣщенія. Останавливаясь на результатахъ распространенія образованія въ массахъ, Левассеръ говоритъ, что оно не было и не могло быть спасительнымъ средствомъ отъ всѣхъ золъ, но вліяніе его сказалось, однако, на уменьшеніи преступленій противъ личности и кражъ среди грамотныхъ, на нѣкоторомъ подъемѣ заработной платы, благодаря тому, что грамотный рабочій становится искуснѣе и болѣе умѣло отстаиваетъ свои интересы, на ростѣ значенія демократіи въ странѣ.

Общій надзоръ за начальнымъ образованіемъ и школами въ большинствѣ государствъ сосредоточенъ или въ спеціальномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, или въ одномъ изъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, или въ спеціальномъ департаментѣ народнаго образованія. Народное образованіе теперь одна изъ важнѣйшихъ обязанностей государства, слѣдящаго въ лицѣ назначенныхъ правительствомъ инспекторовъ за общественными и частными школами, за направленіемъ, программами и методомъ преподаванія. Провинціи и общины, въ свою очередь, слѣдятъ за содержащимися на ихъ средства школами, при чемъ мѣстному управленію правительство центральное представляетъ большую или меньшую свободу дѣятельности по отношенію къ постановкѣ начальнаго образованія. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напр., въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Швейцаріи, мѣстное населеніе привлекается къ управленію и надзору за школами, выбираетъ изъ своей среды школьные совѣты, которые и устраиваютъ школы, слѣдя за постановкой въ нихъ обученія. Въ другихъ государствахъ, напротивъ, за послѣднее время замѣтно развитіе централизаціи въ надзорѣ за народнымъ образованіемъ, напр., въ Россіи, Франціи, австралійскихъ колоніяхъ.

Участіе мѣстныхъ силъ въ народномъ образованіи не можетъ не оказать ему значительныхъ услугъ, такъ какъ онѣ наиболѣе заинтересованы въ лучшей постановкѣ школъ для дѣтей данной мѣстности. По мѣрѣ того, какъ распространяются въ государствѣ школы государственныя и общественныя, число частныхъ школъ уменьшается; онѣ не могутъ быть такъ хорошо обставлены и не могутъ такъ дешево или совершенно безплатно предоставлять образованіе дѣтямъ, какъ общественныя школы. Только такія богатыя и вліятельныя общества, какъ, напр., Національное Общество въ Англіи, Общество христіанскихъ братьевъ во Франціи и различныя братства въ Соединенныхъ Штатахъ могутъ до сихъ поръ еще поддерживать много частныхъ школъ въ этихъ

странахъ. Вообще, частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія не должна быть стѣсняема, частныя школы могутъ служить орудіемъ распространенія новѣйшихъ методовъ преподаванія и удовлетворять спеціальнымъ требованіямъ нѣкоторыхъ личностей съ точки зрѣнія педагогической, технической или религіозной. Нельзя не отмѣтить еще одно стремленіе, замѣчающееся почти повсюду въ Европѣ и другихъ странахъ за послѣднее пятидесятилѣтіе,—освободить школу отъ вліянія церкви или, по крайней мѣрѣ, уменьшить ея вліяніе на образованіе.

Церковь основала школу въ Европѣ и естественно продолжала опекать ее, требуя себѣ управленія или надзора за школой. Въ средніе вѣка, когда духовенство было еще наиболѣе просвѣщеннымъ классомъ, это было понятно; съ появленіемъ протестантизма, его служители старались захватить въ свои руки образованіе юношества. Однако, по мѣрѣ развитія другихъ общественныхъ классовъ и распространенія просвѣщенія въ ихъ средѣ, вопросъ о вліяніи духовенства на обученіе дѣтей въ школахъ вызываетъ бурные и продолжительные споры и борьбу въ большинствѣ европейскихъ государствъ. Протесты противъ вліянія церкви въ школѣ были вызваны тѣмъ, что духовенство, поддерживая предразсудки и традицію, препятствовало распространенію истиннаго просвѣщенія и критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности и, кромѣ того, во многихъ странахъ, пользуясь вліяніемъ въ школѣ, какъ орудіемъ политической борьбы, вызывало антагонизмъ въ населеніи (Бельгія, Франція). Лишь постепенно было введено свѣтское обученіе въ европейскихъ государствахъ, постепенно мѣсто религіознаго воспитанія заняло воспитаніе нравственное и гражданское, постепенно руководительство школами было поручено свѣтскимъ учителямъ. До сихъ поръ еще религіозное образованіе и вліяніе духовенства въ школахъ сохранилось въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ: Италія, Россія, нѣкоторыя государства Германіи (Гессенъ, Вюртембергъ, Бавaрія), Румынія, Швеція, Норвегія, Данія, Греція; въ другихъ же государствахъ оно или уничтожено закономъ, или значительно ослаблено.

Католическое духовенство до сихъ поръ, потерявъ значеніе въ правительственныхъ и общественныхъ школахъ, организуетъ частныя школы (Бельгія, Франція и др.); въ протестантскихъ странахъ нейтралитетъ школы въ религіозныхъ вопросахъ былъ признанъ раньше и скорѣе. Религіозное воспитаніе дѣтей въ большинствѣ странъ выдѣлено теперь изъ школьныхъ программъ, дающихъ, тѣмъ не менѣе, дѣтямъ основныя правила нравственности и гражданской жизни. Пытаясь прослѣдить вліяніе политическихъ условій, религіи, расы, климата и богатства народа на распространеніе начальнаго образованія, Левассеръ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ странахъ демократическихъ и съ представительнымъ правленіемъ начальное образованіе поставлено лучше всего; напр., Швейцарія, Соединенные Штаты, колоніи Австраліи, Канады занимаютъ въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ; есть,

правда, нѣкоторыя исключенія, напр., въ Швеціи начальное образованіе развивается въ періодъ монархіи и подъ вліяніемъ духовенства. Наиболѣе развито начальное обазованіе среди германскихъ племенъ, славяне и монголы занимаютъ, напротивъ, одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди жителей Европы. Религія также оказываетъ вліяніе на распространеніе образованія: наиболѣе благопріятной для распространенія грамотности является протестантизмъ, требующій отъ вѣрующихъ умѣнья читать священныя книги, затѣмъ католицизмъ, православіе и магометанство. Статистика указываетъ, что въ большинствѣ странъ съ протестантскимъ населеніемъ число учениковъ въ начальныхъ школахъ не менѣе 15 на 100 жителей, въ католическихъ странахъ число учениковъ не менѣе 10 на 100 жит., наиболѣе просвѣщенныя изъ странъ православныхъ не имѣютъ болѣе $5^1/_2$ учениковъ на 100 жит.. а на послѣднемъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоятъ страны съ мусульманскимъ населеніемъ: около 1 уч. на 100 жит.

Суровый климатъ не является непреоборимымъ препятствіемъ къ распространенію образованія (скандинавскія государства, Канада), зимой земледѣльческое населеніе свободно и посылаетъ дѣтей въ школы; напротивъ, лѣтомъ замѣчается неправильное посѣщеніе школъ (Соединенные Штаты, Швейцарія, Франція).

Чѣмъ богаче народъ, тѣмъ легче распространеніе въ немъ образованія, тѣмъ лучше обезпечены его школьные бюджеты; напротивъ, бѣдность населенія затрудняетъ иногда дѣтямъ посѣщеніе школъ (Россія). Промышленное развитіе страны объединяетъ населеніе въ центрахъ и приближаетъ школу къ населенію, но иногда мануфактуры и фабрики отрываютъ дѣтей отъ обученія.

Въ большинствѣ государствъ школа, помимо общаго начальнаго образованія, стремится развить сознаніе національнаго единства, гражданскі воспитывать населеніе, чему всего болѣе помогаетъ личное вліяніе учителя, введеніе въ программы начальнаго обученія исторіи, географіи, гражданскаго обученія и пр. Считая законнымъ подобное направленіе школы, Левассеръ предостерегаетъ отъ насильственнаго насажденія извѣстнаго національнаго вліянія, что особенно замѣтно, когда господствующая національность стремится подчинить себѣ другія, напр., Эльзасъ-Лотарингія, Трансильванія, Польша.

II.

Посмотримъ теперь, какъ поставлено начальное образованіе въ различныхъ странахъ; остановимся, главнымъ образомъ, на числѣ школъ и ихъ обстановкѣ, на учительскомъ персоналѣ и его обезпеченіи, на числѣ учениковъ, отношеніи числа грамотныхъ къ общему населенію страны и, наконецъ, на бюджетахъ народнаго образованія.

Постройка хорошихъ школьныхъ зданій была одной изъ существенныхъ заботъ правительства по народному образованію и въ этомъ отношеніи повсюду за послѣднія 50 лѣтъ сдѣланы значительные успѣхи. Хорошее школьное помѣщеніе отражается и на обученіи, и на воспи-

таніи дѣтей; лишь въ свѣтлыхъ, просторныхъ и чистыхъ комнатахъ, гдѣ нѣтъ скученности учениковъ (не болѣе 50 въ классѣ по послѣднимъ требованіямъ педагогики), можетъ успѣшно идти преподаваніе, безъ всякаго ущерба для дѣтскаго здоровья. Въ нѣкоторыхъ государствахъ при школѣ же отведено помѣщеніе учителю и садикъ-огородъ для него. Въ Соединенныхъ Штатахъ учитель живетъ отдѣльно, но при школахъ есть сады для практики и обученія дѣтей.

Приведемъ нѣсколько цифръ, показывающихъ затраты на постройку школьныхъ зданій за послѣднее время въ различныхъ странахъ. Во Франціи съ 1878—1893 г. на эту цѣль было истрачено 594 мил. франковъ, было построено вновь или перестроено 31.409 школъ; въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ школьныя зданія въ 1870 г. стоили 675 мил., а въ 1893 г. 1.783 мил. франковъ; въ австралійскомъ Новомъ Валисѣ съ населеніемъ въ 1.251 т. съ 1880—1892 г. истрачено на школьныя зданія 57 мил. фр. и т. п. Въ Соединенныхъ Штатахъ можно встрѣтить самыя разнообразныя школьныя зданія (большею частью деревянныя) отъ скромныхъ домовъ до грандіозныхъ и роскошныхъ зданій городскихъ школъ. Роскошно обставлены и построены школьныя зданія въ Швейцаріи, Австраліи и въ столицахъ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ: Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Буда-Пештѣ.

Обращено было вниманіе и на школьную мебель, значительно усовершенствованную за послѣдніе годы, и на обстановку школъ: теперь уже нигдѣ не встрѣтишь голыхъ классныхъ стѣнъ, повсюду онѣ увѣшаны картинами и таблицами наглядного обученія, географическими картами, школы снабжены всевозможными учебными пособіями и пр.

Германія, Соединенные Штаты, Франція и Швейцарія въ этомъ отношеніи занимаютъ первое мѣсто.

Употребленіе тѣхъ или другихъ учебныхъ пособій и классныхъ книгъ въ большинствѣ странъ регулировано правительствомъ; въ Англіи школьные совѣты завѣдуютъ этимъ дѣломъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ это поручено школьнымъ совѣтамъ или спеціальнымъ комитетамъ.

Изъ разнообразныхъ типовъ школъ Левассеръ выдѣляетъ 5 наиболѣе распространенныхъ: 1) начальныя школы для дѣтей отъ 6—13 или 14 л. (minimum программы: чтеніе, письмо, счетъ)—основная группа школъ, наиболѣе поддающаяся статистическимъ вычисленіямъ; 2) школы для дѣтей моложе 6 л. (дѣтскіе сады, материнскія школы, убѣжища и т. п.); 3) высшія начальныя школы для дѣтей старше 13, 14 л., здѣсь ученики получаютъ дополнительное къ первоначальному обученіе; 4) курсы для взрослыхъ, преимущественно вечерніе, для населенія старше 13 л., прошедшаго первоначальную школу, не имѣющаго возможности дальше ежедневно утромъ посѣщать школу, но желающаго пополнить полученное образованіе; 5) спеціальныя школы для глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, приготовительные классы при лицеяхъ, коллежахъ и гимназіяхъ.

Надо различать еще школы для дѣвочекъ, для мальчиковъ и смѣшанныя школы.

Приводя число школъ въ различныхъ государствахъ (таблица дальше), Левассеръ предостерегаетъ отъ ошибокъ при сравненіи различныхъ государствъ: статистика общественныхъ и частныхъ школъ ведется не одинаково правильно, подъ понятіе общественныхъ школъ въ различныхъ государствахъ подведены неодинаковыя категоріи школъ. Наконецъ, типы школъ начальнаго образованія отъ дѣтскихъ садовъ до высшихъ школъ начальнаго образованія разнообразны; статистика часто не различаетъ ихъ и объединяетъ всѣ вмѣстѣ.

Что касается до программъ преподаванія, то онѣ значительно расширены: курсъ начальнаго образованія не ограничивается теперь уже только грамотой, въ число предметовъ обученія почти повсюду введены ариѳметика, національная географія, исторія, музыка, рисованіе, гимнастика, кройка и домашнее хозяйство для дѣвочекъ, нѣкоторыя ремесла для мальчиковъ.

Въ высшихъ начальныхъ школахъ дѣти получаютъ законченное элементарное образованіе, въ программу котораго входятъ всѣ общеобразовательные предметы съ болѣе широкимъ курсомъ, чѣмъ въ начальныхъ школахъ, естествознаніе, гигіена, литература, геометрія, политическая экономія, иногда классическіе языки, гражданское право и пр. Въ нѣкоторыхъ государствахъ начальное обученіе представляетъ рядъ ступеней отъ дѣтскихъ садовъ и материнскихъ школъ до высшихъ начальныхъ школъ, пройдя которыя дѣти получаютъ законченное и солидное элементарное образованіе (Франція, Соединенные Штаты и др.). Конечно, далеко не всѣ дѣти могутъ пройти постепенно эти ступени; обязательными (гдѣ введено обязательное обученіе) въ большинствѣ государствъ считаются лишь школы начальныя до 12—14 л., въ дальнѣйшемъ же возрастѣ образованіе пополняется посѣщеніемъ вечернихъ курсовъ для взрослыхъ и публичныхъ лекцій, организованныхъ правительствомъ или частными обществами въ большинствѣ государствъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на школахъ Соединенныхъ Штатовъ, занимающихъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ свѣтѣ по постановкѣ и распространенію начальнаго образованія.

Въ большинствѣ штатовъ начальное образованіе отъ 8—14 л. считается обязательнымъ и повсюду оно безплатно. Дѣтскіе сады мало распространены въ Америкѣ и дѣти остаются дома до школьнаго возраста. Для дѣтей школьнаго возраста организованъ рядъ школъ, одинаково доступныхъ каждому: здѣсь соединяются вмѣстѣ дѣти и богатыхъ, и бѣдныхъ, мальчики и дѣвочки, получая одинаково всѣмъ необходимое образованіе. Начальная школа, школа грамматики и высшая школа—вотъ три ступени начальнаго обученія. Для желающихъ дальше продолжать образованіе организованъ рядъ вечернихъ курсовъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ общаго и спеціальнаго образованія, лекціи, распространяющія университетское образованіе въ массахъ, устроенныя различными частными обществами.

При школахъ имѣются прекрасныя библіотеки, удовлетворяющія

потребность въ чтеніи, развитую школой; наконецъ, масса газетъ, нигдѣ такъ не распространенныхъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ (въ 1893 г. 20.015 період. изд.), помогаютъ просвѣщенію массъ; газету вы увидите тамъ въ рукахъ у каждаго мужчины, женщины, буржуа, рабочаго—это безразлично, тамъ она—общее достояніе.

Въ программу американскихъ школъ входитъ: ариѳметика и особенно умственный счетъ (одинъ изъ главныхъ предметовъ, обращающихъ на себя вниманіе преподавателя), чтеніе, письмо—вотъ главные предметы обученія въ начальной школѣ; книги для чтенія имѣютъ въ виду преимущественно развить нравственное чувство и дать дѣтямъ положительныя знанія. Наглядное обученіе—обычный методъ при первыхъ урокахъ; географія и естественная исторія начинаются съ первыхъ же лѣтъ. На пятомъ году обученія дѣти знакомятся съ грамматикой и синтаксисомъ англійскаго языка. Исторія Соединенныхъ Штатовъ и изученіе конституціи начинается позднѣе (въ школахъ грамматики) и занимаетъ видное мѣсто въ школьныхъ программахъ. Обращено также вниманіе на рисованіе, черченіе, музыку и декламацію, послѣднее съ цѣлью выработать въ каждомъ способность говорить публично.

Общій курсъ начальнаго образованія продолжается 12—13 л.: 4—5 л. въ начальной школѣ, 4 года въ школѣ грамматики и 4 г. въ высшей начальной школѣ; ученическіе годы, такимъ образомъ, простираются отъ 6—21 г.

Обыкновенно ежедневныя занятія въ школѣ продолжаются, въ теченіе 5 дней недѣли, 6 часовъ съ перерывами для отдыха; домашнихъ работъ дѣтямъ почти не задаютъ; если число школьныхъ часовъ въ Америкѣ меньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, то дѣти не переутомляются: если они не знаютъ иногда твердо грамматики, то знаютъ лучше жизнь, много читаютъ и думаютъ, а потому и бываютъ лучше подготовлены къ обязанностямъ человѣка и гражданина, что главнымъ образомъ и имѣетъ въ виду американская школа.

Вотъ нѣкоторыя данныя о ростѣ народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ за послѣднія 25 л.: число школъ удвоилось и стоимость ихъ утроилась, съ 116.613 въ 1870 г., число ихъ возросло въ 1895 г. до 237.416. Преподавательскій персоналъ увеличился въ отношеніи 100 : 193, теперь въ среднемъ на каждаго учителя приходится 53 ученика. Число преподавательницъ возросло быстрѣе, чѣмъ число преподавателей (первыхъ 100 : 214: вторыхъ 100 : 161). Вознагражденіе преподавательскому персоналу увеличилось въ отношеніи 100 : 266; общая сумма затратъ на каждую школу въ отношеніи 100 : 209.—Число учениковъ возросло вдвое (100 : 203, тогда какъ населеніе возросло въ отношеніи 100 : 176). Аккуратность посѣщенія возросла въ отношеніи 100 : 225. На 100 жителей приходится теперь 20,3 ученика, въ 1870 г.—17,8. Общее число учениковъ въ общественныхъ и частныхъ школахъ Соед. Шт. въ 1893—1894 г.=14.846.858 (22,5% всего населенія). По послѣдней переписи 1890 г. число неграмотныхъ 13,3% всего населенія старше

10 л.; въ 1880 г. число это равнялось 13,4 (не умѣвшихъ читать) и 17 (не умѣвшихъ писать): неграмотные составляютъ 6,2% среди бѣлаго населенія, уроженцевъ Соединен. Шт. (въ 1880 г.—8,7) и 13% пріѣхавшихъ изъ-за границы (12% въ 1880 г.); среди черной расы неграмотные составляютъ теперь 56,8% (въ 1880 г.—68,7 и 87,6).

Общій % грамотныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ понижается постояннымъ приливомъ неграмотныхъ переселенцевъ; грамотность среди чернаго населенія возрастаетъ, всѣ штаты озабочены распространеніемъ и устройствомъ среди него школъ.

Бюджетъ на народное образованіе въ Соед. Шт. удвоился съ 1870 г. (съ 69.107.612 дол. до 155.991.273 дол. въ 1890—1891 г.).

Практика смѣшанныхъ школъ для мальчиковъ и дѣвочекъ дала благопріятные результаты въ Соединенныхъ Штатахъ; смѣшанныя школы оказались прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ, уменьшающимъ грубость мальчиковъ и застѣнчивость дѣвочекъ и подготовляющимъ тѣхъ и другихъ къ совмѣстной общественной дѣятельности. Смѣшанныя школы распространены и въ другихъ государствахъ; часто мотивомъ къ этому, помимо вышеуказанной педагогической цѣли, служитъ сокращеніе расходовъ. Швейцарія, Голландія, Данія, Японія, австралійскія колоніи практикуютъ съ успѣхомъ смѣшанныя школы.

Хорошо образованные преподаватели—одно изъ первыхъ условій хорошей постановки народнаго образованія, потому на устройство нормальныхъ школъ для приготовленія учителей повсюду было обращено вниманіе правительствъ за послѣдніе годы. Задача нормальной школы очень сложная и трудная: мало того, чтобы учитель получилъ широкое общее образованіе и спеціально педагогическое, надо, чтобы онъ любилъ дѣтей и свое дѣло, сознательно относился бы къ своимъ обязанностямъ, соглашаясь взять въ свои руки такое общественное дѣло, какъ воспитаніе и обученіе дѣтей, съумѣлъ бы поставить себя такъ, чтобы заслужить любовь и уваженіе дѣтей и родителей. Хорошо поставленная нормальная школа—рѣдкое явленіе даже и въ наиболѣе просвѣщенныхъ странахъ. Нормальныя школы начали возникать въ первой половинѣ XIX в. и теперь существуютъ повсюду. Вездѣ однако есть еще масса учителей, не получившихъ спеціальнаго образованія въ нормальныхъ школахъ, но сдавшихъ опредѣленный экзаменъ и получившихъ мѣста послѣ непродолжительныхъ занятій въ школѣ.

Для поддержанія связей и взаимныхъ отношеній, для обмѣна мнѣній, по вопросамъ школьнаго преподаванія и для дальнѣйшаго усовершенствованія учителей, во многихъ государствахъ устраиваются съѣзды учителей и педагогическія бесѣды, организуются общества, оказывающія значительныя услуги (Германія, Соединенные Штаты).

Назначеніе учителей или зависитъ отъ министра народнаго просвѣщенія (Голландія, Испанія, Австрія), или предоставляется выборной мѣстной власти (муниципальному совѣту, школьному совѣту, Англія, Бельгія, нѣкоторые кантоны Швейцаріи), или мѣстной администраціи

по представленію тѣхъ, на чьи средства содержатся школы (Франція, Пруссія, Россія); наконецъ, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи учителя выбираются населеніемъ на опредѣленный срокъ.

Вознагражденіе учителямъ сильно разнообразится и лежитъ или на центральномъ правительствѣ, или на мѣстныхъ органахъ управленія; чѣмъ лучше поставлено въ странѣ начальное образованіе, тѣмъ лучше вознаграждаются учителя. Обыкновенно трудъ учителя оплачивается нѣсколько выше, чѣмъ трудъ учительницы, городскіе учителя получаютъ больше, чѣмъ сельскіе. Число учительницъ повсюду почти за послѣднее время возросло. Приведемъ нѣкоторыя данныя о вознагражденіи учителямъ въ нѣкоторыхъ государствахъ: Франція — 1.000—2.000 фр. въ годъ, Англія отъ 2.500—4.000 ф., въ Лондонѣ—10.000 ф., Пруссія—1.280—1.600 ф., въ Берлинѣ—4.875 ф., Россія—около 500 фр. въ деревняхъ, и 1.000 въ городахъ, Австралія (англійскія колоніи) 1.800—10.000 ф., Соединенные Штаты—въ деревняхъ 228—462 ф. въ мѣсяцъ, а въ городахъ годовое отъ 10.250—15.000 ф. Число учителей въ различныхъ государствахъ приведено ниже въ таблицѣ.

Обязательное и безплатное обученіе—вотъ требованіе, выдвинутое въ XIX в. въ большинствѣ цивилизованныхъ странъ. Обязательное обученіе встрѣчало возраженіе, съ одной стороны, среди тѣхъ, кто боялся широкаго распространенія просвѣщенія въ массахъ, съ другой стороны, среди лицъ, не желавшихъ ограничивать свободу родительской власти. Напротивъ, сторонники обязательнаго обученія, горячо желая самаго широкаго распространенія начальнаго образованія, боялись, чтобы родительская власть не была препятствіемъ для этого. Установивъ обязательное обученіе, государство беретъ на себя законную обязанность просвѣщать населеніе, при чемъ семейныя права ничуть не нарушаются такъ какъ семья, имѣющая возможность дать образованіе дѣтямъ и не дѣлающая этого, не исполняетъ своихъ обязанностей передъ дѣтьми. Государства, наиболѣе уважающія личную свободу, напр., Швейцарія, Соединенные Штаты, Англія и др., ввели тѣмъ не менѣе обязательное обученіе. Другой вопросъ, на сколько достигаетъ цѣли законъ обязательнаго обученія въ странѣ, гдѣ населеніе еще плохо сознаетъ необходимость начальнаго образованія въ массѣ, а потому не ассигнуетъ достаточныхъ средствъ для проведенія его въ жизнь. Широко поставленныя школы и доступность обученія для каждаго являются необходимымъ условіемъ для практическаго осуществленія закона обязательнаго обученія.

Въ странахъ протестантскихъ (германскіе и скандинавскіе народы) обязательное обученіе было введено раньше другихъ (въ нѣкоторыхъ съ конца XVIII в.), въ Англіи и Австріи оно было введено много позднѣе, около 1870 г.

Обыкновенно обязательнымъ обученіе считается въ возрастѣ отъ 5—14 л., но нѣкоторыя государства, напр., Германія, продолжаютъ требованіе обязательнаго обученія и для населенія старше 14 л.,

напр., ставятъ въ обязанность посѣщать вечерніе и воскресные классы отъ 16—18 л.

Обязательное обученіе введено: въ Шотландіи (отъ 5—13 л.), во Франціи (отъ 6—13 л.), въ Пруссіи (6—14 л.), въ Великомъ Герцог. Баденѣ (6—14 л.), въ Баваріи (6—13 и 13—16), въ Саксоніи (7—15 л. и 14—17 л.), въ Вюртембергѣ (6—13 и 14—18 л.), въ Гессенѣ (6—14 л.), въ Брауншвейгѣ (5—14 л.), въ Эльзасъ-Лотарингіи и германскихъ герцогствахъ (6—14 л.), въ Швейцаріи (6—16 въ Цюрихѣ, 6—15 въ Бернѣ и пр.), въ Австріи (6—14), въ Венгріи (6—12 л., 12—15 л.), въ Португаліи и Испаніи (отъ 6—9 л.), въ Италіи (7—9 л.), въ Румыніи (7—14 л.), въ Швеціи (7—14 л.), въ Норвегіи (7—13 л.), въ Японіи (6—14 л.), въ Новомъ Южномъ Валлисѣ (6—14 л.), Викторія (6—15 л.), Тасманія (7—14 л.), Новая Зеландія (7—13 л.), Онтаріо (5—16 л.), Новая Шотландія (въ дер. отъ 7—12 л., въ гор. отъ 6—16 л. и отъ 13—14 л.), большинство штатовъ Сѣв. Амер. (8—14 л., въ нѣкоторыхъ отъ 6—16 л.), нѣкоторыя провинціи Мексики, Аргентинской республики, Сальвадоръ. Перечисленіе, можетъ быть, не совсѣмъ полно.

Безплатное обученіе, казалось бы, должно быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ обязательности обученія, хотя это не вездѣ такъ. Безплатное обученіе введено въ большинствѣ демократическихъ странъ, но не составляетъ ихъ исключительной привилегіи (Соединенные Штаты, большинство американскихъ республикъ, Швейцарія, Франція, Португалія, Италія, Болгарія, Румынія, Норвегія, Саксонія, Сербія и др.).

Въ Англіи школьные совѣты могутъ освобождать отъ платы дѣтей бѣдныхъ; благотворительныя бюро освобождаютъ почти всѣхъ дѣтей бѣдняковъ, снабжаютъ ихъ книгами и пособіями; фактически обученіе въ начальныхъ школахъ безплатно; подобныя же льготы устроены и во многихъ другихъ государствахъ, гдѣ не установлено еще безплатное обученіе (Пруссія, Бельгія, Баварія, Вюртембергъ, Швеція, Испанія, Россія).

III.

Таблица статистическихъ данныхъ числа учениковъ въ начальныхъ школахъ различныхъ государствъ, приводимая ниже, какъ предостерегаетъ Левассеръ, не можетъ служить вполнѣ для сравненія этого числа въ различныхъ государствахъ, такъ какъ статистика ведется не одинаково правильно, употребляются различные пріемы, данныя и ихъ точность зависятъ отъ личныхъ качествъ инспекторовъ и учителей, въ рукахъ которыхъ находится статистика, а также отъ общаго уровня просвѣщенія и того значенія, какое придается ему въ странѣ.

Для большей ясности сравнительнаго распространенія образованія приводимъ данныя Левассера о числѣ учениковъ, приходящихся въ среднемъ на каждую школу, на каждаго учителя, % отношеніе числа учениковъ къ общему числу жителей, а также результаты распространенія начальнаго образованія, сказавшіеся на числѣ грамотныхъ среди призывающихся къ отбыванію воинской повинности.

ГОСУДАРСТВА.	Годъ.	Общее число школъ, частныхъ и общественныхъ.	Годъ.	Общее число учителей въ общественныхъ и частныхъ школахъ.	Годъ.	Общее число учениковъ въ общественныхъ и частныхъ школахъ.	Годъ.	Число учен. общ. шк. на каждую шк.	Число учениковъ обществ. школъ на каждаго учителя.	Число учен. общ. школъ на 100 жит.	Число учен. общ. и часть. шк. на 100 ж.
Англія и Валлисъ...	1894	19.709*	1894	50.689*	1894	5.235.887*	1894	266	103	18,1	—
Шотландія	1894	3.054*	1894	8.706*	1894	686.335*	1894	225	79	17,0	—
Ирландія	1894	8.505*	1894	17.579*	1894	525.547*	1884	62	30	11,2	—
Голландія.....	1893	4.373	1894	17.579	1894	683.529	1894	154	39	9,8	14,3
Бельгія.....	1894	5.209*	1894	13.569*	1894	695.211*	1894	112	51	11,0	—
Франція	1893	83.071	1894	149.271	1894	5.548.180	1894	63	41	11,1	14,5
Пруссія.....	1891	35.225	1886	77.088	1886	5.082.252	1886	147	71	17,7	17,9
Саксонія.....	1889	2.318	1894	11.859	1894	622.924	1894	274	55	17,6	17,8
Баварія	1890	7.198	1890	23.376	1890	834.829	1894	—	—	—	14,9
Вюртембергъ	1893	4.729	1894	4.705	1894	307.397	1893	—	—	15,0	15,1
Баденъ	1890	1.610	1890	3.745	1890	976.481	1890	174	75	16,6	16,7
Гессенъ.....	1894	1.080	1894	2.854	1894	163.594	1894	157	62	16,1	16,5
Швейцарія	1892	8.390	1893	9.478	1893	469.820*	1893	—	—	15,0	15,1
Австрія	1892	19.077	1892	44.243	1892	3.276.358	1892	175	—	13,2	13,7
Венгрія.....	1893	17.019	1892	25.752	1893	2.171.345	1889	—	—	—	12.4
Португалія	1885	5.339	1889	4.069	1889	237.700	1889	48	—	3.6	4,7
Испанія	1885	30.105	1880	33.534	1885	1.843.183	1885	63	(1880) 61	8.8	10,5
Италія	1894	58.906	1894	58.906	1894	2.525.730	1894	46	46	7,5	8,2
Сербія.....	1891	803*	1892	1.478*	1892	75.278*	1891	94	51	3,5	—
Румынія	1892	3.994	1893	5.735	1892	238.681	1892	62	48	4,4	4,7
Болгарія.....	1890	3.844*	—	—	1890	171.983*	1890	45	—	5,2	—
Россія.....	1891	47.970*	1880	34.486*	1891	2.357.552*	1891	49	—	2,6	—
Финляндія	1893	2.985	1893	3.040*	1893	269.706*	1893	92	89	11,0	—
Швеція.....	1893	10.889*	1893	13.448*	1893	681.645	1893	61	49	13,7	14,1
Норвегія.....	1892	6.139*	1892	6.090*	1892	303.074*	1892	49	50	15.2	—
Данія	1880	1.732*	1880	5.891	1880	292.621	1880	150	67	13,2	14,9
Алжиръ	1892	1.022	1892	2.089	1892	85.068	1892	82	—	—	—
Тунисъ	1894	109	1892	250*	1892	12.157	1887	124	36	0,6	0,9
Сенегалъ	1892	44	1893	60	1893	2.404	1885	262	41	0,2	0,2
Капская Земля	1894	2.039	1891	2.789	1892	111.436	1894	—	—	—	6,7
Союзъ	1878	159	1893	359	1893	13.034	1893	105	41	7.1	—
Французская Индія ..	1892	316	1893	533	1893	13.204	1893	135	29	2,2	4,1
Кохинхина	1889	547	—	—	1889	20.529	1889	50	—	0,6	1,1
Японія	1890	26.017	1891	69.608	1890	3.096.400	1890	120	46	7,6	7,7
Нов. Южный Валлисъ	1894	3.371	1894	7.419	1894	285.408	1892	96	52	19,1	22,8
Викторія.....	1891	3.007	1891	6.899	1891	231.240	1891	113	52	21,3	24,7
Западная Австралія..	1894	137*	1894	245	1894	7.418*	1894	54	—	9,0	—
Тасманія.....	1894	401	1894	388*	1894	26.016	1892	82	(1891) 51	13,2	16,8
Новая Зеландія	1892	1.574	1892	3.858	1892	136.828	1892	94	39	17,9	19,9
Новая Каледонія....	1892	33	1893	83	1893	1.800	1893	53	24	1,4	2,9
Квебекъ	1893	5.456	1893	8.607*	1893	267.202	1893	45	35	15,8	17,9
Онтаріо.....	1891	5.826*	1891	8.319*	1891	491.741*	1891	85	59	23,3	—
Нов. Брауншвейгъ...	1892	1.585*	1894	1.669*	1892	68.909*	1892	43	44	22,8	—
Нов. Шотландія.....	1894	2.292*	1894	2.351*	1892	102.586*	1894	45	41	21,4	—
Манитоба	1894	884*	1892	1.047*	1894	32.680*	1892	35	25	15,2	—
Британская Колумбія	1892	149*	1892	288	1892	10.773*	1892	72	47	11,0	—
Соединенные Штаты.	1894	236.529*	1894	388.534*	1894	13.935.977*	1894	59	36	20,4	—
Гватемала.....	1892	1.284*	—	—	1892	43.789*	1892	34	—	3,2	—
Сальвадоръ.....	1891	657*	1892	793*	1892	29.427*	1892	50	37	3,7	—
Св. Петръ и Микелонъ	1893	8	1893	34	1893	873	1893	112	29	13.1	14,5
Гваделупа.....	1893	114	1893	306	1893	10.768	1893	99	40	5,8	6.4
Мартиника	1893	97	1893	298	1893	10.631	1893	124	41	5.0	5.6
Французск. Гвіана...	1893	23	1893	75	1893	1.975	1893	59	27	3,6	6,6
Уругвай	1892	904	1892	1.827	1892	66.989	1892	94	52	5,8	8.4
Аргентинская республ.	1895	3.249	1885	8.049	1895	217.174	1893	67	(1888) 37	3,7	5,2

*) * обозначены числа, въ которыхъ не вошли данныя о частныхъ школахъ, а только общественныхъ или признанныхъ общественными.

Приведемъ еще сравнительную таблицу степени распространенія начальнаго образованія населенія различныхъ странъ.

ГОСУДАРСТВА.	Годъ.	Число призывающ. къ отб. воинской пов., не ум. читать, на 100 приз.	Годъ.	Число брачущихся, не ум. подписать свое имя, на 100 брач.
Англія и Валлиссъ	— *)	—	1883	14,1
Шотландія	— *)	—	1883	9,2
Ирландія	— *)	—	1884	26,4
Голландія	1893	5,5	1887	11,2
Бельгія	1894	15,0	—	—
Франція	1890	7,4	1890	10,5
Германская имперія	1890	0,6	—	—
Пруссія	1890	0,8	1884	4,2
Саксонія	1890	0,01	—	—
Баварія	1895	0,04	—	—
Вюртембергъ	1892	0,04	—	—
Баденъ	1890	0,03	1884	0,03
Гессенъ	1894	0,06	—	—
Швейцарія	1894	0,6	—	—
Австрія	1888	30,8	—	—
Венгрія	1890	36,0	—	—
Италія	1893	40,0	1894	47,3
Сербія	1881	79,3	—	—
Румынія	1892	89,1	1892	79,2
Россія	1887	68,70	—	—
Финляндія	1893	4,9	—	—
Швеція	1890	0,2	—	—
Данія	1881	0,4	—	—
Японія	1893	15,6	—	—

Къ сожалѣнію, статистическія данныя относятся къ различнымъ годамъ и не полны. Левассеръ однако дѣлаетъ слѣдующіе выводы: наиболѣе распространено народное образованіе въ скандинавскихъ государствахъ, въ Германіи и въ Швейцаріи; близко около нихъ надо поставить европейскія колоніи въ Африкѣ (Капскую землю) и въ Австраліи; затѣмъ Соединенные Штаты (переселенцы здѣсь нѣсколько понижаютъ общій уровень образованія населенія), среднее мѣсто займутъ европейскія государства: Франція, Англія, Бельгія, Голландія; нѣсколько ниже: Австрія, Венгрія, Италія и Испанія, а послѣднее мѣсто славянскія государства восточной Европы—Россія, Сербія и американскія республики со смѣшаннымъ населеніемъ (американская раса съ португ. и испанск.).

Скажемъ еще нѣсколько словъ о бюджетахъ на начальное образованіе. Расходы по народному образованію лежатъ на государствѣ, провинціяхъ и общинахъ, участіе которыхъ различно въ различныхъ странахъ. Только при значительныхъ затратахъ и богатыхъ бюджетахъ народнаго образованія можетъ быть хорошо поставлено начальное обученіе и распространено просвѣщеніе въ массахъ. Принимая во вниманіе населеніе страны, первое мѣсто по затратамъ на начальное обученіе занимаетъ Манитоба (въ Канадѣ), австралійскія колоніи, Соединен. Штаты, Канада; въ Европѣ—Англія и нѣкоторыя германскія государства; Италія, Венгрія, Румынія, Норвегія, Испанія, Португалія и Россія.

*) Нѣтъ общей воинской повинности.

По затратамъ на каждаго ученика первое мѣсто занимаетъ Манитоба, австралійскія колоніи и Соедин. Штаты, въ Европѣ первое мѣсто занимаетъ Гессенъ и Голландія, послѣднее—Россія.

Расходы на начальное образованіе.

ГОСУДАРСТВА.	Годъ.	Расходы на начальное образованіе (въ мил. фран.)	Расходы на каждаго жит. (въ франк.).	Расходы на каждаго ученика въ обществен. школ. (въ франк.).
Англія и Валлисъ	1889	183,0	6,30	42
Ирландія	1889	23,0	4,89	45
Голландія	1888	24,0	5,32	53
Бельгія	1888	27,3	4,50	44
Франція	1885	173,0	4,43	39
Пруссія	1888	196,0	6,54	39
Саксонія	1888	23,0	6,57	40
Бавaрія	1889	20,0	3,58	—
Баденъ	1887	7,0	4,37	25
Гессенъ	1884	10,0	10,46	60
Швейцарія	1887	19,0	6,48	40
Венгрія	1889	37,0	2,12	18
Португалія	1883	3,2	0,68	19
Испанія	1887	29,2	1,66	19
Италія	1895	63,0	2,02	27
Румынія	1892	10,7	2,12	48
Россія	1880	15,0	0,19	10
Швеція	1889	17,0	3,55	26
Норвегія	1889	4,8	2,43	16
Данія	1892	8,8	4,05	—
Алжиръ	1893	5,7	1,97	77
Капская земля	1894	8,0	4,82	—
Японія	1892	58,0	1,45	19
Новый Южный Валлисъ	1894	21,0	15,19	79
Викторія	1892	21,0	17,81	84
Западная Австралія	1891	0,3	3,66	41
Тасманія	1891	0,8	5,10	40
Новая Зеландія	1892	10,5	15,31	85
Квебекъ	1893	12,5	8,40	53
Онтаріо	1891	20,0	9,46	41
Новая Шотландія	1892	3,8	8,44	37
Новый Брауншвейгъ	1892	2,0	6,23	29
Манитоба	1892	9,7	24,18	159
Британская Колумбія	1892	0,8	8,16	14
Соединенные Штаты	1892	884,0	12.95	63
Гватемала	1892	2.7	1,98	62
Сальвадоръ	1892	1.7	2,12	58
Уругвай	1892	3,3	4.16	72
Аргентинская респ.	1888	26,7	7,04	130

Богатое содержаніе книги Левассера далеко не исчерпано нами, много интересныхъ свѣдѣній можно найти въ ней о постановкѣ начальнаго образованія въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ всѣхъ частей свѣта, и можно думать, поэтому, что книга заслуживаетъ широкаго распространенія среди читающей публики.

Л. К—а

ЛѢТОМЪ.

Цвѣты, цвѣты... куда ни кинешь взоры,
Они вездѣ кивают головой.
Ловя ихъ пестрые, капризные узоры,
Иду одинъ тропинкой луговой.

—

А съ высоты, какъ вѣсть освобожденья,
Какъ вѣчный свѣтъ и радость безъ конца,
Звенитъ немолчное, ликующее пѣнье
Далекаго, незримаго пѣвца.

Allegro.

ЗАХОЛУСТНЫЕ ОЧЕРКИ *).

III.

Учитель.

— Ну, такъ какъ же, Михайло? Кто же за тебя распишется?

— Да, можетъ, такъ сойдетъ? За другими-то не придемъ.

— Нельзя! Вѣдь, ты знаешь,—контора. Не впервой, небойсь. Получилъ деньги и распишись.

— Эка твердо у васъ устроено-то какъ, форменно. На-ко, вотъ, распишись!.. А безъ росписки, стало быть, и получить нельзя?.. Сёмку нѣшто позвать?

— Какого Сёмку?

— Мальченку мово...

— А можетъ онъ расписаться-то?

— О-о! Могучій писарь! Такъ набастрычился писать — куда зря. Такъ я по его ухваткѣ мекаю, какъ онъ за писанье, за это, взялся — не миновать ему острога.

— Это почему же?

— Умный будетъ, а туда, въ острогъ-то, дураковъ, вѣдь, никакъ не сажаютъ, а что ни на-есть умныхъ.

Я отлично понималъ, что Михайло очень гордится грамотѣйствомъ своего сына, но такъ какъ тутъ же въ «конторѣ» были его мужики односельцы, то онъ и затушевывалъ передъ ними и передо мной свое «бахвальство».

— Ну, это ты, Михайло, пустоту говоришь,—сказалъ я.

— Всяко бываетъ. Отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся!.. Такъ какъ же? Можно Сёмкѣ-то расписаться?

— Да, онъ гдѣ у тебя?

— Да тутъ же на дворѣ у лошадей. Мы съ нимъ въ двѣ сохи пахали у тебя.

— Ну, тащи его сюда!

Михайло вышелъ и скоро возвратился въ сопровожденіи Сёмки. Сёмка былъ небольшой, но довольно широкій мальчуганъ лѣтъ 14—15,

*) См. «Міръ Бож.», № 1. январь, 1898 г.

съ совершенно бѣлыми «аллянымі» волосами. Войдя, онъ, какъ быть слѣдуетъ, помолился на образъ, «поздоровкался» и сталъ вопросительно поглядывать то на отца, то на меня.

— Ну, Сёмка, иди, расписывайся въ книжкѣ-то, — сказалъ ему Михайло.

— Да, ну-ка, я, батька, нехорошо?—спросилъ Сёмка, нерѣшительно подвигаясь къ столу.

— Ничего, Сёмка,—сказалъ я,—какъ умѣешь, тутъ, вѣдь, почеркъ твой не нуженъ, абы расписался.

— Пиши, пиши! Земскій будешь!—трунилъ Михайло.

Сёмка взялъ перо и на указанномъ мною мѣстѣ чисто и разборчиво написалъ: «девять рублей сорокъ копѣекъ получилъ Михаилъ Бѣлоусовъ, а за него расписался сынъ его Семенъ Бѣлоусовъ».

— Ну, какъ, Петровичъ? Здóрово Сёмка написалъ-то? — спросилъ Михайло, все время внимательно и даже съ нѣкоторымъ напряженіемъ приглядывавшійся къ писанью Сёмки.

— Вполнѣ хорошо. Лучше бы, да—некуда.

— Ишь-ты? Стало быть, за этакую роспись года на три въ острогъ посадить можно?

— Все ты зря болтаешь, Михайло. Ты лучше скажи: давно онъ у тебя учится-то?—спросилъ я.

— Да какъ бы тебѣ не соврать?.. Да три зимы, должно, бѣгалъ... Да путёмъ-то одну только.

— А двѣ то, что же—непутёмъ?

— Непутёмъ! Двѣ зимы такъ, зря лаптишки колотилъ: въ караулку учиться бѣгалъ къ дьякону. Ни болячки тамъ не занялся: первое дѣло молитвовъ, и тѣхъ не занялся. Да она и учёба тамъ, прямо сказать, пустая. Когда имъ учить-то?—батюшкѣ, тамъ, али Данилычу, — это дьякону-то. Ну, а, вотъ, къ Ивану Ефимову одну зиму походилъ и читать и писать занялся и молитвы...

— Это къ какому Ивану Ефимову?

— Къ учителю. Въ волостной учитъ. Земское, что ли, оно училище-то? Двѣ зимы ужъ, вотъ, учитъ.

— И много у него ребятъ собралось?

— Да всѣ тамъ. Лѣтось набралъ ребятъ шестьдесятъ, а больше не сталъ набирать—некуда, мѣста нѣту. Да кое-гдѣ тоже чудакъ и Ефимычъ, Богъ съ нимъ.

— А что?

— Да дѣвченокъ, которыхъ беретъ въ учёбу, а мальчишекъ отсылаетъ. Ну, ежели тамъ какая калѣка: хромая какая или косорукая тамъ, какой замужъ не идти, ну эта бы такъ: въ монашки, глядишь, пойдетъ, ну, ей годится грамота, а то всѣмъ правая дѣвчёнка, а онъ ее въ учёбу беретъ, на кой ей прахъ грамота, а мальченкамъ коимъ отказываетъ... Сёмка мой—надоѣлъ зимой, пропащій: натащитъ домой

книжекъ этихъ, до коихъ поръ читаетъ; народу полна изба найдетъ, лѣтось ягночка такъ и замяли—живо-жалко.

— А самъ на что велишь?—отозвался Сёмка.—«Ты бы, Сёмка, почиталъ чего». Вѣдь, самъ же ты...

— Да, вѣдь, скучно такъ сидѣть-то, голова!

— Откуда же ты, Сёмка, книжки берешь?—спросилъ я.

— Въ училищѣ. Каждое воскресенье Иванъ Ефимычъ выдаетъ намъ. Ихъ много тамъ, книжекъ-то.

— Какія же тамъ книжки есть?

— А всякія: и божественныя, и сказочныя, и басенныя, и про войну и всякія.

— И не говори!..—вмѣшался Михайло.—Какъ сталъ къ Ефимычу бѣгать, такъ вклюнулся въ эти книжки, не отдерешь! Изъохотился, стало быть. Мягко только маленько Ефимычъ держитъ ихъ. Дьяконъ тотъ лучше ихъ строжилъ за височья. Ну, давай ѣхать Сёмка.

— Опять, ты, Михайло понесъ...

— Ну, прощай! Тебѣ, вѣдь, только дѣловъ—балакать-то, а у насъ съ Сёмкой еще свое просо не сѣяно. Покосъ подойдетъ—нашимъ знаменскимъ косить сказывай?

— Ладно!

Весна шла своимъ чередомъ. Своимъ чередомъ шли и полевыя работы. Только-что кончился сѣвъ позднихъ хлѣбовъ, какъ началась и полка; недѣли три-четыре она шла довольно напряженно, но къ концу мая и она стала заканчиваться: большинство хлѣбовъ было выполото, а что осталось невыполоннымъ «уросло», «ушло» отъ полки, такъ что не стоило мять, «топтать» хлѣбъ.

Начался разсчетъ бабъ за полку. Въ одинъ изъ праздниковъ пришли «за разсчетомъ» и знаменскія бабы. Пестрой, веселой, нарядной толпой шли онѣ по хутору. Всѣ онѣ были «наряжены» по праздничному. Бѣлый и красный цвѣта преобладали. Бабъ было человѣкъ тридцать.

— Здорóво, бабы! Вы что?

— Здравствуй! Къ тебѣ за деньгами. Будетъ нынче разсчетъ-то?

— Можно! Лѣзьте въ контору.

Списки полольщицъ были подъитожены и я живо переписалъ количество рабочихъ дней каждой бабы и выставилъ противъ каждой сумму, приходившуюся ей. Всѣмъ бывшимъ на лицо знаменскимъ бабамъ приходилось рублей 70 съ чѣмъ-то. Отсчитавъ, приходившіяся деньги, я положилъ ихъ на столъ вмѣстѣ со спискомъ.

— Ну, огребайте, бабы!

Изъ стоявшихъ впереди бабъ никто не бралъ деньги.

— Что же вы, бабы? Не нужны развѣ деньги вамъ? Берите кто-нибудь.

— Ты прочитай намъ сперва, кому сколько приходится!

Я прочиталъ.

— Ну, берите же деньги!

Бабья толпа завозилась. Послышались голоса: «ты что же, Аленка? Ты куда же хоронишься? Лѣзь-ка впередъ! Бери-бери, дурочка! Чего ты боишься?»—и толпа своимъ движеніемъ выдвинула впередъ небольшую хорошенькую дѣвочку, «сгорѣвшую» такъ, что лицо ея казалось немного свѣтлѣе ея кумачной юбки.

— Э-э! Мелковата ваша кассирша-то!—сказалъ я.—Что же у васъ постарше-то никто не возьметъ?

— И, батюшка, малъ золотникъ да дорогъ,—заговорила одна пожилая баба,—а велика Ѳедора, да дура! Она у насъ грамотница, ученица, грамотѣ занялась, Господь ей послалъ: вотъ она и прочитаетъ и разберетъ, кому и сколько приходится, а то, вѣдь, мы, пожалуй, изъ-за трюшника да другъ другу глаза выцарапаемъ. Бери-бери, Аленушка, деньги-то, чего-ты? Ишь не смѣетъ!..

— Деньги-то ты бы лучше, тетушка Дарья, взяла,—сказала дѣвочка.

— Бери-бери, глупенькая, заверни ихъ въ платочекъ и грамотку-то съ ними же положь, тамъ дома и разберемся. Не впервой, небойсь. Она ужъ, вотъ, сколько время все насъ разсчитываетъ.

— Ну, что? Схоронила, Аленушка, деньги-то? Ну, пойдемте ко дворамъ, бабы! Прощай, батюшка! Спасибо тебѣ за разсчетъ!

— И вамъ спасибо, бабы, что поработали. Въ другой разъ къ намъ приходите!

— Придемъ! Какая будетъ работа, сказывай!

На Троицу я поѣхалъ въ Знаменское. Нужно было въ волостномъ правленіи засвидѣтельствовать кое-какія условія. Старшина былъ въ правленіи и я скоро отдѣлался. На обратномъ пути я заѣхалъ къ знаменскому священнику, отцу Іоанну. Отецъ Іоаннъ послѣ полуденнаго отдыха сидѣлъ у раскрытаго окна и смотрѣлъ на улицу.

— Какимъ благопріятнымъ вѣтромъ занесло къ намъ столь рѣдкаго гостя?—спрашивалъ онъ меня.

— Въ волостной былъ, батюшка, да и заѣхалъ провѣдать васъ.

— Спасибо, другъ, спасибо!

— Ну, какъ, отецъ Іоаннъ, поживаете?

— Охъ, друже, плохо.

— Что же такъ?

— Да разныя, другъ, причины. Сказано въ писаніи: «день приходитъ и день проходитъ и все сіе суета и томленіе духа». Все мятемся, все суетимся и все вотще: и все неудачи и раздраженіе, а отсюда озлобленіе сердца человѣческаго. Съ самаго моего поступленія сюда въ Знаменское все мятусь. Съ самаго начала. Предмѣстникъ мой, отецъ Іона, человѣкъ слабый былъ, сильно къ вину приверженный; паству

свою распустилъ, съ кого подобало бы взять рубль—онъ гривенникъ бралъ, а то и такъ: что дадутъ; ну, это я, съ Божьей помощью, подтянулъ маленько; тутъ года неурожайные подошли: вѣришь ли, прошлый годъ я муку покупалъ и хлѣбы себѣ пёкъ, чего отродясь не запомню. О доходѣ и говорить нечего: все въ книжку да въ книжку пишешь, а когда его къ платежу-то прижмешь? Развѣ у котораго свадьба, ну, ужъ, тому податься некуда—расплачивается. А тутъ пошли нововведенія разнообразныя: учреждай церковно-приходское попечительство, созидай общество трезвости, внѣбогослужебныя собесѣдованія; а преосвященный нашъ строгій: чтобы «повелѣ и быша».

— Ну, и что же? Есть у васъ все это?

— Да какъ тебѣ сказать?.. Есть. Попечительство устроилъ я нѣкое, собесѣдованія веду, вотъ съ трезвостью совсѣмъ плохо. Не пишутся, да и конецъ. И непьющихъ есть много, а не записываются. Записалъ все-таки стариковъ пятокъ.

— Отчего же непьющіе-то не пишутся?

— И самъ не пойму. Не притянешь никакъ, да и все тутъ. А тутъ навалили на насъ церковно-приходскія школы—учи! А когда намъ учить? То служба, то треба, то тебя депутатомъ или слѣдователемъ назначатъ, а тамъ свои дѣла, хозяйство свое. Да и, сказать по совѣсти, какіе мы учители? У меня дьяконъ, вонъ, Данилычъ, больше обучаетъ, а онъ и самъ-то, ежели что новое въ службѣ прочесть приключится—спотыкается. Приходимъ мы, какъ-то, съ молебномъ къ кабатчику нашему, а у него малѣцъ въ школѣ у насъ учился, ну, и спрашиваетъ отецъ профессора-то моего Данилыча: «ну, какъ малый-то мой, занялся чему ни на есть?» Данилычъ мой сейчасъ мальченкѣ экзаменъ производитъ: «Какъ твое имя?» спрашиваетъ.—«Кузьма.»—«А фамилія?» «Орловъ».—«Ну, пиши—Орловъ»!—Малый мнется.—«Ну, что же ты? Пиши! Ну, пиши азъ»...—Мальченка, кое-какъ съ данилычевыхъ словъ пишетъ «Арловъ» черезъ азъ! Вотъ, вѣдь, мы какіе профессора-то. Хорошо, что посторонняго человѣка грамотнаго тутъ не было, да отецъ мальченкинъ ничего не знаетъ, а то, вѣдь, срамъ! А вонъ и самъ профессоръ идетъ!

— Данилычъ?

— Ну, нѣтъ, Иванъ Ефимычъ, учитель. Къ нему больше посылаютъ. Ну, я не претендую на это. Все равно, вѣдь, я и въ земской школѣ законоучителемъ состою. А! Почтенному педагогу! Вы не знакомы?

— Нѣтъ! Такъ, стороной мнѣ много приходилось слышать объ Иванѣ Ефимычѣ, а встрѣчаться не приходилось.

— И я о васъ слышалъ...

— Ну, что? Толковалъ съ мужиками? Какъ они? Чѣмъ тебя порадовали?

— Не даютъ. Уперлись: нѣту у насъ лишней земли, да и шабашъ. Да я и раньше зналъ, что не дадутъ.

— Да! Толкъ у нихъ между собой давно объ этомъ былъ. Не хотѣли давать, это и я слышалъ... Ну, вы посидите, потолкуйте тутъ, а я на пчельникъ схожу: ройка два посадить надо, да, кстати, и медку принесу—чаемъ съ медомъ васъ напою.

— Что это вы на сходкѣ были?—спросилъ я Ивана Ефимыча.

— Да! Просилъ у мужиковъ десятину земли около училища отвести подъ садъ, подъ огородъ, да подъ пасѣку. Ѣздилъ я прошлое лѣто въ Орелъ на курсы садоводства и огородничества; ну, вотъ, и хотѣлъ было для своихъ ребятъ, для учениковъ хоть огородишко устроить, да не выходитъ дѣло: не даютъ мужики земли.

— Не понимаютъ пользы, стало быть?

— Нѣтъ! Совсѣмъ это другое дѣло. Попроси я у нихъ лично, напримѣръ, для себя десятину земли въ полѣ, они и слова бы не сказали, а у школы не даютъ и, по своему, они совершенно правы.

— Какъ же это?

— Очень ужъ они на помочахъ завожены. Я, вѣдь, давно съ ними объ этомъ толковню то поднялъ. Спросишь ихъ, такъ-то, гдѣ двухъ, гдѣ трехъ; ну, сначала извѣстныя слова: да мы что? Да какъ старики, а намъ, молъ, что же, почему не дать; земли тутъ самая малость съ души сойдетъ, да и не душевая она, молъ, земля то, такъ подъ выгономъ болтается, а тамъ, молъ, какъ «обчество» разсудитъ. Какъ будто и похоже, что дадутъ. А какъ прижмешь ихъ поплотнѣе, да попроще, попрямѣй, посмѣлѣй какой мужикъ попадется, ну, и совсѣмъ другое выходитъ...

— Что же?..

— Не подхожее это намъ дѣло, говорятъ. Не выйдетъ наше дѣло дать тебѣ земли, Ефимычъ! — Отчего же, молъ, старики? Земли развѣ нѣту? — Сказать тебѣ по совѣсти, Ефимычъ, не въ землѣ тутъ дѣло! Сколько тутъ земли? Всего — ничего! А вотъ въ чемъ дѣло: земли тебѣ дать — приговоръ надо написать? — Ну, конечно. — Вотъ то-то и дѣло! Отведемъ тебѣ землю, а ты ее огородить заставишь! — Не заставлю я васъ городить! — Да, вѣдь, нынче — ты, а завтра — другой! Пріѣдетъ какой начальникъ: «почему у васъ не огорожено, да не окопано», да мало ли чего еще на «обчество» навалить можно; а ужъ намъ и такъ отдуваться надоѣло! Дай тебѣ землю, а она на мірскую шею и сядетъ. Мы, блаже, тебѣ въ полѣ подъ посѣвъ двѣ десятины дадимъ: сѣй себѣ на доброе здоровье, а здѣсь дѣло не выдетъ.... Вотъ оно какое дѣло-то! Кабы они, мужики то, чуяли себя полными хозяевами, они бы и слова не сказали: нынче, молъ, дадимъ, а если будетъ намъ неудобно, опять возьмемъ, уничтожимъ. А то, чуетъ онъ, мужикъ, что спутанъ, вотъ и опасается всякаго лишняго обязательства. Такъ и лопнула моя затѣя....

— Жаль!

— И жаль, и обидно! Ну, да дѣлать нечего. Есть у меня еще одна затѣя; какъ-то эта еще выплыветъ?...

— Не секретъ, какая?

— Нѣтъ!—усмѣхнулся Иванъ Ефимычъ.—Обосновалось въ нашемъ губернскомъ городѣ общество по устройству народныхъ чтеній. Молодое еще оно совсѣмъ. Средства небольшія — стало быть, на нихъ и разсчитывать особо нечего. Попробовалъ я расшевелить нашихъ толстосумовъ: владѣльцевъ кое-какихъ сосѣднихъ, арендаторовъ, приказчиковъ и, къ удивленію своему, набралъ пятьдесятъ пять цѣлковыхъ, а на фонарь около пятидесяти нужно. Отослалъ эти деньги въ общество. Пишутъ: къ осени вышлемъ фонарь... Да не вѣрится что-то. Опять какая-нибудь загвоздка помѣшаетъ. А любопытно бы глянуть, какъ къ этимъ чтеніямъ мужики отнесутся. Да и Харламычу, кабатчику нашему, ногу подставить недурно.

— А вы думаете подставить ему ногу чтеніями?

— Непремѣнно! Это внѣ всякаго сомнѣнія. Убавится у него посѣтителей! Неужели вы думаете, что мужика въ кабакъ только желаніе напиться тянетъ? Нѣтъ, нѣтъ! Онъ большею частью и въ кабакъ идетъ, и напивается, и «дуритъ» отъ нечего дѣлать, отъ скуки. Что дѣлать въ праздникъ? Вотъ и идетъ мужикъ въ кабакъ изъ желанія быть въ обществѣ, надоѣдаетъ, вѣдь, однотонная, однообразная жизнь По той же самой причинѣ мужикъ въ кабакъ идетъ, по какой и городской интеллигентъ ѣдетъ въ свои городскіе и загородные кабачки. Разница въ томъ только, что къ услугамъ интеллигента и кабачекъ, и книга, и театръ, и многое другое, а у мужика одинъ кабакъ.

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Ефимычъ, у васъ при школѣ библіотека есть, кажется?

— Есть! Да какая она библіотека? Иронія злая на библіотеку. Есть тамъ двѣсти съ чѣмъ-то книженокъ. Листовки больше. Да и выборомъ похвастаться нельзя. Такъ, кое-что напихано.

— Кто же у васъ больше пользуется книгами?

— Да, большею частью ученики. Берутъ и взрослые, но меньше гораздо, да и то наровятъ черезъ учениковъ доставать, рѣдко самъ какой зайдетъ за книгой.

— Что же, грамотныхъ мало взрослыхъ?

— Нѣтъ не отъ этого! Не особо, конечно, много грамотныхъ, но есть. Мало еще привычки къ книжкѣ. Настоящему взрослому мужику «совѣстно», понимаете ли, нарочно за книжкой придти. Онъ если и придетъ за книгой, такъ ни за что виду не покажетъ, что нарочно за ней пришелъ. Нѣтъ, онъ найдетъ предлогъ: посовѣтоваться насчетъ какого-нибудь бумажнаго дѣла, предложить вамъ купить что-нибудь, а ужъ въ концѣ разговора невзначай броситъ вамъ: «нѣшто почитаться у тебя, не разживусь ли чего? Отъ скуки ради». И если у него книжка даже намѣчена, какую попросить, такъ онъ и это «неглиже съ отвагой» сдѣлаетъ: «болтаютъ ребята, вотъ этакая-то книжка занятна. Врутъ поди!»—Вотъ, молъ, самъ прочитаешь,— увидишь!—«Ну, давай, давай!»

— Ну, а ученики какъ?

— Ребята-то? О—о! Такіе читаки есть — аяй! По другому разу есть жарятъ! Все перечитали и съизнова бузуютъ. Иной за недѣлю листовокъ этихъ десятокъ провалитъ!..

Весело выбѣжало изъ-за горизонта веселое іюньское солнышко. Весело брызнуло оно во всѣ стороны своими лучами, весело заиграло въ капелькахъ росы, скопившихся на острыхъ концахъ травы, весело озарило и граціозно трепетавшаго надъ степью ястребка, и неуклюжую тяжелую паплю, медленно тянувшую на ближайшее болото.

Весело освѣтило оно и прибрежные тальники игривой степной рѣчужки; тронуло молочнорозовымъ цвѣтомъ нависшія надъ этими тальниками тяжелыя ночныя испаренія, весело сверкнуло въ кокетливой рѣчужкѣ, перебросило свои лучи на другую сторону, весело озарило громадную, безбрежную степь съ сидящими по курганамъ сурками, озарило тяжелые, дымящіеся отъ росы, только что скошенные ряды травы, весело сверкнули лучи его по блестящей стали отмывшихся въ росѣ косъ и побѣжали далѣе...

Я ѣхалъ по степи. Весело, пофыркивая и поматывая головой, спорой «ходой» шелъ мой верховый меринокъ, «Мальчикъ» по прозвищу. Воздухъ былъ чистъ, легокъ и пріятенъ. Дышалось такъ аппетитно, что грудная клѣтка, казалось, была маловата для легкихъ.

По степи тамъ и сямъ, какъ стаи тянущихъ гуськомъ перелетныхъ птицъ бѣлѣли артели косарей. Я поѣхалъ къ ближайшей. Еще издали я насчиталъ въ ней восемнадцать косцовъ. Увидѣвъ меня, косцы захотѣли похвастаться своимъ удальствомъ и начали косить «въ одинъ махъ». Одновременно высоко взмахивались, сверкали на солнцѣ восемнадцать косъ, одновременно опускались онѣ въ траву, одновременно взвизгивали тонкимъ «пчелинымъ» визгомъ, одновременно летѣла скошеная трава на восемнадцать рядовъ, одновременно корпуса косцовъ повертывались направо, ноги дѣлали по небольшому скользящему шагу и снова сверкали на солнцѣ восемнадцать косъ. Выходило красиво. Движенія косцовъ казались автоматическими, почти рефлективными, между тѣмъ всѣ эти движенія были строго согласованы. Подъѣхавъ ближе, я различилъ, что мужики были знаменскіе. Передомъ шелъ, «гоня» широчайшій прокосъ, Михайло Бѣлоусовъ.

— Ну-ка, дай-ка я попробую твою снасть-то?—обратился я къ Михайлѣ.

— Не коса, а прямо, вода! Ты только не гнись очень, она высокорѣзово посажена.

— Ну, ужъ это, братъ, какъ привыкъ...

— Ну-ка, ребята, подрѣжь ему пятки-то!—смѣялся Михайло.

Весело раннимъ, прохладнымъ, влажнымъ утромъ косить хорошую траву. Весело наступать на этого зеленаго, пестрѣющаго кое-гдѣ

цвѣтами непріятеля, уклоняющагося отъ васъ при помощи легкаго вѣтра (косятъ всегда подъ вѣтеръ). Весело, широко размахиваясь, хорошею острою косою прорѣзать эту зеленую стѣну, чувствуя ея сопротивленіе и сбрасывать ее на рядъ. Сначала идешь не спѣша, равномѣрно подаваясь впередъ, съ каждымъ взмахомъ косы; но вотъ кровь начинаетъ разыгрываться: сильнѣе и глубже начинаешь вдыхать чистый, ароматный и влажный воздухъ степи и начинаешь ощущать желаніе дать этому зеленому врагу настоящую битву. Взмахи косы все учащаются, начинаешь сильнѣе наступать на непріятеля, жужжаніе и свистъ косы дѣлаются постепенно все тоньше, отрывистѣе, и какъ бы злѣе, быстрѣе и быстрѣе летитъ на рядъ скошенная трава, дыханіе все учащается; вы начинаете ощущать усталость, но вотъ близко и конецъ рядовъ, еще нѣсколько усиленныхъ, опьяняющихъ взмаховъ, два-три короткихъ полумаха, подчищающихъ концы—и рядъ пройденъ; вы вскидываете косу на плечо и медленно идете къ точилу, поставленному среди рядовъ, а легкій вѣтерокъ дуетъ вамъ прямо въ разгоряченное лицо, охлаждая и успокоивая васъ.

Не даромъ у мужиковъ покосъ считается хотя одною изъ самыхъ трудныхъ работъ, но за то и одною изъ самыхъ веселыхъ, и ни на какую другую работу баба не «наряжается» такъ тщательно сама и не «наряжаетъ» такъ своего «мужика». Я подалъ косу Михайлѣ.

— Экъ обработалъ ты мнѣ косу-то!—сказалъ онъ.

— Чѣмъ?

— Да заворотилъ все жало! Съ землей дерешь! Нѣшто этакъ можно барину косить,—вѣдь, это себѣ только такъ-то впору. Это ты барину убытокъ сдѣлалъ здоровый: тутъ и по лѣто трава не выростетъ!

— Толкуй, толкуй!

— Право слово, убытки! Ты далече это?—спросилъ онъ, видя, что я сажусь на лошадь.

— Надо по покосчикамъ проѣхать...

— Подтянуть косьбу? Ну, проѣзжай, проѣзжай!.. А завтракать къ намъ пріѣзжай: еще, вотъ, по ряду пройдемъ, да надо и кулешъ заваривать, да косы побить... Съ нами косилъ, съ нами и завтракать пріѣзжай. Оно и по порядку такъ-то: гдѣ потопаешь, тамъ и полопаешь. Пріѣзжай!

Я поѣхалъ по другимъ артелямъ. Солнце поднялось уже довольно высоко и начало пригрѣвать сильнѣе. Степь начала обсыхать. Надъ самой землею длинными вибрирующими волнами колебались выжимаемыя солнцемъ испаренія. Въ степи стало тише. Всѣ обитатели степи, встрѣтивъ раннее утро и веселое солнце всевозможными криками, свистомъ, пѣніемъ и щебетаньемъ, теперь смолкли. Кипучая дѣятельность ранняго утра уступала мѣсто покою: первый аппетитъ, вѣроятно, былъ удовлетворенъ, а начинавшее пригрѣвать солнышко вызывало желаніе понѣжиться въ этомъ тепломъ, влажномъ еще и ароматномъ воздухѣ.

Скоро началъ смолкать и визгъ косъ. То тутъ, то сямъ косцы положивъ косы на плечи, брели къ «таборамъ». Объѣхавъ косцовъ, я возвращался опять къ знаменцамъ. Когда я подъѣзжалъ къ нимъ въ первый разъ, солнце по мужицкому счету времени было въ «дубъ», т. е. по примѣрной высотѣ большого лѣса, теперь оно было «на завтракахъ».

На выкошенномъ таборѣ стояло пять-шесть телѣгъ съ привязанными у нихъ лошадьми. Тутъ же у телѣгъ лежалъ и разный полевой скарбъ косцовъ: жбаны съ водою, плетеные лычные кошели съ харчёмъ, полости, скамейки для отбоя косъ. Нѣкоторые изъ косцовъ отбивали косы, нѣкоторые косили около табора: «учили» новыя косы, нѣсколько человѣкъ хлопотали у кашеварки.

— Ну, что? Объѣхалъ?—спрашивалъ меня Михайло.

— Объѣхалъ!

— Поди, лучше насъ никто не коситъ?

— Что и толковать! Гдѣ-же еще этакихъ мужиковъ найдешь, какъ вы-то? Вами только и бѣлый свѣтъ держится...

— Что-же? Ай не хороши?

— Былъ я у васъ въ Знаменскомъ недавно. Учитель на васъ обижается...

— Земли не дали?..

— Земли не дали. Отецъ Иванъ обижается...

— Онъ-то за что? Отецъ Иванъ-то?

— Пьяницы, говоритъ, горькіе—вотъ за что. Сталъ, говоритъ, въ общество трезвости записывать—никто не пишется.

— Такъ, такъ... А ему бы, это, записаться? Крестъ цѣловать?

— Отчего же не записаться?

— Да самъ-то онъ чего не пишется? Отецъ Иванъ-то?

— Ну, это, ты ему не судья!

— Это ты вѣрно говоришь, конечно, отца духовнаго судить грѣхъ. Ну, только и изъ нашего брата дураковъ тоже не много, чтобы записывались ему вино не пить. Ты чтоже думаешь, вся деревня у насъ пьяницы? Да половина на половину, почесть, не пьютъ. Да, вотъ, я его, вина этого, и нюхалъ мало, а не то, что пить; да и пойду я писаться?

— Да отчего же не записаться?

— Да что-же мнѣ душа-то, ай надоѣла? Я самъ себѣ не лиходѣй! У людей, къ примѣру, душа, а уменя балалайка стало-быть?

— Да причемъ тутъ душа?

— Причемъ!? Запишись, да и будешь черту баранъ—вотъ причемъ!

— Не пойму я тебя, Михайло!

— Да и понимать тутъ нечего! Ну, ладно! Ну, вотъ хоть я; запишусь я, скажемъ, поцѣлую я крестъ и евангеліе, чтобы не пить мнѣ вина. Ладно! Я вотъ и не пью его тридцать семь годовъ, можетъ и

помру, пить не буду—все бываетъ; а ну-ка, вѣдь, грѣхъ-то силенъ, я когда грѣхомъ выпью? Тогда что? Вѣдь я передъ Богомъ обѣщался не пить-то ее! Что-же изъ меня тогда будетъ? Прямо чорту баранъ!?

— А ты держись, не пей!

— Чудакъ ты, право! Держись... Знамо держись, да вѣдь эта вся держава до поры до время. Запоемъ какой пьетъ и тотъ держится, а придетъ такой часъ и прорвется. Такъ, это, пустоту онъ, отецъ Иванъ, затѣялъ. Конечно, ему тоже, можетъ, отъ начальства приказано. Кто его не пьетъ, тому и писаться нечего, а кто пьетъ, да запишется, да прорвется послѣ грѣхомъ—энтому еще хуже будетъ. Прямо пропасть человѣкъ долженъ. Пилъ и ладно! А тутъ выпить-то выпилъ, да и Бога еще обманулъ: крестъ съ евангеліемъ на стаканъ промѣнялъ! А ты говоришь—отчего не пишетесь!..

Быстро прошло лѣто. Въ половинѣ сентября начались утренники и съ недѣлю простояло упорное вёдро. На небѣ ни облачка, солнце среди дня припекаетъ по лѣтнему; легкій вѣтерокъ гонитъ на югъ цѣлыя массы бѣлой плотной паутины, убирающей причудливыми узорами и жнивà и пашню, и молодыя ярко зеленыя озими, и дугу проѣзжаго. Собравшіеся огромными стаями грачи производятъ маневры, пріучая къ дальнему перелету молодякъ. Высоко-высоко взбираются они всею стаею, дѣлаясь едва примѣтными для глаза наблюдателя, долго кружатъ въ высотѣ и сразу всею стаею, со свистомъ разсѣкая воздухъ, падаютъ внизъ и чернымъ пологомъ покрываютъ опустѣвшія гумна, токà, поля. Въ поляхъ пусто. Кое-гдѣ копошатся еще послѣдніе пахари, доканчивая осенніе взметы. Тихо стоитъ пожелтѣвшій лѣсъ. Стоитъ онъ какъ сильный, крѣпкій человѣкъ, тронутый сѣдиною. Чуетъ онъ, что силы еще много, что можетъ онъ встряхнуться и подставить подъ вражьи удары крѣпкую еще грудь, но меланхолически смутныя воспоминанія о прошедшей уже юности давятъ его, ему и пріятно и больно вспоминать о ней: нѣтъ теплаго яснаго солнышка, нѣтъ тихихъ, розовыхъ, влажныхъ зорь, прошли безвозвратно и темныя душныя ночи съ грозой, и только изрѣдка холодный рѣзкій осенній вѣтеръ налетитъ на него, встряхнетъ его пожелтѣвшія вершины сорветъ съ нихъ поблекшіе желтые листья и далеко разсыплетъ ихъ вокругъ. Тихо въ поляхъ. Вся жизнь ушла въ жилье: въ села, въ деревни, въ хутора. Ожили глухія, разбросанныя по логамъ и буеракамъ деревушки: начались «запои», «пропои», «сговоры», «дѣвишники», свадьбы, а тутъ подошелъ и Покровъ и начались «престолы».

Вскорѣ послѣ Покрова я получилъ отъ Ивана Ефимыча записку. Онъ приглашалъ меня на свое «тезоименитство», которое должно было быть 19 октября, на «Іоанна Рыльскаго». Въ концѣ была приписка: «фонарь съ принадлежностями получилъ; было два чтенія, интересъ у мужиковъ къ чтеніямъ невѣроятный, словами даже не обскажешь—

видѣть нужно, а все-таки, если пріѣдете на Іоанна Рыльскаго, попытаюсь «вдохновиться» и разсказать свои впечатлѣнія».

Около половины октября стали легкіе морозцы и покатилась отличная дорожка. Дни стали совсѣмъ короткіе и было уже совершенно темно, когда я подъѣзжалъ къ Знаменскому. Около избы, гдѣ жилъ Иванъ Ефимычъ, толпился народъ, стараясь заглянуть въ избу сквозь неплотно опущенныя занавѣски. Внутри, въ избѣ слышался говоръ нѣсколькихъ голосовъ: очевидно, имянины были въ разгарѣ. Я вошелъ въ избу. Небольшая, почти квадратная изба съ громадной русской печью на первомъ планѣ была полна народа. Гостей, въ сущности, было не особенно много, но очень ужъ мало было помѣщеніе. Громадная печь спереди и кровать за ширмами сзади занимали половину всего помѣщенія, въ остальной половинѣ стояли два стола: одинъ—съ самоваромъ, другой—съ выпивкой и закуской, а пространство между ними все было занято гостями. Вся деревенская интеллигенція была налицо: отецъ Іоаннъ съ матушкой, дьяконъ Данилычъ съ дьяконицей, фельдшеръ съ лисьей физіономіей, прозванный почему-то мѣстными остряками «Мольтке», съ женой, бахчевникъ Ѳедоръ Ѳедорычъ съ женой и мѣстный церковный староста, «ктиторъ», богатый мужикъ Герасимъ Степанычъ. Гости должно быть, сидѣли здѣсь уже давненько и успѣли какъ слѣдуетъ поздравить хозяина съ ангеломъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ шелъ громкій разговоръ. Ктиторъ Герасимъ Степанычъ говорилъ бахчевнику:

— Нѣтъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ, это ты неправильно. Неправильно ты говоришь! Хорошій онъ мужикъ!

— Это Антонъ-то?

— Антонъ!

— Да я этакихъ подлецовъ, не услыши Господи осужденія моего,— здѣсь бахчевникъ поворотилъ голову къ висѣвшей въ углу иконѣ, возвелъ очи горѣ и широко перекрестился,—да я этакихъ мошенниковъ и мало встрѣчалъ. Разбойникъ твой Антонъ, вотъ онъ кто!

— Нѣтъ,—это ты неправильно, Ѳедоръ Ѳедорычъ,—твердилъ свое ктиторъ,—неправильно!

Меня увидалъ хозяинъ.

— Вотъ спасибо-то, что пріѣхали! Что же поздно-то? Мы ужъ давишь сидимъ тутъ! Ну да ничего, мы свое наверстаемъ! Раздѣвайтесь-ка скорѣе!

Не успѣлъ я поздороваться съ гостями, какъ Иванъ Ефимычъ тащилъ уже меня къ столику.

— Ну, теперь входящую необходимо выпить, имянинника поздравить! Батюшка! Отецъ Іоаннъ! По единой!

— По единой?—отозвался батюшка,—хе-хе-хе! По единой это можно!

— Отецъ дьяконъ! Пожалте!

— Ну, теперь чайку кому угодно,—звалъ хозяинъ.

Я сѣлъ пить чай.

— Ну, что, Иванъ Ефимычъ, чтенія! Читали никакъ?

— Чтенія-то? Читали-читали! Какъ же! Три чтенія было!

— И много народа было?

— Народу-то? Полно! Понимаете, яблоку упасть негдѣ. Боялся, подавятъ другъ друга. Меня сначала сомнѣніе брало: а, ну, какъ слушателей мало будетъ? Вотъ, смотрю часамъ къ пяти началъ народъ къ училкѣ моей подходить. Я сначала хотѣлъ было ихъ по партамъ разсажать: ну, думаю, человѣкъ полсотни наберется. Глянулъ на улицу, а народу видимо-невидимо. Давай я скорѣй парты на улицу выносить. Сейчасъ помогатели набѣжали, живо всѣ парты вытаскали. «Ты только насъ, Ефимычъ, послушать пусти».—«Ладно, молъ, идите!» Впустилъ этихъ, пошелъ остальную публику «пущать». Вижу, много народу. «Ну», говорю, «большіе входите, а своимъ школьникамъ я завтра особенно прочту». Сталъ впускать и живо полну свою училку напускалъ. Некуда больше. Вотъ и говорю я своему сторожу; Сазонычъ у меня сторожъ, солдатъ Николаевскій, воинственный мужикъ, строгой, вотъ, я и говорю ему: «ну, Сазонычъ, теперь болѣ не пущай—некуда», и пошелъ я самъ въ училку; только подошелъ было къ фонарю, слышу на улицѣ шумъ, гамъ; глядь въ окно, а Сазоныча моего атакуютъ на всѣхъ пунктахъ: онъ стоитъ на крыльцѣ и публику метлой лупитъ, а у него подъ руками и подъ ногами непріятель прорывается и въ училку лѣзетъ. Онъ ихъ лупитъ, а они все лѣзутъ, совсѣмъ было и воина моего смяли. Вотъ вамъ сколько народу-то! Метлой не отобьешься! А! Вотъ, стало быть, интересъ-то какой! Его метлой, а онъ все лѣзетъ! Каково? Нѣтъ, вы поймите-ка это хорошенько! Есть, вѣдь, этакіе ихтіозавры допотопные, увѣряющіе, что для мужика грамота не нужна; ихъ бы, такихъ-сякихъ. сюда на это время! Нѣтъ, вы поймите это стремленіе къ свѣту-то! Вѣдь человѣка по мордѣ метлой лупятъ, а онъ все лѣзетъ: бей да пусти только! Вы поймите-ка, что я-то въ это время чувствовалъ: прямо города бралъ, такъ бы съ ними вмѣстѣ своего Сазоныча атаковать и побѣжалъ бы. Зналъ я, конечно, что это чистая напраслина, клевета на русскій народъ, что мало у него стремленія къ свѣту, къ знанію; да и какъ мнѣ было не знать этого, когда я и самъ мужикъ, и вдругъ этакая иллюстрація! Мнѣ, понимаете ли, читать садиться, а меня такъ и подмываетъ на улицу выбѣжать да козла какого-нибудь выкинуть.

Къ намъ подошелъ дьяконъ.

— Что же, хозяинъ, по рюмочкѣ, что-ли?—обратился онъ къ Ивану Ефимычу.

— Сейчасъ, сейчасъ! Батюшка! Господа! Выпить!?...

Отказываться никто не сталъ.

Иванъ Ефимычъ опять подошелъ ко мнѣ.

— Вѣдь я и не чаялъ, что дѣло съ чтеніями выгоритъ, а, вотъ, вышло. Все мужикамъ праздничнымъ дѣломъ есть куда помимо кабака опйти!

— Ну, а на чтеніяхъ, Иванъ Ефимычъ, какъ себя ваша публика держитъ?

— Да дай Богъ интеллигентамъ себя такъ держать. Тихо, чинно, вниманіе, понимаете, необычайное; ну, послѣ чтенія тутъ ужъ и говоръ, и комментаріи пойдутъ, да, вѣдь, какіе подчасъ остроумные...

— Нѣтъ,—продолжалъ онъ, уже переходя на «ты»,—ты пойми, сколько тутъ самой злой иронiи: я, понимаешь, душу свою готовъ отдать за то, чтобы помочь имъ хоть чуть-чуть орiентироваться въ ихъ безпросвѣтной темнотѣ, дать имъ хоть капельку свѣта—и я же долженъ ихъ гнать отъ него. Онъ къ свѣту, а его метлой по мордѣ!

У Ивана Ефимыча на глазахъ показались слезы.

— Да, вѣдь, ты не поймешь этого, — продолжалъ онъ, — не видна тебѣ вся эта подноготная, а у меня она на глазахъ. Да, вотъ, на второмъ. кажется, чтеніи, стою я, впускаю народъ. Большихъ только, взрослыхъ пускаю, вѣдь я тебѣ сказывалъ. Глядь, противъ меня мальчёнко одинъ стоитъ, ученикъ мой бывшій, занятный-презанятный мальченко, и глядитъ онъ мнѣ прямо въ глаза: пусти, молъ; а глазенки у него такъ и блестятъ: хочется ему послушать. И хочется мнѣ впустить его, и нельзя: очень ужъ въ деревнѣ, какъ и у всѣхъ забитыхъ людей, самолюбiе развито— «энтаго», скажутъ, «пустилъ, а мово не пустилъ»—и сейчасъ недобросовѣстность какую-нибудь заподозрятъ. Такъ, вѣдь, и не пустилъ я мальченку-то! Пришелъ я домой, легъ спать, такъ всю ночь мнѣ этотъ мальченко грезился: «пусти, говоритъ, дяденька»! Вѣдь это что? Прямо жалость! Въ Евангелiи, помнишь, сказано: «проситъ хлѣба, а ему даютъ камень», а, вѣдь, это еще хуже: проситъ хлѣба, а его метлой по мордѣ—не проси!..

Въ концѣ зимы ко мнѣ пріѣхалъ Иванъ Ефимычъ.

— Книги, вотъ, ваши привезъ,—говорилъ онъ,—да кстати и проститься съ вами пріѣхалъ.

— Какъ проститься?

— Ухожу отсюда!

— Не можетъ быть!?

— Что жъ тутъ невозможнаго?.. Все отъ Бога...

— Почему вы уходите-то?

— Да пріѣхалъ на-днiяхъ инспекторъ и говоритъ: «я васъ хочу перевести въ Горѣлое, тамъ учительница ушла и школа пустая стоитъ. Здѣсь хоть церковно-приходская школа есть, а тамъ и той нѣтъ». Говорю ему: «я въ Горѣлое не пойду!»—«А если, — говоритъ — не пойдете, то вамъ придется уволиться!» Тутъ я и попросилъ его назначить на мое мѣсто преемника.

— Да отчего же вы не согласились на переходъ, Иванъ Ефимычъ?

— Надоѣла ужъ эта исторiя... Только осмотришься на мѣстѣ, приглядишься къ народу, только народъ къ тебѣ привыкать станетъ, глядь,

тебя, какъ какую-нибудь мебель, хозяинъ переноситъ туда, гдѣ эта мебель, по его мнѣнію, нужнѣе; а что эта мебель пустила здѣсь корни, привыкла къ мѣсту, къ людямъ, завязала съ ними извѣстныя отношенія,— это все на смарку...

— Куда же вы теперь, Иванъ Ефимычъ, думаете поступить?

— Да писалъ я кое-куда... Одинъ благопріятель изъ учителей же зоветъ теперь въ М. въ правленіе желѣзной дороги,—говоритъ, цѣлковыхъ на 40 охлопочу мѣсто...

Вскорѣ Иванъ Ефимычъ уѣхалъ изъ нашихъ мѣстъ. Въ серединѣ лѣта я получилъ отъ него письмо. Онъ увѣдомлялъ, что поступилъ въ правленіе М—ской желѣзной дороги и писалъ между прочимъ: «Начинаю понемногу втягиваться въ свою писучую колею. Начинаю пріобрѣтать похвальныя привычки: вставать и съ пріятной улыбкой раскланиваться съ своимъ начальствомъ, пріобрѣтаю нѣкоторую ловкость при подачѣ бумагъ къ подписи и съ успѣхомъ высчитываю пробѣгъ вагоновъ и паровозовъ. Начальство наше народъ все интеллигентный,—инженеры больше, но все-таки держатъ насъ, простыхъ, не патентованныхъ смертныхъ, въ надлежащемъ отдаленіи, а свой престижъ на надлежащей высотѣ. Вмѣсто живого дѣла съ живыми людьми, дѣло дѣлаю теперь мертвое и съ мертвыми же цифрами. Если вы изъ этого заключите, что я иногда жалѣю, что бросилъ свое старое дѣло, вы не будете совсѣмъ неправы. Вспоминаются, точно, ину пору, вмѣсто чернильницъ—веселые, облитые яркимъ солнцемъ деревенскіе бугры съ зеленой муравкой, вмѣсто перьевъ—стройныя ветёлки надъ рѣчкой, а вмѣсто чинныхъ чистенькихъ борзописцевъ,—моя бѣлобрысая аудиторія маленькихъ шустрыхъ лапотниковъ. Потягиваетъ ину пору въ деревню, не могу не сознаться, но идти туда на 20 рублей жалованья, въ полное хозяйственное распоряженіе инспекторовъ,—нѣтъ, ужъ видно буду здѣсь пробѣги высчитывать...»

Л. Хлоповъ.

АВТОТОМІЯ И БОЛЕВАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ У ЖИВОТНЫХЪ.

(БІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Виктора Фаусека.

*(Окончаніе *).*

IV.

Чтобы уяснить себѣ, какъ могло выработаться въ животномъ царствѣ, у самыхъ различныхъ его представителей, столь замѣчательное приспособленіе въ борьбѣ за существованіе, какъ возможность пожертвованія отдѣльными органами для спасенія всего организма, нужно, по всегдашнему обычаю натуралистовъ, обратиться къ низшимъ, наиболѣе элементарнымъ, формамъ жизни, къ низшимъ животнымъ, къ одноклѣточнымъ, протоплазматическимъ организмамъ. Увидимъ ли мы тамъ явленія, изъ которыхъ могли бы себѣ представить развившеюся автотомію у высшихъ типовъ животнаго царства?

Въ своихъ Лекціяхъ о воспаленіи Мечниковъ описываетъ реакціи плазмодіевъ миксомицетъ на нѣкоторыхъ раздражителей. Плазмодіи миксомицетъ (иначе слизистыхъ грибовъ) представляютъ собою извѣстную стадію въ развитіи этихъ грибовъ, въ видѣ скопленія огромной массы голой протоплазмы, способной къ движеніямъ. Если край такого плазмодія обжечь ляписомъ, что убиваетъ протоплазму, то весь плазмодій продолжая свое движеніе, но удаляясь отъ потревожившаго его раздражителя, отдѣляется при этомъ отъ пораженнаго участка протоплазмы и оставляетъ его на мѣстѣ. Потеря извѣстной части протоплазмы на общей жизнедѣятельности всего плазмодія, совершенно однороднаго во всѣхъ своихъ частяхъ, нисколько не отражается и пораженный участокъ онъ прямо бросаетъ на дорогѣ.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ отбрасываніе организмомъ отмершей уже, пораженной части, нѣчто въ родѣ того, что въ хирургіи называютъ «секвестромъ». Но съ такой же легкостью могутъ нѣкоторыя простѣйшія животныя отказываться и отъ здоровыхъ частей своего

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

тѣла. Корненожка *Difflugia*, вытягивающая изъ своей песчаной раковинки длинныя тонкія ложноножки, при малѣйшемъ раздраженіи сокращаетъ ихъ, какъ бы дѣлая движеніе, чтобы втянуть ихъ въ раковину. Такъ какъ псевдоподіи прилипаютъ концами къ предметамъ, къ которымъ они прилегали, то при болѣе сильномъ внезапномъ сокращеніи кончики ихъ при этомъ часто отрываются (Verworn).

И въ этомъ случаѣ легкость, съ которою животное лишается частей своего тѣла, объясняется однородностью строенія его и легкостью возмѣщенія потери. Животное не теряетъ при этомъ никакого органа, теряетъ лишь часть того вещества, изъ котораго оно состоитъ цѣликомъ на всемъ своемъ протяженіи; потеря легко вознаградима, такъ какъ животное постоянно вырабатываетъ новыя количества протоплазмы. Достаточно лишней порціи пищи, чтобы утрата была возмѣщена.

Приведенные примѣры не представляютъ собой типической автотоміи, на подобіе той, которая была нами разсмотрѣна выше *). Они лишь показываютъ намъ, съ какой легкостью организмъ утрачиваетъ свои части, если онъ однороднаго строенія и при условіи быстраго и легкаго возстановленія утраченнаго. Обѣ эти черты—однородность строенія и чрезвычайная возстановительная способность—широко распространены между различными группами низшихъ животныхъ и наряду съ этимъ мы видимъ у нихъ широчайшую способность къ добровольной ампутаціи, самокалѣченію, распаденію на части. Много подобныхъ случаевъ наблюдается между кишечнополостными; но я приведу только одинъ, особенно любопытный. Актиніи широкой подошвой прикрѣпляются къ камнямъ дна и подводнымъ предметамъ; по наблюденіямъ Andres'a при сокращеніи подошвы, что животное дѣлаетъ, между прочимъ, для цѣлей передвиженія, края этой подошвы часто такъ плотно пристаютъ къ своему субстрату, что куски ея обрываются. Изъ этихъ оторванныхъ кусковъ края подошвы возстановляются быстро новыя цѣльныя актиніи. Очевидно, актинія также безцеремонно обращается съ своимъ собственнымъ тѣломъ, какъ *Difflugia*, второпяхъ обрывающая свои ложноножки **).

Между червями способностью къ автотоміи отличаются многія немертины и аннелиды. *Borlasia* (изъ немертинъ), посаженная въ акварій, легко распадается на много кусковъ, изъ которыхъ каждый можетъ возстановится въ цѣлое животное. У многихъ видовъ аннелидъ ихъ длинное тѣло, построенное изъ многихъ, повторяющихъ другъ друга сегментовъ, такъ легко распадается на отдѣльные участки, что

*) Типичную автотомію между *Protozoa* представляетъ, повидимому, отбрасываніе жгутиковыми инфузоріями (*Flagellata*) ихъ жгутика, легко наступающее, по наблюденіямъ Бючли, при разныхъ раздраженіяхъ.

**) Цитирую по Lang. Ueber den Einfluss der festsitzenden Lebensweise auf die Thiere und über den Ursprung der ungeschlechtlichen Fortpflanzung durch Theilung und Knospung. Jena. 1888.

бываетъ трудно получить неповрежденную особь. Я совершенно не касаюсь здѣсь вопроса о связи между автотоміей и способностью къ безполому размноженію дѣленіемъ. Рядъ любопытныхъ данныхъ по этому вопросу находится въ только что названной книгѣ L a n g'a. Такъ, отдѣленіе члениковъ (проглоттидъ) у ленточныхъ глистовъ есть, по моему мнѣнію, нечто иное, какъ періодическая автотомія съ непрерывно совершающимся возстановленіемъ утраченныхъ частей.

У морскихъ звѣздъ автотомія представляетъ самое обыденное явленіе; давно извѣстное натуралистамъ, оно подробнѣе было изучено P r e y e r'o м ъ на звѣздахъ Неаполитанскаго залива. Многія *Asteridae* (напр., *Asterias tenuispina*, *Luidia ciliaris*) при всякомъ раздраженіи теряютъ одинъ, два и болѣе своихъ лучей, которые потомъ отростаютъ вновь. Изъ экземпляровъ, добытыхъ въ морѣ, рѣдкій имѣетъ всѣ лучи одинаково развитые; обыкновенно видны слѣды утраты и послѣдующаго возстановленія одного или нѣсколькихъ лучей, которые короче остальныхъ. Способность возстановленія у этихъ животныхъ чрезвычайна: не только возстановляются утраченные лучи, но и отдѣленный лучъ.—по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ формъ, въ томъ числѣ *Asterias tenuispina*, это достовѣрно доказано—не умираетъ, а возстановляетъ центральный кружокъ и новые 5—7 лучей (Рис. 8). Такимъ образомъ способность къ автотоміи не только не служитъ къ ущербу животнаго, а напротивъ, теряя и возстановляя отъ времени до времени лучи, животное какъ бы ремонтируется, замѣняя старые, уже послужившіе органы, новыми, свѣжими, болѣе молодыми; оно какъ бы молодѣетъ отъ такой перестройки. Къ тому же, потерянные лучи могутъ возстановиться въ цѣльное животное, и, слѣдовательно, автотомія можетъ служить отчасти для размноженія.

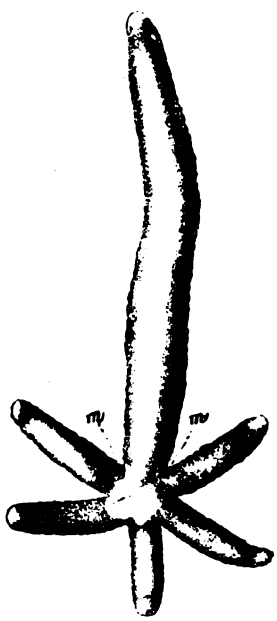


Рис. 8. Морская звѣзда (*Ophidiaster ornithopus*), такъ называемая Kometenform: отдѣлившійся лучъ, который возстановляетъ всѣ остальные лучи. По Геккелю.

Еще энергичнѣе происходитъ автотомія у крайне подвижныхъ змѣевиковъ (*Ophiuridae*) (Рис. 9) и морскихъ лилій (*Comatula*). Длинные, подвижные лучи этихъ животныхъ легко отламываются и цѣликомъ, и частями; животное можетъ быстро отбросить всѣ лучи одинъ за другимъ; отдѣленный уже лучъ при раздраженіи продолжаетъ автотомировать, распадаясь на части, хотя уже медленнѣе (какъ сифонъ *Solecurtus*). И у этихъ животныхъ происходитъ возстановленіе утраченныхъ лучей, но отдѣленный лучъ уже не можетъ возстановить цѣльнаго животнаго. *Comatula*, опущенная въ морскую воду, нагрѣтую до 37—38°, дѣлаетъ

еще нѣсколько движеній, часто свертывается въ шаръ, и затѣмъ разбивается на множество кусковъ; каждый изъ десяти лучей распадается на нѣсколько частей и теряетъ свои придатки, такъ называемые *pinnulae*. Животное производитъ такимъ образомъ впечатлѣніе крайней хрупкости; однако у мертвой *Comatula* лучи оказываются далеко не такими слабо сидящими и хрупкими, какъ можно было бы подумать — то же самое явленіе, на которомъ мы подробно останавливались при описаніи автотоміи у крабовъ и ящерицъ.

Способность распадаться на части при раздраженіяхъ наблюдается и у голотурій, и сопровождается необыкновенною возстановительною способностью. Какъ на совершенно особенную форму автотоміи слѣдуетъ указать на способность многихъ голотурій при раздраженіи выбрасы-

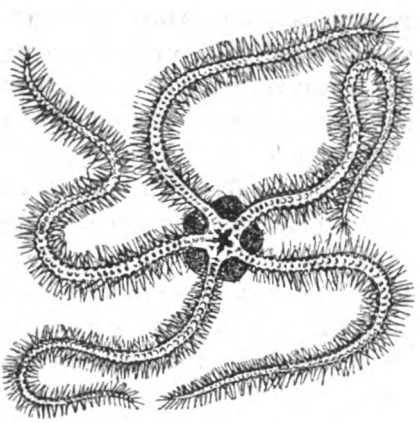


Рис. 9. Ophiothrix fragilis.

вать цѣликомъ весь пищеварительный каналъ и другія внутренности; животное въ буквальномъ смыслѣ слова само потрошитъ себя. Утраченныя внутренности постепенно возстановляются. Подобное же выбрасываніе кишечника описалъ недавно Willey у одной асцидіи Тихаго Океана.

Повсюду мы видимъ явный параллелизмъ въ развитіи этихъ двухъ способностей организма: его силы воспроизведенія, способности возстановленія органовъ и возможности ихъ добровольнаго удаленія, автотоміи. Параллелизмъ не очень строгій, потому что мы знаемъ примѣры, гдѣ большая способность къ возстановленію органовъ не сопровождается способностью къ автотоміи (дождевой червякъ (*Lumbricus*) обладаетъ большой возстановительной способностью, но не способенъ къ автотоміи; обратно, у взрослыхъ насѣкомыхъ автотомія существуетъ безъ способности возстановленія), но тѣмъ не менѣе несомнѣнно существующій. Да и такъ ясно значеніе этого параллелизма: пока организмъ легко можетъ возстановлять утерянное, ему такъ выгодно въ борьбѣ

за существованіе жертвовать отдѣльными частями тѣла, которыя потомъ у него отростутъ вновь.

По мѣрѣ перехода отъ низшихъ формъ животныхъ къ животнымъ съ болѣе сложной организаціей мы видимъ однако быстрое уменьшеніе возстановительной способности. Пока организмъ животнаго, несмотря на его иногда значительные размѣры, продолжаетъ сохранять однородность строенія—или черезъ все длинное тѣло животнаго тянутся непрерывно одни и тѣ же органы (немертины), или тѣло состоитъ изъ большого числа одинаково построенныхъ частей (аннелиды, морскія звѣзды), возстановленіе совершается легко, такъ какъ при потерѣ извѣстной части органовъ остающихся все еще достаточно для сохраненія жизни.

Но по мѣрѣ того, какъ организмъ становится сложнѣе, все сильнѣе дифференцируется, заключаетъ въ себѣ все меньше однородныхъ частей, а напротивъ, разлагается на разнородныя, но строго между собою координированныя части, тѣмъ тяжелѣе становится ему утрата одной изъ этихъ частей и тѣмъ труднѣе ея возстановленіе. Дѣйствительно, въ высшихъ типахъ животнаго царства способность возстановленія утраченныхъ органовъ становится все болѣе и болѣе слабою; и соотвѣтственно съ этимъ падаетъ способность и автотоміи, которая также начинаетъ ограничиваться лишь отдѣльными органами, которые могутъ возстановляться.

Автотомія съ послѣдующимъ возстановленіемъ органовъ у высшихъ животныхъ — у крабовъ, у ящерицъ — является такимъ образомъ какъ бы послѣднимъ остаткомъ широкой способности къ распаденію на части и къ возстановленію органовъ у животныхъ низшихъ *). Мы видимъ слѣды этой наслѣдственности въ особенной живучести органовъ, подлежащихъ автотоміи. Вообще у животныхъ, способныхъ къ широкому возстановленію органовъ, наблюдается и чрезвычайная живучесть, жизнеспособность органовъ, отдѣленныхъ отъ цѣлаго. Monticelli наблюдалъ у *Cucumaria planci*, голотуріи съ чрезвычайной возстановительной способностью, что отдѣленные отъ тѣла куски кожи свертывались въ трубочку, края ихъ срослись, и такія трубочки при помощи находящихся на ихъ поверхности ножекъ два-три мѣсяца продолжали ползать по дну. Никакихъ процессовъ возстановленія при этомъ не происходило, и трубочки эти подъ конецъ умирали, но замѣчательна феноменальная жизнеспособность отдѣльныхъ кусочковъ кожи и величина находящагося въ нихъ запаса энергіи (продолжительная способность къ разнымъ движеніямъ при отсутствіи питанія). И пока въ живот-

*) Между позвоночными способность къ автотоміи уцѣлѣла, кажется, только у ящерицъ. То, что разсказываетъ Frenzel объ отрываніи кожи съ кончика хвоста у сони (*Muscardinus avellanarius*), если ее держать за хвостъ, кажется мнѣ весьма сомнительнымъ. Скорѣе подходитъ подъ понятіе автотоміи отдѣленіе такъ называемой отпадающей оболочки (decidua), т. е. извѣстной части слизистой оболочки матки при процессѣ дѣторожденія у высшихъ млекопитающихъ.

номъ царствѣ сохраняется автотомія, связанная съ возстановительной способностью, сохраняется въ большей или меньшей степени и свойство живучести отдѣленныхъ частей; у звѣзды отдѣльный лучъ можетъ дать начало новому цѣлому животному; колечки сифоновъ *Solecurtus* продолжаютъ сокращаться еще нѣсколько дней послѣ отдѣленія; судорожныя движенія ногъ сѣнокосцевъ или хвоста ящерицы являются какъ бы послѣднимъ намекомъ на самостоятельную жизнеспособность отдѣльныхъ частей слабо централизованныхъ организмовъ.

Явное дѣло, была бы невозможна такая организація, при которой животное могло бы добровольно лишать себя органовъ, необходимыхъ для жизни, но которые оно, разъ утративши, не можетъ получить вновь. Понятно, слѣдовательно, что съ ослабленіемъ возстановительной способности должно было рука объ руку идти и ослабленіе способности къ автотоміи. Долженъ былъ развиться въ организмѣ тормозящій процессъ, останавливающій, задерживающій процессъ автотоміи; а такъ какъ автотомія совершается всегда путемъ энергическаго сокращенія мускулатуры, то тормозящій процессъ этотъ долженъ былъ заключаться въ томъ, чтобы остановить сокращеніе мышцъ тогда, когда оно начинаетъ грозить цѣлости тканей.

Въ чемъ же могъ заключаться этотъ тормозящій процессъ?

Мнѣ кажется, что онъ могъ заключаться въ *постепенномъ развитіи болевой чувствительности у животныхъ.*

V.

Вопросъ о томъ, чувствуютъ ли животныя боль такъ, какъ мы ее чувствуемъ — это для насъ ein Buch mit sieben Siegeln. Мы можемъ, конечно, съ полною увѣренностью утверждать, что обезьяна, собака, кошка, лошадь, птицы страдаютъ отъ боли приблизительно, такъ же, какъ и мы. Но уже при переходѣ отъ теплокровныхъ къ холоднокровнымъ позвоночнымъ эта увѣренность наша быстро падаетъ, а разъ перейдя къ безпозвоночнымъ животнымъ, мы скоро теряемъ всякій критерій для сужденія объ истинномъ характерѣ испытываемыхъ ими ощущеній.

Добрыя души думаютъ, конечно, иначе и готовы приписывать человѣческія страданія не только животнымъ, но даже растеніямъ, отрѣзывая такимъ образомъ вегетаріанцамъ всякій путь къ спасенію. «Самый развитой человѣкъ», читалъ я въ статьѣ одного русскаго писателя, «и самое ничтожное низшее животное должны ощущать боль отъ жженія, холода, удара» *). «Кто же, въ концѣ концовъ», говоритъ другой авторъ, «зная о существованіи такихъ растеній, какъ стыдливая мимоза (Mimosa pudica) или мухоловка (Muscipula) (sic), растеній—

*) Л. Оболенскій. «Нравственность и общество». Книжки Недѣли, 1895, II.

ясно обнаруживающихъ чувствительность, рѣшится утверждать, что растеніе не испытываетъ чувства боли, когда его рѣжутъ или, вообще, когда нарушаютъ цѣлость его тканей» *). Но подобныя заключенія представляютъ собою самый грубый антропоморфизмъ, самое наивное перенесеніе свойствъ человѣческаго сознанія на остальную природу.

Это приводитъ насъ къ любопытному вопросу морали—вопросу о границахъ жалости.« Чувство жалости», говоритъ Влад. Соловьевъ **), «какъ и слѣдуетъ для нравственной основы, не имѣетъ внѣшнихъ границъ своего примѣненія»... «Что въ отдѣльныхъ случаяхъ, при видѣ конкретнаго страданія или нужды, мы можемъ дѣятельно жалѣть не только *всякаго* человѣка,—будь онъ иноплеменникъ или иновѣрецъ, но и всякое животное,—это несомнѣнно, и есть дѣло обыкновенное. Менѣе обычно, но все таки встрѣчается такая широта сострадательнаго сердца, которая безъ всякаго видимаго повода заразъ обнимаетъ напряженнымъ чувствомъ жалости все множество живыхъ существъ цѣлаго міра». И онъ приводитъ въ образчикъ такого чувства универсальной жалости слова одного христіанскаго подвижника: «И былъ спрошенъ: что такое сердце милующее? И отвѣчалъ: возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ твореніи, о человѣкахъ, о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и отъ великаго страданія сжимается сердце его, и не можетъ оно вынести или слышать, или видѣть какого либо вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварью. А посему и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ ежечасно со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились они и были помилованы, а также и о естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостью, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ его до уподобленія въ семъ Богу». (Иже во святыхъ отца нашего аввы Исаака Сиріянина, подвижника и отшельника, бывшаго епископомъ христолюбиваго града Ниневіи, Слова Подвижническія, Москва 1858, стр. 299).

Это очень краснорѣчиво и трогательно, конечно. Но дѣйствительно ли мы въ правѣ распространять то чувство жалости и состраданія, которое выработалось у насъ изъ взаимныхъ человѣческихъ отношеній, на всю природу, или на весь живой міръ? Для того, чтобы это было возможно, нужно, чтобы страданія другого существа были—если можно такъ выразиться—соотвѣтственны (адекватны) нашему чувству жалости. Мы лично, по опыту, знакомы съ различными формами страданія; видъ этого страданія у другихъ вызываетъ нашу жалость; но почему мы можемъ быть увѣрены, что чужія страданія такъ же велики, какъ наши? Относительно людей не можетъ быть сомнѣнія. Степень нашего духов-

*) М. Г. «О вегетаріанствѣ». «Новости» 13 іюня 1895 г.

**) Влад. Соловьевъ. «Оправданіе добра», стр. 98. Спб. 1897.

наго общенія настолько велика, что мы безошибочно знаемъ, что что больно одному, больно и другому, что мучаетъ одного, мучаетъ и другого. Видя страдающаго человѣка, жалостливый человѣкъ живо себѣ представляетъ, какъ бы онъ самъ мучился отъ этой причины, и чувство этого чужого страданія для него мучительно; это и есть состраданіе.

Но въ правѣ ли мы примѣнить этотъ критерій жалости (т. е. перенесеніе страданія на себя) и къ животнымъ?

У насъ не существуетъ духовнаго общенія съ животными, или лишь самое ограниченное съ отдѣльными представителями животнаго царства, въ родѣ собаки. О степени сознанія, и вообще о психической дѣятельности животнаго, мы можемъ составить себѣ вообще лишь самое неясное представленіе. И если мы видимъ животное въ такомъ состояніи, которое у насъ вызываетъ страданіе, о субъективныхъ ощущеніяхъ животнаго мы можемъ судить лишь по тому поведенію, главнымъ образомъ по тѣмъ движеніямъ, которыми такое состояніе сопровождается *).

Имѣемъ ли мы въ этихъ условіяхъ достаточныя основанія примѣнять наше чувство состраданія безъ дальнѣйшихъ ограниченій и къ животнымъ? Прямого, непосредственнаго отвѣта на такой вопросъ дать нельзя; но цѣлый рядъ косвенныхъ данныхъ можетъ насъ приблизить къ его разрѣшенію.

Многочисленныя наблюденія надъ насѣкомыми показываютъ, что самыя тяжкія поврежденія, когда прошелъ первый моментъ, не нарушаютъ нормальной дѣятельности животнаго; животное совершаетъ такіе поступки, которые, прикинувши на нашу мѣрку, кажутся совершенно невозможными при сильныхъ болевыхъ ощущеніяхъ. Еще въ прошломъ столѣтіи Charles Bonnet наблюдалъ, какъ муравей, перерѣзанный пополамъ, «et a qui il n'était resté que la tête et le corselet» перетаскалъ на его глазахъ 8—10 личинокъ своей породы. Шмель безъ брюшка продолжаетъ еще лизать медъ; у шершня (*Vespa crabro*) можно отрѣзать брюшко въ то время когда онъ сосетъ медъ, и онъ не прерветъ своего занятія. Минуту спустя послѣ того какъ шершню былъ отрѣзанъ усикъ—органъ особенно чувствительный—онъ принялся ѣсть грушу. Обезглавленныя насѣкомыя (муха, богомолъ) способны еще къ спариванію; у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ самецъ, поѣдаемый во время спариванія другимъ хищнымъ насѣкомымъ (а у богомоловъ—самою самкою), не прерываетъ даже своего занятія. Стрекоза принимается

*) Это, конечно, касается лишь настоящаго состоянія нашихъ знаній и отнюдь не предрѣшаетъ возможности въ будущемъ приблизиться къ болѣе полному проникновенію въ міръ ощущеній животнаго. Исторія науки полна примѣрами, какъ къ задачамъ, казавшимся неразрѣшимыми, при позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ внезапно открывался ключъ. Дарвинъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, какъ въ молодости онъ слышалъ отъ одного любителя геологіи, указавшаго ему на огромный эрратическій валунъ, что «люди до скончанія вѣковъ не объяснятъ, какими судьбами этотъ камень очутился тамъ, гдѣ онъ теперь лежитъ», и съ какою радостью онъ узналъ въ послѣдствіи, что объясненіе этого факта вполнѣ возможно.

грызть конецъ своего брюшка, если его поднести ей ко рту. Нѣкоторыя прямокрылыя (*Ephippigera vitium*, *Saga serrata* и др.), содержимые въ неволѣ, отъѣдаютъ себѣ переднія ноги и яйцеклады *).

Всѣ эти явленія находятся въ очевидной связи съ слабою централизаціей нервной системы у насѣкомыхъ; нервная система ихъ состоитъ изъ отдѣльныхъ узловъ, распредѣленныхъ въ членикахъ тѣла, и хотя головные узлы и играютъ у нихъ повидимому роль высшаго нервнаго центра, въ извѣстной степени аналогичнаго головному мозгу позвоночныхъ, но, очевидно, ощущенія остаются у нихъ недостаточно централизованными; можно предполагать, что болевыя ощущенія отдѣльнаго сегмента не превращаются здѣсь въ достаточной степени въ ощущеніе цѣлаго.

Было бы по этому весьма сомнительнымъ полагать, что все живое чувствуетъ боль, и что вездѣ, гдѣ есть нервная система, должна быть и чувствительность къ боли **). Было бы ошибочно также

---

*) Приведенные примѣры взяты у Кэрби и Спенса, Künckel d'Herculais, у Wasmann'a, у Влад. Вагнера. О прямокрылыхъ см. Werner. Selbstverstümmelung bei Heuschrecken. Zoolog. Anzeiger, XV, 1892. Что животныя при содержаніи въ неволѣ теряютъ нормальный аппетитъ—въ этомъ нѣтъ ничего мудренаго; но если они при этомъ начинаютъ ѣсть самихъ себя, это указываетъ во всякомъ случаѣ на слабую болевую чувствительность. Сюда же слѣдуетъ поставить наблюденіе Eisig'a въ Неаполѣ надъ спрутами (Octopus); въ состояніи истощенія, слѣдующемъ за періодомъ размноженія, спруты иногда сами объѣдаютъ себѣ руки. При этомъ они отказываются отъ всякой предлагаемой имъ пищи, и вскорѣ умираютъ. Спруты одарены превосходными органами чувствъ (глазами) и въ высокой степени централизованной нервной системой; къ нимъ не приложимо то положеніе о значительной автономіи отдѣльныхъ частей тѣла, которыми могутъ быть объяснены подобныя явленія у суставчатоногихъ. Къ тому же, спруты несомнѣнно одарены сравнительно значительною душевною дѣятельностью. Объѣданіе рукъ они совершаютъ лишь въ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ у нихъ, вѣроятно, сфера ощущеній и душевная дѣятельность подавлены: Eisig прямо называетъ ихъ поведеніе въ данномъ случаѣ безумнымъ (verrücktes Thun).

**) Въ этой статьѣ я ограничиваюсь только указаніемъ на ту связь, которая, по моему мнѣнію, должна существовать между развитіемъ болевой чувствительности и способностью къ автотоміи у животныхъ; я не имѣлъ ни охоты, ни времени разыскивать все то, что кѣмъ-либо когда-либо было сказано о способности или неспособности животныхъ чувствовать боль. Такихъ мыслей, вѣроятно, не мало разсѣяно и у старыхъ авторовъ, и у авторовъ по психологіи. Такъ Lamarck, въ его «Philosophie zoologique», кладетъ рѣзкую грань между irritabilité и sensibilité организма, чувствительность онъ приписываетъ лишь животнымъ съ достаточно развитою нервною системою; «vivre ce n'est pas pour cela sentir» говоритъ онъ. Льюисъ (Этюды на берегу моря, русск. перев. 1862 г., стр. 284) подробно останавливается на этомъ вопросѣ; по его мнѣнію, боль есть особенная форма чувствительности, которой совершенно лишены низшія животныя. Мой взглядъ, такимъ образомъ, непосредственно примыкаетъ къ взгляду Льюиса и представляетъ какъ бы дальнѣйшее его видоизмѣненіе и развитіе; замѣчу впрочемъ, что статья моя была уже вся закончена, когда я познакомился (по указанію одного товарища) съ разсужденіями Льюиса. Онъ цитируетъ, между прочимъ, статью д-ра Инмана, подъ заглавіемъ «Боль не существуетъ у низшихъ животныхъ», напечатанную въ «Proceedings of the Liverpool Literary and Philosophical Society», № IV, 1848 г. Къ сожалѣнію, я не могъ найти этого журнала въ Петербургѣ.

считать за признакъ болевой чувствительности животнаго сильную реакцію его на причиняемое ему поврежденіе, быстрыя и сильныя движенія, которыя оно при такихъ поврежденіяхъ дѣлаетъ. Прижмите пальцемъ ползущаго дождевого червя — и онъ начнетъ сильно извиваться всѣмъ тѣломъ. Вы готовы сказать, что ему больно. Но если перерѣзать его пополамъ. то, по наблюденіямъ Norman'a, задній конецъ начнетъ сильно извиваться, а передній спокойно поползетъ впередъ. Неужели мы вправѣ предположить, что именно задняя половина червя чувствуетъ боль, а передняя не чувствительна къ ней? Если повторить ту же операцію и еще разъ перерѣзать задній отрѣзокъ, то опять передняя часть поползетъ впередъ, а задняя будетъ извиваться. Раздраженіе вызываетъ сокращеніе мышцъ, ведущее къ движенію бѣгства; но если само раздраженіе такого рода, что мѣшаетъ правильному движенію (задній отрѣзокъ перерѣзаннаго червяка) то вмѣсто координированныхъ движеній бѣгства начинается неправильное, судорожное сокращеніе различныхъ мышцъ. Что сильное мышечное сокращеніе, вызванное извѣстнымъ раздраженіемъ, не указываетъ само по себѣ на существованіе болевого ощущенія, мы знаемъ по самимъ себѣ: примѣры — кашель, чиханье, щекотка. Какія сильныя, судорожныя движенія дѣлаетъ маленькій ребенокъ, когда его щекочутъ,—но мы знаемъ, что его ощущенія не имѣютъ ничего общаго съ болевыми.

Какъ могутъ существовать животныя, у которыхъ ощущенія частей не сливаются въ ощущеніе цѣлаго—это намъ помогаетъ уяснить себѣ опытъ надъ высшими позвоночными. Goltz и Ewald дѣлали слѣдующіе опыты надъ собакой: въ нѣсколько послѣдовательныхъ операцій, производившихся подъ глубокимъ наркозомъ и со всѣми хирургическими предосторожностями, спинной мозгъ перерѣзывался поперегъ въ двухъ мѣстахъ: въ шейной области, ниже мѣста выхода дыхательныхъ нервовъ (иначе были бы парализованы дыхательныя движенія) и въ поясничной области, выше мѣста выхода нервовъ къ заднимъ ногамъ. Этотъ послѣдній отрѣзокъ спинного мозга удалялся совсѣмъ. Раны быстро заживали, животное оставалось живымъ и здоровымъ, нормально питалось и могло жить при надлежащемъ уходѣ долгое время. Все туловище, ниже перерѣза спинного мозга, оставалось парализованнымъ и, лишенное связи съ головнымъ мозгомъ, нечувствительнымъ для животнаго. Въ функціональномъ отношеніи такое животное состояло изъ трехъ частей. Передняя часть, заключающая въ себѣ головной мозгъ и оставшуюся въ связи съ нимъ часть спинного — это та часть, которая думала, чувствовала и хотѣла; средняя часть—съ отрѣзкомъ спинного мозга, и задняя часть, совсѣмъ лишенная центральной нервной системы. Передняя часть животнаго ѣстъ, пьетъ и дышитъ для себя и для двухъ остальныхъ частей, не имѣя ни малѣйшаго ощущенія о ихъ существованіи. Никакія раздраженія задней части тѣла передней части не

передаются; болевыхъ ощущеній въ туловищѣ и заднихъ ногахъ—которыя однако живутъ съ нимъ вмѣстѣ—животное не испытываетъ. Средняя часть животнаго—та, въ которой уцѣлѣлъ отрѣзокъ спинного мозга—способна къ нѣкоторымъ самостоятельнымъ рефлексамъ: если въ этой части почесать спину, то начинаетъ дрожать кожа, но дрожь эта не передается ни въ переднюю ни въ заднюю части тѣла. Задній отдѣлъ туловища, совсѣмъ лишенный мозга, парализованъ вполнѣ (замѣчательное исключеніе представляетъ задній отдѣлъ кишечника, но на этомъ мы здѣсь останавливаться не будемъ) и мышцы его быстро перерождаются. Такое животное состоитъ, слѣдовательно, какъ бы изъ трехъ совершенно отдѣльныхъ частей: сердце, легкія и желудокъ работаютъ для всего животнаго, но раздраженія, испытываемыя различными частями животнаго, не сливаются въ одно общее ощущеніе цѣлаго. Нѣчто подобное должна собой представлять нервная дѣятельность морской звѣзды или кольчатаго червя.

Въ одномъ опытѣ Гольца перерѣзка спинного мозга въ шейной области была сдѣлана такъ высоко, что и переднія ноги были отдѣлены отъ головного мозга и парализованы. Какъ мало животное сознавало тогда существованіе ногъ, какъ частей своего тѣла, показываетъ слѣдующее замѣчательное происшествіе: когда животное совершенно выздоровѣло и повеселѣло, оно однажды для развлеченія принялось грызть свою собственную переднюю лапу, и изгрызло ее такъ, что ее пришлось ампутировать. Оно не могло этого сдѣлать съ голоду, такъ какъ кормили его постоянно до отвала. Пришлось надѣть ему намордникъ. Это наблюденіе замѣчательно тѣмъ, что, слѣдовательно, даже у такого высокоодареннаго въ умственномъ отношеніи животнаго, какъ собака, сознаніе цѣлости своего организма непрерывно поддерживается его ощущеніями: собака не «помнитъ» и не узнаетъ своей ноги, когда ея не чувствуетъ.

Стрекоза, грызущая кончикъ своего брюшка, кузнечикъ, объѣдающій свои ноги, спруты, въ болѣзненномъ состояніи отгрызающіе себѣ руки, представляютъ полную аналогію съ этимъ случаемъ.

Относительно механизма болевой чувствительности у человѣка и у высшихъ животныхъ въ физіологіи существуетъ, насколько мнѣ извѣстно, два основныхъ взгляда. Согласно однимъ (Ziehen, p. 105) боль не представляетъ собою особаго вида ощущеній, а представляетъ сопровождающій сильное раздраженіе обыкновенныхъ чувствительныхъ нервовъ «чувственный тонъ ощущенія» (Gefühlston des Empfindung); раздраженіе всякихъ чувствительныхъ нервовъ выше извѣстной границы даетъ уже боль. Вундтъ, хотя и не считаетъ боли просто за чувственный тонъ ощущенія, тѣмъ не менѣе не придаетъ ей значенія самостоятельнаго ощущенія; «jede gewöhnliche Sinnesempfindung wird, wenn sie eine bestimmte Stärcke erreicht, zum Schmerz». (Grundz. phys. Psychol. 4-te Aufl. p. 436). Согласно такому взгляду, боль есть не что иное, какъ

дошедшее до высшей степени ощущеніе, результатъ перераздраженія любого чувствительнаго нерва. Однако, не говоря уже о спеціальныхъ чувствительныхъ нервахъ высшихъ органовъ чувствъ, никакое раздраженіе которыхъ не даетъ боли (сильнѣйшее раздраженіе зрительнаго нерва даетъ только ощущеніе свѣта), существуетъ рядъ наблюденій и опытовъ, заставляющихъ думать, что болевая чувствительность есть совершенно особенная, спеціальная функція нервной системы, для которой физіологія и постулируетъ особенные пути и центры въ нервной системѣ. Если у млекопитающаго перерѣзать выше мѣста выхода поясничныхъ нервовъ спинной мозгъ такъ, чтобы остались цѣлыми одни задніе пучки бѣлаго вещества, то въ задней части животнаго наблюдается аналгезія (потеря болевой чувствительности), хотя она вполнѣ сохраняетъ осязательную чувствительность: при прикосновеніи къ задней ногѣ животное шевелитъ ушами и ясно выражаетъ, что чувствуетъ, какъ его трогаютъ; но если эту же ногу размозжить, животное остается равнодушнымъ. Черезъ задніе пучки бѣлаго вещества спинного мозга передаются, слѣдовательно, головному мозгу осязательныя ощущенія, но не болевыя. Подобныя же наблюденія были сдѣланы надъ человѣкомъ, въ патологическихъ случаяхъ, особенно при страданіяхъ спинного мозга; кромѣ аналгезіи, въ болѣзняхъ послѣдняго рода наблюдается также иногда большая разница во время передачи осязательныхъ и болевыхъ ощущеній: послѣднія запаздываютъ. Извѣстно также, что при аналгезіи, вызываемой наркозомъ (хлороформомъ или эфиромъ), осязательная чувствительность еще сохраняется послѣ того, какъ болевая исчезла. Обратно, при подкожномъ впрыскиваніи нѣкоторыхъ веществъ (сапонинъ) достигается потеря осязательныхъ ощущеній при сохраненіи болевыхъ. Всѣ эти соображенія заставляютъ многихъ физіологовъ принимать, что «по крайней мѣрѣ, начиная со спинного мозга происходитъ раздѣленіе путей и снарядовъ для болевыхъ и осязательныхъ ощущеній» (F u n k e), но весьма вѣроятно, что это раздѣленіе существуетъ уже и въ периферическомъ, воспринимающемъ снарядѣ, т. е. въ самихъ нервныхъ окончаніяхъ.

Въ этомъ отношеніи взгляды авторовъ еще очень расходятся. По однимъ, всѣ чувствительные нервы способны къ передачѣ болевыхъ ощущеній, и пути для болевыхъ и осязательныхъ ощущеній расходятся только въ спинномъ мозгу. По другимъ, проводники температурныхъ ощущеній отличаются отъ проводниковъ осязательныхъ (давленія), которыя служатъ и для передачи боли. И, наконецъ, есть изслѣдователи, которые доказываютъ существованіе особыхъ окончаній и проводниковъ для воспріятія холода, тепла, давленія и боли. По наблюденіямъ F r e y, для воспринятія боли на поверхности тѣла служатъ особыя точки (Schmerzpuncte), независимыя отъ точекъ воспринятія давленія и температуры: ихъ можно найдти тщательнымъ изслѣдованіемъ чувствительной способности кожи. При этомъ существуютъ такія

мѣста—участки общей поверхности тѣла или дериваты кожи—которыя совершенно лишены собственно осязательной способности, и гдѣ всякое прикосновеніе воспринимается какъ боль: таковы роговица (cornea) глаза и дентинъ и зубная мякоть зубовъ. Независимость «точекъ давленія» и «болевыхъ точекъ» другъ отъ друга, ихъ самостоятельное положеніе въ кожѣ, F r e y ставитъ въ связь съ существованіемъ въ кожѣ различныхъ формъ нервныхъ окончаній; свободныя нервныя окончанія должны служить, по его мнѣнію, для воспріятія болевыхъ ощущеній; другія формы нервныхъ окончаній служатъ для воспріятія ощущеній температуры и давленія. Для чувства боли существовалъ бы тогда совершенно самостоятельный нервный снарядъ въ организмѣ, и мы могли бы говорить о болевыхъ нервахъ (или нервныхъ волокнахъ), какъ говоримъ о зрительномъ нервѣ. Боль представляла бы тогда совершенно особенный видъ ощущеній, качественно отличный отъ всѣхъ другихъ. Но, конечно, этотъ вопросъ еще ждетъ своего окончательнаго рѣшенія.

Если же болевая чувствительность представляетъ собой дѣйствительно специфическую форму дѣятельности нервной системы, то мы вправѣ предположить, что и она подвергалась извѣстному эволюціонному процессу, что и она развивалась въ животномъ царствѣ и не существовала съ самаго начала и на всѣхъ ступеняхъ жизни въ такой же развитой формѣ, какъ у насъ. И неизбѣжною является тогда мысль—поставить ее въ связь съ большею или меньшею способностью къ возстановленію органовъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ функціи организма имѣютъ утилитарное значеніе. Полезна ли боль? и въ чемъ ея польза? Для людей, имѣющихъ большую практику въ зубной боли, этотъ вопросъ можетъ показаться насмѣшкой. А между тѣмъ самаго простого разсужденія достаточно, чтобы показать огромное утилитарное значеніе боли. Боль — это сигнальный аппаратъ, дающій намъ знать о цѣлости и сохранности нашего организма. Какъ только тканямъ организма гдѣ-либо грозитъ поврежденіе, сигнальный аппаратъ тотчасъ же даетъ намъ знать и немедленно заставляетъ насъ принять мѣры къ удаленію опасности. Въ большинствѣ случаевъ эти мѣры принимаются автоматически, безъ содѣйствія нашего сознанія и воли; попробуйте сунуть палецъ въ огонь, вы увидите, какъ хорошо дѣйствуетъ этотъ автоматическій аппаратъ. Представте себѣ теперь, что мы, обладая той же нѣжностью и разрушимостью тканей, были бы лишены болевой чувствительности: мы бы рисковали ежеминутно себя сжечь, переломать себѣ кости, разорвать себѣ кожу и мышцы—и *сознательное* избѣганіе этихъ опасностей потребовало бы такой затраты воли и вниманія, что самая жизнь скоро сдѣлалась бы невозможной.

Если же мы возьмемъ организмъ, ткани котораго, хотя тоже нѣжныя и разрушимыя, обладаютъ зато въ высокой степени способностью регенераціи, то утилитарное значеніе болевой чувствительности быстро

падаетъ. Организму нечего такъ бояться утраты или разрушенія нѣкоторыхъ своихъ частей: онъ ихъ немедленно возобновитъ. Мало того, ему явно выгодно, если нѣкоторымъ изъ его частей грозитъ опасность, немедленно ихъ отбросить, чтобы опасность не перешла на весь организмъ. Такъ поступаетъ *Difflugia* по наблюденіемъ Ферворна, и такъ развилась автотомія въ животномъ царствѣ. Сильно развитая болевая чувствительность была бы не только не полезна, но приносила бы явный ущербъ такому организму.

Но когда организмъ усложняется и его возстановительная способность падаетъ, тогда дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ: всякая потеря тканей становится опасной, автотомія невозможной. Организмъ долженъ принимать спеціальныя мѣры для сбереженія своихъ тканей и не допускать своей мускулатуры до автотоміи. Роль эта выпадаетъ, конечно, на долю нервной системы, вырабатывающей особую функцію — болевой чувствительности, являющейся антагонистомъ для автотоміи и сигнальнымъ агентомъ для тканей и органовъ всего тѣла. Согласно съ ученіемъ о специфической энергіи чувствительныхъ клѣтокъ, мы должны допустить появленіе въ организмѣ особыхъ болевыхъ клѣтокъ.

Такъ какъ всѣ эти измѣненія должны были происходить въ организмѣ постепенно, то ясно, что и болевая чувствительность появилась не вдругъ и должна существовать во всевозможныхъ ступеняхъ развитія. И у тѣхъ животныхъ, у которыхъ—какъ въ огромномъ рядѣ выше описанныхъ примѣровъ—способность автотоміи и возстановленія утраченнаго органа сохранилась лишь за отдѣльными органами тѣла, мы должны, согласно съ моей мыслью, допустить существованіе болевой чувствительности, но самый актъ автотоміи считать безболѣзненнымъ. Да и самая легкость, съ которой совершается автотомія и равнодушіе, съ которымъ животное къ ней относится, дѣлаютъ немыслимымъ предположеніе, чтобы оно испытывало при этомъ ощущенія, подобныя тѣмъ, которыя вызвала бы въ насъ насильственная потеря хотя бы одного сустава пальца.

Можно возразить, что способность къ возстановленію тканей и къ автотоміи весьма неравномѣрно распредѣлена въ животномъ царствѣ: такъ, въ то время, какъ у морскихъ звѣздъ обѣ эти способности достигаютъ величайшаго развитія, въ ближайшей къ нимъ группѣ морскихъ ежей автотомія — насколько я знаю—не наблюдается вовсе. Согласно съ развиваемою мною точкою зрѣнія, слѣдовало бы допустить, что у морскихъ ежей существуетъ болевая чувствительность, а у звѣздъ нѣтъ. Но если бы даже и такъ? развѣ не существуютъ между самыми родственными формами животныхъ одни зрячія, другія слѣпыя? почему же и не быть однимъ животнымъ чувствительнымъ къ боли, а другимъ нѣтъ, почему не существовать *алгетическимъ* и *аналгетическимъ* животнымъ? Если тотъ фактъ, что мы видимъ, и широкое рас-

пространеніе органа зрѣнія въ животномъ царствѣ, не мѣшаетъ однако существованію въ перемежку съ зрячими и слѣпымъ формамъ, почему не можетъ быть того же самого и по отношенію къ чувству боли?

Ясно, что болевая чувствительность должна была играть существенную роль въ развитіи сознанія цѣлости организма, принадлежности ему его частей, въ выработкѣ сознанія своего «я»—насколько такое сознаніе доступно животному. Не говоря уже о такихъ животныхъ, какъ актиніи, съ совершенно децентрализованной нервной системой, или какъ сифонофоры, гдѣ отдѣльные органы развились на степень особей, собранныхъ въ полиморфную колонію и распадающуюся на части при сколько-нибудь рѣзкомъ прикосновеніи; но даже у гораздо выше организованныхъ животныхъ, какъ кольчатые черви, легко теряющіе по десятку своихъ сегментовъ, не можетъ быть и рѣчи объ ощущеніи единства организма; мы видѣли, какъ слабо это ощущеніе даже у насѣкомыхъ, составленныхъ изъ разнородныхъ и неспособныхъ къ возстановленію сегментовъ. Относительно морскихъ звѣздъ Preyer говоритъ, что если можно приписывать имъ душевную дѣятельность, то слѣдуетъ признавать отдѣльную, самостоятельную душу за каждымъ лучемъ и считать морскую звѣзду организмомъ пятидушнымъ. У морской звѣзды не могло бы быть ощущеніе своего «я»; ихъ пять отдѣльныхъ *я*, соединенныхъ вмѣстѣ, на подобіе сіамскихъ близнецовъ. Утрата возстановительной способности и способности къ автотоміи, развитіе рѣзкой болевой чувствительности должны были привести къ тому, что раздраженіе каждой отдѣльной части животнаго переходитъ въ ощущеніе цѣлаго. Тогда у животнаго можетъ явиться сознаніе своихъ частей и ихъ принадлежности къ одному цѣлому; но какъ слабо это сознаніе, какъ сильно оно поддерживается чувствительностью отдѣльныхъ частей, доказываетъ вышеприведенный опытъ Гольца надъ собакою, отъѣвшею себѣ ногу. Подобную же роль несомнѣнно должна играть болевая чувствительность въ выработкѣ сознанія у человѣка. Грудной ребенокъ смотритъ на свои ручки и ножки, какъ и на всѣ остальные предметы окружающаго міра; врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что именно болевыя ощущенія, въ связи съ осязаніемъ, знакомятъ его съ принадлежностью всѣхъ частей его тѣла къ одному цѣлому и вводятъ мало-по-малу въ его сознаніе представленіе объ его «я».

Литература.

1) L. Fredericq. Sur l'autotomie, ou mutilation par voie réflexe comme moyen de défense chez les animaux. Archives de zoologie expérimentale. 1883. Его же. Les mutilations spontanées ou l'autotomie. Revue Scientifique. 1886. Его же. L'autotomie ou la mutilation active dans le règne animal. Bulletins de l'Académie royale de Belgique. 1893. Въ послѣдней статьѣ приведена вся литература до года ея обнародованія. Его же. Nouvelles recherches sur l'autotomie chez le crabe. Archives de Biologie.

T. XII. 1892. Contejean. Sur l'autotomie chez la sauterelle et le Lézard. Mém. Acad. Sciences de Paris. T. 91. 1890. Bordage. Phénomènes d'autotomie observés chez les nymphes de Monandroptera C. R. Acad. Sc. Paris. 1897. Giard. L'autotomie dans la série animale. Revue Scientifique. T. 39. 1887. Frenzel. Ueber die Selbstverstümmelung (Autotomie) der Thiere. Pflüger's Archiv Bd. 50. 1891. Willey. Zoological observations in the South Pacific. Quart. Journ. Microsc. Science Vol. 39. 1896 (выбрасываніе кишечника у асцидій). В. Фаусекъ. Біологическія наблюденія надъ пластинчато-жаберными моллюсками (Lamellibranchiata). Труды Спб. Общ. Естествоиспытателей. Т. XXVIII. Вып. 2. 1897. Мечниковъ. Лекціи о сравнительной патологіи воспаленія. Спб. 1892. Verworn. Allgemeine Physiologie. 1895. (Наблюденія надъ Difflugia). Lang. Ueber den Einfluss der festsitzenden Lebensweise auf die Thiere und über den Ursprung der ungeschlechtlichen Fortpflanzung durch Theilung und Knospung. Jena. 1888. Preyer. Ueber die Bewegungen des Seesterne. Mitth. Zoolog. Stat. Neapel. 7 Bd. 1887. Monticelli. Sull'autotomia delle Cucumaria planci. Atti della R. Accadémia dei Lincei, ser. V. Vol. V. 1896. Künckel d'Herculais Merveilles de la Nature. Les Insectes. Wasmann. Instinct und Intelligenz im Thierreich. 1897. Влад. Вагнеръ. Вопросы зоопсихологіи. Спб. 1896. Кэрби и Спенсъ, Естественная исторія насѣкомыхъ. Русск. перев. 1863 г. Werner. Selbstverstümmelung bei Heuschrecken. Zool. Anz. XV Jg. 1892. Eisig. Biologische Studien angestellt in der zool. St. in Neapel. Kosmos, 14 Bd. 1884. Norman. Dürfen wir aus den Reactionen niederer Thiere auf das Vorhandensein von Schmerzempfindungen schliessen? Pflüger's Archiv f. d. gesammte Physiologie, Bd. 67. 1897. Goltz und Ewald. Der Hund mit verkürzten Rückenmark. Pflüger's Archiv 63. Bd. 1896. Ziehen. Leitfaden der physiologischen Psychologie. 3 Aufl. Jena. 1896, стр. 105. Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. Переводъ со 2-го изданія П. Розенбаха. Спб. 1894. Wundt. Grundzüge der physiologischen Psychologie. 4-te Auflage. Leipzig. 1893. Funke. Physiologie der Hautempfindungen und der Gemeingefühle, in: Herrmann's Handbuch des Physiologie. III. Bd. 1880. — Goldscheider. Neue Thatsachen über Hautsinnesnerven. Du Bois-Reymond's Archiv für Physiologie. 1885. Suppl. Bd.—Frey. Beiträge zur Physiologie des Schmerzsinns. Berichte üb. d. Verhandl. d. k. sächsischen Ges. d. Wissenschaften zu Leipzig. 46. Bd. 1894. Nichols. The origin of pleasure and pain. Philosoph. Review. Bd. I. v. Frey. Beiträge zur Sinnesphysiologie des Haut. 3 Mitth. Ber. d. sächs. Ges. d. Wiss. Math. Phys. Cl. 1895. Goldscheider. Ueber den Schmerz in physiologischer und klinischer Hinsicht. Berlin Hirschwald. 1894.

РУДОЛЬФЪ ВИРХОВЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ, НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

(Окончаніе) *).

VI.

Общественная дѣятельность Вирхова. — Вирховъ—членъ берлинскаго муниципалитета.—Канализація Берлина.—Поля орошенія въ Берлинѣ.—Вирховъ—членъ парламента.

Въ предъидущихъ главахъ мы познакомили читателей съ Вирховымъ, какъ ученымъ и учителемъ. Но, помимо своей научной дѣятельности, Вирховъ представляетъ крупную величину, какъ общественный дѣятель. И общественная дѣятельность Вирхова также не носитъ односторонняго характера. Почти одновременно онъ былъ избранъ въ члены берлинскаго муниципалитета и прусскаго парламента.

Въ 1861 году Вирховъ вошелъ въ составъ берлинскаго муниципалитета. Въ это время, съ наступленіемъ регентства принца прусскаго церковная и политическая реакція нѣсколько ослабѣли. Въ рядахъ берлинскихъ «отцовъ города» все жъ находилось немного людей съ достаточнымъ гражданскимъ мужествомъ и свободомыслiемъ, чтобы, не взирая ни на что, преслѣдовать только благо города. Появленіе Вирхова обусловило новую эру въ самоуправленіи Берлина. Въ особенности въ вопросахъ финансоваго свойства, вопросахъ, обыкновенно столь щекотливыхъ и часто запутанныхъ, новый членъ муниципалитета проявилъ совершенно неожиданно большое знаніе дѣла. Благодаря своему организаторскому таланту, своему критическому уму и умѣнью быстро схватывать всю сущность вопроса, Вирховъ съумѣлъ импонировать всѣмъ и очень скоро сталъ во главѣ группы лицъ, которыя поставили себѣ задачей сдѣлать изъ Берлина городъ, дѣйствительно достойный быть столицей германской имперіи. Въ этихъ видахъ на первомъ планѣ должно было стоять оздоровленіе города.

Однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ гигіены городовъ является очищеніе ихъ отъ той массы отбросовъ и нечистотъ, кото-

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

рые даетъ его тысячное или милліонное населеніе. Раціональное осуществленіе этой задачи стоитъ въ связи съ троякаго рода сооруженіями. Первый этапъ представляетъ сооруженіе, снабжающее городъ, въ достаточномъ для даннаго населенія количествѣ, хорошей и годной во всѣхъ отношеніяхъ водой. Вторымъ этапомъ служитъ сооруженіе, собирающіе всѣ сточныя воды, другими словами, правильная канализація города. Наконецъ, на третьемъ этапѣ, канализаціонныя воды должны быть выведены изъ предѣловъ города и обезврежены. Уже самая идея водоснабженія и канализаціи указывала техническій путь, по которому должна идти практика при устройствѣ этихъ сооруженій. Далеко не столь яснымъ въ санитарно-техническомъ отношеніи представлялось третье звено этой цѣпи—удаленіе и обезвреживаніе канализаціонныхъ водъ. Чтобы придти въ этомъ направленіи къ окончательному результату, были произведены всевозможныя попытки и опыты. Такъ, думали достигнуть обезвреживанія сточныхъ водъ химическими способами, что, однако, оказалось и въ высшей степени дорого, и крайне неудобовыполнимо; далѣе думали обращать отбросы въ пудретъ и т. п. Наконецъ, остановились на такъ-называемой системѣ орошенія, состоящей, какъ извѣстно, въ томъ, что канализаціонныя воды отводятся далеко за черту города для орошенія спеціально для этой цѣли предназначенныхъ полей, которыя засѣваются затѣмъ хлѣбными злаками, овощами и т. п. Система орошенія завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе право гражданства и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать этой системѣ въ будущемъ самое широкое распространеніе. Въ настоящее-же время система орошенія нигдѣ не проведена такъ послѣдовательно и строго и нигдѣ не осуществлена на такихъ широкихъ и раціональныхъ началахъ, какъ въ Берлинѣ. Это потребовало много времени и много труда со стороны берлинскаго муниципалитета. Не мало времени и не мало труда посвятилъ этому членъ берлинскаго муниципалитета, Рудольфъ Вирховъ.

Въ началѣ 1850 годовъ въ Берлинѣ параллельно съ устройствомъ водоснабженія были приняты нѣкоторыя мѣры къ правильному удаленію сточныхъ водъ. Но уже вскорѣ обнаружилось, что эти мѣры недостаточны и технически крайне несовершенны. Въ виду этого, правительство сочло нужнымъ отправить въ 1859 году въ Англію и Францію особую комиссію для изученія соотвѣтствующихъ сооруженій въ этихъ государствахъ. Труды этой комиссіи и представленный ею проектъ очищенія Берлина отъ сточныхъ водъ были переданы на обсужденіе магистрату города. Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всего этого матеріала городскія власти избрали городскую комиссію, на которую было возложено производство относящихся сюда опытовъ и основательное изслѣдованіе всѣхъ относящихся сюда вопросовъ. Въ это-то время Вирховъ и былъ избранъ въ члены берлинскаго муниципалитета. Онъ сдѣлался душой этой комиссіи, руководителемъ всѣхъ опытовъ и изслѣдованій.

Коммиссія работала въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и лишь въ 1872 году Вирховъ представилъ общій обзоръ взглядовъ, которые явились результатомъ работъ коммиссіи. Въ окончательномъ выводѣ Вирховъ высказался, что отведеніе сточныхъ водъ Берлина въ рѣку Шпрее не должно быть допустимо; въ виду же того, что достаточная дезинфекція водъ оказалась невыполнима, какъ въ химическомъ, такъ и въ финансовомъ отношеніи, остается лишь одинъ путь—отведеніе городскихъ нечистотъ на находящіяся вдали отъ города поля. Одновременно съ этимъ былъ выработанъ новый проектъ очищенія Берлина. Проектъ этотъ былъ принятъ магистратомъ и выполненъ на дѣлѣ.

Намъ пришлось въ одно изъ посѣщеній Берлина, а именно по поводу X-го международнаго медицинскаго конгресса, лично ознакомиться, какъ съ канализаціей, такъ и съ полями орошенія Берлина. Поэтому позволимъ себѣ, надѣясь, что читатели не посѣтуютъ на насъ, познакомить ихъ съ этими изумительными сооруженіями.

Городъ Берлинъ раздѣленъ на отдѣльные, строго разграниченные, самостоятельные канализаціонные участки, сточныя воды которыхъ, благодаря низкому положенію Берлина, предварительно собираются на такъ-называемыхъ насосныхъ станціяхъ (*Pumpstationen*), откуда онѣ уже силою пара, подъ извѣстнымъ давленіемъ, отводятся на поля орошенія. Канализаціонныхъ участковъ, носящихъ названіе радіальныхъ системъ, въ Берлинѣ 12. На насосныхъ станціяхъ, число которыхъ отвѣчаетъ числу радіальныхъ системъ, имѣются, среднимъ числомъ, 4 паровые двигателя, сила которыхъ можетъ доходить, при усиленной дѣятельности, въ среднемъ до 600 лошадиныхъ силъ. Среднее число насосовъ на каждой станціи равняется 6. Эти насосы накачиваютъ канализаціонныя воды въ чугунныя отводныя трубы, которыя лежатъ на глубинѣ 1 метра и въ общемъ слѣдуютъ почвенному уклону.

По этимъ трубамъ, діаметръ которыхъ остается постояннымъ (0,75—1,00 метръ), сточныя воды подъ извѣстнымъ давленіемъ проводятся вплоть до полей орошенія. Интересно сравнить цифровыя данныя относительно количества сточныхъ водъ, удаленныхъ изъ города насосными станціями, и количества чистой воды, доставленной водопроводами. Въ теченіе 1888—1889 года удѣлено было канализаціонныхъ водъ 44.999.165 куб. метровъ. По разсчету на количество населенія, живущаго въ соотвѣтствующихъ канализаціонныхъ участкахъ, это составляло на человѣка въ день 103,013 метра. По отчету же управленія водопроводами въ тотъ же періодъ времени доставлялось на человѣка въ день 64,047 метра. Такимъ образомъ насосныя станціи удѣляли на человѣка въ день больше. Этотъ плюсъ образуется благодаря дождевой водѣ, водянымъ остаткамъ при техническихъ производствахъ и т. п.

Вся площадь земли, пріобрѣтенная городомъ у окрестныхъ помѣщиковъ за очень значительную сумму (12½ милліон. марокъ) для устройства полей орошенія, составляетъ 7.614 гектаровъ и распадается

на 2 почти равные участка, изъ которыхъ одинъ лежитъ на сѣверъ отъ Берлина, а другой—на югъ. Оба участка представляютъ 2 обширныхъ помѣстья, непосредственнымъ хозяиномъ которыхъ является городъ и управленіе которыми находится въ вѣдѣніи коммиссіи канализаціонныхъ сооруженій. Кромѣ самыхъ полей орошенія тамъ имѣются парки, сады, естественные луга, скотные, птичные дворы и т. п. Что все это содержится въ образцовомъ, можно сказать, въ идеальномъ порядкѣ, объ этомъ и упоминать нечего. Не только коровы, но и рабочій скотъ—быки, на которыхъ боронятъ и пашутъ, и лошади,—поражаютъ своимъ дородствомъ и силою. Хозяйство ведется на самыхъ раціональныхъ началахъ, такъ что въ теченіе 1888—1889 г. городъ получилъ дохода съ этихъ своихъ имѣній 238.000 марокъ.

Самое распредѣленіе канализаціонныхъ водъ по полямъ орошенія достигается слѣдующимъ путемъ. Отъ главной городской трубы, въ которой сточныя воды находятся подъ давленіемъ, сообщеннымъ имъ насосною станціею, проводятся развѣтвленія, калибръ которыхъ постепенно уменьшается до 0,20 метра и которыя заканчиваются на высоко лежащихъ пунктахъ данной мѣстности и снабжены здѣсь особыми затворами (*Auslassschieber*). На главномъ пунктѣ развѣтвленія, т. е. тамъ, гдѣ оканчивается городская труба, устроена открытая кверху вертикально стоящая труба, одинаковаго діаметра съ первой, служащая какъ-бы предохранительнымъ клапаномъ и дающая указанія относительно количества прибывающей канализаціонной воды. Для этой цѣли на поверхности жидкости въ вертикальной трубѣ плаваетъ укрѣпленный на поплавкѣ флагъ, который, смотря по положенію уровня жидкости поднимается или опускается.

Изъ отходящихъ отъ городской трубы развѣтвленій канализаціонныя воды выпускаются въ главныя сточныя канавы; благодаря затворамъ, о которыхъ мы упоминали, количество выпускаемой воды можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, уменьшено или увеличено, что крайне важно въ агрономическомъ отношеніи. Дальнѣйшія земляныя работы имѣютъ цѣлью, съ одной стороны, сдѣлать поля пригодными для принятія и очищенія орошающей ихъ канализаціонной воды, а съ другой—дренажъ полей и отведеніе дренажной, чистой воды въ ближайшіе естественные водные стоки. Въ этихъ видахъ разбиваются болѣе мелкіе участки, которые и получаютъ различное назначеніе, смотря по степени ихъ уклона. Участки съ наибольшимъ уклономъ идутъ подъ луга, со слабымъ уклономъ—подъ гряды, а совершенно горизонтально расположенные участки служатъ бассейнами, гдѣ канализаціонная вода отстаивается (*Einstaubassins*). Орошеніе отдѣльныхъ участковъ происходитъ помощью открытыхъ канавъ, имѣющихъ 0,5 метра глубины и начинающихся на высшихъ пунктахъ данной мѣстности. При этомъ, если участокъ назначается подъ лугъ, орошающая жидкость прямо разливается по всему полю; на грядахъ жидкость протекаетъ

по горизонтально расположеннымъ бороздамъ, отдѣляющимъ гряды, и проникаетъ такимъ образомъ лишь съ боковъ, приходя въ соприкосновеніе только съ самыми корнями растеній. Бассейны для отстаиванія воды окружены насыпями и имѣютъ глубины 0,30—0,50 метра; они дѣйствуютъ лишь зимой, весной же, послѣ того, какъ вода просочилась и испарилась, земля въ нихъ перепахивается и засѣвается зерномъ и т. п. Величина отдѣльныхъ бассейновъ составляетъ отъ 2 до 9 гектаровъ.

Этими немногими бѣглыми штрихами мы хотѣли набросать предъ читателями эскизъ тѣхъ сооруженій, при помощи которыхъ городъ Берлинъ освобождаетъ себя отъ скопляющихся въ немъ нечистотъ, находитъ имъ полезное примѣненіе и дѣлаетъ ихъ въ концѣ концовъ совершенно безвредными. При личномъ изученіи всего этого на мѣстѣ мы вынесли грандіозное впечатлѣніе. Мы видѣли ту вонючую, грязную, мутную, почти черную сточную воду, которую городъ выбрасываетъ изъ своихъ предѣловъ на поля орошенія. Мы видѣли также и ту чистую, совершенно прозрачную, не имѣющую ни малѣйшаго запаха дренажную воду, которая получается какъ-бы какимъ-то волшебствомъ изъ первой. Повторные анализы дренажной воды, произведенные бывшимъ ассистентомъ Вирхова, профессоромъ Сальковскимъ, указываютъ полнѣйшее отсутствіе въ ней какихъ-либо подозрительныхъ составныхъ частей. Конечно, вода эта не идетъ въ употребленіе и рабочимъ на поляхъ орошенія запрещено пить ее; не смотря на такое запрещеніе, они все-таки зачастую пьютъ ее.

Всѣ эти сооруженія, о которыхъ мы говорили, представляютъ одно гармоническое цѣлое, направленное къ оздоровленію полутора-милліоннаго города, и обошлись этому городу въ 140 милліоновъ марокъ.

«Большой борьбы стоило,—говоритъ Вирховъ,—прежде чѣмъ городское представительство приступило къ этимъ грандіознымъ предпріятіямъ. Долгіе годы изслѣдованія предшествовали этому, но, наконецъ, муниципалитетъ, въ силу свободнаго убѣжденія, принялъ рѣшеніе и уже твердо держался его даже тогда, когда взглядъ властей измѣнился и когда прорицатели несчастья повыросли изъ земли, какъ грибы. И вотъ Берлинъ сдѣлался чистымъ, здоровымъ, можетъ быть, въ извѣстной степени можно даже сказать—красивымъ городомъ».

Во всѣхъ вопросахъ, касавшихся санитарнаго благоустройства города, Вихровъ, разумѣется, принималъ самое дѣятельное участіе. Въ различныхъ коммиссіяхъ по постройкѣ городскихъ больницъ мы непремѣнно встрѣчаемъ Вирхова. По его иниціативѣ, по его указаніямъ, былъ предпринятъ цѣлый рядъ работъ, посвященныхъ медицинской статистикѣ города Берлина. Вообще, своимъ санитарнымъ благоустройствомъ прусская столица въ значительной степени обязана одному изъ лучшихъ своихъ представителей—Рудольфу Вирхову.

На арену политической дѣятельности Вирховъ выступилъ въ 1862

году, будучи избранъ въ прусскую палату депутатовъ. Вирховъ былъ однимъ изъ основателей прогрессистской партіи, а впослѣдствіи принялъ на себя роль лидера этой партіи. На парламентской трибунѣ Вирховъ впервые дебютировалъ 15 февраля 1862 года.

Какъ только Вирховъ занялъ кресло депутата, онъ тотчасъ обратилъ особое вниманіе на право народнаго представительства контролировать бюджетъ. До этого времени право контроля представляло собою почти то, что юристы называютъ *nudum jus;* оно ограничивалось лишь формальной стороной дѣла. «Мы хотимъ,—заявлялъ Вирховъ,—въ *такой* мѣрѣ пользоваться правомъ контроля, предоставленнымъ намъ конституціей, мы хотимъ *такимъ* образомъ создать возможность этого пользованія, какъ это отвѣчаетъ общимъ принципамъ конституціи». Въ виду важности вопроса Вирховъ неоднократно бралъ на себя нелегкій трудъ докладчика бюджетной коммиссіи. Письменные его доклады, которые онъ представлялъ отъ имени бюджетной коммиссіи и которые задавались цѣлью отстаивать права народнаго представительства противъ безбюджетнаго режима, являются еще и понынѣ, благодаря ясности изложенія и доказательности, неоцѣнимымъ источникомъ для дальнѣйшаго развитія бюджетнаго права народнаго представительства. Оставаясь членомъ бюджетной коммиссіи въ періодъ такъ называемаго конфликта (1862—1865 гг.), т. е. несогласія правительства съ палатой депутатовъ, Вирховъ являлся однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и опасныхъ ораторовъ оппозиціи. Рѣчь его никогда не была украшена яркими мишурными блестками пустой риторики. Она производила впечатлѣніе на слушателей своей доказательностью, глубокимъ пониманіемъ трактуемаго вопроса и полнымъ знаніемъ его деталей. Своей строгой логикой, своимъ холоднымъ спокойствіемъ и своей тонкой ироніей Вирховъ всегда импонировалъ своимъ противникамъ.

Въ такъ называемомъ *культуркампфѣ (Kulturkampf)* Вирховъ стоялъ на сторонѣ правительства, исходя изъ предположеній относительно послѣдняго, которыя впослѣдствіи не оправдались. Самое выраженіе *Kulturkampf* принадлежитъ Вирхову и встрѣчается впервые въ воззваніи прогрессистской партіи отъ 23-го марта 1873 года. Здѣсь это выраженіе имѣло совершенно иное значеніе, нежели какое ему впослѣдствіи было придано со стороны правительства и его органовъ. Вирховъ характеризовалъ это движеніе «какъ великую культурную борьбу человѣчества», и ужъ, конечно, не его вина, если эта борьба государства съ церковной іерархіей выродилась въ мѣропріятія полицейскаго свойства. Впослѣдствіи въ рейхстагѣ Вирховъ весьма энергично отразилъ попытку Виндгорста, предводителя клерикаловъ, сдѣлать отвѣтственнымъ за это его самого и его партію. «Когда мы,—сказалъ Вирховъ,—включили это названіе въ нашу программу, то мы выставили его, чтобы показать, что это не должна быть война въ обыкновенномъ смыслѣ,—война, которая могла бы повести къ нетерпи-

мости, что борьба эта не должна закончиться преслѣдованіемъ отдѣльнымъ лицъ, но что она должна повести къ большей свободѣ индивида». Предполагая, что и правительство также широко смотритъ на дѣло, Вирховъ и подавалъ голосъ за всѣ законопроекты, вносимые тогда правительствомъ. «Я признаю,—говоритъ далѣе Вирховъ,—что я ошибся. Я готовъ сознаться, если вамъ угодно, что я былъ не правъ, и если бы я предвидѣлъ, что это не приведетъ ни къ чему иному, какъ только къ настоящему положенію вещей, то, вѣроятно, я высказался бы отрицательно. Но тогда у меня составилось убѣжденіе, что правительство имѣетъ намѣреніе создать такія окончательныя условія, въ которыхъ всѣ вѣроисповѣданія, одни рядомъ съ другими, могли бы мирно развиваться въ этомъ государствѣ».

Въ приведенныхъ словахъ ясно выражаются взгляды Вирхова на то, какъ слѣдуетъ трактовать всякіе религіозные вопросы. Это принципъ, включенный въ программу прогрессистской, а нынѣ свободомыслящей партіи, принципъ полной равноправности религіозныхъ конгрегацій, ихъ независимости отъ вліянія іерархіи. Поэтому нечего и говорить, что Вирховъ съ самаго начала весьма рѣшительно выступилъ противъ пресловутаго придворнаго проповѣдника Штеккера, «печальной памяти», и его дикихъ стремленій.

Лишь въ 1880 году Вирховъ вступилъ въ германскій рейхстагъ, принявъ полномочія отъ второго берлинскаго избирательнаго округа. Въ первомъ же засѣданіи 10-го мая 1880 года, въ которомъ Вирховъ потребовалъ слова, онъ счелъ нужнымъ высказаться о томъ чисто дѣловомъ характерѣ прогрессистской оппозиціи, характерѣ, который зачастую оспаривался противниками. Большинство послѣднихъ считало главнымъ мотивомъ оппозиціи личную непріязнь вожаковъ ея противъ имперскаго канцлера, князя Бисмарка.

«Я бы желалъ,—сказалъ Вирховъ,—по крайней мѣрѣ относительно насъ съ особымъ удареніемъ заявить, что мы чувствуемъ себя совершенно свободными отъ какого-либо чувства ненависти или антипатіи. Мы стремились во всѣ времена судить о князѣ Бисмаркѣ самымъ объективнымъ образомъ. Если это, можетъ быть, не всегда намъ вполнѣ удавалось, то я прошу историковъ немного подумать и о томъ, что въ данный моментъ и субъектъ предъявляетъ извѣстныя права и что при личномъ столкновеніи страсти также разыгрываются, можетъ быть, нѣсколько болѣе, нежели это необходимо съ дѣловой точки зрѣнія. Одно я долженъ признать за моей партіей, что она никогда, ни въ какія времена не отвергала какого-либо мѣропріятія именно потому, что князь Бисмаркъ одобрялъ, вносилъ или защищалъ эту мѣру. Напротивъ того, мы всегда были рады, если могли голосовать за какую-либо мѣру, которую вносилъ князь Бисмаркъ, и я могу съ удовольствіемъ сказать, что было нѣсколько такихъ предложеній, къ которымъ мы присоединились,—правда, немногочисленныхъ, долженъ сознаться. Въ этомъ лишь

незначительномъ единеніи нашемъ съ имперскимъ законодательствомъ и оказалась, конечно, причина захуданія, въ которомъ мы здѣсь въ настоящее время находимся. Вы, вѣдь, знаете, что германскій народъ примкнулъ къ другимъ полезнымъ направленіямъ. Мы, бывшіе нѣкогда носителями германскихъ идеаловъ, мы живемъ еще въ томъ неудобномъ состояніи, что не можемъ избавиться отъ этихъ идеаловъ. Вы, господа, которые съ этими идеалами не носились, вы можете утѣшиться вернымъ, желѣзомъ, спортомъ и т. д.; это вѣдь необычайно пріятное состояніе, относительно котораго, однако, мы вамъ никоимъ образомъ не завидуемъ. Итакъ, преслѣдуйте ваши болѣе матеріальные интересы, но предоставьте и намъ наше право, хотя бы въ нашемъ и маломъ количествѣ напоминать объ идеалахъ націи. Господа, эти идеалы мы носили, идею германскаго единства мы воспитали въ такое время, когда, къ сожалѣнію, князь, имперскій канцлеръ, объ этой идеѣ не только ничего не зналъ, но прямо-таки боролся противъ нея». Нельзя не отмѣтить еще засѣданія рейхстага отъ 15 декабря 1881 года, гдѣ возмущенный до крайности вмѣшательствомъ правительственныхъ органовъ въ выборы, Вирховъ громилъ правительство, доказывая, что задача послѣдняго не въ томъ, чтобы всѣми правдами и неправдами повліять на выборы, а въ томъ, чтобы поддерживать честность и корректность въ общественно-политической жизни.

Въ мартѣ 1884 года мѣсто прогрессистской партіи заняла свободомыслящая, въ ряды которой и вступилъ Вирховъ. Въ парламентскую сессію 1890 года Вирховъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы рѣшительно высказать свою свободомыслящую точку зрѣнія по отношенію къ ретроградамъ, ультрамонтанамъ центра. Въ дебатахъ, возникшихъ по поводу увеличенія содержанія учителямъ семинарій, одинъ изъ депутатовъ центра высказалъ тотъ взглядъ, что люди существуютъ, чтобы подготовляться къ загробной жизни. Вирховъ нашелъ такую точку зрѣнія абсолютно непонятной для всякаго разумнаго человѣка и замѣтилъ, что «люди существуютъ для того, чтобы быть людьми; это— ихъ первая задача, къ этому они и должны подготовляться, и если они это дѣлаютъ толково, то, вѣроятно, въ концѣ концовъ попадутъ и на небо».

Съ перваго момента своего вступленія на политическую арену и вплоть до послѣдняго времени Вирховъ неустанно боролся за сохраненіе и развитіе народной свободы, за уменьшеніе податей и повинностей, за сохраненіе и дальнѣйшее развитіе правового государства, боролся противъ всякихъ попятныхъ стремленій въ области политической, экономической и религіозной, боролся, не идя ни на какіе компромиссы, не поступаясь ничѣмъ.

VIII.

Новѣйшія событія.—X-й международный медицинскій съѣздъ въ Берлинѣ.—Юбилей 1891 года.—Вирховъ и туберкулинъ.—XII-й международный медицинскій съѣздъ въ Москвѣ.—Заключеніе.

Въ послѣднихъ главахъ мы развернули предъ читателями картину разносторонней и плодотворной дѣятельности Вирхова на поприщѣ науки, общественной жизни и политики. Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о послѣднихъ событіяхъ изъ ближайшаго къ намъ времени, отмѣтить наиболѣе крупные эпизоды, которые пережилъ Вирховъ въ послѣдніе годы.

Прежде всего остановимся на имѣвшемъ мѣсто въ Берлинѣ, въ 1890 году, X-мъ международномъ медицинскомъ конгрессѣ. Уже въ 1884 году, на VIII международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Копенгагенѣ Вирховъ передалъ приглашеніе собрать слѣдующій конгрессъ въ Берлинѣ. Въ виду нежеланія французскихъ врачей ѣхать въ Германію, предложеніе это было отклонено. Слѣдующій, вашингтонскій конгрессъ (въ 1887 году) по иниціативѣ берлинскаго гинеколога А. Мартина *(A. Martin)*, выбралъ Берлинъ мѣстомъ X-го международнаго медицинскаго конгресса. Организація этого конгресса была возложена на Вирхова, Бергманна и Вальдейера. Находясь во главѣ организаціоннаго комитета, Вирховъ много потрудился, чтобы обезпечить конгрессу успѣхъ. Между прочимъ, подъ редакціей Вирхова было издано спеціально для конгресса городскими властями прекрасное описаніе всѣхъ санитарныхъ и гигіеническихъ учрежденій города Берлина: «*Die öffentliche Gesundheits- und Krankenpflege der Stadt Berlin*».

Открывая, въ качествѣ предсѣдателя, этотъ конгрессъ, въ городѣ, которому онъ посвятилъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ свою общественную дѣятельность, Вирховъ обратился къ собранію съ прекрасной, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, рѣчью. Далеко выходя изъ рамокъ обыкновенной привѣтственной рѣчи, она мѣстами была въ высшей степени поучительна.

«Съ моей стороны,—сказалъ Вирховъ,—было бы крайне неблагодарно не выразить чувства глубокой радости и истиннаго удовлетворенія при взглядѣ на безконечные ряды почтенныхъ гостей, отозвавшихся на наше приглашеніе. Кто самъ болѣе 40 лѣтъ занималъ каѳедру въ германскихъ университетахъ, кто пережилъ многочисленныя потери лучшихъ друзей, съ кѣмъ онъ работалъ, которыхъ воспиталъ вмѣстѣ съ собой, тотъ можетъ назвать себя счастливымъ, снова встрѣчая въ этомъ блестящемъ собраніи бывшихъ своихъ учителей, видя предъ собою представителей почти всѣхъ направленій въ медицинѣ, возникшихъ съ того времени, основателей почти всѣхъ тѣхъ пролагающихъ новые пути ученій, которыя въ корень измѣнили внѣшнюю форму и внутреннюю сущность нашей науки, величайшихъ изслѣдователей и выдаю-

щихся практиковъ, наконецъ, находя среди товарищей, собравшихся здѣсь, прежнихъ своихъ учениковъ, которые восприняли духъ новаго времени и съ энергіей проводятъ его въ жизни.

«Народъ нашъ,—говорилъ далѣе Вирховъ,—знаетъ, что медицина одна изъ самыхъ яркихъ представительницъ гуманности; онъ привыкъ къ тому, что у врачей научныя изслѣдованія и практика дѣйствуютъ за одно, что у нихъ высшіе идеалы идутъ рука объ руку съ самоотверженной заботой объ общественномъ благѣ и благѣ отдѣльныхъ лицъ, даже самыхъ ничтожныхъ и несчастныхъ. Медицина въ Германіи дѣйствительно популярная наука, и если нашъ тяжело работающій народъ лишь относительно немногихъ врачей подтверждаетъ справедливость древняго изреченія: «*dat Galenus opes*» (медицина даетъ богатство), то онъ все-таки умѣетъ воздавать любовью и признательностью за искусство и самоотверженность. Онъ гордится, если его врачи и его санитарныя учрежденія пользуются уваженіемъ на чужбинѣ, но и онъ, въ свою очередь, чтитъ имена великихъ медиковъ другихъ народовъ и хорошо знаетъ, что медицинская наука—одна и что дѣйствительно научно работающіе врачи всего свѣта стремятся къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, руководятся одними и тѣми же принципами.

«Развѣ не высшая задача международныхъ медицинскихъ конгрессовъ развить во всѣхъ своихъ участникахъ и даже далеко за предѣлами рядовъ этихъ участниковъ, во врачахъ всего міра, сознаніе, что медицина должна быть гуманною наукой? Не должны ли мы, при видѣ столь великихъ усилій, всецѣло направленныхъ ко благу людей, не должны ли мы напомнить другъ другу, что служба врача—есть служба человѣчеству? Не должны ли мы, справедливо гордясь тѣми громадными личными жертвами, которыя приноситъ каждый единичный врачъ часто за самое ничтожное вознагражденіе, а то и безъ всякаго вознагражденія, не должны ли мы указать на то, что врачи съ разныхъ концовъ свѣта образуютъ такія многочисленныя собранія не ради личныхъ выгодъ, не ради улучшенія своего положенія, не ради того, чтобы обезпечить себѣ большее вознагражденіе и меньшее время работы, но для того, чтобы обогатить себя познаніями, чтобы укрѣпить свои силы для служенія своимъ ближнимъ».

Привѣтственная рѣчь на X-мъ международномъ медицинскомъ конгрессѣ является одною изъ лучшихъ рѣчей Вирхова въ этомъ родѣ и надолго запечатлѣлась въ памяти слышавшихъ ее.

X-й международный медицинскій конгрессъ можно было въ извѣстной степени разсматривать, какъ неоффиціальное юбилейное торжество Вирхова. Въ теченіе всего времени этого конгресса Вирховъ постоянно служилъ предметомъ шумныхъ овацій. Взоры всѣхъ и всегда были обращены на Вирхова. Всѣ въ совокупности и каждый въ отдѣльности изъ съѣхавшихся врачей старались выказать свое уваженіе Нестору германской медицины. Не удивительно поэтому, что когда въ слѣдую-

щемъ 1891 году наступилъ 70-ти-лѣтній юбилей Вирхова, этотъ юбилей принялъ характеръ грандіознаго международнаго торжества науки. «Ни одинъ культурный народъ,—говоритъ въ юбилейной замѣткѣ редакторъ одной изъ видныхъ медицинскихъ газетъ «*Deutsche medicinische Wochenschrift*»,—не остается назади, всѣ принимаютъ участіе въ чествованіи человѣка, который служилъ исключительно наукѣ, истинѣ и человѣчеству». И дѣйствительно, весь цивилизованный міръ откликнулся на призывъ почтить 70-ю годовщину рожденія Рудольфа Вирхова.

«Отъ лица многочисленной и далеко распространенной корпораціи друзей, почитателей и учениковъ во всемъ научномъ и врачебномъ мірѣ», юбиляру былъ переданъ берлинскимъ профессоромъ анатоміи Вальдейеромъ *(Waldeyer)* цѣнный подарокъ.

«Эта великая община, такъ выразился профессоръ Вальдейеръ, возложила на насъ высокопочетное порученіе вамъ, великому и счастливому изслѣдователю, устанавливающему основы, точному, критическому и остроумному мыслителю, вѣрному, неутомимому и увлекающему учителю столь многихъ тысячъ, вамъ, мужу науки, передать подарокъ въ день вашего рожденія,—подарокъ, достойный одного изъ лучшихъ, достойный Рудольфа Вирхова.

«Наше скромное приглашеніе, продолжалъ ораторъ, принять участіе въ этомъ почетномъ дарѣ, нашло далеко откликъ. Со всего земного шара, изъ Европы, Азіи, Африки, Австраліи, Америки, въ особенности изъ великой федераціи Соединенныхъ Штатовъ полились обильные взносы и дали намъ возможность сдѣлать нашъ даръ столь совершеннымъ и достойнымъ, какъ мы только могли этого желать».

Большая золотая медаль, врученная Вирхову, должна, по словамъ Вальдейера, показать современникамъ и потомству: «Вотъ Рудольфъ Вирховъ, вотъ слѣпокъ съ его дѣятельности, съ его трудовъ».

Заимствуемъ изъ рѣчи Вальдейера описаніе этой медали.

«Ваше вполнѣ удачное изображеніе, высокочтимый учитель, украшаетъ лицевую сторону этого прекраснаго барельефа; на обратной сторонѣ вы видите юношески выступающаго генія изслѣдованія съ высокоподнятымъ факеломъ, какъ онъ раскрываетъ тайны природы предъ наукой, олицетворенной въ видѣ благородной женской фигуры. Кругомъ—изображенія и знаки, заимствованныя изъ той обширной области знанія, которой вы посвятили свою работу; затѣмъ всемірно-извѣстный берлинскій патолого-анатомическій институтъ, ваше твореніе и арена вашей дѣятельности,—все это окаймлено вашимъ краткимъ изрѣченіемъ, но столь содержательнымъ, что оно будетъ звучать, пока существуетъ наука—«*Omnis cellula a cellula*».

Членамъ семьи юбиляра были розданы серебряные и бронзовые экземпляры этой медали. Бронзовыя барельефы были также разосланы въ университеты и научныя учрежденія, «какъ стойкое доказательство того, какъ благодарные современники умѣли чтить своего Рудольфа

Вирхова». Между прочимъ, такой барельефъ находится въ Императорской военно-медицинской академіи.

Отъ имени берлинскаго медицинскаго общества, предсѣдателемъ котораго состоитъ Вирховъ, юбиляра привѣтствовалъ профессоръ Бергманнъ. Между прочимъ, послѣдній выразился, что не Вирховъ нуждается въ обществахъ, а общества нуждаются въ Вирховѣ.

Касаясь исторіи берлинскаго медицинскаго общества и того значенія, которое Вирховъ имѣлъ для него, Бергманъ указалъ на одно обстоятельство, характеризующее Вирхова, какъ человѣка, чуждаго мелкаго самолюбія, какъ человѣка, который ставитъ дѣло выше своей личности. Берлинское медицинское общество образовалось изъ сліянія двухъ обществъ,—общества научной медицины и общества берлинскихъ врачей. Предсѣдателемъ перваго общества былъ въ то время Вирховъ. Второе общество пожелало видѣть на предсѣдательскомъ креслѣ новаго общества своего предсѣдателя. Воизбѣжаніе возможныхъ пререканій и недоразумѣній, Вирховъ отказался отъ предсѣдательства и предоставилъ его другому.

Грейфсвальдское медицинское общество, являющееся обществомъ спеціальной родины Вирхова—Помераніи—прислало также свою депутацію и избрало Вирхова почетнымъ членомъ.

Вообще число депутацій, явившихся поздравить маститаго юбиляра, достигало внушительной цифры 94.

Нельзя пройти молчаніемъ одного эпизода, въ которомъ ярко сказался здравый научный скептицизмъ, отличавшій всегда Вирхова. Это—пресловутая исторія съ туберкулиномъ. На X-мъ международномъ медицинскомъ конгрессѣ знаменитый бактеріологъ Кохъ, «отецъ бацилль» (*Bacillenvater*), какъ его называютъ берлинцы, впервые сообщилъ о своемъ новомъ средствѣ лѣченія чахотки—о туберкулинѣ. Читатели, вѣроятно, помнятъ тотъ невообразимый шумъ, который надѣлало это средство. Печальной памяти туберкулинъ вскружилъ головы какъ несчастнымъ чахоточнымъ, такъ и врачамъ. Произошло какое-то великое переселеніе народовъ: все устремилось въ Берлинъ. Столица Пруссіи превратилась въ одну большую гостинницу, которая кишѣла чахоточными и врачами. Флакончики съ туберкулиномъ разсылались во всѣ концы свѣта; во всѣхъ клиникахъ и больницахъ стали примѣнять новое средство. Въ короткое время создалась громадная литература о туберкулинѣ. Въ концѣ концовъ, однако, все свелось къ нулю и даже репутація Коха, какъ солиднаго ученаго, нѣсколько пошатнулась. И вотъ первымъ, высказавшимъ трезвое слово о новомъ средствѣ и увлеченіи имъ—былъ Вирховъ. Въ небольшомъ докладѣ «*о вліяніи средства Коха на внутренніе органы туберкулезныхъ*» («*Ueber die Wirkung des Koch'schen Mittels auf innere Organe Tuberculöser*»), представленномъ берлинскому медицинскому обществу, Вирховъ критически разобралъ и освѣтилъ результаты новаго лѣченія, результаты, съ кото-

рыми ему пришлось ознакомиться въ цѣломъ ряду случаевъ на секціонномъ столѣ. Докладъ этотъ, и послѣдовавшій затѣмъ докладъ объ излѣченіи бугорка (Ueber Tuberkeleilung) сразу охладилъ усердіе не по разуму со стороны слѣпыхъ поклонниковъ новаго лѣченія. Послѣдствія показали, что Вирховъ былъ совершенно правъ со своей предостерегающею рѣчью.

Въ заключеніе намъ остается еще упомянуть о XII международномъ медицинскомъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Москвѣ въ августѣ 1897 года и о той роли сѣдовласаго *enfant gaté*, которая выпала на долю Вирхова.

Вирховъ былъ уже не впервые гостемъ Москвы. Въ 1892 году, также въ августѣ, въ Москвѣ происходили почти одновременно международные конгрессы по археологіи и доисторической антропологіи (XI-й конгрессъ) и по зоологіи (II-ой конгрессъ). Въ трудахъ того и другого съѣзда Вирховъ принималъ дѣятельное участіе, и въ томъ и другомъ былъ избранъ въ число почетныхъ предсѣдателей (зоологическаго конгресса) или вице-предсѣдателей (антропологическаго конгресса).

Среди всѣхъ врачей, прибывшихъ въ первопрестольную столицу, Вирховъ былъ безспорно самымъ выдающимся, стоялъ «*hors de concours*». Въ виду же рѣдкой популярности не только имени Вирхова, но и его личности, не удивительно, что гдѣ только ни показывалась скромная фигура берлинскаго патолого-анатома, его тотчасъ окружали и шумно, иногда даже слишкомъ шутно, выражали ему свое уваженіе.

На первомъ общемъ собраніи конгресса Вирховъ произнесъ очень интересную и остроумную рѣчь о непрерывности жизни, какъ основѣ біологическихъ воззрѣній. Эта рѣчь представляетъ картину историческаго развитія біологическаго направленія въ медицинѣ,—картину, написанную смѣлой кистью мастера. Самъ много потрудившійся и положившій новые пути біологическому направленію, ораторъ представилъ слушателямъ блестящій очеркъ того, какъ развивались наши воззрѣнія на жизнь организма, на его возникновеніе и развитіе, на жизнь составляющихъ его элементовъ и на процессы въ нихъ происходящіе. Не смотря на достигнутые успѣхи, мы далеко еще стоимъ отъ рѣшенія великаго вопроса жизни. Вступающимъ на смѣну поколѣніямъ предстоитъ еще много работы въ этомъ направленіи и на ихъ долю выпадетъ завидная честь окончательно установить принципы біологическихъ воззрѣній въ медицинѣ.

На этомъ же съѣздѣ, по предложенію Вирхова, была присуждена денежная премія Анри Дюнану *(Henry Dunant)*, который въ своемъ знаменитомъ «Воспоминаніи о Сольферино» *(Un souvenir de Solferino)* нѣкогда взволновалъ весь цивилизованный міръ описаніемъ ужаснаго положенія раненыхъ, брошенныхъ на произволъ судьбы на полѣ битвы. Дюнанъ затѣмъ поставилъ цѣлью своей жизни организовать международную помощь раненымъ и, исходя изъ этой идеи, положилъ начало

великому институту «Краснаго Креста». *Международный* медицинскій съѣздъ и долженъ былъ почтить основателя *международной* помощи раненымъ! Вирховъ это понялъ и указалъ съѣзду на это.

На предъидущихъ страницахъ мы старались представить по возможности живой и вѣрный портретъ одного изъ самыхъ выдающихся представителей современной медицинской науки. Рудольфъ Вирховъ не пережилъ себя, но уже принадлежитъ исторіи. Къ нему можно примѣнить слова поэта, что онъ «свершилъ въ предѣлѣ земномъ все земное». Мы представили читателямъ, при какихъ условіяхъ и подъ какими вліяніями развивался Вирховъ, какъ складывались его научные и политическіе взгляды. Черезъ всю его жизнь красною нитью проходитъ любовь къ истинѣ во всемъ широкомъ значеніи этого святого слова. И въ наукѣ, и въ жизни, и въ политикѣ Рудольфъ Вирховъ стремится къ истинѣ, ищетъ этой истины, не отступая ни передъ кѣмъ, ни передъ чѣмъ. Второе «слово», которое написалъ на своемъ знамени Вирховъ—это трудъ. Какъ трудился Вирховъ и какіе результаты далъ его трудъ, это, надѣюсь, видѣли наши читатели. Трудъ Вирхова отличался интензивностью и разносторонностью. Отъ секціоннаго стола и профессорской каѳедры онъ переходилъ на парламентскую трибуну. Вскрытія труповъ и изслѣдованія микроскопическихъ препаратовъ смѣнялись измѣреніями живого человѣка. Затѣмъ люди отходили на задній планъ и на сцену выступали археологическія раскопки. За научнымъ сообщеніемъ о какомъ-либо рѣдкомъ случаѣ двойного уродства, слѣдовала популярная лекція объ атомахъ и недѣлимыхъ или о свайныхъ постройкахъ, а за такою лекціею блестящая рѣчь въ парламентѣ.

Мы закончимъ нашъ очеркъ словами Дюбуа Реймона, которыми послѣдній заключилъ свое привѣтствіе Вирхову при вступленіи его въ Берлинскую академію наукъ.

«Я забываю, — такъ выразился Дюбуа Реймонъ, — что я говорю о человѣкѣ и человѣку, который въ теченіе почти цѣлой человѣческой жизни работалъ на необозримомъ полѣ съ неисчерпаемой плодовитостью и неустаннымъ напряженіемъ, работалъ, воспроизводя, изыскивая, устанавливая, упорядочивая, исправляя и обобщая; его имя, связанное съ безчисленными наблюденіями, опытами, теоретическими мыслями, извѣстно во всемъ свѣтѣ, какъ имя пролагающаго новые пути и производящаго переворотъ, и все упорядочивающаго и созидающаго ума. Какъ учитель, онъ не только распространялъ среди тысячей полезныя свѣдѣнія и здравыя воззрѣнія, но и воскресъ въ своихъ многочисленныхъ ученикахъ и ученикахъ учениковъ, и пронизываетъ науку воспроизводящими зародышами, дѣйствуя подобно ферменту до безконечности».

Къ этой блестящей и мѣткой характеристикѣ трудно что-либо прибавить.

Намъ остается лишь пожелать, чтобы наши читатели прониклись такими же симпатіями къ великой и свѣтлой личности Рудольфа Вирхова, симпатіями, какія пробудило въ насъ болѣе близкое знакомство съ жизнью и трудами этого ученаго.

Матеріаломъ при составленіи настоящаго очерка намъ послужили прежде всего труды самого Вирхова и тѣ изданія, которыя связаны съ его именемъ, какъ редактора. (*Archiv für pathologische Anatomie* etc., *Medicinische Reform* и другія).

Затѣмъ мы воспользовались біографическими очерками, воспоминаніями и замѣтками, появившимися по поводу 70-лѣтняго юбилея Вирхова какъ отдѣльными изданіями, такъ и въ періодической прессѣ. Среди этихъ біографій на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить *Becher*'а: *Rudolf Virchow. Berlin*, 1891. Можно указать еще на краткую біографію *Steinitz*'а: *Rudolf Virchow. Berlin.* 1891.

Назовемъ еще слѣдующіе источники:

Biographisches Lexicon hervorrangender Aerzte etc.

Haeser. Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten. 1874—1876.

Baas. Grundris der Geschichte der Medicin und des heilenden Standes. 1876.

Hirsch. Geschichte der medicinischen Wissenschaften in Deutschland. 1893.

Pagel. Die Entwickelung der Medicin in Berlin. 1897.

Dü Bois-Reymond. E. Reden. Zweite Folge. 1887.

Die öffentliche Gesundheits- und Krankenpflege der Stadt Berlin. 1890.

Anstalten und Einrichtungen des öffentlichen Gesundheitswesens in Preussen. 1890.

Schliemann. Ilios. Stadt und Land der Trojaner. 1881.

Blos. W. Die Deutsche Revolution. Geschichte der deutschen Bewegung von 1848 und 1849. Stuttgart. 1893.

Наконецъ, упомянемъ еще о небольшомъ біографическомъ очеркѣ г. Н. С. «*Рудольфъ Вирховъ*», «Вѣстникъ Европы». 1882. Кн. 8.

Ю. Г. Малисъ.

ПЕРЕМУДРИЛЪ.

Повѣсть Габріэли Рейтеръ.

Переводъ съ нѣмецкаго М. Чепинской.

Бернгардъ Альтгаусъ поцѣловалъ въ щеку госпожу Гервинъ. И почему бы хорошему пріятелю не поцѣловать своей хорошей пріятельницы, разставаясь съ нею на три мѣсяца? Къ тому же, оба они, послѣ достаточно продолжительнаго знакомства другъ съ другомъ, только что заключили между собою новый союзъ съ цѣлью способствовать взаимному развитію, такъ какъ общеніе съ лицами драгого пола несомнѣнно дѣйствуютъ развивающимъ образомъ.

Докторъ Альтгаусъ былъ нѣсколько растроганъ прощаніемъ со своимъ новымъ другомъ. Но онъ ничего не имѣлъ противъ этого прилива чувства, потому что—да просто потому, что его отношенія къ молодой, чрезвычайно симпатичной ему женщинѣ были ужъ слишкомъ однообразны, ровны.

Г-жа Гервинъ не стала къ нему теплѣе послѣ той торжественной минуты, когда они заключили дружбу. Даже, напротивъ, Бернгарду постоянно казалось, что она словно ускользаетъ отъ него и понемногу возвращается въ свое, ничѣмъ не нарушаемое, вдовье одиночество, нисколько не поступаясь своей вдовьей свободой. Онъ вовсе не хотѣлъ этого.

Этому духовному союзу онъ отвелъ въ своей жизни опредѣленное мѣсто, котораго ничѣмъ другимъ заполнить не могъ. Онъ вообще съ трудомъ привязывался къ женщинѣ и рѣдко испытывалъ къ ней дружбу или уваженіе. Въ г-жѣ Гервинъ онъ цѣнилъ то, что она обнаружила интересъ къ того рода явленіямъ, о которыхъ въ настоящее время мужчины обмѣниваются мнѣніями лишь между собой. Обнаруженная, въ этой области наблюденій, г-жей Гервинъ чуткость навела Альтгауса на мысль, что въ женской душѣ все воспринятое, познанное должно отражаться иначе, чѣмъ въ душѣ мужчины, и что для него, какъ писателя, выясненіе этого различія представляетъ задачу, заслуживающую вниманія.

Онъ не хотѣлъ влюблять въ себя г-жу Гервинъ, такъ какъ самъ намѣревался оставаться равнодушнымъ. Этого онъ не простилъ бы мужчинѣ, руководящемуся въ жизни серьезными идеалами. Къ тому же, это не входило къ его цѣли. Подобныя вещи доставляютъ удовольствіе свѣтскимъ людямъ, но Бернгардъ Альтгаусъ не былъ свѣтскимъ человѣкомъ. Онъ даже старался держаться старинныхъ обычаевъ. Ему нравилось, когда молодыя дѣвушки обращались съ нимъ по товарищески и позволяли себѣ съ нимъ больше вольностей, чѣмъ съ другими, въ томъ убѣжденіи, что онъ «не опасенъ». Онъ вмѣнялъ себѣ въ честь не обманывать ихъ довѣрія. Онъ умѣлъ владѣть собою.

Сидя рядомъ съ г-жею Гервинъ и спокойно бесѣдуя съ нею, онъ съ эстетическимъ удовольствіемъ разсматривалъ нѣжную линію щеки на этой женской рыжевато-бѣлокурой головкѣ, любовался гармоническимъ сочетаніемъ темнаго, изсиня зеленаго, зимняго платья, падавшаго тяжелыми складками, и пушистой отдѣлки изъ перьевъ, съ бѣлизною ея лица. Полоска темныхъ веснушекъ, проходившая черезъ переносье къ вискамъ, напоминала ему изящный рисунокъ на лепесткахъ орхидей. Красивое очертаніе вѣкъ на профилѣ опущенной головы, золотистыя пряди волосъ, подергиванье между бровями—признакъ впечатлительной натуры, — все это онъ внимательно изучалъ, желая сохранить въ памяти ея образъ. Этотъ образъ долженъ былъ послужить ему ободреніемъ, утѣшеніемъ, успокоеніемъ въ томъ случаѣ, если онъ когда-нибудь утратитъ уваженіе къ женщинамъ. Во время этого созерцанія имъ незамѣтно овладѣло пріятное нервное возбужденіе, чувство восхищенія. Но онъ не поддался бы ему, не уступилъ бы влеченію прикоснуться губами къ этой нѣжной щекѣ. Нѣтъ, здѣсь было нѣчто, кромѣ чувственнаго влеченія. Что-то головное, разсудочное подсказало ему: «Сдѣлай это теперь, это будетъ умно, благоразумно и въ то же время—сердечно, по-дружески и—интересно». Онъ всталъ и въ глазахъ его ясно выражалось, чего онъ желалъ. Но г-жа Гервинъ не поняла его. Когда она вдругъ почувствовала, что онъ обнялъ ее и коснулся губами ея щеки, она такъ испугалась, что вмѣстѣ съ нею и Бернгардъ испугался ея испуга и того страстнаго волненія, которое появилось на ея лицѣ. Удивленный и потрясенный, онъ еще разъ серьезно, пристально посмотрѣлъ на нее и молча удалился.

* * *

Изъ Англіи докторъ Альтгаусъ еженедѣльно обмѣнивался со своею пріятельницей открытыми письмами, а иногда и длинными посланіями. Его письма заключали въ себѣ обстоятельный отчетъ о различіи между характеромъ англичанъ и нѣмцевъ и составляли какъ бы дополненія къ статьямъ, которыя онъ присылалъ для берлинскихъ газетъ и о которыхъ г-жа Гервинъ, послѣ появленія ихъ въ печати, письменно высказывала ему свое мнѣніе.

Вернувшись, онъ съ любопытствомъ ждалъ, какъ встрѣтитъ его

г-жа Гервинъ. Съ тайнымъ удовольствіемъ замѣтилъ онъ ея смущеніе, когда явился къ ней. Она вся затрепетала, губы ея задрожали, и казалось, что она собирается плакать, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она хотѣла улыбнуться. При видѣ этого Альтгаусъ даже остановился на полусловѣ. Г-жа Гервинъ вопросительно подняла на него глаза, но смутилась еще больше, а потомъ вдругъ стала очень веселой.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ она всякій вечеръ и всякое утро по нѣскольку разъ задавала себѣ вопросъ, поцѣлуетъ ли ее Бернгардъ Альтгаусъ еще разъ, вернувшись изъ путешествія, и что тогда произойдетъ съ ихъ дружбой? Или не поцѣлуетъ?

Онъ не могъ знать, что этотъ спокойный поцѣлуй былъ для нея чѣмъ то совершенно новымъ и страшнымъ, такъ какъ она, эта молодая и привлекательная замужняя женщина, никогда не испытывала мужской ласки. Она была замужемъ, но для чего женятся нѣкоторые мужчины, для чего женился на ней ея мужъ, — такъ и осталось для нея загадкой.

Віола была компаньонкой матери г-на Гервина и всегда вспоминала объ этомъ, глядя на свою собственную компаньонку, фрейлейнъ Ломанъ, которой поэтому предоставляла полную свободу мучить ее, сколько той было угодно.

Гервинъ нигдѣ не служилъ, ничѣмъ не занимался и жилъ у матери; они постоянно ссорились съ матерью, но и часа не могли прожить въ разлукѣ. Ему было за сорокъ лѣтъ, и всѣ старые друзья дома подшучивали надъ сожительствомъ его съ прелестной дѣвушкой, поселившейся въ ихъ домѣ. Онъ не находилъ ее прелестной, и ея нѣжная молодость не была опасной для его спокойствія. Но всѣ, рѣшительно всѣ думали объ этомъ иначе. Наконецъ, старуха Гервинъ, собравъ все свое благородство и вооружившись сознаніемъ материнскаго долга, стала просить сына жениться на молодой дѣвушкѣ, если онъ этого желаетъ. Гервину показалось, что объ этомъ, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ подумать. Онъ спросилъ Віолу, хочетъ ли она быть его женой. Она отвѣчала отказомъ. Это возмутило старуху. Она направила всѣ свои усилія на то, чтобы союзъ, котораго не желала ни та, ни другая сторона, все-таки состоялся. Такъ какъ ей самой было очень тяжело, что сынъ ея не дѣлаетъ блестящей партіи, то она думала, что за принесенную ею жертву небо должно наградить сына большимъ счастьемъ. Віола нѣкоторое время смущенно и робко защищалась, потомъ уступила. Тайная совѣтница Гервинъ умѣла заставлять окружающихъ поступать такъ, какъ ей было угодно.

До свадьбы время прошло печально и непріятно и было, главнымъ образомъ, наполнено мелкими препирательствами о приданомъ. Віола уступала во всемъ, но то, что покупалось противъ ея желанія, не доставляло ей удовольствія. Гервинъ, разговорчивый, но сухой человѣкъ, каждое утро цѣловалъ ее, выходя пить кофе. Этотъ поцѣлуй уже вы-

зывалъ страшную ревность его матери. Она цѣлый день колола и дразнила Віолу той нѣжностью, какую оказываетъ ей женихъ и которой на самомъ дѣлѣ вовсе не было; часто при этомъ у старухи навертывались на глаза слезы и голосъ ея прерывался отъ рыданій. Поэтому Віола думала, что Гервинъ относится къ ней внѣшнимъ образомъ такъ равнодушно изъ вниманія къ матери. Когда мысль о замужествѣ пугала ее, она утѣшала себя тѣмъ, что брачный союзъ принесетъ съ собой мистическое откровеніе любви и вѣрности.

Послѣ свадьбы молодые думали совершить путешествіе. Г-жа Гервинъ поѣхала ихъ провожать до мѣста перваго ночлега, но непремѣнно пожелала остановиться отдѣльно въ другой гостинницѣ.

— Боже сохрани, чтобы я стала мѣшать вамъ,—сказала она.

Они поужинали втроемъ.

— Я только провожу маму,—сказалъ Гервинъ женѣ:—а ты пока пойди наверхъ въ нашу комнату.

Она такъ и сдѣлала. Сѣла у окна въ этомъ чужомъ городѣ и стала ждать чужого человѣка (такъ какъ Гервинъ за то время, что былъ женихомъ, нисколько не сблизился съ нею); она спрашивала себя, глотая слезы, такъ же ли тяжело бываетъ другимъ дѣвушкамъ хоронить свои идеалы.

А потомъ она поглядѣла на часы и съ ужасомъ замѣтила, что прошелъ уже цѣлый часъ съ тѣхъ поръ, какъ Гервинъ покинулъ ее. Она начала безпокоиться, не случилось ли чего съ нимъ или съ свекровью, но ей стыдно было позвонить и послать прислугу узнать, въ чемъ дѣло. Пройти же самой по улицамъ незнакомаго города — она не рѣшалась. Да и могла ли она идти искать его? Теперь? Сегодня? Если что-нибудь случилось, то вѣдь онъ долженъ былъ извѣстить ее.

И она просидѣла въ такомъ ожиданіи всю ночь напролетъ.

Было предположено ѣхать дальше утромъ, въ семь часовъ. Въ шесть часовъ явился Гервинъ.

Віола дошла до той степени нервнаго возбужденія, когда уже утрачивается способность говорить, когда всякій звукъ, срывающійся съ губъ, обращается въ крикъ. Поэтому она молчала.

— Я не могъ оставить мамашу одну,—сказалъ Гервинъ недовольнымъ и усталымъ голосомъ, зѣвая.—У нея сдѣлалась истерика, и она была такъ взволнована. Она совсѣмъ больна. Я долженъ былъ пойти за врачомъ и бѣгать въ аптеку. Ѣхать ли намъ дальше?

— Вѣдь ничто не мѣшаетъ намъ вернуться,—отвѣчала Віола равнодушно, помолчавъ немного.

— Это будетъ самое лучшее, — сказалъ ея мужъ, вздохнувъ съ облегченіемъ.—Мы и потомъ можемъ совершить маленькую прогулку.

Такъ окончилось свадебное путешествіе Віолы.

Въ домѣ свекрови Віола продолжала жить въ той же комнаткѣ, которую занимала прежде въ качествѣ компаньонки.

Очень скоро у Гервина обнаружились первые признаки болѣзни, которая годъ спустя свела его въ могилу. Когда Віола начала сознавать, что мужъ ея безпомощный больной, она вышла изъ того оцѣпенѣнія, въ которомъ находилась. Теперь она могла съ самоотверженіемъ ухаживать за Гервиномъ. При этомъ она часто спрашивала себя, не погибаетъ ли преждевременно этотъ несчастный чудакъ, привыкшій ходить на помочахъ, отъ того, что не можетъ разрѣшить дилемму своихъ старыхъ и новыхъ обязанностей? Никогда не замѣчала она въ немъ ни малѣйшаго пониманія ея собственнаго страннаго положенія. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ, однако, потребовалъ нотаріуса и завѣщалъ ей небольшое состояніе, полученное имъ отъ отца. Это сдѣлало ее независимой и дало ей возможность уйти отъ свекрови и устроиться самостоятельно.

Віола держала себя далеко отъ общества мужчинъ: съ своей стороны, и мужчины поэтому не обращали на нее никакого вниманія. Досугъ свой она употребляла на знакомство съ естественными науками, живописью, литературой. Послѣднимъ предметомъ ея изученія было чувство дружбы. Для изслѣдованія его ей должны были послужить всѣ ранѣе пріобрѣтенныя знанія.

Эту точку зрѣнія внушилъ ей мало-по-малу Альтгаусъ. Ему не легко было заслужить ея довѣріе и убѣдить ее въ томъ, что она представляетъ собою исключительное явленіе. Она нерѣшительно и медленно выходила изъ узкаго круга устарѣлыхъ чувствъ и воззрѣній, съ которыми выросла и сжилась.

Бернгардъ Альтгаусъ гордился тѣмъ, что нашелъ въ Берлинѣ такую женщину, какъ Віола. Для разысканія такихъ скрытыхъ драгоцѣнностей, надо было имѣть особенное чутье.

Онъ вовсе не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые считаютъ Берлинъ мѣстомъ всѣхъ высшихъ и рѣдкихъ наслажденій. Онъ мечталъ и съ удовольствіемъ говорилъ о маленькихъ городкахъ съ тихими садиками-особняками, о жизни, исполненной простыхъ радостей, о вечернихъ прогулкахъ и бесѣдахъ съ возвращающимися съ работъ крестьянами.

Теперь онъ долженъ былъ провести всю весну и лѣто въ Берлинѣ. Онъ намѣревался писать книгу о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ Лондона. Это будетъ не объективное изображеніе тамошнихъ условій жизни, какъ это ужъ дѣлалось сотню разъ; нѣтъ, а изображеніе этихъ условій, разсматриваемыхъ сквозь призму личнаго темперамента. Впрочемъ, онъ еще не привелъ въ ясность, какого рода будетъ этотъ личный темпераментъ — опредѣлится ли тонъ его произведеній тою частью его существа, которая жадно упивалась современной берлинской жизнью, или же тою стороной его «я», которая любила маленькіе города и тихіе сады. Наконецъ, онъ остановился на томъ, что сопоставитъ оба большихъ города, какъ два культурныхъ центра, и это

побудило его остаться въ Берлинѣ. Онъ трудился усидчиво и добросовѣстно надъ выработкой легкаго и изящнаго слога.

Въ то же время онъ ежедневно навѣщалъ г-жу Гервинъ въ ея хорошенькой комнатѣ, гдѣ майское послѣобѣденное солнце просвѣчивало сквозь красно-бурые листья огромной бегоніи, скользило по рѣзнымъ японскимъ бездѣлушкамъ изъ слоновой кости и играло въ зеленыхъ вазахъ на ея письменномъ столѣ. Шерстяныя занавѣси въ эту пору дня принимали пурпуровую окраску, и небольшая комната съ ея блѣдноголубыми, старомодными, скромными обоями совершенно преображалась и сіяла такой красотой, какой не съумѣлъ бы придать ей ни одинъ обойщикъ.

Но возбуждающихъ разговоровъ съ Віолой, какъ сначала предполагалъ Бернгардъ, не завязывалось. Едва г-жа Гервинъ успѣвала преодолѣть смущеніе, въ которое всегда повергало ее появленіе Бернгарда, онъ уже спѣшилъ домой. Въ разговоры ихъ то и дѣло вкрадывались недоразумѣнія и непріятныя столкновенія.

Однажды они не на шутку поссорились изъ-за пустяка, и на другое утро д-ру Альтгаусу сказали, что у г-жи Гервинъ болитъ голова. Онъ не былъ принятъ и на слѣдующій день.

На третій день утромъ звонокъ раздался такъ рано, что Віола не могла ожидать посѣщенія и спокойно продолжала читать, какъ вдругъ сзади нея появился Бернгардъ. Онъ держалъ въ рукахъ пучекъ желтыхъ цвѣтовъ, между которыми выглядывалъ прелестный экземпляръ темно-синей вероники—эмблемы мужской вѣрности—растеніе, которое весною цвѣтетъ во всѣхъ садахъ.

Віола вскрикнула, и голосъ ея оборвался словно отъ сдавившаго горло рыданія. Она вскочила.

— Ахъ, какимъ образомъ вы здѣсь!—воскликнула она, звонко смѣясь.

— Неужели вы думаете, что я не съумѣю найти къ вамъ дороги? Можно было не шутя испугаться того, что вы больше не желаете меня видѣть!

— У меня, правда, болѣла голова.

Она дрожала, густо покраснѣвъ, и вдругъ, увидавъ синій цвѣтокъ, расплакалась.

— Не обращайте на меня вниманія,—всхлипывала она.—Ахъ, это ужасно, что у меня такъ мало самообладанія.

— Такъ значитъ—миръ, все между нами по старому?—спросилъ молодой человѣкъ, взялъ холодныя руки г-жи Гервинъ и старался согрѣть ихъ, гладя и пожимая ихъ. Онъ говорилъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, какого еще не слышала Віола.

У нея явилась какая-то безумная надежда, и она сказала, запинаясь

— Я знаю, что это глупо. Потерпите немного, я опять буду благоразумна. Вѣдь я всю жизнь была благоразумна.

— Да, это правда,—задумчиво сказалъ онъ.

Онъ всегда считалъ эту женщину неприступной. А теперь надо было призвать къ себѣ всю силу воли, такъ какъ въ слѣдующіе четверть часа всѣ его планы могли рушиться. Онъ взялся за шляпу.

— Поставьте эти цвѣты въ воду—сказалъ онъ, чтобы прервать это настроеніе. Онъ чувствовалъ, что нельзя медлить ни одной секунды, иначе онъ сдѣлается жертвой страстнаго порыва, — той страстности, которую онъ въ ранней молодости расточалъ на всѣхъ перекресткахъ и потому презиралъ.

— Зачѣмъ же вы уходите?—спросила она и положительно сконфузила его тѣмъ невиннымъ выраженіемъ глазъ, какими она на него поглядѣла.—Я васъ выживаю! Нѣтъ, ужъ я совсѣмъ спокойна, видите.

Она сѣла въ кресло противъ него, сложивъ руки на колѣняхъ, и въ глазахъ ея можно было прочесть, что она любуется имъ.

Бернгардъ считалъ себя некрасивымъ, и такъ какъ онъ былъ эстетикомъ въ душѣ и художественнымъ критикомъ, то страдалъ отъ этого. Его пріятно волновало сознаніе, что Віола смотритъ на него съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ смотрятъ на Аполлона Бельведерскаго.

— Отчего вы всегда такъ скоро убѣгаете? — спросила г-жа Гервинъ.—Это мнѣ обидно, а потомъ я всегда волнуюсь. Вы должны оставаться подольше и развивать меня серьезной бесѣдой!—добавила она, лукаво улыбнувшись.

— Да, да, это легко говорить,— пробормоталъ онъ.—Вѣдь я созданъ изъ плоти и крови.

Она удивленно раскрыла глаза,

— Развѣ вы не замѣчаете, что я долженъ бѣжать, чтобъ не надѣлать глупостей? Неужели вы думаете, что я камень, котораго близость существа, подобнаго вамъ, не можетъ тронуть?

Она все больше краснѣла и слушала его, поднявъ голову и полуоткрывъ губы.

Онъ медленно, торжественно нагнулся, прильнулъ къ ея губамъ и утолилъ жажду ихъ долгимъ поцѣлуемъ.

Віола вся притихла отъ глубокой радости.

Онъ еще посидѣлъ у нея, крѣпко держа ея руку въ своей.

— Если бы я только могъ точно выразить, что я къ тебѣ чувствую,—тихо проговорилъ онъ.

— Не надо... не говори... вѣдь я же знаю,—сказала она.

Онъ еще разъ обнялъ ее и тихонько притянулъ къ себѣ, не со страстью, а съ нѣжной сердечностью, и неизвѣданное еще чувство—любовь—открылось Віолѣ невыразимо прекраснымъ.

. . . . . .

Они вмѣстѣ позавтракали, разговаривая между собою на «вы» въ присутствіи компаньонки, но при этомъ постоянно смотрѣли другъ другу въ глаза и смѣялись и дразнили другъ друга, какъ дѣти.

Потомъ Бернгардъ часа два бродилъ по самымъ отдаленнымъ дорожкамъ Тиргартена. Счастье его было скорѣе грустное, чѣмъ радостное, и онъ глубоко чувствовалъ, какой цѣнный даръ представляетъ для него любовь Віолы.

— Это что то похожее на полное чувство! Онъ ужъ не считалъ себя способнымъ на такое всецѣлое проникновеніе имъ. Віола доказала противное, и за это онъ всегда сохранитъ къ ней благодарность.

Но теперь ничего не надо портить неистовыми порывами. Такое сокровище слѣдуетъ беречь.

Онъ сталъ мечтать о будущемъ. Какъ оно могло быть прекрасно!

Чистое наслажденіе, при которомъ будетъ мѣсто только нѣжнымъ, возвышеннымъ движеніямъ души!.. И притомъ свобода... время отъ времени «un bain de crapule et d'encanaillement»... ничѣмъ непрерываемый трудъ, никакихъ хозяйственныхъ и брачныхъ заботъ...

Великіе боги! да теперь у него было все, что нужно, для того, чтобы развить свой писательскій талантъ, чтобы, быть можетъ, стать поэтомъ, достигнуть высшихъ предѣловъ творчества.

Какъ знать, можетъ быть, вліяніе Віолы будетъ такъ сильно, что нервы его перестанутъ нуждаться въ наемныхъ удовольствіяхъ и услугахъ разврата! Онъ никогда не умѣлъ веселиться, какъ другіе молодые люди, а всегда испытывалъ потомъ самыя жестокія душевныя муки.

Конечно, немного женщинъ, отъ которыхъ можно ожидать чего-нибудь подобнаго — но другое дѣло *она!* Она изъ тѣхъ, кто многодаетъ, изъ тѣхъ немногихъ, которые способны на безкорыстную чистую любовь... И имъ овладѣло по отношенію къ ней чувство искренняго уваженія, болѣе того—онъ преклонялся предъ ней.

* * *

Г-жа Гервинъ знала, что положеніе доктора Альтгауса не позволяло ему жениться. У нея самой было средствъ не больше, чѣмъ необходимо было для ея собственнаго существованія. Кромѣ того, она постоянно повторяла себѣ, что она на три года старше своего друга, и это казалось ей непреодолимымъ препятствіемъ для брака. Уже по этой причинѣ она должна была отказаться отъ союза съ нимъ. Но это не особенно заботило ее. Она была счастлива, потому что онъ любилъ ее, и въ этомъ находила полное удовлетвореніе. Потомъ—если и должно случиться что-нибудь радостное или убійственно-тяжелое— объ этомъ она теперь не хотѣла думать! Завтра вѣдь опять придетъ Бернгардъ.

Альтгаусъ былъ удивленъ, какъ непринужденно и весело встрѣтила его пріятельница на другой день. Это сняло у него съ души большую тяжесть. Значитъ, и послѣ грозы она будетъ относиться къ нему спокойно и сердечно, какъ прежде.

При этомъ онъ подумалъ, что долженъ чѣмъ-нибудь вознаградить

Віолу за то, чего онъ—по здравому размышленію—не хотѣлъ давать ей. И потому онъ предложилъ ей перевести съ его помощью на нѣмецкій языкъ книгу объ англійской живописи, предсказывая этой книгѣ большой успѣхъ въ Германіи.

Эта задача, по правдѣ сказать, превышала силы Віолы. Но ей совѣстно было признаться Бернгарду, что она не такая выдающаяся и не такая серьезная женщина, какъ онъ, повидимому, предполагалъ. Она принялась за дѣло и всякое утро съ трудомъ преодолѣвала свою неохоту къ работѣ. Маленькій кружокъ ея знакомыхъ, состоявшій изъ почтенныхъ семействъ, съ какими обыкновенно поддерживаютъ отношенія одинокія порядочныя женщины средняго класса,—изумлялся ея возвышеннымъ стремленіямъ. Къ тому же, никогда еще не чувствовала она такой горячей, томительной потребности въ мечтательной праздности, такого сильнаго желанія беззаботно пожить, побродить въ какомъ-нибудь красивомъ, незнакомомъ уголкѣ, какъ въ эту весну. Но объ этомъ она не говорила, изъ боязни потерять уваженіе своего друга.

Въ то время, какъ она мучительно трудилась надъ передачей хорошимъ нѣмецкимъ языкомъ стиля англійскаго ученаго, который съ своей стороны старался подражать Карлейлю и выражался еще гораздо темнѣе и запутаннѣе, чѣмъ его образецъ,—мысли ея постоянно заняты были вопросомъ, какое платье ей надѣть послѣ обѣда, или тѣмъ, что ей сказать или сдѣлать, чтобы понравиться Бернгарду,

То, что не представило бы никакой трудности для свѣтской женщины, повергало ея бѣдную душу, привыкшую къ уединенію, въ мучительныя сомнѣнія и въ нестерпимую тревогу. Она постоянно боялась, какъ бы наряды ея не были сочтены за желаніе молодиться, а между тѣмъ зеркало говорило ей, что свѣтлые цвѣта гораздо болѣе идутъ къ характеру ея наружности.

Компаньонка тоже сильно стѣсняла ее, такъ какъ могла догадаться по ея тщательному вниманію къ туалету, что она старается завлечь мужчину. Это было для нея безпрерывнымъ униженіемъ, лишало ее непринужденности и заставляло при фрейлейнъ Ломанъ впадать въ аффектированный тонъ, какой она изъ робости принимала съ чужими. Она сама не сознавала этого и не подозрѣвала, что это сердитъ Бернгарда.

Гдѣ же дружба, какая она для него подруга, если она не впускаетъ его въ тѣ завѣтные уголки своей души, куда другіе не имѣютъ доступа? Именно того, чего онъ болѣе всего желалъ, и что, какъ онъ надѣялся, должно измѣнить его міросозерцаніе, именно того онъ и не получаетъ отъ нея. Да, но могло ли это быть, когда онъ совершенно игнорировалъ то, что всецѣло наполняло ея душу?

Бернгардъ иногда задавалъ себѣ вопросъ, слѣдуетъ ли ему посвящать Віолу въ свои мечты, желанія, мнѣнія и чувства? Ей онъ часто говорилъ о необходимости одиночества и независимости для плодо-

творнаго художественнаго творчества. На это она улыбалась, качала головой и говорила: «Желаю вамъ все же когда-нибудь—впослѣдствіи—найти женщину, безъ которой жизнь для васъ будетъ невозможной».

Но глаза его отвѣчали ей, что никогда не найдетъ онъ такой женщины.

Какой-то страхъ, нѣчто подобное трусости мѣшало ему откровенно высказать то, что у него на душѣ. Вѣдь никогда нельзя знать заранѣе, чѣмъ могутъ окончиться такія изліянія, хотя бы и начатыя въ полномъ самообладаніи. Любовныя исторіи — онъ ихъ зналъ — всѣ похожи одна на другую. Здѣсь же онъ имѣлъ передъ собою нѣчто болѣе тонкое, болѣе возвышенное. Слѣдить за нервной игрой смѣняющихся мучительныхъ и пріятныхъ ощущеній на лицѣ Віолы представляло для него величайшій интересъ и наслажденіе... Онъ уже не хотѣлъ писать книги объ лондонской народной и артистической жизни. Онъ мечталъ о психологическомъ романѣ, который не могъ быть созданъ одной фантазіей. Для этого необходимо было терпѣливо запасаться впечатлѣніями. Такъ работали братья Гонкуры... Можетъ быть, такимъ образомъ удастся ему обогатить нѣмецкую литературу такимъ произведеніемъ, какого она теперь ждетъ съ нотерпѣніемъ, а она, нѣмецкая литература, вознаградитъ его, Бернгарда Альтгауса, высшимъ счастіемъ,—даруетъ ему славу!

Чтобы успокоить свою чуткую совѣсть, Альтгаусъ, отправляясь къ своей пріятельницѣ, честно и объективно соображалъ, какимъ путемъ сообщить ей новый и болѣе свободный взглядъ на борьбу разнорѣчивыхъ стремленій и теченій современной жизни.

Но когда они вдвоемъ съ нею сидѣли за столомъ и вмѣстѣ глядѣли на рукопись Віолы, причемъ головы и плечи ихъ — такъ какъ оба были близоруки—почти соприкасались, а волосы Бернгарда щекотали щеку Віолы, и щека эта все больше и больше краснѣла и разгоралась — ему стоило большого усилія надъ собою, не обнять, не привлечь къ себѣ милую женщину, а она все спрашивала себя, не случится ли этого теперь и почему онъ этого не дѣлаетъ... И работа шла у нихъ не особенно успѣшно. Къ тому же, палящее послѣобѣденное солнце ярко свѣтило въ окна, а растенія съ большими листьями жадно простирали навстрѣчу горячимъ лучамъ свои пышные пунцовые цвѣты. Стояли чудесные лѣтніе дни, но было душно.

Віола часто плакала по цѣлымъ часамъ о томъ, что присутствіе Бернгарда не даетъ ей радости и удовлетворенія.

* * *

Однажды, г-жа Гервинъ предложила Альтгаусу пройтись вмѣстѣ по Тиргартену. Она много гуляла одна, но такъ какъ Альтгаусъ, какъ она думала, такъ же искренно любилъ природу, какъ и она сама, она надѣялась здѣсь среди природы вернуть гармонію, которую съ каждымъ днемъ утрачивали ихъ отношенія.

Дѣло было подъ вечеръ. Равномѣрное движеніе нравилось ей, спокойно идти рядомъ съ нимъ было пріятнѣе, чѣмъ сидѣть взаперти въ ея двухъ маленькихъ комнаткахъ. Бернгардъ также говорилъ и держалъ себя свободнѣе. Но они не подумали о томъ, что въ такую хорошую погоду, да еще въ воскресенье, въ паркѣ будетъ много народа. Альтгаусу нѣсколько разъ приходилось раскланиваться. Потомъ они встрѣтили семью родственниковъ Віолы. У нихъ въ домѣ на вечерѣ Віола и познакомилась съ Альтгаусомъ.

— Замѣтили ли вы, какъ злобно поглядѣла на насъ эта женщина,— сказалъ Альтгаусъ, когда вся семья прошла мимо.—Вотъ вамъ образецъ нѣмецкой буржуазки съ ея страстью къ сплетнямъ и клеветѣ.

И хорошее настроеніе Альтгауса мигомъ пропало.

Нѣсколько дней спустя Віола спросила его, не прогуляться ли имъ опять вмѣстѣ; онъ отказался.

— Чего онъ боится?—спрашивала себя Віола, и презрѣніе къ этому человѣку охватывало ея душу.—Онъ вѣдь знаетъ, что мнѣ дѣла нѣтъ до того, что будутъ говорить.

Бернгардъ принесъ ей орхидею, нѣжный бѣлый цвѣтокъ съ опьяняющимъ запахомъ. Она знала, что означаетъ этотъ подарокъ, но не въ силахъ была превозмочь своей грусти и какъ-то вяло поблагодарила его.

— Она такъ впечатлительна,—думалъ Бернгардъ.—Отчего бы ей со смѣхомъ не обнять меня и отъ души не поцѣловать?

Въ минуты наибольшаго душевнаго напряженія у Віолы онъ такъ старательно выдерживалъ тонъ, соотвѣтствовавшій его идеалу, что самъ удивлялся своему сильному характеру. Съ Віолой ему было не легко, онъ сознавалъ, что слишкомъ много тратитъ на нее времени.

Онъ сталъ приходить черезъ день.

Віола приступила къ перепискѣ первыхъ главъ своего перевода. Работать дальше она не могла. Духовныя силы вдругъ точно покинули ее. Каждое сколько-нибудь ясное предложеніе стоило ей величайшаго труда. Бернгардъ смѣялся надъ тѣми несообразностями, которыя встрѣчались въ ея переводѣ; она плакала, онъ становился саркастичнымъ, даже безцеремонно-грубымъ. Это окончательно отшибло у нея охоту къ работѣ.

* * *

Фрейлейнъ Ломанъ нѣсколько разъ повторяла г-жѣ Гервинъ, что необходимо вымыть занавѣси, выкрасить полы и вообще произвести лѣтнюю чистку квартиры. Віола сначала не хотѣла объ этомъ и слышать. Теперь ей показалось глупымъ, что она позволяетъ приходамъ Бернгарда нарушать заведенный порядокъ, и она объявила ему, что проситъ цѣлую недѣлю не навѣщать ея.

— Ого,—сказалъ онъ,—но могу ли я хоть у дверей освѣдомиться о вашемъ здоровьи?

— Нѣтъ, и этого нельзя.

— Такъ, вѣроятно, здѣсь будетъ совершаться нѣчто ужасное! Я не могу допустить, чтобы меня такъ выгоняли.

— Нѣтъ, пожалуйста, не приходите!

— Но вѣдь вы этого сами не выдержите.

Она улыбнулась и покраснѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ я-то выдержу.

Она тихонько положила свою руку на его рукавъ; онъ нѣкоторое время безмолвно глядѣлъ на нее, потомъ задумчиво сталъ перебирать ея пальцы. У двери онъ еще два раза оглянулся и улыбнулся ей.

Уже на другой день, когда выносили мебель, и Віола въ большомъ передникѣ, съ бѣлымъ платочкомъ на своихъ рыжевато-бѣлокурыхъ волосахъ, стояла въ корридорѣ, вдругъ раздался звонокъ доктора Альтгауса. Она увидѣла его чрезъ желѣзную рѣшетку окна, смѣясь пріотворила дверь и крикнула: «Никого дома нѣтъ».

Онъ просунулъ ногу въ дверную щель и, такимъ образомъ, заставилъ пустить себя.

— Только поздороваться,—просилъ онъ. Она очень нравилась ему въ бѣломъ платочкѣ на умномъ, высокомъ лбу.

— Какъ это вамъ къ лицу,—сказалъ онъ задумчиво.

— Посмотрите, что я нашелъ!—онъ вытащилъ изъ боковаго кармана фотографію и протянулъ ее Віолѣ. Это было ея собственное изображеніе въ профиль и въ мѣховой шапочкѣ. Она снималась такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и давно уже раздала всѣ эти карточки.

— Откуда это у васъ?—съ удивленіемъ спросила она.

— Я нашелъ ее сегодня въ альбомѣ одного фотографа. И—дорого заплатилъ за нее.

— Но какъ же онъ смѣетъ продавать мои карточки! — испуганно воскликнула она.

— Господи Боже мой, да чего не достанешь за деньги,—юмористически замѣтилъ Альтгаусъ. — Вотъ, наконецъ, хорошая ваша карточка. Видна женщина въ полномъ расцвѣтѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ столько юношескаго... Теперь мнѣ пора уходить.

Они, однако, постояли еще нѣсколько минутъ среди хаоса нагроможденныхъ другъ на друга столовъ, стульевъ, диванов и картинъ; присѣсть было негдѣ, а между тѣмъ имъ такъ много надо было сказать другъ другу. Въ пустой гостиной, на лѣстницѣ стояла компаньонка и подавала горничной занавѣси. Віола и не подумала о томъ, чтобы закрыть дверь,—вѣдь тайнъ у нихъ не было.

Въ слѣдующіе дни, пока Віола не видѣла Бернгарда, она впервые при мысли о дружбѣ ихъ испытывала радость. Когда приближался часъ, въ который она обыкновенно прислушивалась къ его звонку, и его не было, она чувствовала разочарованіе. Она говорила себѣ, что онъ любитъ изящество, уютность и что лучше, чтобы онъ не видѣлъ ее

среди этой хозяйственной провинціальной суматохи. Подъ конецъ она съ трудомъ выносила разлуку и съ лихорадочною поспѣшностью приводила въ порядокъ свою маленькую квартирку.

Въ жаркія лѣтнія ночи, съ ихъ частыми грозами, она лежала въ изнеможеніи, на своей постели, но спать не могла; она ломала руки, стараясь быть «благоразумной», но не знала, какъ этого достигнуть. Ей не давалъ ни минуты покоя и мучилъ ее до безумія вопросъ: «Любитъ ли онъ меня?—Неужели это любовь?—Развѣ мужчины, которые любятъ, могутъ такъ владѣть собою?»

Она знала, что въ настоящее время Бернгардъ не любилъ никакой другой женщины. Онъ ей сказалъ это, и она ему вѣрила. Неужели ей принадлежало все, что способно было дать его сердце? Неужели это сердце, которое было для нея дороже своего собственнаго, было такъ бѣдно?—А въ себѣ она сознавала такую силу чувства, что ей становилось страшно. Развѣ это не противоестественно, не постыдно и позорно противоестественно?!

А потомъ она думала о своей прошлой жизни, о томъ, какъ она грустно протекла безъ всякаго удовлетворенія, о своемъ бракѣ, который въ сущности не былъ бракомъ...

Когда она погружалась мысленно въ прошлое, переживала вновь всѣ особенности своей не совсѣмъ обыкновенной судьбы, ее вдругъ охватывало возмущеніе, она сжимала кулаки и гнѣвно грозила невидимому врагу. Затѣмъ она припадала къ холодной стѣнѣ горячимъ лицомъ, орошеннымъ слезами, и тихо рыдая, молила: «Бернгардъ, только бы ты любилъ меня—ахъ, только бы ты любилъ меня!»

. . . . . .

Маленькая квартирка въ третьемъ этажѣ одной изъ небольшихъ берлинскихъ улицъ теперь по истинѣ блистала чистотой, и дышалось въ ней свѣжимъ, чистымъ воздухомъ. Бездѣлушки на письменномъ столѣ г-жи Гервинъ, ея красивыя пестрыя вазы, которыя она такъ любила, сіяли и сверкали на солнцѣ. Растенія радостно простирали во всѣ стороны разросшіеся зеленые листья. Віола написала своему другу записку, разрѣшая ему придти къ ней. Ей такъ нравилось ея маленькое царство, оно должно было и ему придтись по вкусу. Она купила его любимый пирогъ, надѣла его любимое платье. На всѣхъ столахъ стояли живые цвѣты.

Какъ большинство одинокихъ, замкнутыхъ въ себѣ женщинъ, Віола какъ-то особенно любила цвѣты. Они не были для нея только предметами для украшенія, они были живыя существа, и въ благоуханіи ихъ ей чувствовалось что-то таинственное, родственное тому, что совершалось въ ея душѣ и чего она не умѣла выразить словами.

На Бернгарда цвѣты дѣйствовали подобнымъ же образомъ. Въ немъ было что-то женственное, до нельзя утонченное и онъ испытывалъ особое наслажденіе отъ прикосновенія вѣнчика розы къ губамъ и

вѣкамъ. И насколько противенъ былъ ему у женщинъ запахъ искусственныхъ духовъ, настолько же былъ ему пріятенъ ароматъ живыхъ цвѣтовъ. Віола давно это поняла.

Дни проходили, розы отцвѣли, и все покрылось обычнымъ легкимъ налетомъ пыли, а докторъ Альтгаусъ не показывался. Наконецъ онъ пришелъ какъ-то вечеромъ, когда Віола ужъ не могла ждать его. Онъ выглядѣлъ усталымъ, жаловался на головную боль и казался разстроеннымъ.

Онъ бросился въ уголъ дивана, она приготовила ему чаю, нѣжно ухаживала за нимъ, не позволяла ему говорить.

Онъ однако сталъ довольно горячо говорить объ извѣстныхъ литературныхъ вопросахъ, всегда раздражившихъ его. Віолу поразило въ немъ что-то жесткое, непріятное. Она боялась, чтобы онъ не слишкомъ взволновался, и хотѣла перевести разговоръ на другую тему. Но онъ сказалъ ей, что ему пріятно высказаться, и что его головная боль утихла.

— Вотъ видите,—возразила Віола съ счастливой, но грустной улыбкой:—вѣдь вы могли же знать, что можете приходить ко мнѣ не только здоровый и веселый, но и тогда, когда вамъ не по себѣ, и когда вамъ нуженъ уходъ и забота.

— Да, да,—пробормоталъ онъ, подперевъ рукой голову.—Иногда мучительно не говорить правды въ отвѣтъ на вопросы, задаваемые съ такой любовью. Съ другими, безразличными людьми говорить не трудно, но съ вами... Оставимъ это... Я жалкій человѣкъ.

— Вы больны. На васъ дѣйствуетъ гроза. Если бы вы довѣрились мнѣ! Иногда мнѣ кажется, что вы какъ-то странно осторожны, я не понимаю почему, Бернгардъ?

— Прощайте,—вдругъ холодно сказалъ Бернгардъ, взялъ шляпу, грустно посмотрѣлъ на Віолу и удалился.

Она не понимала его.

Онъ сталъ опять приходить чаще, но не такъ часто, какъ въ началѣ лѣта. Искренняя, взволнованная нота исчезла изъ его сношеній съ молодой женщиной. Онъ многое порицалъ въ ней, она съ трепетомъ старалась понравиться ему, но была не въ силахъ принудить себя къ веселости, предчувствуя близкую разлуку.

Работа ея была окончена и послана издателю, который прислалъ ее обратно.

— Вотъ какъ,—замѣтилъ Альтгаусъ, когда она сказала ему объ этомъ.—Да, это слишкомъ хорошо для публики. Дѣлать нечего! Положите рукопись въ столъ и забудьте о ней.

Этотъ отвѣтъ показался Віолѣ чрезмѣрно равнодушнымъ. Но она объясняла это себѣ тѣмъ, что Альтгаусъ, въ настоящую минуту слишкомъ погруженъ въ свои дѣла, и что многаго отъ него нельзя требовать. Онъ сначала изучалъ юридическія науки, потомъ

перешелъ къ журналистикѣ, испытывалъ свой талантъ во всевозможныхъ областяхъ ея, и въ двадцать шесть лѣтъ не зналъ, что больше привлекаетъ его—политика или беллетристика, и какая отрасль писательской дѣятельности можетъ дать ему наиболѣе вѣрный заработокъ. Онъ былъ добросовѣстенъ, обладалъ достаточнымъ запасомъ вѣрныхъ мыслей, но извѣстное умѣнье приспособиться и легкость изложенія были бы ему, пожалуй, полезнѣе. Недостатокъ техники часто раздражалъ его, такъ какъ самъ онъ понималъ въ ней толкъ, обладалъ вѣрнымъ критическимъ чутьемъ.

Онъ любилъ копаться въ себѣ, и часто Віола не знала, какъ лучше назвать его—педантомъ или фантазеромъ. При этомъ онъ предъявлялъ къ жизни большія претензіи, и наслажденіе доставляла ему только кажущаяся простота, созданная въ сущности искусственными средствами. Въ нѣмецкой литературѣ онъ восхищался дѣланными, неестественными романами, которые, по его совѣту, прочла и Віола; и, читая ихъ, она почувствовала, что всѣ ея старанія сдѣлать этого человѣка сколько-нибудь счастливымъ принесутъ ей мало радости.

Она все больше привыкала къ мысли, что конецъ лѣта и отъѣздъ Бернгарда положатъ конецъ ихъ отношеніямъ. А затѣмъ все для нея было покрыто мракомъ.

Онъ хотѣлъ ѣхать въ Испанію, а, можетъ быть, въ Алжиръ или въ Египетъ; ему все казалось, что образованіе его недостаточно разносторонне. Дальнѣйшіе планы его были еще неопредѣленны. Во всякомъ случаѣ предстояло разстаться на нѣсколько лѣтъ.

— Les absents ont toujours tort,—такъ всегда бываетъ, такъ должно быть,—постоянно повторяла себѣ Віола.

За это время она получила нѣсколько писемъ отъ своей свекрови, которыя удивили ее. Старушка жаловалась, что ей очень трудно ужиться со своими компаньонками и, несмотря на то, что въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ отношенія между ней и Віолой были весьма холодныя, выражала желаніе видѣть ее, Віолу, поговорить съ ней о покойномъ сынѣ.

Эта перспектива не особенно улыбалась г-жѣ Гервинъ. Но все-таки она чувствовала, что должна исполнить желаніе своей свекрови и хоть ненадолго поѣхать къ ней.

Віола сообщила Бернгарду о своемъ намѣреніи. Онъ принялъ изумленный, негодующій видъ, заговорилъ о глупой фанатической маніи женщинъ, заставляющей ихъ приносить себя въ жертву, но серьезно не старался удержать ее въ Берлинѣ на послѣднія двѣ недѣли, которыя они могли провести вмѣстѣ.

Она все-таки надѣялась на это. И въ душѣ у нея поднялось холодное, недоброе чувство.

Ей было пріятно, что она уѣзжала первая, что такимъ образомъ она могла причинить ему боль. Нѣжная и слабая, но чуткая, она по-

нимала особенность любви человѣка, котораго былъ всецѣло порожденіемъ нервнаго, безкровнаго времени, переполненнаго идеалами, наслажденіями, воспоминаніями цѣлыхъ тысячелѣтій.

* * *

Едва пріѣхавъ къ свекрови, Віола увидѣла, что посѣщеніе ея должно имѣть цѣлью серьезный уходъ за больной. Віола положительно испугалась при видѣ старушки, которая, съ безпомощностью больного человѣка, силилась исполнять по прежнему обязанности рачительной властолюбивой хозяйки. Вмѣсто прежняго рѣзкаго, настойчиваго и упрямаго характера, у старушки Гервинъ проявилась необыкновенная мягкость, которою мать-природа надѣляетъ иногда своихъ утомленныхъ жизнью дѣтей передъ тѣмъ, какъ послать ихъ на вѣчный покой— та благословенная мягкость, которая дѣлаетъ возможными столько примиреній больныхъ и умирающихъ.

Старушка, казалось, совершенно забыла, что долго сердилась на свою невѣстку за то, что та покинула ее. Она съ грустью говорила о томъ прекрасномъ времени, когда сынъ ея былъ еще живъ, и напоминала Віолѣ обо всѣхъ проявленіяхъ его любви къ ней, молодой его женѣ, о томъ, какъ онъ однажды купилъ ей кружева для отдѣлки платья, а въ другой разъ принесъ имъ обѣимъ винограда. Онъ вѣдь былъ такъ добръ!

Да, Віола помнила его доброту.

Съ тѣхъ поръ, какъ она вернулась въ шумный, но скучный провинціальный городъ и поселилась въ той самой квартирѣ, гдѣ вышла замужъ и гдѣ мужъ ея умеръ, воспоминанія, о которыхъ она всячески старалась забыть, начали положительно преслѣдовать ее. Они выглядывали изъ за каждой двери, ютились въ каждомъ ящикѣ, который она выдвигала, связаны были съ каждымъ предметомъ окружающей обстановки. Вездѣ наталкивалась она на платья и на вещи покойнаго, съ которыми мать его не могла разстаться. Видъ этихъ вещей не причинялъ ей горя, но она чувствовала себя словно униженной, и ей было не по себѣ. Вмѣсто того, чтобы спокойно обсудить свои отношенія къ Бернгарду, съ которымъ она была разлучена, она все больше и больше запутывалась въ сѣтяхъ неясныхъ мечтаній. Она съ удовольствіемъ переговорила бы объ этомъ съ третьимъ лицомъ, съ радостью спросила бы посторонняго человѣка, всегда ли отношенія между мужчиной и женщиной бываютъ такъ загадочны, или это все ей только представляется такимъ страннымъ и непонятнымъ? Но, разумѣется, нечего было и думать о томъ, чтобы кому-нибудь довѣриться, да никого такого близкаго у нея и не было. Дружба съ Бернгардомъ незамѣтно отдалила отъ нея прочихъ знакомыхъ: такъ какъ ежедневно она ждала его, то въ обычные часы для посѣщенія знакомыхъ она никогда не выходила.

Въ теченіе многихъ лѣтъ она думала, что принадлежитъ къ тѣмъ

женщинамъ, которымъ не трудно вести жизнь, полную спокойнаго, благороднаго самоотреченія. Такого мнѣнія были о ней и другіе. Теперь она задавала себѣ вопросъ, не ввели ли ихъ въ заблужденіе строгія черты ея лица или то обстоятельство, что она не носила на лбу завитковъ. Она все еще не могла освободиться отъ прежняго идеала для самой себя и потому постоянно старалась себѣ представить, какъ она отнеслась бы къ заявленію Бернгарда, что онъ любитъ другую женщину той любовью, которой она не съумѣла возбудить въ немъ. Въ самомъ началѣ ихъ дружбы онъ обѣщалъ ей, что если когда-нибудь страстно влюбится, то она первая узнаетъ объ этомъ.

Онъ прибавилъ, впрочемъ, что въ ближайшіе годы надѣется избѣгнуть этой участи. Но съ тѣхъ поръ вѣдь такъ многое произошло между ними; онъ же сказалъ ей, что его чувство къ ней измѣнилось... Исполненіе стараго обѣщанія врядъ ли было возможно.

* * *

Віолѣ пришлось много возиться со старухой, которую иногда по ночамъ цѣлыми часами душилъ страшный кашель, такъ что она не могла больше лежать въ постели и требовала, чтобы ее усадили въ кресло; но, сидя въ креслѣ, она боялась простудиться, и надо было опять укладывать ее въ постель.

Нѣсколько дней ее трепала лихорадка. Врачъ сказалъ Віолѣ, что медленное воспаленіе легкихъ, вѣроятно, скоро освободитъ больную отъ всѣхъ страданій.

Однажды ночью, послѣ особенно сильнаго приступа кашля, старуха такъ ослабѣла, что Віола должна была вливать ей въ ротъ крѣпкаго вина, чтобы вернуть ее къ жизни. Старуха ласково гладила руку Віолы, повторяя: «Милое дитя мое, милое дитя мое—вотъ увидишь—я о тебѣ позаботилась—ты получишь все, что мнѣ принадлежало. Тогда ты будешь богатая женщина... Ахъ, пришла мнѣ пора умереть! Какъ ты думаешь, не умру ли я сегодня ночью?»

Віола старалась ласками успокоить больную, и такъ прошли длинные темные часы до утра.

Когда старуха послѣ утренняго завтрака задремала, Віола спустилась на нѣсколько минутъ въ маленькій садикъ, находившійся за домомъ. Ярко-красный осенній уборъ листвы красовался на солнцѣ. Диконскія розы выглядывали изъ зелени, опустивъ головки подъ тяжестью блестящихъ капель росы. Дикій виноградъ, украшавшій стѣну, горѣлъ пышными пунцовыми оттѣнками. Віола стояла усталая, измученная безсонной ночью среди всѣхъ этихъ яркихъ красокъ, и вдругъ она подумала, что если сегодня старуха умретъ, то она станетъ богатой женщиной, и жизнь еще можетъ быть для нея прекрасной! Бернгардъ можетъ жениться на ней,—любовь его можетъ возродиться вновь, если счастіе окажется возможнымъ. — Какъ все могло быть хорошо!

Бѣдной умирающей Віола готова была помочь и скрасить дни до приближающагося конца... Но потомъ,—но потомъ!.. Страшное нетерпѣніе охватило ее, и все въ ней заликовало. Она почувствовала странное волненіе, ей стало легко, свободно, она ощущала даже какую-то беззаботность, легкомысліе. Ей, какъ ребенку, хотѣлось пѣть, смѣяться, плясать, бѣгать по дорожкамъ, рвать чудесные цвѣты, озаренные солнцемъ, и прижать къ груди большой букетъ душистыхъ розъ.

Но вдругъ она услышала тонкій, жалобный звукъ серебрянаго колокольчика, раздававшійся сверху изъ-за завѣшаннаго окна, и поспѣшила войти въ домъ.

— Гдѣ это ты такъ долго пропадала!—воскликнула старушка, какъ только Віола вошла къ ней. — Развѣ газеты еще нѣтъ? Принеси же ее мнѣ, дай мнѣ очки и отдерни занавѣсъ!

У больной былъ ея естественный, немного сварливый голосъ. Въ то короткое время, пока Віола была въ саду, очевидно, наступила внезапная перемѣна къ лучшему, какъ это иногда бываетъ при долгихъ старческихъ болѣзняхъ.

А для Віолы старуха была уже умершей. Ей стало стыдно и противно за только что пережитыя счастливыя мгновенія. Ей казалось, что этимъ она запачкала свою любовь, и что никогда не удастся ей очистить свое чувство отъ этого пятна.

Терпѣливо выносила она капризы старухи, приподняла ея кресло и подвинула его къ окну, освѣщенному солнцемъ; ухаживая за ней съ особымъ самоотверженіемъ, она какъ бы искупала то чувство, которое недавно испытала.

Около полудня Віола получила письмо отъ Бернгарда—три листа, крупно и быстро исписанныхъ карандашомъ. Цѣлые часы носила она это письмо въ карманѣ, не имѣя времени его прочесть. При этомъ ей все казалось, что въ письмѣ заключается что-то чрезвычайно важное, рѣшительное. Нервы ея дошли до послѣдней степени напряженія, когда, наконецъ, ей удалось приняться въ своей комнаткѣ за чтеніе письма.

Альтгаусъ сообщалъ, что уѣхалъ изъ Берлина въ маленькое лѣсное мѣстечко съ цѣлью провести тамъ чудные осенніе дни. Онъ описывалъ домикъ лѣсничаго, гдѣ поселился. Ему прислуживали тамъ три дѣвушки, добродушныя, веселыя, цвѣтущія созданія, здоровыя и естественныя, съ пухлыми, круглыми, дѣтскими лицами и съ мягкими, полными фигурами, не обезображенными корсетомъ. Онѣ кормятъ и ласкаютъ его, какъ баловня-ребенка. Когда онъ уходитъ съ лѣсничимъ въ лѣсъ, онѣ всегда спѣшатъ выйти къ нему навстрѣчу, а потомъ всѣ вмѣстѣ еще долго бродятъ по лѣсу. Одна изъ нихъ не глупа и остроумна, и если она не невѣста, то...

Мучительная боль стянула Віолѣ горло.

То... Она все смотрѣла на это слово, ей и въ голову не приходило, что это могла быть только шутка. Она знала, конечно, что въ дан-

номъ случаѣ Бернгардъ шутитъ, но за этой шуткой скрывалась злая, жестокая, безпощадная, трагическая правда.

Онъ писалъ такъ весело, такъ откровенно. Да, это такъ! Онъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ неестественности ихъ отношеній. Но развѣ она виновата въ томъ, что они стали такими? Въ одномъ только заключалось ея прегрѣшеніе,—въ томъ, что она не была холодною, умною, безстрастною, а также не была веселой кокеткой; въ томъ, что не походила ни на одинъ, ни на другой типъ женщинъ, управляющихъ міромъ и мужчинами. Для Бернгарда, этой сложной, утонченной натуры, она должна была соединять въ себѣ свойства обоихъ этихъ женскихъ типовъ, теперь же чувство къ ней не имѣло никакого прочнаго основанія, такъ что даже совѣсть его не могла настаивать на союзѣ съ нею въ будущемъ. Быть можетъ, это возможно еще теперь?

Мысли ея опять спутались. Можетъ быть, онъ вовсе не хотѣлъ этого соединенія, не хотѣлъ сложности, а искалъ полной простоты. Эти дочки лѣсничаго,—Віола видѣла ихъ передъ собою,—эти фигуры изъ глупыхъ и наивныхъ деревенскихъ разсказовъ—вотъ для Бернгарда олицетвореніе настоящей женщины. И это для него, котораго она считала гораздо выше прочихъ мужчинъ и для котораго всячески старалась взвинтить себя, чтобы достигнуть его высоты! Его высоты,—она нервно расхохоталась, но къ смѣху примѣшивалась ѣдкая горечь. А побѣдить его она могла, но надо было иначе взяться за дѣло.

Смѣхъ перешелъ въ надрывающій душу плачъ. Віола перечитала письмо еще разъ и рѣшила предоставить Бернгарда дочерямъ лѣсничаго. Это рѣшеніе вызвало такія страданія, которыя заставляли желать смерти. Затѣмъ вдругъ нашло на нее равнодушіе и спокойствіе. Такъ было лучше. Она представила себѣ, что должна была бы почувствовать, если бы свекровь ея умерла, и письмо пришло послѣ ея смерти, когда счастье было такъ возможно, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны! Нѣтъ, тогда было бы гораздо хуже.

Черезъ пять дней, въ теченіе которыхъ старушка, повидимому, поправлялась, Віола вечеромъ застала ее въ креслѣ мертвой.

На нее пали всѣ хлопоты, связанныя съ похоронами. На другой день послѣ того, какъ все было кончено, Віола сидѣла еще за утреннимъ кофе, собираясь читать пришедшія на ея имя письма, когда ей доложили, что пришелъ докторъ Альтгаусъ. Онъ не писалъ ей и явился для того, чтобы помочь привести въ порядокъ дѣла.

Она часто спрашивала себя, какъ ей держаться при встрѣчѣ съ нимъ, и почти надѣялась, что не увидитъ его. Онъ обнялъ и поцѣловалъ ее, и она при этомъ испытала какое-то ощущеніе холода, словно страсть умерла въ ней такъ же внезапно, какъ умерла старуха-свекровь.

Альтгаусъ былъ нѣженъ, предупредителенъ и относился къ Віолѣ

по братски. Онъ нашелъ, что она измучена и поблекла, но утѣшалъ ее, говоря, что она скоро поправится и опять расцвѣтетъ. Онъ зналъ, что смерть старухи не причинила ей горя, и потому нѣсколько удивился, увидѣвъ, какъ грустно и утомленно глядятъ на него ея глаза.

Однажды вечеромъ Альтгаусъ пришелъ къ ней прямо отъ ея адвоката. Адвокатъ съ готовностью сообщилъ ему о положеніи денежныхъ дѣлъ Віолы и при этомъ далъ ему почувствовать, что считаетъ Альтгауса въ правѣ требовать у него отчета. На прощанье адвокатъ довольно откровенно пожелалъ ему счастья, увѣренный въ томъ, что г-нъ Альтгаусъ скоро вступитъ въ бракъ съ г-жой Гервинъ.

Это сильно разсердило Альтгауса. Онъ жалѣлъ о томъ, что пріѣхалъ и далъ основаніе другимъ дѣлать подобныя предположенія. Въ послѣднее время мысли его вовсе не были заняты Віолой. Онъ радовался тому, что будетъ путешествовать. Желанія его шли гораздо дальше брака съ довольно состоятельной вдовушкой. За нее же онъ искренно радовался наслѣдству. Ему пріятнѣе будетъ вспоминать о ней, зная, что она поглощена устройствомъ болѣе удобнаго и роскошнаго образа жизни.

— Вы теперь богатая женщина,—весело воскликнулъ онъ, входя къ ней: — Вѣдь это очень пріятно. Поздравляю васъ. Что вы на это скажете?

Віола махнула рукой, отстраняя разговоръ объ этомъ и прибавила.

— Оставимъ это.

— Послушайте, это непростительное сентементальничанье. Я думалъ, что вы стоите выше этого вздора. Что такое была для васъ старуха? Теперь вы должны пользоваться жизнью. Подумайте только: вы можете путешествовать, покупать книги—развѣ это не пріятно?

Онъ видѣлъ, что, слушая его, она все блѣднѣла, и что выраженіе затаенной душевной муки буквально состарило ее на его же глазахъ.

— Послушайте, за этимъ скрывается что-то другое. Ну, говорите же, что съ вами?

Она молчала.

— Будьте благоразумны. Знаете, я этого просто выносить не могу. Господи, да что жъ это такое? Говорите же!.. Ужъ не касается ли это насъ обоихъ?

Глаза ея наполнились слезами. Она встала и хотѣла выйти изъ комнаты.

Онъ крѣпко схватилъ ее за руку.

— Нѣтъ, такъ нельзя. Я чѣмъ-нибудь огорчилъ васъ, Віола?

Онъ все еще стоялъ, притянувъ ее къ себѣ. У нея закружилась голова; воля, налагающая узду на инстинктивные порывы, была ослаблена ночными бдѣніями, физическою усталостью и душевными волненіями,—она вдругъ зарыдала и безпомощно склонила голову на плечо Бернгарда.

— Письмо...—пробормотала она и съ ужасомъ отстранилась отъ него. Письмо...

— Какое письмо?

— Письмо оттуда... Ахъ, да вѣдь это все равно... Неужели... Нѣтъ!

Она внезапно овладѣла собою и, повидимому, совершенно спокойно спросила:—Въ которую изъ дѣвушекъ вы влюбились?

— Я? Ахъ! — онъ громко расхохотался. — Вы ревнуете меня къ дочерямъ лѣсничаго? Да, это прелестныя дѣвушки. Боже ты мой, мнѣ съ ними было очень весело. Нѣтъ, не шутя, я думалъ, что вы стоите выше этого!

— Вы видите, что это не такъ,—сказала она холодно и недружелюбно.

— Да, къ сожалѣнію, я это вижу. Но къ такимъ явленіямъ вамъ надо привыкнуть. Тутъ вѣдь ничего серьезнаго не было. Одна изъ нихъ подарила мнѣ прелестную прядь своихъ темныхъ волосъ, и я ношу ее при себѣ. Хотите, покажу вамъ?

— Нѣтъ.

— Есть еще много другого, къ чему вы должны привыкнуть.

— А если не привыкну?

Онъ пожалъ плечами. Наступила длинная пауза. Альтгаусъ зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я поступилъ безтактно, — наконецъ, промолвилъ онъ, остановившись передъ г-жею Гервинъ.—Никогда нельзя говорить съ женщинами о другихъ женщинахъ. Я сдѣлалъ это потому, что былъ о васъ такого высокаго мнѣнія. У меня на душѣ есть грѣхи много хуже.

— Не желаю я знать вашихъ грѣховъ,—со страхомъ сказала Віола.

Онъ грустно улыбнулся.

— Мое чувство къ вамъ нисколько не страдаетъ отъ моихъ отношеній къ другимъ женщинамъ. Это чувство не мѣняется и остается такимъ, какимъ было всегда.

— Этого я не понимаю,—нерѣшительно сказала Віола.

Онъ нетерпѣливо провелъ рукою по волосамъ.

— Боже мой, да неужели же вы такъ мало знаете жизнь? Вѣдь вы же были замужемъ.

Віола густо покраснѣла и отвернулась отъ него.

Ей казалось, что она стоитъ надъ пропастью на узкой доскѣ, что доску вытаскиваютъ у нея изъ-подъ ногъ, вытаскиваютъ осторожно и заботливо, и при этомъ она испытывала захватывающій дыханіе безумный страхъ передъ паденіемъ въ бездну еще невѣдомаго несчастія. И она не знала, какъ ей спастись. Она не знала, что лучше: открыть-ли Бернгарду душу или молчать, убѣжать или остаться, быть нѣжной или суровой, проявить гордость или смиреніе?

Она готова была на все, ей въ сущности все было безразлично—только бы онъ любилъ ее!

— Вы внесли много прекраснаго въ мою жизнь, Віола, — сказалъ Альтгаусъ.—Я не хочу лишаться этого,—я хочу беречь и холить этотъ цвѣтокъ, хочу дать ему расцвѣсти еще пышнѣе. Повѣрьте, въ нашемъ будущемъ еще можетъ быть много чудесныхъ часовъ и радостей, о которыхъ мы теперь и не подозрѣваемъ, такъ какъ намъ надо еще дорости до нихъ. Не отравляйте же себѣ настоящаго нелѣпыми фантазіями!

Віола отерла слезы. Онъ обнялъ ее и съ любовью поглядѣлъ ей въ глаза.

— Впереди еще много хорошаго, дорогая Віола,—прошепталъ онъ ей на ухо.—Ты еще много неожиданнаго увидишь во мнѣ.

Онъ не переставалъ нѣжно цѣловать ее. Она поддалась опьяненію, возбуждаемому въ ней его тихими ласками. Она лежала у него на груди, крѣпко прижимаясь къ нему, наслаждалась его поцѣлуями, которые становились все жарче и искреннѣе, и жадно ловила ихъ. На нее нашло какое-то безуміе, волосы ея распустились, и она, словно вакханка, смѣясь, глядѣла на него сіяющими глазами.

— Ахъ, какъ хорошо,—промолвила она, склонившись на его плечо,—ахъ, не отпускай меня!.. Вѣдь ты скоро уѣдешь!

Это былъ крикъ глубокаго страданія, который потрясъ его.

— Бѣдное дитя мое,—прошепталъ онъ, цѣлуя и гладя ея волосы,—вѣдь я вернусь. Бѣдное дитя, какая ты страстная! Какая юная!

— Да вѣдь я же еще молода,—тихо прошептала она.—Я еще такъ молода, ты даже не подозрѣваешь, какъ я молода.

— Я это вижу,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Тебѣ, пожалуй, шестнадцать лѣтъ, да? Неужели ты дѣйствительно была когда-нибудь замужемъ?

— Нѣтъ,—еле слышно и робко произнесла она,—никогда.

Онъ долго молча глядѣлъ на нее, потомъ тихонько опустилъ ее на кресло, какъ милую больную, которую надо беречь. И вдругъ онъ отрывисто, холодно и грубо сказалъ:

— Не обманывайся, пожалуйста! Мнѣ нужна совсѣмъ молодая жена. Слышишь? Совсѣмъ молодое, глупенькое созданіе! Я еще долго не женюсь.—Онъ смущенно засмѣялся.—Ты знаешь, что я ненавижу бракъ. Но возможно, что я и женюсь, но только черезъ много лѣтъ, а потомъ—вѣдь ты же сама должна понимать... Ты знаешь, что я очень люблю тебя,—но не такъ.

Віола больше не плакала. Взоры ея безпомощно и дико блуждали по комнатѣ. Но въ нарядной, буржуазной гостиной старухи Гервинъ не было ни кинжаловъ, ни пистолетовъ.

— Надѣюсь, что завтра, когда я приду, все будетъ опять по старому,—любезно сказалъ Альтгаусъ нѣсколько хриплымъ голосомъ.—Или тебѣ пріятнѣе, чтобы я не приходилъ? Ужъ поздно—не можетъ ли дѣвушка посвѣтить мнѣ на лѣстницѣ?

— Я позову ее,—сказала Віола, но вмѣсто того взяла серебряный подсвѣчникъ, стоявшій на столѣ съ зажженной свѣчей, и вышла впередъ въ сосѣднюю комнату. Изъ кухни появилась дѣвушка и открыла дверь на улицу.

Альтгаусъ поклонился г-жѣ Гервинъ.

Віола вернулась въ гостиную и затворила за собой дверь. Подсвѣчникъ выскользнулъ изъ ея рукъ. Свѣча погасла, она очутилась въ темнотѣ. Она долго простояла на одномъ мѣстѣ, не двигаясь. Теперь она знала и жизнь, и любовь.

. . . . . .

Альтгаусъ шелъ тихо, опустивъ голову. Глаза его были влажны, То, что онъ сейчасъ пережилъ, не было пустякомъ.

— Я долженъ былъ поберечь ее. Вѣдь она даже не знаетъ... Къ тому же, это и не было бы желательно. Такая женщина, да еще способная на экзальтацію—какія она предъявила бы ко мнѣ требованія!..

* * *

Черезъ полтора года, раньше, чѣмъ онъ ожидалъ, докторъ Альтгаусъ вернулся въ Берлинъ изъ своего путешествія, предпринятаго съ цѣлью самоусовершенствованія. Ему предложили взять на себя редакцію только что основаннаго журнала. Тутъ онъ понялъ, что ему грозитъ опасность изъ-за безконечной подготовки къ дѣлу никогда не приступить къ самому дѣлу. Вмѣсто того, чтобы носиться по чужимъ краямъ, которые, къ тому же, всегда разочаровывали его и гдѣ ему плохо спалось въ гостинницахъ, гораздо умнѣе вернуться въ Берлинъ и тутъ медленно, но вѣрно завоевать себѣ извѣстное положеніе въ литературномъ мірѣ. Тогда сочиненія его обратятъ на себя гораздо больше вниманія, чѣмъ если онъ, не составивъ себѣ никакого имени, станетъ посылать ихъ на переполненный книжный рынокъ.

Воспитать публику до пониманія своихъ идей, а потомъ, какъ бы въ награду ей, выразить эти идеи въ сильномъ и глубокомъ художественномъ произведеніи... вотъ какова была задача его ближайшаго будущаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Альтгаусъ серьезно рѣшилъ устроить свою жизнь сообразно своимъ стремленіямъ и притомъ такъ, чтобы всесторонне и гармонически дать развиться своему я. Многое было ему доступно, какъ умному, образованному человѣку, человѣку изъ хорошей семьи, но онъ хотѣлъ обставить свою жизнь съ особой строгой цѣлесообразностью. Объ этомъ уже давала понятіе обстановка его холостой квартиры: въ ней мало было дорогихъ, красивыхъ вещей, но все было удобно и приспособлено къ ежедневному употребленію, а, главное, не было ничего шаблоннаго, ничего такого, что можно встрѣтить вездѣ и у всѣхъ.

Мысли его вернулись къ г-жѣ Гервинъ. Онъ одинъ разъ писалъ ей, но не получилъ отвѣта. Ему становилось грустно, когда онъ ду-

малъ, что она не пожелаетъ поддерживать отношеній съ нимъ. Хотя онъ не чувствовалъ страстнаго влеченія къ Віолѣ, но что-то въ его сердцѣ требовало именно той любви, какую онъ находилъ въ ней и которую онъ такъ грубо отвергъ. Онъ мысленно возмущался и волновался при малѣйшемъ сомнѣніи въ глубинѣ, постоянствѣ, готовности къ самопожертвованію и безкорыстіи этой любящей женщины и воображалъ, что всю жизнь зналъ, какія качества скрываются въ ней подъ цѣломудренной и спокойной личиной дружбы.

Бернгардъ Альтгаусъ чувствовалъ особенную симпатію къ тѣмъ дорожкамъ на опушкѣ темныхъ, непроходимыхъ лѣсныхъ дебрей, откуда открывается видъ на равнину и гдѣ можно одновременно вдыхать влажный лѣсной воздухъ и ощущать прохладу полей.

Оставивъ свои карточки въ различныхъ вліятельныхъ домахъ, которые, какъ онъ надѣялся, могутъ быть ему полезны, Альтгаусъ отправился къ г-жѣ Гервинъ. Она жила въ своей прежней квартирѣ.

Бернгардъ зашелъ къ ней послѣ обѣда, въ то время, когда въ нѣмецкихъ семьяхъ обыкновенно пьютъ чай или кофе. Уже въ передней онъ услышалъ живой и непринужденный споръ и засталъ у Віолы нѣсколько мужчинъ и дамъ.

Віола весело встрѣтила его. Она представила его своимъ гостямъ, какъ своего стараго друга. Видъ у нея былъ, пожалуй, даже болѣе моложавый, чѣмъ въ то время, когда Альтгаусъ разстался съ ней. Онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ, и его тонкое эстетическое чувство наслаждалось ея блѣдною, стройною и спокойною фигурой Въ ней произошла какая-то перемѣна, не сразу бросавшаяся въ глаза, но онъ уже чувствовалъ, что многое въ ней ему чуждо, что онъ больше не знаетъ ея такъ, какъ зналъ раньше. Это раздражало и оскорбляло его. Она, очевидно, освободилась изъ-подъ его вліянія и пошла своей дорогой.

Поговоривъ съ нимъ немного, она опять приняла участіе въ общемъ разговорѣ. Бесѣда шла объ одномъ психологическомъ вопросѣ— объ одномъ изъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ образованный человѣкъ думаетъ наединѣ, но которые рѣдко обсуждаются въ обществѣ. Каждый изъ присутствующихъ очень свободно высказывалъ свое мнѣніе. Молодой человѣкъ въ потертомъ сюртукѣ, но съ лицомъ, озареннымъ воодушевленіемъ, высказывался горячо, съ полной искренностью, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Если бы разговоръ происходилъ не въ домѣ его пріятельницы, докторъ Альтгаусъ заинтересовался бы имъ и принялъ бы въ немъ живое участіе. Но его смущали воспоминанія, связанныя съ этой комнатой, воспоминанія эти не вязались съ тѣмъ, что онъ здѣсь теперь видѣлъ и слышалъ. Онъ съ нѣкоторымъ умиленіемъ поглядѣлъ на фрейлейнъ Ломанъ и на ея вязанье — по крайней мѣрѣ, она, повидимому, продолжала вязать все тотъ же узоръ, за которымъ онъ столько разъ видѣлъ ее.

Изъ другихъ дамъ никто не работалъ. Одна дама курила, мужчины тоже курили. Папиросы и сигары стояли на столикѣ около цвѣтного граненаго графинчика съ ликеромъ, который иные гости предпочитали чаю. Одна молодая дама, облокотившись на оба локтя, углубилась въ чтеніе журнала, совершенно не обращая вниманія на общій разговоръ.

Многіе изъ мужчинъ были знакомы Альтгаусу. Между ними былъ извѣстный драматургъ и два художника, приватъ-доцентъ философіи и издательница женскаго журнала,—все зрѣлые, но еще молодые, стремящіеся, волнующіеся люди. Альтгаусъ, наконецъ, вступилъ въ разговоръ и провелъ время чрезвычайно пріятно, хотя еще очень мало говорилъ съ г-жей Гервинъ. Она пригласила его придти черезъ недѣлю на ея собраніе, онъ съ удовольствіемъ согласился.

Этотъ визитъ подѣйствовалъ на него, какъ неожиданное происшествіе. Онъ невольно задавалъ себѣ вопросъ, какъ будетъ держать себя Віола наединѣ съ нимъ. Онъ хотѣлъ очень осторожно и постепенно вновь завязать съ ней дружескія отношенія, однако не долѣе, какъ черезъ три дня, опять очутился на лѣстницѣ, ведущей къ квартирѣ г-жи Гервинъ,

На его звонокъ она сама открыла ему дверь; на ней была шляпа и мантилья—она собиралась уходить.

— Ахъ!—воскликнула она съ изумленіемъ и даже съ испугомъ.

— Вы уходите?—спросилъ онъ прежнимъ тономъ, какимъ раньше обыкновенно говорилъ съ ней.—Я бы такъ желалъ видѣть васъ наединѣ. Въ прошлый разъ мнѣ было у васъ очень пріятно—я даже изумился, но—вѣдь намъ многое еще надо разсказать другъ другу...

Она отвернулась и положила зонтикъ и перчатки на стулъ.

— Такъ какъ вы встрѣтили меня, то я не могу сказать, что меня дома нѣтъ,—замѣтила она, слегка улыбнувшись.

— Развѣ вы сдѣлали бы это, если бы не встрѣтились?

— Да!

— Это не хорошо съ вашей стороны, Віола.

— Вѣдь могу же я принимать или не принимать, кого хочу!

— Конечно, но отчего вы не хотѣли принять меня?

Они вошли въ ея маленькую гостиную. Віола подошла къ окну и раздвинула спущенныя занавѣси.

— Пожалуйста, не приходите ко мнѣ,—сказала она, съ трудомъ выговаривая слова.—Прошу васъ, не приходите. Я думаю, что не отвѣтивъ на ваше письмо, я уже доказала вамъ, что не желаю имѣть съ вами никакого общенія.

Альтгаусъ съ испугомъ поглядѣлъ на нее, потомъ растерянно обвелъ глазами комнату, разсѣянно взялъ въ руки книгу, лежавшую на кушеткѣ. Это былъ французскій натуралистическій романъ, и даже въ эту непріятную минуту онъ удивился, что Віола, съ ея утонченной впечатлительностью, можетъ читать такія грубыя вещи.

— Если я чѣмъ-нибудь мѣшаю вамъ и вашимъ новымъ друзьямъ, то зачѣмъ же вы пригласили меня въ среду опять придти къ вамъ?— мягко спросилъ онъ; если бы онъ не принудилъ себя къ этой мягкости то, пожалуй, сильно раздражился бы. А это вышло бы крайне смѣшно.

— О, нѣтъ,—сказала она и начала улыбаться;—вы ничѣмъ не мѣшаете. Но мнѣ кажется, что вамъ достаточно бывать у меня разъ въ недѣлю.

— А если мнѣ этого кажется недостаточно?

— Зачѣмъ вамъ утруждать себя, оставьте меня, пожалуйста,—сказала она усталымъ голосомъ, и лицо ея приняло жесткое, угрюмое выраженіе.

— Зачѣмъ? Потому что я васъ люблю. Къ тому же, мнѣ думается, что, если мы будемъ благоразумнѣе, мы можемъ очень много дать другъ другу.

— А если вы женитесь?

— Ахъ, до этого еще далеко. О женитьбѣ я думаю теперь меньше, чѣмъ когда-либо.

Г-жа Гервинъ въ упоръ посмотрѣла на Альтгауса.

— Хорошо, если хотите, я согласна,— тихо сказала она. — Лучше было бы, если бы мы не свидѣлись,— прибавила она своимъ прежнимъ мягкимъ, задумчивымъ голосомъ:—Было бы лучше!—глаза ея наполнились слезами.

Но это нисколько не тронуло его: онъ ощущалъ въ эту минуту только удовольствіе отъ сознанія одержанной надъ Віолой побѣды. Онъ крѣпко потрясъ ей руку, сѣлъ на диванъ и сталъ разсказывать ей о своихъ путешествіяхъ. Никто не умѣлъ его слушать такъ, какъ она.

Съ этихъ поръ Альтгаусъ находилъ у г-жи Гервинъ все, чего онъ ожидалъ, и даже больше, гораздо больше,—что, впрочемъ, онъ также ждалъ. Привѣтливая квартира въ тихой западной части Берлина сдѣлалась роднымъ пріютомъ для его умственной и душевной жизни, сюда приходилъ онъ изливать свои волненія, радости, печали, здѣсь въ отвѣтъ на каждое свое настроеніе онъ находилъ именно то, что было ему нужно — ласковое слово, молчаніе, взглядъ, рукопожатіе, смѣхъ или участіе.

Въ отсутствіе его, г-жа Гервинъ многому научилась. Часто она прямо поражала его. Иногда она даже кокетничала съ нимъ и притомъ холодно, насмѣшливо, что раздражало и увлекало его. Къ тому же, онъ не могъ рѣшить, любитъ ли его еще Віола; во всякомъ случаѣ, она привыкла очень хорошо скрывать свои чувства, и часто, когда въ немъ обнаруживалось волненіе, вызванное ея близостью, она затрогивала какую-нибудь тему и развивала ее такъ оживленно и интересно, что, слушая ее, онъ совершенно успокаивался. Віола дѣлала удивительно быстрые успѣхи на пути своего развитія, такъ что ему

трудно было услѣдить за нею, и онъ не могъ не изумляться той легкости, съ какою она освоивалась съ основами новаго своего міросозерцанія. Въ минуты сентиментальнаго настроенія ему даже казалось, что она можетъ зайти слишкомъ далеко впередъ и такимъ образомъ утратить часть той трогательной поэтичности, которая ему такъ необходима была въ ней. Тогда онъ начиналъ даже горевать объ этой особенности, какъ о чемъ-то уже исчезнувшемъ.

Итакъ, въ жизни Віолы Бернгардъ опять занялъ прежнее мѣсто. Онъ же ясно ощущалъ на своей творческой работѣ благотворность общенія съ нею. Нерѣдко, однако, приходилось ему замѣчать, что душевное содержаніе ея ему болѣе чуждо, чѣмъ въ первый тягостный періодъ ихъ дружбы, когда Віола не рѣшалась высказываться изъ боязни ему не понравиться, и когда въ то же время самые затаенные уголки ея сердца были для него открытою книгой. Теперь онъ безъ всякаго опасенія могъ говорить ей о другихъ женщинахъ и дѣвушкахъ. Она сама разспрашивала его о знакомыхъ ему женщинахъ и дразнила его тѣмъ, что онъ интересуется тою или другою. Когда онъ на нѣкоторое время испытывалъ болѣе серьезное чувство къ кому-нибудь, то, не снѣсняясь, въ бесѣдѣ съ Віолой подробно сравнивалъ различные типы женщинъ и это, повидимому, нисколько не раздражало ея. Онъ находилъ это чрезвычайно благоразумнымъ и въ то же время подобными разговорами онъ испытывалъ ея терпѣніе.

Они давно уже обсудили до мелочей вопросы о томъ, какая будетъ у него жена, каковы будутъ ея внѣшнія и внутреннія достоинства, изъ какой среды будетъ она происходить, каковы будутъ ея отношенія къ мужу и отношенія обоихъ къ дѣтямъ. Но эта женщина еще не была найдена.

— Одно меня смущаетъ,—замѣтилъ однажды Альтгаусъ,—что въ концѣ концовъ мнѣ станетъ невыносимо скучно съ этимъ прелестнымъ существомъ.

— Вотъ какъ! Неужели вы этого дѣйствительно боитесь?—спросила Віола равнодушно.

— А что, если онъ все-таки женится...—подумала она, и сердце ея охватилъ смертельный холодъ,—неужели все—было напрасно?

. . . . . .

У Бернгарда сдѣлалось воспаленіе глазъ, не позволявшее ему выходить изъ дому. Г-жа Гервинъ аккуратно посѣщала его, читала ему вслухъ, писала за него письма, нисколько не смущаясь тѣмъ, что думала объ этихъ посѣщеніяхъ его квартирная хозяйка.

Наконецъ, ему стало лучше, нужно было только еще нѣсколько дней остерегаться солнечнаго свѣта. Г-жа Гервинъ сидѣла у него, болтая о томъ, о семъ. Бернгардъ молчалъ, подпершись рукою. Она подумала, что онъ усталъ, и перестала говорить. Нѣкоторое время они сидѣли такъ, и Віола, откинувшаяся на спинку кресла, чуть не

уснула, поддаваясь вліянію тишины и полумрака, но вдругъ, открывъ глаза, увидѣла, что Бернгардъ стоялъ около ея кресла, голова его тихо приближалась къ ея лицу. Сердце ея испуганно и сильно забилось. «Нѣтъ, нѣтъ!—заговорило что-то въ ея душѣ.—Не такъ...»

Она встала и объявила, что ей пора идти. Альтгаусъ принесъ ея вещи, помогъ ей надѣть пальто. При этомъ онъ былъ нѣженъ и ласковъ и точно просилъ о чемъ-то. Она же чувствовала только холодное отчужденіе и презрѣніе.

Выйдя на улицу, пройдя нѣкоторое разстояніе, она остановилась. Взоръ ея устремился вдаль.

— Развѣ я больше не люблю его?—съ изумленіемъ спросила она себя.—Какъ бы это хорошо было? Можетъ быть, это теперь прошло?

И вслѣдъ затѣмъ подумала:

— А что, если оно именно теперь наступило?.. И чего же мнѣ въ сущности нужно было всѣ эти годы?

. . . . . .

— Нѣтъ — нѣтъ, — съ волненіемъ и досадой говорилъ себѣ Альтгаусъ, —это было бы слишкомъ глупо, слишкомъ ребячливо, это былъ бы конецъ всему прекрасному, всему, что меня такъ глубоко удовлетворяетъ! Жениться? Вѣдь ей теперь лѣтъ тридцать пять. Если я не сдѣлалъ этого тотчасъ послѣ знакомства съ нею, то зачѣмъ дѣлать это теперь? Это значило бы погубить свое будущее—черезъ десять лѣтъ я буду знаменитымъ человѣкомъ—и вдругъ старая жена... И развѣ я не даю ей всего лучшаго — всего хорошаго, что только во мнѣ есть? Она можетъ быть этимъ удовлетворена, да и дѣйствительно удовлетворена вполнѣ. Въ сущности, лучше нашихъ отношеній ничего нельзя себѣ представить—это единственно желательныя и единственно искреннія отношенія между образованнымъ мужчиной и образованной женщиной!

* * *

Мѣсяца черезъ три Альтгаусъ познакомился на морскихъ купаньяхъ съ молодой дѣвушкой, въ которую сильно влюбился. У нея были каштановые волосы, по дѣтски зачесанные, она играла на берегу моря съ пріѣзжими дѣтьми и очаровательнымъ, звонкимъ смѣхомъ сзывала взрослыхъ посмотрѣть на свои сооруженія изъ песку.

Она была дѣйствительно очень наивна, постоянно разсказывала о себѣ, о своихъ маленькихъ радостяхъ и горестяхъ, но такъ забавно, что весело было ее слушать. Очень скоро Альтгаусъ былъ посвященъ во всѣ ея интересы: зналъ объ ея музыкальныхъ упражненіяхъ и кулинарныхъ опытахъ, зналъ, что она разводила цыплятъ, и что у нея былъ экипажъ для пони. Она обращалась съ писателемъ и знаменитымъ человѣкомъ, почти какъ со старикомъ, съ которымъ можно быть очень откровенной. Они постоянно дразнили другъ друга и пикировались, держали пари и дѣлали другъ другу сюрпризы, и Альт-

гаусу было несказанно весело съ нею; онъ открылъ въ себѣ неизсякаемый запасъ юношеской веселости и дѣтскаго наслажденія жизнью. Вотъ что было ему нужно! Его влекло къ себѣ это непосредственное существо, которое надо всѣмъ смѣялось, которому жизнь не казалась ни тяжелой, ни загадочной, и которое при всемъ томъ не было лишено ума. Напротивъ! Рѣчь ея была порой совсѣмъ особенная и напоминала Альтгаусу отрывки изъ народныхъ пѣсенъ. Къ тому же, она была такъ здорова! Она постоянно разсказывала о томъ, какая у нея сила, какія штуки она можетъ продѣлывать и смѣялась надъ слабостью своихъ подругъ. Несмотря на свѣжій морской воздухъ, она носила только легкую блузку съ открытымъ воротомъ, обнажая свою бѣлую шею; никогда не надѣвала она платка или теплой кофточки.

Взгляды ея на нравственность также были здоровы, самобытны, хотя отличались нѣкоторою ограниченностью. Она судила обо всемъ съ суровой строгостью неиспорченной натуры. Альтгаусъ пришелъ къ заключенію, что съ терпимостью, извиняющей все, далеко не уйдешь. Терпимость встрѣчается въ сущности въ людяхъ, которымъ нужно многое прощать самимъ себѣ. И сомнительно, чтобы такая точка зрѣнія была желательна при воспитаніи дѣтей.

Зрѣлый духъ въ совсѣмъ еще молодомъ тѣлѣ—такого совмѣщенія даже нелѣпо было бы искать. Онъ и такъ потратилъ много времени на безплодные поиски. У Лулу было одно преимущество передъ другими знакомыми ему дѣвушками и женщинами, это ея наивное невѣдѣніе,—невинность. Къ тому же, она была изъ хорошей семьи—отецъ ея былъ дворянинъ, помѣщикъ и человѣкъ съ состояніемъ. Все деревенское имѣло для Альтгауса, какъ для кабинетнаго человѣка съ усталыми, возбужденными нервами, особую привлекательность. Здѣсь, кромѣ того, передъ нимъ было нѣчто свѣжее и въ то же время изящное—полевой цвѣтокъ, выросшій на лужайкѣ выхоленнаго англійскаго парка.

Онъ быстро принялъ рѣшеніе и, находясь однажды вдвоемъ съ Лулу на берегу моря, спросилъ ее, хочетъ ли она быть его женой?

Она покраснѣла, лукаво взглянула на него искоса и спросила:

— Нѣтъ, вы серьезно?

А потомъ, звонко расхохотавшись, она воскликнула:

— Какъ забавно! Какъ забавно! Что скажетъ мама!

— Но вы-то что скажете?—спросилъ Альтгаусъ.

— Я? Да неужели же вы, правда, хотите жениться на такомъ глупомъ созданьѣ?

Докторъ Альтгаусъ притянулъ ее къ себѣ, она подняла головку и прошептала ему на ухо: «Я твое дитя и твоя жена!»

Въ это мгновеніе доктору Альтгаусу казалось, что никогда съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, ни одинъ человѣкъ не былъ такъ счастливъ.

Онъ письменно извѣстилъ г-жу Гервинъ о своей помолвкѣ и, вернувшись въ Берлинъ, хотѣлъ тотчасъ же побывать у нея. Но у него набралось столько разныхъ дѣлъ, что цѣлыхъ двѣ недѣли онъ не могъ къ ней собраться. Въ сущности она не могла и требовать, чтобы у него, какъ у жениха, было много свободнаго времени для визитовъ. Потомъ, когда онъ, наконецъ, отправился къ ней и не засталъ ея дома, то пожалѣлъ объ этомъ, хотя пришелъ въ такой часъ, когда она, обыкновенно, уходила за покупками.

Затѣмъ пріѣхала его невѣста съ матерью, чтобы хлопотать о приданомъ. Пока она была въ Берлинѣ, всѣ друзья Альтгауса наперерывъ приглашали молодую парочку. Такимъ образомъ, онъ въ первый разъ встрѣтился съ г-жею Гервинъ у общихъ знакомыхъ. Она подошла къ нему и протянула ему руку.

— Желаю вамъ счастья,—сказала она холодно и спокойно.

Онъ представилъ ей Лулу, Віола пожелала счастья и молодой дѣвушкѣ.

Альтгаусъ сіялъ, глядя на свою невѣсту. Отъ ея легкой фигуры, отъ ея распущенныхъ волосъ, смѣющихся глазъ, бѣлыхъ плечъ и розовыхъ, обнаженныхъ рукъ, исходилъ какой-то свѣтъ, озарявшій и его. Всѣ восхищались ею, всѣ старались доставить ей удовольствіе. Альтгаусъ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія сравнивалъ свое «милое дитя», какъ онъ называлъ невѣсту, съ г-жей Гервинъ, сидѣвшей въ углу залы съ нѣсколькими дамами. Она имѣла измученный видъ, показалась ему постарѣвшей и даже больной. Его охватила жалость. Онъ съ радостью что-нибудь для нея сдѣлалъ бы. Пока Лулу танцовала съ его пріятелемъ, онъ подошелъ къ г-жѣ Гервинъ и сталъ говорить ей о своемъ счастьѣ. О чемъ же другомъ могъ онъ говорить? Віола терпѣливо слушала его. Онъ нашелъ, что съ ея стороны очень любезно не бранить его за долгое отсутствіе. «Я привезу вамъ мою невѣсту,—обѣщалъ онъ.—Вы ее полюбите!»

Но до этого дѣло не дошло. Было множество всякихъ хлопотъ, и среди суеты и треволненій Альтгаусъ забылъ о своемъ обѣщаніи.

* * *

Альтгаусъ отправился съ молодой женой въ Италію. Тамъ они жили совсѣмъ иначе, чѣмъ всѣ другіе новобрачные,—гораздо умнѣе и оригинальнѣе. Они не осматривали ни одного музея, ни одной церкви, и классическое искусство нисколько не мѣшало имъ наслаждаться жизнью. Въ Венеціи Лулу выучилась пѣть ритурнели у гондольера, къ которому Альтгаусъ чуть не приревновалъ ее. Въ Римѣ они поѣхали въ виллу Адріана и тамъ собирали фіалки. Въ Неаполѣ Лулу купила себѣ итальянскій костюмъ, коралловыя булавки и черепаховый гребень. Италія ей ужасно понравилась. Она была очень нѣжна, очень ласкова, очень несамостоятельна, очень задорна и весела, какъ и подобаетъ молодой женщинѣ въ медовый мѣсяцъ. Если Альтгаусъ бывалъ усталымъ, разсѣяннымъ, недовольнымъ, она умѣла всегда ожи-

вить его, и въ сущности вся жизнь ихъ сводилась къ поцѣлуямъ, смѣху и разнымъ милымъ пустякамъ.

Въ послѣднее время ихъ путешествія Альтгаусъ началъ поговаривать о томъ, что радуется возвращенію въ Берлинъ и предстоящей работѣ, и что будетъ доволенъ, когда это безалаберное существованіе кончится. У него часто болѣла голова, и онъ старался скрывать это отъ жены. Къ тому же, онъ начиналъ бояться наступленія знакомаго ему періода пресыщенія, когда онъ чувствовалъ тупое, глухое равнодушіе ко всему окружающему, и того состоянія духа, отъ котораго онъ искалъ спасенія въ суровой работѣ и напряженномъ процессѣ мышленія.

Съ какою-то боязливою поспѣшностью онъ сталъ торопить съ отъѣздомъ. Не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣя жену, показать ей, что съ радостью освободился бы отъ нея на нѣсколько мѣсяцевъ? Надо было какъ-нибудь поскорѣе устроиться въ Берлинѣ. Обязательныя занятія въ редакціи, онъ надѣялся, поглотятъ его и разгонятъ тоску и апатію.

Со страхомъ думая о будущемъ, онъ начиналъ сердиться, видя постоянную веселость Лулу. Онъ достигъ уже того, что она часто бывала обижена, недовольна или просто спокойна. Но все-таки она, большею частью, смѣялась, острила и шутила. Этому она научилась у отца, а мать всегда говорила ей, что этимъ она приводитъ въ восхищеніе мужчинъ. Альтгаусъ умѣлъ теперь отлично различать — чего никогда не распознавалъ старый помѣщикъ — искреннюю веселость Лулу отъ дѣланной. И дѣланная ея веселость не производила на него больше никакого впечатлѣнія.

Къ счастью, теща, желая получше убрать ихъ квартиру, наняла ее съ 1-го января, и потому они могли уже въ мартѣ смѣло ѣхать въ Берлинъ.

У Альтгауса былъ въ головѣ планъ новаго романа, и онъ надѣялся создать на этотъ разъ нѣчто дѣйствительно выдающееся. Каждое новое задуманное произведеніе казалось ему единственнымъ достойнымъ вниманія, единственнымъ серьезнымъ дѣломъ его жизни, предъидущимъ же своимъ трудамъ онъ не придавалъ такого значенія.

Лулу, разумѣется, читала его сочиненія, но о нихъ онъ не любилъ говорить съ нею. Она выражала очень банальныя мнѣнія и притомъ весьма самодовольнымъ тономъ. Она гдѣ-то читала, что жена писателя должна своимъ вліяніемъ оберегать мужа отъ всего грубаго и пошлаго. Она признавала эту возвышенную задачу въ жизни. Но только ея понятія о томъ, что грубо и пошло, сильно расходились съ понятіями Бернгарда. То, что она называла грубымъ и пошлымъ, казалось ему сильнымъ и смѣлымъ, а то, что она считала поэтичнымъ и прекраснымъ, представлялось ему ничтожнымъ.

Онъ сталъ развивать передъ ней задуманное, она какъ будто бы заинтересовалась его планами и радовалась тому, что будетъ работать вмѣстѣ съ нимъ. Съ тою непосредственностью, которую онъ прежде

такъ любилъ въ ней, она предлагала ему различныя измѣненія въ планѣ его сочиненія. Онъ поднялъ ее на смѣхъ. Она обнаружила удивительное тщеславіе, разсказала ему о томъ, что она еще подросткомъ уже сочиняла стихи, и особенно утверждала, что она вовсе не такая неспособная, какъ онъ, повидимому, предполагаетъ.

Альтгаусъ сказалъ себѣ, что ее необходимо держать подальше отъ своей работы; но она уже успѣла въ конецъ испортить ему настроеніе.

Удалить ее, однако, было труднѣе, чѣмъ онъ воображалъ. Когда вечеромъ онъ уходилъ къ себѣ въ комнату, ея темная головка черезъ каждыя пять минутъ высовывалась изъ-за портьеры, она влетала къ нему и спрашивала:

— Много ли ты написалъ, мой милый! Дай я посмотрю, что ты настрочилъ!

Онъ серьезно потребовалъ, чтобы она оставила его въ покоѣ. Тогда въ сосѣдней комнатѣ раздался жалобный плачъ. Это было невыносимо.

Онъ началъ урезонивать ее. Она нѣжно поглядѣла на него своими влажными лукавыми глазками, состроила гримаску милаго, виноватаго ребенка, выслушавшаго наставленіе, и сказала:

— Если ты весь вечеръ будешь работать, такъ я останусь безъ мужа.

Подобныя сцены повторялись ежедневно. Однажды она объявила, что ляжетъ спать, но скоро вспорхнула къ мужу въ коротенькой розовой фланелевой юбочкѣ, чтобы пожелать ему спокойной ночи, и начала такъ мило прыгать вокругъ него, подражая разнымъ *па* балетной танцовщицы, которую они недавно вмѣстѣ видѣли, и при этомъ была такъ обворожительна, что онъ бросилъ перо, притянулъ ее къ себѣ на колѣни и весь отдался ея ласкамъ и шалостямъ. Она лукаво подмигнула ему и засмѣялась:

— Вотъ я и достигла, чего хотѣла!

Ея слова, ея взглядъ поразили его, и его сталъ мучить вопросъ: такъ ли она на самомъ дѣлѣ ребячлива и наивна, какъ кажется.

Онъ почувствовалъ глубокое отвращеніе къ самому себѣ...

* * *

На другой день подъ вечеръ, возвращаясь изъ редакціи, Альтгаусъ задумался и, пройдя немного, вдругъ остановился, посмотрѣлъ кругомъ и тихо разсмѣялся. По старой привычкѣ, онъ пошелъ по направленію къ квартирѣ г-жи Гервинъ.

Его охватило желаніе ее видѣть, поговорить съ ней. Онъ искренно радовался свиданію. Такое же влеченіе поскорѣе увидѣть Віолу онъ испытывалъ и прежде, когда шелъ къ ней послѣ бурныхъ и обыкновенно безобразно кончавшихся развлеченій, зная, что ея спокойная, умная улыбка, ея ясный взглядъ освѣжатъ его душу, смоютъ съ нея грязь.

Ему такъ много хотѣлось сказать ей, безконечно много. Вѣдь онъ еще не говорилъ ей ничего о своемъ новомъ романѣ, основная мысль

котораго навѣрное понравится ей. Былъ одинъ чудный вечеръ въ его путешествіи, когда онъ выѣхалъ на лодкѣ въ заливъ одинъ съ лодочникомъ... Многое разъяснили ему мысли и мечтанія, навѣянныя ему въ тотъ вечеръ однообразнымъ плескомъ волнъ и голубовато-пурпурнымъ ночнымъ освѣщеніемъ; онъ зналъ, что и Віолу занимали эти вопросы, и ему хотѣлось обмѣняться съ нею мыслями о нихъ.

Онъ ускорялъ шагъ, торопясь къ ней, и на ходу размахивалъ палкой.

Подойдя къ хорошо знакомому дому, онъ остановился, не рѣшаясь войти. Ему вдругъ стало стыдно, точно онъ пришелъ сюда для того, чтобы жаловаться на Лулу, точно онъ ищетъ какого-то запретнаго удовольствія. Своего рода супружеская честность заговорила въ немъ и заставила его вернуться домой.

— Да, да, бракъ, — думалъ онъ: — это такое странное, своеобразное, мистическое отношеніе между двумя людьми.....

Онъ ужъ такъ безконечно много размышлялъ объ этой загадкѣ, достойной сфинкса. Онъ наблюдалъ это явленіе вездѣ, гдѣ только представлялась на то возможность, и цѣлыми часами толковалъ объ этомъ вопросѣ съ умнѣйшими людьми. Онъ все старался рѣшить, какіе элементы безусловно необходимы для осуществленія счастливаго брака. Вотъ какая серьезная подготовка предшествовала его рѣшенію остановить свой выборъ на Лулу. Была ли она та женщина, какая нужна ему? И былъ ли онъ тотъ мужчина, который можетъ сдѣлать ее счастливой?

Утверждать обратное было бы во всякомъ случаѣ преждевременно. Лулу переживала еще первый кризисъ. По словамъ всѣхъ опытныхъ людей, хорошій бракъ не можетъ обойтись безъ цѣлаго ряда большихъ и малыхъ кризисовъ, и только послѣ этого стороны могутъ считать себя внѣ опасности. Лулу—ребенокъ, котораго еще нужно воспитать. Развѣ Віола не положила нѣсколькихъ лѣтъ труда и терпѣнія на то, чтобы выработать изъ себя друга, могущаго отвѣчать возвышеннымъ требованіямъ его «я»? Лулу тоже предстояло научиться быть не только его женою, но и его другомъ, чтобы замѣнить ему Віолу.

Отчего онъ до сихъ поръ не побывалъ у г-жи Гервинъ, со своей милой молоденькой женою?

Онъ весело прибѣжалъ домой, съ улыбкой выслушалъ докладъ Лулу объ ужасной неисправности ея горничной, о платьяхъ, какія она сошьетъ себѣ на лѣто, о любовныхъ похожденіяхъ одной знакомой, и сказалъ:

— Пожалуйста, милочка, когда я завтра приду домой, въ двѣнадцать часовъ, будь уже одѣта. Мнѣ необходимо сдѣлать съ тобой одинъ визитъ.

— Къ кому же мы поѣдемъ?—спросила она съ любопытствомъ.

— Къ г-жѣ Гервинъ. Я, кажется, уже не разъ говорилъ тебѣ о ней...

— Еще бы! Но къ этой особѣ я ѣхать не намѣрена!

— Лулу, не дурачься. Я обѣщалъ ей привезти тебя къ ней, когда мы еще были женихомъ и невѣстой.

— Я не поѣду къ г-жѣ Гервинъ. Ни за что на свѣтѣ.

— Я не понимаю...

— Я не понимаю, какъ ты могъ ожидать этого отъ меня.

— Не настроилъ ли тебя кто-нибудь противъ г-жи Гервинъ? Пожалуйста, скажи мнѣ правду!

Лулу откинулась на спинку дивана, гдѣ они сидѣли, и устремила глаза вверхъ.

— Она эмансипированная женщина.

— Что ты понимаешь подъ этимъ словомъ?

— То, что представляетъ собою г-жа Гервинъ.

— Вѣдь ты же ея совсѣмъ не знаешь.

— Я достаточно слышала о ней. И къ такой личности ты хочешь везти свою жену? Иногда вы, мужчины, бываете просто безподобны!

Круглыя плечи презрительно подергивались, очаровательный ротикъ презрительно улыбался, ножки, обутыя въ узкіе, остроконечные башмачки, нетерпѣливо и негодуя постукивали по ковру.

Бернгардъ всталъ.

— Ты сильно заблуждаешься, милая Лулу,—сказалъ онъ серьезно.— Ты очень несправедлива къ г-жѣ Гервингъ. Она не такая женщина, къ которой можно прикладывать обыкновенную мѣрку.

— Я нахожу, что съ твоей стороны очень великодушно защищать ее. Но не можешь же ты запретить мнѣ имѣть о ней свое мнѣніе!

— Ты вообще не имѣешь права судить о ней, пока ты ее не узнаешь! Я очень радъ, что мы съ тобой заговорили о г-жѣ Гервингъ. Я вижу, что въ твоей маленькой головкѣ сложились совершенно неправильныя представленія.

— Развѣ она не была твоимъ другомъ? Вѣдь ты же самъ говорилъ это мнѣ!

— Да, конечно. Но я долженъ тебѣ объяснить теперь, что я понималъ подъ этимъ словомъ.

— Можешь не объяснять. Я вовсе не такъ глупа, какъ ты иногда думаешь. Мама тоже всегда говоритъ, что молодая вдова, поддерживающая съ молодымъ человѣкомъ такъ называемую дружбу, всегда особа, внушающая подозрѣнія.

Бернгардъ нервно крутилъ бороду. Если Лулу усвоила себѣ такую мудрую житейскую философію, то она станетъ ему невыносима. Онъ съ ужасомъ припоминалъ, что она все болѣе и болѣе усваиваетъ себѣ банальные взгляды на вещи. Она воображала, что этими взглядами можетъ ему импонировать. Она разъигрывала добродѣтельную нѣмку— не совсѣмъ еще удачно, такъ какъ не привыкла еще къ этой новой роли. Бернгардъ спрашивалъ себя съ отчаяніемъ, неужели она всегда только играла комедію, и что же, наконецъ, свое — неподдѣльное, искреннее?

— Лулу, — сказалъ онъ, и въ голосѣ его уже прозвучала усталая, безнадежная нотка,—вѣдь, можешь же ты повѣрить мнѣ, твоему мужу! И я говорю тебѣ, что изъ всѣхъ женщинъ, какихъ я только зналъ въ жизни, я больше всѣхъ уважаю и цѣню г-жу Гервинъ. Понимаешь

Губы Лулу задрожали, но вмѣсто того, чтобы расплакаться, она посмотрѣла на него широко раскрытыми, злыми глазами и сказала:

— Отчего же ты женился на мнѣ, а не на г-жѣ Гервинъ?

Этотъ вопросъ смутилъ Альтгауса и больно кольнулъ его въ сердце, хотя онъ сейчасъ же сказалъ себѣ, что долженъ былъ его ожидать.

— Изъ этого ты видишь, что я все-таки люблю тебя больше, чѣмъ г-жу Гервинъ,—сказалъ онъ, но слова эти не были сказаны отъ души. Ему и въ голову не пришло взять ее за руки или погладить ей волосы, какъ онъ это дѣлалъ въ другое время.

Она страстно обвила руками его шею, прижалась къ нему и прошептала:

— Правда ли это? Правда ли, что ты любишь меня больше всего на свѣтѣ?

— Да, правда, дитя мое,—тихо сказалъ онъ, но глаза его не наполнились слезами, а выразили безконечную грусть; онъ подумалъ о той глубокой, беззавѣтной любви, какую въ теченіе многихъ лѣтъ питала къ нему Віола. И онъ не могъ поцѣловать въ эту минуту Лулу, просто не въ силахъ былъ этого сдѣлать. Какое-то могущественное чувство стянуло ему горло; онъ спросилъ себя, какъ вынесла Віола душевную муку, и зачѣмъ онъ заставилъ ее страдать.

Онъ отошелъ отъ жены, отворилъ дверь на балконъ и вышелъ. Ему хотѣлось воздуха, свободы, избавленія... «Только бы оставила меня въ покоѣ, только бы освободиться отъ ея присутствія!» съ неподдѣльнымъ ужасомъ думалъ онъ о Лулу.

— Послушай, муженекъ, — вдругъ раздался звонкій и веселый голосъ изъ комнаты; онъ прозвучалъ для него звономъ серебрянаго колокольчика, — не пообѣдать ли намъ завтра въ ресторанѣ? Закажемъ себѣ устрицъ. Пожалуйста! И бутылку шампанскаго — маленькую, совсѣмъ маленькую! Мнѣ такъ хочется!

— Она хочетъ насладиться своимъ торжествомъ,—подумалъ онъ съ горечью и непріязнью.

Въ сущности ему теперь вовсе не хотѣлось ѣхать съ женой къ Віолѣ, ему даже непріятно было бы сводить этихъ двухъ женщинъ другъ съ другомъ. Но онъ сказалъ твердо и сухо:

— Послѣ визита г-жѣ Гервинъ мы съ тобой можемъ пойти въ ресторанъ.

Лулу вдругъ поблѣднѣла, какъ полотно, около носа и въ уголкахъ рта у нея положительно выступили желтыя пятна.

— Я у нея не буду, — пронзительно крикнула она. — Развѣ ты не слышалъ, — я этого не хочу! Не стану посѣщать прежнихъ предметовъ твоей страсти!

— Но я тебѣ только что говорилъ... — съ ужасомъ началъ Бернгардъ.

— Это мнѣ совершенно безразлично,—всхлипывала Лулу.—Вѣдь ты же все-таки ухаживалъ за ней!

— Развѣ ты не можешь себѣ представить отношеній между мужчиной и женщиной безъ ухаживанья?

— Нѣтъ. Да о чемъ же вы могли говорить между собою?

— Твои слова свидѣтельствуютъ о весьма низкомъ уровнѣ развитія, Лулу. Неужели ты неспособна смотрѣть на вещи съ болѣе высокой точки зрѣнія?

— Я смотрю на вещи такъ, какъ смотритъ на нихъ моя мать,—промолвила Лулу, и что-то жесткое, упрямое промелькнуло въ ея чертахъ.—Можешь ли ты утверждать, что никогда не любилъ г-жи Гервинъ?

— Въ твоемъ смыслѣ — очень недолго, — сказалъ Бернгардъ. Въ эту минуту онъ ни за что не покривилъ бы душою.—А затѣмъ дружба наша состояла въ чистомъ и прекрасномъ обмѣнѣ духовныхъ интересовъ. Знаешь, это должно бы было служить цѣлью и нашего брака.

— Ты совсѣмъ не даешь мнѣ работать съ тобою! Ты отъ всего меня отстраняешь. Ты сказалъ мнѣ, что я для этого слишкомъ глупа, что у меня низменныя воззрѣнія.

— Но вѣдь ты можешь внутренно расти и развиваться!

— Этого я вовсе не желаю,—возразила Лулу. Она въ буквальномъ смыслѣ слова пыхтѣла.—Если я тебѣ не нравлюсь такою, какъ я есть, то ступай опять къ своей г-жѣ Гервинъ! Я тебя не держу. Мои родители примутъ меня, если я вернусь къ нимъ!

— Теперь ты говоришь глупости, милая Лулу.

— Я и хочу говорить глупости,—кричала она, не помня себя, и бросилась на кушетку.

— Успокойся! Въ такомъ состояніи ярости ты просто отвратительна.

— Я такъ и хочу. Я такъ и хочу.—кричала она совершенно безсвязно.

— Ради самого Создателя, поѣзжай ты къ своимъ родителямъ! — сказалъ Альтгаусъ и вышелъ изъ комнаты.

— Ей непремѣнно, непремѣнно надо уѣхать,—пробормоталъ онъ,— я этого не вынесу! Такъ вотъ какова она на самомъ дѣлѣ!

Онъ стоялъ въ спальнѣ у окна и глядѣлъ на узкій берлинскій дворъ, еле пропускающій свѣтъ, и личная жизнь его въ будущемъ представилась ему такою же буржуазно-опрятной, но лишенной свѣта, простора, убійственно-затхлой.

Молодая женщина вошла, пошатываясь, вымыла себѣ заплаканное лицо и причесала растрепанные волоса.

— Какъ ты можешь такъ огорчать меня въ моемъ положеніи,— замѣтила она, приводя въ порядокъ свою прическу.

Бернгардъ повернулъ голову и посмотрѣлъ на жену. Онъ только что соображалъ о возможности развестись. Онъ забылъ о томъ, что у нихъ будетъ ребенокъ,—ребенокъ, котораго будетъ воспитывать эта женщина съ ея мелкими, банальными воззрѣніями! Нѣтъ, это невозможно. Онъ долженъ былъ остаться съ нею и продолжать съ нею борьбу. Борьбу? Нѣтъ, не борьбу, а нескончаемыя препирательства изъ-за безчисленнаго множества мелочей и пустяковъ...

— Мнѣ кажется, что если мы другъ друга такъ раздражаемъ, то лучше всего было бы тебѣ на нѣсколько недѣль поѣхать къ твоимъ родителямъ,—началъ онъ равнодушно. — Можетъ быть, и я изнервничался отъ работы—ужъ не знаю, право. Подобныя сцены не должны больше повторяться между нами.

Лулу было бы пріятнѣе, если бы Бернгардъ сталъ просить у нея прощенія и постарался загладить ласками и баловствомъ перенесенную ею непріятность. Понявъ, что этого онъ не сдѣлаетъ, она рѣшила наказать его и дѣйствительно уѣхать. Она извѣстила родителей о своемъ пріѣздѣ и въ тотъ же вечеръ уложила свои вещи. Она была твердо убѣждена, что Бернгардъ полетитъ вслѣдъ за нею съ слѣдующимъ же поѣздомъ. Разумѣется, она рѣшила ничего не говорить родителямъ о ссорѣ съ мужемъ, но сказать имъ, что соскучилась по нихъ и потому пріѣхала.

Когда поданъ былъ экипажъ, который долженъ былъ отвезти ее на вокзалъ, ей стало страшно. Бернгардъ молчалъ и имѣлъ страдальческій видъ. Пока онъ, нагнувшись, стягивалъ ремнями ея вещи, она сказала ему:

— Ты пріѣдешь за мной?

— Разумѣется!

— Не правда ли, можно поссориться, а потомъ все опять наладится и пойдетъ по прежнему?

Онъ вздохнулъ; она потянулась къ нему проститься; онъ слегка коснулся губами ея лба, покрытаго вуалью.

— Отчего ты выглядишь такимъ огорченнымъ? Вѣдь я имѣла бы полное основаніе разсердиться еще больше! И какъ знать, — шутливо-жеманно прибавила она, грозя пальцемъ:—ты, гадкій, еще, пожалуй, станешь навѣщать г-жу Гервинъ!

— Это я навѣрно сдѣлаю,—сказалъ онъ холодно и отрывисто.—Я вовсе не намѣренъ порывать лучшихъ моихъ отношеній изъ-за твоихъ капризовъ.

— Бернгардъ, неужели ты говоришь серьезно? Тогда ужъ не лучше ли мнѣ остаться?

— Дѣлай, какъ знаешь. Но только пойми, что ты можешь быть

для твоего мужа хорошей хозяйкой, вѣрной спутницей жизни, словомъ, можешь составить для него очень много, но еще далеко не все.

Кухарка и швейцаръ понесли внизъ сундукъ Лулу, Бернгардъ взялъ пледъ, перетянутый ремнями, и зонтикъ жены, и они вмѣстѣ спустились съ лѣстницы и поѣхали на вокзалъ. Дорогой онъ далъ ей нѣсколько указаній относительно поѣздовъ и поручилъ кланяться отъ него родителямъ.

Она не отвѣчала. Усаживая ее въ вагонъ, онъ прошепталъ ей:

— Будь же благоразумна, Лулу!

— Ужъ не воображаешь ли ты, что я когда-нибудь прощу тебѣ?— шопотомъ возразила она, откинулась на спинку дивана и задернула занавѣску окошка. Онъ затворилъ дверь и пошелъ по платформѣ, не оглядываясь назадъ.

— Нѣтъ, такого рода женщины не прощаютъ. Да и къ чему ей прощать—я вѣдь тоже не смогу простить, что обманулся въ ней и испортилъ себѣ жизнь, — думалъ Бернгардъ.

Выйдя изъ вокзала, онъ подозвалъ извозчика и крикнулъ ему адресъ Віолы.

По дорогѣ въ отдаленную западную часть Берлина онъ мысленно переживалъ весь тотъ длинный періодъ времени, который протекъ отъ первыхъ дней знакомства съ Віолой. Все это пережитое было имъ давно забыто. И только ребячливые вопросы Лулу опять оживили въ немъ старое. Да, когда-то онъ почти что по настоящему любилъ Віолу.

Живо припомнился ему день, когда онъ не могъ пойти къ Віолѣ, такъ какъ она приводила въ порядокъ свою квартиру и вмѣсто этого обычнаго посѣщенія—отправился въ кафе. Тамъ онъ завязалъ знакомство съ продавщицей моднаго магазина и отъ скуки увезъ ее на прогулку за городъ.

Этотъ случай доказалъ ему, что любовь къ Віолѣ не была святымъ, истиннымъ, единымъ, нераздѣльнымъ чувствомъ,—иначе это чувство охранило бы его отъ такого банальнаго развлеченія.

Онъ сталъ припоминать всѣ подробности.

Онъ былъ, помнится, въ прескверномъ настроеніи, сердился на Віолу за то, что она не умѣла привязать его къ себѣ сильнѣе, и за то, что высокое благородное, самоотверженное чувство къ ней съ его стороны такъ быстро изсякло. Впрочемъ, онъ тогда же сказалъ себѣ, что безнадежная страсть — крайне непроизводительная трата силъ, вспомнилъ по этому случаю объ одномъ своемъ юношескомъ увлеченіи, гораздо сильнѣе затронувшемъ его, нежели любовь къ г-жѣ Гервинъ. Ею успокоился, наконецъ, процессъ сравненія, какъ это часто бываетъ съ людьми въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Привыкнувъ мудрить надъ жизнью при созданіи своихъ произведеній, онъ рѣшилъ довести до конца противопоставленіе одного чувства другому.

Если бы онъ тогда остановился, да, если бы!

Но въ сущности, что же было потеряно, разсуждая хладнокровно и разумно? Жену, въ виду ея молодости, можно было обуздать, а Віола была тутъ и оставалась для него тѣмъ же, чѣмъ всегда была.

Все еще было поправимо и вовсе не такъ ужасно, какъ онъ опасался въ послѣдніе дни и ночи.

У доктора Альтгауса стало легче на душѣ, когда онъ поднимался по лѣстницѣ къ своему другу. Онъ позвонилъ и, стоя у двери, пока о немъ докладывали, съ удивленіемъ замѣтилъ нѣсколько большихъ ящиковъ съ сѣномъ, загромождавшихъ прихожую.

Его провели въ маленькую гостиную, гдѣ сотни разъ принимала его Віола. Тутъ осталась только мебель, изъ оконъ безъ драпировокъ вливался въ комнату яркій, трезвый свѣтъ — картины и бездѣлушки исчезли,—вѣроятно, уже попали въ большіе ящики въ прихожей, красивыя растенія съ широкими листьями стояли на полу, упакованныя въ корзину.

— Что это значитъ?—воскликнулъ Альтгаусъ при видѣ г-жи Гервинъ, вошедшей въ гостиную нѣсколько минутъ спустя; прежде, чѣмъ выйти къ гостю, она сняла передникъ и бѣлый платочекъ, которымъ повязаны были ея волосы для предохраненія отъ пыли.

— Это значитъ, что черезъ два дня я отсылаю свои вещи въ Мюнхенъ.

— Вы уѣзжаете изъ Берлина? — Альтгаусъ съ трудомъ и нерѣшительно произнесъ эту фразу.

— Отчего же мнѣ не пожить въ другомъ городѣ?—отвѣчала г-жа Гервинъ вѣжливымъ тономъ свѣтскаго разговора. — Мюнхенъ находится такъ близко къ горамъ, оттуда недалеко до Швейцаріи и Италіи. Можетъ быть, я когда-нибудь побываю и тамъ. Вѣдь міръ такъ великъ!

Продолжая говорить, она опустилась на кушетку и знакомъ пригласила Альтгауса сѣсть противъ нея на стулъ. При этомъ взглядъ ея былъ устремленъ или выше него, или же скользилъ мимо его лица. Онъ не сѣлъ. Сознаніе, что эти комнатки, гдѣ онъ пережилъ столько пріятныхъ и счастливыхъ часовъ, будутъ опустошены и отданы чужимъ, что Віолы здѣсь уже не будетъ, переполнило душу его мучительною болью. Ему хотѣлось плакать, какъ маленькому ребенку.

— Это рѣшено безповоротно?—спросилъ онъ.—Отчего вы не предупредили о вашемъ намѣреніи?

Ему вдругъ стало ясно, что она вовсе не обязана была сообщать о своихъ планахъ человѣку, цѣлые полгода не вспоминавшему о ея существованіи. Онъ чувствовалъ, что говоритъ глупости.

— Неужели вы думаете, что такъ легко обходиться безъ васъ? — пробормоталъ онъ.—Я только что вернулся изъ моего свадебнаго пу-

тешествія. Моя жена.... мы давно собирались сдѣлать вамъ визитъ. Лулу въ настоящее время уѣхала....

. . . . . .

— Неужели ничего нельзя измѣнить?—вдругъ громко и быстро спросилъ онъ.

— Видимо, невозможно,—холодно отвѣтила г-жа Гервинъ.

— Я упрекаю себя,—сказалъ Альгаусъ...—Было бы лучше, если бы я... я думалъ, что....

Віола покачала головой.

— Вѣдь я вамъ больше не нужна.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее. Ея всегда одухотворенное, оживленное лицо теперь поблекло и стало безучастнымъ. Глаза были тусклы и глядѣли вдаль, на невѣдомое будущее, словно глаза умирающей. Этотъ тупой, равнодушный взглядъ, эти втянутыя отъ непрестанной внутренней боли губы онъ уже видѣлъ разъ на лицѣ женщины, стоявшей у гроба мужа.

Сердце у него вдругъ упало—зачѣмъ онъ пришелъ сюда, чтобы ее мучить?

— Віола, я не нашелъ счастья,—тихо сказалъ онъ.

Она встрепенулась.

— А—вы поссорились съ женой?—иронически замѣтила она.

Онъ молчалъ.

— Однако, скоро же!—сказала она.

— Да, скоро. Вы виноваты въ этомъ, Віола. Вы слишкомъ много давали мнѣ.

— Да. Я это знала—я этого хотѣла!

Она встала и глубоко вздохнула, какъ вздыхаютъ люди, окончивъ долгую, трудную работу.

— Вы хотѣли, Віола, чтобы я былъ несчастливъ?

— Чтобы вы ни въ какомъ бракѣ не нашли удовлетворенія... Да, я знала, что это будетъ, я желала этого! Это служило мнѣ утѣшеніемъ.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза. Въ ея глазахъ опять пробудилась жизнь, и онъ прочелъ въ нихъ затаенную, глубокую вражду.

Г-жа Гервинъ тихо прошла мимо него.

Онъ опустилъ голову, старался найти слово, найти что-нибудь, чѣмъ можно было бы измѣнить все совершившееся, вернуть Лулу, удержать Віолу. Но—ничего не нашелъ.

Когда онъ поднялъ глаза, онъ увидѣлъ, что остался одинъ среди голыхъ стѣнъ комнаты, изъ которой исчезло все, съ чѣмъ у него было связано столько дорогихъ воспоминаній.

Капитализація земледѣльческой промышленности.

*(Продолженіе *).*

IV.

Переворотъ въ орудіяхъ труда.

1.

Возникновеніе большихъ фермъ, какъ условіе техническаго прогресса земледѣльческихъ орудій.—Развитіе улучшеній въ Соединенныхъ Штатахъ и причины ихъ.—Желѣзная эпоха въ земледѣліи.—Пророчество Р. Мейера.

Если бы варвару-земледѣльцу VII—VIII вѣка показали наше хлѣбопашество въ концѣ прошлаго вѣка, даже и теперь въ такихъ уголкахъ, какъ горные округа Австріи, гдѣ ведется исключительно крестьянское хозяйство,—онъ почувствовалъ бы себя тамъ, какъ дома.

Но каково же было бы его удивленіе, если бы его привели на американскую ферму, или еще лучше, если бы онъ увидалъ земледѣльческій отдѣлъ на выставкѣ въ Чикаго, при входѣ котораго красовалась гордая надпись: «Желѣзная эпоха въ земледѣліи». Думаю, что если бы даже нашего крестьянина, слыхавшаго уже о нѣкоторыхъ машинахъ, повели на выставку и сказали ему, что онъ видитъ передъ собою земледѣльческія машины,—онъ обидѣлся бы на шутника, насмѣхающагося надъ его простотой. Напр., для какой цѣли служитъ этотъ рядъ граблей, расположенныхъ какъ спицы колеса, заходящихъ при оборотѣ на другія спицы, тѣ на слѣдующія и т. д.? Или, что представляетъ это полотно подъ кружащейся лѣстницей, которая, сдѣлавъ одинъ оборотъ, возвращается на прежнее мѣсто? Присматриваясь довольно долго, онъ узналъ бы нѣкоторые, извѣстные ему, образцы. Онъ узналъ бы плугъ,—догадался бы по острію, составляющему самую неизмѣнчивую составную часть орудія, которымъ человѣкъ вскрываетъ нѣдра земли. Удивило бы его въ языческомъ плугѣ мѣсто для сидѣнія, поднимающееся вверхъ. Неужели заграничный батракъ позволяетъ себѣ такую вольность и сидитъ на плугѣ, прибавляя еще тяжести животному?

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

Обширная американская ферма, обрабатывающая поле паровыми машинами, и крестьянинъ восточной Европы, пользующійся еще сохою, сгибающійся съ серпомъ въ рукѣ впродолженіи цѣлаго дня надъ полосой,— это двѣ различныя формаціи въ экономическомъ развитіи; одна—дитя настоящаго вѣка, другой—наслѣдство прошлыхъ вѣковъ застоя и мелкаго крестьянскаго земледѣлія.

Исходной точкой техническаго переворота было возникновеніе большихъ фермъ, т. е. появленіе въ обществѣ большихъ земледѣльческихъ владѣній, что вполнѣ понятно. Употребленіе вообще какой-нибудь машины начинаетъ оплачиваться только при извѣстной величинѣ помѣстья. Молотилка, на участкѣ въ пять десятинъ, являлась бы экономической нелѣпостью. Чтобы машина оказалась дѣйствительно полезной, необходима извѣстная минимальная величина помѣстья, и употребленіе ея становится невозможнымъ, если величина фермы не достигла извѣстной степени.

Въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ фермы, занимающіяся спеціально продукціей сѣна. Вмѣсто косъ и граблей, тамъ употребляются косилки, машина для перетряски сѣна, автоматы, нагружающіе сѣно на возъ. Въ виду величины фермъ, высылающихъ сѣно на рынокъ, употребленіе машинъ очень прибыльно, но такой прогрессъ обошелся бы дорого нашему помѣщику, владѣющему нѣсколькими десятинами луговъ.

Производительность многихъ машинъ, быть можетъ, даже всѣхъ, увеличивается соотвѣтственно величинѣ фермъ. Для вспашки отдѣльныхъ двухъ кусковъ земли, каждый въ 5 гектаровъ, паровой плугъ употребитъ въ 2 раза столько времени, чѣмъ для поля въ 10 гектаровъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ расходы будутъ меньше на одну треть *). Чѣмъ ферма больше (конечно, до извѣстной границы), тѣмъ каждая машина больше приноситъ пользы въ продолженіе своей жизни. Болѣе сложными машинами можно пользоваться только въ присутствіи спеціалиста механика, но это можетъ себѣ позволить только большая ферма, употребляющая не одну машину, а цѣлую батарею. Однимъ словомъ, только на фермахъ большихъ размѣровъ возможно большее приспособленіе машинъ, и польза отъ нихъ значительнѣе.

Существованіе большихъ фермъ является, слѣдовательно, условіемъ технической революціи орудій и земледѣльческихъ машинъ. Другой вопросъ,— возможенъ ли этотъ переворотъ? Пока ручной трудъ дешевъ, пока существуетъ излишекъ рабочей силы вблизи и работникъ грубъ и неловокъ, до тѣхъ поръ прогрессъ будетъ медленъ, не находя для себя достаточно побудительныхъ причинъ. Употребленіе машинъ начинаетъ оплачиваться только при извѣстномъ уровнѣ заработковъ, сравнительно при довольно большой производительности усовершенствованныхъ машинъ. Всѣ эти условія, помогающія распространенію земледѣльческихъ ма-

*) Fawcett, *Manual* etc. 81.

шинъ, существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ и создали то, что техническій прогрессъ, который съ конца прошлаго вѣка, хотя и постоянно, но очень медленно подвигался въ Англіи, за моремъ проявилъ другой характеръ—лихорадочной быстроты.

Этотъ переворотъ начался лишь тогда, когда потокъ переселенцевъ перешелъ Миссисипи и началъ разливаться по пшеничной степи. Услышавъ про тамошнюю плодородную почву, тысячи людей уходили изъ городовъ пробовать счастья въ земледѣліи. «Если даже по дорогѣ встрѣтимъ адъ, все-таки перейдемъ его, чтобы достигнуть дѣвственной почвы на Западѣ!»—говорила толпа, которая тащилась въ Дакоту. За земледѣліе принимались ремесленники, рудокопы, лавочники и вообще люди, мало смыслящіе въ хлѣбопашествѣ. Многіе не отличали пшеницы отъ ржи. Но это были энергичные люди. Привыкшіе къ городской изобрѣтательности и сравнительно легкой работѣ, они неохотно смотрѣли на тяжелые плуги, на косы и серпы, грабли и цѣпы. Кромѣ этой толпы, собственноручно занимающейся земледѣліемъ, появились еще капиталисты и образовались на дѣвственной почвѣ далекаго Запада громадныя фермы. Новыя условія требовали другого способа производства, чуждаго прежней рутинѣ. Цѣны рабочихъ были очень высоки, и капиталистъ долженъ былъ все болѣе и болѣе замѣнять человѣка машинами. Случилось то, что обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ: профаны, вторгнувшись въ чуждую отрасль труда, произвели въ ней совершенный переворотъ, тѣмъ болѣе, что часто это были богатыя акціонерныя общества, которыя покупали въ совершенной глуши нѣсколько десятковъ тысячъ акровъ земли.

«Рѣдкость населенія и высокая цѣна работника,—пишетъ Лафаргъ о Калифорніи, — были первою и самою важною трудностью, которую надо было преодолѣть. Не размышляя долго и не медля, взялись за машины. Привозили машины массами изъ восточныхъ штатовъ, несмотря на громадные расходы транспорта. Покупали самыя лучшія и только извѣстныя орудія. Но машины, которыми довольствовались даже самые дѣятельные фермеры западныхъ штатовъ, не удовлетворяли разборчивыхъ калифорнійцевъ. Большой западный плугъ они замѣнили плугомъ съ шестью ножами, который тянутъ 5 лошадей или муловъ; вмѣсто обыкновенной сѣялки, они устроили центробѣжную, которая разбрасываетъ зерна на разстояніи десяти-двѣнадцати метровъ. Затѣмъ соединили борону, сѣялку и плугъ такимъ образомъ, что одновременно пашутъ, боронятъ и сѣютъ. Косилка, которая впродолженіи дня могла сжать и связать хлѣбъ съ поля въ шесть гектаровъ, оказалась очень медленной для хозяевъ, которые впродолженіи нѣсколькихъ дней должны были убрать сотни и тысячи гектаровъ, такъ какъ вслѣдствіе суши зерно могло бы высыпаться изъ колосьевъ. Замѣнили ее *giant-header*'омъ, для которой требуется отъ 4 — 8 лошадей и у которой движущіеся

зубья срѣзываютъ только колосья, причемъ при одномъ размахѣ убирается хлѣбъ съ пространства 16—28 квадр. футовъ» *).

За Атлантическимъ океаномъ явилась потребность въ усовершенствованныхъ орудіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтственный спросъ на нихъ. Появляется конкурренція въ издѣліяхъ, отъ которой выигрываетъ техническій прогрессъ въ земледѣліи. Въ Соединенныхъ Штатахъ находятся десятки громадныхъ спеціальныхъ фабрикъ, вырабатывающихъ тѣ или другія машины **). Существуютъ системы и усовершенствованія, которыя устарѣли, прежде чѣмъ успѣли распространиться. Прогрессъ совершается такъ скоро, что сѣверо-американская республика является теперь поставщицей усовершенствованныхъ машинъ на всемъ земномъ шарѣ: косилки Wood'a, Mac-Cormick'a, Deering'a распространены по всей Европѣ; культиваторы и другія американскія орудія служатъ образцомъ въ фабрикахъ нашей части свѣта. Машины и земледѣльческія орудія очень разнообразны, соотвѣтственно цѣли, для которой употребляются, или условіямъ, къ которымъ машины приспособляются. Вяжущая косилка представляетъ много разнообразныхъ видовъ. Мы встрѣчаемъ чудовище, какъ great-header, работающее на поляхъ Вашингтона и Калифорніи; безъ сомнѣнія это величайшая земледѣльческая машина, какую я когда-либо видѣлъ, срѣзывающая только колосья, которые падаютъ на подвижное полотно и оттуда на возъ автоматическимъ образомъ. Вяжущая косилка, употребляемая въ Дакотѣ, тяжелой конструкціи и имѣетъ неподвижный помостъ; для работы на тяжелой каменистой почвѣ она строится болѣе легкой и т. д.

Лихорадка, начавшаяся лѣтъ 25 тому назадъ, все продолжается. Вообще, хлѣбопашество въ Соединенныхъ Штатахъ переживаетъ эпоху безостановочнаго техническаго переворота. Нѣтъ даже невзрачнаго орудія, незначительной работы, которыхъ не коснулась бы сообразительность изобрѣтателей и не усовершенствовала бы въ нихъ какой-нибудь мелочи. Пахота оказалась сравнительно самой устойчивой отраслью труда на полѣ, потому что паровой плугъ требуетъ для приспособленія спеціальныхъ условій: ровной поверхности и не очень сырой и топкой почвы. Вмѣсто рабочей силы или вьючной, распространяются мертвые двигатели. Паровая молотилка перестала быть рѣдкимъ

*) P. Lafargue. *Das americanische Getreide und seine Production*, «Neue Zeit», 1885, стр. 376.

**) Спеціализація въ области производства земледѣльческихъ орудій очень велика въ Соединенныхъ Штатахъ. Однѣ фабрики производятъ только плуги, другія—косилки, молотилки и т. д. Фабрики достигаютъ значительной величины. Фабрика Bradley'a и К°, занимающаяся выдѣлкой только плуговъ, считаетъ у себя до 600 рабочихъ; фабрика Mac-Cormicka въ Чикаго, вырабатывающая только косилки, занимаетъ 36 акровъ пространства и считаетъ до 2.000 рабочихъ. Изъ каталоговъ узнаемъ, что впродолженіи нѣкоторыхъ мѣсяцевъ въ году ежеминутно оканчивается новая косилка. Фирма Deering'a въ Чикаго вырабатываетъ только вяжущія косилки и считаетъ до 3.500 рабочихъ и т. д.

явленіемъ въ нашей части свѣта, но все-таки не такъ часто употребляется, какъ на Западѣ, гдѣ во время жатвы повсюду на горизонтѣ дымятъ локомобили.

Заморская дѣйствительность далеко ушла отъ образцовъ, существующихъ въ нашей части свѣта. Однако, это только вступленіе къ дальнѣйшему перевороту. Техника въ области земледѣльческихъ орудій безпрестанно прогрессируетъ и трудно предсказать, къ чему приведетъ со временемъ. Извѣстный писатель по аграрному вопросу Р. Мейеръ, останавливаясь надъ этимъ переворотомъ, высказалъ не очень давно, что «желѣзная эпоха» въ хлѣбопашествѣ, такъ гордящаяся своими успѣхами, есть только предвѣстницею новой эпохи—«электрической». Желѣзная эпоха измѣнила формы орудій и приспособленія вьючной силы: вмѣсто серпа, двигаемаго рукою, и руки, вяжущей снопы, явилась вяжущая косилка, которую тянетъ тройка лошадей или муловъ. Электрическая же эпоха, на основаніи пріобрѣтеній желѣзнаго вѣка, совершитъ переворотъ во вьючной силѣ, замѣнивъ лошадь электрическимъ двигателемъ, болѣе соотвѣтственнымъ для земледѣлія, чѣмъ сила пара. Я видѣлъ на выставкѣ въ Чикаго электрическіе двигатели, употребляемые при нѣкоторыхъ земледѣльческихъ работахъ. Дѣлались также пробы съ возами, двигаемыми при помощи электричества. Р. Мейеръ высказываетъ мысль, что со временемъ, когда воспользуются рѣчными потоками и замѣнятъ ихъ въ электрическую энергію, разсылаемую на протяженіи всего края, американскій крестьянинъ, который теперь покупаетъ въ городѣ корзину съ пивомъ и отсылаетъ ее послѣ выпивки, точно также будетъ покупать въ соотвѣтственныхъ заведеніяхъ извѣстное число электрическихъ аккумуляторовъ.

II.

Хозяйственный типъ на далекомъ западѣ Соединенныхъ Штатовъ.—Распространеніе машинъ и увеличеніе производительности человѣческаго труда.—Стремленіе большихъ капиталистовъ-земледѣльцевъ за Атлантическимъ океаномъ.—Крестьянское землевладѣніе по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана. — Измѣненный видъ фермъ.

Употребленіе машинъ для обработки полей и собиранія плодовъ произвело окончательный переворотъ въ современномъ отношеніи человѣка къ природѣ. Хлѣбопашество перемѣнилось на своего рода механическій промыселъ; техническій прогрессъ сорвалъ съ полей и труда земледѣльца прежній ореолъ поэзіи и облекъ ихъ новымъ, совершенно другимъ очарованіемъ.

Передъ моими глазами встаетъ, какъ живая, картина жатвы на поляхъ Дакоты и тѣ впечатлѣнія, которыя меня охватили при видѣ тянущихся безъ конца полей золотистой пшеницы, окруженныхъ батареей въ нѣсколько десятковъ косилокъ. Равномѣрное движеніе машинъ,

идущихъ другъ за другомъ зигзагомъ и выбрасывающихъ въ правильныхъ промежуткахъ времени по нѣсколько связанныхъ сноповъ, сотни рядовыхъ, укладывающихъ ихъ въ копны, механики верхомъ, исполняющіе роль офицеровъ въ промышленной арміи, повсюду на горизонтѣ столбы дыма,—все это особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на наше воображеніе, которое привыкло къ пространству, раздѣленному, какъ шахматная доска, на поля различныхъ цвѣтовъ, къ согнутымъ спинамъ людей, изнуренныхъ надъ серпомъ. Только поэтъ могъ бы точно выразить полученныя впечатлѣнія и передать во всей полнотѣ читателю. Было что-то прекрасное въ этомъ образѣ, предвѣщающемъ наступленіе новой эры въ земледѣліи. И если согбенная надъ серпомъ спина женщины или потъ, обильно текущій съ чела косаря, нашли своихъ поэтовъ, то современная жатва, исполняемая при помощи желѣзныхъ бритвъ, убирающихъ хлѣбъ при помощи желѣзныхъ рукъ, и желѣзныя чудовища, молотящія зерно,—ждетъ еще своихъ пѣвцовъ, которые съумѣли бы передать очарованіе образа неизмѣримыхъ пространствъ желтаго моря, окружающихъ его драконовъ и человѣческаго муравейника, движущагося на полѣ.

На всякаго человѣка пшеничная степь производитъ одинаковое впечатлѣніе. «Вообразимъ себѣ,—пишетъ одинъ авторъ,—золотистое поле, простирающееся на 30 квадратныхъ километровъ. Вѣтеръ мягко колышетъ его поверхность, и насколько можешь обнять взглядомъ, повсюду видишь одинъ цвѣтъ: заходящаго солнца. Тамъ, на горизонтѣ маршируетъ армія: впереди ѣдетъ генералъ, за нимъ штабъ механиковъ. Не сабли и не штыки блестятъ на солнцѣ, клещи и молотки—ихъ оружіе. Не звуки, издаваемые музыкальными инструментами, разносятся по воздуху. Движется батарея, состоящая изъ 24 вяжущихъ косилокъ, паровики пыхтятъ, въ одну минуту, отъ одного размаха громадныхъ рукъ, снабженныхъ стальными пальцами, машины убираютъ пространство въ сто футовъ, отбрасываютъ презрительно снопы и снова поднимаютъ свои, не знающіе устали, руки!»

Распространеніе въ хлѣбопашествѣ машинъ удивительно увеличило производительность человѣческаго труда, не говоря уже о другой сторонѣ, именно объ уменьшеніи напряженія его. Мы вспоминали, что въ Соединенныхъ Штатахъ употребляютъ въ хлѣбопашествѣ машину на каждомъ шагу. Въ Россіи находится около 60 милліоновъ десятинъ пахатной земли; сѣверо-американская республика считала въ 1885 году только 40 милліоновъ. Однако, общая стоимость земледѣльческихъ орудій, произведенныхъ въ 1886 г. въ Америкѣ, достигла 68 милліоновъ долларовъ; произведенныхъ въ Россіи и привезенныхъ изъ-заграницы было въ 1888 г. едва на 7,6 милліона рублей. Американскій землевладѣлецъ пользуется всякимъ усовершенствованіемъ, напоминая намъ не нашего землевладѣльца, но фабриканта, который, вынужденный конкурренціей, совершенствуетъ безостановочно методы производства. Достаточно разсмотрѣть американ-

скіе прейскуранты земледѣльческихъ машинъ, представляющихъ иногда довольно большихъ размѣровъ брошюры. Они разбираютъ старательно преимущество одной машины передъ другой, и даже такія подробности, какъ формы и упругость веревки для вязанія сноповъ. Встрѣчаешь такія мелочи, которыя утомили бы европейскаго земледѣльца, не привыкшаго задумываться надъ формою зубьевъ косилки. Но заморскій фермеръ считаетъ все это важнымъ; обиліе же рисунковъ и схемъ въ прейскурантахъ доказываетъ, какъ критически онъ разбираетъ машину, которую намѣревается купить. Отличіе въ умственной физіономіи заморскаго земледѣльца и нашего проявляется сразу, если станемъ разсматривать рекламы: въ европейскомъ прейскурантѣ машина фигурируетъ какъ предметъ, который навязывается земледѣльцу, въ заграничномъ—какъ вещь, съ которой его желаютъ познакомить. Въ Старомъ Свѣтѣ онъ пользуется чужой изобрѣтательностью, какъ плодомъ, созрѣвшимъ благодаря личной иниціативѣ, въ Новомъ—возбуждаетъ изобрѣтательность, ставя передъ ней извѣстныя задачи для разрѣшенія.

Чтобы понять эту погоню за машинами, надо обратить вниманіе на результаты, т. е. на продуктивность труда ихъ. Косилка можетъ впродолженіи дня скосить и связать въ копны хлѣбъ съ 20 акровъ. Фермеръ, которому помогаетъ подростающій сынъ, можетъ въ четыре дня убрать пространство въ 60 десятинъ, работая восемь часовъ ежедневно. Когда хлѣбъ уже убранъ и связанъ, пріѣзжаетъ механикъ, который свезетъ снопы и вымолотитъ ихъ паровой молотилкой. Самой мѣшкотной работой является пахота, по крайней мѣрѣ, на маленькой фермѣ, потому что на большихъ существуютъ спеціальные плуги, требующіе сильныхъ лошадей или паровыхъ двигателей. И вообще цифры, опредѣляющія производительность рабочаго на большихъ фермахъ запада Америки, гораздо значительнѣе, и стремленія акціонерныхъ обществъ, которымъ принадлежатъ bonanza farms, не такъ скромны. Они мечтаютъ о томъ, чтобы одинъ рабочій, пользуясь машинами, убралъ англійскую квадратную милю или 640 акровъ!

Не только орудія видоизмѣнились. Вообще видъ колоній, а особенно фермы совсѣмъ измѣнился. Въ книгѣ проф. E. Ramm'a *) нарисована ферма нѣкоего Kayney'a въ долинѣ св. Іоахима въ Калифорніи, производящая только пшеницу и немного ячменя на пространствѣ 3.000 акровъ. Подъ рисункомъ виднѣется надпись: «Единственная постройка, находящаяся на громадной калифорнійской фермѣ». Постройки помѣстья, которое въ 1892 г. произвело 50 тысячъ бушелей хлѣба, состоятъ изъ громаднаго сарая для машинъ и земледѣльческихъ орудій, а также мельницы, качающей воду. Рабочій скотъ—40 муловъ, пасущихся осенью на поляхъ фермы, а зимой пребывающихъ въ долинахъ Сіера-Невады. Архитектура построекъ другая, разсчитанная на меньшіе расходы, нѣ-

*) *Die Landwirthschaft in den Vereinigten Staaten v. Nord-Amerika.* 1895, стр. 193.

которыхъ зданій совсѣмъ не увидишь на фермѣ. Главнымъ образомъ, нѣтъ амбаровъ, а особенно на далекомъ Западѣ; въ общественномъ раздѣленіи труда они замѣнены элеваторами; тамъ же, гдѣ ихъ еще нѣтъ—кучами мѣшковъ по 30 тысячъ и болѣе, разложенныхъ на непромокаемомъ полотнѣ и имъ же покрытыхъ. На равнинахъ Дакоты эти красновато-коричневыя постройки, напоминающія своими формами колѣнопреклоненныхъ монаховъ, замѣнили колокольни нашихъ деревенскихъ церквей, подобно имъ господствуя надъ горизонтомъ.

Въ имѣніи хлѣбнаго предпринимателя въ Америкѣ нѣтъ даже слѣда той наивной эстетики нашихъ «передовыхъ» земледѣльцевъ, которые создали дорогія каменныя постройки и самымъ непроизводительнымъ образомъ затратили на нихъ значительные капиталы.

Мы получили бы любопытныя цыфры, если бы могли сопоставить сравнительнымъ образомъ взаимное отношеніе разныхъ частей хозяйственнаго капитала и стоимости земли у насъ и въ Америкѣ, особенно же на большихъ заморскихъ фермахъ. Мы пробовали это сдѣлать для нѣсколькихъ рубрикъ, но въ концѣ концовъ должны были отказаться отъ полученнаго результата—до того условія несоизмѣримы. Различное напряженіе земледѣльческой культуры, не одинаковая дороговизна орудій и земли—одни за моремъ сравнительно дороже, другія дешевле, разносторонность, господствующая у насъ, и спеціализація, распространяющаяся за моремъ,—не позволяютъ подобнаго рода сравнительныхъ подсчетовъ.

Остановимся только на изображеніи хозяйства на фермахъ Дакоты, пользуясь изслѣдованіями проф. Вольтманна *). Оказывается, что для обработки тысячи морговъ на тамошнихъ фермахъ требуется во время зимы одинъ или два рабочихъ, весною — пять, во время жатвы — двѣнадцать, а осенью—десять, и 6—7 паръ лошадей или воловъ. Напр., одна ферма, занимающая 6.000 морговъ и обрабатываемая на всемъ пространствѣ, содержала только 65 лошадей. Другая ферма, занимающая 1.500 морговъ, насчитывала 12 паръ лошадей, а изъ машинъ: 7 вяжущихъ косилокъ, 14 плуговъ, паровую молотилку и нѣсколько сѣялокъ.

III.

Разложеніе фермы въ общественномъ раздѣленіи труда.—Городской духъ охватываетъ крестьянина.—Духовная физіономія фермера на далекомъ Западѣ.

Техническій прогрессъ земледѣльческихъ орудій и машинъ не могъ не повліять и на общественную физіономію земледѣльческаго хозяйства. Изслѣдовать результаты его лучше лучше всего тамъ, гдѣ современная

*) *Сельское хозяйство.* 1893 г. Томъ XII, стр. 144—147.

техника болѣе всего развилась и гдѣ нѣтъ историческаго наслѣдія, которое мѣшало бы проявленію всѣхъ послѣдствій происходящаго переворота. Замѣтимъ еще разъ, что въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ лишь производство хлѣба, которое въ заморскихъ краяхъ обособилось болѣе или менѣе отъ разведенія скота и почти повсюду отъ молочнаго хозяйства. Такое раздѣленіе труда, какъ постараемся далѣе доказать, не является временнымъ или случайнымъ, но принадлежитъ къ числу основныхъ стремленій настоящей экономической эпохи.

Мы уже замѣчали, что традиціонное хозяйство нашихъ прадѣдовъ разлагается въ общественномъ раздѣленіи труда. Пивоваренie и винокуренie, производство сыра и масла отдѣлились и отдѣляются отъ хлѣбопашества и являются самостоятельными отраслями труда; садоводство и огородничество издавна уже ведутъ независимое существованіе, выкармливаніе скота на убой, молочное хозяйство начинаютъ превращаться въ самостоятельныя отрасли труда. Такое же раздѣленіе охватило за Атлантическимъ океаномъ даже сферу собственнаго земледѣлія, т.-е. обработки хлѣба: одна постройка за другой исчезаетъ на фермѣ, чтобы явиться на другомъ мѣстѣ общественной территоріи, какъ новый родъ предпріятій; то же самое происходитъ съ нѣкоторыми орудіями и работами. Спеціалисты, живущіе въ городахъ, пріѣзжаютъ на крестьянскую ферму для занятій, которыя отъ дѣдовъ-прадѣдовъ считались спеціальностью земледѣльца.

Разложеніе старыхъ формъ и организація новыхъ отношеній происходятъ различнымъ образомъ, въ зависимости отъ величины фермы. Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ въ американской деревнѣ заставляетъ употреблять машины, но не всякая ферма можетъ ихъ имѣть. Вопросъ разрѣшился такимъ образомъ: явились спеціальные предприниматели, которые отняли у хлѣбопашества молотьбу. Въ ближайшемъ мѣстечкѣ живетъ нѣсколько механиковъ: каждый изъ нихъ имѣетъ молотилку, возы для свозки хлѣба, и въ соотвѣтственное время года нанимаетъ необходимое число рабочихъ и объѣзжаетъ по порядку фермы, находящіяся въ его округѣ, получая постоянную плату съ каждаго вымолоченнаго бушеля. Самой копотливой работой является пахота. Плугъ считается самымъ консервативнымъ орудіемъ въ земледѣліи. Но его часъ тоже пробилъ. На большихъ фермахъ начинаютъ употреблять паровой плугъ. Это слишкомъ дорогое орудіе для крестьянина, хотя въ Америкѣ не сомнѣваются, что онъ появится и на поляхъ мелкаго фермера. Разумѣется, мелкій фермеръ не купитъ столь дорогой машины, потому что это было бы безуміемъ. Найдется оборотливый предприниматель, который съ этимъ орудіемъ будетъ объѣзжать фермы, расположенныя на небольшомъ разстояніи, какъ теперь это происходитъ съ молотилкой.

И постройки исчезаютъ на фермѣ. На западѣ Соединенныхъ Штатовъ желѣзная дорога является авангардомъ наѣзда. Она проклады-

ваетъ русло для потока людей, который разливается по старой преріи и замѣняетъ ее въ поле. Хозяйство начинается съ постановки временнаго шалаша и паханія земли; собранныхъ плодовъ некуда спрятать,—и вотъ акціонерное общество, устроившее желѣзную дорогу, обыкновенно строитъ элеваторы вдоль нея, и фермеры свозятъ вымолоченный хлѣбъ въ эти постройки, замѣняющія наши амбары въ общественномъ раздѣленіи труда.

Въ то же время земледѣлецъ проникается инымъ духомъ: городскими вкусами и взглядами. Пашетъ онъ плугомъ, на которомъ сидитъ, читая газету и куря сигару, иногда даже няньчась съ ребенкомъ, убираетъ хлѣбъ при помощи косилокъ; паровая молотилка, нанятая подённо, молотитъ его хлѣбъ. Уже одно это вводитъ въ крестьянское хозяйство особеннаго рода духовныя черты. Одѣваются въ одежду, приготовленную въ городѣ, въ печкѣ топятъ углемъ, на кухнѣ газомъ; теперь уже толкуютъ про маленькіе нефтяные и электрическіе двигатели. На каждомъ шагу является зависимость отъ города. Крестьянинъ переставъ представлять собою созданіе, работающее для непонятнаго ему по духу городского скопища людей, и взамѣнъ получающее очень мало плодовъ цивилизаціи. Прибавимъ къ этому, что техническія усовершенствованія создаютъ пустоту въ деревнѣ, расположеніе колоній далеко одна отъ другой, послѣдствіе увеличенной производительности труда—толкаютъ земледѣльца въ городъ. У насъ, гдѣ существуютъ деревни, т. е. расположенныя другъ возлѣ друга крестьянскія усадьбы, не подозрѣваютъ даже, насколько такое собраніе хатъ способствуетъ выработкѣ самостоятельнаго крестьянскаго духа, скажемъ болѣе—откровенно: крестьянской культуры. Иначе тамъ, гдѣ ферма отъ фермы находится на разстояніи версты и больше, какъ это видимъ на поляхъ Запада. Весною, когда зазеленятся нивы на необозримыхъ пространствахъ, лѣтомъ, когда пшеничныя степи окрасятся въ золотистый цвѣтъ, человѣку хорошо на груди матери-природы. Но страшная тоска распростираетъ свои крылья, когда зима снѣжнымъ покровомъ пріодѣнетъ равнины, и человѣкъ бѣжитъ въ городъ.

Даже настроеніе человѣка, его отдыхъ и развлеченія выглядятъ иначе. Утомительная работа нашихъ косарей, согбенныхъ съ утра до вечера и движущихся медленно на жарѣ, вызываетъ во всемъ организмѣ особеннаго рода утомленіе. Крестьянинъ бросился бы на землю, лежалъ бы тамъ цѣлыми часами безпечно, довольный, что можетъ не двигать утомленными мышцами. Когда же послѣ недѣльной работы наступитъ минута отдыха, тогда онъ слѣдуетъ этому инстинкту въ той или другой формѣ. Между тѣмъ земледѣлецъ Дакоты не сгибаетъ плечъ, не напрягаетъ мускуловъ. Сидя на козлахъ, онъ работаетъ органами зрѣнія, особенно слуха. Передъ нимъ мулы, за нимъ механизмъ косилки: ея зубья, срѣзывающіе хлѣбъ, ея руки, вяжущія солому, наконецъ, ея орудія, выбрасывающія снопы. Онъ слышитъ скрежетъ че-

люстей и шумъ механизма, и по ихъ правильности заключаетъ, что автоматъ дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ. Послѣ дневного труда онъ испытываетъ ослабленіе слуха и усталость глазъ, но мышцы его нуждаются въ работѣ послѣ многочасовой бездѣятельности. Прибавимъ еще, что онъ иначе питается, главнымъ образомъ мясомъ.

Это могущественный и далеко заходящій переворотъ! Нѣкогда, въ средніе вѣка, деревня была основаніемъ общественнаго строя, городъ же имѣлъ небольшое значеніе, онъ былъ только резиденціей духовной и свѣтской власти. На далекомъ Западѣ происходитъ иначе,— деревня расплывается въ городѣ. Фермеръ стремится къ центрамъ общества и развлеченія, и медленно превращается духовно въ городского жителя. На зиму крестьянскія семьи переѣзжаютъ въ городъ вмѣстѣ со скотомъ, который отдается на сохраненіе особеннаго рода предпринимателямъ. Городъ господствуетъ надъ деревней, хотя земля и раздѣлена еще на индивидуальные участки. Сдѣлаемъ шагъ дальше и вообразимъ себѣ крестьянскія акціонерныя общества, которыя сосредоточили мелкое владѣніе, а потому еще болѣе стали независимы отъ матери-земли, чѣмъ современный фермеръ. Что же тогда будетъ съ деревней? Деревня приметъ черты вполнѣ кочевыя, лѣтній домикъ замѣнится шатромъ и только городъ сохранитъ печать осѣдлаго образа жизни.

Такой шагъ впередъ и сдѣлали большія имѣнія на американскомъ западѣ.

Мы уже видѣли пустоту, господствующую на большой фермѣ, властитель которой мечтаетъ о томъ, чтобы для обработки поля пространствомъ въ одну квадратную англійскую милю достаточенъ былъ трудъ одного работника. Построекъ тамъ нѣтъ, сарай для машинъ и жилой домъ — это единственныя зданія на фермѣ, занимающей 1.500 десятинъ. Зимою мы не найдемъ тамъ скота, потому что существуетъ обычай отправлять его на югъ на зимовку къ спеціальнымъ предпринимателямъ, находящимся на разстояніи нѣсколькихъ сотъ и болѣе верстъ. Послѣ окончанія работъ въ полѣ, на фермѣ остается только нѣсколько сторожей. Картина мѣняется при наступленіи весны, и еще болѣе, когда августовская жара возвѣщаетъ наступленіе жатвы. Изъ городовъ прибываютъ арміи, располагающіяся лагеремъ на поляхъ. Толпа деревенскихъ рабочихъ состоитъ изъ бѣдняковъ, не имѣющихъ и пяди собственной земли и самой простой избушки, не считающихъ своимъ мѣста, на которомъ спятъ, и ложки, которой ѣдятъ. Они представляютъ олицетвореніе идеала людского рабочаго скота, лишеннаго всякой собственности. Кромѣ платья, покрывающаго ихъ тѣло, и того, что они ѣдятъ, они ничего не имѣютъ. На землѣ, которую обрабатываютъ, они не имѣютъ хатъ, и по окончаніи работы оставляютъ мѣстность и уходятъ въ городъ искать другого заработка.

Директоры большихъ имѣній вербуютъ ихъ отовсюду, и изъ деревень, и изъ большихъ городовъ, заключаютъ съ ними условія на время полевыхъ работъ и привозятъ въ имѣніе. Они организованы въ батальоны, опирающіеся на военной дисциплинѣ, встаютъ, ѣдятъ, работаютъ и ложатся спать въ опредѣленное время. По окончаніи работъ ихъ увольняютъ; на зиму владѣтель оставляетъ только нѣсколько человѣкъ, ухаживающихъ за скотомъ и охраняющихъ постройки. Остальные возвращаются въ городъ. Вездѣ на большихъ фермахъ бросалось мнѣ въ глаза отсутствіе женщинъ и дѣтей, нигдѣ не встрѣчалъ я постояннаго мѣста для пребыванія и ничего такого, что бы напоминало домашній очагъ. Даже идея о немъ чужда такимъ предпріятіямъ. Прежняя полевая работа требовала извѣстнаго умѣнья, знанія дѣла и навыка.

Ходъ тамошняго хозяйства требуетъ совсѣмъ новыхъ способностей и новыхъ людей: онъ нуждается въ механикахъ, умѣющихъ управлять паровой молотилкой и плугомъ, вести вяжущую косилку и другія орудія, знатоковъ, умѣющихъ выбирать самыя соотвѣтственныя зерна для сѣва, смотрителей, наблюдающихъ за порядкомъ, и поваровъ для полевой кухни, иногда химиковъ, анализирующихъ почву и навозъ, постоянно же и особенно бухгалтеровъ, которые сосчитали бы до гроша доходы и расходы; финансистовъ, владѣющихъ милліонами для купли неизмѣримыхъ полей, и спекуляторовъ, знакомыхъ съ колебаніями цѣнъ на рынкахъ и умѣющихъ выбирать соотвѣтствующій моментъ для продажи. Они-то и составляютъ главную часть промышленной арміи, обрабатывающей дакотскія нивы.

Мнѣ вспоминается то впечатлѣніе, которое я получилъ во время моего пребыванія на поляхъ далекаго Запада. Природа здѣсь обнаружила мнѣ свои силы въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ на родной нивѣ, представляющей пеструю шахматную доску мелкихъ полей, засѣянныхъ разными хлѣбами, и небольшія кучки жнецовъ. Въ виду батареи сорока вяжущихъ косилокъ, неизмѣримыхъ сноповъ, выбрасываемыхъ длинной вереницей чудовищъ, столбовъ дымящихся на горизонтѣ локомобилей, элеваторовъ, стоящихъ вдали вдоль желѣзнодорожнаго пути, я чувствовалъ, что боязнь передъ бѣдствіемъ голода невозможна. Человѣкъ, сознающій свои силы, не боится капризовъ природы и не старается умилостивить ее: онъ строитъ метеорологическія станціи и мечтаетъ о созданіи искусственнаго дождя. Онъ освободился отъ покорности стараго земледѣльца, неотлучной съ обработкой земли сохой, освободился отъ мистической «власти земли» и освободится раньше или позже и отъ старыхъ понятій о силахъ природы.

IV.

Подъ вліяніемъ какихъ условій образовались заморскіе образцы.—Отсутствіе историческаго наслѣдства.—Подборъ почвы и климата.—Развитіе путей сообщенія.—Темпераментъ колонистовъ.—Историческія оковы мѣшаютъ примѣненію въ Европѣ заморскихъ образцовъ.

Каждая провинція международной территоріи развивается въ зависимости отъ историческихъ условій, въ какихъ находится. Обработка хлѣба въ Сѣверной Америкѣ и Канадѣ пріобрѣла такой характеръ, какой мы представили, потому, что отношенія приняли тамъ соотвѣтственную форму, благопріятствующую разложенію земледѣльческаго хозяйства въ общественномъ раздѣленіи труда. «Городъ» руководитъ всѣмъ.

На далекомъ Западѣ желѣзная дорога появляется вездѣ раньше цивилизованнаго человѣка и служитъ точкой опоры въ борьбѣ съ природой, предпринятой колонистами. Достаточно разсмотрѣть на картѣ сѣть желѣзныхъ дорогъ, расположенныхъ въ длину и ширину басейна рѣки Красной, этого современнаго амбара цивилизованнаго міра. Вдоль русла главной рѣки тянется нѣсколько параллельныхъ линій, изрѣзанныхъ рядомъ боковыхъ, идущихъ перпендикулярно къ направленію главной дороги. Получается громадная шахматная доска путей сообщенія. Земледѣлецъ нигдѣ не владѣетъ такими усовершенствованными условіями для транспорта и переѣзда. Это и позволило ему осуществить въ земледѣльческой продукціи крайнюю спеціализацію: онъ производитъ въ степяхъ Дакоты и Минесоты только пшеницу и немного ячменя, содержа только для домашнихъ потребностей немного птицъ, корову и свинью.

Элементы, заселившіе преріи и преобразовавшіе ихъ въ несмѣтныя поля хлѣба, не занялись овцеводствомъ, какъ сдѣлали капиталисты, поселившіеся въ окрестностяхъ горъ, ни кормленіемъ скота, какъ въ степяхъ Техаса. Они принялись за обработку пшеницы только потому, что почва тамъ представляетъ черноземъ первой степени и что тамъ можно сѣять изъ года въ годъ, не навозя, и на пространствѣ въ три сотни миль (англійскихъ) и шириною въ нѣсколько десятковъ миль, поверхность гладка, какъ столъ. Метеорологическія перемѣны благопріятствуютъ производству зерна,—дожди выпадаютъ съ поразительной правильностью и солнце свѣтитъ во время созрѣванія и жатвы. Все это условія очень важныя, рѣшающія до извѣстной степени о способѣ веденія хозяйства. Молотьба на полѣ только что собраннаго хлѣба, употребленіе парового плуга, даже обыкновенной вяжущей косилки—все это связано съ климатомъ.

За моремъ хлѣбопашествомъ занялся авантюристскій элементъ. Жизнь пріучила его къ мысли и анализу тамъ, гдѣ европей-

скій крестьянинъ принимаетъ все слѣпо и всякое отклоненіе отъ прадѣдовскихъ образцовъ считаетъ погрѣшностью, влекущей неурожай. Земледѣльца изъ Дакоты можно упрекнуть въ противоположномъ недостаткѣ, а именно, онъ слишкомъ большой охотникъ до всякихъ нововведеній. Онъ оплачиваетъ часто свое легкомысліе непродуктивнымъ помѣщеніемъ капиталовъ въ машинахъ, оказавшихся непримѣнимыми. Быстрый и предпріимчивый, онъ брался за обработку пшеницы съ единственной цѣлью «заработать деньги», и, какъ перелетная птица, улетаетъ изъ гнѣзда, когда не хватило корму. Я не забуду впечатлѣнія, охватившаго меня, когда я очутился въ странѣ, гдѣ 30 лѣтъ тому назадъ странствовали индѣйцы и блуждали стада буйволовъ, теперь же свистятъ локомобили, дымятся паровые плуги и извиваются красновато-желтыя косилки, на горизонтѣ возвышаются элеваторы. Мнѣ припомнились слова одного писателя: «Мелкіе фермеры далекаго Запада—это крестьяне, но не имѣющіе ни одной духовной черты европейскаго поселянина, кромѣ его алчности. Это пришельцы изъ далекихъ краевъ, оставившіе за собою всѣ привычки, предразсудки, обычаи и косность мысли, являющіеся въ Старомъ Свѣтѣ препятствіемъ прогреса. Они не опутаны, какъ европейскіе крестьяне, адскою жаждою земли, опоэтизированной Прудономъ, Мишле и другими борцами вульгарнаго мелкобуржуазнаго демократизма. Преріи Запада лишены всякой вымышленной сантиментальности. Онѣ не припоминаютъ ему дней его дѣтства; не тутъ качалась его колыбель, онъ не шагаетъ по могиламъ отцовъ. Крестьянинъ пересталъ жить, какъ устрица, пригвожденная отъ рожденія къ тому же утесу. Онъ сдѣлался хлѣбопашцемъ не для того, чтобы слиться съ матерью-землей, но чтобы ее эксплуатировать и размѣнять на деньги. Когда его поля близки къ истощенію, если найдены гдѣ нибудь дѣтственныя поля,—онъ стремится туда. Съ тѣхъ поръ, какъ родъ человѣческій вышелъ изъ періода пастушества, земледѣлецъ въ первый разъ разорвалъ свою мистическую связь съ матерью землею и ея плодами и снова пріобрѣлъ прежнюю независимость кочевника». Такіе люди не только должны были произвести переворотъ въ техникѣ, но также и съумѣли это совершить. Они владѣли достаточно эластическими членами, чтобы нѣжно управлять машинами, они отличались умомъ, позволившимъ имъ найти слабыя стороны орудія и указать необходимыя усовершенствованія.

Преріи, свободныя отъ идейной и вещественной традиціи, ожидали лишь оплодотворенія. Этой *tabulae rasae* дала содержаніе особенная историческая разновидность человѣка, а именно—человѣкъ, воспитанный въ условіяхъ современнаго индустріализма, изнѣженный машинами и привыкшій къ счетамъ. Въ массѣ онъ представляетъ самый революціонный элементъ, какой когда-либо появлялся на землѣ. Онъ не уважаетъ заповѣдей предковъ, не довѣряетъ прошлому, все его существо проникнуто идеей, что міръ столько вѣковъ затѣмъ только существо-

валъ, чтобы въ каждой отрасли жизни онъ могъ преобразовать до основанія прежнюю технику производства. Въ пшеничной степи онъ разрушаетъ и создаетъ, не связанный наслѣдіемъ прадѣдовъ.

Совсѣмъ иначе обстоятъ дѣла въ нашей части свѣта.

Традиція, какъ кошмаръ, давитъ насъ. Хлѣбопашество самое первобытное занятіе, изъ котораго только впослѣдствіи отдѣлился городъ, поглощая систематически самые жизненные темпераменты деревни. Крестьянинъ, привыкшій къ тяжелому труду, потерялъ не только гибкость членовъ, но также быстроту ума. Европейскій крестьянинъ, прибывающій въ Америку, говоритъ Р. Мейеръ, слишкомъ неловокъ, чтобы продуктивно пользоваться заморскими орудіями и машинами. Только сынъ его, воспитанный въ другихъ условіяхъ и имѣющій возможность пріучить свою руку къ болѣе ловкимъ движеніямъ, становится способнымъ заниматься земледѣліемъ въ Америкѣ. Извѣстны жалобы нѣмецкихъ агрономовъ на невозможность употребленія въ Германіи нѣкоторыхъ машинъ, потому что починка слишкомъ дорого стоитъ, помѣщики же не могутъ примириться съ наймомъ городскихъ рабочихъ и фабричной платой для нихъ.

Такая не предпріимчивость деревенскихъ элементовъ представляетъ относительно самое небольшое препятствіе къ распространенію у насъ заморскихъ образцовъ. Существуютъ другія, болѣе вліятельныя. На далекомъ Западѣ человѣкъ началъ хозяйничать на землѣ, не имѣвшей господъ. Даже крестьянскія фермы владѣютъ тамъ 160 акрами земли, т. е. около 60 десятинъ, что представляетъ значительное пространство, если обратимъ вниманіе, что все оно засѣяно пшеницею и даетъ возможность примѣнять много орудій, не оплачивающихся на подобной величины фермѣ, раздѣленной какъ шахматная доска. У насъ другое дѣло. Поверхность страны раздѣлена по большей части на мелкія усадьбы. Такія хозяйства являются не только убѣжищемъ нищеты, но также и технической рутины. Домашній бюджетъ крестьянина принимаетъ грошъ за единицу мѣры; машина, даже болѣе всего сберегающая силы, является тамъ невозможной, потому что стоитъ *денегъ*, между тѣмъ даже чрезмѣрная работа, особенно въ мало развитыхъ закоулкахъ, утомляетъ только *мускулы*, преждевременно горбитъ спину, но за нее не надо платить. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, былъ такой періодъ, когда думали, что развивающіяся латифундіи поглотятъ мелкую собственность и дадутъ возможность примѣнять въ хлѣбопашествѣ высшую технику. Но заморская конкурренція измѣнила окончательно тенденціи экономическаго развитія. Условія слишкомъ сложны, и трудно опредѣленно сказать, какой характеръ примутъ въ близкомъ будущемъ земледѣльческія отношенія. Быть можетъ, пространства крестьянскаго землевладѣнія увеличатся, тогда возрастетъ и сопротивленіе всякому техническому прогрессу (относительное). Раздробленіе крестьянскаго землевладѣнія съ теченіемъ времени на все болѣе мелкіе участки является

необходимостью, что не только мѣшаетъ примѣненію усовершенствованныхъ орудій, но и увеличиваетъ въ обществѣ источникъ дешевой рабочей силы, которая снова, вслѣдствіе своей неловкости и дешевизны, мѣшаетъ примѣненію машинъ на фермѣ и даже дѣлаетъ это излишнимъ. Пользованіе машиной оплачивается только тогда, когда она за время своей дѣятельности не только возвратитъ издержки покупки и содержанія, но еще дастъ излишекъ выше той платы, которую должны-бы получить рабочіе, необходимые для выполненія этой работы.

Еще одно обстоятельство. Хлѣбопашество въ Америкѣ развилось на ровной поверхности—избрало такую среди многихъ другихъ, какъ болѣе соотвѣтственную; фермы расположились, кромѣ того, въ климатическихъ условіяхъ, представляющихъ мало шансовъ, что природа начнетъ капризничать не въ надлежащую пору. Все это вызвало обработку пшеницы, а не рису или хлопчатника на поляхъ Дакоты. Наша почва представляетъ поверхность часто холмистую, дождь льетъ не во время. И это тоже мѣшаетъ примѣненію машинъ, какъ мы уже замѣтили.

Всѣ эти условія—наслѣдіе прошлаго, сковывающія техническое развитіе нашего земледѣлія. Отсутствіе предпріимчивости у помѣщика и неловкость крестьянина, мелкіе размѣры крестьянскихъ надѣловъ и нищета ихъ хозяевъ, раздѣленіе большихъ фермъ на разнородныя поля, что происходитъ иногда отъ неровности поверхности и различія почвы, дешевая рабочая сила, какъ послѣдствіе существованія мелкаго землевладѣнія, недостатокъ въ путяхъ сообщенія, капризы климата и земной поверхности, теперь же и низкія цѣны хлѣба, задерживающія развитіе латифундій,—вотъ какое наслѣдіе оставила Европѣ настоящей эпохи—прошедшая. И природа, и общественныя условія мѣшаютъ заграничнымъ образцамъ. Для распространенія ихъ у насъ нуженъ окончательный переворотъ въ земледѣліи: спеціализація территорій вмѣсто настоящаго разнообразія, измѣненіе темпераментовъ, исчезновеніе крестьянина.

Слѣдовательно, американскія условія представляютъ для Европы нѣчто такое, къ чему стоитъ присмотрѣться, но что не наступитъ, пока общественный строй въ нашей части свѣта будетъ старый. Существуетъ даже извѣстное пренебреженіе къ американскому способу веденія хозяйства: агрономы-теоретики предсказываютъ ему скорое банкротство вслѣдствіе оскудѣнія соковъ земли. Но, вѣдь, и устойчивость Европы лишь относительна. Заграничныя машины распространяются у насъ, правда, не всѣ, но все-таки косилка и молотилка перестали быть миѳомъ; даже машина для копанія картофеля появляется все чаще. Примѣненіе машинъ ускорилось бы, если бы поступали умнѣе, не выписывали бы орудія изъ за моря, но брали бы ихъ какъ образецъ, придавая имъ формы, болѣе соотвѣтственныя въ нашихъ условіяхъ, какъ это дѣлаютъ янки, не употребляющіе тяжелой косилки тамъ, гдѣ поверхность неровна, но примѣняющіе болѣе легкую форму. Однако,

распространеніе усовершенствованной техники при обработкѣ земли создаетъ у насъ новое препятствіе для дальнѣйшаго прогресса. Каждое такое орудіе, каждая паровая молотилка, косилка лишаютъ заработка извѣстное число рабочихъ, увеличиваютъ конкурренцію между ними, уменьшаютъ рабочую плату и этимъ препятствуютъ употребленію дорогихъ орудій, не оплачивающихся при существованіи низкаго уровня заработковъ. Это обстоятельство является источникомъ увеличивающейся нищеты въ деревнѣ и въ то же время преградой для появленія еще большей, потому что если бы употребляли американскіе образцы, то сотни тысячъ рукъ лишились бы средствъ пропитанія.

Л. Крживицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАПИТАЛИЗМЪ И РЫНОКЪ.

(По поводу книги С. Булгакова «О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ». Москва. 1897 г.).

Вопросъ о рынкахъ, въ связи съ возможностью капиталистическаго развитія Россіи, уже неоднократно обсуждался въ нашей печати. Въ началѣ 80-хъ годовъ г. В. В. въ своей извѣстной книгѣ «Судьбы капитализма въ Россіи» и въ статьѣ въ «Отечественныхъ Записках» «Излишекъ снабженія рынка товарами» выставилъ тезисъ, что капитализмъ *не можетъ* развиваться въ Россіи дальше извѣстнаго предѣла. Какія бы мѣры правительство ни принимало для развитія капиталистическаго производства, эти мѣры не достигнутъ цѣли. Капитализмъ не имѣетъ никакой будущности въ Россіи потому, что капиталистическое производство требуетъ для своего развитія *внѣшняго рынка*, а таковой, естественно, закрытъ для продуктовъ русской фабрично заводской промышленности. Если наши фабричные продукты не могутъ выдержать конкурренціи съ иностранными даже на внутреннемъ русскомъ рынкѣ и нуждаются въ энергичномъ таможенномъ покровительствѣ, то можно ли разсчитывать на успѣхъ русскихъ мануфактуръ на міровомъ рынкѣ, гдѣ попечительное правительство не въ силахъ оказать никакой помощи нашему національному производству?

Я не буду останавливаться надъ тѣми соображеніями, которыми г. В. В. пытался обосновать свою мысль о необходимости внѣшнихъ рынковъ для развитія капиталистическаго производства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я подробно разобралъ теорію г. В. В. въ книгѣ «Промышленные кризисы въ современной Англіи». Тамъ же я противопоставилъ взглядамъ г. В. В. совершенно иную точку зрѣнія на роль внутренняго и внѣшняго рынка въ капиталистическомъ производствѣ.

Выводы, къ которымъ я пришелъ, были формулированы мной слѣдующимъ образомъ: «Производство само создаетъ рынокъ для товаровъ и не нуждается ни въ какомъ иномъ рынкѣ». Но «для того, чтобы появился рынокъ для добавочныхъ товаровъ (при расширеніи производства), нужно, чтобы капиталъ, вновь помѣщаемый въ промышленность, распредѣлился въ извѣстной пропорціи между цѣлымъ ря-

домъ различныхъ отраслей производства. Только при этомъ условіи производство можетъ расшириться безъ пониженія товарныхъ цѣнъ и ущерба для производителей... Чѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе строгая пропорціональность требуется во всѣхъ его частяхъ». «Граница производству полагается только размѣромъ производительныхъ силъ, которыми располагаетъ нація... спросъ на товары создается самимъ производствомъ и никакихъ внѣшнихъ границъ расширенію производства, кромѣ недостатка производительныхъ силъ, не существуетъ» («Промышл. кризисы», стр. 426, 427, 434, 438, «Сборникъ правовѣдѣнія», т. V, стр. 77, 78).

Для доказательства этихъ положеній я построилъ рядъ схемъ, которыя должны были показать, какимъ образомъ, при пропорціональномъ распредѣленіи національнаго производства, предложеніе товаровъ балансируется спросомъ, хотя бы *спросъ на предметы потребленія и даже національный доходъ сокращался*. При недостаточномъ пониманіи законовъ капиталистическаго обращенія можетъ показаться чистѣйшей нелѣпостью утвержденіе, что спросъ на товары можетъ расти при сокращеніи народнаго потребленія. Вѣдь цѣль производства, скажутъ намъ, есть потребленіе. Для чего нужны машины, инструменты, каменный уголь, сырой матеріалъ и пр., какъ не для созданія предметовъ потребленія? Но если такъ, то простой здравый смыслъ говоритъ, что при уменьшеніи спроса на предметы потребленія долженъ уменьшиться спросъ и на машины, сырой матеріалъ, вспомогательные матеріалы и прочее, требуемое для производства этихъ предметовъ потребленія; а, слѣдовательно, сокращеніе спроса на предметы потребленія ведетъ къ сокращенію спроса и на средства производства — иными словами, спросъ на всѣ товары сокращается.

Однако, въ данномъ случаѣ, «здравый смыслъ» оказывается плохимъ руководителемъ. Цѣль капиталистическаго производства отнюдь не потребленіе. Цѣль всякаго производства есть доходъ; точно также и капиталистическое производство стремится къ увеличенію дохода, но лишь дохода капиталистовъ. Въ капиталистическомъ обществѣ извѣстная часть народнаго потребленія—потребленіе рабочаго класса—является, съ точки зрѣнія капиталистовъ, затратой капитала. Заработная плата для рабочаго—доходъ, а для капиталиста—капиталъ. Для предпринимателя предметы потребленія рабочаго суть такія же средства производства, такія же формы затраты капитала, какъ и предметы потребленія рабочаго скота или топливо для машины. Весь національный продуктъ можно разбить на 3 части: 1) предметы потребленія общественныхъ классовъ, источникомъ дохода которыхъ является прибавочная цѣнность (Mehrwerth), 2) предметы потребленія рабочаго класса (перемѣнный капиталъ) и 3) средства производства (постоянный капиталъ). Если предприниматели находятъ выгоднымъ для себя замѣнить рабочаго машиной, то спросъ на товары 2-го подраздѣленія уменьшается,

а на товары 3 го подраздѣленія возрастаетъ. Общая сумма спроса можетъ остаться неизмѣнной, а между тѣмъ народный доходъ сокращается (уменьшается доходъ рабочихъ) и сокращается народное потребленіе (потребленіе рабочаго класса). «Все дѣло въ томъ, что съ точки зрѣнія капиталистовъ, регулирующихъ національное производство, рабочая плата, т. е. доходъ большей части общества составляетъ не доходъ, а капиталъ, который можетъ быть съ выгодой замѣненъ другимъ капиталомъ—машинами» (стр. 426). Поэтому въ капиталистическомъ обществѣ «сумма національнаго дохода можетъ уменьшаться, а спросъ на товары возрастать; страна можетъ становиться богаче, а доходы ея могутъ падать, хотя это и кажется парадоксомъ при первомъ взглядѣ» (стр. 425).

Итакъ, при пропорціональномъ распредѣленіи національнаго производства предложеніе товаровъ всегда балансируется спросомъ, какъ бы ни измѣнялась сумма народнаго дохода и какъ бы ни сокращалось народное потребленіе (такое сокращеніе, въ извѣстныхъ предѣлахъ, является обычнымъ спутникомъ капиталистическаго развитія). Указанія г. В. В., Николая—она и другихъ на обнищаніе народной массы подъ вліяніемъ роста капиталистическаго производства (поскольку такія указанія не преувеличены) отнюдь не доказываютъ невозможности развитія въ Россіи капитализма. Капиталистическое производство само создаетъ для себя рынокъ и можетъ возрастать, опираясь исключительно на внутренній рынокъ.

«Но позвольте,—прерываетъ меня негодующій читатель,—вѣдь вы говорите абсурды: по вашему выходитъ, что если бы Англія лишилась всѣхъ своихъ колоній, если бы всѣ иностранные рынки были для нея закрыты, это нисколько не повліяло бы на англійскую промышленность. Но въ такомъ случаѣ почему всѣ европейскія страны стремятся захватить новые рынки, не останавливаясь при этомъ ни передъ насиліемъ, ни передъ попираніемъ всѣми признаваемыхъ обычаевъ международнаго права? Какой смыслъ имѣетъ колоніальная политика всѣхъ европейскихъ государствъ, какъ не захватъ внѣшняго рынка для произведеній туземной промышленности?»

Дѣйствительно, *исторически* капитализмъ развился въ западной Европѣ, опираясь на внѣшній рынокъ. На это были свои причины, на которыхъ я теперь останавливаться не буду. Дѣйствительно, для Англіи внѣшній рынокъ необходимъ; каково бы ни было распредѣленіе національнаго производства, *эта* страна не можетъ существовать безъ внѣшняго рынка.

Но вѣдь я только что сказалъ, что капиталистическое производство само создаетъ для себя рынокъ? Это совершенно вѣрно, но лишь при одномъ условіи, котораго я пока не касался: при условіи, что страна совсѣмъ не ввозитъ товаровъ изъ заграницы. «Но что произойдетъ, если страна будетъ ввозить товары изъ заграницы? Въ этомъ случаѣ вся та часть

покупательной силы, которая затрачивается на пріобрѣтеніе иностранныхъ товаровъ, очевидно, изъемлется изъ внутренняго рынка... Какъ бы мы ни измѣняли распредѣленіе національнаго капитала, все равно, доля товаровъ останется въ избыткѣ. Въ этомъ случаѣ возможны два исхода: или доля капитала, не находящая себѣ помѣщенія на внутреннемъ рынкѣ, уйдетъ заграницу, или же избыточные товары сами проложатъ себѣ путь заграницу и найдутъ себѣ сбытъ на внѣшнемъ рынкѣ. Но второе всегда болѣе или менѣе гадательно, такъ какъ заграницей спросъ на товары данной страны вовсе не долженъ непремѣнно возрастать параллельно возрастанію ея собственнаго спроса на заграничные товары. Поэтому *въ каждой странѣ, ввозящей товары изъ заграницы, капиталъ можетъ быть въ избыткѣ; внѣшній рынокъ для такой страны безусловно необходимъ*» (стр. 429).

Итакъ, внѣшній рынокъ необходимъ для развитія капиталистическаго производства лишь постольку, поскольку страна нуждается въ ввозѣ иностранныхъ товаровъ. Англія, получающая изъ заграницы пищу для своего населенія и сырой матеріалъ для фабрикатовъ, безусловно нуждается во внѣшнемъ рынкѣ. Россія, для которой ввозъ иностранныхъ продуктовъ имѣетъ несравненно менѣе значенія, гораздо легче можетъ обойтись и безъ ввѣшняго рынка.

Таковы были соображенія, которыя я противопоставилъ взглядамъ г. В. В. о роли внѣшняго рынка въ капиталистическомъ хозяйствѣ и о невозможности роста капиталистическаго производства въ Россіи. Выводы, къ которымъ я пришелъ, явились развитіемъ теоріи классической школы политической экономіи о невозможности общаго товарнаго перепроизводства (лучше всего эта теорія выражена Рикардо въ его письмахъ къ Мальтусу) и основывались на замѣчательномъ анализѣ воспроизводства и обращенія капитала, даннымъ Марксомъ въ двухъ послѣднихъ главахъ II тома «Капитала». Изъ этого анализа съ логической неизбѣжностью вытекали вышеизложенные выводы. Тѣмъ не менѣе, они отнюдь не были формулированы Марксомъ. Мало того, нѣкоторыя мѣста III тома «Капитала» (моя книга вышла въ свѣтъ до появленія III тома) производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто Марксъ вовсе не придерживался взгляда, что капиталистическое производство само создаетъ для себя достаточный рынокъ. Такъ, напр., Марксъ говоритъ въ главѣ XV-ой III тома: «Производство прибавочной цѣнности есть только первый актъ процесса капиталистическаго производства... капиталъ всосалъ столько-то и столько-то неоплаченнаго труда... тогда слѣдуетъ второй актъ процесса. Вся сумма товаровъ, весь продуктъ, какъ та часть, которая возстановляетъ постоянный и перемѣнный капиталъ, такъ и та, которая представляетъ прибавочную цѣнность, долженъ быть проданъ... Условія непосредственной эксплуатаціи и реализаціи продукта не тождественны. Они не только не совпадаютъ по времени и мѣсту, но и по существу различны. Первыя ограничиваются

лишь производительными силами общества, вторыя ограничиваются пропорціональностью различныхъ отраслей производства и *потребительной силой общества* (курсивъ мой). Эта послѣдняя опредѣляется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной силой, но потребительной силой на базисѣ находящихся во взаимномъ антагонизмѣ отношеній распредѣленія, сводящихъ потребленіе широкой массы общества къ минимуму, измѣняющемуся лишь въ небольшихъ предѣлахъ. Далѣе, эта потребительная сила ограничивается стремленіемъ къ накопленію, стремленіемъ къ расширенію капитала и къ производству прибавочной цѣнности въ болѣе обширныхъ размѣрахъ... Рынокъ долженъ поэтому всегда расширяться... Но чѣмъ болѣе развивается производительная сила (общества), тѣмъ болѣе она становится въ противорѣчіе съ узкимъ основаніемъ, на которомъ покоятся отношенія потребленія» (стр. 225—226 нѣмецкаго изданія).

Итакъ, по мнѣнію Маркса, возможность сбыта товаровъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ ограничивается двумя условіями: 1) пропорціональностью различныхъ отраслей производства и 2) потребительной силой общества. Иными словами, одна пропорціональность распредѣленія національнаго производства еще не гарантируетъ возможности сбыта продуктовъ. Продукты могутъ не найти себѣ рынка, хотя распредѣленіе производства будетъ пропорціонально—таковъ, повидимому, смыслъ цитированныхъ словъ Маркса.

Правда, нѣсколькими страницами ниже Марксъ говоритъ: «Истинная граница капиталистическаго производства есть самъ капиталъ» (стр. 231), но, какъ видно изъ дальнѣйшаго текста, этими словами Марксъ отнюдь не хотѣлъ сказать, что капиталистическое производство само въ себѣ находитъ рынокъ для реализаціи всѣхъ производимыхъ цѣнностей; смыслъ этихъ словъ обратный — Марксъ указываетъ на препятствія къ расширенію капиталистическаго производства, создаваемыя капиталомъ. Капиталистическій способъ производства стремится къ неограниченному развитію производительныхъ силъ общества, и въ то же время условія реализаціи продукта въ капиталистическомъ хозяйствѣ полагаютъ границу расширенію производства — въ этомъ смыслѣ Марксъ и говоритъ, что граница капиталистическаго производства есть самъ капиталъ *).

Такимъ образомъ, если держаться текста III тома «Капитала», то можно, пожалуй, утверждать, съ нѣкоторымъ кажущимся правдоподобіемъ, что Марксъ не допускалъ возможности развитія капиталистиче-

*) Г. Булгаковъ совершенно не понялъ смысла этого мѣста у Маркса. По мнѣнію г. Булгакова, Марксъ здѣсь говоритъ, что при соблюденіи пропорціональности распредѣленія производства, «расширеніе производства само создаетъ рынокъ для добавочнаго количества товаровъ». (Булгаковъ, стр. 159). Какъ разъ наоборотъ: Марксъ говоритъ здѣсь о препятствіяхъ расширенію производства, создаваемыхъ самимъ капиталомъ.

скаго производства на основѣ узкаго внутренняго рынка. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это воззрѣніе совсѣмъ не вяжется съ анализомъ воспроизводства капитала, даннымъ Марксомъ во II томѣ. Противорѣчіе это объясняется тѣмъ, что II и III томы «Капитала» представляютъ собой лишь далеко не законченный черновой набросокъ теоріи обращенія капитала и процесса капиталистическаго производства, взятаго въ его цѣломъ. По этой причинѣ мы не находимъ въ III томѣ выводовъ изъ замѣчательнаго анализа, представленнаго во II томѣ, и даже встрѣчаемъ утвержденія, рѣшительно опровергаемыя этимъ анализомъ.

Недавно вышедшая книга г. Булгакова, «О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ», снова подымаетъ вопросъ о роли внѣшняго рынка въ экономическомъ развитіи Россіи. Съ главнѣйшими выводами г. Булгакова я не могу не согласиться, такъ какъ это—мои выводы. Такъ, г. Булгаковъ говоритъ въ резюмирующемъ его книгу заключеніи: «Спеціальнымъ условіемъ возможности интенсивнаго расширенія производства является пропорціональность распредѣленія вновь накопляемаго капитала между различными отраслями производства. Расширеніе капиталистическаго производства совершается не на счетъ расширенія потребленія, относительную долю котораго развитіе капиталистическаго производства стремится уменьшить, но на счетъ расширенія внѣшняго поля производства... Необходимость внѣшняго рынка для капиталистической страны имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если страна не можетъ обойтись безъ ввоза. Эта необходимость, слѣдовательно, не обусловлена причинами, коренящимися въ самой организаціи капиталистическаго производства...» (Булгаковъ, Выводы, стр. 259, 260).

Со всѣмъ этимъ я спорить, разумѣется, не буду, такъ какъ все это было указано мною задолго до г. Булгакова. Замѣчу, кстати, что изложенное у меня рѣшеніе вопроса о роли внѣшняго рынка для капиталистической страны, цѣликомъ принимаемое г. Булгаковымъ, отнюдь не взято у Маркса. Какъ я уже сказалъ, Марксъ въ III томѣ «Капитала» высказывается по данному вопросу совершенно иначе, а во II томѣ вопроса о внѣшнемъ рынкѣ онъ совершенно не затрогиваетъ.

И такъ, о выводахъ г. Булгакова мнѣ говорить не приходится, такъ какъ для меня они не составляютъ новости. Основнымъ недостаткомъ книги г. Булгакова является то, что авторъ ея мало оригиналенъ и слишкомъ уже любитъ jurare in verba magistri (Маркса). Такъ, г. Булгаковъ старается доказать, что ученіе о рынкахъ, вытекающее изъ даннаго Марксомъ анализа процесса воспроизводства капитала, не имѣетъ ничего общаго съ теоріей классической школы о невозможности общаго товарнаго перепроизводства. Между тѣмъ, не можетъ быть сомнѣнія, что анализъ Маркса является только блестящимъ доказательствомъ той истины, которую прекрасно понималъ Рикардо (см. особенно «Letters of David Ricardo to Thomas Robert Malthus». Oxford. 1887). Г. Булгаковъ

не можетъ примириться съ тѣмъ, чтобы «вульгарные» экономисты были правы. Но, во первыхъ, Рикардо вовсе не «вульгарный» экономистъ. Экономическая теорія Маркса, въ своихъ существенныхъ пунктахъ, опирается на ученіе Рикардо, и нѣтъ ничего удивительнаго, что и анализъ капиталистическаго воспроизводства Маркса оказался въ полномъ согласіи съ ученіемъ классической школы и, въ частности, Рикардо. Если Марксъ любитъ презрительно отзываться о теоріяхъ буржуазныхъ экономистовъ, то не нужно ему всегда вѣрить на слово. Какъ бы высоко мы ни цѣнили Маркса, не слѣдуетъ думать, что взгляды Маркса не имѣютъ никакой связи съ воззрѣніями его предшественниковъ, и учителей—не слѣдуетъ потому, что это неисторично и противорѣчитъ духу ученія самого Маркса. Марксъ несомнѣнно является ученикомъ англійскихъ экономистовъ, и, особенно, Рикардо. Отъ Рикардо Марксъ заимствовалъ свой дедуктивный методъ, которымъ онъ такъ мастерски воспользовался, теорію цѣнности, поставленную имъ во «главу угла» при объясненіи законовъ капиталистическаго хозяйства, ученіе о дифференціальной рентѣ, и, last not least—свой замѣчательный анализъ воспроизводства капитала. Понятное дѣло, что все это нисколько не уменьшаетъ оригинальности Маркса; его экономическая теорія представляетъ собой стройное цѣлое, систему, всѣ части которой проникнуты однимъ духомъ и находятся въ полномъ согласіи другъ съ другомъ. Марксъ былъ менѣе всего эклектикомъ—у него все было свое—не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы онъ былъ внѣ общественныхъ и идеологическихъ вліяній; великія системы, какъ и великіе люди, не падаютъ съ неба, а органически выростаютъ на почвѣ существующихъ общественноэкономическихъ и идеологическихъ отношеній. Оригинальность Маркса заключалась въ томъ, что все, заимствуемое имъ отъ другихъ, перерабатывалось имъ съ точки зрѣнія его собственной системы и входило въ послѣднюю не какъ случайный придатокъ, а какъ ея органическая составная часть. Основная мысль анализа воспроизводства капитала у Маркса совершенно та же, какъ и ученія о невозможности общаго товарнаго перепроизводства классической школы. Но ни Рикардо, ни Милль (не говоря уже о такомъ компиляторѣ, какъ Сэй) не умѣли связать это ученіе съ анализомъ всего капиталистическаго товарнаго обращенія въ его цѣломъ. Марксъ это сдѣлалъ, и въ этомъ его великая заслуга.

Г. Булгаковъ всего этого не замѣчаетъ. Для него взгляды Маркса представляются совершенно оторванными отъ научной почвы, на которой они выросли. Марксъ бросаетъ нѣсколько пренебрежительныхъ словъ по адресу Милля. И дѣйствительно, Милль въ очень плоской и отчасти неправильной формѣ выражалъ совершенно вѣрную мысль, что производство само рождаетъ для себя спросъ. Г. Булгаковъ подхватываетъ слова Маркса и преисполняется презрѣніемъ къ ученію о рынкахъ классической школы. Но если бы онъ больше вдумался въ это ученіе,

онъ, вѣроятно, замѣтилъ бы, что анализъ Маркса есть не что иное, какъ болѣе ясное и законченное выраженіе того же самаго, что довольно неудачно старался доказать Милль.

Я не буду подробно разбирать книги г. Булгакова, такъ какъ она является, главнымъ образомъ, изложеніемъ и популяризаціей двухъ послѣднихъ главъ II тома «Капитала» Маркса. Изложеніе это вообще удовлетворительно, ясно и правильно. Остановлюсь на одномъ пунктѣ—именно на полемикѣ со мной. Г. Булгаковъ признаетъ мои выводы относительно роли рынка въ капиталистическомъ хозяйствѣ вообще и внѣшняго рынка въ частности «безусловно правильными» (стр. 246). Онъ могъ бы прибавить, что и его собственные выводы взяты у меня. Зато г. Булгаковъ крайне недоволенъ моей аргументаціей, которую онъ считаетъ «недостаточной и противорѣчивой». Разберемъ же, въ чемъ заключаются мои «противорѣчія».

Важнымъ недостаткомъ моей аргументаціи г. Булгаковъ признаетъ способъ построенія моихъ схемъ. А именно, эти схемы не показываютъ, какимъ образомъ совершается обмѣнъ между различными составными частями капиталистическаго производства—какъ средства производства обмѣниваются на предметы потребленія, и пр. Дѣйствительно, мои схемы этого не показываютъ, *также какъ и схемы Маркса*, которыми пользуется г. Булгаковъ. Но этотъ обмѣнъ объясняется у меня, какъ и у Маркса, въ текстѣ, поясняющемъ схемы. Единственное отличіе моихъ схемъ отъ схемъ Маркса, въ способѣ построенія, заключается въ томъ, что Марксъ дѣлитъ все производство капитала на 2 подраздѣленія: 1) производство средствъ производства и 2) производство предметовъ потребленія. Я же разбилъ послѣднее подраздѣленіе на 2 части—производство предметовъ потребленія рабочаго класса и производство предметовъ потребленія капиталистовъ (точнѣе, всѣхъ общественныхъ классовъ, между которыми распредѣляется прибавочная цѣнность). Такое болѣе дробное дѣленіе понадобилось мнѣ для того, чтобы болѣе детально изслѣдовать процессъ воспроизводства капитала, ибо потребленіе рабочаго класса подчиняется инымъ законамъ, чѣмъ потребленіе капиталистовъ. Такимъ образомъ, у меня получилось три подраздѣленія капиталистическаго воспроизводства: 1) производство средствъ производства, 2) производство предметовъ потребленія рабочаго класса и 3) производство предметовъ потребленія капиталистовъ. Въ этомъ и заключается мое дерзновенное отступленіе отъ Маркса.

Но, повидимому, г. Булгаковъ не ясно понимаетъ самое назначеніе подобныхъ схемъ. Говорю такъ потому, что г. Булгаковъ усматриваетъ значеніе схемъ Маркса лишь въ слѣдующемъ за схемами текстѣ, въ которомъ поясняется обмѣнъ между различными подраздѣленіями капиталистическаго воспроизводства, а отнюдь не въ самихъ схемахъ. Но именно самыя схемы, которыя по существу однѣ и тѣ же у Маркса и у меня, доказываютъ выводъ, который г. Булгаковъ признаетъ «без-

условно правильнымъ»—что при пропорціональномъ распредѣленіи національнаго производства предложеніе всѣхъ товаровъ вполнѣ покрывается спросомъ. Для доказательства послѣдняго достаточно показать возможность такого пропорціональнаго распредѣленія, и если оказывается, что при всевозможныхъ комбинаціяхъ спроса, даже при сокращеніи спроса капиталистовъ и рабочихъ на предметы потребленія, предложеніе всѣхъ товаровъ вполнѣ покрывается спросомъ, то ясно, что недостатокъ спроса на тѣ или иные товары можетъ зависѣть лишь отъ непропорціональности распредѣленія національнаго производства.

Г. Булгаковъ находитъ, что схема 3-я моей книги, долженствующая изображать накопленіе капитала при неизмѣнномъ числѣ рабочихъ и неподвижномъ состояніи техники, на самомъ дѣлѣ изображаетъ не расширеніе производства, а кризисъ. Для доказательства этого г. Булгаковъ приводитъ лишь... цитату изъ Маркса, не имѣющую ровно никакого отношенія къ моей схемѣ. Кризисъ былъ бы въ томъ случаѣ, если бы извѣстная доля товаровъ не находила сбыта. Въ моей же схемѣ предложеніе всѣхъ товаровъ покрывается спросомъ, слѣдовательно, ни о какомъ кризисѣ не можетъ быть и рѣчи. То же самое слѣдуетъ сказать и о 4-й схемѣ въ моей книгѣ. Г. Булгаковъ находитъ, что она изображаетъ крахъ капиталистическаго производства. Хорошъ крахъ, если всѣ товары находятъ себѣ сбытъ. Да, наконецъ, вѣдь самъ г. Булгаковъ призналъ, что при пропорціональномъ распредѣленіи производства, предложеніе товаровъ не можетъ не покрываться спросомъ, какъ бы ни сокращалась относительная доля народнаго потребленія. Чего же онъ толкуетъ о кризисахъ и крахахъ—вѣдь производство въ разсматриваемыхъ случаяхъ распредѣлено пропорціонально? *).

---

*) Г. Булгаковъ находитъ ошибку въ вычисленіи въ моей 3-й схемѣ. Никакой ошибки у меня нѣтъ, но при вычисленіи прибыли я опредѣлялъ размѣръ ея, исходя изъ другихъ основаній, чѣмъ тѣ, которыя принимаются г. Булгаковымъ; это разъяснятся въ слѣдующемъ за схемой текстѣ, а также въ примѣчаніи къ стр. 423 моей книги. Во всякомъ случаѣ, если бы я принялъ, какъ этого требуетъ г. Булгаковъ, что абсолютная цифра національнаго дохода въ 3-й схемѣ не возростаетъ, то это только еще болѣе подкрѣпило бы мой тезисъ, что рынокъ на продукты національнаго труда измѣняется отнюдь не параллельно измѣненію народнаго дохода. Для г. Булгакова непонятно, чѣмъ я руководствовался при вычисленіи размѣра прибыли («прибыль *почему-то* принята равной 187,5 ,въ объяснительномъ текстѣ 180». Булгаковъ, стр. 251, прмѣчаніе). Никакого противорѣчія между схемой и объяснительнымъ текстомъ у меня нѣтъ: прибыль 180 составляетъ 29% капитала въ 620 единицъ цѣнности, а въ моей схемѣ № 3, годъ 2-й, обернувшійся капиталъ равенъ 646,6 единицъ. 29% съ этой послѣдней суммы и составятъ, приблизительно 187,5. Если бы г. Булгаковъ внимательно отнесся къ работѣ, которую онъ критикуетъ, то я не долженъ былъ бы ему дѣлать эти мелочныя указанія, нисколько не интересныя для читателя и которыя, по этой послѣдней причинѣ, я стараюсь, по возможности, сократить.

Въ заключеніе, не довольствуясь критикой моихъ схемъ, г. Булгаковъ слегка касается и моей теоріи кризисовъ. А именно, онъ находитъ ни съ чѣмъ несообразнымъ мое положеніе, что капиталъ можетъ накопляться при неподвижномъ состояніи производства и даже при его сокращеніи. Г. Булгаковъ былъ бы совершенно правъ, если бы я утверждалъ возможность такого накопленія, какъ нѣчто постоянное или длящееся болѣе или менѣе продолжительное время. Разумѣется въ этомъ случаѣ не изъ чего было бы накоплять капиталъ. Но я говорилъ только о немногихъ годахъ застоя торговли, слѣдующаго за кризисомъ. Я говорилъ, что послѣ кризиса, когда производство сокращается, накопленіе капитала не прекращается, и это доказывается ростомъ банковыхъ депозитовъ, характернымъ именно для періода, слѣдующаго за промышленнымъ кризисомъ. Въ этотъ періодъ, продолжающійся обыкновенно нѣсколько лѣтъ, товары производятся въ большемъ количествѣ, чѣмъ покупаются и запасъ непроданныхъ товаровъ растетъ. «Но вѣдь въ такомъ случаѣ мы имѣемъ перепроизводство товаровъ и кризисъ», замѣчаетъ мнѣ г. Булгаковъ. Именно такъ, перепроизводство товаровъ и кризисъ. Я и характеризую въ данный моментъ состояніе рынка въ періодъ, слѣдующій за острымъ промышленнымъ кризисомъ, когда рынокъ страдаетъ отъ перепроизводства товаровъ. Товары не находятъ сбыта, а капиталъ всей многочисленной въ капиталистическомъ государствѣ группы рантьеровъ, доходы которыхъ находятся нерѣдко внѣ всякой зависимости отъ состоянія промышленности въ данной странѣ (укажу, хотя бы, на доходы всѣхъ владѣльцевъ иностранныхъ процентныхъ бумагъ, облигацій, акцій и пр.) накопляется, создается свободный капиталъ, ищущій помѣщенія. Почему же онъ не проникаетъ въ промышленность? Потому, что промышленность не даетъ мѣста для помѣщенія новаго капитала, ибо и прежній, уже помѣщенный капиталъ, находится въ избыткѣ. Но такое положеніе долго длиться не можетъ, капиталъ проникаетъ въ промышленность, производство расширяется, торговля оживаетъ, слѣдуетъ спекуляціонная эпоха, заканчивающаяся кризисомъ, послѣ котораго тотъ же круговоротъ начинается съизнова. Въ этомъ и заключается, въ краткихъ словахъ, сущность теоріи кризисовъ, изложенной въ моей книгѣ, и г. Булгаковъ, разумѣется, этой теоріи не опровергъ. Замѣчанія г. Булгакова о невозможности накопленія капитала при сокращеніи производства основываются на его непониманіи (хотя въ моей книгѣ это выражено достаточно ясно), что я признаю такую возможность лишь какъ временное явленіе, характерное для эпохи, слѣдующей за промышленнымъ кризисомъ,—и только.

М. Туганъ-Барановскій.

ДВА СЧАСТЬЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

(Продолженіе) *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Владиміръ Николаевичъ просыпался ровно въ шесть часовъ утра. Не легко ему было привыкнуть къ новому режиму, который вызывался его новыми обязанностями. Въ прежнее время онъ никогда не подымался раньше девяти.

Въ домѣ все было тихо. Дѣти еще спали и Вѣра Петровна тоже не открывала глазъ. Онъ тихонько одѣвался, чтобъ никого не разбудить, и даже не подымалъ кухарку, чтобъ поставить самоваръ. Чаю онъ не пилъ дома.

Ровно въ половинѣ седьмого къ воротамъ дома, въ которомъ онъ жилъ, подъѣзжала пролетка, запряженная нарядным рысакомъ. Она пріѣзжала изъ спонтанѣевскаго дома, что на Офицерской. Въ этотъ часъ Владиміръ Николаевичъ обыкновенно былъ уже готовъ и выходилъ изъ дому. Пролетка была къ его услугамъ.

Прежде чѣмъ начать свой объѣздъ, онъ заѣзжалъ въ первую попавшуюся кондитерскую, гдѣ можно было выпить чаю или кофе, и наскоро завтракалъ. Затѣмъ, онъ почти въ продолженіе цѣлаго дня дѣлалъ огромные концы съ Васильевскаго Острова на Выборгскую, оттуда въ Коломну, потомъ въ центральныя части, и цѣлый день былъ посвященъ дѣламъ.

Въ первое время ему это казалось страннымъ, и онъ думалъ, что никогда не привыкнетъ. Но уже послѣ двухъ недѣль онъ до того свыкся съ новыми обязанностями, что безъ всякаго труда просыпался въ опредѣленный часъ и, по временамъ, когда нѣсколько часовъ приходилось ему быть свободнымъ, даже чувствовалъ себя неловко. А когда наступила третья недѣля, то онъ былъ уже совсѣмъ въ курсѣ дѣла.

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

Въ теченіе цѣлаго дня онъ провѣрялъ ходъ дѣлъ въ конторѣ и знакомился на мѣстѣ, тамъ, гдѣ продавались спонтанѣевскіе дрова, съ торговлей. Ему также приходилось имѣть дѣло съ барками, на которыхъ привозились дрова. Съ перваго же взгляда онъ убѣдился, что спонтанѣевское дѣло чрезвычайно обширно. И ему казалось, что оно ему не по силамъ. Около сотни служащихъ требовали тщательнаго надзора. Спонтанѣевъ справлялся съ ними легко, потому что достаточно было одного его строгаго взгляда, чтобы они смирялись; но Бертышевъ не обладалъ строгимъ взглядомъ. Служащіе скоро распознали, что онъ человѣкъ мирный и мягкій, и мало придавали значенія его надзору. Безъ сомнѣнія, Спонтанѣевъ, все-таки, былъ правъ, приставивъ къ дѣлу своего довѣреннаго, въ лицѣ хотя бы Владиміра Николаевича. Онъ дѣйствовалъ именемъ Поликарпа Антоновича; всѣ знали, что онъ каждый вечеръ дѣлаетъ хозяину докладъ, и этого было достаточно, чтобы служащіе вели себя аккуратно.

Обѣдать онъ пріѣзжалъ домой всегда въ опредѣленный часъ и всегда при этомъ торопился, такъ какъ вечеромъ ему надо было поспѣть въ Царское, чтобы дать отчетъ Спонтанѣеву.

Поликарпъ Антоновичъ, все еще продолжавшій безвыходно сидѣть дома, прикованный къ креслу, былъ очень доволенъ своимъ выборомъ. Онъ говорилъ: „Вотъ никогда не подозрѣвалъ, Владиміръ Николаевичъ, что вы окажетесь дѣловымъ человѣкомъ, никогда не подозрѣвалъ“.

— Полноте! какой же я дѣловой человѣкъ!—нисколько не скромничая, возражалъ Владиміръ Николаевичъ;—я и до сихъ поръ не могу обнять умомъ все ваше предпріятіе.

— Это придетъ, это придетъ... Вы хорошо дѣлаете, что не гоняетесь за этимъ „сразу“... Сразу никогда ничего не поймешь... А понемножку, по маленькому кусочку, анъ смотришь въ одинъ прекрасный день и все дѣло у тебя какъ на ладони.

Съ Вѣрой Поликарповной ему теперь почти не удавалось быть наединѣ. Какъ-то само собою вышло, что уроки рисованія были оставлены, и о нихъ даже не было рѣчи. Это было неизбѣжно, такъ какъ у Владиміра Николаевича не оставалось часа свободнаго, который онъ могъ бы посвятить этимъ занятіямъ.

Только по воскресеньямъ, когда контора была запертой и въ дровяныхъ дворахъ торговля производилась въ продолженіе всего двухъ-трехъ часовъ, Владиміръ Николаевичъ пріѣзжалъ въ Царское на полъ дня, и они проводили нѣсколько часовъ вмѣстѣ.

Два воскресенья прошли для него безнаказанно, но когда онъ пріѣхалъ въ третье, то съ перваго же взгляда замѣтилъ, что Вѣра Поликарповна была разстроена: лицо у нея было сумрачно и холодно.

— Экая досада,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ,—что мы такъ забросили наши занятія.

— Да, это досадно... Впрочемъ, когда есть болѣе важныя дѣла... Стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ?

И по тону ея голоса онъ замѣтилъ, что она обижена.

— Можетъ быть, займемся сегодня,—предложилъ онъ,—все-таки, хоть что-нибудь успѣемъ.

— Нѣтъ, мнѣ неохота,—какимъ-то замкнутымъ, холоднымъ тономъ отвѣтила она.

— Ты, кажется, сердишься?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Сердиться я, кажется, не имѣю права.

— Право сердиться! Это какое-то совсѣмъ новое право.

— Конечно, не имѣю права, потому что дѣла... Передъ такими серьезными вещами мнѣ съ моими капризами приходится отступать.

— Вотъ какія вещи, Вѣра Поликарповна.

— Да какія же еще могутъ быть вещи... Мнѣ скучно... Мнѣ нестерпимо скучно. Я нахожу, что жизнь страшно скучна...

— Дѣло дошло даже до такого обобщенія... Но причемъ же здѣсь жизнь? Просто скучно... Скучно, потому что я запрегся въ эти дѣла... Я это понимаю—и признаю твое право быть недовольной...

— Да, и я недовольна, я совсѣмъ, совсѣмъ недовольна...

— Но, однако, какъ же быть? Если дѣла требуютъ отъ меня все мое время...

— Ахъ, дѣла, дѣла... Право же, я не хочу ничего слушать о нихъ... Что мнѣ до этихъ дѣлъ? Прежде никогда ничего не говорилось о дѣлахъ, и дѣла шли себѣ своимъ порядкомъ... Ты, можетъ быть, станешь утверждать, что я виновата въ этомъ, потому что я не отсовѣтовала тебѣ браться за это дѣло.

— Я ничего подобнаго не утверждаю... Я очень хорошо помню, что ты отказалась высказать свое мнѣніе по этому поводу.

— Да, я отказалась потому, что я не хотѣла связывать себя... Я хотѣла, чтобы ты поступилъ свободно.

— Ну, едва ли это можно назвать свободой. Если отецъ твой такъ настойчиво потребовалъ отъ меня этого...

— Потребовалъ? Какъ онъ могъ потребовать?

— Ну, это все-равно... Онъ просилъ, ссылаясь на свое безвыходное положеніе; онъ говорилъ, что ему грозитъ крахъ, Богъ знаетъ, что... Что же ты хочешь? Ты хочешь, чтобъ я оставилъ дѣла?..

— Я не знаю... Я хочу только, чтобъ ты былъ со мной...

— Но это и значитъ, чтобъ я оставилъ дѣла. Но если въ

самомъ дѣлѣ отъ этого они пострадаютъ... Ахъ, право, я хотѣлъ бы, чтобъ это рѣшилось само собою, безъ меня... Ты очень хорошо понимаешь, что я страдаю отъ этого точно такъ же, какъ и ты.

Разумѣется, они не пришли ни къ какому рѣшенію. Вѣра Поликарповна дѣйствительно скучала и ей было тяжело переносить постоянное одиночество. Къ нимъ въ Царское почти никто не ѣздилъ. Половина знакомыхъ разъѣхалась, да и тѣхъ, которые пытались бывать у нихъ, она принимала такъ сухо, что у нихъ пропала охота повторять свои визиты. Но тогда они мѣшали ей быть вдвоемъ съ Владиміромъ, а теперь Владиміръ больше ей не принадлежитъ, и она вѣчно одна. Это была одна сторона дѣла. А съ другой стороны, и отецъ, и мать увѣряли ее, что безъ того надзора, который взялъ на себя Владиміръ Николаевичъ, дѣла ихъ, въ самомъ дѣлѣ, могутъ пойти на убыль. Она вовсе этого не хотѣла. Она знала, что рѣшеніе вопроса, продолжать ли Владиміру Николаевичу заниматься дѣлами отца или отказаться отъ нихъ, въ сущности, зависѣло отъ нея. Но она не рѣшалась взять на себя эту задачу.

Въ этотъ день они разстались почти холодно. Владиміръ Николаевичъ поцѣловалъ у нея руку, а она даже не захотѣла поцѣловать его въ голову, какъ дѣлала это обыкновенно. Она даже не поднялась съ мѣста, когда раздавались его шаги по направленію къ выходной двери.

Когда же онъ пріѣхалъ домой, то нашелъ и Вѣру Петровну въ не совсѣмъ обычномъ настроеніи. Она тоже была чѣмъ-то разстроена.

За чаемъ она первая начала разговоръ.

— Сегодня меня дѣти спрашивали, почему ты даже по воскресеньямъ съ ними не бываешь. Прежде ты обыкновенно посвящалъ имъ праздники...

— Но вѣдь ты знаешь, почему,—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Да, но не могу же я имъ сказать: папа потому не съ вами, что онъ долженъ быть у Спонтанѣевыхъ.

— Почему же не сказать такъ? Ты знаешь, что бывать у Спонтанѣевыхъ меня заставляютъ дѣла.

— Положимъ, я этого не знаю...—промолвила Вѣра Петровна, не глядя на него и усердно мѣшая ложечкой свой чай.

— Какъ не знаешь?

— Я знаю, что ты по буднямъ занятъ его дѣлами, но по воскресеньямъ, кажется, ты свободенъ.

— Да, но по воскресеньямъ...

И онъ вдругъ остановился. По воскресеньямъ онъ бывалъ у Спонтанѣевыхъ уже безъ дѣлъ. Это былъ единственный день, когда

онъ могъ проводить время съ Вѣрой Поликарповной. Но не могъ же онъ сказать это женѣ. И вотъ почему онъ остановился. Но въ эту минуту у него вдругъ явилось нѣчто, похожее на злобу противъ Вѣры Петровны, и именно за то, что она довела его до этого пункта: заставила его прервать свою рѣчь и покраснѣть. Вѣдь она отлично знаетъ, въ чемъ дѣло, и знаетъ также, какъ ему тяжело отъ всего этого, и вотъ заставляетъ чуть не высказать это.

— Но вѣдь ты знаешь,—нѣсколько рѣзко промолвилъ онъ,— что это занятіе даетъ намъ сто рублей и, слѣдовательно, возможность зимой переселиться ближе къ центру.

— Да, я знаю это... Но не думаешь ли ты, что оно отнимаетъ у тебя кое-что по больше, чѣмъ сто рублей... Впрочемъ, это, конечно, не мое дѣло...

— Что же это?

— Ты художникъ—и вотъ все лѣто ты ничего не пишешь...

— Я буду писать потомъ...

— Потомъ?

— Да, потомъ. Я вообще теперь не могу писать. Мое душевное состояніе не допускаетъ этого...

Вѣра Петровна на это не сказала ни слова. Когда рѣчь зашла о его душевномъ состояніи, въ ея лицѣ появилось то особенное выраженіе, которое стало свойственно ей только въ послѣдній мѣсяцъ. Въ извѣстныя минуты, при извѣстныхъ словахъ въ лицѣ ея являлась какая-то замкнутость, какъ будто она говорила: вотъ тутъ начинается то, до чего уже мнѣ нѣтъ дѣла. Тутъ стоитъ стѣна, черезъ которую я перешагнуть не имѣю права...

Владиміръ Николаевичъ чувствовалъ только одно, что давно уже не было такого отвратительнаго дня, какъ этотъ. Тамъ, въ Царскомъ, нападали на него за то, что онъ, занятый дѣлами Спонтанѣева, посвящаетъ слишкомъ мало времени чувству и Вѣрѣ Поликарповнѣ. Здѣсь на него мягко и деликатно напали за то, что онъ забросилъ дѣтей. Ни тамъ, ни здѣсь не хотятъ принять во вниманіе, что онъ одинаково страдаетъ и отъ того, и отъ другого. Отвратительный день. Онъ легъ спать совершенно разстроенный.

Но на другой день опять къ воротамъ подкатила пролетка; онъ поднялся въ шесть часовъ и началъ совершать свой ежедневный объѣздъ.

Онъ видимо втягивался въ дѣло. Кромѣ того, у него завелись нѣкоторые интересы въ томъ маленькомъ ограниченномъ міркѣ, надъ которымъ онъ былъ поставленъ. Приказчики, познакомившись съ нимъ поближе, убѣдились, что онъ не строгъ и что съ нимъ можно разговаривать. Уже не разъ были попытки пожаловаться

ему на кое-какія нужды. Говорилось это тихонько, такъ, чтобы не слышалъ другой, потому что надъ всѣми возвышался суровый образъ Спонтанѣева, который, даже прикованный къ креслу, грозилъ имъ строгимъ возмездіемъ.

Прошелъ мѣсяцъ; наступилъ день, когда служащимъ уплачивали жалованье. Наканунѣ этого дня у Владиміра Николаевича съ Спонтанѣевымъ вышелъ особый разговоръ. Спонтанѣевъ разсмотрѣлъ письменный отчетъ за мѣсяцъ и кое-что въ этомъ отчетѣ остановило на себѣ его вниманіе.

— Исправно,—сказалъ Спонтанѣевъ, перелистывая страницы отчета.—Даже черезчуръ исправно...

— Черезчуръ не можетъ быть исправно...—замѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— А вотъ тутъ выходитъ, что черезчуръ...

— Я не понимаю, Поликарпъ Антоновичъ... Вы что-то хотите этимъ сказать.

— Да, я прямо скажу, я не люблю обиняковъ. Дѣло въ томъ, что служащій—народъ ненадежный. И за всякимъ бываютъ провинности... Особенно по понедѣльникамъ и въ послѣпраздничные дни... Похмелье. На работу не являются или работаютъ спустя рукава .. Да мало ли что? А у васъ, видно, ничего этого не бывало.

— Случалось, Поликарпъ Антоновичъ; но нельзя же за всякую оплошность карать.

— Обязательно, Владиміръ Николаевичъ... Обязательно. Иначе дѣло изъ рукъ вывалится... Я вамъ скажу, что это такой народъ, что, ежели ему одинъ разъ спустить, такъ потомъ ужъ удержу не будетъ. У меня ужъ такой порядокъ заведенъ былъ: за всякую неаккуратность—штрафъ. И у меня штрафовъ этихъ за мѣсяцъ накоплялось не мало...

— Я не считалъ себя въ правѣ штрафовать...

— Вы все въ правѣ, Владиміръ Николаевичъ. Вы въ тѣхъ же правахъ, что и я. Вы замѣняете меня. А теперь къ вамъ вотъ просьба: пожалуйста, завтра ужъ возьмите на себя этотъ трудъ—расплатитесь съ ними; только я прошу васъ сдѣлайте это лично. Я самъ всегда лично произвожу это. Человѣкъ такъ уже устроенъ, что онъ уважаетъ того, кто ему платитъ. Хотя бы ему и слѣдовало, хотя бы онъ и потомъ и кровью заработалъ, а ежели вы ему платите, такъ онъ сейчасъ уважать начинаетъ...

Поликарпъ Антоновичъ выдалъ Владиміру Николаевичу чекъ, по которому онъ на другой день утромъ получилъ въ банкѣ деньги. Когда онъ пріѣхалъ въ контору, то здѣсь засталъ уже почти всѣхъ служащихъ. Ихъ было больше сотни. Онъ до сихъ поръ ни разу не имѣлъ случая узнать, какое они получаютъ жалованье. И его поразили жалкія цифры. Огромное большинство получало меньше

десяти рублей, на которые они должны были жить. Цѣны эти показались ему почти невѣроятными. Но это были еще счастливцы, такъ какъ все же они пользовались свободой. Очевидно, свои недостатки они пополняли тѣмъ способомъ, котораго такъ остерегался Поликарпъ Антоновичъ: они воровали дрова и продавали ихъ на сторону.

Но это были такъ-называемые старшіе приказчики, а младшіе— подростки, набранные прямо изъ деревни, не получали вовсе ничего, а жили при дровяныхъ дворахъ въ какихъ-то деревянныхъ будкахъ по шести и семи душъ, помѣщаясь буквально одинъ на другомъ. Кормили ихъ впроголодь. Одѣвали, какъ нищихъ.

Владиміръ Николаевичъ былъ пораженъ, когда служащіе общимъ хоромъ начали просить его ходатайствовать передъ Спонтанѣевымъ о прибавкѣ жалованья.

— Объ этомъ надо просить самого Поликарпа Антоновича,— сказалъ Бертышевъ.

— Да ужъ просили. Кажется, не было мѣсяца, чтобы не клянчили... Да онъ и слушать не хочетъ. И такъ, говоритъ, почти себѣ въ убытокъ работаю... Если бы еще штрафовъ не было, а то за всякую мелочь вычитаетъ.

— Какіе же могутъ быть еще штрафы съ такого жалованья?— съ удивленіемъ спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Да штрафы небольшіе,—пояснилъ старшій приказчикъ.— Съ иного двадцать копѣекъ, съ другого гривенникъ; а то даже и по пятачку беретъ; а набирается такимъ манеромъ въ мѣсяцъ десятка три, четыре рублей...

— Что ему эти три, четыре десятка?—промолвилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Какъ что? Такими копѣечками онъ нажилъ весь свой капиталъ... Эхъ, Владиміръ Николаевичъ,—говорили служащіе,— если бы все поразсказать вамъ... Да нѣтъ, ужъ—Богъ съ нимъ... Пожалуй, еще до него дойдетъ...

Вечеромъ въ этотъ день Владиміръ Николаевичъ, еще заряженный тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ получилъ въ конторѣ при раздачѣ жалованья, пріѣхалъ въ Царское и сразу началъ съ Спонтанѣевымъ разговоръ объ этомъ предметѣ.

— Помилуйте, Поликарпъ Антоновичъ! Вѣдь на такія жалованья и прокормиться нельзя... А какъ они живутъ въ этихъ сторожевыхъ будкахъ, вы, по всей вѣроятности, никогда не заглядывали туда... Вы не можете себѣ представить, какая тамъ грязь и тѣснота...

— Милый мой Владиміръ Николаевичъ, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ, я получалъ жалованья три рубля въ мѣсяцъ, а

жилъ въ сараѣ, а питался даже не акридами и ужъ, конечно, далеко не дикимъ медомъ, а столѣтними сухарями.

— Тѣмъ больше, Поликарпъ Антоновичъ. Значитъ, если вы все это испытали, то, значитъ, вы понимаете, какъ это тяжело.

— Тяжело? Да, если бы васъ запречь въ такую лямку, то валъ было бы тяжело, потому что вы привыкли къ другому, а для нихъ это—счастье. Они счастливцы...

— Счастливцы?

— А какъ же? Да вы знаете, какъ ихъ отцы и матери въ деревнѣ-то живутъ? Вѣдь они кору древесную ѣдятъ, съ голоду мрутъ... Живутъ въ избахъ безъ крышъ, потому крыши на кормъ скоту пошли... А тутъ у него въ будкѣ хоть тѣсно, а все-таки мѣсто есть. Сухарь хоть черствый, а все-таки онъ сухарь...

— Но согласитесь, Поликарпъ Антоновичъ, что самый ихъ трудъ стоитъ большаго...

— Трудъ ихъ ничего не стоитъ. Еслибъ я ихъ не выписалъ изъ деревни, такъ они болтались бы тамъ безъ дѣла, потому работы нигдѣ нѣтъ; за ихнюю работу никто и гроша не даетъ.

— Ну, однако, это недостаточное возраженіе Поликарпъ Антоновичъ. Разъ вы пользуетесь ихъ работой, то, мнѣ кажется, вамъ не должно быть дѣла до того, въ какомъ они могли бы быть положеніи, если бы этой работы у нихъ не было. Вѣдь вы получаете выгоды...

— Э, Владиміръ Николаевичъ, да у васъ, какъ погляжу, въ головѣ разныя этакія идеи...

— Какія же идеи? Это простая справедливость...

— Справедливость, это вѣрно. Да только вѣдь справедливостью капиталовъ не наживешь... Я человѣкъ откровенный, я не лицемѣръ; я прямо говорю: ежели бы я хлопоталъ въ своей жизни о справедливости, такъ сидѣлъ бы я теперь безъ портковъ... Справедливости, Владиміръ Николаевичъ, на свѣтѣ нигдѣ нѣтъ. Что же я за дуракъ, чтобъ заводить ее у себя. Нигдѣ я не видалъ ее, этой самой справедливости. Слыхалъ про нее много; это—дѣйствительно. Это я вамъ по совѣсти говорю... Вы слушайте, да замѣчайте: въ жизни это вамъ пригодится. А у васъ это броженіе мыслей оттого, что вы художникъ и настоящимъ дѣломъ никогда не занимались, ну, и молоды къ тому же... Только это вывѣтрится, это непремѣнно вывѣтрится.

Владиміръ Николаевичъ послѣ этого разговора убѣдился въ томъ, что едва ли ему удастся повліять на Поликарпа Антоновича. Когда въ слѣдующее воскресенье онъ остался вдвоемъ съ Вѣрой Поликарповной, то какъ-то невольно затѣялъ объ этомъ съ нею разговоръ.

III.

Какъ только они остались вдвоемъ, тотчасъ Вѣра Поликарповна замѣтила въ немъ какое-то особенное волненіе. Но волненіе это, очевидно, не относилось къ ней, такъ какъ онъ не подошелъ къ ней, не присѣлъ рядомъ съ нею, не говорилъ объ удовольствіи остаться, наконецъ, съ ней вдвоемъ, а ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и въ шагахъ его чувствовалась какая-то нервность.

— Тебя чѣмъ-то разстроили, Владиміръ?—спросила она.

— О, да,—отвѣтилъ онъ, какъ-то подчеркивая слова,—меня давно уже разстраиваютъ.

— Кто или что?

— И кто, и что... Я именно хотѣлъ поговорить съ тобой объ этомъ.

— Надѣюсь, что это не изъ области дѣлъ, дровъ, барокъ, и тому подобное.

— Представь, что именно изъ этой области.

Вѣра Поликарповна почувствовала во всемъ тѣлѣ какъ бы лихорадочную дрожь: въ послѣднее время она не могла равнодушно слышать о дѣлахъ. Она питала къ нимъ вражду за то, что они дѣлали жизнь ея скучной.

— Какъ странно,—воскликнула она,—какъ все это помѣщается въ одной душѣ: чувства и дѣла... Прежде мы всегда говорили съ тобой о чувствѣ, а теперь стали необыкновенно дѣловыми.

— О, чувства, чувства!.. Ну что такое чувство? Развѣ оно можетъ висѣть въ воздухѣ, обходясь безъ почвы? Наконецъ, развѣ оно питается самимъ собой? Тогда оно умерло бы отъ голода... Чувство тоже требуетъ пищи...

— И ты хочешь питать его дровами, конторой, счетами, приказчиками, и прочее, и прочее, и прочее... Едва ли эта пища ему по желудку...

— Нѣтъ, мой другъ, ни въ дровахъ и счетахъ дѣло, а въ человѣческихъ отношеніяхъ и нуждахъ, которыя есть во всякомъ дѣлѣ. Дѣла дѣлаются живыми людьми. А живые люди требуютъ къ себѣ вниманія...

— Чьего вниманія? Надѣюсь не моего.

— Вниманія всякаго живого существа, которое, такъ или иначе связано съ ними и можетъ вліять на судьбу.

— Но какое же мнѣ дѣло до всего до этого, Владиміръ? Ты взялся за это занятіе... Ты дѣлаешь тамъ какой-то надзоръ. Я понимаю, что тебя это еще можетъ интересовать, хотя, казалось бы, у тебя достаточно времени думать объ этомъ, когда ты безъ

меня... Но, очевидно, это тебя такъ охватываетъ, что даже я уже не въ состояніи отвлечь твоихъ мыслей отъ этого необыкновенно граціознаго предмета... Но при чемъ же здѣсь я? Вѣдь я ничѣмъ этимъ не занимаюсь.

Она говорила это тономъ холоднымъ и сухимъ, очевидно, принимая за обиду для себя эту тему. Владиміръ Николаевичъ разслышалъ въ ея голосѣ холодныя нотки, остановился, внимательно оглядѣлъ ее, потомъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Въ такомъ тонѣ Вѣра мы говорить съ тобой не должны. Вслушайся въ тонъ твоего голоса, и тебѣ покажется, что мы говоримъ, какъ люди, которые двадцать лѣтъ уже живутъ вмѣстѣ, и притомъ надоѣдая другъ другу, которые сдѣлались другъ другу уже безразличны... Но развѣ это похоже на наши отношенія? Согласись, что это оскорбительно для нашего чувства.

— Ты виноватъ въ этомъ, а не я,—отвѣтила Вѣра Поликарповна уже гораздо мягче, такъ какъ онъ оказалъ ей вниманіе.

— Ни ты, ни я не виноваты въ этомъ...

— Обстоятельства?—съ усмѣшкой произнесла она.—Ну, слава Богу, что они еще существуютъ на свѣтѣ; значитъ, мы можемъ все свалить на нихъ.

— Да, если хочешь, обстоятельства, которыя поставили меня близко къ такому дѣлу, которое тебя не интересуетъ, и позволили разглядѣть такія отношенія, о которыхъ ты ничего не подозрѣваешь, хотя окружена ими...

— Ну, говори ужъ, Владиміръ. Чѣмъ скорѣе ты кончишь этотъ разговоръ, тѣмъ лучше.

— Видишь ли, мой другъ, наблюдая положеніе дѣлъ твоего отца, я замѣтилъ, что они зиждутся на неправильномъ отношеніи къ рабочимъ людямъ... Дѣла идутъ блестяще—это вѣрно; но далеко не всѣ пользуются выгодами...

— Кто же можетъ пользоваться ихъ выгодами?

— Подожди, дай мнѣ договорить. Твой отецъ получаетъ огромный барышъ и онъ, конечно, работалъ, онъ самъ посвятилъ этому дѣлу много энергіи и труда. Но, кромѣ него, не малую роль въ дѣлѣ играютъ всѣ эти мелкіе люди, приказчики, подростки, которые работаютъ съ пяти часовъ утра до поздняго вечера...

— До сихъ поръ ничего не понимаю.

— Погоди—все поймешь. И знаешь ли ты, какое жалованье получаютъ, напримѣръ, такъ называемые старшіе приказчики?

— Почемъ я знаю это, Владиміръ?

— Но странно, право, ты такъ близко соприкасаешься съ этимъ дѣломъ и никогда не поинтересовалась узнать это.

— Мнѣ не могло придти и въ голову...

— Вотъ это-то и ужасно... Ну, хорошо; я тебѣ скажу: самое

большое жалованье двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ; но есть такіе, которые получаютъ семь, и на эти деньги они должны содержать себя. Какъ они это дѣлаютъ, я не могу постигнуть.

— Я, право, даже не могу сообразить, много это или мало...

— Но это очень легко, Вѣра. Вообрази, что ты очутилась съ семью рублями, съ которыми тебѣ предстоитъ жить мѣсяцъ. Чтобы постигнуть положеніе другого человѣка, самый лучшій способъ это — поставитъ себя въ его положеніе.

— Этого я совсѣмъ не могу сообразить.

— Да, это тебѣ трудно. Потому что семь рублей для тебя не деньги... Значитъ, надо еще умѣть поставить себя въ положеніе другого. Выходитъ, что ты не знаешь, такъ сказать, азбуки.

— Ты хочешь обучать меня азбукѣ,— слегка скучающимъ голосомъ промолвила Вѣра Полскарповна.

— Нѣтъ, я, можетъ быть, какъ-нибудь это пропущу и сразу научу тебя читать. Да, такъ я говорю, что они получаютъ отъ семи до двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ. Это еще счастливцы. Но есть нѣсколько десятковъ подростковъ, отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, которые ничего не получаютъ. Ихъ содержатъ при дворахъ. Они помѣщаются, приблизительно, съ такими же удобствами въ своихъ деревянныхъ будкахъ, какъ сардинки въ коробкахъ... Кормятъ ихъ, какъ только возможно плохо, одѣваютъ невѣроятно... Я не буду тебѣ разсказывать подробностей для того, чтобы не возмутить твоего эстетическаго чувства, которое въ тебѣ такъ сильно, — чуть-чуть иронически прибавилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Дальше,—промолвила Вѣра Поликарповна.

— А дальше вотъ что. Мнѣ показалось, что при такихъ условіяхъ нельзя требовать отъ людей ни исправности, ни добросовѣстности. А между тѣмъ отъ нихъ это требуется и даже слишкомъ... Въ случаѣ неисправности на нихъ налагаютъ штрафы; правда, ничтожные, въ нѣсколько копѣекъ, но согласись, что при такомъ жалкомъ вознагражденіи всякая копѣйка имѣетъ значеніе. Иной на копѣйку завтракаетъ или обѣдаетъ. Когда я, по порученію твоего отца, раздавалъ имъ жалованья, они буквально осадили меня просьбами о томъ, чтобы какъ-нибудь улучшить ихъ положеніе. Я, разумѣется, ничего не могъ для нихъ сдѣлать, потому что меня на это не уполномочили; но я говорилъ объ этомъ съ твоимъ отцомъ.

— И что же?

— Онъ отнесся къ этому странно; онъ почти превратилъ это въ шутку...

— Я все-таки не понимаю, Владиміръ, съ какой стороны это можетъ касаться меня,—промолвила Вѣра Поликарповна, совер-

шенно искренно, потому что изложеніе всѣхъ этихъ подробностей не задѣло ни одной струны въ ея душѣ.

— Съ разныхъ сторонъ, Вѣра. Во-первыхъ, это живо касается твоей души. Вѣдь мы говоримъ съ тобой не о дровахъ и не о баркахъ, а о живыхъ людяхъ. Люди рѣзко раздѣляются на двѣ группы. Одни ведутъ постоянную борьбу за существованіе, и имъ, конечно, нѣтъ и не можетъ быть дѣла до другихъ. Чиновникъ, который каждый день бѣгаетъ въ департаментъ, чтобъ прокормить свою семью; конторщикъ, рабочій—ну, словомъ, всякій, у кого на плечахъ лежитъ обуза, которую онъ долженъ тащить собственными усиліями, все это — люди перваго типа, люди обремененные, и когда они говорятъ: оставьте насъ, у насъ и такъ много заботъ— то это и понятно. Но есть болѣе счастливые, избавленные отъ этой борьбы. Имъ все достается не только легко, но совсѣмъ даромъ, безъ усилій. У нихъ много времени и силъ, чтобы откликаться на чужое горе. Вотъ ты принадлежишь къ такимъ. Мнѣ кажется, что если бы такіе люди, отмѣченные особой благосклонностью судьбы, не откликались на чужое горе, то они никогда не испытали бы полнаго счастья.

— Счастье и горе? Мнѣ кажется, что въ этомъ есть что-то несовмѣстимое.. Вѣдь чужое горе вызываетъ въ насъ страданіе? Какое же это счастье, Владиміръ? Мнѣ кажется, счастье заключается въ томъ, чтобы какъ можно дальше уйти отъ горя.

— Но какъ ты не понимаешь, что счастья абсолютнаго нѣтъ; оно становится счастьемъ только по сравненію съ горемъ. Но у такихъ людей своего, настоящаго горя нѣтъ; такъ, по крайней мѣрѣ, хоть чужое служитъ имъ эту службу. И безъ этого, безъ того, чтобы не откликаться на чужое горе, эти люди окаменѣли бы въ эгоизмѣ. Ты подумай. Вѣдь имъ тогда пришлось бы всегда вертѣться вокругъ своей особы: все для себя, все изъ себя и въ себя; до какой степени это ограниченный кругъ. Мало-по-малу, живя такимъ образомъ, они рвутъ всякую нитку, связывающую ихъ съ міромъ живыхъ людей. Да вотъ тебѣ примѣръ твой отецъ, Поликарпъ Антоновичъ. Онъ прожилъ трудовую жизнь, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своей карьеры; но весь этотъ трудъ былъ направленъ въ него самаго, все было для одной цѣли, для своего благополучія и все, что мѣшало этому, ему приходилось комкать и топтать; ну, онъ и закалился въ этомъ направленіи. Его уже ничто не трогаетъ.

— Это поучительно,—съ иронической усмѣшкой промолвила Вѣра Поликарповна.

Владиміръ Николаевичъ внимательно всмотрѣлся въ нее.

— Неможетъ быть, Вѣра, что и ты такая.. съ неподдѣльнымъ испугомъ воскликнулъ онъ.

Вѣра Поликарповна подняла на него глаза и замѣтила не только въ голосѣ, но и въ лицѣ его этотъ странный испугъ. Она вздрогнула и съ тревогой произнесла:

— И если я такая, то...

— То это ужасно,—прежнимъ тономъ промолвилъ Владиміръ Николаевичъ.

— То ты откажешься отъ меня.. Ты больше не будешь любить меня..

— Не говори этого, потому что это невозможно. Ты слишкомъ молода для такого закала; люди не рождаются съ камнями въ груди. А для того, чтобы сердце окаменѣло, требуется много времени и много страданій. Не говори такъ, Вѣра, потому что, въ сущности, ты не такая, а только напускаешь на себя это. Я замѣтилъ это давно. Въ тебѣ есть эта черта—исканіе оригинальности во что бы то ни стало. Это не оригинальничанье въ обыденномъ смыслѣ этого слова. Ты не ищешь оригинальности въ костюмахъ, въ словечкахъ, въ ухваткахъ, въ манерахъ. Для тебя это было бы уже слишкомъ просто. Ты ищешь ее въ чувствахъ, въ отношеніяхъ къ людямъ.. Это не опасно, но при частомъ повтореніи можетъ сдѣлаться второй природой и повести, Богъ знаетъ, куда.

Вѣра Поликарповна смотрѣла на него и видѣла, какъ на лицѣ его отражалось то внутреннее увлеченіе, которое наполняло его душу. Глаза его горѣли, лицо расцвѣло какой-то живой, юной красотой.

— Владиміръ, еслибъ ты чаще былъ со мной и говорилъ такъ... Да, еслибъ дѣла не наполняли такъ твою душу и не вытѣснили изъ нея чувства, то, можетъ быть, и я была бы лучше.. Нѣтъ, ты ошибаешься, что я на себя напускаю, что я ищу оригинальности. Можетъ быть, это и такъ, но только въ другомъ, а не въ этомъ. Нѣтъ, я эгоистка отъ головы до ногъ; это я говорю тебѣ прямо. Я такъ чувствую и не хочу скрывать отъ тебя этого. Я эгоистка съ пеленокъ; во мнѣ воспитывали это милое чувство, и не могла же я противустоять противу всѣхъ вліяній, направленныхъ въ одну сторону... Подумай: всю жизнь, на каждомъ шагу, въ большомъ и маломъ—все было къ моимъ услугамъ, все дѣлалось для меня.. Альтруизмъ для меня интересное явленіе, которое я разсматриваю, какъ какой-нибудь элементъ въ химіи... А ты, ты слишкомъ занялся дѣлами и слишкомъ мало даешь мнѣ уроковъ по части альтруизма... Ты слишкомъ мало учишь меня этому.

— Но ему не надо учиться, Вѣра. Онъ въ душѣ. Его только надо розыскать. Надо поискать внимательно.

— У меня нѣтъ его, Владиміръ... Только ты можешь вселить

его въ меня. Видишь, какъ прямо я говорю тебѣ это... Вотъ, возьми хоть то, о чемъ ты говорилъ. Вотъ эти рабочіе. Ты чувствуешь съ ними связь. Ты сочувствуешь ихъ горю, и ты хочешь помочь имъ.. А на меня это не производитъ никакого дѣйствія. Весь этотъ міръ какъ-то далеко, далеко отъ меня.. Я говорю тебѣ то, что чувствую. Теоретически я знаю, что надо помогать ближнему, когда онъ страдаетъ, и я вовсе не злая, я готова помогать и иногда это дѣлаю.. Но идетъ это у меня какъ-то не изъ глубины души, какъ у тебя, а больше изъ головы...

Владиміръ ходилъ по комнатѣ, и видно было по его движеніямъ, что слова эти волнуютъ его, и что онъ придаетъ имъ какое то чрезвычайное значеніе. Можетъ быть, въ это время онъ сравнивалъ то, что говоритъ о себѣ Вѣра Поликарповна и что, по всей вѣроятности, было въ дѣйствительности, съ тѣмъ представленіемъ, какое у него составилось о ней раньше и подъ впечатлѣніемъ котораго онъ относился къ ней.

— Ну хорошо,—сказалъ онъ.—Допустимъ, что съ этой стороны къ твоему сердцу подойти трудно. Допустимъ, что все то, что ты говоришь о себѣ—правда, хотя мнѣ очень горько повѣрить этой правдѣ. Но есть другая сторона.. Вѣдь всѣ эти люди работаютъ на тебя. На ихъ трудѣ—и исключительно на ихъ трудѣ—построено все твое благосостояніе.

— Вообще, Владиміръ, ты какъ-то рисуешься сегодня мнѣ съ новой стороны.

— То же самое я могу сказать про тебя.

— Я не знаю, радоваться этому или печалиться ..

— Зачѣмъ печалиться? Всякое новое знаніе полезно, а въ особенности полезно, чтобы люди, такъ близко стоящіе другъ къ другу, такъ крѣпко связанные чувствомъ, какъ мы съ тобой, не заблуждались другъ о другѣ...

— Но все-таки, все-таки... Зачѣмъ ты говоришь объ этомъ со мной, а не съ отцомъ? Вѣдь это его касается?

— Твой отецъ окончательно лишенъ способности понять меня... У него уже атрофировались тѣ органы, которыми люди понимаютъ чужую нужду.

— Но вѣдь я вовсе не вліяю на дѣла. Что же я могу сдѣлать?

Владиміръ Николаевичъ вдругъ почувствовалъ къ ней въ эту минуту что-то похожее на вражду. Онъ понималъ, что она могла не соглашаться съ нимъ, возражать ему, но онъ никакъ не могъ допустить, чтобы она обнаружила такое упорство въ непониманіи самыхъ простыхъ нуждъ людей, которые кормятъ ее и доставляютъ ей возможность исполнять всѣ свои прихоти. Ему казалось это такимъ яснымъ, и онъ готовъ былъ заподозрить въ этомъ умышленное нежеланіе откликнуться на его просьбу.

— Слушай, Вѣра,—довольно рѣзко промолвилъ Владиміръ Николаевичъ.—Если все то, что я тебѣ сказалъ, тебя не трогаетъ, то мнѣ остается опереться только на одномъ. Вѣдь у тебя же есть самолюбіе.

— Самолюбіе? При чемъ же оно здѣсь?

— Но какъ же? Ты знаешь, ты уже это теперь знаешь, что люди эти несутъ большой трудъ, не получая достаточнаго вознагражденія, что они страшно нуждаются, голодаютъ. Ты знаешь, что за этотъ трудъ они могли бы въ другомъ мѣстѣ получать больше, но не дѣлаютъ этого потому только, что они тупы, неразвиты и голодны... И ты сознательно пользуешься человѣческой тупостью. Но мнѣ кажется, что ты, по крайней мѣрѣ, изъ самолюбія должна возмутиться этимъ.

— Это, по крайней мѣрѣ, оригинальный доводъ,—промолвила Вѣра Поликарповна.

— Ты замѣчаешь оригинальное и не видишь простой истины... Странная способность ума видѣть только то, что высматриваетъ угломъ, что шероховато, неправильно... Странная способность, которая можетъ погубить тебя. Ты смотришь, какъ слѣпая; для тебя уже впечатлѣніе зрѣнія недостаточно, потому что зрѣніе твое притупилось, и тебѣ нужно осязать. Нужно, чтобъ что-нибудь острое непосредственно кололо тебя, рѣзало или жгло...

— Ты уже кричишь на меня... Ты становишься грубымъ, Владиміръ.

— Не на тебя, и не я кричу... А кричитъ во мнѣ негодованіе...

— Негодованіе?

— Да, негодованіе противъ тѣхъ условій жизни, которыя съумѣли вытравить изъ твоей души чуткость...

— Ты находишь, что мнѣ не достаетъ чуткости...

— Да чуткость въ тебѣ есть, но къ чему? Ты чувствуешь красоту пейзажа, ты умѣешь оцѣнить всѣ тонкости картины, костюма, умной фразы, и совсѣмъ лишена способности воспринимать чужое горе... А этого рода чуткость ничего не стоитъ...

— Что я должна сдѣлать, Владиміръ?

— Ты должна повліять на отца.

— Тебѣ не удалось; почему это удастся мнѣ?

— Почему? Что такое я въ его глазахъ? Простой служащій, приказчикъ, который исполняетъ его порученія. А ты, ты— кумиръ; передъ твоими просьбами онъ едва ли способенъ упорствовать.

— Какъ странно, Владиміръ; тогда ты не хотѣлъ вовсе браться за дѣло, а теперь, повидимому, вошелъ во вкусъ...

— Да потому, что между этихъ барокъ и дровъ я услышалъ

стонъ живыхъ человѣческихъ душъ. Ты обѣщаешь мнѣ это, Вѣра? Ты поговоришь съ отцомъ?

— Ты хочешь поссорить меня съ нимъ?

— Даже если бы и это предстояло...

— Я тебя не понимаю... Посмотри, какъ настойчиво ты уже больше часу говоришь со мной объ этомъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ намъ не о чемъ говорить... Мы съ тобой почти цѣлую недѣлю не видались. Я не считаю, что мы видались, когда встрѣчались внизу за столомъ. Я не понимаю тебя, Владиміръ.

— Я это вижу. Вотъ сейчасъ я, наконецъ, увидѣлъ, что есть такіе пункты, на которыхъ мы можемъ вовсе не понимать другъ друга.

— Владиміръ, Владиміръ... И это говоритъ любящій человѣкъ. И ты говоришь съ любимой женщиной?

— Да, съ любимой. Если бы я не любилъ, мнѣ не было бы никакого дѣла до твоихъ отношеній къ людямъ, до твоего міросозерцанія, до твоей души... вотъ что, Вѣра: я съ отцомъ твоимъ больше объ этомъ говорить не буду; это безполезно, это ни къ чему не поведетъ. Но тебѣ говорю, что при такихъ условіяхъ работать больше не въ состояніи.

— Что же это значитъ?

— Да, ты можешь это сказать отцу или матери, если не хочешь говорить съ нимъ, что я ставлю условіемъ—старшимъ приказчикамъ увеличить содержаніе, подростковъ помѣстить по человѣчески, улучшить пищу, одежду...

— Ты хочешь, чтобъ я говорила объ этомъ съ отцомъ?

— Да, я этого хочу. Я съ самаго начала нашего разговора прошу тебя объ этомъ.

— Но я все перепутаю,..

— О, онъ отлично знаетъ, въ чемъ дѣло.

— Но если онъ не согласится?

— Если онъ не согласится? Тогда можешь прибавить, что я при такихъ условіяхъ не могу работать.

— Иначе говоря, ты отказываешься отъ дѣла, если не будутъ исполнены твои условія.

— Да, безусловно. Когда твой отецъ рѣшительно скажетъ: нѣтъ, то я ни одного дня больше не остаюсь при дѣлахъ.

— Хорошо, если ты такъ этого хочешь... Я скажу все это отцу...

IV.

Разговоръ этотъ произвелъ на Вѣру Поликарповну неожиданное впечатлѣніе.

Въ то время, когда они говорили, она чувствовала себя оби-

женной, поражалась его рѣзкостью, тѣмъ небывалымъ тономъ, которымъ онъ говорилъ съ нею; но затѣмъ она почувствовала, какъ будто въ немъ для нея явилось что-то новое, какая-то сила, которой она прежде не замѣчала. Онъ какъ-то освѣтился передъ нею съ новой стороны.

Прежде она видѣла въ немъ пылкую любовь, восхищеніе ею, преклоненіе; иногда она замѣчала въ немъ наклонность къ идеализму, къ мечтательности. Но все это были чисто внѣшнія проявленія, въ сущности же, она никогда не видала его душевнаго міра.

Теперь вдругъ тамъ обнаружилось богатое содержаніе, что-то свое, что-то не такое, какъ у нея, что-то сильное и протестующее. Оказалось, что есть вещи, на которыхъ онъ умѣетъ настаивать. Вдругъ исчезла его обычная мягкость, граничащая со слабостью.

И въ то время, какъ она думала, что питаетъ что то противъ него, въ груди ея завязывался новый узелъ, прикрѣплявшій ее къ нему сильнѣе прежняго.

Говорить съ отцомъ ей было непріятно, но она считала это уже своей обязанностью. Никогда еще въ жизни она не говорила съ отцомъ о дѣлахъ, да и онъ, навѣрно, не могъ себѣ этого представить. Поликарпъ Антоновичъ не смотрѣлъ на нее серьезно, и она никогда не придавала этому значенія: она не нуждалась въ томъ, чтобы онъ перемѣнилъ свой взглядъ. Онъ относился къ ней, какъ къ своенравному ребенку, признавая ея капризы и стараясь исполнять ихъ.

Она рѣшила сдѣлать это, когда Владиміра не будетъ въ Царскомъ. Она пришла къ отцу за часъ передъ завтракомъ, когда онъ скучалъ, уже просмотрѣвъ газеты и не находя себѣ дѣла. Большую часть дня онъ проводилъ такимъ образомъ, сильно скучая. Всю жизнь привыкъ онъ быть въ движеніи, и тѣмъ невыносимѣе для него было обязательное сидѣніе въ креслѣ.

— А, ты пришла... Это очень мило съ твоей стороны,— сказалъ Поликарпъ Антоновичъ, цѣнившій всегда, когда кто-нибудь изъ домашнихъ добровольно являлся развлекать его.—Ну что, какъ твои занятія?

— Занятія?—промолвила Вѣра Поликарповна,—я ужъ забыла о нихъ...

— Ахъ да, я у тебя отнялъ профессора, но можно найти другого, если хочешь.

— Нѣтъ, ужъ не стоитъ, папа. Я свыклась уже съ его манерой... Не стоитъ...

— Но за то онъ оказался дѣловымъ человѣкомъ. Да, представь. Я даже не ожидалъ отъ него, что онъ такъ скоро и полно усвоитъ всѣ дѣла.

— Да онъ только и дѣлаетъ, что говоритъ о дѣлахъ. Онъ, кажется, даже забылъ уже, что былъ когда-то художникомъ.

— Да? Ну что жъ; можетъ быть, вообще это и не хорошо, но для меня пріятно. Значитъ, онъ серьезно увлекается дѣлами...

— Мы недавно еще съ нимъ говорили, папа,—рѣшила, наконецъ, Вѣра приступить къ дѣлу,—мы говорили съ нимъ объ этихъ... о жалованьяхъ... и о помѣщеніяхъ...

— О жалованіяхъ?—съ удивленіемъ спросилъ Поликарпъ Антоновичъ,—о помѣщеніяхъ? Ты знаешь это?

— Да. Владиміръ Николаевичъ сообщилъ мнѣ это и передавалъ о своемъ разговорѣ съ вами. Я думаю папа, что это надо сдѣлать.

— Ты думаешь. Но что значитъ, ты думаешь? Развѣ ты понимаешь что-нибудь въ этомъ?

— Я понимаю только то, что это будетъ хорошо...—говорила Вѣра Поликарповна, и ей казалось теперь, что она сама убѣждена въ этомъ, и что это именно для нея нужно, а не для Владиміра.

— Да это настоящее нападеніе...—воскикнулъ Поликарпъ Антоновичъ.—Но знаешь ли ты, мой другъ, Вѣра, что это значитъ? прибавка жалованья, потомъ перестройки на всѣхъ дворахъ; вѣдь онъ говоритъ о новыхъ помѣщеніяхъ... Знаешь ли ты, чѣмъ это пахнетъ? Вѣдь на это надо употребить не одинъ десятокъ тысячъ. Ну, хорошо, перестройка помѣщеній,—ну, это расходъ, по крайней мѣрѣ, единовременный; но прибавка—вѣдь это, значитъ, на вѣчныя времена увеличить бюджетъ; понимаешь ты это?

— Я папа ничего не понимаю въ этомъ... То-есть, я не понимаю этихъ разсчетовъ, но я знаю, что это нужно.

— Нужно, нужно... Почему нужно?

— Потому что это справедливо.

— Да не желаю я вовсе быть справедливымъ. Я вовсе за этимъ не гоняюсь. Экъ зарядили всѣ: справедливо да справедливо. Да если бы я поступалъ всегда справедливо, такъ, ты полагаешь, могъ бы я нажить состояніе изъ ничего? Эхъ, милая, это давно извѣстно, что честнымъ трудомъ сотни тысячъ не наживешь.

— Полноте, папа, что вы говорите?

— Говорю чистую правду. Что жъ мнѣ теперь лицемѣрить; я, можетъ, скоро умру. Я не говорю, что совершалъ какія-нибудь подлости; я подлостей не совершалъ. Подлостей никто не совершаетъ, потому что за нихъ въ острогъ сажаютъ. А только и до справедливости намъ далеко... Да-съ; такъ вотъ, видишь ли, правъ я или не правъ, а я всю жизнь работалъ, добивался, для кого—для васъ же, и вы же требуете отъ меня безумныхъ поступковъ, которые разорятъ меня и васъ?

Поликарпъ Антоновичъ сильно разволновался. Вѣра начала успокаивать его. Въ это время пріѣхалъ молодой Спонтанѣевъ. Онъ заѣхалъ всего на минуту. Онъ жилъ въ городѣ и на дачу пріѣзжалъ только за деньгами, которыхъ ему требовалось много.

— О, здѣсь горячій споръ,—весело воскликнулъ онъ, входя въ комнату.

— Да, споръ, споръ,—желчнымъ голосомъ отвѣтилъ Поликарпъ Антоновичъ,—потому что вамъ нѣтъ никакого дѣла до меня. Вы знать не хотите того, что я переживаю... Вотъ ты, напримѣръ,—обратился онъ къ сыну,—порхаешь тамъ, какъ мотылекъ.

— Что жъ тутъ дурного, папа, я порхаю и никому не дѣлаю зла—тоже какъ мотылекъ...

— Ну да. Конечно... Отъ дѣлъ отказался, не смотря на то, что отецъ прикованъ къ креслу; про тебя хоть трава не расти...

— Но все равно; я только напуталъ бы... Право, я же ничего въ дѣлахъ не понимаю. Вѣдь я студентъ, папа, я—юристъ. Если вы отдали меня на юридическій факультетъ, то не затѣмъ же, чтобы я торговалъ дровами. Тамъ такой науки не проходятъ.

— Однако, мой милый, я могу умереть, въ особенности, если буду раздражаться... И навѣрно умру скоро, потому что вы, очевидно, стараетесь объ этомъ; что же вы тогда будете дѣлать? Вѣдь вы будете разорены.

— Ну, вы проживете еще сто лѣтъ, папа... Да въ чемъ тутъ дѣло?

— А дѣло въ томъ, что Владиміръ Николаевичъ, который замѣняетъ меня, ставитъ невозможныя условія... Онъ требуетъ прибавки жалованья рабочимъ и Богъ знаетъ еще что...

— Какъ странно! Вѣдь этотъ господинъ нанятъ, кажется, для присмотра и только.

— Онъ не нанятъ,—рѣзко возразила Вѣра,—его и нельзя нанять. Онъ даже не хотѣлъ брать эту работу, но папа упросилъ его.

— А, ну это все равно, право... Онъ получаетъ за это деньги; значитъ, нанятъ.

— Вѣра совершенно права,—строго замѣтилъ ему Поликарпъ Антоновичъ.—Ты долженъ быть только благодаренъ Владиміру Николаевичу, потому что онъ несетъ тѣ обязанности, которыя въ сущности лежатъ на тебѣ...

— Ужъ не знаю, право, долженъ ли, но, говоря откровенно, я никакой благодарности къ нему не ощущаю... Я заѣхалъ всего на минуту. У меня къ вамъ дѣло.

— Прошу тебя подождать... Я говорю о дѣлѣ съ Вѣрой.

— Но мнѣ некогда ждать...

— А я прошу тебя подождать...—съ усиливающеюся стро-

гостью повторилъ Поликарпъ Антоновичъ и прибавилъ:—Это невыносимо.

Спонтанѣевъ возвысилъ голосъ и даже поднялъ палку. Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Вѣра всегда дома,—промолвилъ онъ,—кажется, ей ничего не стоило бы уступить мнѣ очередь.

— Ты меня выводишь изъ терпѣнія,—продолжалъ Спонтанѣевъ.—Я, кажется, предоставляю вамъ все... Ни въ чемъ вамъ не отказываю. И, кажется, имѣю право хоть на каплю уваженія.

— Но зачѣмъ—каплю,—нисколько не трогаясь его гнѣвомъ, промолвилъ молодой человѣкъ.—Я готовъ оказать его вамъ цѣлый океанъ...

— Поди, поди, пожалуйста, отсюда, если не хочешь окончательно взбѣсить меня.

Молодой Спонтанѣевъ вторично пожалъ плечами и ушелъ. Онъ не захотѣлъ ждать, когда Вѣра кончитъ свой разговоръ съ отцомъ, перехватилъ денегъ у матери и уѣхалъ.

Разговоръ продолжался. Спонтанѣевъ горько жаловался на дѣтей.

— Вотъ вырастилъ, воспиталъ и образовалъ, и все-таки балбесъ балбесомъ. Шалопай какой-то изъ него вышелъ... Ты, по крайней мѣрѣ, хоть не вмѣшивалась въ дѣла, хоть съ этой стороны я былъ спокоенъ, а теперь вотъ...

— Папа, я думаю, что непремѣнно нужно что-нибудь сдѣлать,—настойчиво повторила Вѣра.

— А я ничего не сдѣлаю. И прошу тебя оставить этотъ разговоръ. Довольно. Я предоставляю вамъ свободу во всемъ, а вы предоставьте мнѣ свободно распоряжаться своими дѣлами. И со стороны Владиміра Николаевича странно, что онъ послѣ моего опредѣленнаго отказа пошелъ еще къ тебѣ...

— Но тутъ нѣтъ ничего страннаго, папа. Мы съ нимъ обо всемъ говоримъ, заговорили и объ этомъ. Онъ высказалъ свой взглядъ, я согласилась съ нимъ.

— Ну, такъ вотъ и скажи ему, что все это фантазіи, и ничего этого я не намѣренъ исполнять.

— Но, видите ли, папа, тутъ есть еще одно обстоятельство...— промолвила не совсѣмъ рѣшительно Вѣра Поликарповна.

— Какое еще обстоятельство? Почемъ ты знаешь про какія-то обстоятельства.

— Дѣло въ томъ, папа, что Владиміръ Николаевичъ рѣшилъ въ случаѣ, если вы не исполните его желанія, которое я считаю справедливымъ и законнымъ, отказаться...

— Отказаться? Онъ хочетъ отказаться?

И Вѣра Поликарповна видѣла, что это заявленіе произвело на него сильное впечатлѣніе.

„Значитъ, въ самомъ дѣлѣ онъ очень полезенъ и безъ него не могутъ обойтись“—подумала она.

— Да, папа, онъ сказалъ это рѣшительно. Онъ при такихъ условіяхъ не можетъ работать. Онъ сказалъ это такъ, что навѣрно исполнитъ...

— И ты думаешь, что онъ дѣйствительно это исполнитъ?— очень серьезно спросилъ Поликарпъ Антоновичъ.

— Я увѣрена въ этомъ.

— Гм!.. Однако, какой онъ рѣшительный... Вообще, я не ожидалъ, что у него такой характеръ... Такъ ты говоришь, что онъ способенъ исполнить это?

— Да, да, навѣрно, папа. Я видѣла это по его лицу. Онъ придаетъ этому большое значеніе.

— Гм!.. Объ этомъ надо подумать... Вотъ видишь; вотъ, если бы этотъ балбесъ, твой братъ, не относился такъ легкомысленно къ своимъ обязанностямъ, я не былъ бы поставленъ въ необходимость исполнять требованія посторонняго человѣка; а теперь я весь въ его рукахъ. Онъ честный человѣкъ—вотъ главное. Гдѣ я найду такого другого? Честнаго человѣка, мой другъ, въ наше время сыскать очень трудно. Есть они тамъ гдѣ-то, но только все фантазеры; къ дѣлу ихъ и подпускать нельзя. А онъ вотъ не фантазеръ, хотя и не безъ этой закваски... Я съ нимъ поговорю... Я подумаю...

И въ первый же пріѣздъ Владиміра Николаевича Спонтанѣевъ самъ затѣялъ объ этомъ рѣчь.

— Что это мнѣ Вѣра сообщила, будто вы отказываетесь?— спросилъ Поликарпъ Антоновичъ.

— Условно, Поликарпъ Антоновичъ,—отвѣтилъ Бертышевъ.— Вы видите, что я охотно занимаюсь вашими дѣлами, но я могу продолжать это дѣлать только при извѣстныхъ условіяхъ.

— То-есть, при тѣхъ условіяхъ, которыя вы мнѣ поставили?

— Это не я поставилъ ихъ, а таково положеніе дѣлъ.

— Однако, вы круто поставили вопросъ. Не ожидалъ этого отъ васъ...

— Видите ли, Поликарпъ Антоновичъ,—промолвилъ Бертышевъ,—я въ ваши торговыя дѣла не вмѣшиваюсь, я исполняю ваши порученія точно и дальше этого не иду. Но тутъ дѣло касается существенныхъ интересовъ людей, съ которыми я работаю...

— Но вѣдь и я работалъ съ ними—и ничего...

— Вы хозяинъ. Вы и относились къ нимъ, какъ хозяинъ, и они смотрѣли на васъ, какъ на хозяина; это совсѣмъ не то. А я сотрудникъ. Притомъ же, я сразу такъ поставилъ себя по отно-

шенію къ нимъ хорошо, что они отъ меня ждутъ... И они имѣютъ право ждать этого...

— Ну, знаете что,—раздумчиво сказалъ Спонтанѣевъ.—Вы все-таки дайте мнѣ хоть подумать... Между прочимъ, вотъ что. Въ воскресенье пріѣдете, у насъ будетъ больше свободнаго времени, вотъ мы тогда и поговоримъ подробнѣе, а на всякій случай составьте смѣточку... Вы попробуйте такъ, приблизительную... Все-таки, вы къ дѣлу приглядѣлись; вотъ мы и посмотримъ, во что это намъ можетъ обойтись; тогда и поговоримъ окончательно.

Бертышевъ не зналъ, смотрѣть ли ему на это, какъ на побѣду. Во всякомъ случаѣ онъ охотно отнесилъ этотъ результатъ на счетъ Вѣры Поликарповны. Встрѣтившись съ нею, онъ горячо пожалъ ей руку и посмотрѣлъ на нее съ благодарностью.

— Хорошее дѣло никогда не обременяетъ душу,—полушутя промолвилъ онъ.

— Я не для дѣла... А для тебя,—улыбаясь, отвѣтила Вѣра Поликарповна.

— Все равно: результатъ получится для дѣла. А ты не думай, что отъ тебя больше не потребуется усилій; ты еще будешь много помогать мнѣ. Развѣ не лучше, скажи теперь, если наше общеніе будетъ основано на живыхъ человѣческихъ нуждахъ и интересахъ? Нельзя вращаться въ области одного чувства; такъ и чувство можетъ утомиться.

— Что еще отъ меня потребуется?—спросила Вѣра Поликарповна.

— Я знаю, что еще придется сильно бороться съ Поликарпомъ Антоновичемъ; вѣдь его согласіе мы вынудили, и потому онъ будетъ отстаивать каждый шагъ.

— Ты будешь давать мнѣ инструкціи?—спросила Вѣра Поликарповна.

— О, самыя подробныя! Словомъ, мы заключаемъ союзъ.

— Для того, чтобъ было чѣмъ питать наше чувство,—съ полуулыбкой спросила Вѣра.

— Нѣтъ, не для этого, а между прочимъ—тутъ и ему перепадетъ...

Владиміръ Николаевичъ энергично занялся вопросомъ о составленіи смѣты. Среди прежнихъ академическихъ товарищей онъ нашелъ молодого архитектора, который до того заинтересовался дѣломъ, что даже не хотѣлъ брать никакой платы.

Они вмѣстѣ съ главнымъ приказчикомъ, который состоялъ при дѣлѣ больше двадцати лѣтъ и отлично зналъ его нужды, осматривали помѣщенія, размѣряли и приспособлялись. Съ этимъ же приказчикомъ Владиміръ Николаевичъ совѣтовался на счетъ прибавки жалованья.

Все это отняло недѣли двѣ, и вотъ однажды, приведя весь вопросъ въ ясность, онъ явился къ Спонтанѣеву со смѣтой.

Спонтанѣевъ углубился въ цифры и принялся внимательно изучать ихъ, и вдругъ на лицѣ его выразился ужасъ.

— Позвольте, Владиміръ Николаевичъ, вѣдь это выходитъ цѣлое состояніе... На перестройки требуется около тридцати пяти тысячъ; но это, знаете, не шутка..

— Вы сами видите, Поликарпъ Антоновичъ, какъ скромны наши проекты..

— Скромны.. Видно, что вы никогда не имѣли дѣла съ деньгами, если вы это считаете скромнымъ.. Далѣе, на прибавку жалованья вы кладете около пяти тысячъ въ годъ; но это немыслимо. Каждый годъ вы хотите обременить бюджетъ на новыя пять тысячь.

— Но посмотрите, Поликарпъ Антоновичъ, какія скромныя прибавки; вѣдь, собственно, даже вдвое увеличить жалованье было бы справедливо.

— Справедливо... Да, на этотъ счетъ я не спорю... Вы вотъ хотите построить имъ дворцы.. Можетъ быть, справедливо, чтобы у всякаго человѣка былъ свой дворецъ, но этой справедливости вы не найдете нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ. По два человѣка въ комнатѣ, да, помилуйте, это уже больше чѣмъ роскошь.

— Это зависитъ отъ того, какая комната.. А здѣсь предположена комната въ одно окно, самыхъ скромныхъ размѣровъ.

— Ну вотъ и отлично; можно прибавить еще одно окно и помѣстить всѣхъ въ одной комнатѣ.

Спонтанѣевъ торговался не на жизнь, а на смерть, а Владиміръ Николаевичъ, ободренный уже нѣкоторымъ успѣхомъ, старался какъ можно меньше уступить ему.

— Ну, я, знаете, такъ рѣшить этого не могу; мнѣ надо подумать,—сказалъ Спонтанѣевъ, который, очевидно, старался какъ можно на дольше отложить исполненіе проекта. Можетъ быть, онъ разсчитывалъ на скорое наступленіе осени, а потомъ зимы, когда перестройки невозможны.

Онъ попросилъ, чтобы въ Царское къ нему пріѣхалъ архитекторъ, составлявшій смѣту. Архитекторъ пріѣзжалъ; шли долгіе переговоры, Поликарпъ Антоновичъ дулся не только на Владиміра Николаевича и архитектора, но и на своихъ, и даже три дня ни съ кѣмъ не разговаривалъ.

— Знаете, я не могу,—наконецъ сказалъ онъ Владиміру Николаевичу,—вы хотите просто разорить меня.

— А я ручаюсь, — сказалъ Бертышевъ, — что это увеличитъ ваши доходы.

— Это какимъ же обравомъ?

— Люди будутъ работать энергичнѣе, охотнѣе...

— Разсказывайте.. Знаю я эту охоту. Тогда они только возмнятъ о себѣ и черезъ годъ потребуютъ новой прибавки.

— Ну, тогда ужъ вы будете имѣть право отказать имъ.

Наконецъ, Спонтанѣева-таки сломили, но съ большими ограниченіями. Онъ самъ начерталъ планы, сократилъ постройки больше, чѣмъ на половину, вычеркнулъ кровати и кое-какую мебель, которую предположилъ Владиміръ Николаевичъ, а оставилъ по прежнему нару. Прибавку къ жалованью сократилъ до трехъ тысячъ и предложилъ Владиміру Николаевичу распредѣлить между служащими.

Владиміра Николаевича это, конечно, ие удовлетворило, и онъ думалъ было настоять на своемъ отказѣ, но Вѣра стала умолять его.

— Вѣдь это, все-таки, что-нибудь, Владиміръ. Онъ не привыкъ къ этому. А этотъ случай для него будетъ практикой... Потомъ можно будетъ еще что-нибудь сдѣлать..

— Ну, хорошо,—согласился Бертышевъ,—это правда. Лучше хоть что-нибудь, чѣмъ оставаться въ томъ же печальномъ положеніи. Если я уйду, все останется по старому; пожалуй, еще даже прижмутъ ихъ, въ отместку за смѣлыя желанія...

И онъ далъ согласіе.

— Дорого обходится мнѣ этотъ молодой человѣкъ,—сказалъ Спонтанѣевъ, когда все уже было безповоротно рѣшено.

А Владиміръ Николаичъ съ увлеченіемъ занялся новымъ дѣломъ. Теперь у него явился живой интересъ въ дѣлахъ Спонтанѣева.

Онъ тотчасъ же съ энергіей принялся за постройки, разсчитывая поспѣть съ окончаніемъ ихъ къ осени. А служащимъ было объявлено, что съ перваго августа имъ будетъ выдана первая прибавка къ жалованью.

Служащіе Спонтанѣева теперь обожали своего новаго надсмотрщика, къ которому они въ первое время отнеслись подозрительно.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ.

Академика **А. Фаминцына.**

(*Продолженіе* *).

Глава пятая. (Продолженіе).

Весьма желательнымъ представляется мнѣ обстоятельное разслѣдованіе слуховыхъ органовъ у насѣкомыхъ, найденныхъ пока лишь у кузнечиковъ, сверчковъ и у саранчевыхъ; въ виду разнообразныхъ звуковъ, производимыхъ насѣкомыми, предполагаютъ, что слуховые органы очень распространены между ними. Въ данномъ случаѣ изслѣдованіе это представило бы интересъ еще и потому, что, до сихъ поръ найденные слуховые органы оказались расположенными на переднемъ брюшномъ сегментѣ и на ногахъ, такъ что при обезглавливаніи

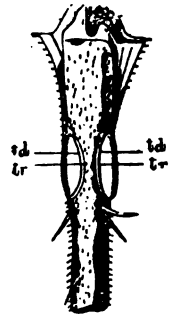


Рис. 2.

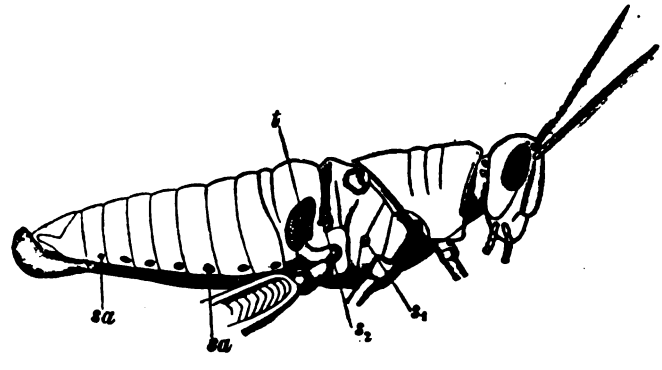


Рис. 1 (*).

они не отдѣляются отъ туловища. У кузнечиковъ и сверчковъ они оказались расположенными по двумъ сторонамъ голени (tibia) передней пары ногъ (рис. 2, td, tr), а у саранчевыхъ—на бокахъ перваго брюшного сегмента (рис. 1, t).

Было бы весьма интересно испытать снабженныхъ явственными органами слуха насѣкомыхъ на слуховыя впечатлѣнія, напр., произвесть опыты надъ обезглавленными самками вышеприведенныхъ насѣкомыхъ, у которыхъ, какъ говорятъ, самцы исключительно обладаютъ *звуковыми*

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

органами и пользуются ими для привлеченія самокъ. Наблюденіе надъ отношеніемъ обезглавленныхъ самокъ къ зову самца могли бы дать категорическій отвѣтъ на вопросъ о томъ, на сколько обезглавленная самка чувствительна къ слуховымъ впечатлѣніямъ. Эти опыты представили бы большой интересъ въ виду діаметрально противуположнаго заявленія Леббока (по Вагнеру. «Вопросы зоопсихологіи», стр. 23) относительно пчелъ, «что никакой шумъ, никакой звукъ не обращаетъ на себя ни малѣйшаго ихъ вниманія: ни скрипка, ни свистокъ, ни камертонъ, ни крикъ, пчелами не замѣчается вовсе».

Въ видѣ прибавленія къ изложенію локализаціи сознательной дѣятельности, считаю интереснымъ присоединить нѣсколько замѣчаній о болѣе или менѣе полномъ разъединеніи психическихъ отправленій во времени, у одного и того же недѣлимаго, а также о распредѣленіи ея, по частямъ на различныхъ недѣлимыхъ или о дробленіи психики, присущей обыкновенно одному недѣлимому, на многія особи, соединенныя болѣе или менѣе тѣсною связью въ колонію; причемъ каждая особь является одаренной только частью психики. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ, слѣдовательно, психику *дробную:* частичную.

Наглядный примѣръ дробной психики перваго вида представляютъ нѣкоторыя насѣкомыя, въ особенности бабочки. Со времени вылупленія изъ яйца, вплоть до превращенія въ куколку, психика гусеницы оказывается направленною исключительно на одну лишь функцію жизни—на питаніе. Какъ только гусеница вылупляется изъ яйца, она устремляется на пищу, и, вплоть до построенія кокона, ни на что другое не обращаетъ вниманія. Съ момента превращенія въ бабочку, въ связи съ измѣненіемъ организаціи, прежняя психика какъ бы замѣняется новою, занятою другими интересами и руководимою исключительно почти половымъ возбужденіемъ; бабочка стремится только къ удовлетворенію этой потребности—къ половому акту, которымъ обусловливается созиданіе новаго поколѣнія. При этомъ у многихъ бабочекъ питаніе становится даже совершенно невозможнымъ, вслѣдствіе болѣе или менѣе полнаго недоразвитія пищеварительнаго аппарата.

Любопытный примѣръ дробной психики второго рода доставляютъ пчелы и муравьи.

Строго научными наблюденіями констатировано, какъ извѣстно, три главныхъ вида пчелъ въ одномъ ульѣ; различаютъ царицу (матку), трутней и рабочихъ пчелъ. Матка, исключительно занятая кладкой яицъ, отличима легко отъ остальныхъ бо́льшимъ размѣромъ. Она кладетъ яйца двоякаго рода, оплодотворенныя и не оплодотворенныя; изъ первыхъ выходятъ, смотря по уходу за ними, матки, или рабочія пчелы; изъ неоплодотворенныхъ—трутни. Матка однажды въ жизнь совершаетъ брачный полетъ; воспринятое ею сѣмя трутня хранится въ ней, въ особенномъ вмѣстилищѣ, сообщающемся каналомъ съ яйцеводомъ. Этимъ запасомъ сѣмянной жидкости матка оплодотворяетъ про-

изводимыя ею яйца, во время прохода ихъ по яйцеводу, но можетъ класть яйца не оплодотворенныя, не допуская до нихъ сѣмянной жидкости. Изъ неоплодотворенныхъ яицъ выходятъ трутни. Трутни — это самцы, обыкновенно не несущіе никакой работы и полезные для улья только во время брачнаго полета самокъ.

Рабочія пчелы, напротивъ того, характеризующіяся недоразвитіемъ половыхъ органовъ, представляютъ воплощенное трудолюбіе; на нихъ возлагается обязанность собиранія меду, постройка ячеекъ улья, уходъ за личинками и молодыми пчелками; онѣ же охраняютъ улей отъ внѣшнихъ враговъ.

Невольно напрашивается вопросъ: что за причина различія волевыхъ импульсовъ этихъ трехъ разрядовъ пчелъ?; гдѣ кроется причина столь поразительнаго различія ихъ психики? Эти вопросы, представляющіеся на первый взглядъ трудно разрѣшимыми, допускаютъ однако рѣшеніе не только сравнительно простое, но даже хорошо извѣстное пчеламъ, такъ какъ послѣднія по произволу выводятъ изъ яйца рабочую пчелу, трутень или матку. Пчелы знаютъ, что для произведенія рабочей пчелы или матки требуются яйца оплодотворенныя; при скудной пищѣ и маленькой ячейкѣ развивается изъ яйца рабочая пчела; для выводки же матки, яйцо помѣщается въ ячейку гораздо бо́льшаго размѣра и личинка получаетъ очень обильный кормъ. Для полученія трутней, матка кладетъ яйца неоплодотворенныя и притомъ въ ячейки болѣе просторныя, сравнительно съ ячейкой рабочей пчелы. Трутни же выходятъ и изъ яицъ, которыя иногда кладутъ и рабочія пчелы.

Различіе пчелъ и ихъ психики объясняется слѣдующимъ простымъ образомъ: развитіе органовъ пчелы происходитъ не одновременно; половые органы образуются позже остальныхъ; при скудной пищѣ и малой ячейкѣ личинка не доразвивается; не доразвиваются при этомъ органы, образующіеся позже остальныхъ; къ послѣднимъ принадлежатъ половые органы и глаза; соотвѣтственно недоразвитію, отсутствуютъ у рабочей пчелы половые органы и обусловловаемыя послѣдними половыя побужденія; вся психика концентрируется на влеченіи къ непрестанному труду. Соотвѣтственно этому и глаза, развиваясь тоже позже остальныхъ органовъ, являются у рабочей пчелы менѣе развитыми, чѣмъ у остальныхъ. Развившіеся же вполнѣ у матки половые органы совершенно поглощаютъ ея психику, направленную исключительно на кладку яицъ. Доказательствомъ вѣрности этого объясненія служитъ общеизвѣстный фактъ, что пчелы, нуждаясь почему бы то ни было въ новой маткѣ, выращиваютъ ее изъ гусеницы рабочей пчелы, увеличивъ ея ячейку и снабжая ее болѣе обильнымъ кормомъ. Преобладаніемъ полового стремленія въ ущербъ трудовому, объясняется и нелюбовь къ труду трутней, за что рабочія пчелы и умерщвляютъ ихъ, по миновaніи въ нихъ надобности.

Не менѣе интересные примѣры этого же рода дробной психики

представляютъ осы, шмели и муравьи. Дробной психикой одарены самцы коловратокъ; будучи гораздо мельче самокъ, они отличаются отъ послѣднихъ рудиментарнымъ строеніемъ кишечнаго канала.

Не менѣе любопытный фактъ состоитъ въ распредѣленіи функцій, присущихъ обыкновенно одному недѣлимому, на большое число недѣлимыхъ, связанныхъ общимъ стержнемъ въ колонію. Каждому недѣлимому колоніи присуща лишь одна функція, сообразно съ которою и видоизмѣняется его строеніе и форма; развитыми являются въ каждомъ недѣлимомъ лишь опредѣленныя части его, другія же атрофируются; сообразно съ съуженіемъ или устраненіемъ всѣхъ жизненныхъ отправленій, за исключеніемъ одного, необходимо предположить и соотвѣтственное съуженіе и психики недѣлимаго; у каждаго недѣлимаго будутъ лишь свои опредѣленныя цѣли и желанія; психика каждаго недѣлимаго будетъ слѣдовательно лишь дробною частью психики колоніи. Между тѣмъ, не смотря на разрозненность интересовъ, дѣятельность соединенныхъ въ колонію недѣлимыхъ несомнѣнно регулируется. Объясненіе же проявляющейся координаціи ихъ дѣйствій остается неразрѣшимою загадкой. Подобнаго рода колоніальныя животныя представляютъ сифонофоры (Siphonophoreae), одни изъ красивѣйшихъ обитателей моря и нѣкоторыя формы мшанокъ (Bryozoa). «Тѣло сифонофоръ,—пишетъ Гертвигъ *),—состоитъ изъ отдѣльныхъ особей, прикрѣпленныхъ къ общему стволу (ценосарку); стволъ этотъ мускулистъ, имѣетъ внутри каналъ, одѣтый энтодермомъ и служитъ резервуаромъ питательныхъ веществъ для особей колоніи. Передній конецъ его у большинства видовъ заключаетъ пузырекъ воздуха (воздушную камеру), функціонирующій какъ гидростатическій аппаратъ, удерживающій плавающую въ морѣ колонію, въ вертикальномъ положеніи.

Непосредственно за воздушною камерою слѣдуетъ обыкновенно нѣсколько рядовъ *плавающихъ колоколовъ*,—животныхъ, похожихъ на медузы, затѣмъ *покровныя пластинки*, тоже видоизмѣненныя медузы, въ видѣ плотныхъ студенистыхъ пластинокъ; питаніемъ колоніи завѣдуютъ особенной формы полипообразныя недѣлимыя — *питательные полипы*, снабженные трубковидно-расшириннымъ ротовымъ отверстіемъ; у основанія каждаго изъ нихъ сидитъ недѣлимое, превратившееся въ хватательныя нити или шнурки, по бокамъ которыхъ расположены свѣшивающіяся тонкія нити, оканчивающіяся головчатыми и пестро окрашенными вздутіями, называемыми *крапивными батареями*; они состоятъ изъ тѣсно сплоченныхъ громадныхъ крапивныхъ капсулъ, производящихъ чувствительные обжоги. Нѣкоторыя недѣлимыя развиваются въ замкнутые мѣшки — *щупальца*, весьма подвижныя и чувствительныя къ прикосновенію. Наконецъ, позже остальныхъ появляются *половыя* особи, въ видѣ мѣшковъ, въ которыхъ образуются половые продукты.

*) *Гертвигъ*. Учебникъ Зоологіи, стр. 211.

Многія синофоры, прибавляетъ Гертвигъ, производятъ впечатлѣніе не колоніи, а единичной особи, снабженной различными органами.

Столь же поразительный примѣръ колоніальныхъ особей, съ спеціальными функціями, представляютъ нѣкоторыя мшанки.

Психика простѣйшихъ. Разсмотрѣвъ проявленіе психики въ животныхъ, снабженныхъ нервной системой, и имѣющіяся указанія на распредѣленіе и перемѣщеніе участка сознательной психики, перехожу въ заключеніе главы, къ изложенію вопроса, въ настоящее время еще спорнаго: о психикѣ простѣйшихъ, существъ настолько отличныхъ по своему строенію отъ остальныхъ животныхъ, что зоологи находятъ необходимымъ дѣлить животное царство на два отдѣла: Protozoa (простѣйшіе, одноклѣтные) и Metazoa, (многоклѣтные), противоставляя первые всѣмъ остальнымъ представителямъ животнаго царства. У громаднаго большинства животныхъ наблюдается, по мѣрѣ развитія и роста недѣлимаго, осложненіе организаціи; развиваются органы, т. е. участки тѣла, приспособляемые въ бо́льшей или мѣньшей степени къ выполненію одной какой-либо опредѣленной функціи организма; такъ, напримѣръ, у высшихъ, отличаютъ органы пищеваренія, кровообращенія, дыханія, органъ психической дѣятельности — нервную систему, органы движенія и пр. Дифференцировка организма на органы свойственна не только *Metazoa*, но и въ бо́льшей или мѣньшей мѣрѣ и многимъ изъ простѣйшихъ; наиболѣе выраженною она является у *рѣсничныхъ инфузорій*. Послѣднія снабжены отверстіемъ рта съ приспособленіемъ для измельченія пищи, порошицей (т. е. отверстіемъ для выбрасыванія непригодныхъ твердыхъ остатковъ пищи), ритмически сокращающимися вакуолями, зачаточными элементами мышечной ткани (міонемы) и разнообразными придатками на поверхности тѣла инфузоріи, въ видѣ различнаго рода рѣсничекъ, которыя служатъ органами передвиженія. Все это вмѣстѣ взятое достаточно свидѣтельствуетъ о высокой организаціи рѣсничныхъ инфузорій. Слѣдовательно, типичные органы присущи не только Metazoa, но и простѣйшимъ и предстоятъ одинаковымъ функціямъ. Тѣмъ не менѣе, зоологи совершенно правильно обозначаютъ различіе между ними, оставляя названіе *органовъ* за обособленными частями тѣла *Metazoa*, и обозначая терминомъ: *органоиды*, органы простѣйшихъ организмовъ. Изъ нижеслѣдующаго вполнѣ выяснятся особенности органоидовъ. Здѣсь же я ограничуюсь лишь указаніемъ на наиболѣе существенную ихъ особенность.

Эмбріологическія разслѣдованія надъ развитіемъ зародыша Metazoa (у организмовъ колоній) выяснили (см. выше), что появленію органовъ предшествуетъ дробленіе первоначальной клѣтки яйца на многія клѣтки. Происшедшій дѣленіемъ первоначальной клѣтки, однородный конгломератъ клѣтокъ дробится затѣмъ на 2 и на 3 зародышевыхъ пласта, и только позже обнаруживаются зачатки органовъ. Каждый отдѣльный органъ зачинается группою однородныхъ клѣтокъ; у простѣйшихъ

(одноклѣтныхъ), эта стадія развитія выпадаетъ и органы строятся изъ *участковъ клѣтки*, или *элементарнаго организма* непосредственно.

Одноклѣтныя представляются какъ бы первою попыткою созиданія живыхъ существъ на земной поверхности. Многоклѣтныя (Metazoa) же—позднѣйшей попыткой—созиданія *организмовъ колоній*.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ индивидуальность каждаго элементарнаго организма (клѣтки) является въ бо́льшей или мѣньшей степени порабощенной, а каждый изъ элементарныхъ организмовъ—обреченнымъ на служеніе организму-колоніи, и въ полной зависимости отъ потребностей послѣдняго. Вслѣдствіе этого элементарные организмы со временемъ нерѣдко оказываются видоизмѣненными до неузнаваемости, но тѣмъ не менѣе, и во взрослomъ организмѣ-колоніи, элементарные организмы, его составляющіе, различимы вполнѣ ясно.

Такъ какъ все свойственное элементарному организму должно обнаруживаться и въ его производномъ—въ организмѣ-колоніи, то понятно почему, если бы удалось доказать присутствіе психики въ одноклѣтныхъ, элементарныхъ организмахъ, стало бы невозможнымъ отрицать ее въ любомъ изъ организмовъ-колоній какъ животнаго, такъ и растительнаго царства.

Наиболѣе интересныя изъ относящихся сюда наблюденій собраны и изложены мною въ рѣчи: «О психической жизни простѣйшихъ представителей живыхъ существъ», произнесенной на одномъ изъ общихъ собраній восьмого съѣзда естествоиспытателей и врачей (въ Петербургѣ). Строгое обоснованіе этихъ фактовъ имѣетъ столь важное значеніе для закрѣпленія проводимаго мною взгляда о роли психики въ жизни всѣхъ живыхъ существъ, что я считаю необходимымъ вновь воспроизвесть здѣсь главнѣйшія изъ наблюденій, съ требуемою обстоятельностью. Въ одномъ только измѣню я способъ изложенія; вмѣсто повторенія текста моей рѣчи, въ виду устраненія возраженій пр. Шимкевича и утвержденія его, что приведенныя мною въ вышеприведенной статьѣ наблюденія не только устарѣли, но и даже опровергнуты, я воспроизведу тѣ же факты, воспользовавшись трудомъ извѣстнаго спеціалиста по инфузоріямъ проф. Шевякова: «Организація и систематика Infusoria Aspirotricha», напечатанномъ въ прошедшемъ году въ Запискахъ Императорской академіи наукъ».

Примѣчаніе. Помѣщенное въ вышеуказанной рѣчи моей описаніе строенія и ловли добычи у *Didinium nasutum* составлено было, по показаніямъ извѣстнаго французскаго зоолога, Бальбіани

По свидѣтельству послѣдняго, инфузорія] эта въ присутствіи добычи (тоже инфузоріи), сначала выбрасываетъ большое количество трихоцистъ, которыя, попадая въ добычу, ее парализуютъ; послѣ этого *Didinium nasutum* выпускаетъ изо рта хоботокъ, захватываетъ имъ добычу и втягиваетъ ее внутрь себя. Это мѣсто подало поводъ слѣдующему замѣчанію пр. Шимкевича: антропоморфисты (см. А. Фаминцынъ «О психической жизни простѣйшихъ представителей живыхъ существъ», Тр. VIII Съѣзда Ест. 1890, стр. 35) не замедлили, конечно, воспользоваться этимъ наблюденіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, инфузорія, съ ловкостью охотника убивающая добычу и потомъ, какъ слонъ засовывающая ее себѣ въ ротъ хоботомъ—нѣчто поистинѣ поразительное. Затѣмъ приводится цитата изъ Бючли, изъ которой видно, что другимъ изслѣдователямъ хобота этого наблюдать неудалось и что, слѣдовательно, въ этомъ Бальбіани ошибся. Далѣе говорится, что и трихацисты, по мнѣнію Бючли, представляютъ принадлежность не *Didinium nasutum*, а туфельки, т. е. инфузоріи, служившей добычей. Итакъ,—продолжаетъ пр. Шимкевичъ,—«знаменательная инфузорія, вѣроятно, даже и не имѣетъ тѣхъ органовъ, которые ошибочно были приписаны ей Бальбіани, въ данномъ случаѣ точно также стоявшемъ на антропоморфической точкѣ зрѣнія. Это, конечно, не болѣе какъ одинъ примѣръ, но примѣръ поучительный для показанія всей вредности антропоморфическихъ пріемовъ».

Въ своей позднѣйшей статьѣ «Сознаніе, инстинктъ и рефлексъ» (см. «Научное Обозрѣніе», на стр. 10 отдѣльнаго оттиска) пр. Шимкевичъ возвращается къ этому же предмету: «Пр. Бехтеревъ ссылается, со словъ пр. Фаминцына и со словъ Ромеса,—пишетъ пр. Шимкевичъ, на нѣкоторые факты, якобы доказывающіе сознательность движеній простѣйшихъ. Въ одной изъ своихъ статей я имѣлъ случай показать, что пр. Фаминцынъ былъ введенъ въ заблужденіе *старыми, и довольно давно признаваемыми за ошибочныя* *), наблюденіями Бальбіани».

Если бы оба эти замѣчанія оказались вѣрными, то онѣ, конечно, достигли бы своей цѣли—дискредитировать въ глазахъ читателя меня, какъ ученаго, строющаго важный выводъ на единственномъ въ своемъ родѣ фактѣ, оказавшемся ошибочнымъ, а также и проводимый въ рѣчи моей взядъ о сознаніи у простѣйшихъ.

Но по внимательномъ разсмотрѣніи указаній пр. Шимкевича, онѣ оказываются неправильными: въ обоихъ замѣчаніяхъ говорится, будто проводимое мною утвержденіе о сознаніи у простѣйшихъ построено исключительно на наблюденіяхъ Бальбіани касательно *Didinium nasutum* и что, слѣдовательно, если признать эти наблюденія за *старыя и ошибочныя*, то падаетъ и мое утвержденіе.

Это заявленіе не вѣрно; мнѣ не понятно, на какомъ основаніи пр. Шимкевичъ это утверждаетъ, такъ какъ въ моей рѣчи наблюденіе надъ *Didinium nasutum* есть только одно изъ многихъ наблюденій подобнаго же рода надъ рѣсничными инфузоріями. Отчасти онѣ и здѣсь мною приводятся.

Невѣрно и утвержденіе пр. Шимкевича, что доказано Бючли, будто трихоцисты, наблюденные Бальбіани, принадлежатъ туфелькѣ. Въ статьѣ, появившейся позже, чѣмъ *Protozoa* Бючли, пр. Шевяковъ, изъ котораго приведены мною выписки дословно, относительно роли трихоцистъ *Didinium nasutum*, придерживается наблюденій Бальбіани: «У *D. nasutum*, питающагося инфузоріями,» пишетъ пр. Шевяковъ, эти палочки, встрѣчающіяся въ большомъ числѣ, могутъ, по наблюденіямъ Бальбіани, выбрасываться наружу, играя, въ такомъ случаѣ, роль трихоцистъ. Попадая ими въ добычу, онѣ убиваютъ ее, послѣ чего инфузорія проглатывается хищникомъ» и прибавляетъ: «У *D. balbiani* я ничего подобнаго не видѣлъ *вѣроятно потому, что этотъ видъ питается преимущественно водорослями*» **).

Однимъ словомъ, я съ спокойной совѣстью, по прежнему вправѣ признавать сознаніе *у простѣйшихъ*.

Для точнѣйшаго достиженія этой цѣли я буду мѣстами дословно цитировать текстъ пр. Шевякова. Изъ сличенія нижеслѣдующаго текста съ текстомъ моей рѣчи оказывается, какъ всякій можетъ убѣдиться, что разногласіе касается лишь нѣсколькихъ частностей въ отношеніи строенія инфузоріи (Didinium nasutum), точнѣе разслѣдованной пр. Ше-

*) Курсивъ принадлежитъ мнѣ.

**) Курсивомъ слова обозначены мною.

яковымъ,—частностей, не имѣющихъ никакого значенія по отношенію къ проводимому мною воззрѣнію.

Рѣсничныя инфузоріи, всѣ безъ исключенія, весьма малыхъ, микроскопическихъ размѣровъ; тѣло ихъ мягкое, нѣжное и расплывается при самомъ незначительномъ давленіи. По формѣ и очертанію своему рѣсничныя инфузоріи весьма разнообразны: онѣ легко и нерѣдко очень быстро измѣняютъ свою форму подъ вліяніемъ импульсовъ внутреннихъ и внѣшнихъ, но затѣмъ, по минованіи ихъ, возвращаются, по присущей имъ упругости, къ первоначальному виду.

Тѣло рѣсничныхъ инфузорій полое внутри; полость его сообщается съ окружающею средою двумя отверстіями: 1) посредствомъ рта и 2) порошицы, отверстія, служащаго для выбрасыванія кнаружи непригодныхъ остатковъ пищи. Ротъ остается у нѣкоторыхъ формъ постоянно открытымъ; у другихъ же раскрывается лишь въ моментъ принятія пищи. Порошица же раскрывается только во время выбрасыванія непригодныхъ остатковъ пищи изъ тѣла инфузоріи.

Въ тѣлѣ рѣсничныхъ инфузорій отличаютъ два слоя: 1) наружный, уплотненный слой протоплазмы — *эктоплазму* и 2) внутренній, заполняющій большую часть тѣла инфузорій — *энтоплазму*; у нѣкоторыхъ инфузорій отличаютъ еще слой *кортикальной* плазмы, помѣщающійся между экто- и энтоплазмами.

Эктоплазма представляетъ сложное строеніе: 1) поверхность ея покрыта *рѣсничками*, у нѣкоторыхъ инфузорій различной формы и строенія; при посредствѣ ихъ, инфузоріи передвигаются, плаваютъ или бѣгаютъ по подводнымъ предметамъ; кромѣ рѣсничекъ находятся *мерцательныя перепонки*, осязательныя *щетинки*, *щупальцевые отростки*, *шиповидные отростки и крючья*. На рисункахъ таблицы 2-й изображены различные типы рѣсничекъ.

Въ толщѣ эктоплазмы заключены: 1) *мускульныя* волоконца (міонемы); 2) *органы выдѣленія* въ видѣ ритмически сокращающихся вокуолей, выводящіе кнаружи жидкіе конечные продукты обмѣна веществъ; сократительныхъ вокуолей можетъ быть одна или нѣсколько, Т. 2, рис. 19, cv, 20, cv, 24, cv, 26. cv. У Hoplitophrya uncinata, вмѣсто ряда сократительныхъ вокуолей, встрѣчается продольный сократительный каналъ или сосудъ, проходящій отъ передняго до задняго конца тѣла; этотъ каналъ открывается наружу нѣсколькими отверстіями.

3) Въ эктоплазмѣ же образуются *трихоцисты*, особаго строенія палочки, снабженныя крючками; онѣ выбрасываются инфузоріей кнаружи и служатъ органами нападенія и защиты. Онѣ представляютъ остроконечныя палочки (Т. 2, рис. 42, А и Б), разсѣянныя въ очень большомъ количествѣ по эктодермѣ, въ промежуткахъ между ячейками; онѣ поставлены у большинства инфузорій перпендикулярно къ поверхности тѣла; у нѣкоторыхъ инфузорій онѣ развиваются въ большомъ количествѣ и въ полости глотки; при нападеніи на живую пищу, или въ

случаѣ защиты отъ врага, инфузоріи выбрасываютъ ихъ кнаружи въ несмѣтномъ числѣ.

4) *Стрекательные органы.* У *Epistylis Umbellaria* они лежатъ попарно разбросанными въ эктоплазмѣ и расположены параллельно поверхности инфузоріи. Они представляютъ изъ себя бобообразныя капсули, съ длинною, спирально свернутою нитью внутри. При раздраженіи, капсуля лопается и изъ нея выскакиваетъ нить, въ 8—10 разъ превосходящая своею длиною капсулу (Т. 2, рис. 39).

Въ эктоплазмѣ заключены *ядро* (*n* и *N*), весьма различное по формѣ строенію у различныхъ инфузорій и одно *ядрышко* (n^1) или нѣсколько прилегающихъ къ ядру. Т. 2, рис. 19, nn^1, 20, nn^1, 21, nn^1, 24, nn^1, 25, *n*, 31, nn^1, 34, *N*, 35, *N*.

Этимъ не исчерпывается, однако, сложность строенія инфузорій; замѣчательное разнообразіе представляютъ по своему строенію ротъ и глотка, у нѣкоторыхъ инфузорій отличающіеся особенно интересными особенностями. Напр., у *Nassula* Т. 2, рис. 24. Отверстіе рта (о) ведетъ въ не глубокое мѣшкообразное углубленіе, къ которому примыкаетъ глотка, имѣющая видъ болѣе или менѣе длинной трубки; различное по формѣ у разныхъ видовъ рода *Nassula*, глотка является окруженной тонкими, сильно преломляющими свѣтъ палочками, тѣсно связанными между собою и образующими совокупностью своею такъ-называемый *глоточный* или *палочный* аппаратъ. У большинства, палочки расположены по винтовой или спиральной линіи. У *Nassula aurea* аппаратъ этотъ осложненъ тѣмъ, что близъ передняго конца обхваченъ двумя кольцами (Т. 2, рис. 23). См. ниже описаніе сложнаго ротоваго аппарата у хищниковъ: *Didinium, Amphieptus* и *Dileptus*. Сложности строенія рѣсничныхъ инфузорій соотвѣтствуютъ и ихъ жизненныя отправленія: разнообразіе и быстрота движеній, способы нападенія и схватываніе живой добычи, обладающей также быстрымъ движеніемъ и, наконецъ, наблюдаемое у нѣкоторыхъ обнаруженіе сильнаго возбужденія при наступленіи періода коньюгаціи.

Я остановлюсь лишь на двухъ сторонахъ жизни, въ которыхъ жизнедѣятельность обнаруживается съ наибольшею интензивностью: 1) на ловлѣ живой добычи, которая не поддается пассивно, стремясь избѣгнуть грозящей опасности и 2) на процессѣ обновленія, называемомъ коньюгаціей и подходящимъ, хотя и не тождественнымъ, по физіологическому характеру, съ половымъ размноженіемъ высшихъ животныхъ и растительныхъ формъ.

Хищныя инфузоріи добываютъ себѣ пищу весьма разнообразными пріемами. Одни изъ нихъ производятъ рѣсницами, окаймляющими ротъ, сильный водоворотъ въ окружающей жидкости, причемъ ротовое отверстіе во все это время остается раскрытымъ. Съ водою вовлекаются въ ротъ плавающіе въ водѣ мелкіе организмы. Пройдя ротъ и глотку, послѣдніе проникаютъ внутрь тѣла инфузоріи и перевариваются. Примѣрами инфузорій, ловящихъ добычу этимъ способомъ, могутъ служить *трубачъ*

ТАБЛИЦА 2-ая

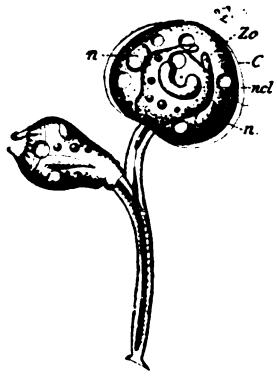


Рис. 37

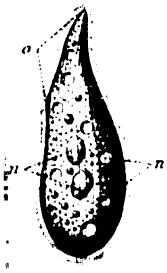
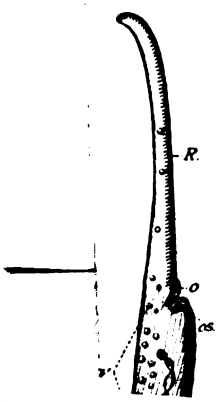
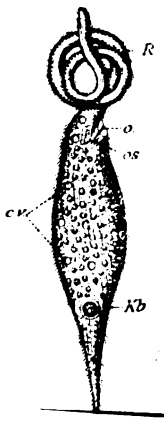


Рис. 38.

Рис. 39.





(Т. 2, рис. 25) и *сувойка* (Т. 2, рис. 30, 31, 32, 33). Для разбираемаго вопроса гораздо интереснѣе хищныя инфузоріи другой категоріи, со ртомъ, открываемымъ лишь въ моменты поглощенія намѣченной добычи. Инфузорій этихъ обозначаютъ характернымъ эпитетомъ: *инфузорій-охотниковъ*. Всѣ онѣ отличаются чрезвычайно быстрымъ и разнообразнымъ передвиженіемъ, главная цѣль котораго состоитъ, повидимому, въ отыскиваніи добычи. Почуявъ ее, инфузорія-охотникъ овладѣваетъ ею различными путями. Въ видѣ примѣровъ я опишу тѣхъ же инфузорій, которыя я выбралъ въ вышеупомянутой рѣчи, но съ тою лишь разницею, что воспользуюсь для этой цѣли цитатами изъ статьи проф. Шевякова.

Didinium. Тѣло цилиндрическое, равномѣрно закругленное на заднемъ концѣ или нѣсколько съуженное; въ послѣднемъ случаѣ напоминаетъ форму наперстока или колокола. Передній конецъ прямо срѣзанъ и переходитъ въ болѣе или менѣе выдающійся конусъ или бугорокъ, закругленный на полюсѣ и снабженный ротовымъ отверстіемъ. Тѣло весьма сократимо и поэтому способно мѣнять свою форму, вслѣдствіе чего задній конецъ можетъ казаться то шире, то уже, а передній конусообразный конецъ можетъ втягиваться и выдвигаться наружу, представляясь то въ видѣ невысокаго конусовиднаго бугорка, то въ видѣ довольно значительнаго хоботка.

Тѣло снабжено однимъ (Т. 2, рис. 34) (*D. balbianii*) или двумя (*D. nasutum*) (Т. 2, рис. 35) вѣнчиками рѣсничекъ. Одинъ вѣнчикъ помѣщается на переднемъ концѣ тѣла, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ цилиндрическое тѣло срѣзано и переходитъ въ конусообразный бугорокъ или хоботъ, другой вѣнчикъ нѣсколько позади средины тѣла. Послѣдній вѣнчикъ встрѣчается только у *D. nasutum* и отсутствуетъ у *D. balbianii*, снабженнаго лишь однимъ переднимъ вѣнчикомъ. Эти вѣнчики состоятъ изъ довольно длинныхъ, расширенныхъ у основанія, заостренныхъ и расщепленныхъ на концѣ, плазматическихъ мерцательныхъ пластинокъ, которыя въ свою очередь, состоятъ изъ приблизительно шести прижатыхъ другъ къ другу и какъ бы склеенныхъ у основанія рѣсничекъ» *).

«Ротовое отверстіе круглое, помѣщается на переднемъ концѣ тѣла, т. е. на вершинѣ конусообразнаго возвышенія или хоботка. Въ обыкновенномъ состояніи ротъ закрытъ и бываетъ едва замѣтенъ; при принятіи пищи онъ можетъ чрезвычайно сильно расширяться, достигая подчасъ діаметра цилиндрическаго тѣла. Ротъ ведетъ, или прямо въ энтоплазму (*D. balbianii*), или же въ болѣе или менѣе короткую, трубчатую и тонкостѣнную *глотку* (*D. nasutum*). Вокругъ ротового отверстія или наружной стѣнки глотки находится пучекъ очень длинныхъ и тонкихъ, сильно преломляющихъ свѣтъ палочекъ, которыя не соединены между собою. Большею частью онѣ идутъ спирально и очень далеко внутрь тѣла; у нѣкоторыхъ экземпляровъ *D. balbianii* палочки бываютъ

*) Шевяковъ, тамъ же, стр. 178—179.

до того длинны, что, дойдя до задняго конца тѣла инфузоріи, снова заворачиваютъ впередъ. Эти палочки расположены совершенно неправильнымъ пучкомъ, расходящимся по направленію къ заднему концу тѣла, такъ что весь пучекъ имѣетъ конусообразную форму. Во время принятія пищи палочки расходятся, пропуская пищу довольно большого размѣра. У *D. nasutum*, питающагося другими инфузоріями, эти палочки, встрѣчаю щіяся въ большомъ числѣ, могутъ, по наблюденіямъ *Balbiani*, выбрасываться наружу, играя, въ такомъ случаѣ, роль трихоцистъ. Попадая ими въ добычу, онѣ убиваютъ ее, послѣ чего инфузорія проглатывается хищникомъ. У *D. balbiani* я ничего подобнаго не видѣлъ (вѣроятно потому что этотъ видъ питается преимущественно водорослями)» *).

Amphileptus (Т. 2, рис. 38) «Тѣло продолговато-цилиндрическое, немного съуженное и равномѣрно закругленное на заднемъ концѣ, или же вытянутое въ хвостообразный придатокъ (*A. carchesii*), снабженный на концѣ небольшимъ углубленіемъ, служащимъ для обхватыванія тонкихъ предметовъ, при прикрѣпленіи къ нимъ. Передній конецъ тѣла съуживается постепенно и бываетъ, или косо срѣзанъ, или же немного перегнутъ на лѣвую сторону тѣла. Передній конецъ тѣла съ боковъ немного сплюснутъ; у нѣкоторыхъ формъ и все тѣло не цилиндрическое, а также нѣсколько сплюснутое съ боковъ».

«Все тѣло покрыто довольно длинными, весьма тонкими и нѣжными рѣсничками, расположенными продольными рядами въ неглубокихъ бороздкахъ. Эти бороздки идутъ меридіонально отъ передняго къ заднему концу».

«Ротовое отверстіе въ видѣ болѣе или менѣе длинной, обыкновенно замкнутой щели, находится на боковой (брюшной) сторонѣ на переднемъ концѣ тѣла. Оно занимаетъ, или весь косой передній конецъ, или же въ видѣ короткой щели лежитъ на брюшной сторонѣ передняго конца. Въ обыкновенномъ состояніи ротъ закрытъ и тогда едва замѣтенъ; во время захвата добычи, онъ сильно расширяется и выступаетъ весьма отчетливо. Глотки нѣтъ» **).

«*Amphileptus* встрѣчается и въ морской и въ прѣсной водѣ. Движенія его не особенно быстры и часто сопровождаются вращеніемъ вокругъ продольной оси».

«*Amphileptus* типичный хищникъ и питается по преимуществу рѣсничными инфузоріями. *A. incarnatus* обыкновенно стремительно набрасывается на добычу, парализуетъ ея движенія выстрѣливаніемъ трихоцистъ, находящихся вблизи его ротового отверстія, и затѣмъ быстро проглатываетъ умерщвленную добычу. При проглатываніи добычи, щелевидный ротъ раскрывается широко и тогда не трудно убѣдиться въ отсутствіи глотки. Другіе виды *Amphileptus* (A. carchesii и A. Cla-

*) Шевяковъ, тамъ же стр. 174 и 180.

**) Шевяковъ, тамъ же, стр. 193—194.

paredii) питаются, почти исключительно, сидящими, колоніальными инфузоріями, отдавая предпочтеніе родамъ: *Carchesium*, *Epistylis* и *Zoothamnium*. Плавая среди древовидныхъ колоній этихъ *Varticellidinae*, прожорливые *Amphileptus* изгибаютъ переднюю часть тѣла въ разныя стороны, какъ бы ощупывая и отыскивая подходящую добычу. Какъ только *Amphileptus* приходитъ въ прикосновеніе съ одной изъ *Varticellidinae*, послѣдняя сокращается, втягиваетъ перистому (т. е. вокругъ рта расположенныя рѣснички) и принимаетъ шарообразную форму. *Amphileptus* прикладывается къ ней своей брюшной стороной, широко раскрываетъ длинный, щелевидный ротъ и сразу обхватываетъ имъ добычу (Т. 2, рис. 37). Проглотивъ пищу, которая часто по своей величинѣ не уступаетъ величинѣ хищника, *Amphileptus* не покидаетъ стебелька, на которомъ сидѣло недѣлимое колоніи, и принимая болѣе или менѣе шарообразную форму, выдѣляетъ на своей поверхности тонкую оболочку, т. е. инцистируется. Въ подобномъ инцистированномъ состояніи *Amphileptus* покойно перевариваетъ проглоченную добычу, чтобы затѣмъ, выйдя изъ цисты, снова продолжать свои опустошительныя нападенія среди недѣлимыхъ колоніи».

Dileptus (Т. 2, рис. 40 и 41). «Тѣло продолговато-цилиндрическое, съуженное и заостренное въ видѣ хвостообразнаго придатка на заднемъ концѣ и вытянутое, въ длинную шею и хоботъ, на переднемъ. Шея, достигающая почти $^2/_5$ длины тѣла, нѣсколько сжата съ боковъ и перегнута на подобіе сабли на спинную сторону. Ротъ помѣщается на брюшной сторонѣ у основанія хобота. Все тѣло покрыто тонкими и относительно недлинными рѣсничками, сидящими на папиллахъ (т. е. бородавочкахъ) въ продольныхъ бороздкахъ. Послѣднія начинаются у задняго полюса и спиральными линіями направляются къ переднему концу».

«*Ротовой аппаратъ* (Т. 2, рис. 40 и 41 (о)) помѣщается на брюшной сторонѣ, у основанія хоботка, и имѣетъ весьма сложное строеніе. Круглое ротовое отверстіе находится въ срединѣ куполообразнаго возвышенія, окайменнаго вздутымъ кольцомъ, поверхность котораго поперечно исчерчена, но поперечныя полоски его отстоятъ рѣже другъ отъ друга, чѣмъ радіальныя куполообразнаго возвышенія. Кольцо, не замкнутое спереди, постепенно съуживается и продолжается въ двѣ узкія, нѣсколько выпуклыя и поперечно полосатыя полоски».

«Ротъ продолжается въ трубчатую, или, вѣрнѣе говоря, воронкообразную глотку, стѣнка которой достигаетъ весьма значительной толщины. Ротовое отверстіе и глотка способны расширяться очень сильно; при принятіи пищи, они до такой степени могутъ расшириться, что края ротового отверстія подступаютъ къ кольцеобразному вздутію, окружающему куполообразное возвышеніе.

Непосредственно надъ этимъ вздутіемъ, т.-е. въ радіальныхъ его

*) Шевяковъ, тамъ же, стр. 143 и 144.

полоскахъ и вокругъ наружной стѣнки глотки, залегаютъ многочисленныя, длинныя, цилиндрическія палочки, образующія въ общей сложности конусообразный палочный аппаратъ и обусловливающія по всѣмъ вѣроятіямъ радіальную штриховатость вздутыхъ колецъ.

«*Dileptus* живетъ на днѣ прѣсныхъ водъ, плавая въ тинѣ посреди водорослей». «Хоботъ служитъ ему, повидимому, для осязанія, такъ какъ при плаваніи онъ безостановочно поворачиваетъ его въ разныя стороны, прикасаясь къ различнымъ лежащимъ на пути предметамъ».

«*Dileptus* весьма прожорливый хищникъ. Онъ питается живыми инфузоріями, захватывая ихъ подчасъ своимъ хоботкомъ и поднося затѣмъ къ ротовому отверстію. При захватѣ пищи, ротъ и глотка широко раскрываются и пропускаютъ добычу весьма значительныхъ размѣровъ *).

Въ заключеніе опишу еще одного изъ самыхъ опасныхъ хищниковъ: *Coleps* Т. 2, рис. 28; рис. 27 (Coleps въ дѣленіи). «Тѣло продолговатояйцевидное, въ общемъ форма тѣла напоминаетъ боченочекъ». «Все тѣло покрыто снаружи особымъ *панцыремъ*, состоящимъ изъ отдѣльныхъ пластинокъ различной формы, расположенныхъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ». «Пластинки не соединены между собою, но, прилегая непосредственно къ поверхности тѣла, болѣе или менѣе тѣсно подходятъ другъ къ другу». «На переднемъ концѣ тѣла встрѣчаются 15 (оральныхъ или ротовыхъ) четырехугольныхъ пластинокъ, расположенныхъ меридіонально и окружающихъ ротовое отверстіе на подобіе рубцовъ».

«Рѣснички расположены продольными рядами и выходятъ наружу чрезъ отверстія, образуемыя выемками пластинокъ панцыря, причемъ въ каждой выемкѣ сидитъ всегда по одной рѣсничкѣ».

Ротовое отверстіе помѣщается на переднемъ концѣ и лежитъ не въ самомъ центрѣ, а нѣсколько сбоку». «Ротъ большой и остается постоянно открытымъ; къ его краю прикрѣпляется вѣнчикъ щетинообразныхъ рѣсничекъ. Ротовое отверстіе ведетъ въ довольно длинную, трубчатую, цилиндрическую *глотку*, доходящую подчасъ до средины тѣла».

«*Coleps* принадлежитъ къ всеяднымъ инфузоріямъ, и питается бактеріями, одно- и многоклѣтными водорослями, и также различными простѣйшими. Животной пищи онъ оказываетъ явное предпочтеніе, и пользуется растительною лишь за неимѣніемъ первой. *Coleps* принадлежитъ къ самымъ типичнымъ и опаснымъ хищникамъ. Будучи защищенъ панцыремъ отъ нападенія другихъ инфузорій и отъ дѣйствія ихъ трихоцистъ, онъ избираетъ себѣ добычу не только изъ маленькихъ инфузорій, но подчасъ и изъ организмовъ, которые разъ въ десять (Stylonychia) превосходятъ его по величинѣ. Онъ набрасывается на живую инфузорію и, если не въ состояніи проглотить ее сразу, впивается переднимъ концомъ въ тѣло добычи, которая тщетно старается

*) *Шевяковъ*, тамъ же, стр. 220—221.

отбиться отъ напавшаго хищника; *Coleps* вскорѣ прогрызаетъ эктоплазму добычи; энтоплазма вытекаетъ наружу и инфузорія быстро умираетъ. *Coleps* жадно накидывается на мертвую добычу и кусокъ за кускомъ пожираетъ ее». *).

Данное мною здѣсь описаніе ловли и пожиранія живой добычи *инфузоріями-охотниками* заимствованное, какъ выше уже было упомянуто, дословно у пр. Шевякова, котораго нельзя заподозрить ни въ пристрастіи къ проводимому мною взгляду, столь сходно, во всемъ наиболѣе существенномъ, съ фактами, приведенными мною въ вышеупомяну той рѣчи, что я могу воспроизвесть дословно сдѣланный въ ней изъ этихъ наблюденій выводъ: «Приведенные здѣсь факты, по моему мнѣнію, свидѣтельствуютъ съ чрезвычайною очевидностью о томъ, что инфузоріи-охотники проявляютъ не только сознаніе присутствія добычи, но и производятъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій, строго координированныхъ и направленныхъ къ достиженію намѣченной цѣли—завладѣнію добычей» **).

Превосходною иллюстраціей нахожденія психики у Protozoa служатъ наблюденія Бальбіани, въ главномъ подтверждаемыя и Бючли. Вотъ что пишетъ Бючли: «Бальбіани обратилъ вниманіе на то, что конъюгація (т.-е. временное сліяніе инфузорій по парамъ, соотвѣтственное половому процессу у остальныхъ животныхъ и растеній) зачинается и сопровождается (спеціально у Paramaecium) совершенно особеннымъ поведеніемъ животныхъ. Отдѣльныя пары въ нѣкоторомъ родѣ играютъ между собою, прикасаются другъ къ другу рѣсничками, плаваютъ нѣкоторое время вмѣстѣ и затѣмъ вновь разъединяются. Эта игра продолжается, пока не наступитъ продолжительное соединеніе двухъ недѣлимыхъ. «Я самъ (пишетъ Бючли) наблюдалъ это неоднократно у *Paramaecium caudatum* т. 2, рис. 29; одинаково описываютъ то же самое О. *Ф. Мюллеръ* и *Глейхенъ*. Наконецъ, плаваніе парами инфузорій не всегда заканчивается дѣйствительнымъ ихъ соединеніемъ; случается, что они разъединяются и сходятся съ другими и съ послѣдними конъюгируютъ. Поэтому можно полагать, что недѣлимыя эти обладаютъ опредѣленною способностью выбора, т. е. только тѣ изъ нихъ конъюгируютъ, у которыхъ располагающія къ конъюгаціи внутреннія условія достаточно сильны».

Способы соединенія инфузорій при конъюгаціи обнаруживаютъ значительное различіе. Не имѣя возможности входить здѣсь въ описаніе этихъ различій и деталей конъюгаціи, я ограничусь замѣчаніемъ, что конъюгацію нѣкоторые приравниваютъ (Гертвигъ) къ половому процессу, преимущественно животныхъ гермафродитовъ. Какъ при половомъ процессѣ, копулирующія инфузоріи обмѣниваются нѣкоторыми

*) Шевяковъ, стр. 166—168.

**) А. *Фаминцынъ*. «О психической жизни простѣйшихъ представителей живыхъ существъ». Прибавленіе къ нумеру шестому «Дневника», стр. 15.

своими частями; но въ то время, какъ слѣдствіемъ половаго акта являются зародыши новаго поколѣнія, при коньюгаціи происходитъ лишь обновленіе коньюгировавшихъ недѣлимыхъ, обрѣтающихъ способность къ дальнѣйшему размноженію дѣленіемъ. У большинства инфузорій, коньюгирующія особи совершенно одинаковы между собою; оплодотвореніе происходитъ обоюдное, какъ у гермафродитовъ; послѣ оплодотворенія особи являются обновленными, и, разъединившись, продолжаютъ жить по прежнему. Коньюгація продолжается нѣсколько часовъ, иногда же до нѣсколькихъ дней. При коньюгаціи, инфузоріи обнаруживаютъ особенное, отличное отъ нормальнаго состояніе; онѣ теряютъ на все это время воспріимчивость къ внѣшнимъ раздраженіямъ. Превосходнымъ примѣромъ можетъ служить *Spirostomum ambiguum*; на рис. (т. 2, рис. 21) онъ изображенъ въ вытянутомъ, на рис. (т. 2, рис. 22) въ сокращенномъ видѣ; въ обыкновенномъ состояніи *Spirostomum* до того чувствителенъ къ внѣшнимъ раздраженіямъ, что отъ малѣйшаго прикосновенія моментально съеживается. Во время же коньюгаціи остается вытянутымъ и недвижимымъ, даже если довольно сильно прикасаться къ нему стальною иглою; по минованіи коньюгаціи, чувствительность возвращается къ нему въ прежней мѣрѣ.

Всѣ выщеприведенные примѣры относятся къ коньюгаціи *частичной* (partielle Conjugation), временной, по минованіи которой коньюгирующія особи разъединяются.

Въ отдѣлѣ же инфузорій *Peritricha* происходитъ при коньюгаціи полное сліяніе индивидуумовъ, и продуктомъ коньюгаціи, является одна особь, происшедшая изъ сліянія двухъ; эту коньюгацію обозначаютъ названіемъ *коньюгаціи полной* или *копуляціей*. При этомъ копулирующія особи могутъ быть, или совершенно сходны, или же различны по величинѣ и формѣ, какъ напримѣръ, у сувойки: *Vorticella nebulifera* Т. 2 рис., 30, 31, 32, 32, 32, рис. 30; нѣсколько сувоекъ съ вытянутыми и сократившимися въ спираль ножками; рис. 32 и 33, рис. 31—сувойка сильнѣе увеличенная—коньюгація маленькой сувойки съ большой; рис. 33—отъ маленькой сувойки, слившейся съ большой, видны лишь оставшіяся наружи пленка съ рѣсничками.

Копуляція этой *Vorticella* представляетъ въ данномъ случаѣ особенный интересъ по проявленію, въ это время, сознательной дѣятельности психики у этой инфузоріи. Наблюденія, надъ ней произведенныя, состоятъ въ слѣдующемъ: на тѣлѣ сувойки, ближе къ нижнему концу, прикрѣпленному къ черешку, появляются маленькія выпуклины, которыя постепенно разростаются въ сувойки, по величинѣ гораздо меньшія нормальной. Наблюдая эти маленькія сувойки, удалось подмѣтить, что онѣ отрываются у основанія и уплываютъ; свободно плавающая маленькая сувойка оказалась, какъ мы сейчасъ увидимъ, играющею роль

*) *Bütschli. Protozoa* Abtheilung 3, p. 1603.

мужского недѣлимаго въ копуляціи сувоекъ. Неоднократно удавалось наблюдать, что подобная маленькая сувойка прикрѣплялась къ бо́льшей (повидимому, женской) сувойкѣ, проникала затѣмъ постепенно внутрь тѣла послѣдней и сливалась съ нею, (Т. 2, рис. 32 и 33), оставляя наружи одну лишь пленку съ рѣсничками. Для насъ, въ настоящемъ случаѣ, представляютъ интересъ лишь пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ маленькая (мужская) сувойка, чтобы достигнуть вышеописаннаго слія́нія. Какъ извѣстно, черешокъ (ножка) сувойки обладаетъ чрезвычайно быстрою подвижностью и сократимостью: по волѣ сувойки черешокъ, или выпрямляется или мгновенно свертывается въ плотно закрученную спираль. (Т. 2, рис. 30).

Вслѣдствіе этого, а также и по присущей тѣлу сувойки способности развертываться, принимая форму колокольчика, или съеживаться въ шаръ, слія́нію маленькой сувойки съ бо́льшою представляются бо́льшія затрудненія. Маленькая сувойка преодолѣваетъ эти трудности слѣдующимъ образомъ: послѣ многократныхъ, неудавшихся попытокъ прикрѣпиться къ быстро подвижной, большой сувойкѣ, маленькая сувойка выпускаетъ изъ себя тончайшую плазматическую нить, свободный конецъ которой плотно пристаетъ къ тѣлу бо́льшой сувойки. Послѣдняя, продолжая свои быстрыя передвиженія, влачитъ за собою маленькую сувойку и перебрасываетъ ее при посредствѣ ея эластическаго шнурка то въ одну, то въ другую сторону; это продолжается до тѣхъ поръ пока маленькой сувойкѣ не удастся улучить удобнаго момента, чтобы прикрѣпиться непосредственно на бо́льшой сувойкѣ; съ этой минуты уже дальнѣйшее слія́ніе сувоекъ обезпечено; содержимое маленькой сувойки оказывается чрезъ нѣкоторое время внутри бо́льшой, между тѣмъ какъ снаружи остается лишь внѣшняя ея оболочка съ рѣсничками рис. 32 и 33.

Посмотримъ, что даютъ приведенные здѣсь факты, и какіе они дозволяютъ или понуждаютъ сдѣлать выводы; другими словами, на сколько они уполномочиваютъ заключеніе о присутствіи психики у простѣйшихъ организмовъ?

На жизненныя проявленія у простѣйшихъ смотрятъ, въ настоящее время, двоякимъ образомъ: одни видятъ въ нихъ лишь безсознательные, чисто механическіе рефлексы; въ глазахъ этихъ ученыхъ, простѣйшіе, не исключая и инфузорій, представляютъ ничто иное, какъ бездушные механизмы, отличающіеся отъ обыкновенныхъ машинъ лишь бо́льшею сложностью строенія. Никакихъ психическихъ актовъ, подобныхъ нашимъ, они не признаютъ; по ихъ мнѣнію, только съ появленіемъ зачатковъ нервной системы пробуждается сознаніе; простѣйшіе же организмы суть лишь переходныя формы отъ мертваго, не живого—къ одушевленному. Они суть зачатки жизни, жизнь *in potentia*, но не самая жизнь. Однимъ изъ главныхъ аргументовъ, приверженцы этого взгляда выставляютъ отсутствіе даже зачатковъ нервной системы у простѣйшихъ. Гдѣ нѣтъ нервной системы, нѣтъ и психики, говорятъ они. Правда, это

мнѣніе ничѣмъ не обосновано, но выставляется многими какъ непогрѣшимый догматъ. Кромѣ того, они, между прочимъ и Бючли, проводятъ мысль, что «если подъ свободой дѣйствій (инфузорій) понимать реакцію на раздраженія посредствомъ сознательныхъ волевыхъ актовъ, то на это не имѣется ни малѣйшаго права. Въ виду того, что даже снабженныя сложно-устроенными центральными нервными аппаратами *Metazoa* часто проявляютъ лишь ничтожные признаки самосознанія, невозможно (по Бючли) допустить мысль о проявленіи чего-либо подобнаго въ простой клѣткѣ *Protozoa*».

Совершенно иного взгляда придерживается другая партія ученыхъ, и мнѣ кажется, что этотъ послѣдній гораздо ближе къ истинѣ и вѣрнѣе предыдущаго. Основой въ оцѣнкѣ жизненныхъ проявленій простѣйшихъ и здѣсь кладется теорія эволюціи, но тѣмъ не менѣе результатъ разслѣдованія получается иной. Приверженцы этого взгляда не принимаютъ, что присутствіе нервной системы есть *conditio sine qua non* для присутствія сознанія; придерживаясь этого воззрѣнія, слѣдовало бы, оставаясь послѣдовательнымъ, отрицать у простѣйшихъ и возможность тѣхъ функцій, для которыхъ не удалось открыть у нихъ соотвѣтственнаго спеціальнаго органа; между тѣмъ никто не сомнѣвается, что всѣ главнѣйшія функціи животной жизни: питаніе, дыханіе, размноженіе и движеніе присущи всѣмъ организмамъ, не исключая и наиболѣе простыхъ изъ простѣйшихъ, каковы, напр., амёбы, бактеріи и сродные съ ними организмы. Для квалификаціи наблюдаемой дѣятельности организма, какъ сознательной, гораздо бо̀льшее значеніе имѣетъ безпристрастное и возможно обстоятельное изученіе жизни организма; и, если оказываются на лицо признаки несомнѣнной разумности, то должно признать ошибочнымъ господствующее убѣжденіе, что гдѣ нѣтъ нервной системы—нѣтъ и сознанія. Нервная система является вѣдь составною, обособленною частью лишь въ организмахъ-колоніяхъ, въ которыхъ одновременно съ нервною тканью вырабатываются и другія ткани, слагающіяся въ опредѣленные органы. Здѣсь появленію органовъ предшествуетъ образованіе многочисленнаго конгломерата клѣтокъ. Ничего подобнаго не наблюдается у Protozoa; соотвѣтствуя клѣткѣ колоніальнаго организма, элементарный, одноклѣтный организмъ, наоборотъ, изъ частей клѣтки строитъ свои органы, достигающіе, какъ мы видѣли, довольно высокой степени диффенцировки у рѣсничныхъ инфузорій; вышеприведенныя безпристрастныя и точныя описанія способовъ ловли живой добычи, разнообразныхъ способовъ передвиженія, а также и полового акта съ достаточною непреложностью свидѣтельствуютъ о присутствіи въ инфузоріяхъ психическаго элемента, зачатка сознанія, дѣлающаго возможнымъ инфузоріямъ ориентироваться въ окружающей средѣ и достигать удовлетворенія ихъ жизненныхъ потребностей.

Въ виду исключительнаго развитія органовъ (органоидовъ), изъ участковъ тѣла элементарнаго организма, особенный интересъ пріі-

обрѣтаетъ обстоятельное изученіе ихъ возникновенія и развитія. Случаи новообразованія органовъ можно наблюдать на половинныхъ недѣлимыхъ, получаемыхъ при размноженіи одноклѣтныхъ организмовъ дѣленіемъ на два новыхъ (т. 2, рис. 27), частью при почкованіи, но всего лучше, хотя и сравнительно весьма рѣдко, при образованіи и развитіи рѣсничныхъ инфузорій изъ цистъ. Имѣются, на сколько мнѣ извѣстно, лишь наблюденія Румблера надъ развитіемъ инфузоріи *Colpoda cucullus* (см. рис. 3).

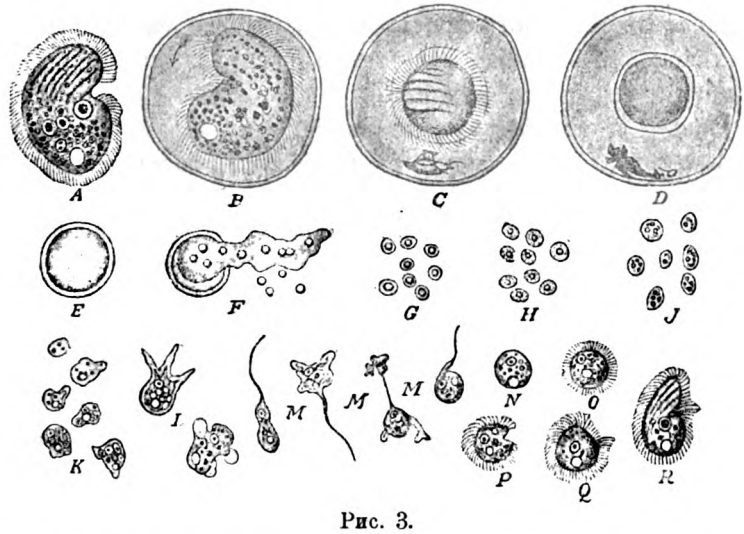


Рис. 3.

Это маленькая инфузорія, очертаніемъ напоминаетъ бобъ (*A*) и покрыта по всей поверхности рѣсничками. Въ извѣстную стадію развитія она высачиваетъ вокругъ себя стекловидную, шарообразную перепонку (*B*), среди которой, постепенно съеживаясь превращается въ центрально расположенный шарикъ, окружающійся со временемъ другою оболочкою, плотно къ нему прилегающею (*D*). Чрезъ нѣкоторый періодъ времени содержимое этого шарика прорываетъ оболочку, распадается на большое число мелкихъ, тоже шаровидныхъ отдѣльностей— молодыхъ особей этой инфузоріи *E*, *F*, *G*. Разъединившіеся шарики, измѣняя свой контуръ выпусканіемъ и втягиваніемъ появляющихся отроговъ, представляютъ, слѣдовательно, маленькія амёбы (*K*), которыя и двигаются и питаются на манеръ типичныхъ амёбъ. Затѣмъ каждое изъ нихъ образуетъ по рѣсничкѣ и принимаетъ форму монады (*M*); послѣ этого изъ каждой получается вновь шарикъ *N*, но уже значительно бо́льшій первоначальнаго; шарикъ этотъ покрывается на поверхности рѣсничками (*O*) и, разростаясь, постепенно принимаетъ какъ форму, такъ и строеніе *Colpoda cucullus* (*O*, *P*, *Q*, *R*), отличаясь отъ послѣдней лишь въ первое время своимъ сравнительно меньшимъ размѣромъ.

Обстоятельныхъ же изслѣдованій надъ образовательными процес-

сами, при возникновеніи органовъ различныхъ инфузорій, къ сожалѣнію, пока вовсе не имѣется.

Итоги всего изложеннаго въ настоящей главѣ, сводятся къ слѣдующему:

1) Человѣкъ съ его психикой и организаціей развился, по теоріи эволюціи, изъ низшихъ живыхъ существъ путемъ постепеннаго совершенствованія; по ближайшимъ разслѣдованіямъ, высшіе животные организмы, наиболѣе сложные по строенію, оказались несравненно болѣе развитыми психически, чѣмъ прежде предполагали, и, кромѣ того, не чуждыми альтруизму, хотя проявленіе послѣдняго, соразмѣрно съ менѣе совершенною организаціею животныхъ, удалось наблюдать лишь въ сравнительно немногихъ случаяхъ.

2) Первое положеніе подтверждается, какъ выше было уже упомянуто цѣлымъ рядомъ доводовъ; въ особенности разслѣдованіемъ строенія нервной системы въ связи съ развитіемъ психики, какъ въ филогенетическомъ ряду, такъ и въ различные періоды жизни индивидуума.

3) Мы видѣли, что по имѣющимся наблюденіямъ и опытамъ присутствіе психики у простѣйшихъ (одноклѣтныхъ) можетъ считаться доказаннымъ.

Въ заключеніе главы я нѣсколько остановлюсь еще на разсмотрѣніи господствующихъ воззрѣній на процессы, вызывающіе и обусловливающіе эволюцію органическихъ формъ какъ животнаго, такъ и растительнаго царства. Всѣ согласны въ томъ, что процессы эти одинаковы въ обоихъ царствахъ, но истолковываютъ ихъ въ весьма различномъ смыслѣ. Преобладаетъ между естествоиспытателями признаніе теоріи эволюціи Дарвина, и многими въ настоящее время считается вреднымъ сектантствомъ не соглашаться съ нею. Борьба за существованіе, понимаемая въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и обусловленный ею естественный подборъ признаются если не единственными, то главнѣйшими факторами эволюціи организмовъ. При этомъ активное участіе организма въ процессѣ эволюціи хотя и допускается, но лишь въ очень немногихъ случаяхъ, напр., въ половомъ подборѣ.

Совершенно иной взглядъ на процессъ эволюціи принадлежитъ геніальному создателю эволюціоннаго ученія, Ламарку, не только высказавшему, но и обосновавшему его въ рядѣ своихъ трудовъ, преимущественно въ «Philosophie Zoologique», изданной въ 1809 году. Двумя нижеслѣдующими, установленными Ламаркомъ, законами исчерпываются важнѣйшіе факторы и элементы его теоріи эволюціи:

1) Первый законъ. *Въ каждомъ животномъ, не достигшемъ еще предѣла своего развитія, постоянное и усиленное употребленіе какого-нибудь органа способствуетъ укрѣпленію этого послѣдняго, его развитію, увеличенію и усиленію, пропорціонально продолжительности упражненія; наоборотъ, недостатокъ упражненія ведетъ къ ослабленію органа,*

поврежденію его частей, притупленію его способностей и, наконецъ, совершенному его уничтоженію.

2) Второй законъ. *Всѣ особенности, пріобрѣтенныя и утраченныя индивидуумами подъ вліяніемъ окружающихъ условій, дѣйствовавшихъ на нихъ въ теченіе продолжительнаго времени, т. е. подъ вліяніемъ усиленнаго упражненія однихъ органовъ и, наоборотъ, недостаточнаго упражненія другихъ,—всѣ эти пріобрѣтенія и потери, при размноженіи, передаются новымъ поколѣніямъ и, такимъ образомъ, сохраняются природой въ томъ случаѣ, если эти измѣненія общи обоимъ половымъ, а именно тѣмъ особямъ, которыя оставляютъ послѣ себя потомство.*

Не только въ то время, когда Ламаркъ писалъ эти знаменательныя строки, но и около пятидесяти лѣтъ послѣ этого, законы Ламарка или вовсе игнорировались, или же возбуждали лишь насмѣшливые и непріязненные отзывы.

Не придавалъ большого значенія главнѣйшему труду Ламарка «Philosophie Zoologique» и Дарвинъ. Тѣмъ не менѣе, однако, съ появленіемъ книги Дарвина «О происхожденіи видовъ» возобновляется вліяніе Ламарка, постепенно возрастающее вплоть до настоящей минуты. Многіе среди естествоиспытателей занялись обоснованіемъ теоріи Ламарка на данныхъ современной науки. Не имѣя возможности дольше останавливаться на этомъ предметѣ (*), я ограничусь лишь замѣчаніемъ, что, на основаніи всего вышеизложеннаго въ предыдущихъ главахъ, въ особенности же выясненнаго въ четвертой главѣ ученія о внушеніи и самовнушеніи, пріобрѣтаютъ особенный интересъ слѣдующія слова Ламарка: «Уже довольно давно подмѣчено вліяніе того или другого склада организаціи на нашъ характеръ, склонности, дѣйствія и даже мысли, но, мнѣ кажется, что пока никто не указалъ вліянія нашихъ дѣйствій и привычекъ на организацію». Оставляя въ сторонѣ неправильное, по моему мнѣнію, сведеніе Ламаркомъ нашихъ дѣйствій и привычекъ всецѣло на условія, насъ окружающія, я хочу только выставить, въ возможно яркомъ свѣтѣ, какъ понимаетъ Ламаркъ вліяніе этихъ условій на форму и организацію животныхъ; онъ положительно отрицаетъ возможность непосредственнаго ихъ вліянія на форму и организацію животныхъ, въ смыслѣ какихъ бы то ни было измѣненій. Серьезныя измѣненія условій влекутъ за собою, по Ламарку, значительныя измѣненія потребностей, а эти, въ свою очередь, непремѣнно вносятъ измѣненія въ дѣйствія. Слѣдовательно, если новыя потребности существуютъ долгое время и становятся постоянными, то въ животныхъ образуются новыя *привычки*, не менѣе прочныя, чѣмъ вызвавшія ихъ потребности. «Въ результатѣ явится предпочтительное употребленіе

---

*) См. по этому предмету статьи: *Пр. Холодковскаго*—«Старый и новый ламаркизмъ». «Сѣверный Вѣстникъ».

В. В. Половцовъ. «Ламаркъ и его ученіе».

той или другой части тѣла взамѣнъ остальныхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совершенное прекращеніе употребленія части тѣла, ставшей ненужной». Сходство во взглядѣ Ламарка относительно вліянія потребностей и привычекъ, характера, склонностей, дѣйствій и даже мыслей, т. е. психики на организацію, слѣдовательно, и на филогенетическое развитіе, съ проводимымъ мною воззрѣніемъ, выступаетъ очень рельефно, въ одномъ особенно пунктѣ, именно: въ признаніи активнаго участія психики, какъ въ филогенесизѣ, такъ и въ формованіи окончательной организаціи животныхъ и человѣка.

Ламаркъ старался подтвердить, многими примѣрами, эти положенія, которыя онъ разсматривалъ «не какъ гипотезу или частное мнѣніе, а истины, требующія лишь вниманія и наблюденія фактовъ для того, чтобы быть принятыми, какъ очевидныя». Примѣры эти однако, допускающіе во многихъ случаяхъ весьма различныя толкованія, не оправдали его надеждъ. Ни современники, ни послѣдующіе наблюдатели не удовлетворились ими, хотя нѣкоторые изъ нихъ и приняты самимъ Дарвиномъ, въ смыслѣ и значеніи, приданными имъ Ламаркомъ, напр., потеря зрѣнія, при атрофіи глазъ у животныхъ обитающихъ глубокія, лишенныя свѣта пещеры.

Принятіе или непринятіе теоріи Ламарка наитѣснѣйшимъ образомъ связано съ вопросомъ: передаются ли изъ поколѣнія въ поколѣніе пріобрѣтенныя индивидуумомъ, во время его жизни, особенности строенія тѣла, возникающія подъ вліяніемъ образа его жизни и главнѣйшихъ его занятій, и если передаются, то въ какой степени? По этому вопросу появилось много разслѣдованій въ послѣднее время, но удовлетворительно рѣшить его еще не удалось. Одни ученые утверждаютъ, что достигнутыя упражненіями видоизмѣненія организаціи (гипертрофія органа или его болѣе или менѣе полная атрофія) наслѣдуются потомствомъ, между тѣмъ какъ другіе (Вейсманъ) рѣшаютъ этотъ вопросъ въ смыслѣ отрицательномъ. По личному моему усмотрѣнію, Вейсману, не смотря на множество опубликованныхъ имъ по этому предмету работъ, не удалось доказать своего положенія. Нельзя не признать, что прекрасно исполненное имъ критическое разслѣдованіе имѣющихся въ литературѣ указаній относительно передачи ближайшему поколѣнію шрамовъ и поврежденныхъ членовъ, у кошекъ и собакъ—отрубленныхъ хвостовъ, показало, что подобныя данныя не имѣютъ серьезнаго научнаго значенія. Въ виду того, что зародышъ образуется чрезъ сліяніе половыхъ клѣтокъ, мужской и женской, Вейсманъ совершенно справедливо заключаетъ, что только присущія этимъ клѣткамъ особенности могутъ быть переданы ближайшему потомству; это положеніе и мнѣ кажется неоспоримымъ. Но мнѣ представляется совершенно неправильнымъ и непозволительнымъ, на основаніи однихъ лишь теоретическихъ соображеній, отрицать измѣненія въ половыхъ клѣткахъ, подъ вліяніемъ измѣненій въ организаціи недѣлимаго, вызванныхъ различіемъ въ степени упражненія

различныхъ его органовъ. Мнѣ, напротивъ того, это представляется, на основаніи всего вышеприведеннаго, въ высшей степени вѣроятнымъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь, какъ и въ другихъ раньше разобранныхъ мною вопросахъ, рѣшающимъ долженъ явиться опытъ. Въ превосходномъ сочиненіи о наслѣдственности: *Y. Delage* «Sur L'hérédité» (1895) (878 стр.), въ которомъ тщательно собраны всѣ относящіеся сюда факты. Делажъ заканчиваетъ главу объ интересующемъ насъ вопросѣ касательно передачи видоизмѣненій, пріобрѣтенныхъ упражненій словами: «*не доказано экспериментальнымъ путемъ, что признаки, пріобрѣтенные упражненіемъ или отсутствіемъ его, унаслѣдовались потомствомъ; но также не доказано, чтобы они никогда не передавались*» (стр. 216).

Подождемъ же фактическаго рѣшенія этого вопроса, оставляя однако за собою право: пока только *предполагать*, что онъ рѣшится въ смыслѣ утвердительномъ.

На основаніи всего вышесказаннаго я заканчиваю главу слѣдующими положеніями:

1) Теорія эволюціи организмовъ, хотя еще и не доказанная опытнымъ путемъ, въ высшей степени вѣроятна. Признаніе ея за основу біологическихъ розысканій уже принесло громадную пользу науки.

2) Необходимо признать, кромѣ механическихъ, физическихъ и химическихъ процессовъ, и психическіе, и признать за послѣдними большое вліяніе какъ на функціи, такъ и на строеніе тѣла животныхъ и человѣка.

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(THE CHRISTIAN).

Романъ Холль Кэна.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

КНИГА II.

Монастырь.

(*Продолженіе* *).

X.

У Малой заставы, канунъ новаго года.

Ура! ура!

Я нынче чувствую себя, какъ дрожжи, закупоренныя въ бутылкѣ, которыя такъ и подмываетъ выскочить наружу; поэтому, я благодарю свою звѣзду за то, что у меня дома есть трое старыхъ младенцевъ, которымъ я обязана все разсказывать. Такъ слушайте же, слушайте, ради Бога! Да будетъ вамъ извѣстно, что въ Лондонѣ есть джентльменъ, предсказывающій Глори блестящее будущее. Его имя Сефтонъ и познакомилась я съ нимъ черезъ трехъ дамъ—я зову ихъ тремя граціями,—съ которыми я, въ свою очередь, познакомилась благодаря тому, что поселилась здѣсь. Это настоящій старый грибъ, съ бѣлой лысой головой; если вѣрить всему, что говорятъ о немъ три вышеупомянутыхъ леди, надо думать, что онъ изъ тѣхъ людей, которые грѣшатъ не болѣе двухъ разъ въ годъ, а именно: все время до Рождества и все время послѣ него. Но достойныя леди сами принадлежатъ къ тѣмъ святымъ женщинамъ, которыя готовы очернить даже дьявола, еслибъ имъ это понадобилось, и, хотя волосокъ, на которомъ виситъ честь моего гриба, не толще серединнаго разрѣза въ семгѣ, тѣмъ не менѣе Глори, какъ порядочный человѣкъ, считаетъ долгомъ вѣрить въ нее.

Вся штука въ моемъ голосѣ. Онъ услыхалъ его случайно, въ то время, какъ я мурлыкала себѣ подъ носъ, и попросилъ дать ему воз-

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

можность послушать меня еще разъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы удобнѣе было судить о немъ. Это мѣсто оказалось театромъ,—да, серьезно, театромъ; но все это происходило въ полдень и въ театрѣ никого не было, кромѣ насъ и двухъ полотеровъ, такъ что тетѣ Аннѣ пугаться нечего. Впрочемъ, виновата, былъ еще дирижеръ оркестра, который сѣлъ за рояль, чтобы аккомпанировать мнѣ.

Боже милостивый! были вы когда-нибудь въ театрѣ днемъ? Ну, разумѣется, не были. Ахъ, вы, милые мои! Онъ имѣетъ совершенно такой видъ, какъ міръ до сотворенія міра —нѣчто безформенное, хаотическое мракъ и пустота. Нигдѣ ни одного луча свѣта, за исключеніемъ какого-то суррогата его, который, крадучись, скользитъ по корридорамъ, выглядываетъ изъ полуоткрытыхъ дверей и мерцаетъ въ гробовомъ мракѣ, какъ сонные глаза чудовищъ, которые, бывало, такъ пугали меня въ пещерахъ Гобъ-ней-Дегана,—помните, когда я играла въ разбойники?

Меня оставили одну на сценѣ; у ногъ моихъ, или, какъ здѣсь говорятъ, у рампы, горѣло пять, шесть лампочекъ; свѣтъ билъ мнѣ прямо въ глаза; когда піанистъ заигралъ, а я запѣла, мнѣ показалось, что голосъ мой раздается въ тоннелѣ, и это привело меня въ такое нервное состояніе, что я вынуждена была засмѣяться. Моя невидимая публика, кажется, осталась этимъ недовольна и рѣшила, что я «обрѣзалась»; поэтому я сказала: «прибавьте свѣта», и бысть свѣтъ, и еще: «пусть рояль не мѣшаетъ»—и это было исполнено. Тогда я набралась храбрости и спѣла имъ одну изъ маминыхъ французскихъ пѣсенокъ; послѣ перваго же куплета я крикнула режиссеру: «Вы слышите меня?» и тотъ отозвался: «Продолжайте, великолѣпно!» Потомъ я спѣла «*Mylecharaine*» на нашемъ мэнскомъ нарѣчіи и, должно быть, все время жестикулировала. Только что я успѣла замѣтить, что мой голосъ въ этой огромной залѣ нѣсколько меньше обыкновеннаго похожъ на шарманку, какъ вдругъ поднялся страшный шумъ, точно девятый валъ ударился о прибрежные валуны; это моя милая публика неистово апплодировала мнѣ, не жалѣя рукъ!

Ахъ, милые мои, милые! Еслибъ вы только знали, сколько недѣль подъ-рядъ я мучилась и тосковала, говоря себѣ, что если на меня никто не обращаетъ вниманія, такъ это потому, что я и не стою ничего, вы простили бы своей дѣвочкѣ ея тщеславное восклицаніе: «Дочь моя, итакъ, ты—нѣкто! Да, да, да!» Чудная была минута! Когда старый грибъ вошелъ на сцену, говоря: «Что за голосъ! Сколько выраженія, темперамента!»—я, кажется, накинулась на его лысую голову и поцѣловала ее; говорить я не могла, потому что слезы сдавили мнѣ горло. Я испытывала, вѣроятно, то же, что та методистка, которая угостила водкой членовъ училищнаго совѣта, когда тѣ выдали ей въ награду часы, и велѣла репортерамъ написать, что она отвѣтила, какъ слѣдуетъ.

Сегодня канунъ Новаго года; скоро девять мѣсяцевъ, какъ я въ Лондонѣ.

Кто-то будетъ въ этомъ году вашимъ *квальтафомъ* *)?. Въ прошломъ первымъ къ намъ пришелъ Джонъ Стормъ,—помните? — весь въ снѣгу и притворился нищимъ; а дѣдушка какъ разъ въ это время читалъ намъ о добромъ Пастырѣ и о томъ, какъ Онъ любилъ своихъ овецъ; и вдругъ, я смотрю—это Джонъ Стормъ. Вотъ потѣха-то была!

Сегодня я ослѣпительна, ибо надѣла новую шляпку, а до сихъ поръ носила на головѣ нѣчто ужасное, одно изъ тѣхъ маленькихъ чудовищъ, которыя возсѣдаютъ у васъ на макушкѣ, какъ курица на скирдѣ хлѣба. Зато теперь на мнѣ перья принца Уэльскаго, и еслибъ онъ самъ увидалъ меня въ нихъ....

P. S. Отъ Джона Сторма до сихъ поръ ни звука. Онъ, кажется, и думать о насъ забылъ — обо мнѣ, по крайней мѣрѣ; я такъ думаю, что онъ окончательно смирился и произнесъ обѣтъ монашества. Это, конечно, особый видъ религіи, но, признаться, для меня лично непонятный; если собаку приковать къ стѣнѣ, такъ и та, я думаю, взбѣсится. Ночью, лежа въ постели, я иногда думаю о немъ, представляю себѣ темную келью, безъ мебели, скамью вмѣсто кровати, распятіе и его, на колѣняхъ, молящагося, дрожа всѣмъ тѣломъ и стуча зубами.... Нѣтъ, это мнѣ не по росту: слишкомъ высоко; не достать!.

XI.

Въ тотъ же вечеръ, въ одиннадцать часовъ, когда Глори уже надѣла плащъ и шляпку, чтобы идти домой, къ двери уборной подошелъ мальчикъ и сообщилъ, что ее желаетъ видѣть режиссеръ. У Глори на мигъ захватило дыханіе; потомъ всѣ струны ея сердца напряглись, и она, вслѣдъ за мальчикомъ, пошла въ режиссерскую. Это была пыльная комната надъ ложей привратника, загроможденная разными бутафорскими принадлежностями; къ ней вела желѣзная винтовая лѣстница.

— Войдите, душенька,—сказалъ режиссеръ и, отодвинувъ въ сторону нѣсколько декорацій, очистилъ для нея мѣсто на софѣ, стоявшей у камина, гдѣ догорали дрова. Затѣмъ, онъ затворилъ дверь, кивнулъ головой, подмигнулъ обоими глазами и фамильярнымъ шепотомъ выговорилъ:

— Дѣло на мази, душенька. Я все устроилъ.

— Вы хотите сказать...—начала Глори и запнулась на половинѣ.

— Дѣло, все равно, что сдѣлано. Присядьте, душенька.—Въ волненіи Глори вскочила съ мѣста. — Присядьте, и я вамъ все разскажу по порядку.

Онъ говорилъ съ дирекціей. «Господа, — сказалъ онъ, — сдается мнѣ, что я напалъ на талантъ». Всѣ стали смѣяться. Онъ вѣчно от-

*) *Qualtaph* — на мэнскомъ нарѣчіи, первый гость въ Новый годъ.

капываетъ таланты. Но такъ какъ всѣмъ извѣстно, что онъ свое дѣло знаетъ, ему дали *carte - blanche*.

— Вы думаете... вы въ самомъ дѣлѣ считаете возможнымъ, что...— снова начала Глори и снова у нея сперлось дыханіе въ груди; сердце ея колотилось, горло давила спазма.

— Сядьте, миленькая, сядьте, и выслушайте меня.

Онъ заговорилъ сладко, льстиво, вкрадчиво, задушевно. Пусть она все предоставитъ ему. Разумѣется, впереди еще много труда. Голосъ у нея чудный, лучше всякой музыки. И стиль есть; удивительно, какъ она могла выработать себѣ стиль. Простая камеристка, даже въ хорѣ не была!.. Настоящій самородокъ! Ей еще многому надо научиться, прежде чѣмъ выступать; надо хорошенько вымуштровать ее. Да это вздоръ. Трудился онъ для другихъ, потрудится и для нея, и если...

У Глори блестѣли глаза, а сердце стучало, какъ барабанъ.

— Такъ вы думаете, что впослѣдствіи, если, усердно работать, можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ...

— Самой вамъ ничего не добиться, душенька, предоставьте это мнѣ; положитесь всецѣло на меня и пока никому ни слова.

Ахъ! Сны начинали сбываться на яву; Глори едва вѣрила своимъ ушамъ. Режиссеръ сталъ еще ласковѣе, еще убѣдительнѣе и вкрадчивѣе. Если только она окажется понятливой, онъ доставитъ ей ангажементъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ,—десять фунтовъ въ недѣлю, пятнадцать, двадцать, двадцать пять, можетъ быть даже пятьдесятъ.

У Глори сердце стучало до боли, и на самомъ днѣ его шевелилось нѣчто въ родѣ стрѣлы: очень ужъ внезапно привалило счастье: можетъ быть, судьба случайно ошиблась, сейчасъ ошибка откроется, и все опять станетъ по старому. Чтобъ успокоить свою совѣсть, она стала думать о домѣ и о томъ, какими счастливыми она сдѣлаетъ всѣхъ своихъ милыхъ, если Богъ дѣйствительно пошлетъ ей счастье. Они ни въ чемъ не будутъ нуждаться, забудутъ, что такое бѣдность; черные дни минуютъ навсегда.

Между тѣмъ режиссеръ продолжалъ рисовать соблазнительныя картины. Ужъ если онъ возьмется за ея дѣло, нищенствовать ей не придется. Знаетъ она С.? что у нея за прошлое? самое темное: гдѣ-то въ табачной лавкѣ за прилавкомъ стояла, а теперь-то!..

— И вѣдь я не изъ корысти буду вамъ служить, душенька. Тутъ моей выгоды никакой нѣтъ. Найдется куча охотниковъ переманить васъ отъ меня, стоитъ вамъ только составить себѣ имя.

Глори горячо пробормотала какое-то возраженіе и опять ушла въ свои грезы.

— Ладно, ладно; тамъ видно будетъ.

Режиссеръ глядѣлъ на неё маслянными глазами.

— А знаете-ли, душенька, вѣдь вы очень хорошенькая!

Глори сидѣла, опустивъ головку; лицо ея пылало, она вертѣла вокругъ пальца жемчужное колечко своей матери. Режиссеръ вообразилъ, что его похвалы вскружили ей голову, и, придвинувшись ближе, продолжалъ:

— И фигура у васъ для сцены отличная. А? Да вы не конфузьтесь, это вѣдь дѣловой разговоръ. Меня нечего стыдиться, дружочекъ. И потомъ, разъ я все устрою для васъ, должны же и вы сдѣлать что-нибудь для меня.

Она почти не слыхала его словъ. Ея глаза, блестящіе, устремленные вдаль, какъ будто любовались какимъ-то чуднымъ видѣніемъ.

— Вы такъ добры, — выговорила она. — Я не знаю, что сказать, какъ благодарить васъ....

— Вотъ какъ, — шепнулъ онъ, пригнулся къ ней, приподнялъ ея лицо за подбородокъ и поцѣловалъ.

Хрупкія мечты о счастьѣ, славѣ и величіи мгновенно разсѣялись; Глори пробудилась къ сознанію дѣйствительности съ чувствомъ нестерпимаго стыда и обиды. Похвалы этого человѣка были лестью, его блестящіе предсказанія — пустымъ предлогомъ; онъ вовсе не думалъ того, что говорилъ, а она была такъ глупа, что всему повѣрила.

— Охъ!—вырвалось у нея, слабымъ дѣтскимъ стономъ, словно у человѣка, раненаго въ битвѣ. Она встала и повернулась, чтобы идти. Но режиссеръ, потный, раскраснѣвшійся, съ громкимъ смѣхомъ всталъ между нею и дверью.

— Дитя мое, неужели же вы... Такая бездѣлица...

— Отворите, пожалуйста, дверь,—хрипло выговорила Глори.

— Но вѣдь не хотите же вы... Въ нашей профессіи такимъ пустякамъ не придаютъ значенія.

— Сэръ, отворите дверь!

— Послушайте! Даю вамъ слово....

Она пришла въ себя уже на улицѣ, было темно; грязный твердый снѣгъ скрипѣлъ у нея подъ ногами; дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ; Глори бѣжала бѣгомъ, плача, какъ обиженный ребенокъ.

Горше всего была уничтожающая увѣренность въ томъ, что у нея нѣтъ никакого таланта, никакихъ шансовъ на успѣхъ, что этотъ человѣкъ сулилъ ей успѣхъ только для того, чтобы обмануть ее. О, какое несчастье быть женщиной! Какъ жестокъ этотъ огромный, блестящій, ужасный городъ, гдѣ дѣвушка, если она бѣдна и одинока, можетъ жить, только торгуя своей красотой.

Чувствуя себя побѣжденной и разбитой въ своей отчаянной борьбѣ за жизнь, чувствуя, что женская слабость беретъ верхъ надъ отвагой, хотя въ душѣ ея еще теплилась, Богъ вѣсть почему, искра надежды, Глори направилась къ госпиталю. Было больше одиннадцати часовъ; когда она поднялась на крыльцо, часы на Большомъ Бенѣ пробили ровно половину двѣнадцатаго. Она заглянула въ каморку швейцара, дѣлая надъ собой всевозможныя усилія, чтобы улыбнуться.

— Нѣтъ ли мнѣ писемъ, швейцаръ?

— Покамѣсть не было, миссъ.

— Нѣтъ? Ну чтожъ, зато и отвѣчать не надо. Тѣмъ лучше. Желаю вамъ счастливаго новаго года.

Но въ ея смѣхѣ прозвучало рыданіе, и это не ускользнуло отъ швейцара.

— Мнѣ жаль было бы не видать больше вашего личика, сидѣлка,— сказалъ онъ,—но еслибъ вы оставили свой адресъ, я бы вамъ посылалъ письма на домъ, чтобъ избавить васъ отъ такихъ позднихъ прогулокъ.

— О нѣтъ, не надо; писемъ больше не будетъ, швейцаръ, и... и я не стану больше приходить за ними. Вотъ, возьмите.

— Нѣтъ, нѣтъ, миссъ.

— Да, да, вы должны взять!

Она насильно сунула ему въ руку шиллингъ, не смотря на его сопротивленіе, и поскорѣе убѣжала, чтобъ не видать его лица, которое, казалось, говорило, что онъ охотно далъ бы ей шесть пенсовъ сдачи.

Джонъ Стормъ потерянъ для нея навсегда. Глупо было ожидать отъ него вѣстей. Вѣдь онъ сказалъ, что уставъ ихъ братства запрещаетъ писать и получать письма иначе, какъ съ особаго разрѣшенія. А она все ждала; ей казалось, что-то должно случиться, неожиданность, чудо, — она сама не знала, что. Теперь мечта разбита; она осталась совсѣмъ одна, къ чему обманывать себя дольше?

Она пошла домой закоулками, избѣгая людей, потому что прохожіе заглядывали ей въ лицо: можетъ быть, она плакала, сама того не сознавая. Часъ былъ поздній; но, такъ какъ это былъ канунъ новаго года, на разукрашенныхъ флагами улицахъ толпился народъ, по угламъ стояли группы; тамъ маленькія дѣвочки танцовали подъ звуки шарманки, здѣсь вертѣлись огненныя колеса.

Глори дошла до малой заставы; изъ лавочки доносился смѣхъ, мужскіе и женскіе голоса; она повернула обратно и черезъ Линкольнсъ-Иннъ-Фильдсъ прошла въ Флитъ-стритъ. Время близилось къ двѣнадцати; оживленіе на улицахъ все росло; народъ толпой валилъ къ собору св. Павла. Глори тоже свернула въ ту сторону и смѣшалась съ толпой, отдавшись на волю этого живого потока, шумнаго и говорливаго, какъ рѣка ночью.

Впереди ея шли въ рядъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, фабричныхъ работницъ, въ огромныхъ шляпахъ со страусовыми перьями. Они шли подъ руку, занимая весь тротуаръ, развязной, небрежной походкой, и пѣли гимны Арміи Спасенія, въ перемежку съ шансонетками. Вдругъ вся компанія залилась визгливымъ смѣхомъ, и одна изъ дѣвушекъ вскричала: «Скажите мнѣ, что это такое и я назову его по имени». Черезъ минуту мимо нихъ прошла, широко шагая, странная фигура — человѣкъ въ монашеской одеждѣ, въ длинной черной рясѣ и широкополой шляпѣ. Глори успѣла разсмотрѣть его лицо, — исхудалое, тре-

вожное, съ огромными тоскующими глазами; ей показалось, что она гдѣ-то видѣла его раньше. Вѣтеръ былъ страшно рѣзкій; по небу неслись тучи, и на фонѣ ихъ, словно спасительный маякъ, горѣлъ большой крестъ соборной колокольни.

Церковь была окружена радостной, шумной толпой; до послѣдней минуты не смолкали шутки, смѣхъ и веселые возгласы. И вдругъ, все стихло; толпа, какъ одинъ человѣкъ, притаила дыханіе; всѣ взоры устремились на часы. Ударъ за ударомъ, часы пробили двѣнадцать; на соборной колокольнѣ поднялся трезвонъ; люди оживленно поздравляли другъ друга, пожимали руки сосѣдямъ; еще мигъ—и толпа стала рѣдѣть.

Глори готова была плакать отъ радости: это было такъ просто, такъ человѣчно, такъ по-дѣтски. Но, прислушавшись къ смѣху и взаимнымъ привѣтствіямъ окружающихъ, она почувствовала себя «болѣе одинокой, чѣмъ бедуинъ въ пустынѣ». Она вспомнила, какими обманчивыми надеждами тѣшила себя весь этотъ день, и упала духомъ; вспомнила о письмѣ къ роднымъ, опущенномъ ею въ ящикъ по дорогѣ въ театръ, и двѣ крупныхъ слезы скатились изъ глазъ ея.

Передъ ней неотступно стояло лицо монаха; вдругъ она сообразила, кому можетъ принадлежать это лицо. Должно быть это братъ Полли Лёвъ, тотъ самый, что лежалъ у нихъ въ госпиталѣ. Онъ тоже въ Бишопсгэтскомъ братствѣ; можетъ быть, его послали съ какимъ-нибудь неотложнымъ порученіемъ...—къ доктору, или къ...

— Какъ это глупо было не оставить швейцару своего адреса,—подумала Глори.—Надо сейчасъ вернуться и сказать... Тутъ вѣдь нѣтъ ничего дурного, и если дѣйствительно что-нибудь случилось, если Джонъ...

— Съ новымъ годомъ, милочка! Съ новымъ счастьемъ!

Кто-то заступилъ ей дорогу. То была Агата Джонсъ, въ жакетѣ изъ поддѣльнаго котика и огромной черной шляпѣ съ черными же перьями; рядомъ съ ней, тяжело навалившись на ея руку, стоялъ Чарли Уилксъ; его миніатюрная шапочка была сдвинута на затылокъ, такъ что напомаженный хохолъ и прыщавый лобъ открывались во всей красѣ.

— Вотъ чудеса! Кто бы могъ ожидать встрѣтить васъ здѣсь!

Глори заставила себя засмѣяться и отвѣтить поздравленіемъ, но говоръ толпы и звонъ колоколовъ заглушали ея голосъ. Агги пригнулась къ самому ея лицу, какъ дѣлаютъ женщины, привыкшія разговаривать въ толпѣ, и сказала:

— А я ужъ было и не чаяла встрѣтиться съ вами. Вы давеча такъ внезапно исчезли. Какъ же вы теперь. Въ другомъ мѣстѣ продаете афиши?

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ.

— А я бросила. Я ужъ недѣли двѣ, какъ ушла. Чарли ввелъ меня въ клубы. Слушай, голубчикъ,—повернулась она вдругъ къ Чарли,—вотъ кому слѣдовало бы выступить, честное слово!

— Она мнѣ вами всѣ уши протрубила,—вставилъ Чарли;—увѣряетъ, что дай вамъ только ходъ, такъ вы самое Бетти Бельманъ за поясъ заткнете.

Агги же прибавила:

— Я могу вамъ доставить дебютъ, когда хотите, въ любое воскресенье. Всякій разъ кто-нибудь не придетъ, и они рады лишнему человѣку; стоитъ вамъ сорвать два-три хлопка,—и дѣло въ шляпѣ. Вы домой идете, голубчикъ?

— Да.

— А гдѣ же вы живете?

Глори сказала.

— Я зайду за вами въ воскресенье вечеромъ, въ восемь часовъ, и если вы не воспользуетесь такимъ благопріятнымъ случаемъ, вы, значитъ, глупѣе, чѣмъ я о васъ думала. Спокойной ночи!

XII.

Каждое утро, въ половинѣ шестаго, отецъ настоятель самъ будилъ всѣхъ братьевъ. Онъ былъ старъ и немощенъ и, чтобы обойти все зданіе, ему нужно было, по крайней мѣрѣ, четверть часа. За это время Джонъ Стормъ разсчитывалъ впустить брата Павла и повѣсить ключъ на мѣсто. Чтобъ не потерять ни минуты изъ этого короткаго промежутка времени, Джонъ Стормъ рѣшилъ не спать всю ночь.

Въ половинѣ шестаго отецъ настоятель вышелъ изъ своей кельи и сталъ медленно подыматься по лѣстницамъ; Джонъ Стормъ выбѣжалъ на дворъ и отперъ калитку. Въ морозномъ воздухѣ уже чувствовалось приближеніе утра, хотя было еще совсѣмъ темно.

— Павелъ!—шепотомъ позвалъ онъ; отвѣта не было.

— Братъ Павелъ!—шепнулъ онъ снова и снова подождалъ, но никто не откликнулся.

Онъ не сразу сообразилъ всю страшную важность случившагося; братъ Павелъ не вернулся и надо возвратиться въ домъ безъ него. Джонъ продолжалъ потихоньку окликать его въ темнотѣ, пока не вспомнилъ, что отецъ настоятель скоро вернется въ свою келью и станетъ искать ключа.

Очутившись въ передней, онъ началъ упрекать себя за свою поспѣшность и рѣшилъ еще разъ сбѣгать къ калиткѣ. Времени хватитъ, отецъ настоятель еще далеко; его «*Benedicamus Domino!*» переходитъ изъ одного корридора въ другой, а братъ Павелъ, можетъ быть, уже возлѣ дома!

— Павелъ! Павелъ!—позвалъ онъ снова, пріотворилъ калитку и выглянулъ. На улицѣ никаго не было, кромѣ пьянаго парня и дѣвушки, подъ ручку, съ пѣснями возвращавшихся домой среди мертвой тишины новогодняго утра.

Тутъ только онъ понялъ... Истина поразила его какъ громомъ, и онъ бѣгомъ поспѣшилъ назадъ. Отецъ настоятель уже спускался съ лѣстницы, уже дошелъ до первой площадки. Джонъ схватилъ съ кровати книгу, пролежавшую тутъ всю ночь, и прокрался въ келью отца настоятеля. Выходя, онъ на порогѣ столкнулся лицомъ къ лицу съ хозяиномъ кельи

— Я принесъ книгу, которую вы дали мнѣ,—сказалъ онъ и хотѣлъ было поскорѣе уйти, чтобы скрыть свой стыдъ, но отецъ настоятель удержалъ его и шутливо сталъ ему выговаривать. Урывать часы отъ ночного отдыха не всегда значитъ беречь время; его опухшіе глаза—доказательство справедливости старой поговорки. А впрочемъ, когда въ рукахъ *такая* книга, не удивительно, что человѣкъ торопится прочесть ее. Интересно знать, какъ она понравилась Джону, что онъ думаетъ о ней? Онъ пока еще не можетъ сказать опредѣленно? Это тоже не удивительно. Кто-то сказалъ, что великая книга все равно, что высокая гора: пока стоишь близко, вершины не видно.

Двоедушіе Джона душило его. Онъ все время отводилъ глаза въ сторону, избѣгая взгляда настоятеля, онъ утратилъ способность смотрѣть прямо въ лицо кому бы то ни было, и все время видѣлъ ключъ отъ калитки, еще болтавшійся на крюкѣ, на который его повѣсили дрожащіе пальцы Джона. Наконецъ ему удалось ускользнуть; отецъ настоятель попросилъ его ударить въ колоколъ къ утренѣ; собственно говоря, это была обязанность брата Эндрью, но онъ, очевидно, проспалъ.

Джонъ дернулъ за веревку, потомъ взялъ съ полки въ швейцарской свою лампочку и пошелъ въ церковь зажигать свѣчи, что также было дѣломъ брата Эндрью. Проходя черезъ дворъ обратно въ домъ, онъ встрѣтился съ отцомъ настоятелемъ; тотъ шелъ отворять калитку.

— Постой! Гдѣ же твоя шляпа?—спросилъ старикъ, и Джонъ въ первый разъ припомнилъ, что онъ сдѣлалъ съ своей шляпой.

— Я ее одолжилъ... т. е. я хотѣлъ сказать: потерялъ,—отвѣтилъ онъ и все время не подымалъ глазъ отъ земли, пока отецъ настоятель выговаривалъ ему за безпечность, небрежное отношеніе къ своему здоровью и т. под.

Обыкновенно бываетъ такъ, что когда происходитъ что-нибудь чрезвычайно важное и серьезное, тутъ же, рядомъ, выйдетъ какая-нибудь смѣшная случайность; такова ужъ иронія судьбы. На этотъ разъ, когда монахи собрались въ церковь, три мѣста оказались пустыми—брата Павла, брата Эндрью и отца казначея. Только что началась служба, какъ колоколъ загудѣлъ снова и громче прежняго; монахи порѣшили, что это братъ Эндрью возсталъ отъ сна и, вспомнивъ, что онъ не исполнилъ своего долга, съ угрызеніемъ въ сердцѣ, поднялъ трезвонъ.

Они ошибались: звонилъ отецъ казначей. Молчаливый и строгій

старикъ, часто корившій брата Эндрью за сонливость, въ это утро самъ поддался той же слабости. Пробудившись немного спустя послѣ шести, онъ взглянулъ на часы, висѣвшіе надъ его кроватью и подумалъ: «Этотъ лѣнтяй опять проспалъ: ну, погоди же, вотъ я проучу тебя!» Онъ вскочилъ на ноги (монахи спятъ не раздѣваясь), бросился къ колоколу и принялся съ яростью дергать за веревку, потомъ схватилъ факелъ, спички и поспѣшилъ въ церковь зажигать свѣчи. Когда онъ появился въ дверяхъ ризницы, съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ и смущеньемъ въ лицѣ, братія поняли все съ перваго взгляда, и, несмотря на торжественность службы, многіе не могли удержаться отъ смѣха.

Этотъ вздорный случай отвлекъ, однако же, вниманіе монаховъ, такъ что они не замѣтили отсутствія Павла; когда же, по возвращеніи въ домъ, оказалось, что братъ Эндрью вернулся на свое мѣсто у входной двери, смѣхъ возобновился; слышались даже невинныя шутки.

Монахъ—настоящее дитя: какого - нибудь пустяка, случившагося утромъ, достаточно, чтобы привести его на цѣлый день въ то или другое настроеніе духа; до самаго завтрака братія потѣшалась надъ неудачей, постигшей отца казначея. Въ столовой снова оказалось пустое мѣсто,—мѣсто брата Павла, и отецъ настоятель первый замѣтилъ это. Шутливо подмигнувъ остальнымъ, онъ сказалъ:

— Плохо сегодня ведетъ себя мое стадо. Двѣ заблудшихъ овечки уже вернулись домой, поджавъ хвостики. Не пойдетъ ли кто поискать третью?

Джонъ Стормъ поспѣшилъ встать, но братъ Эндрью предупредилъ его; онъ снова опустился на мѣсто и началъ ѣсть, съ трудомъ заставляя себя; щеки его совсѣмъ побѣлѣли, губы дрожали.

Дежурный чтецъ прочелъ полагавшійся на этотъ день отрывокъ изъ Писанія и перешелъ къ свѣтской книгѣ, которую братья по очереди читали вслухъ за обѣдомъ. То была «Жизнь и смерть отца Игнатія Сентъ-Поля»; въ этотъ день какъ разъ выпала глава, гдѣ приводилось нѣсколько забавныхъ примѣровъ тщеславія и слабостей человѣческихъ; словно, злой духъ нарочно подсунулъ ее, чтобы напомнить о происшествіяхъ этого утра. При каждомъ новомъ анекдотѣ отецъ казначей ерзалъ на стулѣ, а братія поглядывали на него искоса и смѣялись съ оттѣнкомъ лукавства, чтобъ не сказать злорадства.

Джонъ не сводилъ глазъ съ двери; сердце его все время тревожно билось, но посланный не возвращался; по окончаніи завтрака отецъ настоятель, не дожидаясь его, всталъ и направился въ общую комнату, а за нимъ и вся братія.

Въ огромномъ каминѣ пылали дрова; вся комната повеселѣла, потому что на дворѣ свѣтило солнце, сверкая блестками на опушенныхъ инеемъ вѣтвяхъ сикоморы. Утро было чудное, настоящее праздничное; отецъ настоятель началъ разсказывать разныя подходящія къ случаю

исторіи. Среди общаго смѣха, вызваннаго ими, вернулся бѣлецъ и объявилъ, что брата Павла нигдѣ нѣтъ, хотя онъ искалъ его по всему дому.

— Это странно,—заговорили монахи.

— Можетъ быть, онъ у себя въ кельѣ,—высказалъ предположеніе настоятель.

— Нѣтъ, тамъ его нѣтъ, и постель не смята; онъ, должно быть, и не ложился.

— Это кое-что объясняетъ мнѣ,—сказалъ настоятель. — Давеча утромъ, какъ я постучалъ къ нему въ дверь, мнѣ показалось, что онъ не отвѣтилъ; но мои глаза и уши теперь уже плохо мнѣ служатъ, и я подумалъ, что можетъ быть...

— Это очень странно!—повторяли монахи, удивленно переглядываясь.

— Можетъ быть, онъ всю ночь пробылъ въ церкви на молитвѣ,— сказалъ настоятель.

— Или, по крайней мѣрѣ, его шляпа,—замѣтилъ одинъ изъ братьевъ.—И шляпа и лампочка до сихъ поръ тамъ, на скамьѣ.

На мигъ воцарилось молчаніе, потомъ отецъ настоятель съ улыбкой началъ:

—Вы, дѣти, такіе потѣшные въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Не далѣе, какъ сегодня утромъ, мнѣ пришлось сдѣлать выговоръ брату Сторму за то, что онъ потерялъ свою шляпу, и вотъ теперь братъ Павелъ...—Инстинктивно, сами не зная хорошенько, почему, всѣ монахи повернулись къ Джону; онъ стоялъ у окна въ нишѣ и смотрѣлъ на солнце; лицо его было страшно блѣдно.

Джонъ заговорилъ первый.

— Отецъ, я имѣю нѣчто сообщить вамъ.

— Иди сюда,—сказалъ настоятель, и они вмѣстѣ вышли изъ комнаты.

Настоятель ввелъ его въ свою келью и заперъ за собой дверь. Исповѣдываться почти не пришлось: отецъ настоятель сразу самъ обо всемъ догадался. Онъ сѣлъ въ свое плетеное кресло, стоявшее у огня, и, покачиваясь, горько сѣтовалъ:

— Гнѣвъ Божій поражаетъ дѣтей неповиновенія, но мы должны смиренно нести заслуженную кару.

Джонъ Стормъ не оправдывался. Онъ сталъ передъ настоятелемъ и разсказалъ все по порядку, безъ страха и сожалѣній, утаивъ только то, что относилось къ нему лично и къ Глори.

— Такъ, такъ,—говорилъ настоятель;—я отлично понимаю, какъ это все вышло. Онъ былъ, какъ трутъ, готовый вспыхнуть при первой искрѣ, а ты думалъ, что я поступилъ съ нимъ сурово, жестоко и безчеловѣчно.

Это была правда; Джонъ не могъ отрицать ее; онъ понурилъ голову и замолчалъ.

— Сказать ли тебѣ, почему я отказалъ этому бѣдному юношѣ въ

его просьбѣ? Сказать ли тебѣ, кто онъ таковъ и почему поселился здѣсь? Да, я скажу. До сихъ поръ я никому этого не говорилъ, его тайна была извѣстна только мнѣ, да Господу Богу, хотя онъ повѣрилъ мнѣ ее не на исповѣди, иначе она умерла бы со мной. Но ты всталъ между нами, такъ узнай же всю правду. Молю Бога, чтобъ онъ сжалился надъ тобой и простилъ тебя и помогъ нести это тяжкое бремя!

Джонъ чувствовалъ, что холодный потъ выступаетъ у него на лбу; тѣмъ не менѣе, онъ крѣпко сжалъ влажныя руки и приготовился слушать.

— Говорилъ онъ съ тобой о другой своей сестрѣ?

— Да, онъ иногда упоминалъ о ней.

— Извѣстно тебѣ, какая печальная и трагическая участь постигла ее?

— Нѣтъ,—сказалъ Джонъ, но вдругъ нѣчто слышанное имъ въ госпиталѣ пришло ему на память и ошеломило его ужасомъ.

— Отецъ Павла,—продолжалъ настоятель, — приходился мнѣ родственникомъ; онъ былъ однимъ изъ свѣтскихъ членовъ-соревнователей нашего братства. Но постепенно здоровье его ослабѣло, дѣла разстроились и онъ умеръ въ сумасшедшемъ домѣ, оставивъ троихъ дѣтей на попеченіе друга. Этотъ другъ слылъ человѣкомъ достойнымъ, даже благочестивымъ, а оказался предателемъ и мошенникомъ. Младшую сестру онъ отдалъ въ сиротскій домъ, старшую—обманулъ и погубилъ. Соблазненная дѣвушка вела потомъ позорную жизнь, скитаясь по улицамъ Лондона, и кончила самоубійствомъ.

Джонъ Стормъ прижалъ одну руку къ головѣ, какъ будто черепъ его готовъ былъ разлетѣться въ куски, другой схватился за кресло отца настоятеля.

— Это уже само по себѣ худо, но самое худшее впереди. Къ этому времени нашъ бѣдный Павелъ сдѣлался взрослымъ мужчиной, и діаволъ внушилъ ему мысль отомстить за бесчестье сестры. «Пролетитъ вихрь, и не станетъ нечестивыхъ». Соблазнитель былъ найденъ мертвымъ въ своей комнатѣ; убійцу найти не могли. Его убилъ братъ Павелъ.

Джонъ Стормъ упалъ на колѣни. Еслибъ самъ адъ разверзся у его ногъ, онъ не былъ бы болѣе пораженъ. Внѣ себя отъ ужаса, сдавленнымъ голосомъ онъ пробормоталъ:

— Почему же вы не сказали мнѣ этого раньше? Зачѣмъ было скрывать?

— Страсти, сынъ мой, въ монастырѣ тѣ же, что и въ міру. Я имѣлъ слишкомъ много основаній бояться, что и самые чистые и святые изъ нашихъ братьевъ откажутся ѣсть и пить и спать подъ одной кровлей съ убійцей. Бѣднякъ прибѣжалъ ко мнѣ, какъ затравленный звѣрь; кто я, чтобъ отвернуться отъ него? Раньше онъ скитался по улицамъ, ночевалъ на открытомъ воздухѣ, въ садахъ и паркахъ,—ему все представлялось, что за нимъ слѣдитъ полиція; тамъ онъ и нажилъ себѣ болѣзнь легкихъ, отъ которой страдаетъ до сихъ поръ. Что мнѣ

было дѣлать? Отдать его въ руки правосудія? Я принялъ его въ свой домъ, пріютилъ его, сдѣлалъ членомъ нашей общины; прости мнѣ, Господи!—я самъ страдалъ, принимая отъ него священный обѣтъ. Мое дѣло было успокоить его истомленное тѣло; дѣло церкви—излѣчить его больную душу; что же до преступленія его, оно было предано въ руцѣ Божіи, и Богъ одинъ могъ судить виновнаго.

Старикъ всталъ и, при послѣднихъ словахъ, поднялъ руку къ небу.

— Теперь ты знаешь, почему я отказалъ бѣдному мальчику въ его просьбѣ. Я любилъ его, какъ сына, но ни тѣлесная болѣзнь его, ни душевная его немощь не могли поколебать строгаго устава, которому я подчинилъ его. Я зналъ, что діаволъ тянетъ его къ себѣ, и не хотѣлъ отпустить его на страданья и искушенія, которыя злой духъ уготовилъ ему въ мірѣ. Но нѣсть конца кознямъ лукаваго! Онъ ухитрился-таки найти слабое мѣсто въ моей бронѣ: онъ нашелъ тебя, сынъ мой,—тебя! Онъ искушалъ тебя всей твоей любовью, нѣжностью, жалостью; и ты впалъ въ искушеніе, и вотъ послѣдствія.

Старикъ всплеснулъ руками, прижалъ ихъ къ груди и зашагалъ по маленькой комнаткѣ.

— Міряне и такъ ополчились на монашескія обители, а если теперь еще случится что-нибудь, если будетъ совершено преступленіе, если нашъ несчастный братъ, въ одеждѣ нашего ордена...

Онъ остановился, осѣнилъ себя крестомъ и, поднявъ глаза къ небу, прошепталъ дрожащимъ голосомъ: «На кого возложу упованіе мое, если не на Тебя, Богъ и Господь мой! Плоть моя ослабѣла и духъ изнемогъ, но Богъ твердыня надежды моей, на Него уповаю и не постыжуся во вѣки!»

Джонъ поднялся на ноги, шатаясь, какъ пьяный.

— Отецъ,—сказалъ онъ,—прогоните меня. Я не достоинъ жить съ вами.

Отецъ настоятель положилъ руки ему на плечи.

— Мнѣ ли спустить флагъ, сложить оружіе передъ врагомъ? Единственное средство побѣдить діавола, это—презирать его силу. Нѣтъ, нѣтъ, сынъ мой; ты останешься со мной до конца.

— Такъ накажите меня. Назначьте мнѣ кару, эпитимію. Поставьте меня низшимъ между низкими, послѣднимъ изъ всѣхъ и всѣмъ слугой. Скажите мнѣ только, что мнѣ дѣлать, и я все исполню.

— Вернись на свое мѣсто у двери и будь снова нашимъ привратникомъ.

Джонъ, онѣмѣвъ отъ изумленія, глядѣлъ на отца настоятеля.

— Я думалъ, что твой искусъ оконченъ, сынъ мой, но, видно, я ошибался. И еще, обѣщай мнѣ, вернувшись, молиться о нашемъ бѣдномъ братѣ: чтобъ Господь не допустилъ его исполнить то, зачѣмъ ты послалъ его; чтобъ онъ не нашелъ своей сестры и никого, кто знаетъ ее и можетъ сказать, гдѣ она и что съ нею сталось; чтобъ

до самаго смертнаго часа своего онъ не столкнулся съ ней на жизненной стезѣ; обѣщай мнѣ молиться объ этомъ, сынъ мой, днемъ и ночью, утромъ и вечеромъ, всей душой и всей силой твоей, какъ молишься о милости Божіей и о спасеніи души своей.

Джонъ не отвѣчалъ; онъ точно остолбенѣлъ.

— Возможно ли это?— выговорилъ онъ наконецъ.— Вы посылаете меня обратно къ двери? Вы еще можете вѣрить мнѣ?

Отецъ настоятель подошелъ къ кровати и снялъ съ крюка ключъ отъ калитки.

— Возьми и ключъ этотъ съ собою. На будущее время ты будешь сторожить и калитку.

Джонъ машинально взялъ ключъ, почти не слыша, что ему говорятъ.

— Такъ это правда? Вы еще вѣрите мнѣ?

Настоятель снова положилъ ему руки на плечи и заглянулъ въ его лицо.

— Богъ имѣетъ довѣріе къ тебѣ, дитя мое; кто же я, чтобы отчаяваться?

Вернувшись къ двери, Джонъ долго не могъ опомниться отъ изумленія. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ лишь смутно сознавалъ, что происходило вокругъ него.

Атмосфера была пропитана электричествомъ; выходили монахи, иногда по нѣскольку заразъ, разспрашивая его о побѣгѣ, шушукались между собой, какъ бы о поступкѣ мужественномъ, чуть не подвигѣ, наполнявшемъ трепетомъ ихъ сердца. По временамъ приходилъ братъ Эндрью, садился на скамью возлѣ Джона и, поглаживая его руку, по обыкновенію тихо и какъ-то безцѣльно разсказывалъ о своей матери и о томъ, какъ онъ видѣлся съ ней въ послѣдній разъ.—«Она бѣжала за мной по улицѣ,—бѣжала и плакала; съ тѣхъ поръ я часто вспоминалъ это, и мнѣ такъ хотѣлось уйти». Все это Джонъ видѣлъ точно во снѣ. Сознавалъ онъ также, что собака все время была съ нимъ, лизала его окоченѣвшія руки и тыкалась холоднымъ носомъ въ его опущенную голову.

Все это время онъ автоматически и какъ будто безсознательно исполнялъ свои обязанности: отворялъ и затворялъ дверь, когда уходили братья, посланные къ мертвымъ и умирающимъ, и говорилъ: «Хвала Господу!» когда кто-нибудь чужой стучался снаружи.

Глава XIII.

Звѣзды уже побѣднѣли, но еще не разсвѣло, когда въ дверь постучали. Джонъ вздрогнулъ и прислушался. Нѣсколько времени спустя стукъ повторился. Стучали робко, неувѣренно, какъ будто кончиками пальцевъ и внизу двери.

— Слава Богу! — вскричалъ Джонъ, отодвигая ставень рѣшетчатаго оконца. Онъ ожидалъ увидѣть передъ собой лицо брата Павла, но не увидалъ ничего.

— Кто тамъ? — спросилъ онъ.

Отвѣта не было.

Онъ снялъ лампочку, горѣвшую въ швейцарской, и, свѣтя себѣ черезъ перекладины окошечка, сталъ вглядываться въ темноту. Ничего не было видно, кромѣ морознаго тумана, подымавшагося съ земли.

— Должно быть, мнѣ опять пригрезилось, — подумалъ Джонъ и хотѣлъ было уже задвинуть ставень, какъ вдругъ до него донесся вздохъ, казалось, выходившій изъ земли, и въ то же мгновеніе собака глухо залаяла. Джонъ налегъ на ручку двери и быстро распахнулъ ее. У ногъ его, скорчившись и пригнувшись къ самой землѣ, стояла на колѣняхъ человѣческая фигура.

— Павелъ! — окликнулъ онъ взволнованнымъ шепотомъ.

Братъ Павелъ поднялъ голову.

— Господи! какой онъ жалкій! — подумалъ Джонъ, помогая ему встать и войти. Члены несчастнаго окоченѣли отъ холода; онъ былъ такъ слабъ, что споткнулся, переступая черезъ порогъ.

— Ну, слава Богу! вы вернулись, значитъ ничего дурного не случилось!—сказалъ Джонъ.—А какъ мы тревожились! Вамъ не слѣдуетъ больше выходить, никогда! Подите сюда, голубчикъ! Сядьте!

Блуждающій взоръ остановился на немъ съ мольбой.

— Простите меня, братъ Стормъ...

Джонъ и слушать не хотѣлъ.

— Полноте, голубчикъ! что мнѣ вамъ прощать? Какъ вы озябли! Руки какъ ледъ. Чѣмъ бы мнѣ васъ согрѣть? Огня теперь нигдѣ уже нѣтъ, даже въ кухнѣ. Ага, погодите! я васъ сейчасъ разотру. Я вѣдь сильный. У меня еще много горячей крови. Теперь вамъ лучше, не правда ли? Чешется? Это ничего, такъ и надо. Теперь ноги давайте; ноги еще холоднѣе рукъ.

— Нѣтъ, братъ Стормъ, не надо. Мнѣ слѣдуетъ цѣловать ноги вамъ и всѣмъ въ домѣ и просить всѣхъ молиться за меня, а вы...

— Тссе! Какой вздоръ! Дайте, я сниму съ васъ сапогъ. Боже, какъ онъ прилипъ къ ногѣ! Да вы совсѣмъ изорвали его,—посмотрите! Какое счастье, что снѣгъ твердый! Будь теперь оттепель — бѣда!.. Какъ вы, должно быть, далеко зашли!

— Да, братъ Стормъ, далеко.

— Разскажите мнѣ все по порядку. Мнѣ все надо знать, каждую мелочь.

— Разсказывать нечего. Мнѣ не удалось, вотъ и все.

Джонъ, стоявшій на колѣняхъ, отшатнулся назадъ и взглянулъ на него.

— Вы хотите сказать... Значитъ, вы не видали вашей сестры?

— Нѣтъ, она ушла изъ госпиталя, и никто не знаетъ, гдѣ она.

— Ну, что-жъ, это, можетъ быть, и къ лучшему. Божья воля!.. Еслибъ вы нашли её,—кто знаетъ?—вамъ могло бы придти искушеніе... Да вы разскажите все подробно.

— Я не могу... я такъ слабъ... да и не стоитъ...

— Но мнѣ нужно знать все, нужно, необходимо. Смотрите, какъ я вамъ хорошо растеръ ноги; онѣ теперь совсѣмъ теплыя. Я часто пощусь и оттого худъ, но во мнѣ еще много жизни. И я всю ее перелилъ въ васъ,—правда, вѣдь? Это потому, что я хочу васъ оживить, чтобы вы собрались съ духомъ и все мнѣ сказали. Тссс! Говорите тише; не будите другихъ! Нашли вы госпиталь?

— Да.

— Такъ значитъ сидѣлка Квэйль перестала видѣться съ ней? Какая жалость, что она, бѣдняжка, пошла на такую жизнь! Ни друзей, ни будущаго...

— Не въ томъ дѣло, братъ Стормъ...

— Такъ въ чемъ же?

— Той сидѣлки тамъ не было.

Наступило молчаніе; затѣмъ Джонъ сказалъ измѣнившимся голосомъ:

— Она, должно быть, въ отпуску. Какъ глупо съ моей стороны: я объ этомъ и не подумалъ. Два раза въ годъ каждой сидѣлкѣ дается отпускъ на недѣлю, и безъ сомнѣнія...

— Она просто переѣхала.

— Переѣхала? Вы хотите сказать: оставила госпиталь?

— Да,

— Ну что-жъ,—голосъ Джона звучалъ совсѣмъ хрипло,—и этому нечего удивляться. Живой веселой дѣвушкѣ трудно уживаться съ такими строгими порядками. Но швейцаръ—онъ человѣкъ шелковый,—онъ долженъ былъ сообщить вамъ, куда она переѣхала.

— Я спрашивалъ его; онъ не знаетъ. Онъ сказалъ только, что она ушла изъ госпиталя утромъ въ день лорда-мэра.

— Т. е. 9-го ноября, въ тотъ день, какъ мы произнесли свои обѣты.

Снова наступило молчаніе. Большіе темные глаза разсѣянно блуждали по сторонамъ.

— Впрочемъ, что жъ мудренаго: вѣдь онъ только швейцаръ. Вы, конечно, спросили надзирательницу?

— Да; я думалъ, что она, можетъ быть, знаетъ, что сталось съ моей сестрой. Но она ничего не знаетъ. Что касается сидѣлки Квэйль, она тоже была уволена, и никто не могъ ничего сообщить мнѣ о ней.

Джонъ сидѣлъ рядомъ съ Павломъ и дрожалъ такъ, что подъ нимъ тряслась скамья.

— Это совсѣмъ похоже на неё,—выговорилъ онъ хрипло.—Надзирательница всегда была жестокая женщина. И подумать, что въ этомъ огромномъ домѣ любви и милосердія никто...

— Я забылъ прибавить...

— Что такое?

— Швейцаръ сказалъ мнѣ, что сидѣлка Квэйль иногда заходитъ за письмами. Она заходила какъ разъ въ тотъ вечеръ, на полчаса раньше меня.

— И вы пошли за ней, да? Вы узнали, въ какую сторону она пошла, и поспѣшили за ней?

— Да; но полчаса въ Лондонѣ все равно, что недѣля въ другомъ мѣстѣ. Стоитъ человѣку перейти черезъ улицу—и кончено: вамъ труднѣе различить его, чѣмъ корабль въ бурю на морѣ. А тутъ еще канунъ Новаго года; на улицахъ толпа, женщинъ тысячи... Что жъ я могъ сдѣлать? — заключилъ онъ безпомощно.

— Что вы могли сдѣлать?—гнѣвно вскричалъ Джонъ. — Вы спрашиваете меня, что вы могли сдѣлать?

— Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Я обошелъ бы всѣ улицы въ Лондонѣ и заглядывалъ бы въ лицо каждой встрѣчной женщинѣ, пока не нашелъ бы ее. Я искалъ бы, пока у меня не остались бы отъ сапогъ однѣ стельки, а отъ меня самого кожа да кости, и тогда только вернулся бы домой ползкомъ, какъ улитка съ разбитымъ домикомъ на головѣ.

— Не будьте такъ строги ко мнѣ, братъ, тѣмъ болѣе теперь, когда я приползъ домой именно какъ улитка, и разбитъ душой. Я чувствовалъ себя очень усталымъ и больнымъ и сдѣлалъ все, что могъ. Будь я силенъ, какъ вы, будь у меня больше характера, я, можетъ быть, боролся бы долѣе! Но я все же ходилъ по улицамъ и заглядывалъ въ лицо женщинамъ. Если она ведетъ ту жизнь, о какой вы говорите, она, должно быть, была между ними, но Богъ не попустилъ меня найти ее. Зачѣмъ это такъ вышло! зачѣмъ мои поиски оказались безплодными! Можетъ быть, вначалѣ у меня и были дурныя мысли,— что мнѣ таиться передъ вами: теперь ужъ все равно!—но кланусь вамъ Тѣмъ, Кто умеръ за насъ, что подъ конецъ у меня было только одно желаніе — найти сестру, чтобы спасти ее. Но я такое жалкое, безпомощное существо и....

Джонъ обнялъ его одной рукой.

— Прости меня, братъ. Я съ ума сошелъ. Говорить съ тобой такъ мнѣ, который послалъ тебя на розыски въ эту ужасную ночь, а самъ остался дома!.. Ты сдѣлалъ все, что могъ...

— Вы серьезно такъ думаете?

— Да; только мнѣ показалось на минуту, что мы помѣнялись ролями, что это я потерялъ сестру и пошелъ искать ее, и отказался отъ поисковъ слишкомъ скоро, и вернулся домой съ пустыми руками, ничего не добившись, упавъ духомъ и...

Павелъ глядѣлъ на него во всѣ глаза; лицо его выражало безграничное удивленіе.

— Такъ вы серьезно думаете, что я сдѣлалъ все, чтобы найти ее,—я хочу сказать сидѣлку?

Но Джонъ уже отвернулся отъ него и не отвѣтилъ. Павелъ хотѣлъ что-нибудь сказать, чѣмъ-нибудь утѣшить его, но не находилъ словъ. Наконецъ, онъ пробормоталъ прерывающимся голосомъ.

— Намъ нужно держаться другъ друга; теперь насъ двое въ одной лодкѣ.

Онъ ощупью нашелъ руку Джона и сжалъ ее въ своихъ. Съ минуту оба сидѣли, поникнувъ головами, словно при видѣ призрака, прошедшаго мимо.

- Намъ остается теперь только молиться, поститься и каяться,—правда?

Джонъ не отвѣтилъ. Тогда это жалкое существо принялось утѣшать его.

— Здѣсь, по крайней мѣрѣ, спокойно, ничто не смущаетъ, а вы не можете себѣ представить, какія искушенія происходятъ въ міру, когда потеряешь близкаго человѣка, и начинаетъ казаться, что больше не для чего жить. Сказать вамъ, что я сдѣлалъ? Это было раннимъ утромъ; я стоялъ у подъѣзда какого то дома на Пиккадилли. Ѣзда прекратилась; пѣшеходовъ тоже не было, только чистильщики улицъ съ длинными кишками въ рукахъ смывали грязь съ мостовой. «Моя бѣдная дѣвочка погибла», думалъ я. «Мы никогда больше не увидимся. Этотъ жестокій городъ погубилъ ее... а наша мать, чистая святая женщина, такъ любила ее, когда она была маленькой»... И тутъ у меня застыло сердце... и я это сдѣлалъ. Вы скажете, что я съ ума сошелъ .. Я пошелъ въ полицію и сказалъ, что я совершилъ преступленіе. Да, право, я повинился въ убійствѣ, началъ разсказывать, приводить подробности. Только потомъ, когда они замѣтили, что я въ рясѣ, я вспомнилъ про отца настоятеля и отказался отвѣчать на вопросы. Меня заперли въ особую камеру и тамъ я просидѣлъ ночь, а на утро отперся отъ всего сказаннаго, и меня отпустили.

Понизивъ голосъ до хриплаго шепота, онъ прибавилъ:

— Но вернулся я не потому. Все дѣло въ обѣтѣ. Вы не можете себѣ представить, что это за ужасъ,—обѣтъ, пока вы его не нарушили. Онъ жжетъ душу, какъ раскаленное желѣзо. Кажется, еслибъ умиралъ, еслибъ былъ на другомъ концѣ свѣта, еслибъ пришлось ползти на рукахъ и на колѣняхъ,—все-таки приползъ-бы назадъ...

Онъ хотѣлъ еще что то сказать, но приступъ кашля заставилъ его умолкнуть, а когда кашель прошелъ, въ домѣ послышались шаги.

— Кто это?

— Отецъ настоятель,—сказалъ Джонъ.—Мы разбудили его.

Павелъ съ усиліемъ поднялся на ноги.

—Бѣдный мой мальчикъ! Вы вернулись сюда только для того, чтобъ до конца жизни каяться и страдать.

— Ничего... ничего... Но увѣрены ли вы, что я сдѣлалъ все?

— Все, что могли. Куда вы хотите идти?

— Къ отцу настоятелю.

— Помоги вамъ Боже, голубчикъ!

— И вамъ, братъ Стормъ!

Полчаса спустя, по приказанію отца настоятеля, Джонъ Стормъ, съ помощью брата Эндрью и отца казначея, снесли брата Павла въ его келью. Звонили къ заутренѣ; подымаясь на лѣстницу, они встрѣтили монаховъ, отправлявшихся въ церковь. Вѣсть о возвращеніи брата Павла съ быстротой вѣтра облетѣла обитель, братія кучками останавливались на площадкахъ и шептались между собой, словно возвращеніе было дѣломъ постыднымъ, бросавшимъ тѣнь на всю братію. Не вѣрность обѣту привела его назадъ, но надорванное здоровье, неимѣніе угла, гдѣ бы умереть! Такъ говорили они между собою, сами не сознавая, какой тайный голосъ изъ глубины сердца нашептываетъ имъ слова осужденія. Въ монастырѣ, какъ и вездѣ, нѣтъ худшаго безчестья, какъ неудача.

Джонъ Стормъ вернулся въ швейцарскую твердой поступью; глаза его выражали рѣшимость. Почти не отвѣчая монахамъ, приступавшимъ къ нему съ разспросами, онъ раздвинулъ ихъ, прошелъ къ себѣ въ альковъ, снялъ съ гвоздя ключъ отъ наружной двери и вернулся въ келью отца настоятеля.

Свѣтало, но въ маленькой комнаткѣ еще стоялъ сумракъ. При входѣ его, отецъ настоятель поднялся съ колѣнъ.

— Отецъ!—вскричалъ онъ въ волненіи, и голосъ его оборвался.

— Что тебѣ, сынъ мой?

— Возьмите назадъ этотъ ключъ. Міръ зоветъ меня, я не довѣряю себѣ; я не могу больше оставаться у двери. Наложите на меня обѣтъ молчанія и одиночества, заприте меня, иначе я нарушу уставъ и сбѣгу; это такъ же вѣрно, какъ то, что надъ нами есть небо!

XIV.

Утромъ въ Новый годъ Глори проснулась съ маленькимъ твердымъ комочкомъ у сердца и подумала: «Какъ это глупо! Неужели же мнѣ отречься отъ всѣхъ своихъ завѣтныхъ грезъ изъ-за того только, что одинъ человѣкъ оказался негодяемъ»?

Она вспомнила, какъ ее наканунѣ вечеромъ потянуло вслѣдъ за братомъ Павломъ, и сердце ея заныло еще больнѣе. Джонъ Стормъ ушелъ отъ нея, забылъ ее, бросилъ, думаетъ только о себѣ. Ну и пусть, и отлично! И думать о немъ не стоитъ.—«Терпѣть не могу этихъ сантиментовъ!» подумала она.

Если Агги зайдетъ къ ней въ воскресенье вечеромъ, она пойдетъ. Это ничего, что придется начинать съ самаго низу. Другія тоже такъ

начинали; какое право имѣетъ она претендовать на лучшее? Съ этого дня она будетъ брать жизнь, какъ она есть, и бороться съ ней ея же оружіемъ. Она покоритъ себѣ этотъ огромный жестокій городъ и все-таки останется честной дѣвушкой, не смотря ни на что.

Въ такомъ настроеніи она сошла внизъ къ завтраку. Первое, что попалось ей на глаза, было письмо изъ дому. На мигъ у нея захватило дыханіе; она вся вспыхнула, но тотчасъ же, не распечатывая письма, сунула его въ карманъ, покачала головой и засмѣялась. «Терпѣть не могу этихъ сантиментовъ», повторила она мысленно и принялась разсказывать м-ссъ Джупъ, что она намѣрена предпринять.

— Въ клубѣ!—ужаснулась та.—Я думала, вы потому не можете привыкнуть къ лавочкѣ, что вообразили о себѣ, будто вы для этого слишкомъ важная птица. А вы—въ иностранные клубы?! Боже милостивый!..

Шипящій, насмѣшливый голосъ м-ссъ Джупъ весь день звенѣлъ въ ушахъ Глори; поздно вечеромъ, когда на улицѣ все стихло; лишь изрѣдка доносился стукъ проѣзжавшаго кэба, пьяный окрикъ, или визгливый звукъ концертино; ложась спать, она услыхала его снова: по ту сторону перегородки хозяйка изливала свое негодованіе супругу; тотъ отъ времени до времени пытался вставить слово, придумывалъ для Глори различныя извиненія. Все равно! Она на все согласна, лишь бы уйти изъ этого дома, освободиться отъ этой женщины, расквитаться съ ней навсегда.

Въ воскресенье вечеромъ, часовъ въ восемь, она поднялась къ себѣ въ спальню надѣть ватерпруфъ и шляпу и подождать Агги. Оставшись одна, она не устояла противъ искушенія распечатать письмо изъ дому.

«Въ будущее воскресенье твое рожденіе милочка,—писалъ пасторъ,—поздравляемъ тебя, шлемъ тебѣ нашу любовь и привѣты. За двадцать одинъ годъ ты въ первый разъ проводишь этотъ день не дома. Весь день я буду мысленно съ тобою, а вечеромъ, когда пойду въ кабинетъ выкурить трубочку, нарочно не стану опускать штору, чтобы видѣть въ окно вечернюю звѣзду и вспоминать счастливые прежніе дни, когда, бывало, моя любимица и баловница говорила, что она сошла на землю съ этой звѣздочки, и наряжалась въ разные причудливые и великолѣпные костюмы, и увѣряла, что она фея Фонодорія. Теперь ты съ большой пользой употребляешь свое время, Глори, а я, пока моя милочка здорова и счастлива, пока ей хорошо живется въ столицѣ, которую она такъ любитъ...»

Свѣчка дрожала въ рукѣ Глори; маленькая спаленька то выступала изъ мрака, то куда-то исчезала.

Ниже была приписка отъ тети Анны: «Рада слышать, что ты веселишься въ Лондонѣ, но нѣсколько огорчена частымъ упоминаніемъ о театрѣ. Смотри, дитя, не ходи туда слишкомъ часто и не забудь сообщить намъ фамилію вашего приходскаго священника; я нахожу, что отцу слѣдовало бы написать ему».

Тетя Рэчель прибавила еще постскриптумъ: «Ты совсѣмъ ничего не пишешь о м-рѣ Дрэкѣ. Бываетъ ли онъ у м-ссъ Джупъ? Это онъ водитъ тебя въ театръ?»

Въ письмо была вложена поздравительная карточка съ изображеніемъ восточнаго пастуха во главѣ своего стада и надписью: «Слѣдуй за нимъ!»

Въ это время снизу донесся пищящій голосъ м-ссъ Джупъ, и слезы Глори мгновенно высохли. Сойдя внизъ, она застала въ гостиной Агги, въ кофточкѣ изъ поддѣльнаго котика и шляпѣ съ большими черными перьями; рядомъ съ ней сидѣла хозяйка и что-то шептала ей фамильярно, какъ старая знакомая. Глори поймала сконфуженный взглядъ одной собесѣдницы, замѣтила, какъ ей украдкой подмигнула другая, и твердый комочекъ сталъ давить ей сердце еще больнѣе.

— Идемте!—сказала Глори, и нѣсколько минутъ спустя обѣ дѣвушки шли по направленію къ Сого. Изъ часовень на болѣе спокойныхъ улицахъ небольшими кучками выходили молящіеся; въ церковныхъ окнахъ мало-по-малу гасли огни. Агги уже овладѣла собой; она шла быстрыми мелкими шажками, прижимая подъ мышкой свертокъ съ своимъ театральнымъ костюмомъ и все время толкуя о Чарли. Чарли навѣрное поджидаетъ ихъ въ одномъ изъ клубовъ и, конечно, проводитъ ихъ домой. Ему еще года не вышли, и потому ея отецъ не позволяетъ ему свататься за нее. Но онъ служитъ въ литографіи; родители его нанимаютъ цѣлый домикъ особнякъ и когда-нибудь, можетъ быть очень скоро...

— Вы говорили, что въ клубахъ начинали многія артистки, которыя теперь на сценѣ?—перебила Глори.

— Сколько угодно, душенька. Да вотъ вамъ Бетти Бельманъ. Она пѣла въ клубѣ, въ Ольдъ-Комтонъ-стритъ; оттуда ее и выудилъ м-ръ Софтонъ.

Когда они вошли въ Сого, на улицахъ было темно и спокойно; теперь въ каждомъ домѣ свѣтились окна, тротуары кишѣли народомъ. Клубъ, куда имъ предстояло зайти, былъ нѣмецкій; подойдя къ нему ближе, онѣ увидѣли въ дверяхъ мужчину безъ шляпы, вглядывавшагося въ темноту, какъ бы поджидая кого-то.

— Это Чарли,—сказала Агги, слегка подпрыгнувъ отъ радости. Но когда они подошли совсѣмъ близко, мрачное лицо юноши еще больше омрачилось.

— Вѣчно опаздываешь! Двое не пришли; случай блистательный; я, какъ дуракъ, стою здѣсь и жду, а васъ нѣтъ, какъ нѣтъ!

Дѣвушка сверкнула глазами, словно ее ударили, но она только вскинула голову, закусила губку и сказала:

— Опять ругаешься? Я бы сама рада все это бросить, Чарли, да вѣдь тутъ не въ компаніи дѣло.

Съ этими словами она скрылась въ уборной, а Чарли завладѣлъ Глори и повелъ ее въ буфетъ; онъ расчищалъ для нея дорогу, пред-

можетъ ей выпить стаканчикъ чего-нибудь и, съ очевидной гордостью владѣльца, представилъ ее знакомымъ, какъ «свою пріятельницу». «У тебя есть вкусъ, Чарли», замѣтилъ одинъ изъ нихъ.—«Еще бы!» откликнулся тотъ.

Во время «номера» Агги Глори замѣтила, что въ залу вошли два господина, видимо принадлежавшихъ совсѣмъ къ другому міру, и остановились въ дальнемъ концѣ залы.

— Ишь, франты какіе!—сказалъ Чарли, перегнувшись черезъ плечо своей дамы, чтобы поглядѣть на вошедшихъ, и, какъ бы объясняя себѣ значеніе ихъ взглядовъ, прибавилъ:

— Нѣтъ, миленькіе! Намъ не впервой видѣть такихъ молодцовъ!

Подошла Агги и съ ней какой-то толстякъ въ жилетѣ съ цвѣточками.

— Это моя подруга, господинъ директоръ; она не прочь выступить, если вы ее хорошенько попросите.

— Ежели миссъ будетъ такой любезной,—началъ толстякъ... Кровь бросилась въ лицо Глори; прежде чѣмъ она успѣла сообразить, что съ ней происходитъ, ея шляпка и ватерпруфъ перешли въ руки Агги, а сама она подымалась по лѣсенкѣ, ведущей на сцену.

Когда она вышла, раздалось нѣсколько апплодисментовъ, но она не замѣтила этого; у нея мутилось въ головѣ; ей казалось, что все это происходитъ за сто миль отсюда, съ кѣмъ-то другимъ. Она слышала свой собственный голосъ, говорившій: «Леди и джентльмены, съ вашего любезнаго позволенія, я попытаюсь изобразить...» и еще что-то. До сихъ поръ она дышала учащенно, прерывисто, и чувствовала, что у нея саднитъ въ горлѣ, но всѣ эти симптомы нервнаго волненія внезапно исчезли; она вскинула голову, какъ боевой конь при звукѣ трубы и запѣла.

Запѣла простую уличную пѣсню, всѣмъ знакомую, слышанную каждымъ сто разъ. «И кудри золотые ей падали на плечи»,—пѣла Глори, подражая фабричнымъ дѣвушкамъ, вечеромъ, гурьбой возвращающимся домой съ работы. Рука объ руку, въ широкополыхъ шляпахъ *à la* Вандикъ съ отдѣлкой изъ красныхъ лентъ и пучка страусовыхъ перьевъ, онѣ проходили тутъ по сценѣ, передъ слушателями, ихъ размашистыя движенія, ихъ рѣзкіе голоса,—все было на-лицо: каждый видѣлъ ихъ, каждый узналъ; она не кончила еще перваго куплета, какъ уже вся зала надрывалась отъ смѣха.

У Глори кружилась голова, но она уже вполнѣ владѣла собой; слышно было, какъ она засмѣялась, раскланиваясь между куплетами. Еще нѣсколько минутъ, и «номеръ» былъ оконченъ; слушатели топали ногами, визжали, свистали, мяукали и во все горло кричали: «Браво!» А Глори сидѣла на послѣдней ступенькѣ лѣстницы съ лицомъ, искаженнымъ точно отъ физической боли. Въ первый моментъ сознаніе успѣха заставило радостно забиться ея сердце, но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ ей стало невыразимо стыдно; она увидала всю глубину своего паденія; страхъ

и отвращеніе охватили ее. Крикъ, шумъ, рукоплесканія, пошлыя лица, пошлый смѣхъ, пошлыя пѣсни—въ воскресенье вечеромъ, въ день ея рожденія! Все это мелькало передъ ней точно во время кошмара; затѣмъ пошло другое,—воспоминанія Гленфаба, чистое, невинное дѣтство, старый пасторъ у камина, покуривающій свою трубочку, любуясь вечерней звѣздой, потомъ Джонъ Стормъ и бой курантовъ въ Бишопсгэтѣ... Съ минуту она сидѣла неподвижно, вся горя отъ стыда, безпомощно уставившись въ пространство, между тѣмъ какъ вокругъ нея толпились незнакомые люди, пожимая ей руки и крича надъ самымъ ея ухомъ, чтобъ заглушить гвалтъ: «Вамъ надо выйти еще разъ, голубушка!»— она вдругъ отчаянно зарыдала.

— Отойдите прочь! Эта дэвица не можетъ болше пѣть,—сказалъ чей-то голосъ, и Глори открыла глаза.

Надъ ней наклонился одинъ изъ джентльменовъ, стоявшихъ въ глубинѣ залы.

— Ахъ, *Gott!* Это ви! Ви узнаетъ мэня, сидэлка?

Это былъ м-ръ Кенигъ, органистъ.

— Господи, помилуй! Што ви тутъ дѣлайтъ, дитя мое? Два мѣсяца тому назадъ я васъ искаль въ госпиталь, писалъ надзирательницъ, но ви переѣхаль. Я васъ искаль на весь Лондонъ. Гдѣ ви живетъ?

Глори сказала; онъ записалъ ея адресъ.

— Уфъ! Геній—и живетъ въ табачная лавочка! Моя жена пріѣдетъ за вами и перевезейтъ къ намъ. Она добрый женщина; ви дольжны такъ дѣлайтъ, какъ она вамъ скажетъ; она добрый, только не такой умный и музыкальный, какъ ви. Господи, помилуй! Пэть здэсь, въ воскресни клубъ! Да ви знайтъ, дитя мое, что ви имѣйтъ голосъ и талантъ, болшой талантъ. Учится надо—это да. Но это ничего. На то я здэсь,—я, Карль Кёнигъ! Я плохо говоритъ по англійски, но я хорошо знайтъ учить музыка. Я буду васъ учитъ, какъ другихъ леди, котори платятъ мнэ много долляръ. Ви знайтъ, кто я есть таковъ?

— Ну да, знаю,—вы органистъ при церкви Всѣхъ Святыхъ въ Бельгрэвіи.

— Пфа! Я также композиторъ. Я пишетъ романсъ и всѣ ваши соотешественникъ и соотешественницъ поютъ этотъ романсъ. Я управляйтъ хоромъ, также; затэмъ я васъ и искаль. Я бывайтъ въ первы дома, у лорды, министры, князи. Ви пойдетъ со мной. Ви имѣйтъ голосъ сопранъ,—*nein*, меццо-сопранъ—онъ ищо выраститъ. Я вамъ поставитъ вашъ голосъ, и тогда ви будитъ виступайтъ. А теперъ идитъ прочъ отсюда и никогда болше не приходитъ,—слышитъ, никогда; а то я ищо болше будитъ сердится.

Глори встала, и онъ повелъ ее къ выходу.

Когда они проходили мимо швейцарскаго клуба, изъ дверей его кубаремъ вылетѣлъ какой-то человѣкъ, вытолканный лакеемъ, и заоралъ пьянымъ голосомъ: «Пусти меня, мошенникъ, или я тебя убью!» Дальше

двѣ-три дѣвочки лѣтъ десяти и вдвое больше мужчинъ, обнявшись, слонялись по троттуару и нестройно запывали какую-то плачевную пѣсню.

XV.

На четвертой недѣлѣ Великаго поста Геѳсиманское братство посѣтилъ его духовный ревизоръ, епархіальный епископъ. Это былъ человѣкъ либеральнаго образа мыслей, не слишкомъ строго придерживавшійся буквы религіи, грубоватый, рѣзкій, дѣлецъ и прекрасный администраторъ. Онъ собралъ братію въ общей комнатѣ, взялъ изъ рукъ настоятеля книгу въ кожаномъ переплетѣ, заключавшую въ себѣ уставъ братства и прочелъ вслухъ всѣ правила.

— Ну-съ, господа,—началъ онъ,—одобряю я вашъ уставъ, или не одобряю, объ этомъ мы разсуждать не станемъ. Мое дѣло только слѣдить за тѣмъ, чтобъ онъ выполнялся законно. Довольны ли вы своимъ настоятелемъ, господа? согласны ли оставаться подъ его началомъ?

Братья въ одинъ голосъ заявили, что они вполнѣ довольны.

Епископъ, улыбаясь, кивнулъ головой, и они, одинъ за другимъ, стали выходить изъ комнаты.

Настоятель предложилъ гостю посѣтить еще двухъ монаховъ, запертыхъ въ своихъ кельяхъ, одинъ по болѣзна, другой по обѣту,—брата Павла и Джона Сторма. Перваго они застали въ покойномъ креслѣ, передъ каминомъ; онъ сидѣлъ весь обложенный подушками, исхудалой рукой прижимая къ груди крестъ, висѣвшій у него на шеѣ. На вопросы епископа онъ отвѣтилъ, что ему здѣсь очень хорошо, что всѣ добры къ нему и онъ мечтаетъ только объ одномъ—о смерти.

— Благодаря Бога, мы для того и рождены, чтобъ умереть,—сказалъ епископъ, затворяя за собой дверь.

— А вотъ въ этой кельѣ,—началъ отецъ настоятель,—живетъ человѣкъ, рожденный для того, чтобъ управлять міромъ, сдѣлать блестящую карьеру, но....

— Онъ отрекся отъ міра?

— Да, и безповоротно.

— А его заключеніе въ кельѣ?

— Вполнѣ добровольное. Посмотрите!

И, наклонившись, отецъ настоятель поднялъ ключъ, лежавшій у его ногъ.

— Что это значитъ?

— Онъ запирается изнутри и проталкиваетъ ключъ внизу, подъ дверью.

Когда они вошли, Джонъ Стормъ стоялъ у окна, весь облитый лучами утренняго солнца, глядя на городъ, разстилавшійся внизу, пристальнымъ тоскующимъ взоромъ.

— Нашъ ревизоръ желаетъ говорить съ тобой, сынъ мой.—сказалъ настоятель.—На сегодня разрѣшаю тебя отъ обѣта молчанія.

— Я не встрѣчалъ его раньше?—спросилъ епископъ.

— Я полагаю, что нѣтъ, отецъ мой.

— Какъ ваша фамилія? Гдѣ вы жили передъ тѣмъ, какъ переселились сюда?

Джонъ сказалъ.

— Въ такомъ случаѣ я и видѣлъ, и слышалъ васъ. Однако, съ тѣхъ поръ, какъ вы удалились отъ свѣта, много воды утекло: вашъ каноникъ теперь уже архидіаконъ и капелланъ королевы. Вы давно въ братствѣ?

— Съ 14-го августа.

— А изъ кельи давно не выходите?

— Съ Крещенія.

— А теперь постъ; это немножко черезчуръ, отецъ настоятель.

— Я не разъ просилъ нашего милаго брата...—началъ старикъ.

— Вы слишкомъ усердствуете, м-ръ Сторнъ,—продолжалъ епископъ, перебирая книги, лежавшія на столѣ и на кровати.—Я знаю, мудрецы всѣхъ вѣковъ говорятъ намъ, что тѣло грѣховно, что надо искоренять въ себѣ его желанія и потребности; но они же учатъ насъ, что истинный христіанинъ тотъ, кто съумѣлъ сочетать жизнь естества и жизнь благодати. Не презирайте въ себѣ человѣческаго естества, сынъ мой. Самъ Господь нашъ не презиралъ его. Онъ сошелъ съ небесъ, чтобы жить и трудиться среди грѣшныхъ людей. И не молитесь о смерти, не изнуряйте себя постомъ, какъ будто вы жаждете ея. Вы не имѣли бы права на это даже въ томъ случаѣ, еслибъ были подобны своему сосѣду, которому смерть улыбается и манитъ его отдохнуть. А вы молоды, вы сильны. Кто знаетъ, сколько еще хорошаго, полезнаго дѣла уготовалъ вамъ Отецъ нашъ Небесный!

Джонъ опять повернулся къ окну и разсѣянно смотрѣлъ вдаль.

— Однако, все это не относится къ дѣлу,—продолжалъ епископъ.— Вы ни на что не можете пожаловаться?

— Рѣшительно ни на что.

— Вы довольны жизнью въ этой обители, ея уставомъ и порядками, добровольно повинуетесь своему настоятелю?

— Да.

— Этого достаточно.

Выходя, епископъ замѣтилъ на стѣнѣ надпись карандашемъ: «9-го ноября — день выборовъ лорда-мэра», и внизу нѣсколько столбцовъ цифръ; такъ узникъ ведетъ счетъ днямъ своего заключенія.

— Что означаетъ это число?—спросилъ епископъ.

Джонъ молчалъ, отецъ настоятель, улыбаясь, отвѣтилъ за него:

— Это день его посвященія, милордъ. Онъ считаетъ дни своего послушничества, ибо ждетъ—не дождется той минуты, когда онъ, наконецъ, всецѣло посвятитъ жизнь свою Богу.

Когда дверь затворилась за епископомъ и Джонъ Сторнъ остался

одинъ въ своей кельѣ, онъ былъ весь полонъ одной мыслью,—надо работать; одно спасеніе—трудъ. Все остальное онъ испробовалъ, и все безуспѣшно.

Онъ испробовалъ одиночество, но обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Какъ передъ глазами, когда закроешь ихъ, плывутъ картины одна за другой, такъ здѣсь, въ уединеніи кельи, передъ Джономъ Стормомъ съ ужасающей ясностью вставала вся его прошлая жизнь, каждая мелкая подробность его отношеній къ Глори, и во всемъ онъ видѣлъ безпощадное осужденіе себѣ. Какъ могъ онъ не принять во вниманіе кореннаго несходства темпераментовъ между нимъ и этимъ жизнерадостнымъ веселымъ созданіемъ? Почему онъ возмутился ея невинной и естественной любовью къ жизни, почему не удовлетворилъ ея желаній? Зачѣмъ сдѣлалъ это? Почему не сдѣлалъ того? Если Глори погибла, если грѣховный, безжалостный свѣтъ соблазнилъ и предалъ ее,—виноватъ онъ одинъ, и, конечно, Богъ накажетъ его. Такимъ образомъ одиночество только разслабляло его душу, а искушеніе, которое онъ старался побороть, завладѣвало имъ все сильнѣе.

Онъ пытался читать. Св. отцы учили его, что женщина хуже смерти, что красота ея пагубна, что, если женское лицо соблазняетъ тебя, надо только представить его себѣ старымъ, сморщеннымъ, обезображеннымъ болѣзнью, наконецъ, добычей червей, и прелесть его исчезнетъ. Онъ пробовалъ думать такъ о Глори, но лишь только наступала ночь и онъ ложился въ постель, съ первой же сонной грезой, непокорная природа брала приступомъ жалкіе окопы религіи, и Глори улыбалась ему во всемъ блескѣ своей молодости, красоты, нѣжности и веселья, во всей лучезарной прелести своихъ безчисленныхъ дарованій.

Онъ пробовалъ поститься. Приходя разъ въ день, братъ Эндрью приносилъ ему пищу и два раза изъ трехъ онъ выбрасывалъ свою порцію въ окно, птицамъ. Но и тутъ результатъ получился обратный. Онъ каждую минуту переходилъ отъ страшнаго волненія къ полному упадку силъ. Его начали мучить галлюцинаціи; лицо отца постоянно преслѣдовало его; иногда появлялось и лицо матери, которой онъ никогда не видалъ; но неотступнѣе всѣхъ стояло передъ нимъ лицо Глори. Теперь онъ грезилъ о ней и во снѣ, и на яву.

Онъ пробовалъ молиться,—помимо обязательныхъ молитвъ, своими словами,—молиться св. Дѣвѣ, но, какъ ни сосредоточивалъ свои мысли, ничего не выходило.

Передъ глазами его плавало какое-то туманное облако, что-то неуловимое, неощутительное; потомъ изъ него внезапно выдѣлялся лучезарный образъ, нѣжный, кроткій, прелестный, полный милосердія и женской любви,—но это былъ образъ Глори.

Имъ овладѣло отчаяніе. Очевидно, его старанія побороть въ себѣ природу не угодны Всемогущему. Прошла зима съ ея туманами. Наступила весна; радостный трепетъ разлился по всей природѣ. Въ душѣ

Джона надежда мало-по-малу перешла въ нетерпѣніе, а нетерпѣніе выросло въ лихорадку ожиданія; онъ помнилъ свой обѣтъ и, чтобы отогнать искушеніе, запирался изнутри и просовывалъ ключъ подъ дверь, но дверь души онъ запереть не могъ. Каждое утро онъ просыпался съ мыслью о Глори. Гдѣ-то она теперь? Что съ ней сталось? Онъ записалъ на стѣнѣ день ея ухода изъ госпиталя—«9-го ноября, день выборовъ лорда-мэра»,—мысленно представлялъ себѣ всѣ случайности, которыя могли постигнуть ее съ тѣхъ поръ. Его разумъ и гордость возмущались противъ этого, тѣмъ не менѣе, онъ зналъ, что и завтра, и послѣзавтра, и черезъ годъ будетъ дѣлать то-же, ибо побороть въ себѣ человѣческія страсти онъ не могъ, а обѣтъ до сихъ поръ держалъ его точно клещами,

Однажды утромъ онъ стоялъ у окна и глядѣлъ на рѣку, на барки съ сѣномъ, на маленькіе пароходики, выбрасывавшіе вверхъ спирали дыма, и вдругъ, все окружающее получило въ глазахъ его новый смыслъ, новую окраску. Жизнь давала ему урокъ. Нужно работать. Человѣкъ не можетъ быть безъ труда. Это законъ природы. Кто пренебрегаетъ имъ, сколько бы онъ ни размышлялъ, сколько бы ни молился и ни постился, все равно, будетъ безполезенъ, развращенъ и несчастенъ.

Въ это мгновеніе ключъ повернулся въ замкѣ и вошли настоятель съ епископомъ. Ихъ похвалы угнетали его. По уходѣ ихъ, онъ спросилъ себя: «Что ты здѣсь дѣлаешь? Вѣдь это лицемѣріе; и такъ же точно лицемѣрили тысячи людей до тебя, которыхъ церковь признала святыми, они тоже шагали по своей кельѣ и задавали себѣ тотъ же вопросъ»... Однако онъ все еще чувствовалъ на себѣ мощную руку церкви. Дрожащими пальцами онъ заперъ дверь, просунулъ ключъ въ щель и понялъ, что онъ сталъ не только лицемѣромъ, но и трусомъ, что религія разслабила его душу, вытравила изъ нея волю и мужество.

Въ сосѣдней кельѣ послышались шаги. Въ послѣднее время братъ Павелъ замѣтно ослабѣлъ: онъ еле переступалъ, волочилъ ноги, тяжело дышалъ, иногда заливался безконечнымъ хриплымъ кашлемъ. Джонъ изо дня въ день слышалъ все это и старался не слушать, но теперь онъ напрягалъ слухъ. Его озарила новая мысль: онъ попроситъ позволенія ходить за братомъ Павломъ; это все-таки трудъ, а его можетъ спасти только трудъ.

На другое утро онъ вскочилъ съ кровати при первомъ звукѣ «*Benedicamus Domino*» и крикнулъ: «Отецъ!» Дверь отворилась и вошелъ отецъ казначей. Настоятель уѣхалъ и не вернется до конца поста. Джонъ взглянулъ въ суровое лицо его замѣстителя, истинное отраженіе замкнутой, остывшей души, и не сказалъ ни слова.

Весь этотъ день онъ провелъ у открытаго окна, прислушиваясь къ звукамъ великопостнаго пѣнія, доносившимся изъ церкви. Въ немъ ожили воспоминанія давно минувшаго; въ первый разъ онъ ощутилъ тяжесть одиночества. Близкое сосѣдство брата Павла еще болѣе под-

черкивало это одиночество. Прошло еще нѣсколько дней. Джонъ собрался съ духомъ и обратился къ отцу казначею:

— Братъ Павелъ боленъ; позвольте мнѣ ходить за нимъ.

Отецъ казначей покачалъ головой.

— Брату дается все, что ему нужно. Онъ не нуждается въ постоянномъ уходѣ.

— Но вѣдь онъ умираетъ. Надо же кому-нибудь быть при немъ.

— Докторъ говоритъ, что ему ничѣмъ нельзя помочь. Онъ можетъ прожить еще нѣсколько мѣсяцевъ. А если онъ умираетъ, оставимъ его размышлять о счастіи и славѣ будущей жизни.

Джонъ не настаивалъ больше. Еще одна дверь захлопнулась передъ нимъ. Но мысленно онъ все-таки былъ съ братомъ Павломъ; ему казалось, онъ видитъ все, что дѣлаетъ больной, слышитъ все, что онъ шепчетъ про себя; когда тотъ подымалъ ведерко съ углемъ, оставленное у порога прислужникомъ, Джону казалось, что онъ чувствуетъ въ рукахъ тяжесть. Когда больной растапливалъ каминъ и раздувалъ огонь, онъ садился передъ холодной рѣшеткой, и ему чудилось, что они, какъ добрые товарищи, грѣются вмѣстѣ.

Кашель брата Павла все усиливался, однажды припадокъ былъ такъ силенъ и дологъ, что, казалось, ему не будетъ конца. Джонъ прислушивался, затаивъ дыханіе, и думалъ: «Онъ задохнется; онъ не переживетъ этого». Кашель стихъ и наступила мертвая тишина; не слышно было даже дыханья больного. Джонъ замеръ отъ ужаса: «Неужели умеръ?» Инстинктивнымъ движеніемъ протянувъ руку, онъ постучалъ три раза въ стѣну.

Съ минуту все было тихо; затѣмъ послышались три слабыхъ, неровныхъ удара въ стѣну.

Больной понялъ. Джонъ даже вскрикнулъ отъ радости. Правда, и тутъ его смущали религіозные страхи. Не нарушилъ ли онъ обѣта молчанія? Не грѣшатъ ли они оба?—тѣмъ не менѣе, средство сообщенія было найдено, и они долго имъ пользовались. Ложась спать, они стукомъ желали другъ другу спокойной ночи; вставая, выстукивали: «Добраго утра!»—стучали, когда звонили къ обѣднѣ и когда монахи съ пѣніемъ проходили по двору, стучали то изъ сочувствія, то изъ жалости, то просто потому, что ихъ давило одиночество и хотѣлось общества.

Такъ эти изгнанники жизни, борясь съ собой, чтобъ сохранить повиновеніе Богу и своему земному обѣту, пытались развлечь и утѣшить другъ друга, какъ дѣти, посаженныя въ карцеръ.

XVI.

«Сентъ-Джонсъ-Вудъ,
Лондонъ».

«Внемлите, мужи и жены Глэнфаба,—я продолжаю играть роль вѣчнаго жида въ юбкѣ, но декорація измѣнилась. Представьте себѣ,

милые, вилу Глори въ хорошенькомъ домикѣ въ Сентъ-Джонсъ-Вудѣ, хотя собственно деревьевъ *) здѣсь нигдѣ не видно, кромѣ какъ въ паркѣ, гдѣ заключены всѣ дикіе звѣри, имѣющіеся въ Лондонѣ,—четвероногіе, конечно. Хозяинъ этого домика—м-ръ Карлъ Кенигъ, милый, старый гиппопотамъ, пяти футовъ росту, съ жесткими рыжими усами и пронзительными черными глазками. По профессіи онъ музыкантъ, а по національности нѣчто среднее между англичаниномъ, нѣмцемъ, голландцемъ и полякомъ. Говоря о музыкѣ, онъ всегда разыгрываетъ изъ себя маленькаго Джона Булля, такъ какъ онъ органистъ въ модной церкви etc. etc., когда онъ говоритъ о «фатерляндѣ»—это нѣмецъ; когда о морѣ—голландецъ, а когда онъ въ духѣ (или отъ него идетъ винный духъ), онъ на весь домъ распѣваетъ: «*Jeszcze Polska nie zginela*», до того, что иной разъ желаешь ей сгинуть, только чтобъ онъ замолчалъ.

Жена его англичанка, лѣтъ сорока съ хвостикомъ; въ ея большихъ влажныхъ, собачьихъ глазахъ читаешь рабскую покорность неоцѣненной и неразвитой души. Трудно представить себѣ болѣе неподходящую пару: она изъ тѣхъ молчаливыхъ женщинъ, которыя только слушаютъ и не подаютъ голоса, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда нужно отдать приказаніе служанкѣ; онъ-же трещитъ безъ умолку, точно старая курица, которая не можетъ снести яйца, не разблаговѣстивъ объ этомъ цѣлому свѣту.

Вы, конечно, хотите знать, какъ я попала сюда. Да будетъ вамъ извѣстно, что м-ру Кенигу случилось не такъ давно перенести маленькую операцію, причемъ онъ лежалъ въ нашемъ госпиталѣ, и я ухаживала за нимъ во время его, какъ онъ выражается «опернаго **) лѣченія». Памятуя, какъ я въ то время утѣшала его своимъ пѣніемъ, онъ, по возвращеніи домой, разыскивалъ меня повсюду, наконецъ, нашелъ случайно, прислалъ за мной свою супругу,—и вотъ я здѣсь, въ хорошенькой маленькой комнаткѣ, обитой кретономъ и увѣшанной портретами разныхъ музыкальныхъ знаменитостей съ любезными надписями внизу.

Надо вамъ еще сказать, зачѣмъ я здѣсь. Видите ли, м-ръ Кенигъ занимаетъ мѣсто органиста въ церкви Всѣхъ Святыхъ въ Бельгрэвіи, гдѣ почти каждое воскресенье антифоны поются *solo*. Онъ претерпѣлъ столько разочарованій отъ разныхъ оперныхъ пѣвцовъ, которымъ вѣчно мѣшаютъ ихъ «служебныя обязанности», что ему пришла смѣлая мысль въ свою очередь, обратить это пѣніе въ служебную обязанность, учредить при своей церкви новую должность и отдать ее женщинѣ. Вотъ эту то должность я и занимаю въ той церкви, гдѣ нѣкогда Джонъ Стормъ былъ викаріемъ, гдѣ и до сихъ поръ служитъ злѣйшій врагъ

*) *Wood*—лѣсъ, дерево.

**) Вмѣсто—оперативнаго.

его, каноникъ. А такъ какъ этотъ достойный человѣкъ думаетъ, вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ, что въ церкви женщинамъ слѣдуетъ держать языкъ за зубами, слуху же у него ровно настолько, чтобы отличить контральто отъ звука рожка, меня прячутъ за ширму, и его преподобіе, въ простотѣ души, принимаетъ меня за юношу.

Итакъ, вы видите, родненькіе мои, что вамъ нечего за меня бояться, ибо я пребываю въ атмосферѣ искусства и святости. Я только одного еще не сказала, самаго маленькаго,—и то сейчасъ скажу. Тетя Анна боится, что я слишкомъ часто бываю въ театрѣ. Не бойся, теточка, теперь этого уже не будетъ, и въ доказательство честь имѣю представиться вамъ въ новой роли,—миссъ Глори Квэйль, знаменитая общественная увеселительница! Вы не понимаете? Это очень просто и вполнѣ невинно. Меня будутъ приглашать въ знатные дома, на вечера и рауты, пѣть, декламировать и т. д. Какъ видите, ничего дурного,—то же самое я дѣлала въ Гленфаба.

Надо вамъ знать, что, какъ въ деревнѣ мужчины собираются въ кузницѣ, когда у нихъ нѣтъ подъ рукой болѣе спѣшнаго дѣла, чѣмъ вершить судьбы вселенной, а женщины у катка, когда имъ нужно кого-нибудь «раскатать», такъ и въ городахъ бѣдненькіе богачи придумали себѣ особаго рода развлеченія, о которыхъ они говорятъ, что, молъ, въ такіе то дни и часы я «принимаю у себя дома». Дрэкъ мнѣ разсказывалъ, что эти пріемы—сущее вавилонское столпотвореніе, ибо всѣ говорятъ заразъ, такъ что ничего не поймешь. А все-таки это должно быть восхитительно! Только представить себѣ всѣ эти нарядные туалеты, брилліянты, титулы такіе длинные, что ихъ не выговоришь однимъ духомъ, прелесть, да и только!

Прежде чѣмъ вступить въ этотъ рай, я должна была пройти черезъ чистилище подготовки, и будущая шутиха не разъ кидалась на полъ и ревѣла въ припадкѣ отчаянія. Но теперь м-ръ Кенигъ начинаетъ находить мое исполненіе сносымъ, и мнѣ предстоитъ дебютировать въ новой роли на Пасхѣ, въ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ; — очень возможно, милая тетя Рэчель, что я тамъ встрѣчу м-ра Дрэка, хотя это и не входитъ въ программу.

Отъ Джона Сторма само собой ни звука. Онъ борется съ призраками, въ то время какъ другіе борятся съ дѣйствительностью.

А все-таки обидно, что людямъ вродѣ Джона Сторма нѣтъ мѣста въ церкви, а такіе вотъ архидіаконы расширяются и пускаютъ корни. Прости меня, дѣдушка, не могу!..

Сегодня утромъ я была въ «Зоологіи». Тамъ есть левъ, онъ одинъ въ клѣткѣ; такой величественный, важный, угрюмый; я чуть не расплакалась, глядя на него.

Однако, близится часъ привидѣній, дочь моя; тебѣ пора спать! Желаю вамъ всякаго счастья! Глори».

XVII.

Въ ночь на страстную пятницу Джона Сторма разбудилъ шумъ въ сосѣдней кельѣ. Слышались два мужскихъ голоса въ перемежку, гнѣвныхъ и взволнованныхъ; одинъ грозилъ, обличалъ; другой молилъ и оправдывался.

Джонъ Сторнъ прислушался и понялъ. Братъ Павелъ бредилъ; мысли его возвращались къ прошлому, онъ переживалъ сцену преступленія.

Джонъ колебался. Первымъ побужденіемъ его было броситься къ брату Павла, уложить его, присмотрѣть за нимъ, чтобъ онъ какъ-нибудь не ушибся въ бреду. Но уставъ запрещалъ входить въ чужую келью подъ страхомъ тяжкой кары. А тутъ еще обѣтъ молчанія и одиночества...

Монахи большіе софисты. Черезъ минуту Джонъ Сторнъ уже убѣдилъ себя, что въ сосѣдней кельѣ мечется не братъ Павелъ, но лишь его бѣдное, больное тѣло; духъ же его, душа — отсутствуютъ. Войти въ келью человѣка, находящагося въ безсознательномъ состояніи, не можетъ быть грѣхомъ.

Онъ вытащилъ ключъ изъ подъ двери, зажегъ свѣчу и вышелъ въ корридоръ. Все было тихо. Рядомъ съ кельей Павла была келья брата Эндрью, но она пустовала, такъ какъ бѣлецъ исполнялъ обязанности привратника.

Больной стоялъ посреди темной комнаты, вытянувъ впередъ руку; на губахъ его играла мрачная улыбка; лицо было покрыто смертной блѣдностью, глаза сверкали, со лба струился потъ. Тяжело дыша, прерывающимся голосомъ онъ выговорилъ: «Умеръ, какъ жилъ, — лжецомъ и негодяемъ».

Джонъ взялъ его за руку, подвелъ къ постели, посадилъ и началъ успокоивать. Вначалѣ онъ испугался звука собственнаго голоса, но тотъ же софизмъ который привелъ его сюда, и теперь придалъ ему храбрости: говорить съ человѣкомъ, въ сущности отсутствующимъ, не значитъ нарушать обѣтъ молчанія. Черезъ нѣсколько времени больной затихъ и впалъ въ тяжелый сонъ.

На слѣдующую ночь Джонъ не заперъ двери. Ложась спать, онъ прислушивался, не услышитъ ли шума въ сосѣдней кельѣ, какъ давеча, но все было тихо; около полуночи онъ уснулъ, но спалъ не долго. Онъ вздрогнулъ, ощутивъ на лицѣ своемъ лунный свѣтъ, и проснулся. Луна дѣйствительно свѣтила, и въ ея призрачномъ сіяніи, надъ кроватью склонялась человѣческая фигура. То былъ братъ Павелъ, весь посинѣвшій; слабымъ, едва слышнымъ голосомъ онъ назвалъ Джона по имени.

Тотъ вскочилъ и обнялъ его.

— Братъ, ты боленъ, ты совсѣмъ боленъ!

— Я умираю.

— Сюда! Помогите! — И Джонъ направился къ двери.

— Тише, тише!

— О, мнѣ все равно! Въ такихъ случаяхъ правилъ не существуетъ. Притомъ же, я ужъ рѣшилъ... Помогите!

— Умоляю и заклинаю васъ!—шепталъ Павелъ.—Не зовите... побудемъ немного вмѣстѣ. Я самъ просилъ оставить меня одного. Мнѣ надо сказать вамъ... исповѣдаться передъ вами... просить прощенія.

Джонъ въ два шага очутился у двери, но вернулся назадъ, не отворивъ ее.

— Помните, когда вы меня выпустили—искать сестру?..

— Это было такъ давно и не будемъ говорить объ этомъ.

— Я не могу умереть спокойно, не признавшись вамъ. Помните, я говорилъ, что мнѣ надо что-то сказать ей?

— Да?

— Я хотѣлъ ей пригрозить, что, если она не измѣнитъ своего образа жизни, я розыщу человѣка, который всему этому причиной, и убью его.

— Это было искушеніе діавола, братъ мой, оно прошло и...

— Развѣ вы не понимаете, что я хотѣлъ сдѣлать? Безчестье пало бы и на васъ, какъ на моего товарища и сообщника. Вотъ до чего можетъ дойти человѣкъ, когда діаволъ...

— Богъ судилъ иначе, братъ! не будемъ говорить объ этомъ.

— Такъ вы прощаете меня?

— Прощаю ли? Это мнѣ надо просить у тебя прощенія. Быть можетъ, если бы я все сказалъ тебѣ...

— Еще одно. Слушайте... Всемогущій призываетъ меня, времени терять нельзя.

— Тебѣ холодно, братъ. Лягъ, я укрою тебя одѣяломъ. Не бойся, насъ больше не разлучатъ. Ну вотъ такъ, такъ, теперь хорошо.

— Вы будете презирать и ненавидѣть меня — вы такой святой, такой сильный духомъ; вы ото всего отказались, побѣдили въ себѣ все мірское, даже любовь!..

— Не говори этого, братъ.

— Вѣдь это же правда. Всѣ знаютъ, какую святую жизнь вы ведете.

— Полно!

— А я никогда и не думалъ о монашеской жизни; я искалъ здѣсь только спасенія отъ кары закона, и, еслибъ не отецъ наста...

— Въ другой разъ, братъ...

— Да, все, что я сообщилъ полиціи, истинная правда; я дѣйствительно...

— Тише, тише. Я не хочу слушать. Пусть тебя слышитъ одинъ

Богъ. Что бы ты ни сдѣлалъ, Онъ будетъ судить твою душу по неизреченному Своему милосердію. Проси Его...

— Тогда скорѣе; мнѣ ужъ немного осталось... Онъ приподнялся, стараясь встать.

— Лежи, лежи! Богъ и такъ видитъ смиреніе твоей души.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусти меня; я хочу стать на колѣни рядомъ съ тобой. Прочтемъ отходную, братъ Стормъ, вмѣстѣ прочтемъ... пожалуйста!.. Господи, спаси...

— Павелъ! Павелъ! Скажи хоть слово! Говори! Не покидай меня. Будемъ утѣшать, будемъ поддерживать другъ друга. Ты будешь приходить ко мнѣ, я къ тебѣ. Богъ съ нимъ, съ монашествомъ. Одно слово, милый, голубчикъ!

Но братъ Павелъ умолкъ навсегда. Плѣнный орелъ со сломаннымъ крыломъ, наконецъ, оборвалъ свою цѣпь.

Наступила страшная тишина. Казалось, весь воздухъ исчезъ куда-то; стало совсѣмъ пусто. У Джона кружилась голова; ему было холодно и жутко. Мужество его быстро таяло; уставъ опять вставалъ грознымъ призракомъ. Надо отнести мертвеца назадъ въ его келью; надо дѣлать видъ, что ничего не знаешь; надо все скрыть и спрятать концы. Луна зашла, близилось утро; тѣни ночи боролись съ свинцовыми проблесками разсвѣта.

Онъ отворилъ дверь и прислушался. Полная тишина. Онъ на цыпочкахъ прошелся по корридору, останавливаясь у каждой кельи. Ни звука: слышно было только тиканье часовъ въ швейцарской, да кое-кто изъ иноковъ похрапывалъ во снѣ.

Онъ вернулся въ свою келью, взялъ на руки мертваго и отнесъ его въ сосѣднюю комнатку, которую тотъ такъ недавно еще оставилъ живымъ. Онъ почти не чувствовалъ тяжести тѣла; исхудалые члены брата Павла были тонки, какъ сухіе сучки. Джонъ уложилъ его на кровать, оправилъ на немъ рясу, закрылъ ему глаза, сложилъ руки на груди и, какъ могъ, зажалъ въ безжизненныхъ пальцахъ тяжелый крестъ, который братъ Павелъ носилъ на шеѣ. Тѣмъ временемъ свѣтъ побѣдилъ тьму, и въ окно скользнулъ розоватый лучъ зари. Городъ начиналъ просыпаться; по улицѣ съ грохотомъ проѣхала телѣга.

Еще разъ глянулъ Джонъ въ лицо дорогому усопшему, сталъ на колѣни, прочелъ молитву и перекрестился. Потомъ всталъ, прокрался въ свою комнату и безвучно заперъ дверь.

Сдѣлавъ это, онъ почувствовалъ невыразимое облегченіе и, частью отъ этого, частью отъ усталости, почти мгновенно уснулъ. Спалъ онъ всего нѣсколько минутъ, но сонъ не знаетъ времени, и одинъ мигъ въ странѣ забвенія можетъ изгладить горечь цѣлой жизни. Проснувшись, онъ протянулъ руку, по привычкѣ три раза постучалъ въ стѣну и вдругъ вспомнилъ. Наступившая затѣмъ мертвая тишина оледѣнила ужасомъ его сердце.

. . . . . .

Завтракъ ему принесъ, какъ всегда, братъ Эндрью. Бѣлецъ былъ замѣтно взволнованъ. Прибирая келью, онъ распѣвалъ, на мотивъ григоріанскаго псалма, какъ всегда это дѣлалъ, когда хотѣлъ сообщить что-нибудь Джону Сторму, не нарушая правила:

«Братъ Павелъ скончался,—онъ умеръ ночью—при немъ никого не было—мы грустимъ, что онъ покинулъ насъ, но рады, что душа его обрѣла миръ—упокой, Господи, душу новопреставленнаго раба твоего, Павла!»

Это былъ первый день Пасхи. За обѣдней въ церкви иноки пѣли: «Христосъ Воскресе!» и Джономъ Стормомъ овладѣло страстное желаніе тоже воскреснуть, выйти изъ своей живой могилы.

На другой день въ корридорѣ и сосѣдней кельѣ то и дѣло слышались голоса и шаги; ночью унесли тѣло, а на утро раздались мѣрные и рѣдкіе удары колокола,—звонъ по усопшемъ. Нѣсколько времени спустя изъ церкви донеслось пѣніе.

Потомъ и звонъ, и пѣніе смолкли, и ничего не стало слышно, кромѣ глухого рокота живого моря, разстилавшагося внизу.

— Что я здѣсь дѣлаю?—спрашивалъ себя Джонъ.—Какіе замки, какіе запоры удерживаютъ меня? Я безумецъ. Я унижаю себя.

Въ полдень братъ Эндрью принесъ ему пищу и снова запѣлъ: «Брата Павла схоронили—гробъ богатый, весь убранъ цвѣтами; мы его положили въ рясѣ, съ четками—на груди крестъ его любимый, онъ такъ и умеръ, держа его въ рукахъ; отецъ настоятель вернулся — самъ служилъ обѣдню...

Джонъ Стормъ не въ силахъ былъ выдерживать дольше. Онъ отстранилъ бѣльца и прошелъ прямо къ отцу настоятелю.

Старикъ сидѣлъ у огня, усталый и грустный. При видѣ Джона онъ всталъ и горькая улыбка искривила его губы. А тотъ ворвался къ нему въ келью, сверкая глазами, задыхаясь отъ волненія, почти крича:

— Отецъ, я не могу больше жить въ монастырѣ! Я пробовалъ, старался, клалъ всю душу, всѣ силы, но не могу! не могу! Молитвы, эпитимьи, размышленіе развращаютъ меня, убиваютъ во мнѣ характеръ и волю; я задыхаюсь, я не могу больше переносить этой жизни!

— Что ты говоришь, сынъ мой? Опомнись!

— Я обманывалъ васъ, себя, всѣхъ!

— Обманывалъ меня?

— Я помогъ брату Павлу нарушить уставъ не для него, а для себя, и тѣмъ подорвалъ его здоровье и ускорилъ смерть.

— Для себя?

— У меня тоже есть сестра въ міру, и мое сердце жаждало вѣсти о ней.

— Сестра?

— Ближе, чѣмъ сестра. Вся моя жизнь здѣсь сплошной обманъ и стыдъ.

— Сынъ мой! сынъ мой!

— Прости меня, отецъ! Я всегда буду любить, уважать и чтить тебя, но я долженъ нарушить обѣтъ, долженъ уйти отсюда; иначе я буду лицемѣръ, лжецъ и обманщикъ!

XVIII.

Обѣдъ у министра внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ въ пятницу на Ѳоминой. Днемъ шелъ дождь, но къ вечеру погода прояснилась. Глори и Кенигъ доѣхали въ омнибусѣ до Ватерлооской площади, потомъ пошли пѣшкомъ... Лакей встрѣтилъ ихъ съ угрюмой фамильярностью. Господа артисты? Да.—Ихъ провели въ библіотеку, подали прохладительное. Три исполнителя уже поджидали ихъ. Глори все это видѣла въ первый разъ, и Кенигъ шепотомъ давалъ ей объясненія.

Немного погодя, лакей вернулся спросить: готовы ли господа артисты выйти въ гостиную? Они пошли за нимъ наверхъ. Оркестръ, помѣщавшійся въ пролетѣ лѣстницы, только что смолкъ. Издали доносился глухой гулъ голосовъ и стукъ тарелокъ. Верхняя площадка вела прямо въ залу, большую комнату въ три окна до полу, изъ которыхъ каждое было наполовину открыто. Окна выходили на обширную террасу, освѣщенную китайскими и мавританскими фонариками. Внизу темной полосой тянулся паркъ; еще дальше виднѣлись башни Вестминстерскаго аббатства.

Они прошли въ пустую гостиную. Здѣсь находились рояль и органъ. Лампы изъ-подъ желтыхъ шелковыхъ абажуровъ обливали комнату мягкимъ свѣтомъ.

— Мы останемся здѣсь,—сказалъ Кенигъ, открывая органъ. Глори стала рядомъ съ нимъ.

Послышался смѣхъ, быстрый говоръ, шелестъ шелка по ступенямъ; повѣяло геліотропомъ, и вошли дамы. Двѣ—три постарше имѣли въ рукахъ палки изъ слоновой кости и, кромѣ того, опирались на своихъ молоденькихъ спутницъ. Послѣдней шла старуха въ черномъ атласномъ платьѣ и брошкѣ съ огромной камеей. Кенигъ всталъ и поклонился ей. Глори хотѣла было низко присѣсть, но старуха слегка кивнула ей головой черезъ плечо, усаживаясь въ большое кресло подъ лампой, обложенное подушками, и реверансъ какъ-то не вышелъ.

Дамы усѣлись, весело болтая между собой. Глори прислушалась: все пустячки, приправленные звонкимъ смѣхомъ. Разговоръ показался ей довольно глупымъ. Многія дамы разсматривали ее въ лорнетъ. Она только крѣпче сжимала губы, но не опускала глазъ.

Лакей обносилъ чай на подносѣ; слышалось звяканье ложечекъ, стукъ чашекъ о блюдечки и снова смѣхъ. Старая дама оглянулась на Кенига, и тотъ заигралъ. Онъ игралъ чудесно, но никто не слушалъ его. Когда онъ кончилъ, наступило минутное молчаніе, всѣ стали бла-

годарить; потомъ разговоръ завязался снова. Затѣмъ извѣстный пѣвецъ спѣлъ Шумановскую балладу, и все время, пока онъ пѣлъ, одна изъ старухъ, сидѣвшая у самаго рояля, разговаривала съ молоденькой дѣвушкой, которая кричала ей на ухо, въ слуховую трубу. По окончаніи баллады всѣ восхищались «милымъ старымъ романсомъ». Потомъ съ лѣстницы донеслись болѣе грубые голоса, смѣхъ погромче и шаги потяжелѣе. Вошли мужчины.

Кенигъ опять сѣлъ за органъ и заигралъ съ такимъ азартомъ, какъ будто желалъ бы имѣть въ своемъ распоряженіи цѣлый мѣдный оркестръ. Глори все время наблюдала; это начинало становиться очень забавнымъ, но вдругъ ей точно кольнуло. Одинъ изъ мужчинъ устало протянулъ:

— Опять старый Кенигъ! Вотъ живучій старикашка! Вѣдь онъ играетъ чуть ли не со временъ потопа.

Это былъ лордъ Робертъ Юръ. Глори поглядѣла на него искоса, опустила глаза и застучала носкомъ туфельки по ковру. Лордъ Робертъ вставилъ стеклышко въ правый глазъ, прищурилъ лѣвый и глядѣлъ на нее.

Къ органу подошелъ пожилой господинъ съ львиной гривой.

— Нѣтъ ли у васъ чего посмѣшнѣе, м-ръ Кенигъ? Въ эту зиму всѣ мы переболѣли инфлюэнцей и потеряли вкусъ къ классическому.

— Съ удовольствіемъ, сэръ,—отвѣчалъ Кенигъ и, обернувшись къ Глори, дотронулся до ея руки.—Ну што, какъ пульсъ? Ахъ, gott, скачитъ, какъ у мали рибонокъ! Тэперъ ваша очередь.

Глори выступила впередъ. Разговоръ оживился. До нея доносились отрывки фразъ: «Кто это? Профессіональная пѣвица?»—«О—нѣтъ леди».—«Что она, поетъ или свиститъ?»—«Да нѣтъ же, мы ее видѣли въ прошломъ году; она фокусы показываетъ». Голосъ, уже слышанный ею раньше, выговорилъ: «Клянусь Юпитеромъ, ваша молоденькая пріятельница расцвѣла какъ роза!»—Глори и глазомъ не моргнула, только нижняя губка ея нервно вздрагивала и чуть замѣтно кривилась.

Она запѣла «*Mylecharaine*,» балладу на англо-мэнскомъ нарѣчіи, въ которой говорилось о скрягѣ фермерѣ. Дочка стыдилась его, потому что онъ одѣвался въ лохмотья и носилъ желтые чулки, а онъ говорилъ, что если чулки у него не будутъ желтые, это отразится на ея приданомъ.

Она пѣла, декламировала, играла; старый скряга вставалъ, какъ живой, передъ глазами не ожидавшихъ ничего подобнаго слушателей. Пока она не кончила, въ комнатѣ царила полная тишина; потомъ раздался смѣхъ и аплодисменты, маленькая передышка, и снова разговоры. «Вотъ неожиданность! Какъ,—э. э,—естественно!»—«Именно естественно! Ничего подобнаго я... э.. э..»—«—А, право, недурно; очень забавно».—«Что это за нарѣчіе»?—«Ирландское».—«Ну да конечно!»—«Надѣюсь, она изобразитъ еще что-нибудь?»—«Тсс, она начинаетъ!»

Глори запѣла *Ny Kiree fo Niaghtey*»,—старую пѣсню объ овцахъ, заблудившихся въ горахъ во время метели; мелодія пѣсни дышала безконечной грустью. Дамы опустили лорнеты; мужчины выронили стеклышки, и лица ихъ приняли болѣе серьезное выраженіе; неугомонная старуха съ слуховой трубой громко сопѣла. Послышались похвалы, возгласы: «А знаете, честное слово, что-то новенькое».

— «И дѣвушка хорошенькая», — «Да! Ирландки вообще препикантныя».— «Какъ она этого скрягу изобразила—совсѣмъ живой»! — «Что то будетъ дальше? Надѣюсь, смѣшное».

Глори разсчитывала на этомъ и покончить, но не тутъ-то было. Кенигъ слишкомъ гордился ученицей.

Онъ расчистилъ ей путь, заявивъ, что, съ милостиваго разрѣшенія уважаемой публики etc юная артистка изобразитъ фабричныхъ дѣвушекъ, поющихъ на улицѣ.

Публика хохотала до упаду. Когда Глори кончила, ее засыпали поздравленіями и разспросами. — «Очаровательно! Всѣ три номера прелестны!»

«Но право же, милая барышня, вы должны щадить наши чувства. Эти овечки это было такъ грустно!»—Старуха съ слуховой трубой допытывалась, сколько времени подрядъ она можетъ пѣть такимъ образомъ и сильно ли она устаетъ, и часто ли простужается.

Дама въ черномъ атласномъ платьѣ пришла ей на выручку.— «Вамъ надо освѣжиться немножко, не могу ли я предложить»... И она обвела взоромъ комнату. Въ эту минуту голосъ, заставившій Глори вздрогнуть, сказалъ за ея спиной:

— Не могу ли я имѣть удовольствіе проводить, миссъ Квэйль, внизъ?

Это былъ Дрэкъ. Глаза у него остались все тѣ же, голубые и дѣтскіе, но Глори сразу замѣтила, что черты его стали рѣзче, что онъ отростилъ себѣ усы и вообще возмужалъ. Нѣсколько минутъ спустя они уже прохаживались по террасѣ.

Здѣсь было прохладно и тихо; такъ пріятно было перейти сюда изъ душной и шумной гостиной. Ночь была теплая, звѣздная; вѣтерокъ чуть шелестилъ листьями деревьевъ. Въ воздухѣ чувствовалась сырость; туманъ вставалъ надъ травою. Изъ за Вестминстерской башни выглядывала луна.

Глори раскраснѣлась; глаза ея сверкали, ноги едва касались земли; Дрэкъ дотронулся до ея руки.

— Ну-съ, теперь вы въ моей власти; начну съ того, что побраню васъ.

Они посмотрѣли другъ на друга и улыбнулись.

— Вамъ такъ не понравилось мое пѣніе?

— Не въ томъ дѣло! Гдѣ вы были все это время?

— Ахъ, если бъ вы только знали!—Она остановилась и смотрѣла въ темноту.

— Мнѣ *нужно* знать. Почему вы не отвѣтили на мое письмо?

— Ваше письмо?—Глори комкала цвѣты, украшавшіе ея корсажъ. Дрэкъ опять дотронулся до ея руки.

— Ну, ладно, не будемъ ссориться. Только въ другой разъ не дѣлайте этого; не то...

Кроткое сіяніе звѣздъ померкло передъ свѣтомъ луны. Какая-то пташка внизу должно быть приняла его за проблескъ разсвѣта, встрепенулась и запѣла. Часы на Вестминстерской башнѣ пробили одиннадцать, шумъ и движеніе на невидимыхъ улицахъ доносились сюда глухимъ гуломъ.

— Какая прелесть!—сказала Глори.—Трудно повѣрить, что это тотъ самый Лондонъ, гдѣ такъ много кафе-шантановъ, клубовъ и... монастырей.

— Полноте! Что вы можете знать о подобныхъ мѣстахъ?

Она выпустила его руку и перегнулась черезъ перила. Въ окна донеслись голоса, потомъ пѣніе, призывъ «Лѣсного Царя»: «Du, liebes Kind, komm' geh' mit mir; gar schöne Spielespiel'ich mit dir'...»

— Имѣете вы извѣстія о Джонѣ Стормѣ?

— Никакихъ.

— Интересно знать, были ли бы вы довольны, если бъ онъ вернулся теперь?

— Не знаю!

За ними послышались шаги и мягкій голосъ сказалъ:

— Представьте меня, м-ръ Дрэкъ.

Передъ ними стояла женщина лѣтъ двадцати восьми-девяти, съ короткими волосами, зачесанными вверхъ и назадъ, по мужски.

— А, Роза—миссъ Роза Маккварри. Роза моя большая пріятельница, Глори. Она пишетъ въ газетахъ. Если вамъ нужна слава,—часть ключей въ ея рукахъ, если же вамъ нуженъ другъ... Впрочемъ, я лучше оставлю васъ вдвоемъ.

— Дорогая,—начала Роза,—мнѣ такъ хотѣлось познакомиться съ вами.

— А вѣдь я уже видѣла васъ, и говорила съ вами.

— Какъ? Гдѣ?

Глори смущенно засмѣялась.

— Все равно гдѣ. Потомъ когда нибудь скажу.

— Вы тамъ всѣхъ съ ума свели своимъ голосомъ. «Столько чувства, огня! Откуда у нея это берется!»—Мнѣ кажется, я знаю—откуда. Изъ сердца. Вы жили, любили и страдали; я тоже. Мы здѣсь въ парадныхъ костюмахъ; но все же мы люди другого міра, дорогая. Въ этомъ обществѣ мы съ вами единственныя трудящіяся женщины. Можетъ быть, я смогу чѣмъ-нибудь помочь вамъ, а вы уже помогли мнѣ. Мы будемъ друзьями, хотите?

Глаза Глори засіяли, рѣсницы дрогнули. Не говоря ни слова, она обѣими руками обняла Розу за шею и поцѣловала ее.

— Я не ошиблась въ васъ,—выговорила та тихимъ хриплымъ голосомъ.—Васъ зовутъ Глори? Не даромъ вамъ дали такое имя. Самъ Богъ далъ его вамъ!

Гости начинали расходиться; Кенигъ пришелъ за «своей звѣздой»—«Я вамъ будитъ доставайтъ ангажементъ на два, на три года, честни словъ!»—говорилъ онъ, когда они спускались по лѣстницѣ. Дворецкій повелъ его въ библіотеку получить деньги и подписать квитанцію. Глори осталась стоять у бильярда; къ ней подошли Дрэкъ и лордъ Робертъ.

— Доколѣ?—съ улыбкой спросилъ Дрэкъ.

Глори сдѣлала видъ, будто не понимаетъ.

— Вы, должно быть, сочли меня циникомъ, Глори. А я хотѣлъ только сказать, что, разъ вы уже избрали эту профессію, надо поставить себя въ наиболѣе выгодныя условія. Почему не искать болѣе широкаго поприща? Почему не выступить публично?

— Эта дѣвице заклюшиль контрактъ со мной на три года,—вмѣшался Кенигъ.

Дрэкъ посмотрѣлъ на Глори; та покачала головой; Кенигъ пустился въ объясненія. Это подразумѣвается само собой. Вѣдь онъ училъ ее, взялъ къ себѣ въ домъ, отыскалъ въ воскресномъ...

Дрэкъ перебилъ его. Если имъ удастся доставить миссъ Квэйль болѣе широкое поприще для проявленія ея талантовъ, м-ръ Кенигъ отъ этого ничего не потеряетъ. Старикъ успокоился.

— Мы опять друзья?—спросилъ Дрэкъ, подсаживая Глори въ извозчичью карету.

— Да,—отвѣтила она.

Глори мало спала въ эту ночь. Вернувшись домой, она сѣла у раскрытаго окна, подставивъ прохладному ночному вѣтерку свои горячія губы и щеки. Садъ дремалъ въ лунномъ сіяніи. Все было тихо; гулъ огромнаго города доносился издали едва слышно; казалось, то вѣтеръ шумитъ въ листьяхъ деревьевъ. Глори думала о вопросѣ, заданномъ ей Дрэкомъ.

— Была ли бы я довольна?—шептала она.

А въ ушахъ ея звенѣла мелодія шубертовской баллады:

«Du, liebes Kind, komm' geh' mit mir!
Gar schöne Spiele spiel' ich mit dir!

XIX.

Пріорство, 1-го мая.

«*Милая тетя Рэчель*, великое событіе совершилось! Какіе наряды бриллианты, — вамъ и во снѣ не снилось ничего подобнаго! Тѣмъ не менѣе, лорды и лэди во всемъ похожи на обыкновенныхъ смертныхъ и

я ни чуточки не испугалась ихъ. Мои «номера» вышли, кажется, недурно. М-ръ Кенигъ подобралъ акомпаниментъ къ нашимъ старымъ мэнскимъ пѣснямъ и я имъ пѣла, а они смѣялись, плакали и опять смѣялись, и я вмѣстѣ съ ними. Но все это ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что будетъ дальше.

«Это будетъ 24-го мая. Я такъ трушу, что, сознаюсь тебѣ по секрету, сбѣгала даже къ гадалкѣ. Но она предсказываетъ чудеса: меня ждетъ слава, успѣхъ, обо мнѣ будутъ трубить во всѣхъ газетахъ; я стану кумиромъ толпы; все это восхитительно, увлекательно и въ матеріальномъ отношеніи весьма выгодно. Дѣдушка будетъ бранить меня, зачѣмъ я испытываю Провидѣніе, а ужъ Джонъ Стормъ навѣрное сказалъ бы, что мнѣ этого не слѣдуетъ дѣлать ни подъ какимъ видомъ, но говорить мнѣ, что мнѣ не слѣдуетъ дѣлать того или этого, все равно, что увѣрять, что мнѣ не слѣдовало имѣть красные волосы и болѣть корью. Не могу, не могу и не могу иначе! А разъ не могу, что и сокрушаться объ этомъ!

«А все-таки грустно, какъ подумаешь, сколько здѣсь бѣдныхъ дѣвушекъ, которыя лишены случая выдвинуться, которыхъ никто не видитъ и не слышитъ, которыя живутъ въ узкихъ переулкахъ и служатъ въ грязныхъ, темныхъ лавочкахъ, гдѣ мужчины говорятъ съ ними такъ, какъ не стали бы говорить со своими женами и сестрами, и зарабатываютъ себѣ хлѣбъ въ клубахъ и кафе-шантанахъ. А передо мной открыты всѣ пути; меня хвалятъ, балуютъ, я окружена уваженіемъ и поклоненіемъ, всѣмъ, что облагораживаетъ человѣка! Боже, прости мнѣ, что я такая тщеславная и самонадѣянная, хохочу надо всѣмъ и надъ всѣми и забываю иногда, что въ Лондонѣ не мало бѣдныхъ дѣвушекъ, которыя нисколько не хуже и не глупѣе меня и такія же мужественныя.

«Ну-съ! Я выложила вамъ все; теперь съ дѣлу! 24-го м-ръ Дрэкъ даетъ у себя парадный завтракъ въ честь моего дебюта, но собственно великое событіе совершится вечеромъ, такъ, около половины девятаго. Если вы въ этотъ часъ не забудете сказать: «Боже, будь милостивъ Глори!» я буду чувствовать себя сильной и мужественной.

«Ваша бѣдная, глупенькая, сантиментальная дѣвочка

Глори».

XX.

Прошло еще нѣсколько недѣль, наступилъ послѣдній день пребыванія Джона въ обители. Утромъ, разбудивъ братію, отецъ настоятель вошелъ къ нему въ келью и присѣлъ на конецъ кровати.

— Итакъ, твое рѣшеніе оставить насъ неизмѣнно?

— Неизмѣнно, отецъ мой.

Старикъ глубоко вздохнулъ.

— Еще одно, сынъ мой.

— Что такое, отецъ?

Голосъ старика упалъ до шепота.

— Ты нарушаешь обѣтъ, покидая насъ до истеченія срока послушничества и, хотя ты еще не инокъ, община должна отречься отъ тебя, какъ отъ инока, нарушившаго свой обѣтъ и отвергшаго благодать. Это должно быть сдѣлано прежде, чѣмъ ты переступишь порогъ обители. Твой долгъ передъ братствомъ и передъ Богомъ—покориться этому. Ты понимаешь?

— Да.

— Это будетъ въ церкви, передъ началомъ обѣдни.

Настоятель всталъ.

— Все?

— Все. Прощай, сынъ мой!—Голосъ его оборвался.

— Прощайте, отецъ мой. Прости мнѣ, Боже!

Чемоданъ съ вещами Джона уже внесли въ его келью; тамъ было платье, кошелекъ, часы и другія принадлежности туалета. Джонъ надѣлъ костюмъ пастора и поверхъ его рясу, такъ какъ зналъ что удаленіе ея входитъ въ программу церемоніи, черезъ которую ему надо было пройти. Позвонили къ завтраку, и онъ сошелъ въ столовую.

Братья встрѣтили его молча; никто не обернулся посмотрѣть на него, когда онъ вошелъ, но, по взглядамъ искоса, онъ чувствовалъ, что всѣ мысли ихъ заняты имъ. Послѣ завтрака онъ замѣшался въ толпу, чтобы проститься съ тѣми, кто этого пожелаетъ. Одни торопливо пожимали ему руку, другіе избѣгали его; нѣкоторые прямо поворачивались къ нему спиной.

Но, если въ столовой на него вѣяло холодомъ, зато на дворѣ онъ встрѣтилъ горячій пріемъ. При первомъ же звукѣ его шаговъ по мощеной дорожкѣ, собака выскочила изъ своей конуры, съ минуту постояла, глядя на него печальными, налитыми кровью глазами, потомъ подскочила, вскинула ему переднія лапы на грудь и запрыгала около него, съ громкимъ лаемъ, похожимъ на раскаты грома.

Онъ сѣлъ на скамейку, приласкалъ собаку и сердце его всколыхнулось радостью. Утро было ясное, солнечное; воздухъ напоенъ ароматомъ молодой зелени; птички весело щебетали въ вѣтвяхъ сикоморы.

Пришелъ братъ Эндрью и усѣлся возлѣ него. Все утро бѣлецъ, какъ собака, ходилъ за нимъ слѣдомъ, а теперь заговорилъ о своей матери, спрашивалъ Джона, не навѣститъ ли онъ ее. Ея фамилія Пинчеръ; она хорошая женщина. Живетъ она въ Крукъ-Лэнъ, Кроунъ-Стритъ, Сого, хозяйничаетъ у брата, закладчика. Только онъ, бѣдняга, сильно пьетъ; отчасти потому онъ, Эндрью, и ушелъ изъ дому. Джонъ обѣщалъ зайти къ его матери, и Эндрью расплакался. При его огромномъ тѣлѣ и расплывшихся чертахъ, въ слезахъ онъ казался почти смѣшнымъ.

Позвонили къ «часу третьему». Пока братія молилась, Джонъ въ послѣдній разъ обошелъ домъ. Собака слѣдовала за нимъ по пятамъ,—

старый песъ какъ будто рѣшилъ больше не терять его изъ виду. Проходя по корридору, онъ всматривался въ каждую надпись на стѣнѣ, хотя зналъ ихъ всѣ наизусть и читалъ сотни разъ. Войдя въ свою келью, онъ почувствовалъ какую-то нѣжность къ ней. Онъ такъ много передумалъ въ этой маленькой комнаткѣ, такъ много молился и страдалъ. Потомъ онъ взошелъ на башню. Какъ часто его тянуло сюда, словно волшебною силой, посмотрѣть на городъ, разстилавшійся внизу. Теперь, залитой солнечнымъ свѣтомъ, мѣстами утопая въ зелени, онъ имѣлъ довольно невинный видъ... Зазвонили къ обѣднѣ, хотя двѣнадцати еще не было, и Джонъ сошелъ внизъ. Иноки выстроились въ швейцарской въ томъ же порядкѣ, какъ въ день его посвященія, съ тою разницей, что брата Павла уже не было между ними. Впереди шелъ братъ Эндрью съ распятіемъ, за нимъ другіе бѣльцы, потомъ монахи, отецъ настоятель и, позади всѣхъ, Джонъ Стормъ.

Послѣ залитаго солнцемъ двора церковь казалась темной и мрачной. Шторы были спущены, алтарь задрапированъ чернымъ, какъ для панихиды. Какъ только братья размѣстились, настоятель взошелъ на ступеньки алтаря и началъ:

— Если кто-либо изъ членовъ этой общины таитъ въ душѣ предательскую мысль вернуться въ міръ и къ свѣтской жизни, я требую, чтобы онъ предсталъ предъ этимъ алтаремъ. Но горе тому, черезъ кого соблазнъ пріидетъ! Горе тому, кто, взявшись за плугъ, обернется назадъ!

Джонъ, не сходя съ своего мѣста, опустился на колѣни. Всѣ взгляды были устремлены на него. Съ минуту онъ колебался, затѣмъ всталъ и подошелъ къ алтарю.

— Сынъ мой,—продолжалъ настоятель,—еще не поздно. Я вижу твою судьбу такъ же ясно, какъ вижу тебя самого. Сказать тебѣ, какова она будетъ? Хватитъ ли у тебя мужества выслушать меня? Я вижу, какъ ты вступаешь въ міръ, которому нечѣмъ утолить твою духовную жажду. Я вижу, что ты обреченъ на неудачи, страданія и раскаяніе. Вижу, какъ ты черезъ годъ возвращаешься къ намъ съ сердцемъ разбитымъ, истекающимъ кровью. Вижу, какъ ты постригаешься великимъ постригомъ. Можешь ли ты не страшиться такого будущаго?

— Я долженъ.

Настоятель тяжело вздохнулъ.

— Это неизбѣжно,—сказалъ онъ и, взявъ съ алтаря книгу, прочелъ страшную формулу разстриженія:

«Властію Всемогущаго Бога, Отца и Сына и Святаго Духа, и нашею собственной властью, мы, члены Гевсиманскаго братства, слагаемъ съ тебя одежду нашего ордена и санъ иноческій, отвергаемся тебя, лишаемъ тебя всѣхъ правъ и преимуществъ и участія въ благахъ духовныхъ и молитвахъ, кои Господу, по милости Его, угодно было даровать намъ!»

— Аминь! Аминь!

Пока настоятель читалъ молитву, Джонъ стоялъ на колѣняхъ. Старикъ сдѣлалъ ему знакъ встать и снялъ съ него веревку, которой опоясалъ его при посвященіи, потомъ кивнулъ брату Эндрью, чтобъ онъ снялъ съ него рясу.

Колоколъ уныло гудѣлъ. Настоятель опустился на колѣни. Иноки хриплыми взволнованными голосами запѣли: *In exitu Israel de Aegypto.* Головы ихъ были опущены, голоса выходили точно изъ подъ земли.

Все было кончено. Джонъ Стормъ повернулся, чтобы идти, почти ничего не видя передъ собою. Братъ Эндрью, громко рыдая, пошелъ отворить ему дверь ризницы.

На дворѣ по прежнему сіяло солнце, пѣли и радовались птицы. Джонъ пришелъ въ себя, замѣтивъ, что собака лижетъ его окоченѣвшіе пальцы.

Минуту спустя братъ Эндрью отперъ калитку.

— Прощайте, голубчикъ.

Джонъ протянулъ ему руку, потомъ вспомнилъ, что онъ отверженный, и хотѣлъ было взять ее назадъ, но бѣлецъ уже схватилъ ее и прильнулъ къ ней губами.

Собака выбѣжала за нимъ на улицу.

— Иди домой, старина!

Онъ потрепалъ вѣрное животное по головѣ, а братъ Эндрью придержалъ его за шиворотъ. У воротъ ждалъ кабріолетъ съ кучеромъ позади.

— Викторія-скверъ, Вестминстеръ.

Кабріолетъ тронулся; собака рванулась, вырвалась и побѣжала сзади.

Улицы казались Джону необычайно многолюдными; шумъ экипажей оглушалъ. Въ монастырской церкви звонили къ обѣднѣ. Какимъ слабымъ и жалкимъ казался этотъ звонъ съ улицы, какимъ мощнымъ и властнымъ внутри обители!

Джонъ начиналъ испытывать невыразимое облегченіе. Какъ билось его сердце! Какое странное и сильное ощущеніе снова очутиться въ мірѣ живыхъ! Ѣхать по этимъ извилистымъ, запруженнымъ народомъ переулкамъ все равно, что попасть въ боковую качку, огибая мысъ. Джону казалось, что онъ вдыхаетъ въ себя соленый морской воздухъ, чувствуетъ брызги пѣны на своихъ губахъ и щекахъ. Это жизнь, это свобода!

Безпокоясь за собаку, онъ велѣлъ кучеру остановиться. Вѣрное животное вскочило въ кабріолетъ и свернулось подъ заднимъ сидѣньемъ. Прежде чѣмъ они успѣли опять тронуться съ мѣста, передъ ними прошелъ человѣкъ - афиша, за нимъ другой и третій; на доскахъ у всѣхъ стояло одно только слово: «*Глорія*».

Онъ видѣлъ это, но не обратилъ вниманія. Ему это почему-то показалось отголоскомъ жизни, оставленной имъ позади.

Шумъ и движеніе опьяняли его, какъ вино. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ наверстать потерянное, узнать, что случилось на свѣтѣ за время его отсутствія. Наклоняясь то вправо, то влѣво, онъ читалъ названія улицъ, вывѣски, старался припомнить дома, проулки. Къ чему? Прошлое останется прошлымъ, и время не возвращается назадъ ни для кого. Каждый прохожій знаетъ все, что случилось; бѣднѣйшій нищій знаетъ больше его. А у него почти цѣлый годъ жизни ушелъ на молитву, постъ, эпитимьи, видѣнія, грезы,—вычеркнутъ изъ жизни, канулъ въ вѣчность, потерянъ безвозвратно.

Доѣхавъ до банка, его возница опять вынужденъ былъ остановиться, чтобы пропустить рядъ омнибусовъ, направлявшихся въ Чипсайдъ. На каждомъ омнибусѣ была доска для объявленій и почти на каждой доскѣ слово, уже видѣнное имъ раньше—«*Глорія*».

— Должно быть, прозвище какой-нибудь пѣвички,—пояснилъ онъ себѣ. Однако это имя начинало волновать его. Оно будило въ немъ воспоминанія, заставляло думать о прошломъ,—о яхтѣ, Пилѣ, отцѣ, наконецъ о Глори,—и еще о Глори,—и снова, и снова о Глори.

Онъ замѣтилъ флаги надъ банкомъ и дворцомъ лорда-мэра и спросилъ у кучера, что это значитъ, не происходитъ ли въ городѣ чего-нибудь необычайнаго.

— Господи, помилуй, сэръ! вы развѣ не знаете, какой нынче день? Рожденіе милой старой королевы. Да вы что-жъ больны были, что ли?

— Около того.

— Я такъ и подумалъ.

Когда экипажъ снова тронулся, Джонъ началъ обсуждать, что ему дѣлать дальше. Надо работать для бѣдныхъ и отверженныхъ, для угнетенныхъ и падшихъ. Онъ будетъ разыскивать ихъ, обойдетъ всѣ притоны порока и нищеты. Для него не будетъ ничего слишкомъ низкаго, ничего пошлаго, или нечистаго! Что за бѣда, что онъ одинъ изъ милліона. «Царство небесное подобно зерну горчичному».

Вотъ показалась и колокольня св. Павла. Золотой крестъ надъ куполомъ сверкаетъ на яркомъ фонѣ неба, словно огненный перстъ. Вотъ истинная эмблема и великій примѣръ! Грѣшно думать, будто религія имѣетъ дѣло только съ тѣмъ, что не отъ міра сего. Это чудовищная ложь, узкая и мрачная формула. Трудъ—та же религія! Трудъ—молитва и хвала! Трудъ—любовь къ человѣку и служеніе Богу!

Чудный завѣтъ! Великій, безсмертный символъ!

Конецъ второй книги.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(*Продолженіе* *).

XXXIII.

Отношенія Бѣлинскаго къ славянофильству принадлежатъ къ самымъ спорнымъ и запутаннымъ вопросамъ въ исторіи идейнаго развитія критика. На первый взглядъ вопросъ представляетъ два совершенно непримиримыхъ звѣна: одно—чрезвычайно рѣзкія отрицательныя чувства, другое—вполнѣ благосклонный разборъ славянофильскихъ воззрѣній и даже признаніе славянофильскихъ заслугъ предъ русской общественной мыслью.

Признаніе высказано Бѣлинскимъ незадолго до смерти и, несомнѣнно, съ теченіемъ времени получило бы дальнѣйшее оправданіе и развитіе. Но голосъ критика замолкъ и предъ нами остались, съ одной стороны, ядовитыя нападки на примирительное слабодушіе московскихъ западниковъ, съ другой — похвальная рѣчь въ честь именно той секты, съ какой Бѣлинскій не могъ допустить ни сдѣлокъ, ни уступокъ.

Какъ объяснить этотъ фактъ?

Отвѣтъ можно дать очень простой и не лишенный убѣдительности. Смѣна идей у Бѣлинскаго—явленіе обычное. Если шиллеризмъ могъ быть замѣненъ гегельянствомъ, а гегельянство уступило мѣсто неистово-страстнымъ инстинктамъ борьбы, отчего же не повториться подобному приключенію и въ области чисто-партійныхъ счетовъ?

Преданія о томъ, какъ были приняты благосклонные отзывы Бѣлинскаго о славянофилахъ его ближайшими сподвижниками, совпадаютъ съ извѣстіями о впечатлѣніяхъ редакціи *Отечественныхъ Записокъ*, когда въ журналѣ послѣ бородинскихъ статей стали появляться проповѣди въ совершенно другомъ духѣ. Теперь изумляться и огорчаться пришлось издателямъ *Современника*.

---

*) См. «Міръ Божій», № 5. Май.

Намъ разсказываютъ: «редакція много роптала на статью съ такой странной, небывалой тенденціей въ петербургско-западнической печати и которой она должна была открыть свой новый органъ гласности» [184]).

И, несомнѣнно, будь на мѣстѣ Бѣлинскаго другой критикъ, ни Краевскій, ни Панаевъ съ Некрасовымъ, не потерпѣли бы такого разочарованія. Вся программа *Современника*, только что пріобрѣтеннаго у Плетнева, сосредоточивалась на двухъ задачахъ — на защитѣ новой литературы обличенія и на борьбѣ съ славянофильской партіей. И вдругъ, руководящая статья отводитъ славянофиламъ почетное мѣсто среди просвѣтителей русскаго общества!

Это впечатлѣніе головокружительнаго прыжка осталось и позже, Бѣлинскій вписалъ въ свою біографію лишній эпизодъ, по обыкновенію блещущій искренностью, но не свидѣтельствующій о послѣдовательности и вдумчивости ума. Были даже попытки объяснить новое приключеніе новыми внѣшними вліяніями, именно разсужденіями молодого критика Валерьяна Майкова, занявшаго мѣсто Бѣлинскаго въ *Отечественныхъ Запискахъ* [185]).

Самъ Бѣлинскій личными признаніями давалъ поводъ смотрѣть на свои чувства къ славянофиламъ, какъ на неожиданную новость. Ему приходится наталкиваться на дѣльныя мысли въ славянофильскихъ статьяхъ, напримѣръ, въ статьѣ Юрія Самарина о *Тарантасѣ* гр. Соллогуба: Бѣлинскому понравилась казнь, совершенная критикомъ надъ аристократическими замашками беллетриста и онъ прибавляетъ:

«Это убѣдило меня, что можно быть умнымъ, даровитымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, будучи славянофиломъ».

По поводу встрѣчи съ Иваномъ Аксаковымъ тѣ же настроенія и съ очень краснорѣчивой оговоркой: «Я впадаю въ страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами дѣйствительно могутъ быть порядочные люди. Грустно мнѣ думать такъ, но истина впереди всего!» [186]).

Точный смыслъ этихъ словъ тотъ же, какой заключался и въ проклятіяхъ Бѣлинскаго на гегельянство и въ провозглашеніи своего революціоннаго перехода въ другое вѣроисповѣданіе... Но мы могли убѣдиться, сколько страстнаго *моментнаго* увлеченія было въ крѣпкихъ рѣчахъ критика, какая неразрывная органическая связь проходила по его, будто бы, непримиримымъ идейнымъ увлеченіямъ, сколько задатковъ борьбы съ «гнусной дѣйствитель-

---

[184]) Анненковъ. *Воспомин. и критич. очерки.* III, 149.

[185]) Скабичевскій. *Сорокъ лѣтъ русской критики.* Сочиненія. Спб. 1890. I, 473.

[186]) Письма изъ поѣздки Бѣлинскаго въ Крымъ, лѣтомъ 1846 года. Пыпинъ II, 261—2.

ностью» таилось подъ потокомъ стремительныхъ пѣснопѣній въ честь этой самой дѣйствительности.

Мы раньше должны были ограничить безусловно-историческое значеніе заявленій Бѣлинскаго о пережитыхъ имъ нравственныхъ опытахъ и, въ разрѣзъ съ его свидѣтельствами, ввести въ болѣе тѣсные предѣлы незаслуженно прославленныя вліянія его товарищей на его умъ и міросозерцаніе. Подобная задача предстоитъ намъ и въ исторіи славянофильскихъ преобразованій Бѣлинскаго.

Прежде всего, въ высшей степени оригинально положеніе самого предмета, вызвавшаго столь, повидимому, противорѣчивыя чувства у нашего критика. Въ ряду всевозможныхъ чисто философскихъ и общественныхъ системъ Запада и Россіи трудно указать школу или направленіе, вызвавшее и навсегда оставившее за собой столь смутныя впечатлѣнія, какъ славянофильство. Можно подумать, друзья и враги судили не о новой вполнѣ исторической и вполнѣ откровенной партіи, а о какихъ-то темныхъ отрывкахъ темнаго преданія. До такой степени разнымъ умамъ различно представлялись достоинства и самыя существенныя стороны славянофильскаго толка! Онъ, въ лицѣ своихъ краснорѣчивѣйшихъ представителей, завѣщалъ потомству цѣлую библіотеку откровеній по всѣмъ вопросамъ нравственности и общежитія, начиная съ религіи и кончая экономической политикой. И въ результатѣ, роковой туманъ до сихъ поръ не разсѣянъ и позднѣйшимъ витязямъ школы все еще приходилось едва ли не по всякому случаю начинать рѣчь съ самаго корня и вести ее въ тонѣ учителя, безпомощно изнывающаго надъ объясненіемъ трудной теоремы предъ неподготовленной и скептической аудиторіей.

Именно въ этой роли оказался Иванъ Аксаковъ, послѣдній столпъ и хранитель вѣры. Появилась статья *въ защиту* славянофильства. Авторъ, повидимому, совершенно искренне выполнялъ свой трудъ, ожесточенно нападалъ на недомысліе и злоумышленія западниковъ, рисовалъ привлекательные, отчасти даже величественные, хотя и архаическіе образы славянофиловъ-патріотовъ, въ родѣ новаго отца церкви Хомякова, «ветхопещерника» Петра Кирѣевскаго, благороднаго идеалиста Константина Аксакова, устанавливалъ чрезвычайно лестную противоположность славянофиловъ и западниковъ: одни представляли идею общественной самодѣятельности, другіе ожидали всѣхъ благъ отъ просвѣщенной правительственной власти [187]).

Казалось бы, все благополучно, по крайней мѣрѣ въ общемъ, и личная нравственность, и общественная политика славянофиловъ по-

---

[187]) *Русскій Архивъ* 1873 года, *Славянофилы. Историко-критическій очеркъ* Э. Мамонова, стр. 2493 etc.

ставлены на исключительную высоту, и притомъ публицистомъ, «слишкомъ долго» принадлежавшимъ къ «славянофильской дружинѣ».

Такъ поспѣшилъ заявить Иванъ Аксаковъ, и отнюдь не въ похвалу, а съ цѣлью съ особенной ядовитостью подчеркнуть преднамѣренныя извращенія автора.

Оказывалось, онъ почти ничего не понялъ въ славянофильскомъ ученіи, или умышленно перетолковалъ. По объясненію Аксакова, основная словянофильская идея—*народность*. «Около этого термина, какъ около центра,—говоритъ онъ,—группировалась вся борьба и ожесточенно ломались копья въ теченіе чуть не двадцати лѣтъ». Авторъ статьи ни разу даже не употребилъ этого термина. Народность славянофилы возвели на степень «философскаго принципа», устами Хомякова признали ее «необходимымъ орудіемъ истиннаго просвѣщенія». Дальше, «основное начало русской народности» словянофилы видѣли въ православіи и находили въ немъ «иныя просвѣтительныя начала, начала высшей цивилизаціи, чѣмъ тѣ, которыми жила и которыя уже почти изжила Западная Европа».

Эта идея развивалась до крайняго предѣла и приводила къ выводу, что сама русская народность получала смыслъ «просвѣтительнаго органа» только въ зависимости отъ проникновенія духомъ православія.

Слѣдовательно, славянофильскіе философы сначала являлись церковными и религіозными наставниками, а потомъ уже философами и публицистами, на первомъ планѣ—община вѣрующихъ, а потомъ—гражданское общество. Толкованіе вполнѣ опредѣленное, и вотъ до него-то не додумался защитникъ славянофильства, не смотря на свои многолѣтнія связи съ его дружиной. За эту слѣпоту или злой умыселъ онъ подвергся тяжкому обвиненію въ недобросовѣстности [188]).

Но, при всей энергіи и торжествующей надменности тона Аксакова, вопросъ оставался все-таки неразрѣшеннымъ. Повторять тысячи разъ можно какіе угодно термины, не возбраняется и совершать съ ними всяческія комбинаціи, но достоинство дѣла требуетъ не диктаторскихъ возгласовъ, а спокойныхъ, вразумительныхъ объясненій, не таинственныхъ формулъ, а послѣдовательнаго и доказательнаго анализа—и терминовъ, и ихъ сочетаній.

Хомяковъ, по выраженію издателя его богословскихъ сочиненій, «жилъ въ церкви» и всю жизнь пребывалъ вѣрнымъ сыномъ православія,—эта ссылка Аксакова убѣдительна только для личной характеристики Хомякова, какъ человѣка религіознаго. Другіе

---

[188]) *Письмо* Аксакова, тамъ же, стр. 2508 etc.

славянофилы не были одарены такой искренностью, и тѣмъ не менѣе горячо исповѣдывали догматъ народности. Какая же *необходимая* связь между религіозными чувствами и общественными идеями славянофиловъ? Какимъ путемъ *народность* могла быть создана извѣстнымъ *вѣроисповѣданіемъ* и почему именно русскую народность создало православіе, а не греческую или иную, принявшую ту же церковь? Не унижаетъ ли это представленіе *національной* сущности русскаго племени, не отрицаетъ ли оно у этого племени самобытной духовной организаціи, свойственной каждому народу, независимо отъ извнѣ воспринятой религіи?

Для ясности вопроса можно провести яркую историческую параллель. Католичество когда-то владѣло всѣми народами западной Европы и одинаково властно тяготѣло надъ ихъ нравственной и матеріальной жизнью. Реформація освободило отъ этого господства германскія націи и только частью коснулась романскихъ, и то не всѣхъ. Какъ объяснить этотъ фактъ? Одно изъ нагляднѣйшихъ объясненій—болѣе глубокіе и самостоятельные національные инстинкты германской расы. Именно эта сила, независимая отъ историческихъ условій, вызвала протестъ противъ римской церкви, ея догматовъ и ея іерархіи. А между тѣмъ, въ глазахъ Рима средневѣковая Германія и душой, и тѣломъ сливалась съ лономъ католичества и была немыслима безъ благословеній папы.

Не приближались ли славянофилы къ такому же средневѣковому воззрѣнію, усиливаясь отожествить два совершенно различныхъ явленія и рискуя поставить себя въ очень ложное положеніе—искусственно устанавливать связь своего культурнаго нравственнаго міра съ непосредственными вѣрованіями и обычаями народа?

Въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, широковѣщательный догматъ влекъ къ менѣе всего почтеннымъ фактамъ. Они одновременно напоминали и о темнотѣ совсѣмъ недобраго стараго времени, и о лживой политикѣ апостоловъ новой культурной вѣры.

Чистота намѣреній и личностей нѣкоторыхъ московскихъ славянофиловъ безпрестанно омрачались или фанатическими идеями, или мелочными и недостойными поступками. Отсюда противорѣчивыя впечатлѣнія, какія славянофильская среда производила на умѣреннѣйшихъ западниковъ. Мы слышали отъ Грановскаго самые пестрые отзывы о братьяхъ Кирѣевскихъ. Гуманному и образцовотерпимому профессору приходилось прибѣгать къ оговоркамъ и смягченіямъ, обращаться къ чувствительности своихъ друзей, рисовать симпатичныя фигуры рядомъ съ отталкивающими идеями. То же самое бремя лежало и на Герценѣ, близкомъ пріятелѣ Константина Аксакова.

Самый мирный западникъ Боткинъ, равнодушный къ глубокимъ пріятельскимъ чувствамъ, предпочиталъ иронію и судилъ

безъ всякихъ ограниченій и вполнѣ трезво межеумочное положеніе славянофиловъ.

«Оторванные своимъ воспитаніемъ,—писалъ онъ,—отъ нравовъ и обычаевъ народа, они дѣлаютъ надъ собою насиліе, чтобъ приблизиться къ нимъ, хотятъ слиться съ народомъ искусственно». И дальше слѣдуютъ иллюстраціи.

Въ семьѣ Аксаковыхъ не ѣдятъ телятины, ходятъ къ обѣднѣ и ко всенощной, наряжаются въ русское платье, въ мурмолку, преслѣдуютъ жестокими укоризнами молодыхъ людей, посѣщающихъ театръ по субботамъ, Иванъ Кирѣевскій возмущается шуточными письмами Соловьева на славянскомъ языкѣ, потому что это языкъ св. писанія [189]).

Много лѣтъ спустя столь же умѣренный западникъ вознамѣрился отдать отчетъ о славянофильскомъ движеніи и во главѣ своихъ статей заявилъ о тѣхъ же противорѣчіяхъ, распространенныхъ среди «большинства». Оно представляетъ славянофильство «странной смѣсью глубокихъ мыслей, взглядовъ и стремленій съ смѣшными причудами, съ бросающимися въ глаза нелѣпостями, глубокой вѣры съ святошествомъ и суевѣріями, требованій свободы гражданской и общественной съ національнымъ изувѣрствомъ и грубымъ посягательствомъ на несомнѣнныя права, вѣротерпимости съ религіознымъ фанатизмомъ, просвѣтительныхъ и прогрессивныхъ идей съ обскурантизмомъ и реакціонерными замашками. Гдѣ же и въ чемъ правда? Откуда могли взяться такія вопіющія противорѣчія въ одномъ и томъ же ученіи?» [190]).

Благосклонный авторъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Онъ ограничивается самоотверженнымъ выясненіемъ положительныхъ завоеваній славянофильской мысли, усиленно настаиваетъ на ея просвѣщенности и культурности... Но и ему приходится ввести въ свои хвалы нѣкоторый диссонансъ. Славянофильство, по его словамъ, «не имѣло почти ничего общаго съ фанатиками, обскурантами, квасными патріотами и дикими людьми, готовыми видѣть въ насиліи и кулакѣ оригинальное возрожденіе русскаго народнаго духа».

Еще бы! Общее съ дикими людьми! И все-таки потребовалось словечко «почти»,—значитъ не совсѣмъ безгрѣшно славянофильство даже въ такихъ недугахъ, какъ фанатизмъ и патріотическое умопомѣшательство.

Да, не совсѣмъ, и источникъ противорѣчій, думается намъ, вполнѣ ясенъ. Онъ заключается въ средневѣковой основѣ славянофильскаго религіозно-культурнаго принципа.

---

[189]) Письмо къ Анненкову. *Анненковъ и его друзья*, стр. 539.

[190]) Кавелинъ. *Московскіе славянофилы сороковыхъ годовъ. Сѣверный Вѣстникъ*. 1878 г., № 20.

Славянофилы слили въ одно понятіе народность и вѣру русскаго народа и даже народность поставили въ зависимость отъ *простонародной* вѣры. Хомяковъ могъ чрезвычайно тонко и просвѣщенно разсуждать о свободѣ личной совѣсти, о заслугахъ «дѣятельности разума человѣческаго», доходить даже до идеи о вредоносности «понятія государственной религіи» и подвергать Ѳеодосія Великаго критикѣ за то, что тотъ объявилъ христіанство господствующей религіей имперіи... Все это при блестящемъ діалектическомъ талантѣ и обширныхъ знаніяхъ писателя, представляло поучительное зрѣлище. Но оно врядъ ли совпадало съ тѣмъ православіемъ, какимъ жилъ и живетъ русскій народъ и врядъ ли служило интересамъ той церкви, гдѣ, по мнѣнію Аксакова, всю жизнь пребывалъ богословъ-любитель.

Для практическихъ цѣлей приходилось пользоваться другой, реальной системой, дѣйствительно народной. Отсюда исторіи, сообщаемыя Боткинымъ и тѣ черты вѣры, какія подвергали просвѣщенныхъ славянофиловъ укоризнамъ въ святошествѣ и обскурантизмѣ. Гоголь это теченіе довелъ до ослѣпительной яркости и западники справедливо изумлялись, почему славянофилы отказываются признать родство съ ближайшимъ своимъ идейнымъ родичемъ.

Совершенно естественны и другія странности славянофильскаго толка, вплоть до мнимо-національнаго костюма Константина Аксакова, Погодина, Шевырева. Славянофилы, выставивши на своемъ знамени великую и истинно-культурную идею *народности*, практически нашли ей чрезвычайно простое и даже первобытное объясненіе. Вмѣсто того, чтобы въ русской исторіи и въ русскомъ бытѣ тщательно выдѣлить положительные задатки національнаго нравственнаго и политическаго развитія, они оказались не прочь воспользоваться первымъ попавшимся сырымъ матеріаломъ и пустить его въ оборотъ подъ флагомъ непогрѣшимаго философскаго принципа.

Въ результатѣ — выспреннѣйшій идеализмъ переходилъ въ грубѣйшія чисто эмпирическія внѣшнія формы, самостоятельное строгое мышленіе уступало мѣсто такой же скоропалительной и легкомысленной подражательности, какою страдали безтолковые обожатели Запада. Мѣнялся только внушитель модъ, рѣчей и настроеній, вмѣсто Парижа — великорусская деревня, притомъ даже не въ ея непосредственномъ современномъ видѣ, а деревня, созданная искусственно путемъ любительскихъ кабинетныхъ упражненій надъ понятіями русскаго мужика и русской народности.

И Константинъ Аксаковъ легко могъ додуматься до національнаго наряда, въ которомъ русскій народъ принималъ его за персіянина. Подобныя недоразумѣнія безпрестанно разрушали гар-

монію славянофильскихъ ученій въ несравненно болѣе важныхъ случаяхъ.

Единственной неотъемлемой заслугой нѣкоторыхъ славянофиловъ былъ и остался самый источникъ ихъ воззрѣній, первопричина ихъ безпокойства и критики.

XXXIV.

Откуда пошло славянофильство—вопросъ, безчисленное число разъ рѣшавшійся современниками и потомствомъ и получавшій далеко не всегда тождественные отвѣты. Славянофильская теорія сложилась поздно и подъ сильнѣйшимъ давленіемъ германской философіи. Мы указывали, чему могли русскіе націоналисты научиться у Фихте и видѣли у молодыхъ философовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ краснорѣчивые отголоски чужой культурной мысли, приспособленной къ отечественной почвѣ.

Но отвлеченному, философскому воззрѣнію предшествовало чувство, органическій протестъ извѣстнаго душевнаго склада противъ явленій, ему по природѣ ненавистныхъ или непонятныхъ.

Герценъ вполнѣ правильно понялъ эту стихійную основу славянофильства. «Славянизмъ, или руссицизмъ,—пишетъ онъ,—не какъ теорія, не какъ ученіе, а какъ оскорбленное народное чувство, какъ темное воспоминаніе и вѣрный инстинктъ, какъ противодѣйствіе исключительно иностранному вліянію, существовалъ со времени обритія первой бороды Петромъ I» [191]).

И дальше Герценъ слѣдитъ за ходомъ славянофильскихъ настроеній въ зависимости отъ судебъ русской правительственной власти. По нашему мнѣнію, это путь ложный и односторонній. Для развитія русскаго національнаго чувства тѣ или другія увлеченія Петра II или Петра III имѣли второстепенное значеніе. Это чувство питалось самой исторіей русскаго просвѣщенія,—все равно, сидѣла ли на престолѣ энциклопедистка Екатерина II или пруссофилъ—Петръ III. Высшее общество, при всевозможныхъ перемѣнахъ въ высшемъ правительствѣ, продолжало оставаться покорнымъ данникомъ иноземной образованности и парижскихъ модъ. Это данничество и служило неисчерпаемымъ источникомъ обиды и протеста для всѣхъ, кому по натурѣ или по разуму казалось зазорнымъ самозаклапіе русскаго національнаго духа на алтарѣ чужебѣсія.

Нѣтъ никакихъ основаній открывать славянофиловъ въ лицѣ Екатерины и Елизаветы, и только развѣ въ интересахъ остроумія «бѣлое и черное духовенство», можно причислять къ тому же толку. Оно, по обязанностямъ службы, конечно не могло одобрять

[191]) *Сочиненія*. Женева 1879. VII, 269.

иноземныхъ повшествъ, но отъ этого оффиціальнаго долга до прирожденнаго или принципіальнаго отвращенія ко всему европейскому—цѣлая пропасть. Герценъ правъ въ одномъ: славянофильство—инстинктъ, невольный крикъ оскорбленнаго чувства, но источника болѣзненныыъ ощущеній слѣдуетъ искать не въ партійныхъ или сословныхъ стремленіяхъ, а въ самой природѣ русскихъ людей, осужденныхъ завоевывать себѣ мѣсто на сценѣ міровой цивилизаціи совершенно исключительными путями.

Безпощадныя мѣры, какими Петръ приспособлялъ Россію къ Европѣ, должны были неминуемо вызвать хотя бы страдательное сопротивленіе, и патріоты, горой стоявшіе за свои бороды и величавую длиннополую одежду, являлись прообразомъ позднѣйшихъ подвижниковъ мурмолки и терлика. Но это только изнанка историческаго явленія. Лицевая сторона его представлялась не раскольниками, не стрѣльцами, не партіей царевича Алексѣя или князей Долгорукихъ, а передовыми дѣятелями науки и литературы. Первымъ славянофиломъ по справедливости долженъ быть признанъ Ломоносовъ, не имѣвшій ничего общаго ни съ московскимъ изувѣрствомъ, ни съ аристократическимъ и стрѣлецкимъ бунтарствомъ. Именно онъ занялъ мѣсто Петра въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи и онъ же рѣзко и опредѣленно заявилъ себя борцомъ за русскую народность.

Мы знаемъ, Ломоносовъ жаловался академіи на нѣмца Миллера за то, что нѣмецъ-историкъ относится непочтительно и неблагосклонно къ «россійскимъ жителямъ», унижаетъ ихъ даже предъ чувашами, за то что онъ на нѣмецкомъ языкѣ разсказываетъ иностранцамъ смутныя времена, т. е. «самую мрачную часть россійской исторіи», и даетъ иностраннымъ народамъ поводъ «худыя выводить слѣдствія о нашей славѣ»... Съ этой минуты славянофильство могло вести свое лѣтоисчисленіе.

Ломоносовъ шелъ очень далеко въ своей рыцарской защитѣ русской славы. Онъ готовъ былъ запретить ученое изслѣдованіе цѣлыхъ эпохъ и преслѣдовать до пота лица «заносливыя рѣчи» въ книгахъ иностранцевъ о Россіи. И великій ученый не оставался одинокимъ на своемъ пути.

Славянофильское теченіе захватывало и менѣе сильныхъ и отважныхъ современниковъ Ломоносова. Его восторги предъ исключительными достоинствами русскаго языка раздѣлялъ Сумароковъ, не чуждъ и Тредьяковскій народной гордости и даже художественнаго чутья къ красотамъ народной поэзіи.

И дальше, съ каждымъ десятилѣтіемъ, эти чувства росли и углублялись. При Екатеринѣ явились уже настоящіе французоѣды, въ родѣ Фонвизина, поднимавшіе бичъ съ одинаковой страстью и на Иванушекъ, и на самого Вольтера. У сатирика европейское

просвѣщеніе трудно отличить отъ глупости русскихъ недорослей и «нынѣшніе мудрецы», безъ всякихъ оговорокъ, обзываются искоренителями добродѣтели. Вообще протестъ противъ уродливаго европеизма, насмѣшки надъ нижегородскими парижанами очень рано стали переходить въ злобное чувство вообще на западныя вліянія и въ идеализацію почвы и старины. Высшее русское общество усерднѣйше питало оскорбленныя чувства соотечественниковъ и просто по закону контраста—противъ великосвѣтскихъ подданныхъ французской короны, утратившихъ вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ и національнымъ платьемъ русскую душу, возставалъ образъ непросвѣщеннаго, невзрачнаго но искренняго и естественно-мощнаго человѣка изъ народа. «Православный мужичекъ» своей простотой и загадочнымъ богатствомъ своего нравственнаго міра рисовался воображенію патріотовъ будто романтическій герой, въ сильной степени разукрашенный чисто литераторскимъ искусствомъ и тоскливымъ жаднымъ настроеніемъ праздная любителя рѣдкостей и пикантностей.

Деревня для старыхъ русскихъ благородныхъ гражданъ являлась своего рода экзотическимъ міромъ, царствомъ «въ чистомъ воздухѣ и посреди поля». Именно такъ выражается одинъ изъ екатерининскихъ поэтовъ—Львовъ, тосковавшій о русскомъ духѣ, о чисто русской одеждѣ и «поступкахъ». Эта идиллическая струя не исчезнетъ въ славянофильскомъ міросозерцаніи и барственно-чувствительныя изліянія по адресу интереснаго незнакомца въ армякѣ и курной избѣ безпрестанно будутъ прорываться у славянофильскихъ мыслителей сквозь философію и публицистику. Аристократическій элементъ—одна изъ оригинальнѣйшихъ чертъ славянофильскаго направленія и его не слѣдуетъ забывать рядомъ съ ломоносовскимъ патріотическимъ негодованіемъ на униженіе русской славы и русской добродѣтели.

Въ литературѣ всѣ эти черты нашли въ высшей степени яркое выраженіе. За нѣсколько десятилѣтій до появленія самого понятія *славянофильство* другъ противъ друга стояли два совершенно разнородныхъ родоначальника партіи—Крыловъ и Карамзинъ. У одного—идея народности, руссицизма—естественное прирожденное чувство, у другого—плодъ салонной и беллетристической прихоти. Одинъ ополчается на иноземцевъ и воспѣваетъ русскую сметку и почвенный здравый смыслъ въ ущербъ хитрымъ наукамъ, потому что онъ самъ всѣми силами души связанъ съ этой почвой и съ міросозерцаніемъ людей, живущихъ цѣлые вѣка сметкой и нутромъ. Другой сладостно щебечетъ стихотворенія въ прозѣ о добродѣтельномъ земледѣльцѣ, потому что—этотъ земледѣлецъ для него то же самое, что черный хлѣбъ для барченка пресыщеннаго пирожнымъ. Но и Карамзинъ также попадетъ въ списокъ подлин-

ныхъ славянофиловъ и Бѣлинскій именно его историческую идею о превосходствѣ Ивана III надъ Петромъ будетъ считать источникомъ славянофильства.

Въ результатѣ первичные задатки направленія сложились изъ чувствъ и стремленій въ высшей степени различныхъ,—до такой степени, что впослѣдствіи искренніе почвенники и руссофилы найдутъ возможнымъ даже презирать славянофиловъ, какъ партію. Это люди ломоносовскаго и крыловскаго закала, не ищущіе преднамѣренно въ мужикѣ своего рода «естественнаго человѣка». Блестящіе примѣры—Гоголь и особенно Писемскій.

Авторъ *Переписки* задался цѣлью стать выше партій и подвергъ одинаковому сужденію славянистовъ и европеистовъ, призналъ и тѣхъ и другихъ каррикатурами на то, чѣмъ занятъ былъ, у славянистовъ даже открылъ «больше кичливости» и «строптиваго хвастовства». И, несомнѣнно, Гоголь не былъ славянофиломъ въ смыслѣ Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ и Хомякова, т. е. у него не было особой доктрины—литературнаго и философскаго содержанія, а простой инстинктъ человѣка, по природѣ мало доступнаго соблазнамъ европейской культуры и по обстоятельствамъ почти совсѣмъ не вкусившаго ихъ.

То же самое Писемскій.

Онъ еще энергичнѣе насмѣялся надъ славянофилами и отвергъ у нихъ даже знаніе и пониманіе народа, огульно обозвалъ барами, мечтающими о пейзанчикахъ. А между тѣмъ, тотъ же Писемскій не пощадилъ и европейскаго просвѣщенія, страдалъ даже «органическимъ отвращеніемъ къ иностранцамъ» и ощущалъ болѣзненный трепетъ негодованія при одной мысли о чуждыхъ вліяніяхъ и заимствованныхъ идеяхъ.

Выводъ ясенъ. Славянофильство, какъ система воззрѣній, далеко не совпадаетъ съ руссофильскимъ національнымъ теченіемъ, проходящимъ чрезъ всю нашу литературу. Съ другой стороны—независимость и сила «русскаго духа», оригинальность русскаго народа весьма часто и чрезвычайно горячо защищали писатели, отнюдь не желавшіе заключать своихъ вѣрованій въ формулы и взрывы чувствъ превращать въ идеологію.

При такихъ условіяхъ невольно возникаетъ вопросъ: зачѣмъ появилось славянофильство, какъ особая воинствующая партія въ то время, когда на стражѣ русской національности стояла вся русская сатирическая литература, когда величайшіе поэты Россіи—Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь—воплощали въ себѣ самихъ русскаго человѣка, во всей глубинѣ и силѣ его національныхъ инстинктовъ и его естественнаго противоборства европейскому культурному порабощенію? Что новаго могли прибавить славянофилы къ русской отрицательной критикѣ, непрерывно раздававшейся противъ

европеизма отъ сатиръ Кантемира до *Горе отъ ума?* И особенно въ сороковые годы, когда, независимо отъ партійной борьбы, русская литература окончательно сбросила съ себя иноземное иго и это движеніе восторженно привѣтствовалось даровитѣйшимъ критикомъ-западникомъ.

Очевидно, разрушать славянофиламъ было нечего. Ниже мы увидимъ, что у самого Бѣлинскаго давно былъ накопленъ обильнѣйшій запасъ идей о народности и національности, гораздо раньше его столкновенія съ славянофилами. Если бы славянофильство этими идеями ограничило свои задачи, Бѣлинскому не пришлось бы пламенѣть на него гнѣвомъ, а потомъ впадать въ покаянный тонъ и сознаваться въ перемѣнѣ мыслей.

Но сущность явленія заключалась въ притязаніяхъ славянофиловъ на всестороннюю положительную истину. Они не желали ограничиться критикой и совершенно естественно: тогда они не имѣли бы никакой своеобразной окраски и у нихъ не было бы даже права на самостоятельное существованіе въ формѣ философской или общественной партіи. Ни Крылову, ни Грибоѣдову, ни Гоголю никогда и на умъ не пришло бы вооружаться нарочитымъ теоретическимъ знаменемъ. На вопросъ объ убѣжденіяхъ они просто отвѣтили бы: мы—русскіе люди, настоящіе русскіе, и потому осмѣиваемъ и ненавидимъ петиметровъ, парижанъ изъ Нижегородской губерніи и всякаго сорта обезьянъ и попугаевъ. Развѣ для этого надо принадлежать къ какой-либо партіи и изобрѣтать особую систему принциповъ и воззрѣній? Достаточно родиться въ Россіи и принадлежать ей.

Такъ сказали бы люди непосредственнаго чувства, искренно и просто воспринятой жизни. Но всѣ они или не знали, или не хотѣли знать о настоятельной необходимости чувства и воспріятія подчинять діалектически развивающейся идеѣ. Они были славянофилами безсознательно, все равно, какъ милліоны людей говорятъ прозой, не подозрѣвая самаго понятія *проза*. Явилась германская философія, стройныя и величественныя теоріи, и оказалось несвоевременнымъ мыслить не по системѣ и говорить не по схемѣ. На Западѣ національное движеніе немедленно было вложено въ строгія, извнѣ даже научныя формулы. Нѣмецкій бюргеръ ненавидѣлъ Бонапарта и французовъ просто потому, что они были Бонапартъ и французы, а онъ нѣмецкій бюргеръ, тѣ побѣдители, а онъ побѣжденный. Для философа этотъ фактъ означалъ: на міровую сцену является новая общечеловѣческая культурная сила, она подчинитъ себѣ всѣ другія націи и на землѣ воцарится германскій духъ, какъ сила самодовлѣющая и всеобъемлющая. Германія, слѣдовательно, борется съ французскимъ завоевателемъ не за свою національную и политическую свободу, а за всемірное торжество германской идеи.

Но нѣмцы играли въ сущности второстепенную роль въ пораженіи апокалипсическаго звѣря. Драгоцѣннѣйшія жертвы и величайшая слава выпала на долю Россіи. Ея государь сталъ на небывалую высоту въ глазахъ всей Европы и свидѣтели всѣхъ политическихъ партій единодушно признавали провиденціальное назначеніе Александра I. Г-жа Сталь объявляла русскаго императора «чудомъ Провидѣнія», воздвигнутымъ для спасенія свободы. Современные мистики спѣшили внушить Александру непоколебимую вѣру въ его сверхестественное міровое призваніе. Въ блескѣ славы царя совершенно исчезали и дѣла его союзниковъ.

Было бы невѣроятно, если бы чувства русскаго общества не отвѣчали этому настроенію и если бы они не приняли того самаго направленія, какое было подсказано нѣмцамъ ихъ національной борьбой. У русскихъ, наоборотъ, оказывалось несравненно больше основаній гордиться ролью своей страны въ умиротвореніи Европы, чѣмъ у всѣхъ другихъ народовъ Европы. И германская идея о предстоящемъ завоеваніи міра германскими началами неминуемо вызывала къ жизни славянскую идею съ соотвѣтствующимъ полетомъ.

Исходный моментъ вполнѣ понятный и даже законный, если ограничиться событіями и настроеніями дня. Но дальше вопросъ мѣнялся.

Германскіе мечтатели, въ порывѣ національнаго опьянѣнія, могли впасть въ своего рода психическій недугъ, извлекать изъ средневѣковаго архива кунсткамеру идей и предметовъ, вплоть до внѣшнихъ украшеній, устраивать вальпургіевы ночи съ національными декораціями и патріотическими безумствами, но все это не уничтожало весьма цѣннаго культурнаго капитала, завѣщаннаго Германіи ея стариной. Страна, создавшая въ прошломъ реформацію, Лютера и Гуттена, могла смѣло помѣряться съ какимъ угодно народомъ достоинствомъ своихъ преданій и силой своей народной стихіи. Оргіи и маскарады буршей были жалки и смѣшны, но никакой смѣхъ и никакое юношеское легкомысліе не могли подлинной исторіи превратить въ сказку и великихъ героевъ мысли и воли низвести до уровня забавныхъ лицедѣевъ.

Въ Россіи вступили на тотъ же путь, но чѣмъ, какими свѣточами мысли предстояло освѣтить его? Какія имена изъ далекаго, забытаго прошлаго можно было выдвинуть, какъ надежду и залогъ исключительнаго призванія русскаго народа на пути міровой цивилизаціи? Какія жизненныя нравственныя силы старины можно было принять за источникъ вдохновенія въ настоящемъ, за твердую почву для общечеловѣческихъ идеаловъ будущаго? Какими, наконецъ, идейными, не умирающими связями можно привязать Москву Алексѣя Михаиловича къ новой Европѣ первостепенныхъ мыслителей, политиковъ и художниковъ?

Отвѣтъ поспѣшили дать—въ самый разгаръ національнаго культа.

Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* Глинки Симеонъ Полоцкій и Костровъ соревновали Сократу и Гомеру, а мудрость Домостроя совсѣмъ не находила себѣ соперницъ. Другіе публицисты той же окраски усердно разыскивали русскихъ самоучекъ и излагали ихъ жизнь и дѣянія въ эпическомъ стилѣ. Славянофильство и впослѣдствіи не оставитъ этой политики: профессоръ Шевыревъ не побоится напасть на философію Гегеля во имя посланія Никифора къ Мономаху... Все это свидѣтельствовало и объ истинно-рыцарскомъ самоотверженіи воиновъ. Но развѣ только бредъ Донъ-Кихота на счетъ Дульцинеи Тобозской могъ поспорить высотой температуры съ видѣніями нашихъ подвижниковъ! И такъ какъ время рыцарскаго угара миновало безвозвратно, то публикѣ позволительно было сомнѣваться въ полной искренности и убѣжденности новыхъ мучениковъ идеи.

Ясно, въ какое безвыходное положеніе попали славянофилы, лишь только принимались за выясненіе *положительной* стороны своего ученія. Имъ неизбѣжно приходилось или насиловать логику и здравый смыслъ, или укрываться за выспренней реторикой и безрезультатной софистикой или прямо и рѣшительно окунаться въ безпримѣсное «москвобѣсіе».

Въ этомъ органическомъ недугѣ славянофильства лежитъ разгадка всѣхъ недоразумѣній и непримиримыхъ противорѣчій, переполняющихъ одинаково и произведенія самихъ славянофиловъ, и свидѣтельства людей другой партіи, все равно—враждебно или благосклонно настроенныхъ.

Краснорѣчивѣе всего, конечно, славянофильскіе семейные раздоры и нескончаемыя междоусобицы. Въ этомъ отношеніи славянофильство также единственное явленіе въ исторіи общественной мысли. Можно сказать, весь символъ славянофильской вѣры состоитъ изъ еретическихъ членовъ, и мы безпрестанно подвергаемся опасности не распознать правовѣрнаго апостола отъ еретика, хранителя подлиннаго ученія церкви отъ злокозненнаго недовѣрка.

XXXV.

Москва въ сороковые годы отличалась чрезвычайнымъ общественнымъ оживленіемъ и была имъ обязана преимущественно славянофиламъ. Въ столичныхъ салонахъ гремѣли отважныя рѣчи, точнѣе, проповѣди, приговоры и пророчества. Дѣйствовало первое поколѣніе славянофильской партіи, въ высшей степени талантливое, съ блестящими силами въ наукѣ, въ публицистикѣ, и даже отчасти въ художественной литературѣ. И оно несло свою вѣру въ непосвященную толпу съ необъятными надеждами

создать новую церковь на идеальныхъ основахъ любви къ родному народу, его духу и его исторіи. Оригинальныя личности проповѣдниковъ усиливали обаяніе пламеннаго слова и среди просвѣщеннаго общества не осталось, кажется, ни одного человѣка—ни мужчины, ни женщины, не захваченнаго кипучей борьбой.

Въ первый разъ на русской общественной сценѣ появились дѣйствительно идейные салоны съ хозяйками, близко принимавшими къ сердцу судьбу людей во имя извѣстныхъ воззрѣній. «Барыни и барышни,—разсказываетъ Герценъ,—читали статьи очень скучныя, слушали пренія очень длинныя, спорили сами за Константина Аксакова или за Грановскаго, жалѣя только, что Аксаковъ слишкомъ славенинъ, а Грановскій недостаточно патріотъ».

Эти статьи часто превращались въ обязательный урокъ. Кружокъ собирался въ опредѣленный день и одинъ изъ гостей обязанъ былъ прочитать что-нибудь вновь написанное. Соблюдалась очередь, и статьи нерѣдко отличались отнюдь не салоннымъ содержаніемъ, писались на вопросы самаго головоломнаго и трудно разрѣшимаго содержанія [192]).

Славянофилы въ своихъ рядахъ могли выставить на рѣдкость неутомимыхъ спорщиковъ. Хомяковъ находилъ, что московская «жизнь идетъ или плетется потихоньку» и «только одни споры идутъ шибкою рысью»: именно онъ самъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ виновниковъ этой рыси. Ему ничего не стоило въ теченіе нѣсколькихъ часовъ развивать отвлеченнѣйшую тему въ родѣ вопроса о разумѣ и вѣрѣ, и ни на минуту не утрачивать ни находчивости въ діалектикѣ, ни мягкости въ настроеніи.

Совершенно другимъ характеромъ отличался Константинъ Аксаковъ. Фанатически-убѣжденный, рыцарски-благородный и въ то же время нетерпимый, онъ наполнялъ московскія гостиныя атмосферой миссіонерства и подвижничества. Его не останавливали опасенія впасть въ комическую крайность или нелѣпость. Чѣмъ неожиданнѣе для другихъ могли казаться его выводы и выходки, тѣмъ больше утѣшенія получало его героическое сердце, и онъ не отказался бы примѣнить къ себѣ извѣстное изреченіе: «вѣрю потому, что это нелѣпо», т. е. нелѣпо для другихъ — добровольныхъ или безсознательныхъ слѣпцовъ.

Обожаемый въ родной семьѣ, молодой Аксаковъ водворилъ здѣсь нѣчто въ родѣ деспотическаго правленія. Отецъ слушалъ его рѣчи, будто откровенія мудрости, не подлежащей критикѣ, не стѣснялся при всѣхъ признавать самодержавіе сына, не могъ до-

---

[192]) Таково, напримѣръ, происхожденіе статьи Хомякова *О старомъ и новомъ*. *Полное собраніе сочиненій*. М. 1878. I, 359.

пустить и мысли, чтобы статья Константина или иное какое произведеніе могло оказаться неудовлетворительнымъ и кому-либо не понравиться. Сергѣй Тимофеевичъ не задумался пожертвовать «двадцатилѣтней дружбой» Погодина послѣ его неодобрительнаго отзыва о пьесѣ сына [193]).

Этотъ культъ окрылялъ юношу на несказанныя дерзновенія въ области излюбленныхъ идей. Ему ничего не стоило нанести оскорбленіе непріятному собесѣднику изъ-за одного слова: онъ приходитъ въ бѣшенство на Надеждина, своего гостя, назвавшаго себя «случайнымъ представителемъ Петербурга», онъ даже Хомякова повергаетъ въ смущеніе узостью своихъ православныхъ воззрѣній и прямолинейностью жизненныхъ запросовъ и тотъ оставилъ намъ о своемъ пылкомъ другѣ краткія, но въ высшей степени внушительныя замѣчанія. Они проливаютъ свѣтъ на существенныя нравственныя и культурныя черты лучшихъ представителей партіи.

«Его православіе,—писалъ Хомяковъ,—хотя искреннее, имѣетъ характеръ слишкомъ мѣстный, подчиненный народности, слѣдовательно, не вполнѣ достойный. Опять-же Аксаковъ невозможенъ въ приложеніи практическомъ. Будущее для него должно непремѣнно сей же часъ перейти въ настоящее, а про временныя уступки настоящему онъ и знать ничего не знаетъ, а мы знаемъ, что безъ нихъ обойтись нельзя» [194]).

Ту же наклонность «самодержавствовать», какъ выражается Погодинъ, Аксаковъ вносилъ и въ мелкіе вопросы, очевидно, казавшіеся ему крупными. Сергѣй Тимофеевичъ разсказывалъ Гоголю, какъ его сынъ устроилъ сцену Смирновой изъ за русскаго платья и бороды [195]).

Родительскимъ глазамъ эта «твердость» могла казаться почтенной и трогательной, но мы видѣли, какъ легко она порождала разногласія среди самихъ славянофиловъ. Фамильное святилище Аксакова и культъ семейной геніальности и родственной непогрѣшимости глубоко оскорбляли даже близкихъ людей. Погодинъ, напримѣръ, безпрестанно вносилъ въ свой дневникъ жалобы на самообожаніе и надменность Аксаковыхъ и, видимо, оказывался въ ихъ средѣ плебеемъ за столомъ аристократовъ. Только что мы слышали отзывъ Хомякова: даже его исключительному искусству не удалось заговорить разноголосицу и сгладить оттѣнки. Еще дальше отъ аксаковской трибуны стояли братья Кирѣевскіе.

Герценъ описываетъ ихъ положеніе въ Москвѣ крайне грустными красками. Оба брата производили на него впечатлѣніе печальныхъ тѣней. Ихъ не признавали живые, они сами ни съ кѣмъ

---

[193]) Барсуковъ. IX, 461.

[194]) *Ib.*, стр. 458—9.

[195]) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*. стр. 150.

не дѣлили интересовъ, ни съ кѣмъ ихъ не связывало сочувствіе и близость, и Иванъ Кирѣевскій изрекъ однажды Грановскому безнадежную исповѣдь: «Сердцемъ я больше связанъ съ вами, но не дѣлю многаго изъ вашихъ убѣжденій; съ нашими я ближе вѣрой, но столько же расхожусь въ другомъ».

А въ другой разъ онъ могъ только разсказывать о своихъ молитвенныхъ слезахъ, объ умиленныхъ настроеніяхъ при видѣ колѣнопреклоненной толпы... [196]). Невольная жалость сжимала сердце у всякаго не предубѣжденнаго свидѣтеля въ присутствіи этихъ живыхъ мертвецовъ. Никакого сильнаго и упорнаго дѣла нельзя было ожидать отъ этой томительной, безнадежной грусти, отъ этого чисто-отшельническаго самоуглубленія.

Въ результатѣ, нескончаемыя междоусобицъ и практическая безпомощность, какая-то немощь жизненныхъ проявленій идеи рѣзко оттѣняютъ славянофиловъ рядомъ съ принципіальной устойчивостью и энергіей западниковъ.

Касательно междоусобицъ краснорѣчивѣйшее свидѣтельство— участь погодинскаго *Москвитянина* въ кругу славянофиловъ.

Журналъ этотъ во время процвѣтанія *Отечественныхъ Записокъ* съ Бѣлинскимъ во главѣ остается единственнымъ прочнымъ органомъ славянофиловъ. Правда, Погодину не удалось пріобрѣсти авторитета среди партіи, она даже лично къ нему не питала особенно почтительныхъ чувствъ, но вѣдь онъ издавалъ несомнѣнно славянофильскій журналъ, враги у него и у славянофиловъ были общіе, и онъ не переставалъ добиваться трудовъ Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ и Хомякова на страницы своего изданія... Все было тщетно!

«Видно, на роду написано нелѣпымъ потомкамъ словенъ дѣйствовать всегда врознь», таковъ вѣчный припѣвъ Погодина [197]). И съ этой тоской вполнѣ совпадаетъ свидѣтельство Боткина о тѣхъ же потомкахъ славянъ: «эти господа такъ раздѣлены въ своихъ доктринахъ, такъ что, что голова, то и особое мнѣніе» А Герценъ находитъ среди славянофиловъ партіи всѣхъ красокъ, какія только извѣстны изъ исторіи жесточайшихъ смутъ западной Европы» [198]).

Герценъ могъ шутить надъ славянофильской пестротой, но редакція *Москвитянина* не переставала терзаться то отчаяніемъ, то злобой, то впадать въ прострацію и восклицать: «опять скучно писать!»

Семья Аксаковыхъ рѣшительно не желаетъ поддерживать *Москвитянина* и не позволяетъ даже поставить свои имена въ списокъ сотрудниковъ. Хомяковъ также не скрываетъ своего равно

---

[196]) Герценъ. *О. с.*, стр. 300 etc.

[197]) Барсуковъ. IX, 413. 447.

[198]) *Анненковъ и его друзья*, стр. 729. Герценъ. *Ib.*, стр. 290—1.

душія къ журналу, пока онъ существуетъ, и Шевыреву приходится выдерживать съ нимъ жаркія схватки, какъ ближайшему сотруднику Погодина. Хомяковъ не убѣждался и упорно находилъ, что *Москвитянинъ* «не заслуживаетъ поддержки» и отъ него заслуженно «всѣ отказываются». Только при слухахъ объ окончательной гибели погодинскаго изданія Хомяковъ принялся сѣтовать и въ его жалкихъ словахъ ярко обнаружилось не только барское эпикурейство тонкихъ мыслителей, но и самая откровенная аристократическая брезгливость къ слишкомъ заурядному поприщу дѣятельности.

Да, какъ ни странно, но славянофилы ранняго поколѣнія сторонились журнальной публицистики совершенно съ такимъ же выспреннимъ настроеніемъ, какое переполняетъ гордыхъ служителей чистой науки или чистаго искусства. Хомяковъ сознается, что онъ никогда не напечаталъ бы и строки въ журналѣ, будь у него другой путь «для выраженія мысли». И, сообщая о предстоящей кончинѣ *Москвитянина*, онъ пишетъ пріятелю:

«Пожалѣй объ насъ. Не остается даже журнала. Никто въ немъ не пишетъ и не хлопочетъ объ его поддержкѣ, а когда онъ скончается, вѣрно всѣ будутъ такъ же разстроены, какъ Иванъ Никифоровичъ, если бы у него украли ружье, изъ котораго онъ отъ роду не стрѣливалъ. Вѣдь покуда было ружье, можно бы было стрѣлять, если захотѣлось».

Но только славянофиламъ никогда этого не хотѣлось, а если и приходило желаніе, то исполненіе откладывалось на дальній срокъ.

Именно такая участь постигла добрыя намѣренія Ивана Кирѣевскаго. Онъ ближе другихъ интересовался *Москвитяниномъ*, а при своихъ настроеніяхъ не могъ дѣятельно работать. Но даже и ему случалось въ глаза самому Погодину заявлять, что писать хочется, да печатать негдѣ. Тогда Погодинъ снова неистовствовалъ въ своемъ дневникѣ: «безсовѣстные люди!»

Впрочемъ, Погодинъ могъ бы равнодушнѣе отнестись къ заявленію Кирѣевскаго на счетъ хотѣнія. Со времени закрытія *Европейца* Кирѣевскій не нарушалъ молчанія въ теченіе цвѣтущаго періода своей жизни. Это менѣе всего свидѣтельствовало о жаждѣ мыслить для другихъ и Шевыревъ лучше Погодина понималъ славянофильскую психологію.

Онъ жаловался на «бездѣйственные таланты» русскихъ людей, на ихъ способность довольствоваться пріятельскими бесѣдами, расточать на мелочи игру ума и воображенія, отвыкать отъ труда, не пускать своего нравственнаго капитала во всенародный оборотъ и коснѣть въ праздности и апатіи.

Примѣры у Шевырева были подъ рукой.

Въ то время, когда западники, не покладая рукъ, работали

надъ пропагандой своихъ общественныхъ и культурныхъ идей, славянофилы задыхались въ спорахъ о «церкви развивающейся» и Константинъ Аксаковъ, Хомяковъ, Юрій Самаринъ и Кирѣевскій изнываетъ надъ опредѣленіемъ понятія *развитія*, схватываются другъ съ другомъ при встрѣчахъ, переносятъ борьбу въ переписку и видимо любуются на свое столь производительное и возвышенное времяпрепровожденіе. Богословіе, философія, да еще XVII-й вѣкъ — самые жгучіе предметы для славянофильскихъ упражненій. Впослѣдствіи сынъ Самарина глубокомысленно будетъ изслѣдовать, на чью сторону и по какому поводу его отецъ присталъ на сторону Хомякова и Кирѣевскихъ или остался вѣренъ Константину Аксакову? Изслѣдователь наивно не замѣчаетъ гомерическаго комизма своей задачи: такъ прочно наслѣдіе словенъ!

Современники доблестныхъ ратоборцевъ были проницательнѣе, и тотъ же Шевыревъ ясно видѣлъ, какъ мало выигрывали насущные интересы родной партіи отъ богословскихъ экскурсій ея отцовъ. Какъ бы ни цѣнить талантъ и дѣятельность Шевырева, не слѣдуетъ забывать объ его безвозмездномъ долголѣтнемъ трудѣ въ *Москвитянинѣ*. Онъ единолично выносилъ борьбу съ такими противниками, какъ Бѣлинскій и успѣвалъ выступать противъ западниковъ на всѣхъ сценахъ борьбы и въ университетскихъ аудиторіяхъ, и въ публичныхъ лекціяхъ, и въ журнальныхъ статьяхъ. Личный характеръ профессора можетъ не внушать намъ особеннаго уваженія, но труженичество его внѣ сомнѣнія и при условіяхъ, менѣе всего благопріятныхъ для успѣха и популярности.

Сопоставьте съ нимъ блестящихъ и дѣвственно безукоризненныхъ джентльменовъ, располагающихъ въ случаѣ надобности безчисленнымъ множествомъ укромныхъ убѣжищъ отъ суеты житейской и соприкосновенія съ безтолково мятущейся толпой.

Прежде всего у каждаго изъ нихъ по нѣсколько родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ помѣстій. Всякую минуту «краснобаи» могутъ разъѣзжаться по деревнямъ, а тамъ «хоть трава не рости». Такъ ядовито выражается Сергѣй Аксаковъ, но гражданскія чувства не мѣшаютъ ему и его семьѣ заниматься по лѣтамъ «артистическимъ» сборомъ грибовъ, вести подробный дневникъ о количествѣ найденныхъ и замѣчательные экземпляры срисовывать въ особый альбомъ! Естественно, Погодинъ, тщетно добиваясь помощи и совѣта отъ этихъ идиллическихъ патріарховъ, имѣлъ всѣ основанія воскликнуть: «пустые люди!»

Менѣе рѣзки сужденія Грановскаго, но смыслъ ихъ тотъ же. Въ періодъ самыхъ сочувственныхъ отношеній къ Кирѣевскимъ Грановскій писалъ:

«Я отъ всей души уважаю этихъ людей, не смотря на полную

противоположность нашихъ убѣжденій... Жаль только, что богатые дары природы и свѣдѣнія, рѣдкія не только въ Россіи, но и вездѣ,—гибнутъ въ нихъ безъ всякой пользы для общества. Они бѣгутъ отъ всякой дѣятельности» [199]).

И трудно было не бѣжать, по крайней мѣрѣ въ періодъ состязаній о *развитіи* и углубленіи въ русскія древности. Онѣ для благородныхъ славянофиловъ служили удовлетвореніемъ всѣхъ запросовъ ума и сердца. Юрій Самаринъ, долго поживши въ XVII вѣкѣ, пріобрѣлъ основательныя свѣдѣнія о вѣнчаніи на царство Михаила Ѳедоровича и о созывѣ земской думы при Алексѣѣ Михаиловичѣ. Это похвально, но изъ науки вытекаетъ философія такого содержанія:

«Славное было время! Куда противъ настоящаго лучше. Люди были поумнѣе нынѣшнихъ, а умничали меньше, поэтому и дѣло шло у нихъ лучше». Замѣчаніе насчетъ умничанья было бы очень кстати, какъ самокритика славянофила, но именно славянофилы особенно далеко стояли отъ вѣнца мудрости—самопознанія.

Намъ ясно теперь, къ какому концу неминуемо шла борьба западничества съ славянофильствомъ. На одной сторонѣ развивалась неустанная энергія, жгучая жажда идеи отдѣльныхъ личностей превратить въ общее достояніе, истинно гражданское стремленіе просвѣтить общество и общественное мнѣніе заставить судить первостепенные вопросы современной дѣйствительности. На другой—или тоскливое равнодушіе, или художественное наслажденіе блескомъ мыслей и прихотливой бойкостью ума въ кругу избранныхъ друзей. Единственный разъ славянофилы старшаго поколѣнія рѣшили спуститься съ своихъ высотъ на землю.

Въ 1844 году друзья Ивана Кирѣевскаго, не забывая объ его опытѣ на издательскомъ поприщѣ, рѣшили снова воскресить его къ дѣятельности и спасти его отъ коснаго унынія. Погодинъ, изнывавшій съ *Москвитяниномъ* среди безгласной пустыни славянофильства, шелъ на встрѣчу этимъ замысламъ, и предложилъ Кирѣевскому редакторство журнала.

Дѣло ладилось съ большимъ трудомъ и, по свидѣтельству Хомякова, одной изъ причинъ было настроеніе Кирѣевскаго—именно его «робость и тайное желаніе найти предлогъ для бездѣйствія». Наконецъ, сговорились, и Кирѣевскаго редактора одинаково сочувственно привѣтствовали и славянофилы и московскіе западники—Герценъ и Грановскій. *Москвитянинъ* воскрешенъ къ новой жизни и, разумѣется, немедленно должно было взвиться знамя славянофильской критики и публицистики противъ неограниченно господствовавшей силы *Отечественныхъ Записокъ*.

---

[199]) *Т. И. Грановскій и его переписка*. II, 402.

XXXVI.

Оригинальное положеніе занялъ Кирѣевскій, приготовляясь редактировать *Москвитянинъ*! Съ первой же минуты онъ обнаружилъ свое недовѣріе къ талантамъ и работѣ однихъ славянофиловъ, и желалъ привлечь къ сотрудничеству въ своемъ журналѣ Грановскаго и Герцена. Хомяковъ возсталъ, но Кирѣевскій не измѣнилъ намѣренія и нашелъ сочувствіе въ намѣченныхъ западникахъ.

Кирѣевскій былъ правъ. На славянофильское краснорѣчіе никто не могъ разсчитывать, принимаясь за всенародное распространеніе какихъ бы то ни было идей. *Москвитянинъ* своимъ существованіемъ свидѣтельствовалъ о безнадежномъ банкротствѣ партіи, какъ общественной и литературной силы. Погодинъ исторіей своего издательства могъ бы представить не мало благодарнѣйшихъ темъ для сатиры и комедіи.

Профессора прежде всего изводило крайнее скопидомство, переходившее въ откровенную жадность къ деньгамъ. Его неизмѣнная мечта пользоваться трудами даровыхъ сотрудниковъ и ему безпрестанно приходится переживать мучительныя настроенія и выслушивать отъ пріятелей жестокія укоризны.

Гоголь, напримѣръ, проситъ у него денегъ, Погодинъ колеблется и утро посвящаетъ на размышленіе о томъ, «какъ бы пріобрѣсти равнодушіе къ деньгамъ». Сотрудники настоятельно объясняютъ Погодину «требованія нынѣшняго вѣка», т. е. необходимость оплачивать литературную работу [200]). Погодинъ не поддается убѣжденіямъ и готовъ помириться на допотопныхъ сотрудникахъ, лишь бы они не бередили его корыстолюбиваго сердца.

Результаты получались, конечно, въ высшей степени прискорбные. *Москвитянинъ* вѣчно запаздывалъ на цѣлые мѣсяцы, книжки превращались въ складъ археологическаго хлама, въ дикій памятникъ варварскаго языка и мертвыхъ разсужденій. Журналъ будто нарочно выкапывалъ изъ всѣхъ захолустій Россіи двуногихъ мамонтовъ и другихъ рѣдкостныхъ экземпляровъ исчезавшихъ человѣческихъ породъ.

Уже при появленіи *Москвитянина* къ Погодину посыпались привѣтствія, звучавшія чувствами и увлеченіями XVIII-го вѣка. Одинъ старый писатель разсчитываетъ вновь узрѣть «типы незабвеннаго Карамзина», другой выступаетъ на защиту поэтическаго генія Ломоносова, третій присылаетъ собственное произведеніе—«пріобщая стихи», «потому чтобы тяжелое созданіе разума распещрять игривостью воображенія», четвертый печаталъ статью

---

[200]) Напримѣръ, письма В. Григорьева и Даля. Барсуковъ. IX, 352, 365—7.

о *Копернике*, называлъ ее *Голосомъ за правду*, нещадно перепутывалъ хронологію и географію и въ оправданіе ссылался на «разсѣянность» [201]). И послѣ всего этого *Москвитянинъ* не переставалъ гремѣть противъ легкомыслія *Отечественныхъ Записокъ*, невѣжества Бѣлинскаго! Погодинъ съ товарищами особенно не могли простить критику нападокъ на древнюю русскую исторію и на русскихъ писателей прошлаго вѣка.

Но какъ они защищали дорогія преданія и съ какимъ оружіемъ шли въ борьбу? Отвѣтъ—любая критическая статья *Москвитянина*.

Его критикъ, Шевыревъ, въ теченіе многихъ лѣтъ истощалъ словарь бранныхъ словъ на Бѣлинскаго, сочинялъ на него пасквили, не называя по имени и знаменуя тѣмъ вящее свое презрѣніе къ противнику, «какой-нибудь журнальный писака навеселѣ отъ нѣмецкой эстетики», «рыцарь безъ имени», «литературный бобыль», «непризванный судья, развалившійся отчаянно въ креслахъ критика и размахавшійся борзымъ перомъ своимъ», и цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ опредѣленій долженствовали сразить Бѣлинскаго. Но онъ все жилъ и горячо дѣйствовалъ.

Тогда друзья *Москвитянина* припоминаютъ «другія мѣры» профессоровъ московскаго университета, Каченовскаго и Надеждина, и «замышляютъ написать оффиціальную бумагу и подписать ее всѣмъ противъ правилъ, проповѣдуемыхъ *Отечественными Записками*», Шевыревъ готовъ повторить исторію Надеждина съ Полевымъ по поводу критики на диссертацію, т. е. жаловаться властямъ на статью Бѣлинскаго *Педантъ* [202]). Другой сочувственникъ *Москвитянина* считаетъ необходимымъ ходатайствовать предъ правительствомъ «подъ благовиднымъ предлогомъ остановить изданіе *Отечественныхъ Записокъ—навсегда*». Этотъ же ретивый охранитель всероссійской чистоты нравовъ убѣдительно проситъ редакцію журнала: «стерегите вредныя мысли въ журналахъ и печатайте ихъ въ видѣ прибавленія къ *Москвитянину* на какой-

[201]) Въ этой статьѣ, принадлежащей перу С. П. Побѣдоносцева, значатся слѣдующія строки: «Въ Краковѣ Коперникъ духовно сочетался съ великими міровыми именами Галилея, Кеплера и Ньютона, по слѣдамъ которыхъ шелъ и которыхъ оставилъ далеко за собою». Герценъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* осмѣялъ статью *Москвитянина о Копернике*, и, между прочимъ, говорилъ: «Холодные люди засмѣются, холодные люди скажутъ, что это изъ рукъ вонъ, и присовокупятъ, что Коперникъ умеръ въ 1543 году, Галилей въ 1642, Кеплеръ въ 1630, а Ньютонъ въ 1727. А у насъ слезы навернулись на глазахъ отъ этихъ строкъ; какъ чисто сохранился *Голосъ за правду*, ультраславенскій, отъ грѣховной науки Запада, отъ нечестивой исторіи его! Онъ даже о ней понятія не имѣетъ». Въ той же статьѣ «Регенсбургъ переставленъ съ Дуная на Рейнъ». *Отеч. Зап.* 1843, № 11.

[202]) Проектъ М. А. Дмитріева. Барсуковъ. VI, 81. О Шевыревѣ. *Ib.*, 262.

нибудь яркой бумагѣ, чтобы вредъ бросился скорѣе въ глаза: да образумятся!» [203])

Сотрудники *Москвитянина* по мѣрѣ силъ выполняли эту программу. Напримѣръ, Шевыревъ подвергъ оригинальной критикѣ *Похвальное слово Петру Великому* Никитенко, возсталъ особенно противъ идеи, будто русскіе новому порядку вещей обязаны «честью существовать по человѣчески» и выразилъ свой гнѣвъ въ такой отповѣди: «Это и неприлично, и безнравственно въ смыслѣ и религіозномъ, и патріотическомъ, и исторически ложно». Бѣлинскій, не обинуясь, обозвалъ эту критику «доносомъ» [204]).

Направлялись доносы и по адресу публики, невѣроятно наивные, но обличавшіе всю бездну безсилія православныхъ подвижниковъ. *Отечественныя Записки*, напримѣръ, уличались въ поддѣлкѣ лермонтовскихъ стихотвореній, имъ приписывалась мысль, будто русская поэзія въ лицѣ Лермонтова въ первый разъ вступала въ самую тѣсную дружбу съ чортомъ!

Естественно, западническія убѣжденія Бѣлинскаго рисовались московскимъ славянофиломъ въ видѣ смертныхъ грѣховъ и преступленій. Для нихъ установленная истина и общеизвѣстный фактъ—«гнусная враждебность къ русскому человѣку». Такъ выражается Сергѣй Аксаковъ и приходитъ въ ужасъ отъ одной мысли, будто «Гоголь имѣлъ сношеніе съ Бѣлинскимъ». И Гоголь дѣйствительно не рѣшался открыто завязать знакомство съ критикомъ. Бѣлинскій для обоихъ величайшихъ современныхъ поэтовъ оказался пугаломъ, хотя именно эти поэты обязаны ему выясненіемъ и оцѣнкой своихъ произведеній! Подобное уродливое явленіе врядъ ли еще можетъ засвидѣтельствовать исторія какого бы то ни было культурнаго общества. Пушкинъ пересылаетъ Бѣлинскому свой журналъ тайкомъ отъ московскихъ «наблюдателей», т. е. отъ журнала *Наблюдатель*, Гоголь поступаетъ также изъ страха предъ «Москвитянинымъ». И все это знаетъ критикъ и находитъ въ себѣ достаточно любви къ истинѣ, чтобы забыть недостойное поведеніе *людей* ради великихъ заслугъ *писателей*.

Бѣлинскій въ глазахъ московскаго журнала до конца остается иностранцемъ среди русскихъ, онъ даже не въ состояніи понимать русскихъ талантовъ, «всякій русскій стихъ свиститъ имъ по ушамъ», говоритъ Погодинъ объ *Отечественныхъ Запискахъ*, онѣ питаютъ отвращеніе къ прошлому Россіи и желали бы «переначать ея бытіе» по журналамъ и книгамъ изъ за моря. Аристократическое славянофильство еще рѣзче осуждало національную измѣну и тлетворныя вліянія петербургскаго журнала.

---

[203]) *Ib.* VIII, 21.

[204]) *Сочиненія.* VII, 412—3.

«Семейство Аксаковыхъ, — разсказываетъ Грановскій,—буквально плачетъ о погибели народности, семейной нравственности и православія, подрываемыхъ *Отечественными записками* и ихъ *гнусною партіею*» [205]).

Петербургскіе блюстители нравовъ обращались въ *Москвитянинъ*, какъ завѣдомый арсеналъ въ войнѣ съ западными развратителями. Даже проф. Гротъ, сравнительно терпимо относившійся къ Бѣлинскому, не сдержался и напечаталъ у Погодина статью противъ русскихъ поклонниковъ сенъ-симонизма и Жоржъ Зандъ. Статья, по заявленію самого автора, имѣла въ виду «обратить вниманіе публики» на вредное растлѣвающее направленіе *Отечественныхъ Записокъ*.

Когда вопросъ заходилъ о сотрудничествѣ московскихъ западниковъ въ *Москвитянинѣ*, Погодинъ считалъ нужнымъ произвести предварительно чисто инквизиторское слѣдствіе. Онъ самъ разсказываетъ, какъ велъ переговоры съ Грановскимъ и Евгеніемъ Коршемъ. Онъ поставилъ имъ слѣдующіе вопросы: «возьмутъ ли они свято соблюдать нашу программу, отрекутся ли отъ діавола и *Отечественныхъ Записокъ*, будутъ ли почитать христіанскую религію, уважать бракъ» [206]).

Наконецъ западники дождались генеральнаго воинственнаго залпа. Языковъ, оффиціальный Гомеръ славянофильства, вдохновился на цѣлыхъ три стихотворенія. Каждое изъ нихъ стоило публицистическихъ и юридистическихъ статей *Москвитянина* по откровенности чувства, энергіи тона и полной опредѣленности цѣлей.

Чаадаевъ, мирно доживавшій свои дни, вдругъ подвергся экзекуціи какъ «всего чужого гордый рабъ» и вызывалъ негодующее изумленіе поэта:

Ты все свое презрѣлъ и выдалъ...
И ты еще не сокрушенъ...
Ты все стоишь красивый идолъ
Строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ!?
Ты цѣлъ еще...

Дальше—очередь Герцена. Онъ дружитъ съ тѣмъ, кто «гордую науку и торжествующую ложь становитъ превыше истины святой», «Русь злословитъ и ненавидитъ всей душой». Наконецъ, грозный окликъ *Къ Ненашимъ*... Это сплошная казнь всѣхъ западниковъ, и какая! Поэтъ говоритъ языкомъ фанатика и якобинца и разсыпаетъ тягчайшія обвиненія съ такой же легкостью, будто свои обычныя «удалыя» риѳмы.

Его враги «людъ заносчивый и дерзкій», «оплотъ богомерзкой школы», ненавидящій «святое дѣло», «славу старины», не вѣ-

[205]) *О. с.* II, 464.

[206]) Барсуковъ. VI, 210.

дающій любви къ родинѣ, исполненный «предательскихъ мнѣній и святотатственныхъ сновъ». Въ заключеніе поэтъ грозилъ:

Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ проклятый вашъ языкъ!..

Поэзія Языкова произвела свое дѣйствіе. Бѣлинскому больше не требовалось открывать глаза своимъ московскимъ пріятелямъ: Грановскій и Герценъ сами, наконецъ, прозрѣли. Больше не оставалось сомнѣнія ни въ славянофильскихъ пріемахъ борьбы, ни въ возможности вдумчиваго отношенія съ ихъ стороны къ воззрѣніямъ и цѣлямъ западниковъ.

Герцену пришлось послѣ нѣкоторыхъ чувствительностей порвать даже съ Константиномъ Аксаковымъ. Даже у Грановскаго едва не дошло до дуэли съ Петромъ Кирѣевскимъ. Съ Хомяковымъ у него также произошла горячая сцена и онъ наговорилъ такихъ вещей славянофильскому философу «о силѣ его убѣжденій», что, по словамъ самого Грановскаго, на нихъ можно было бы отвѣтить дѣйствіемъ [207]). Такъ, Грановскій писалъ Кетчеру въ началѣ марта 1845 года, и Герценъ, съ своей стороны, свидѣтельствуетъ, что еще годомъ раньше славянофилы и западники не желали встрѣчаться другъ съ другомъ.

И вотъ въ это-то время Иванъ Кирѣевскій берется за *Москвитянина* съ цѣлью привлечь къ участію въ немъ и западниковъ. Въ воздухѣ чувствовалась перемѣна, на новаго редактора возлагались блестящія надежды, въ недалекомъ будущемъ видѣлось полное примиреніе партій, а въ настоящемъ дружеская совмѣстная работа.

Перемѣны ожидались по всѣмъ направленіямъ, и прежде всего предстояло исчезнуть со страницъ журнала доисторическимъ чудищамъ.

Теперь Гоголь не будетъ имѣть основаній писать о *Москвитянинѣ* такія, напримѣръ, оскорбительныя вещи. «*Москвитянинъ* не вывелъ ни одной сіяющей звѣзды на словесный небосклонъ. Высунули носы какіе-то допотопные старики, поворотились и скрылись». И профессора, наконецъ, могутъ успокоиться: Гоголь не станетъ издѣваться надъ ихъ пристрастіемъ къ краснобайству и неумѣньемъ говорить по-русски съ русскимъ человѣкомъ.

И Гоголь радовался переходу *Москвитянина* въ руки болѣе живого и просвѣщеннаго руководителя. «Чего добраго!—писалъ онъ,—можетъ быть, Москва захочетъ показать, что она не баба».

И Москва начала показывать съ января 1845 года.

---

[207]) Герценъ. VII, 306. Грановскій. II, 464.

XXXVII.

Мы знакомы съ публицистикой Кирѣевскаго, какъ сотрудника *Московскаго Вѣстника* и издателя *Европейца*. Тогда онъ былъ шеллингіанцемъ, противникомъ французскаго матеріализма XVIII вѣка, сторонникомъ поэзіи *существенности*, т. е. художественнаго реализма. Еще любопытнѣе культурныя идеи прежняго Кирѣевскаго. Онѣ были ясны уже изъ наименованія журнала *Европейцемъ*.

Издатель поспѣшилъ высказать свое мнѣніе о патріотахъ славянофильскаго направленія и началъ съ обвиненія славянофиловъ въ заимствованіи чужихъ мыслей и словъ, даже въ «непонятомъ повтореніи». Окончательный приговоръ Кирѣевскаго: единственный источникъ русской образованности европейское просвѣщеніе, потому что «у насъ искать національнаго значитъ искать необразованнаго; развивать его на счетъ европейскихъ нововведеній значитъ изгонять просвѣщеніе».

Энергичнѣе не могъ бы выразиться самый ревностный западникъ. Такія рѣчи звучали въ 1832 году. Прошло ровно тринадцать лѣтъ и Кирѣевскому снова предстояло высказать свой взглядъ при несравненно болѣе серьезныхъ обстоятельствахъ. Борьба партій достигла высшаго подъема, стала переходить въ личное озлобленіе, вызывать совершенно недостойныя выходки ненавистническаго чувства. Надлежало сказать вѣское примирительное слово, спокойной критической мыслью проникнуть въ самую сущность раздора и обостренную слѣпую вражду устранить во имя дѣйствительно идейнаго и литературнаго исканія истины.

Кирѣевскій понялъ свою задачу и въ первой же книгѣ журнала напечаталъ *Обозрѣніе современнаго состоянія словесности*—статью, ни единымъ словомъ не напоминавшую обычнаго задора московскихъ политиковъ.

Авторъ видимо желалъ занять положеніе нейтральной державы, стать подъ враждующими фалангами и произнести слово высшей истины. Путемъ пространныхъ разсужденій о современномъ состояніи мысли и литературы на западѣ Кирѣевскій приходилъ къ выводу: «всѣ вопросы сливаются въ одинъ существенный, живой, великій вопросъ объ отношеніи Запада къ тому незамѣченному до сихъ поръ началу жизни, мышленія и образованности, которое лежитъ въ основаніи міра православно-словенскаго».

Мы видимъ, какъ далеко уклонилась мысль писателя съ тридцатыхъ годовъ: теперь европейская цивилизація не признается единственной и самодовлѣющей, — теперь она не удовлетворяетъ «высшимъ требованіямъ просвѣщенія».

Почему же? Отвѣтъ знаменательный: западное просвѣщеніе, по толкованію русскаго философа,—*«преимущественное стремленіе*

къ личной и самобытной разумности въ мысляхъ, въ жизни, въ обществѣ и во всѣхъ пружинахъ и формахъ человѣческаго бытія». Въ результатѣ обнаружилось «темное или ясное сознаніе *неудовлетворительности безусловнаго разума*» и «стремленіе къ *религіозности вообще*».

До сихъ поръ мысли менѣе всего оригинальныя, извѣстныя самой Европѣ, по крайней мѣрѣ, съ начала XIX вѣка. Кирѣевскій могъ бы подкрѣпить свое открытіе многочисленными свидѣтельствами западноевропейскихъ мыслителей и просто писателей. Оригинальность Кирѣевскаго начинается только съ того момента, когда онъ желаетъ спасти Западъ и весь міръ «православно-словенскимъ началомъ». Подобной идеи дѣйствительно не вспадало на умъ никому изъ западныхъ критиковъ раціонализма и правовѣстниковъ новой вѣры.

Но Кирѣевскій не фанатикъ, онъ желаетъ быть терпимымъ и безпристрастнымъ. Онъ смѣло уничтожаетъ два крайнихъ теченія русской мысли,—безотчетное поклоненіе Западу, вѣра въ совершенное пересозданіе Россіи подъ вліяніемъ иноземной образованности и противоположную односторонность—столь же безотчетное обожаніе «прошедшихъ формъ нашей старины» и надежду на безслѣдное исчезновеніе европейскаго просвѣщенія изъ русской умственной жизни.

Автору можно бы замѣтить, что первое воззрѣніе, слѣпое-западничество если и существовало, то не находило себѣ выраженія въ современной русской западнической литературѣ. Ни Бѣлинскій, ни московскіе западники никогда не идолослужительствовали предъ Западомъ, и Кирѣевскій мѣтилъ въ непріятеля, сраженнаго стрѣлами еще екатерининскихъ стародумовъ. Что касается крайняго славянофильства, оно дѣйствительно процвѣтало. Еще кн. Одоевскій исповѣдывалъ вѣру въ неограниченное культурное властительство Россіи надъ міромъ и заявлялъ, что «девятнадцатый вѣкъ принадлежитъ Россіи». Русскій — *избавитель* Европы во всѣхъ отношеніяхъ, отъ деспотизма Бонапарта и отъ всевозможныхъ нравственныхъ недуговъ: «не одно *тѣло* должны спасти мы, но и *душу* Европы» [208]).

Естественно, у другихъ послѣдователей идеи, менѣе вдумчивыхъ, менѣе одаренныхъ общечеловѣческими инстинктами, убѣжденіе въ исключительномъ назначеніи Россіи легко переходило въ отрицаніе самого бытія Запада и даже правъ на бытіе.

Кирѣевскій поступилъ благоразумно, подчеркивая односторонность славянофильскаго сектантскаго правовѣрія. Но именно эта односторонность, очевидно, близко лежала его сердцу. Онъ спѣ-

[208]) *Сочиненія*. Спб. 1844, I, 312. 314.

чшитъ оговориться, что славянофильское *ложное* мнѣніе болѣе логично, чѣмъ западническое. «Оно основывается на сознаніи достоинства прежней образованности нашей, на разногласіи этой образованности съ особеннымъ характеромъ просвѣщенія европейскаго и, наконецъ, на несостоятельности послѣднихъ результатовъ европейскаго просвѣщенія».

Очевидно, авторъ самъ стоитъ на скользкомъ пути къ односторонности, и по существу его философское безпристрастіе ограничивается только признаніемъ неустранимаго факта: Россія сдѣлалась участницей европейскаго просвѣщенія, Уничтожить этого нельзя, забвеніе разъ узнаннаго не легко дается человѣку и намъ волей-неволей приходится засчитать въ свой умственный капиталъ европейскія идеи и знанія, ихъ нужно только подчинить высшему живому началу русской образованности.

Въ этомъ подчиненіи вся сущность философіи Кирѣевскаго. Можно пожалѣть, что онъ не объясняетъ верховной истины, имѣющей въ своей всеобщности положить всѣ частныя истины, но вѣдь это исконный пріемъ славянофильской проповѣди: пышное пророческое прорицаніе, покидающее непосвященнаго слушателя на темномъ и мучительномъ распутьи.

Кирѣевскій заключаетъ, что Европа пришла именно къ тому моменту, когда она жаждетъ русскаго начала, когда любовь къ европейской образованности и къ русской становится одной любовью, однимъ стремленіемъ «къ живому, всечеловѣческому и истинно христіанскому просвѣщенію» [209]).

Мы до конца такъ и не узнали, какою *собственно* образованностью владѣла и продолжаетъ владѣть Россія, настолько глубокой и жизненной, чтобы ее можно было превознести надъ европейской. Мы не знаемъ, что значитъ живое, полное и истинно-христіанское просвѣщеніе, если только авторъ не разумѣетъ того же Никифора, Симеона Полоцкаго или творца Домостроя. Повидимому, иного толкованія быть не можетъ, такъ какъ все, что внѣ древней Москвы, все это принадлежитъ европейскому просвѣщенію, во всякомъ случаѣ имъ вызвано къ жизни и имъ проникнуто.

Кирѣевскій не замедлилъ подтвердить этотъ логическій выводъ изъ его статьи. Напрасно онъ только не договорилъ всего немедленно: тогда къ славянофильской смутѣ идей и безконечнымъ изворотамъ тонкаго ума не прибавилось бы новаго грѣха, который успѣлъ ввести въ заблужденіе нѣкоторыхъ западниковъ [210]).

---

[209]) *Полное собраніе сочиненій*. Спб. 1861, II, 26 etc.

[210]) Напримѣръ, Анненкова. По его мнѣнію, статья Кирѣевскаго «нанесла тяжелые удары преслѣдователямъ Запада». *Воспоминанія* III, 113.

Пять лѣтъ спустя Кирѣевскій, наконецъ, вывелъ свои задушевныя думы на чистую воду. Въ разсужденіи *О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи* основной символъ вѣры поставленъ ясно и сильно. Кирѣевскій повторялъ старую мысль о всеобщемъ недовольствѣ и разочарованіи на Западѣ, но выводъ изъ факта теперь получался другой. Россія рѣшительно выдѣлялась изъ круга другихъ европейскихъ народовъ, начала ея просвѣщенія признавались «совершенно отличными» отъ началъ европейскаго ровно на столько же, на сколько Византія не похожа на Римъ. Въ коренномъ отличіи этихъ источниковъ русской и европейской образованности и заключается роковая противоположность духовныхъ путей русскаго народа и всѣхъ остальныхъ народовъ Стараго свѣта. Естественно, русская до-петровская и даже до-московская старина теперь проходитъ предъ взорами умиленнаго созерцателя величественнѣйшимъ зрѣлищемъ, монахи и князья оказываются глубокомысленнѣе современныхъ западныхъ философовъ, самоотреченіе древняго русскаго человѣка—недосягаемый идеалъ сравнительно съ безпокойствомъ и личной горячкой европейца... Вообще Кирѣевскій попалъ окончательно въ свою точку, и именно теперь Грановскій могъ во-очію наслаждаться послѣдними словами мудрости симпатичныхъ москвичей: по его свидѣтельству, тремя годами позже разсужденія Кирѣевскій дошелъ уже прямо до инквизиторскихъ воззрѣній на всѣхъ, кто инако вѣруетъ... Очевидно, славянофильская симпатичность зависѣла отнюдь не отъ послѣдовательнаго развитія принципа, а отъ исключительно личныхъ свойствъ отдѣльныхъ представителей партіи, отъ «живой души», какъ выражается Грановскій о Петрѣ Кирѣевскомъ и Иванѣ Аксаковѣ.

Въ собственно критическихъ вопросахъ Кирѣевскій не обнаружилъ никакой самостоятельности. Давая отчетъ о журналахъ, онъ послалъ по адресу *Отечественныхъ Записокъ* излюбленный славянофильскій упрекъ въ «отрицаніи нашей народности» и въ умаленіи «литературной репутаціи» Державина, Карамзина и даже Хомякова. Большимъ успѣхомъ можно было считать терпимый отзывъ о Лермонтовѣ и отсутствіе вылазокъ противъ натуральной школы, но эти отрицательныя заслуги не возмѣщали явнаго безсилія овладѣть смысломъ современныхъ литературныхъ явленій и на оригинальномъ толкованіи ихъ оправдать громкія притязанія—указать истинно-національные пути русскаго просвѣщенія.

Мало внесъ цѣннаго въ этотъ предметъ и Хомяковъ, написавшій двѣ статьи для *Москвитянина* Кирѣевскаго. Онъ краснорѣчиво защищалъ самобытныя художественныя дарованія русскаго народа, хотя ихъ не осуществилъ пока ни одинъ поэтъ и художникъ, за исключеніемъ Гоголя,—и еще краснорѣчивѣе возставалъ

противъ огульнаго гоненія на все западное. Россія должна безбоязненно усваивать полезное и прекрасное изъ чужихъ рукъ и умственные труды Европы могутъ оказать намъ великія благодѣянія. Всякое заимствованіе преобразуется на чужой почвѣ и входитъ въ національный организмъ, слѣдовательно, безмысленно отвергать открытія и завоеванія другихъ народовъ во имя народной исключительности [211]).

Въ другой статьѣ Хомяковъ повторялъ тѣ же мысли объ усвоеніи чуждыхъ стихій по законамъ нравственной природы народа, о нарожденіи новыхъ самобытныхъ формъ и явленій на почвѣ заимствованныхъ произведеній ума и творчества. Автору прямо ненавистны узкіе націоналисты, создающіе вокругъ себя китайскую стѣну: «есть что-то смѣшное, говоритъ онъ, и даже что-то безнравственное въ этомъ фанатизмѣ неподвижности». Хомяковъ договаривался до той самой идеи, какую постоянно развивали западники: бояться за участь русской національности въ виду западныхъ вліяній—значитъ не вѣрить въ русскій народъ и сомнѣваться въ его органической самобытной мощи [212]).

Эта статья Хомякова появилась въ *Москвитянинѣ*, когда уже Кирѣевскій сложилъ съ себя редакторство. Его энергіи хватило всего на три книги и Погодинъ снова взялъ знамя. И пора было, потому что съ третьей книги между редакторами началась полемика. Погодинъ не могъ согласиться ни съ Иваномъ, ни съ Петромъ Кирѣевскими: одинъ обижалъ его «клеветой», будто славянофилы не уважаютъ Запада и усиливаются воскресить трупъ, другой—Петръ—выступилъ открыто противъ погодинскаго объясненія русской исторіи—мягкостью русскаго народа и его способностью «легко покоряться». Петръ Кирѣевскій считалъ этотъ взглядъ оскорбительнымъ и Погодинъ, совершенно неожиданно для себя, оказывался плохимъ сыномъ своего отечества.

Присоединилось еще не мало мелкихъ дрязгъ, отчасти неразлучныхъ съ журнальнымъ издательствомъ но еще больше неизбѣжныхъ при погодинскомъ скопидомствѣ и обычной неряшливости въ веденіи дѣла. Кирѣевскій не выдержалъ, передалъ матеріалъ Погодину и бѣжалъ въ деревню. Начались новыя мытарства *Москвитянина*, безпримѣрныя даже въ русской многострадальной журналистикѣ. Книжки не выходятъ по три, по четыре мѣсяца, одно время, вмѣсто двѣнадцати разъ въ годъ, журналъ выходитъ всего четыре, потомъ снова возрождается и въ началѣ 1848 года производитъ среди публики сенсацію; январьская книжка вышла въ январѣ! По словамъ самого Погодина,

---

[211]) *Письмо въ Петербургъ по поводу желѣзной дороги. Москвитянинъ.* 1845, кн. 2. *Полное собр. сочиненій.* I, 452.

[212]) *Мнѣніе иностранцевъ о Россіи. Москвит.* № 4. *Сочин. Ib.*

многіе подписчики не вѣрили событію, и друзья обращались къ редактору съ вопросами: отчего *Москвитянинъ* вышелъ перваго числа? Погодинъ желалъ, чтобы *Полицейскія Вѣдомости* въ фельетонѣ отмѣтили «небывалую новость» [213]).

Но великія событія случаются не часто и Погодинъ не перестаетъ горевать съ своимъ незадачнымъ дѣтищемъ: только «передъ тѣнями Карамзина и Пушкина совѣстно», а то онъ давно развязался бы съ этой обузой. Онъ былъ увѣренъ, что «доброе преданіе возложено» на него съ товарищами и онъ не имѣлъ права «оставить попеченіе русскаго слова для петербургскихъ мародеровъ».

Но сочувствія ни откуда не слышалось. Несчастному редактору безпрестанно приходилось заносить въ свой дневникъ такія приключенія. Явится онъ въ гости, увидитъ на столѣ всѣ журналы, а *Москвитянина* нѣтъ,—остается наединѣ излить душу: «Не говоритъ никто, о скоты! А претендуютъ на національное». Или въ другой формѣ: «Перебиралъ *Москвитянинъ*, хорошъ, а подписчиковъ нѣтъ, и стало жутко».

Въ такія минуты оторопѣвшему издателю являлись самыя дикія идеи, и онъ бросался за помощью въ станъ мародеровъ, умолялъ Чаадаева осчастливить славянофильскій журналъ своимъ сотрудничествомъ или принимался распространять подписные билеты чрезъ полицію и провинціальныхъ преосвященныхъ [214]).

Не унывалъ только Шевыревъ, писалъ въ каждой книжкѣ, нерѣдко по четыре листа, неутомимо огрызался на всякій новый талантъ противнаго лагеря, на Некрасова, Тургенева, нещадно громилъ натуральную школу и торжественно провозглашалъ высшей добродѣтелью русской словесности и русскихъ писателей «память благоговѣйнаго преданія, которая преемственно переходитъ отъ одного къ другому».

Къ сожалѣнію, во всей Россіи находилось едва триста данниковъ, способныхъ цѣнить столь возвышенные принципы. Сердце Погодина болѣзненно сжималось отъ такого равнодушія публики, не забывавшей своими милостями *Отечественныя Записки* и онъ доставлялъ себѣ единственное доступное утѣшеніе, публично заявлялъ, что ему въ сущности публики и не надо: «не *Москвитянину* вступать въ соперничество съ *вѣрными представителями и вожатыми современности*, какъ называютъ они себя». Погодинъ съ горькой ироніей, таившей слезы обиды, предоставлялъ другимъ понимать современность и знакомить публику съ животрепещущими интересами минуты, а онъ самъ будетъ идти разъ начатымъ путемъ.

---

[213]) Барсуковъ. IX, 387.

[214]) *Ib.* VIII, 306, IX, 386.

Шевыревъ напрягалъ всѣ силы приспособить сколько-нибудь своего пріятеля къ современности, настаивалъ на статьяхъ объ Европѣ: иначе журналъ будетъ «односторонній и дрянной». Это значило учиться уму-разуму у «мародеровъ» и «литературныхъ бобылей»,—вполнѣ основательный пріемъ. Но только для ученья требовались мозгъ и нервы особаго состава, не погодинскаго. И впослѣдствіи даже Аполлону Григорьеву, еще болѣе ретивому возбудителю, чѣмъ Шевыревъ, ничего не удается сдѣлать съ призваннымъ блюстителемъ карамзинскихъ и пушкинскихъ преданій: Григорьевъ *Европейское Обозрѣніе* принужденъ будетъ вести по статьямъ *Сына Отечества*!

Болѣе внушительнаго приговора мертвому дѣлу и отжившимъ дѣятелямъ не могли бы произнести злѣйшіе враги.

Но утратой всякаго авторитета въ общественномъ мнѣніи не ограничились злоключенія славянофильской журналистики; она и по отношенію къ власти устроилась въ высшей степени безтактно и совсѣмъ не лестно для своего достоинства.

XXXVIII.

Одинъ изъ почтеннѣйшихъ критиковъ славянофильства, лично западникъ, но признавшій за славянофильскимъ ученіемъ необходимый элементъ въ міросозерцаніи мыслящаго русскаго человѣка, рѣшительно отвергъ у славянофиловъ какой бы то ни было намекъ на *политическую* партію.

«Славянофилы, — утверждаетъ нашъ критикъ, — по принципу были враждебны всякимъ политическимъ комбинаціямъ, всякому навязыванію какихъ бы то ни было политическихъ программъ государству и народу. Они были глубоко убѣждены, что зло должно запутаться и пасть вслѣдствіе своей внутренней несостоятельности, что добро, правда должны рано или поздно восторжествовать вслѣдствіе присущей имъ внутренней силы. Такъ они думали, такъ и поступали» [215]).

Изъ дальнѣйшихъ словъ автора ясно, что славянофилы отнюдь не стремились осуществлять своихъ воззрѣній въ жизни. Это— чистые теоретики, совершенно равнодушные къ вопросу о практическомъ воздѣйствіи ихъ идей на дѣйствительность.

Въ такой оцѣнкѣ славянофильства нѣтъ ничего лестнаго ни для цѣлаго направленія, ни для отдѣльныхъ его представителей, и она нисколько не противорѣчитъ извѣстному намъ славянофильскому аристократическому отвращенію къ идейной борьбѣ на широкой литературной сценѣ. Но все-таки общій приговоръ будетъ

---

[215]) Кавелинъ. *О. с.* № 20.

не точенъ. Славянофилы не обладали страстями проповѣдниковъ, но это отнюдь не означаетъ, будто ихъ ученіе вовсе лишено политическаго содержанія. Политику можно понимать въ разныхъ смыслахъ. Несомнѣнно, ни въ комъ изъ славянофиловъ не было отъ природы нервовъ трибуна, но въ каждомъ изъ нихъ, за немногими исключеніями, жилъ духъ безпокойный и мыслящій и мысль безпрестанно направлялась на самые политическіе вопросы современности. Достаточно вспомнить вопросъ о крѣпостномъ правѣ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ на этой почвѣ развивалось гораздо больше чувствительныхъ настроеній, чѣмъ опредѣленныхъ представленій и плановъ. Мужика любили, но любовью, довольно безразличной для самого мужика и вовсе ему не нужной. Даже искренній интересъ просвѣщенныхъ литераторовъ къ народному творчеству, восторженное удивленіе предъ талантами и нравственными совершенствами русскаго человѣка вовсе не означали точнаго и трезваго пониманія его реальнаго положенія, какъ крѣпостного. Напротивъ, очень распространенное славянофильское умиленіе предъ смиреніемъ мужика, предъ его прирожденной наклонностью — разрѣшать всѣ тяжелые вопросы жизни непротивленіемъ злу, могло повести къ сладостному созерцанію исторической судьбы самоотверженнаго страдальца и наводить по временамъ на глубокомысленное раздумье о премудрыхъ тайнахъ русской исторіи и души.

Такъ это и происходило съ нѣкоторыми первостепенными учителями славянофильства. Во главѣ слѣдуетъ поставить Ивана Кирѣевскаго и пламеннаго Константина Аксакова.

Кирѣевскій, послѣ опыта съ *Москвитяниномъ*, вскорѣ окончательно ушелъ въ мистицизмъ и пересталъ обращать вниманіе на дѣйствительную жизнь. Въ его глазахъ безпокойство о крѣпостномъ народѣ не имѣло никакого смысла и производило на него даже комическое впечатлѣніе. Кошелевъ взялъ было на себя задачу—встряхнуть умъ и совѣсть собрата по вѣрѣ, но старанія остались безъ результата [216]).

Константинъ Аксаковъ даже успѣлъ придумать принципіальное оправданіе для своего безразличія къ той же величайшей задачѣ внутренней политики Россіи. По свидѣтельству Ивана Аксакова, его братъ былъ убѣжденъ, что народъ равнодушенъ къ управленію и «ищетъ только царствія Божія».

Но такую идеологію слѣдуетъ признать исключительнымъ явленіемъ въ средѣ славянофиловъ, и притомъ она съ теченіемъ времени переходила въ болѣе живое возрѣніе. Правда, переходъ этотъ совершался сравнительно медленно и не дѣлалъ большой

---

[216]) *Біографія А. И. Кошелева*. М. 1892. II, 89.

чести ни смѣлости, ни оригинальности нашихъ мыслителей. Константинъ Аксаковъ, напримѣръ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ очень краснорѣчиво говорилъ о нравственной независимости крѣпостного мужика. По мнѣнію Аксакова, крестьянинъ «никогда не думалъ вѣрить нелѣпости», будто помѣщикъ законный обладатель всего существа его, духовнаго и тѣлеснаго. «На угнетенія помѣщичьей власти смотритъ крестьянинъ какъ на бурю, на тучу съ градомъ, на набѣгъ разбойниковъ, и переноситъ съ терпѣніемъ эти угнетенія, какъ перенесъ бы онъ съ терпѣніемъ какое-нибудь народное бѣдствіе, посланное отъ Бога». Аксаковъ шелъ дальше: онъ признавалъ исключительныя права крестьянъ на землю, какъ свою неотъемлемую собственность [217]).

Но писать такія вещи въ 1857 году значило наполовину, по крайней мѣрѣ, повторять истины, торжественно признанныя высшимъ правительствомъ ровно десять лѣтъ тому назадъ. Еще въ декабрѣ 1847 года Бѣлинскій могъ сообщить Анненкову о рѣчи государя къ депутатамъ смоленскаго дворянства. Государь признавалъ права помѣщиковъ на землю, но рѣшительно отвергалъ ихъ права на людей. «Я, — говорилъ императоръ Николай, — не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. Крѣпостное право причиною, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности» [218]).

Послѣ такой рѣчи, конечно, не было особенно великой заслугой говорить о противозаконности и противоестественности крѣпостныхъ порядковъ. Но славянофильскій взглядъ на земельную собственность имѣлъ совершенно другое значеніе, даже въ эпоху освобожденія. Этотъ взглядъ возникъ очень рано, одновременно съ идеей объ общинѣ, какъ исконно-національномъ явленіи русскаго быта. Самое раннее и вполнѣ опредѣленное выраженіе его мы встрѣчаемъ у Ивана Кирѣевскаго, въ то время, когда онъ еще былъ одинаково далекъ и отъ крайняго славянофильства и идиллическаго мистицизма. Онъ только признавалъ фактъ, превосходно выясненный западными публицистами и философами: «болѣзненную неудовлетворительность» чистой «раціональности» западно-европейской мысли. Кирѣевскій и ссылается именно на западныя свидѣтельства. Въ числѣ коренныхъ отличій русскаго и европейскаго культурнаго развитія онъ считаетъ понятіе о собственности: на Западѣ—право на по-

---

[217]) *Ib.*, стр. 96.

[218]) *Анненковъ и его друзья*, стр. 601.

земельную собственность, *личное*, въ Россіи — *общественное*. Отдѣльное лицо участвовало въ этомъ правѣ лишь насколько это лицо входило въ составъ общества. Частное пользованіе землей зависѣло отъ извѣстныхъ отношеній лица къ народу или къ государству, какъ его представителю. На этомъ основаніи зиждутся всѣ права помѣщика на землю, отнюдь *не безусловныя*, а временныя, случайныя, неразрывно связанныя съ его положеніемъ въ государствѣ, т. е. съ его службой. Онъ былъ собственникомъ дохода съ земли, а не самой земли, и не могъ ею располагать по личному праву собственности. Такой порядокъ вещей господствовалъ невозбранно въ допетровской Руси. Очевидно, возвращеніе земли крестьянамъ будетъ не экспропріаціей, а только осуществленіемъ народнаго понятія о правахъ общины и личности на землю.

Эти идеи послѣдовательно и упорно развивались славянофилами. Константинъ Аксаковъ перенесъ вопросъ на почву историческаго изслѣдованія и вложилъ мысль Кирѣевскаго въ стройную форму научно-философскаго трактата [219]). Хомяковъ опередилъ своихъ единомышленниковъ. Онъ заявилъ, что право безусловной собственности пребываетъ въ самомъ государствѣ, что «всякая частная собственность есть только болѣе или менѣе пользованіе, только въ разныхъ степеняхъ» и что, наконецъ, это «общая мысль всѣхъ государствъ, даже европейскихъ».

Отсюда логически вытекало право крестьянъ на землю, ни въ какомъ смыслѣ не уступающее правамъ помѣщиковъ и необходимость освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ.

Ясно, какими безпокойствами грозило это воззрѣніе правовѣрнымъ защитникамъ крѣпостничества. Славянофилы могли только писать и говорить, не заботясь о проведеніи въ жизнь своихъ писаній и словъ, но въ самихъ словахъ таился страшный ядъ,— какой именно—вполнѣ очевиденъ съ перваго взгляда.

Хомяковъ европейскимъ государствамъ приписывалъ идею личной собственности, какъ личнаго пользованія, основательнѣе онъ могъ бы эту идею приписать европейскимъ соціальнымъ преобразователямъ начала XIX-го вѣка, прежде всего сенъ-симонистамъ. Однимъ изъ прямыхъ путей, ведущихъ къ спасенію современнаго общества, они считали утвержденіе правъ собственности на всѣ орудія труда и въ томъ числѣ на землю—за государствомъ и отождествленіе личной собственности съ личной службой обществу. Пользованіе матеріальными предметами должно распредѣляться по способностямъ и работѣ каждаго члена общества и право завѣ-

---

[219]) Статьи Кирѣевскаго: *Въ отвѣтъ А. С. Хомякову*, I, 194 и *О характерѣ просвѣщенія Европы*. II, 226—7. Ср. Колюпановъ II, 98 etc.

щанія и наслѣдованія должно исчезнуть: единственнымъ наслѣдникомъ накопляемыхъ богатствъ будетъ община, т. е. тоже государство [220]).

Сходство этого ученія съ славянофильскимъ несомнѣнно: славянофилы, конечно, не касались вопроса о завѣщаніи, занимавшаго одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ сенъ-симонистской программѣ, но идея объ общественной собственности и личномъ пользованіи, идея національзаціи земли не замедлила навести русскихъ крѣпостниковъ на грозную параллель.

Одинъ изъ реакціонныхъ органовъ шестидесятыхъ годовъ, газета *Вѣсть* упорно преслѣдовала славянофиловъ, какъ русскихъ сенъ-симонистовъ, и печатала громкія улики на тему «сенъ-симонизмъ славянофиловъ доказанъ» и наивно сознавалась: «нѣтъ у насъ иного, болѣе непримиримаго врага, какъ славянофильская партія съ газетой *День*». Почему,—газета объясняла чрезвычайно горячо и съ такой прозрачностью политики, какая сдѣлала бы честь отечественнымъ «охранителямъ» всѣхъ эпохъ и поколѣній.

«Всего ужаснѣе для насъ,—писала *Вѣсть*,—то, что, будучи самою радикальною изъ всѣхъ существующихъ газетъ и журналовъ, *День* драпируется въ мантію православія, древняго монархизма и народности. Скажи онъ откровенно, что онъ стоитъ за Сенъ-Симона и Фурье, намъ было бы легче и спокойнѣе. Онъ не былъ бы такъ опасенъ для простодушныхъ и легковѣрныхъ. Красное знамя испугало бы многихъ изъ его нынѣшнихъ поклонниковъ. Но все горе, вся бѣда, все несчастіе и коренится именно въ томъ, что онъ выставляетъ себя охранителемъ православія, монархіи и народности. Мы же положительно убѣдились, что между славянофильствомъ и ученіемъ сенъ симонистовъ нѣтъ существенной разницы... *День* какъ бы не признаетъ права собственности...

«Извѣстно, съ какою энергіей *Московскія Вѣдомости* преслѣдуютъ *украйнофильство*, какъ направленіе, враждебное Россіи. Не пора ли раскрыть глаза и перестать обманывать себя невинностью и простодушіемъ славянофильства! Не пора ли, наконецъ, признать въ нихъ направленіе, способное при дальнѣйшемъ развитіи подорвать всѣ основы, на которыхъ зиждется общественный порядокъ просвѣщенныхъ государствъ?»

И газета предлагала любимое слово славянофиловъ «общественникъ» замѣнить другимъ. Газета ясно подсказывала какимъ—соціалистъ или просто революціонеръ [221]).

Такой опасностью грозилъ журналъ Ивана Аксакова. И реак-

---

[220]) *Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année.* Paris 1830. p. 183 etc.

[221]) *Вѣсть.* 1863, № 10.

цію особенно раздражала именно идея *общественности*. Она противоположна понятію *государственности*, слѣдовательно, на взглядъ *Вѣсти*, революціонна [223]).

Реакціонеры, разумѣется, сгущали краски и негодовали не столько въ интересахъ государственности, сколько крѣпостничества, но славянофилы, несомнѣнно, могли вызвать такое теченіе мыслей, стоило только «общинное владѣніе», т. е. защиту крестьянской русской общины, отождествить съ соціализмомъ, какъ отрицаніемъ «личной собственности».

Что̀ касается *государственности*, здѣсь славянофилы также были грѣшны, хотя опять не такимъ смертнымъ грѣхомъ, какой приписывали имъ враги.

Задолго до уликъ *Вѣсти* славянофилы встрѣтили обличителя совершенно неожиданно. Смирнова должна была многому сочувствовать въ славянофильскихъ увлеченіяхъ, прежде всего культу Гоголя, но и ее осѣнило ясновидѣніе по части славянофильской политики.

Она коротко и сильно изложила ея программу: «Ненависть къ власти, къ общественнымъ привилегіямъ, къ высокому рожденію и богатству—таковая-то отвлеченная страсть къ идеальному русскому, таящемуся въ бородѣ,—вотъ начало этихъ господъ. Не коммунизмъ ли это со всѣми своими гадостями, т. е. коммунизмъ Жоржъ Занда?» [224]).

Вотъ до чего оказалось возможнымъ договориться! И особенно любопытна «ненависть къ власти». Источникъ обвиненія въ критикѣ, какой славянофилы подвергали крутыя мѣры Петра—цивилизовать Россію по-европейски. Они возставали противъ мысли Карамзина, одного изъ своихъ родоначальниковъ, будто реформа Петра—воспитаніе *грубаго и невѣжественнаго народа просвѣщеннымъ правительствомъ*. Народъ, по взгляду Ивана Кирѣевскаго—*разумъ*, а правительство—*народная воля*, и Петръ, «*подражая* чужому образу дѣйствій», не сталъ выше своего народа, потому что воля не можетъ быть *умнѣе* разума [225]).

За этими бездоказательными и смутными отвлеченностями стояло глубокое чувство уваженія къ народному сознанію и свободной нравственной стихіи народа. Бѣда заключалась только въ томъ, что стихія эта оставалась искомымъ неизвѣстнымъ и опредѣлять ее приходилось отрицательнымъ путемъ, т. е. подвергая критикѣ «насилія Петра», подражательность и отсутствіе патріотизма западниковъ. Лишь только заходилъ вопросъ о положитель-

[221]) *Вѣсть*. 1863, № 8, 29 сент., стр. 13.

[223]) *Вѣсть*. № 6, стр. 9.

[224]) *Р. Ст.* 1890, авг. 285. Н. В. Гоголь. Письма къ нему А. О. Смирновой.

[225]) Письмо къ Погодину, у Барсукова. VIII, 224, 1845 годъ.

номъ выясненіи *русскаго народнаго духа*, славянофильская рѣчь или впадала въ выспренній тонъ и вѣщала объ *истинно-христіанскихъ* началахъ какой-то миѳической истинно-русской образованности или договаривалась до удѣльнаго періода и «москвобѣсія».

Но все это, мы видимъ, не мѣшало развитію славянофильской политики, энергичной и разносторонней, вызывавшей жестокую ненависть у враговъ свободной мысли и государственныхъ преобразованій на основахъ гуманности и справедливости. Можно было опровергать славянофильскіе историческіе выводы въ пользу общины, можно было очень многое возразить противъ обвиненій Петра въ разрывѣ съ народомъ, но одна идея создавала положительный практическій выводъ для современности, приводила къ требованію надѣленія крестьянъ землей при отмѣнѣ крѣпостнаго права, другая указывала на дѣйствительную пропасть между правящей интеллигенціей, т. е. чиновничествомъ и народомъ, его бытомъ и его дѣйствительными нуждами. Здѣсь славянофилы выдвигали на первый планъ принципъ народности и общественности, принципъ непосредственнаго проникновенія въ народную жизнь въ противовѣсъ канцелярскому и административному формализму и самовластію.

Современное значеніе славянофильскихъ идей выяснялось медленно. Въ первый разъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ затрогивается Хомяковымъ въ 1842 году. Его статьи *О сельскихъ условіяхъ* появляются въ *Москвитянинѣ* и вызываютъ большой интересъ въ обществѣ и у власти. Хомяковъ писалъ по поводу закона объ обязанныхъ крестьянахъ, уполномочивавшаго помѣщиковъ предоставлять крестьянамъ личную свободу, надѣлять ихъ землею за опредѣленныя повинности. Законъ предоставлялъ взаимнымъ соглашеніямъ крестьянъ съ помѣщиками опредѣлять размѣры надѣла и даже замѣнять повинности барщиной, въ то же время подтверждалъ права помѣщиковъ на землю, занимаемую обязанными крестьянами. Указъ было перепугалъ сначала помѣщиковъ, но вскорѣ обнаружилъ свой болѣе чѣмъ платоническій характеръ, укрѣпилъ у помѣщиковъ мысль объ ихъ исключительныхъ правахъ земельной собственности и въ одномъ отношеніи только принесъ пользу идеѣ преобразованія старыхъ отношеній: вызвалъ въ обществѣ усиленные толки о крѣпостномъ правѣ. Однимъ изъ отголосковъ этого движенія и является полемика, созданная статьями Хомякова въ *Отечественныхъ Запискахъ* и въ томъ же *Москвитянинѣ*. Полемика разъясняла вопросъ о сдѣлкахъ, какія были возможны между помѣщиками и крестьянами на основаніи новаго закона. Хомяковъ ни единымъ словомъ не критиковалъ закона и позволилъ себѣ только одно общее заявленіе: «въ наше время возникло въ Россіи новое требованіе, основанное на началахъ нрав-

ственныхъ и утвержденное на хозяйственныхъ разсчетахъ, требованіе положительныхъ и правомѣрныхъ отношеній между землевладѣльцами и поселянами» [226]).

Какъ ни благонамѣренны были разсужденія автора, гр. Бенкендорфъ поспѣшилъ сдѣлать запросъ Уварову, съ его ли вѣдома напечатана статья? Уваровъ отвѣтилъ обѣщаніемъ сдѣлать общее распоряженіе по цензурѣ—не пропускать въ печати, безъ предварительнаго представленія на разрѣшеніе высшаго начальства, ничего, касающагося указа объ обязанныхъ крестьянахъ [227]).

Пришлось замолчать, и до второй половины сороковыхъ годовъ печать не касается вопроса о крѣпостномъ правѣ. Только съ 1847 года общественное мнѣніе постепенно обнаруживается и Бѣлинскій въ концѣ этого года радостно отмѣтилъ участіе литературы, хотя и «робкое», въ преобразовательномъ движеніи [228]).

Критикъ могъ здѣсь сойтись съ славянофильскими настроеніями, нисколько не насилуя своихъ западническихъ сочувствій. Но случай, мы видимъ, представился очень поздно, передъ самой смертью Бѣлинскаго. Славянофилы дѣйствительно вступали на *политическій* путь, подозрительный въ глазахъ власти, и скоро должны были превратиться въ гонимую партію, насколько вопросъ касался внутренней политики Россіи.

Но раньше этого преобразованія и одновременно съ нимъ славянофильство не утрачивало своей изнанки и не сбрасывало окончательно уродливаго облика — презрѣнія къ гнилому Западу, вообще узко-національстической слѣпой односторонности въ культурныхъ вопросахъ. И здѣсь *Москвитянин* Погодина оказывалъ злосчастнѣйшую услугу славянофильству, компрометируя всю партію своей дикостью и шутовствомъ. Именно своеобразной политикѣ *Москвитянина* славянофилы обязаны упорной враждой западниковъ и страстнымъ негодованіемъ Бѣлинскаго.

XXXIX.

Герценъ партію *Москвитянина* считалъ университетскою и даже *правительственною* въ отличіе отъ другихъ независимыхъ славянофиловъ. Погодинъ и Шевыревъ, по словамъ Герцена, несомнѣнно отличались отъ Булгарина и Греча, господъ съ «ливрейной кокардой» вмѣсто «мнѣнія»: московскіе профессора были «добросовѣстно раболѣпны» [229]).

---

[226]) Вторая статья въ № 10 *Москвитянина*. *Еще о сельскихъ условіяхъ*. *Сочиненія* I, 423.

[227]) Барсуковъ. VI, 274—5.

[228]) Въ письмѣ къ Анненкову. *О. с.*, стр. 603.

[229]) Герценъ. VII, 307—8.

Отзывъ вполнѣ справедливый. Можно подивиться отвагѣ двухъ ученыхъ мужей, щеголявшихъ съ поразительной наивностью и откровенностью чувствами младенческаго и отчасти балаганнаго патріотизма.

Въ первомъ нумерѣ *Москвитянина* въ первый годъ изданія Шевыревъ помѣстилъ руководящую статью *Взглядъ русскаго на образованіе Европы*. Мысли статьи остались неизмѣнными вдохновительницами журнала, за исключеніемъ краткаго промежутка редакторства Кирѣевскаго. Статья, несомнѣнно, виновница величайшихъ недоразумѣній, какія только вызывало славянофильство въ западномъ лагерѣ. Мы знаемъ, ни Аксаковы, ни Кирѣевскіе, ни Хомяковъ въ теченіе сороковыхъ годовъ не проклинали Запада, не хоронили его заживо и не считали его цивилизаціи безусловно заразительной и ядовитой. Шевыревъ именно эти проклятія положилъ въ основу своей философіи и разсужденіе превратилъ въ какое-то желчное кликушество. Слова трупъ, ядъ, развратъ, оргія, чувственность пестрятъ статью и не оставляютъ ни одного проблеска въ сплошной содомской тьмѣ, облегающей, будто бы, западную Европу [230]).

Какое чувство подобное упражненіе должно было вызвать у людей въ родѣ Бѣлинскаго показываютъ впечатлѣнія неизмѣримо болѣе мирнаго и осторожнаго человѣка—профессора Никитенко. Онъ въ своемъ дневникѣ произнесъ уничтожающій судъ надъ «младенчествующей самодѣятельностью» московскихъ философовъ [231]). Бѣлинскій, разумѣется, не могъ ограничиться подобнымъ приговоромъ и долженъ былъ загорѣться пожирающимъ пламенемъ негодованія и презрѣнія...

Шевыревъ не переставалъ воевать въ томъ же направленіи. Ему ничего не стоило реформацію и революцію обозвать просто болѣзнями и на томъ покончить съ исторіей Запада. Какой практическій смыслъ имѣла эта философія доказывали извѣстные намъ политическіе пріемы *Москвитянина* и въ особенности гражданское поведеніе обоихъ профессоровъ.

Оно во всемъ блескѣ обнаружилось по поводу маскарадныхъ празднествъ, устроенныхъ супругой московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго. Эпизодъ произвелъ на современниковъ живѣйшее впечатлѣніе, Бѣлинскій уже былъ въ могилѣ, но *Москвитянинъ* въ теченіе многихъ лѣтъ послѣдовательно подготовлялъ этотъ апоѳеозъ своей политики.

Торжество началось статьей Погодина: *Нѣсколько словъ о значеніи русской одежды сравнительно съ европейской*. Статья ды-

---

[230]) *Москвитянинъ*, № 1, 1841 года.

[231]) *Записки и дневникъ*. I, 417—8.

шала энтузіазмомъ, доказывала, что русская одежда *умнѣе* европейской, живописнѣе, разнообразнѣе и вообще неописуема по своимъ достоинствамъ. Потомъ слѣдовало описаніе самого маскарада: оно принадлежало перу Шевырева и блистало всѣми красками краснорѣчія, свойственнаго профессору. «Русскій духъ во-очію совершился», восклицалъ, въ свою очередь, Погодинъ, и *Москвитянинъ* звонилъ во всѣ колокола во славу сарафановъ. Предлагался подробнѣйшій списокъ «красныхъ дѣвицъ» и «добрыхъ молодцевъ», презрѣвшихъ по случаю маскарада европейскіе костюмы.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Москву государь, маскарадъ повторился и *Москвитянинъ* снова впалъ въ піитическое піянство, съ необыкновенной граціей изображая «правильность и полноту движеній» героевъ танцевъ.

Но ироническая судьба готовила жестокій ударъ. Едва профессора успѣли перевести духъ въ приливѣ восторга, изъ Петербурга послѣдовало распоряженіе сбрить дворянамъ бороды и изгнать изъ употребленія русское платье. Славянофилы пріуныли, Сергѣй Аксаковъ горько жаловался на гибель «русскаго направленія» и на «предательство». Константинъ Аксаковъ продолжалъ нѣкоторое время щеголять въ бородѣ. Шевыревъ энергично возсталъ на такую оппозицію и въ письмѣ къ Погодину обозвалъ смѣльчака «дуракомъ» [232]).

Такъ прискорбно окончилось кратковременное торжество «русскаго духа!»

Случались и болѣе мелкія, но крайне досадныя огорченія. Петербургъ не уставалъ окачивать холодной водой патріотическій и національный жаръ московскихъ профессоровъ.

Сначала *Москвитянинъ* встрѣтилъ поощреніе: имъ заинтересовалось высшее общество, Уваровъ велѣлъ гимназіямъ подписываться на журналъ, рекомендовалъ попечителямъ, представилъ его даже государю. Но все опять выходило «предательствомъ».

Прежде всего Бенкендорфъ не давалъ Уварову покою своими жалобами и уже на третьемъ нумерѣ предлагалъ «воспретить» изданіе. Причина негодованія—анекдоты, напечатанные въ *Смѣси* и неуважительные къ «сословію чиновниковъ». Уваровъ принужденъ былъ ссылаться на гоголевскаго *Ревизора*... Потомъ самъ Уваровъ возмутился беллетристикой *Москвитянина*, опасной для «молодыхъ людей». Наконецъ, московская цензура изводила Погодина оскорбительнѣйшими придирками: онъ, какъ «православный русскій профессоръ», не смѣлъ говорить о Мицкевичѣ и о встрѣчѣ съ нимъ, не могъ напечатать своего похвальнаго слова Петру,

[232]) Барсуковъ. X, 198, 205, 227, 251 etc.

стиховъ Языкова на памятникъ Карамзину, не могъ свободно употреблять слово православіе, потому что цензура подъ нимъ разумѣла самодержавіе, не могъ говорить о развитіи жизни, потому что это означало «представительное правленіе...»

Тогда, наконецъ, не выдерживалъ русскій патріотъ и писалъ совсѣмъ «неблагонамѣренныя» вещи, конечно, въ «Дневникѣ» браня цензуру и вносилъ слѣдующее «замѣчательное слово» гр. А. П. Толстого:

«Живя въ Парижѣ, сбираешься сказать то и другое, сдѣлать также, подъѣдешь къ границѣ, жаръ простываетъ, проѣдешь дальше, чувствуешь совсѣмъ ужъ не то, а ввалишься въ Петербургъ, такъ и почувствуешь такое подлое трясеніе подъ жилками. что изъ рукъ вонъ» [233]).

Случалось Погодину обнаруживать нѣкоторую терпимость къ Западу и даже говорить о «должномъ уваженіи къ его историческому значенію». Очевидно, суровая дѣйствительность мало соотвѣтствовала восторженнымъ національнымъ настроеніямъ, и подчасъ бѣдный «словенинъ» заставляетъ читателя думать, что онъ прославляетъ «русскій духъ» больше изъ личнаго самолюбія—остаться вѣрнымъ принципу.

Публика до конца не щадила привилегированныхъ патріотовъ. Ни одинъ славянофильскій органъ не вызвалъ у нея интереса и простого вниманія. Петербургскій *Маякъ*, подвизавшійся одновременно съ *Москвитяниномъ*, представлялъ еще болѣе крайнее крыло славянофильства, чѣмъ погодинскій журналъ. Въ его глазахъ даже Ломоносовъ и Державинъ являлись зараженными западной ересью, и даже Кирѣевскій въ *Москвитянинѣ* принужденъ былъ дать неблагопріятный отзывъ, возстать на его презрительные отзывы о Пушкинѣ, на его варварскій языкъ и вообще «странныя понятія».

Въ годъ смерти Бѣлинскаго въ Петербургѣ возникло *Сѣверное Обозрѣніе* подъ негласной редакціей Василія Григорьева, оріенталиста, товарища Грановскаго по петербургскому университету, впослѣдствіи поразившаго русскихъ читателей памфлетической статьей въ *Русской Бесѣдѣ* Кошелева—*Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ*. Статья даже у Шевырева вызвала «омерзѣніе», Константинъ Аксаковъ поспѣшилъ печатно отозваться о Грановскомъ въ совершенно противоположномъ тонѣ, Естественно, Григорьевъ, какъ самостоятельный редакторъ, не пощадилъ западниковъ, распространяя, по его выраженію, «религіозно-патріотическій духъ». Публика осталась глуха къ призыву, и журналъ Григорьева умеръ послѣ кратковременной агоніи [234]).

---

[233]) *Ib.*, VII, 110.

[234]) Разсказъ самого Григорьева о судьбѣ его журнала въ письмѣ къ Кошелеву. Колюпановъ. *О. с.* II, 261.

Университетское славянофильство въ борьбѣ съ европейскимъ ядомъ не ограничилось журналистикой. Еще болѣе горячее и шумное столкновеніе партій произошло на другомъ поприщѣ, въ высшей степени любопытномъ при гнетущей атмосферѣ сороковыхъ годовъ, при инквизиціонномъ настроеніи властей, слѣдившихъ за развитіемъ русскаго слова и мысли.

XL.

Грановскій первый перенесъ борьбу на широкую общественную сцену и вмѣсто салонныхъ и кабинетныхъ дуэлей открылъ курсъ публичныхъ лекцій въ ноябрѣ 1843 года. Приготовляясь къ чтенію, Грановскій не скрывалъ, что это бой и писалъ Кетчеру: «хочу полемизировать, ругаться и оскорблять... Постараюсь заслужить и оправдать вражду моихъ враговъ» [235]).

Темой лекцій были выбраны средніе вѣка, и рѣшеніе Грановскаго полемизировать и ругаться слѣдуетъ понимать очень относительно. Въ томъ же письмѣ онъ выходитъ изъ себя противъ слишкомъ рѣзкой статьи Бѣлинскаго, находитъ въ ней «азіатскія, монголо-манчжурскія формы» и возмущается «цинизмомъ выраженій». Очевидно, у самого Грановскаго формы будутъ совершенно европейскія, тѣмъ болѣе, что на первыхъ лекціяхъ молодой ученый совершенно растерялся и едва нашелъ силы приступить къ чтенію.

Успѣхъ былъ блестящій. Предъ нами свидѣтельства Герцена и Хомякова, оба свидѣтеля единодушны и восторженны, недовольными остались Погодинъ и Шевыревъ [236]). Послѣдній имѣлъ всѣ основанія: Грановскій самъ сознается, что нѣсколько разъ выводилъ его на сцену, говоря о риторахъ, объ язычникахъ-старовѣрахъ.

Друзья принялись разглашать по Москвѣ, что Грановскій оставляетъ безъ вниманія Русь и Православіе. Говоръ обезпокоилъ Филарета. Грановскій рѣшилъ отвѣчать публично и сдѣлалъ это предъ своей аудиторіей послѣ лекціи, указалъ на нелѣпость господъ, обвиняющихъ его въ пристрастіи къ Западу и требующихъ, чтобы онъ въ исторіи Запада читалъ о Россіи. Громъ рукоплесканій былъ отвѣтомъ.

Герценъ поспѣшилъ дать отчетъ сначала о первой лекціи Грановскаго, потомъ обо всемъ курсѣ. Вторую статью попечитель

---

[235]) Грановскій. II, 459.

[236]) Отзывъ Герцена былъ напечатанъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, № 142, 1843 года. Перепечатанъ въ *Воспоминаніяхъ* Пассекъ — *Изъ далекихъ лѣтъ*, II, 353.

гр. Строгановъ не разрѣшилъ напечатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и она появилась въ *Москвитянинѣ*, гдѣ Шевыревъ уже успѣлъ по своему разработать вопросъ. Это не помѣшало Герцену высказать нѣсколько мыслей, не утратившихъ своего значенія до послѣднихъ дней. Лекціи Грановскаго выдвинули на очередь одну изъ самыхъ существенныхъ задачъ русской науки и уже этого факта достаточно, чтобы чтенія остались событіемъ въ исторіи нашего общества.

Герценъ настаивалъ на открытіи новаго пути умственныхъ вліяній университета, на новомъ сближеніи его съ Москвой. «У насъ,—писалъ онъ,—не можетъ быть науки, разъединенной съ жизнью: это противно нашему характеру; потому всякое сближеніе университета съ обществомъ имѣетъ значеніе и важно для обоихъ. Преподаваніе, для пріобрѣтенія сочувствія, должно очиститься отъ школьнаго формализма, оно должно изъ холодной замкнутости сухихъ односторонностей выйти въ жизнь дѣйствительности, взволноваться ея вопросами, устремиться къ ея стремленіямъ. Общество должно забыть суету ежедневности и подняться въ среду общихъ интересовъ для того, чтобъ слушать преподаваніе. Оно готово это сдѣлать. Тактъ общества вѣренъ: все живое и сочувствующее ему находитъ въ немъ неминуемое признаніе, курсъ Грановскаго лучшее доказательство [237]).

Но этотъ успѣхъ не прошелъ даромъ. Отъ Грановскаго потребовали «апологій и оправданій въ видѣ лекцій, настаивали, чтобы реформацію и революцію онъ излагалъ съ католической точки зрѣнія и «какъ шаги назадъ». Грановскій предложилъ вовсе не читать о революціи, но реформаціи уступить не рѣшился и сталъ помышлять о выходѣ въ отставку, такъ какъ Строгановъ заявилъ, что «имъ нужно православныхъ» [238]).

Не дремали и славянофилы. Шевыревъ не могъ помириться на единоличномъ торжествѣ Грановскаго и открылъ свой православный и патріотическій курсъ лекцій. Готовился онъ молитвой надъ частицей мощей первоучителя словенскаго Кирилла, чтеніемъ его житія и «лекція,—говоритъ Шевыревъ,—была его внушеніемъ». Лекціи произвели на всѣхъ славянофиловъ отрадное впечатлѣніе, Языковъ воспѣлъ ихъ стихами, но Хомяковъ долженъ былъ засвидѣтельствовать печальный фактъ: «ряды нашихъ друзей оказались необычайно рѣдкими и дружина ничтожною». Университетъ и публика принадлежали Западу, и особенно молодое поколѣніе.

Это блистательно обнаружилось на диспутѣ Грановскаго.

---

[237]) *Изъ дальнихъ лѣтъ. Гл.*, стр. 361.

[238]) Письмо къ Кетчеру, 14 янв. 1844 г. *О. с.* II, 462—3.

Диссертація его— *Волинь, Іомсбургъ и Винета*, отвергавшая легенду о великомъ торговомъ центрѣ прибалтійскихъ славянъ— городѣ Винетѣ, проходила факультетъ съ большими затрудненіями. Славянофилы намѣревались ее вернуть, но, убоявшись скандала, допустили диспутъ. Оппонентами выступили ученый славистъ Бодянскій и Шевыревъ. Первыя же слова Бодянскаго были встрѣчены шиканьемъ, оно не прекращалось, пока оппонентъ не прервалъ окончательно своихъ возраженій. Та же участь постигла Шевырева. Рѣдкинъ, вмѣшавшійся въ диспутъ за Грановскаго, былъ награжденъ рукоплесканіями. Диспутъ совершенно утратилъ ученый характеръ и превратился въ шумное общественное зрѣлище. Деканъ Давыдовъ, по словамъ очевидца, «произнесъ ехидную заключительную рѣчь, гдѣ не сказалъ почти ничего ни о достоинствѣ диссертаціи, ни объ ученыхъ заслугахъ профессора, распространился о томъ, что преимущественно присудило магистранту ученую степень такъ настойчиво и необычно заявленное сочувствіе слушателей».

Эти слушатели съ громомъ апплодисментовъ подняли новаго магистра на руки.

Думали они повторить привѣтствія и на ближайшей лекціи. Грановскій, по просьбѣ инспектора, предупредилъ студентовъ прочувствованной рѣчью [239]).

Славяне не унялись. Москва вновь заговорила объ интригахъ Грановскаго, объ его измѣнѣ отечеству, о статьяхъ Бѣлинскаго, подрывающихъ народность, семейную нравственность и православіе.

Очевидно, славянофильскій лагерь, по крайней мѣрѣ дѣйствовавшій на открытой литературной и научной сценѣ, никакъ не могъ уклониться отъ роли быть «добровольнымъ помощникомъ жандармовъ» [240]). И намъ ясно, въ какомъ источникѣ брали начало яростныя рѣчи западниковъ, что заставляло ихъ часто закрывать глаза на положительныя стороны славянофильскаго ученія и сплошь громить его, какъ варварство и мракобѣсіе или какъ ложь и лицемѣріе.

Мы видѣли, пороками и недугами далеко не исчерпывалось славянофильское міросозерцаніе и славянофильская политика. И мы дальше увидимъ, сколько общихъ идей было у западниковъ съ восточниками. Но эти идеи будто заранѣе были осуждены вращаться въ дурномъ обществѣ и заражаться дурнымъ запахомъ. Правда, было здѣсь и одно великое смягчающее обстоятельство; мы не должны его забывать, если не желаемъ впасть въ пристрастіе.

---

[239]) Колюпановъ. *Изъ прошлаго. Русское Обозрѣніе.* 1895, апрѣль, 539 etc.

[240]) Выраженіе Герцена.

Славянофилы по существу изнывали надъ рѣшеніемъ той самой задачи, какая истерзала великій талантъ Гоголя. Онъ искалъ идеальнаго русскаго человѣка, дивнаго славянскаго мужа и чудную славянскую женщину, и поиски окончились жестокой душевной драмой самого художника. Онъ пытался говорить громовыя рѣчи, показать своей родинѣ величественный образъ ея лучшаго сына, и какимъ безпомощнымъ, искусственнымъ является *этотъ* Гоголь сравнительно съ *тѣмъ!*—съ Гоголемъ сатиры и отрицанія, осмѣявшимъ «добродѣтельнаго человѣка» и взлелѣявшимъ Чичикова!

Подобная же участь постигла и славянофиловъ. Мы говоримъ о тѣхъ, чья искренность и благородство мысли внѣ сомнѣнія и кто дѣйствительно искалъ истины съ мучительной тоской души и съ напряженіемъ всѣхъ нравственныхъ силъ.

Они также неотразимы и побѣдоносны, пока предъ ихъ судомъ проходили всевозможныя несовершенства, неразуміе и пошлость отечественнаго чужебѣсія. Здѣсь славянофилы шли исконнымъ путемъ національнаго чувства и здраваго смысла, вдохновлявшихъ русскую сатиру въ теченіе вѣка.

Сатирики далеко не всегда выдерживали спокойный тонъ и не ограничивались правосудной карой туземныхъ уродовъ, а распространяли свой гнѣвъ и на тѣхъ, кто соблазнялъ слабыхъ умомъ Иванушекъ и, въ противовѣсъ ихъ недугу подражанія, воздвигали культъ «святой старины», объявляли гоненіе на писателей-разбойниковъ, воспѣвали даже китайскія добродѣтели вплоть до московскихъ охабней и мурмолокъ, не находили словъ достойно выразить восторгъ предъ смѣтливостью ярославскаго мужика, очарованіями русской тройки и единственной въ мірѣ силой русской рѣчи и проницательности русскаго ума.

Путь этотъ совершали писатели-художники, вовсе не зараженные какой бы то ни было политической тенденціей и совершенно свободные отъ нарочито-вымышленной исторической философіи. Естественно было людямъ отвлеченной мысли, стремившимся къ цѣльной системѣ нравственныхъ и культурныхъ воззрѣній, перейти границы критики и, подобно тому же Гоголю, послѣ насмѣшекъ надъ отечественнымъ попугайствомъ, положить всѣ свои силы на созданіе положительнаго образа русскаго гражданина.

Результаты вышли тѣ же.

Геніальный художникъ выбился изъ силъ, оживотворяя свою схему плотью и кровью. Славянофилы углубились въ темную даль вѣковъ настоящей Руси, разыскивая по всѣмъ направленіямъ русской жизни, во всѣхъ намекахъ русскихъ преданій—національную доблесть. Предъ ними стоялъ несравненно болѣе внушительный врагъ, чѣмъ разнаго сорта Jean de France, чѣмъ пошлые франты и щеголихи, кривляющіеся на чужихъ діалектахъ. Въ Москвѣ,

единственной надеждѣ «любви къ отечеству» и «народной гордости», раздалась убійственная рѣчь противъ всей русской старины, противъ даже культурныхъ задатковъ русской природы. Письма Чаадаева никто не забывалъ и не могъ забыть. Самъ авторъ многіе годы продолжалъ оставаться живымъ олицетвореніемъ западничества, дошедшаго до безнадежныхъ думъ о прошломъ Россіи.

Уже по одному закону противорѣчія и равносильнаго отпора, та же Москва должна вызвать къ жизни Чаадаевыхъ совершенно другихъ чувствъ и воззрѣній и, мы видѣли, Константинъ Аксаковъ могъ поспорить съ грибоѣдовскимъ Чацкимъ страстностью національнаго настроенія и неизмѣримо превзойти его устойчивостью и основательностью національной философіи. Тамъ—взрывъ оскорбленнаго чувства, здѣсь—система, воинственная и послѣдовательная.

Мы видимъ, психологія славянофильства—явленіе совершенно ясное, неизбѣжное по историческимъ условіямъ русскаго просвѣщенія. Но столь же неизбѣжны и печальныя послѣдствія этой психологіи.

Они, въ зависимости отъ нравственныхъ свойствъ отдѣльныхъ личностей,—двояки, и опять не подъ вліяніемъ исключительно партійныхъ внушеній, а по тѣмъ же общимъ законамъ человѣческаго духовнаго міра.

Самоотверженные поиски въ удѣльной и московской Руси идеаловъ, имѣющихъ спасти вселенную отъ умственнаго раздвоенія и душевной тяготы, не могли привести къ желанной цѣли. Только развѣ золотые сны поэтически настроеннаго воображенія способны были явить неслыханныя чудеса исключительно прекрасной русской образованности, затмевающей всю европейскую цивилизацію. Добросовѣстные и искренніе искатели клада скоро убѣдились въ горькой правдѣ и волей-неволей видѣли себя вынужденными ограничиться вполнѣ цѣлесообразной, но исключительно отрицательной задачей—критикой слѣпого европеизма и общей защитой народности и національности, т. е. настаивать на близкомъ знакомствѣ русскихъ просвѣщенныхъ людей съ жизнью и природой своего народа.

Но такой результатъ не могъ удовлетворить именно самыхъ благородныхъ и искреннихъ энтузіастовъ. Драма неминуемо вкрадывалась въ это, самой дѣйствительностью, навязанное воззрѣніе. Отсюда тяжелое, истинно-трагическое впечатлѣніе, какое нѣкоторые славянофилы производили даже на людей другого лагеря.

Такъ, напримѣръ, Герценъ рисуетъ братьевъ Кирѣевскихъ. Это по истинѣ чета рыцарей, не признанныхъ жизнью, лишенныхъ воздуха и почвы въ настоящемъ и будущемъ.

«Грустно, какъ будто слеза еще не обсохла, будто вчера посѣтило несчастіе, появлялись оба брата на бесѣды и сходки. Я смотрѣлъ на Ивана Васильевича, какъ на вдову или на мать, лишившуюся сына; жизнь обманула его, впереди все было пусто и одно утѣшеніе:

Погоди немного,
Отдохнешь и ты!..» [241]).

Но грусть, у натуры энергичной, можетъ граничить и съ другимъ настроеніемъ. Чувство горькаго самообмана и разочарованія переходитъ нерѣдко въ невольное озлобленіе на тѣхъ, кому удалось найти нравственное довольство и успокоительные отвѣты на свои поиски. И тѣ же Кирѣевскіе столь симпатичные въ своихъ поблекшихъ мечтахъ юности, превращались если не въ фанатиковъ, то въ нетерпимыхъ хулителей чужой вѣры и чужихъ истинъ. И насъ не удивляетъ негодованіе, какое Иванъ Кирѣевскій вызывалъ впослѣдствіи у Грановскаго прямолинейностью чисто сектантской религіозности... У кого нѣтъ личнаго душевнаго мира, тому много надо самоотреченія и человѣческой любви къ людямъ, чтобы въ самомъ себѣ переживать разладъ и не выносить наружу его отголосковъ нетерпѣливыми окриками на увлеченія и надежды инако мыслящихъ.

Но это только одно проявленіе славянофильскихъ нравственныхъ крушеній. Рядомъ долженъ былъ обнаружиться другой способъ—маскировать отсутствіе твердыхъ убѣжденій и опредѣленнаго искренне-воспринятаго символа философской вѣры. Въ обыденной жизни безпрестанно можно встрѣчать людей, даже сильныхъ волей и разумомъ, служащихъ извѣстному дѣлу съ какой-то холодной окаменѣлой жестокостью и чуждыхъ душою этому дѣлу. Это будто извнѣ навязанный урокъ, выполняемый съ насильственнымъ напряженіемъ способностей. Тогда человѣкъ за свою тяготу вознаграждаетъ себя откровенной злобой и ожесточеніемъ на другихъ, свободныхъ отъ непосильнаго бремени. Азартомъ ненавистническаго чувства противъ враждебнаго лагеря онъ прикрываетъ призрачность и тщедушіе положительнаго идеала въ своемъ собственномъ, и весьма часто безпощадные фанатики сражаются во славу именно тѣхъ идей и вѣрованій, какія по волѣ судьбы стали для нихъ цѣлью обязательной службы и никогда не были предметомъ нравственнаго служенія.

Это явленіе и даже въ очень яркой формѣ могли прослѣдить и въ развитіи славянофильской воинственности.

---

[241]) Герценъ. VII. 301.

Мы знаемъ, среди славянофиловъ никогда не прекращались междусобицы, и особенно, никогда не закрывалась пропасть между университетскимъ, оффиціальнымъ славянофильствомъ въ лицѣ Погодина и Шевырева, и общественнымъ, такъ сказать, вольнымъ славянофильствомъ. Аксаковы, Кирѣевскіе, Хомяковъ даже не скрывали своего менѣе всего почтительнаго отношенія къ *Москвитянину* и его писателямъ. Это было раздоромъ нестолько принциповъ, сколько натуръ.

Погодинъ и Шевыревъ именно состояли *на службѣ* у славянофильскаго направленія и, какъ истинные служители, ежеминутно грозили скомпрометировать и опошлить его своимъ служительскимъ усердіемъ.

Такъ это и выходило на самомъ дѣлѣ.

Москвитянинъ обнаруживалъ одинаково унизительную безтактность и по отношенію къ власти и въ борьбѣ съ западниками. Тамъ онъ безпрестанно готовъ былъ впасть въ раболѣпство, до глубины души возмущавшее Аксаковыхъ, воспѣть маскарадъ, сложить пышное похвальное слово по поводу событій, о какихъ дѣйствительно-политическій умъ, по крайней мѣрѣ, умолчалъ бы. Въ столкновеніяхъ съ западниками предъ *Москвитяниномъ* неизмѣнно былъ открытъ ровный и прямой путь къ инсинуаціямъ, доносамъ и прочему охранительному добровольчеству.

Эти герои, разумѣется, не могли впасть въ грусть и вызывать у кого бы то ни было чувство состраданія и подчасъ невольнаго уваженія къ своей нравственной безпріютности. У нихъ были простыя и вполнѣ доступныя средства—создавать себѣ удовлетвореніе.

Шевыревъ, напримѣръ, очарованный успѣхомъ своихъ публичныхъ лекцій, облекается въ русскій костюмъ и щеголяетъ по Москвѣ на удивленіе даже своихъ ближайшихъ сочувственниковъ въ родѣ Погодина [242]).

Очевидно, здѣсь не было мѣста ни грустному раздумью, ни отрезвляющему, хотя и мучительному сомнѣнію въ *своей* правдѣ. И мы знаемъ, что̀ значило встрѣтиться съ Шевыревымъ на полѣ литературной брани!..

Столько разнообразныхъ нравственныхъ стихій жило и развивалось въ славянофильствѣ! Слѣдуетъ признать, врядъ ли когда существовало болѣе сложное культурное теченіе, болѣе способное вызвать самые противоположные взгляды и чувства, менѣе выясненное самими послѣдователями и менѣе организованное, упорядоченное и вложенное въ логическую систему благосклонными и неблагосклонными критиками.

---

[242]) Барсуковъ. VIII, 84.

Мы ни на минуту не должны упускать изъ виду этого факта, чтобы правильно оцѣнить борьбу западничества съ славянофильствомъ, чтобы отыскать истинный смыслъ противорѣчивыхъ, повидимому, отношеній Бѣлинскаго къ славянофиламъ въ разные періоды его дѣятельности и чтобы, наконецъ, составить точное представленіе о дѣйствительномъ значеніи славянофильскихъ идей въ культурномъ и политическомъ развитіи русскаго общества.

Ив. Ивановъ.

Мы знаемъ, среди славянофиловъ никогда не прекращались междусобицы, и особенно, никогда не закрывалась пропасть между университетскимъ, оффиціальнымъ славянофильствомъ въ лицѣ Погодина и Шевырева, и общественнымъ, такъ сказать, вольнымъ славянофильствомъ. Аксаковы, Кирѣевскіе, Хомяковъ даже не скрывали своего менѣе всего почтительнаго отношенія къ *Москвитянину* и его писателямъ. Это было раздоромъ нестолько принциповъ, сколько натуръ.

Погодинъ и Шевыревъ именно состояли *на службѣ* у славянофильскаго направленія и, какъ истинные служители, ежеминутно грозили скомпрометировать и опошлить его своимъ служительскимъ усердіемъ.

Такъ это и выходило на самомъ дѣлѣ.

Москвитянинъ обнаруживалъ одинаково унизительную безтактность и по отношенію къ власти и въ борьбѣ съ западниками. Тамъ онъ безпрестанно готовъ былъ впасть въ раболѣпство, до глубины души возмущавшее Аксаковыхъ, воспѣть маскарадъ, сложить пышное похвальное слово по поводу событій, о какихъ дѣйствительно-политическій умъ, по крайней мѣрѣ, умолчалъ бы. Въ столкновеніяхъ съ западниками предъ *Москвитяниномъ* неизмѣнно былъ открытъ ровный и прямой путь къ инсинуаціямъ, доносамъ и прочему охранительному добровольчеству.

Эти герои, разумѣется, не могли впасть въ грусть и вызывать у кого бы то ни было чувство состраданія и подчасъ невольнаго уваженія къ своей нравственной безпріютности. У нихъ были простыя и вполнѣ доступныя средства—создавать себѣ удовлетвореніе.

Шевыревъ, напримѣръ, очарованный успѣхомъ своихъ публичныхъ лекцій, облекается въ русскій костюмъ и щеголяетъ по Москвѣ на удивленіе даже своихъ ближайшихъ сочувственниковъ въ родѣ Погодина [242]).

Очевидно, здѣсь не было мѣста ни грустному раздумью, ни отрезвляющему, хотя и мучительному сомнѣнію въ *своей* правдѣ. И мы знаемъ, что значило встрѣтиться съ Шевыревымъ на полѣ литературной брани!..

Столько разнообразныхъ нравственныхъ стихій жило и развивалось въ славянофильствѣ! Слѣдуетъ признать, врядъ ли когда существовало болѣе сложное культурное теченіе, болѣе способное вызвать самые противоположные взгляды и чувства, менѣе выясненное самими послѣдователями и менѣе организованное, упорядоченное и вложенное въ логическую систему благосклонными и неблагосклонными критиками.

---

[242]) Барсуковъ. VIII, 84.

Мы ни на минуту не должны упускать изъ виду этого факта, чтобы правильно оцѣнить борьбу западничества съ славянофильствомъ, чтобы отыскать истинный смыслъ противорѣчивыхъ, повидимому, отношеній Бѣлинскаго къ славянофиламъ въ разные періоды его дѣятельности и чтобы, наконецъ, составить точное представленіе о дѣйствительномъ значеніи славянофильскихъ идей въ культурномъ и политическомъ развитіи русскаго общества.

Ив. Ивановъ.

ПЛОВЦЫ.

«Братья-писатели, въ нашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое...»
Н. Некрасовъ.

„Не пора ли отдохнуть, о братья?
Мракъ глубокъ, не видно маяка;
Шевелятся на душѣ проклятья,
Замерла усталая рука.
Нѣтъ ни силъ, ни бодрости, ни воли...
Бросимъ весла! Руль — игрушка волнъ!
Тщетны вопли, тщетны крики боли,
Гибни, гибни, беззащитный челнъ!“

—

Такъ въ борьбѣ, подвигнутой любовью,
Сколько разъ стонали мы — и вновь
Въ пылкомъ сердцѣ, истекавшемъ кровью,
Воскресали силы и любовь.
Сколько разъ мы опускали руки,
Сколько разъ бросали буйный споръ —
И опять съ отвагой шли на муки,
На борьбу, на жертву, на позоръ!
Поднимали снова правды знамя,
И на немъ горѣли тѣ слова,
Отъ которыхъ ярче въ сердцѣ пламя,
Даль свѣтлѣй и выше голова!

П. Я.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Критика искусства гр. Толстого. — Искусство богатыхъ классовъ. — Всенародное искусство.—Основная задача искусства. — Парадоксъ графа.—Отрицаніе школы и критики.—Окончаніе «Тяги» г. Боборыкина.—Конечный выводъ автора.—Фабрика, какъ подсобное средство деревни.—Ошибочность такого заключенія.—Седьмое изданіе книги г. Джаншіева «Эпоха великихъ реформъ». — Одинъ изъ эпизодовъ этой эпохи.

Вторая статья графа Толстого объ искусствѣ много содержательнѣе и интереснѣе первой, въ которой, какъ помнятъ читатели, заключалось только его собственное опредѣленіе искусства и критики всѣхъ предшествующихъ «открытію» графа теорій. Слѣдить за его мыслью, какъ и въ первой статьѣ, крайне трудно среди массы противорѣчій, путаницы, велерѣчія и многоглаголанія, то напыщеннаго, то искусственно упрощеннаго. Много общихъ замѣчаній очень вѣрныхъ, но далеко не новыхъ, и не менѣе парадоксовъ и злобныхъ выходокъ, которыя непростительны и въ устахъ пророка... Все это такъ запутываетъ читателя, что уловить основную мысль автора становится подчасъ почти невозможнымъ. Притомъ является сильное сомнѣніе въ его искренности, какъ увидимъ ниже, когда графъ прилагаетъ открытое имъ мѣрило искусства къ собственнымъ произведеніямъ.

Въ первое время своего возникновенія искусство было всенароднымъ и религіознымъ, затѣмъ оно стало достояніемъ богатыхъ классовъ, которымъ служитъ для услажденія жизни. Совершилось такое отдѣленіе искусства отъ религіи и народа подъ вліяніемъ католичества въ средніе вѣка, когда католичество стало церковью, «обличавшею свою ложь». Не будучи въ состояніи вѣрить въ нее, высшій, богатый и просвѣщенный классъ вернулся къ языческому, не христіанскому пониманію жизни, которое полагаетъ смыслъ жизни въ наслажденіи личности. «Совершилось въ высшихъ классахъ то, что называется «возрожденіемъ наукъ и искусствъ» и что въ сущности есть ничто иное, какъ не только отрицаніе всякой религіи, но и признаніе ненужности ея». Потерявъ вѣру въ религію, воодушевлявшую прежде искусство, люди создали особую теорію объ искусствѣ (Баумгартена), какъ объединяющемъ Истину, Добро и Красоту, и эта теорія вытѣснила прежнее пониманіе искусства, какъ проводникъ религіозныхъ идей въ образахъ. Оставляя въ сторонѣ произвольность утвержденій графа о значеніи переворота, извѣстнаго подъ именемъ возрожденія, нельзя не указать на удивительные хронологическіе скачки отъ этой эпохи къ теоріи Баумгартена, возникшей въ 1750 г. Весь періодъ въ 400 лѣтъ отъ Данте до Баумгартена укладывается въ одно опредѣленіе—«возрожденіе наукъ и искусствъ». Съ хронологіей графъ также легко раздѣлывается, какъ и со всѣмъ остальнымъ.

Баумгартенъ погубилъ истинное искусство, которое и пошло съ тѣхъ поръ по ложному пути, стало преслѣдовать цѣли наслажденія и служить однимъ

богатымъ. Народное искусство исчезло.] «Можно было говорить о народномъ искусствѣ еврейскомъ, греческомъ, египетскомъ, и теперь можно говорить о китайскомъ, японскомъ, индійскомъ искусствѣ, общемъ всему народу. Такое общее всему народу искусство было въ Россіи до Петра и было въ европейскомъ обществѣ до XIII, XIV вѣковъ; но съ тѣхъ поръ, какъ люди высшихъ классовъ европейскаго общества, потерявъ вѣру въ церковное ученіе, не приняли истиннаго христіанства и остались безъ всякой вѣры,—нельзя уже говорить объ искусствѣ высшихъ классовъ христіанскихъ народовъ, подразумѣвая подъ этимъ все искусство. Съ тѣхъ поръ, какъ высшія сословія христіанскихъ народовъ потеряли вѣру въ церковное христіанство, искусство высшихъ классовъ отдѣлилось отъ искусства всего народа и стало два искусства: искусство народное и искусство господское».] Но если эти высшіе классы и обходятся безъ истиннаго искусства, то народныя массы до сихъ поръ его имѣютъ. Такъ слѣдуетъ по графу, къ сожалѣнію, не указывающему примѣровъ такого народнаго искусства. Было бы особенно важно доказать, что «народъ», сохранившій религіозность, сохранилъ и истинное искусство, народное—въ отличіе отъ искусства «господскаго», не-истиннаго и не-христіанскаго. Такихъ доказательствъ графъ не даетъ, отдѣлываясь голыми утвержденіями, что современное искусство, сбитое съ толку Баумгартеномъ, непонятно народу, недоступно ему и потому не нужно.

[«Для огромнаго большинства всего рабочаго народа наше искусство, недоступное ему по своей дороговизнѣ, чуждо ему еще и по самому содержанію, передавая чувства людей, удаленныхъ отъ свойственныхъ всему большому человѣчеству условій трудовой жизни. То, что составляетъ наслажденіе для человѣка богатыхъ классовъ, непонятно,какъ наслажденіе, для рабочаго человѣка и не вызываетъ въ немъ никакого чувства или вызываетъ чувства, совершенно обратныя тѣмъ, которыя оно вызываетъ у человѣка празднаго и пресыщеннаго.] Такъ, напр., чувства чести, патріотизма, влюбленія, составляющія главное содержаніе теперешняго искусства, вызываютъ въ человѣкѣ трудовомъ только недоумѣніе, презрѣніе или негодованіе. Такъ что, если бы даже въ свободное отъ трудовъ время большинству рабочаго народа дали бы возможность увидать, прочесть, услыхать, какъ это дѣлается отчасти въ городахъ, въ картинныхъ галлереяхъ, народныхъ концертахъ, книгахъ, все то, что составляетъ цвѣтъ теперешняго искусства, то рабочій народъ въ той мѣрѣ, въ которой онъ рабочій, а не перешелъ уже отчасти въ разрядъ извращенныхъ праздностью людей, ничего не понялъ бы изъ нашего утонченнаго искусства, а если и понялъ бы, то большая часть того, что онъ понялъ бы, не только не возвысила бы его душу, но развратила бы ее».]

[Это одно изъ самыхъ характерныхъ мѣстъ въ разсужденіи графа, который даже и не замѣчаетъ, какую онъ услугу оказываетъ всѣмъ возстающимъ противъ просвѣтительныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ для просвѣщенія народа. Именно главнымъ и постояннымъ аргументомъ противъ просвѣщенія является непонятность, чуждость и вредъ нашей науки и искусства для «народа», который только «развращается» всѣми этими чтеніями, театрами, популяризаціей литературы и искусства. Какъ и противники просвѣщенія, графъ Толстой не желаетъ ничего знать, ни на что не обращаетъ вниманія, разъ это расходится съ его взглядомъ, что современное искусство, отдѣлившись отъ религіи, перестало быть истиннымъ искусствомъ. Онъ, конечно, знаетъ, съ какой жадностью народъ слушаетъ чтенія, стремится въ театръ, поглощаетъ народную литературу, въ которую понемногу переходятъ лучшія произведенія нашихъ великихъ писателей. Онъ даже признаетъ это, но дѣлаетъ маленькое замѣчаніе: «въ той мѣрѣ, въ которой онъ—рабочій, а не перешелъ уже отчасти въ разрядъ извращенныхъ праздностью людей. Масса деревенскаго и городского рабочаго

люда, собирающаяся на чтенія и посѣщающая библіотеки, уже «извратилась праздностью»,—иначе они, конечно, не проявили бы того жаднаго стремленія къ свѣту, какое констатируется буквально всѣми наблюдателями.

Но онѣ, эти массы «извращенныхъ праздностью людей», несомнѣнно стремятся, несомнѣнно увлекаются «господскимъ» искусствомъ, литературой, театромъ, музыкой, картинами. Значитъ—развращаются, какъ утверждаетъ графъ. Чувства чести, патріотизма, влюбленія ихъ восхищаютъ, тогда какъ для настоящаго рабочаго человѣка они или не существуютъ, или прямо ему противны. На чемъ основано такое категорическое утвержденіе, что эти чувства «противны» не извращенному праздностью народу,—вотъ вопросъ, на который графъ даже не потрудился отвѣтить хотя бы намеками. Мало того, онъ ниже дѣлаетъ еще болѣе удивительное открытіе, что народъ и дѣти уважаютъ и восхищаются только «силой физической и силой нравственной», потому что «сила физическая *заставляетъ* увлекать себя». И опять никакихъ поясненій,—сказано, какъ отрѣзано.

Откуда почерпалъ графъ свои свѣдѣнія о чувствѣ народа? Конечно, не отъ народа. Онъ приводитъ глупый анекдотъ о какомъ-то мѣщанинѣ изъ Саратова, который шелъ въ Москву, чтобы обличать духовенство за то, что оно содѣйствовало постановкѣ «монамента» Пушкину. И графъ *понимаетъ*, что этотъ оригинальный обличитель по своему правъ. «Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ графъ,—надо только представить себѣ положеніе такого человѣка изъ народа, когда онъ по доходящимъ до него газетамъ и слухамъ узнаетъ, что въ Россіи духовенство, начальство, всѣ лучшіе люди Россіи съ торжествомъ открываютъ памятникъ великому человѣку, благодѣтелю, славѣ Россіи—Пушкину, про котораго онъ до сихъ поръ не слышалъ. Со всѣхъ сторонъ онъ читаетъ или слышитъ объ этомъ и полагаетъ, что если воздаются такія почести человѣку, то, вѣроятно, онъ сдѣлалъ что-нибудь необыкновенное, или сильное, или доброе». Онъ старается узнать, кто былъ Пушкинъ, «но каково же должно быть его недоумѣніе, когда онъ узнаетъ, что Пушкинъ былъ человѣкъ больше чѣмъ легкихъ нравовъ, что умеръ онъ на дуэли, т. е. при покушеніи на убійство другого человѣка, что вся заслуга его только въ томъ, что онъ писалъ стихи о любви, часто очень неприличные». Такія сужденія въ устахъ саратовскаго мѣщанина вполнѣ умѣстны, но дико звучатъ со стороны графа, который въ той же статьѣ называетъ нѣсколько выше произведенія Пушкина, за исключеніемъ, впрочемъ, «Бориса Годунова», «истиннымъ искусствомъ», т.-е., по его опредѣленію способнымъ заражать читателя добрыми чувствами (въ чемъ, кстати сказать, и самъ Пушкинъ видѣлъ свою главную заслугу: и долго буду тѣмъ любезенъ я народу, что *чувства добрыя* я лирой пробуждалъ)...

Знаетъ, конечно, все это графъ Толстой и мнѣніе мѣщанина изъ Саратова приводитъ для вящаго удрученія господъ художниковъ и критиковъ, особенно послѣднихъ, которымъ онъ просто-на-просто заявляетъ, что они — глупы. Одинъ его «пріятель» такъ опредѣлилъ, что такое критики: «критики — это глупые, разсуждающіе объ умныхъ». Авторитетъ пріятеля ему кажется выше и глубже, чѣмъ, напр., авторитетъ Бѣлинскаго, о которомъ во всемъ разсужденіи объ искусствѣ нѣтъ ни единаго слова. Критика повинна въ извращеніи искусства и заниматься ею могутъ только глупцы, и въ подтвержденіе истины этого утвержденія самъ графъ пишетъ длиннѣйшее разсужденіе, которое переполнено критикой современныхъ декадентскихъ произведеній, критикой Вагнера, Бетховена, Пушкина и цѣлаго ряда другихъ произведеній великихъ художниковъ.

Отмѣтивъ рядъ курьезовъ, до того очевидныхъ, что надъ разборомъ ихъ нельзя и останавливаться, укажемъ на вѣрныя и мѣткія сужденія графа, хотя всѣ они не новы. Искусство, говоритъ онъ, какъ и все, подчинено закону эво-

люціи. И наше искусство не есть послѣдняя его стадія, и ему предстоитъ дальнѣйшее измѣненіе. Еслибъ эту вполнѣ вѣрную мысль графъ примѣнилъ въ своемъ разсужденіи, онъ увидалъ бы, что отдѣленіе искусства отъ религіи было одной изъ стадій развитія, совершившейся подъ вліяніемъ чрезвычайно сложныхъ условій, дѣйствіе которыхъ не пріостанавливается и теперь. То «всенародное» искусство, которое онъ признаетъ въ Греціи, было возможно при условіи рабства, которое снимало заботу о насущныхъ нуждахъ жизни съ народа. Съ уничтоженіемъ рабства, искусство, достигшее высокихъ формъ и значительнаго разнообразія, должно было обособиться, явилось, по выраженію графа, искусство богатыхъ классовъ. «Уничтожьте рабовъ капитала,—замѣчаетъ графъ,—и нельзя будетъ производить такого утонченнаго искусства», какъ современное искусство богатыхъ.

Это совершенно вѣрно, только ничто не совершается внезапно и никакая подобная катастрофа не угрожаетъ современному обществу. Созданное имъ искусство вырабатывалось вѣками и не подъ вліяніемъ той или иной теоріи, въ родѣ Баумгартеновской, а явилось созданіемъ *всѣхъ* условій, при которыхъ жило и развивалось человѣческое общество. Эти условія то же мѣняются, происходитъ медленная, но неудержимая и не предотвратимая эволюція общественнаго строя, подъ вліяніемъ которой мѣняются взгляды, вкусы, желанія, самыя, повидимому, прочно установившіяся понятія, и эта перемѣна, неуловимая и незамѣтная для современниковъ, отражается на искусствѣ, какъ отражается и на наукѣ, и на религіи. Вернуть искусство къ тому времени, когда оно еще было нераздѣльно слито съ религіей, какъ часть куплета, не мыслимо также, какъ немыслимо вернуть современный строй, опирающійся на крупной промышленности, къ временамъ патріархальнаго быта, съ его замкнутой общиной, мелкими потребностями и враждебностью ко всему, что не принадлежало къ общинѣ. Такое «всенародное» искусство, какое представляется графу въ Греціи, а теперь въ Японіи и Китаѣ, только и возможно при однообразіи общества, еще не разчлененнаго на классы подъ давленіемъ экономической и политической борьбы.

Что современное искусство есть искусство высшихъ классовъ, эта банальная истина, изъ которой, однако, вовсѣ не слѣдуетъ, что оно недоступно народу теперь и никогда не будетъ ему доступно. Насколько такое утвержденіе фактически невѣрно, извѣстно всякому, кто слѣдилъ за развитіемъ того движенія, которое на Западѣ приняло такіе широкіе размѣры подъ именемъ народныхъ университетовъ. Цѣль его — сближеніе народныхъ массъ съ высшимъ искусствомъ и наукой, бывшихъ до сихъ поръ достояніемъ исключительно высшаго класса. Это стремленіе явилось въ странахъ демократическихъ естественнымъ завершеніемъ демократизаціи просвѣщенія. Послѣднее, въ свою очередь, выросло на почвѣ тѣхъ измѣненій, которыя возникли подъ давленіемъ новаго промышленнаго строя. Но не заходя далеко на Западъ, гдѣ литература высшаго класса, его газеты, его живопись, театръ, университетская наука стали въ значительной степени уже теперь доступны рабочему классу, и у насъ, по мѣрѣ роста грамотности, замѣтно такое же стремленіе народа пріобщиться къ тѣмъ умственнымъ сокровищамъ, какими пользуется высшая интеллигенція. И всѣ, пока еще незначительныя, попытки въ этомъ направленіи дали положительные результаты. Народъ не только понимаетъ лучшихъ нашихъ писателей, композиторовъ, драматурговъ, живописцевъ, но и любитъ ихъ, хотя и не можетъ еще пользоваться ими въ полной мѣрѣ. Читатель изъ народа поражаетъ необыкновенной чуткостью, съ которой онъ воспринимаетъ все лучшее изъ любимыхъ нашихъ художниковъ. Ему, оказывается, вполнѣ доступны и чувство чести, и патріотизмъ, и даже «влюбленія» *), какъ и чувство свободы, жажда

*) Относительно «влюбленія», впрочемъ, лучше всего свидѣтельствуютъ народныя пѣсни, въ которыхъ «влюбленіе» занимаетъ главное мѣсто.

знанія и чувство борьбы за то, что мы называемъ идеаломъ. «Мановентъ» Пушкину вовсе не представляется ему такимъ чудовищно-нелѣпымъ, какъ саратовскому мѣщанину, столь восхитившему графа. Тѣ милліоны экземпляровъ изданій Пушкина, которыя расходятся теперь по всей Россіи, покупаются, конечно, не однимъ богатымъ классомъ, не господами, а именно рабочимъ людомъ.

Если теперь представимъ себѣ, что это движеніе только въ зародышѣ, что даже на Западѣ оно началось не далѣе 20—30 лѣтъ назадъ, что развитіе его впереди не ограничено предѣлами, то вполнѣ допустимо такое состояніе общества, при которомъ рабочій читатель явится главнымъ двигателемъ и вдохновителемъ искусства и науки. Какъ отразится такой коренной переворотъ на искусствѣ, теперь даже предвидѣть невозможно. Можно одно сказать съ полной увѣренностью, что это будетъ благодѣтельнымъ переворотомъ прежде всего для искусства. Такъ было всегда, лишь только искусство становилось болѣе демократично, въ смыслѣ бо́льшей доступности бо́льшему кругу читателей. Ложно-классическая литература была мало доступна кому-либо, кромѣ узкаго круга высшаго общества. Романтическая захватила несравненно болѣе широкіе круги читателей, еще болѣе расширила эти круги реалистическая. Новое искусство, вѣроятно, будетъ дѣйствительно всеобщимъ: но какъ и въ чемъ оно проявится, говорить теперь невозможно и нелѣпо.

Во всякомъ случаѣ, то, что есть лучшаго въ нашемъ теперешнемъ искусствѣ, не будетъ выброшено за бортъ, и врядъ ли кто послѣдуетъ примѣру графа, когда онъ однимъ почеркомъ пера сокрушаетъ все, что не подходитъ подъ его критическую мѣрку. «Только благодаря критикамъ, восхваляющимъ въ наше время грубыя, дикія и часто безсмысленныя произведенія древнихъ грековъ: Софокла, Эврипида, Эсхила, въ особенности Аристофана, или новыхъ Данта, Тассо, Мильтона, Шекспира; въ живописи—всего Рафаэля, всего Микель-Анджело съ его нелѣпымъ «Страшнымъ судомъ»; въ музыкѣ—всего Баха, всего Бетховена съ его послѣднимъ періодомъ,—стали возможны въ наше время Ибсены, Метерлинки, Верлены, Малларме, Пювисъ-де-Жованны, Клингеры, Бёклины, Шнейдеры; въ музыкѣ—Вагнеры, Листы, Берліозы, Брамсы, Рихарды Штраусы и т. п.». Сваливать все и вся въ одну кучу, «не разбираючи лица», можно только руководствуясь правиломъ «своя рука владыка», и такой критическій пріемъ вполнѣ напоминаетъ тѣхъ критиковъ, о которыхъ говорилъ пріятель графа. Насъ беретъ сильное сомнѣніе, видѣлъ ли графъ хоть одно произведеніе, напр., Клингера или Бёклина? Дѣло въ томъ, что къ нѣкоторымъ изъ лучшихъ произведеній перваго вполнѣ примѣнимо требованіе графа религіозности въ искусствѣ: они вполнѣ отвѣчаютъ ему, хотя, конечно, Клингеръ совершенно иначе, чѣмъ графъ Толстой, понимаетъ религіозность. То же и относительно, напр., пейзажей Бёклина, хотя и его религіозность не толстовская. Чувства, которыми заражаютъ оба художника, глубоки и возвышенны, и ужъ никакъ нельзя причислить обоихъ художниковъ къ числу тѣхъ, кто пишетъ для «потѣхи праздныхъ людей».

Не меньшее сомнѣніе въ искренности графа является, когда онъ начинаетъ перечислять образцы истиннаго искусства, достойные быть сохраненными. Въ истинномъ искусствѣ графъ различаетъ «религіозное и житейское» искусство. Первое распадается на «высшее религіозное искусство, которое прямо и непосредственно передаетъ чувства, вытекающія изъ любви къ Богу и ближнему», и «низшее, которое передаетъ чувства отвращенія, негодованія, презрѣнія къ явленіямъ, противнымъ любви къ Богу и ближнему». Житейское искусство передаетъ «такія чувства, которыя доступны всѣмъ людямъ», и распадается на «высшее житейское искусство, которое доступно и понятно людямъ всего міра всегда и вездѣ: всемірное искусство, и на доступное и понятное всѣмъ людямъ только одного мѣста и времени, всенародное искусство». Къ образцамъ перваго

онъ причисляетъ въ области литературы Виктора Гюго—его «Отверженные» и «Les pauvres gens», почти всѣ повѣсти и разсказы Диккенса, «Хижина дяди Тома», Достоевскаго, преимущественно его «Мертвый домъ». Въ живописи онъ указываетъ на жанры Милле, Лермита, Ланглуа. Ко второму роду, житейскому искусству, онъ относитъ, какъ лучшія, еще меньше произведеній, причемъ смиренно замѣчаетъ: «Представляя образцы искусства, которое я считаю лучшимъ, я не придаю особеннаго вѣса своему выбору, такъ какъ я, кромѣ того, что недостаточно свѣдущъ во всѣхъ родахъ искусствъ, принадлежу къ сословію людей съ извращеннымъ ложнымъ воспитаніемъ вкусомъ. И потому могу, по старымъ усвоеннымъ привычкамъ, ошибаться, принимая за абсолютное достоинство то впечатлѣніе, которое произвела на меня вещь въ моей молодости. Называю же я образцы произведеній того и другого рода только для того, чтобы больше уяснить свою мысль, показать, какъ я при теперешнемъ моемъ взглядѣ понимаю достоинство искусства по его содержанію. При этомъ еще долженъ замѣтить, что свои художественныя произведенія я причисляю къ области дурного искусства, за исключеніемъ разсказа «Богъ правду видитъ», желающаго принадлежать къ первому роду, и «Кавказскаго плѣнника», принадлежащаго ко второму». Сопоставляя это скромное замѣчаніе съ рѣшительнымъ приговоромъ для Шекспира и Данта, сомнѣваемся, чтобы все это было сказано съ полной вѣрой въ правду своихъ словъ.

Тѣмъ болѣе, что графъ не приводитъ никакихъ доказательствъ, и потому нисколько не поясняетъ своей мысли. Напр., «Иліаду» и «Одисею» онъ считаетъ произведеніями истиннаго всенароднаго искусства (съ чѣмъ и мы согласны), но какъ оба эти произведенія подходятъ къ установляемому симъ требованію христіанской религіозности—непонятно. Еще менѣе понятно утвержденіе, что исторію Іосифа Прекраснаго съ женой Пентефрія понимаютъ одинаково всѣ народы и дѣти, тогда какъ дѣти ее совсѣмъ не понимаютъ, а разные народы взглянутъ на это весьма различно, смотря по установившимся у нихъ взглядамъ на нравственность.

Но, повторяемъ, невозможно разобраться въ путаницѣ мнѣній графа. Хотя, по его словамъ, онъ 15 лѣтъ думалъ надъ вопросомъ объ искусствѣ, однако, ему не мѣшало-бы и еще подумать. Мало кого убѣдятъ его вѣщанія, многословныя и неосновательныя, его уничтожающіе приговоры, широко расточаемые направо и налѣво. «Я кончилъ эту работу,—говоритъ онъ въ заключеніе,—и какъ ни плохо я ее сдѣлалъ, я надѣюсь, что основная мысль моя о томъ ложномъ пути, на которомъ стало и по которому идетъ искусство нашего общества, и о причинѣ этого, и о томъ, въ чемъ состоитъ истинное назначеніе искусства, вѣрна, и что поэтому трудъ мой не пропадетъ даромъ». Не думаемъ, чтобы надежды графа оправдались. Основная мысль его о необходимости повернуть жизнь назадъ не вѣрна и не осуществима, и искусство будетъ совершать свою медленную эволюцію вмѣстѣ со всѣмъ строемъ нашей соціальной жизни, а этимъ строемъ нельзя вертѣть во всѣ стороны по тѣмъ или инымъ указаніямъ, хотя бы и графа Толстого.

Въ майской книгѣ «Вѣстника Европы» закончилась «Тяга» г. Боборыкина, о которой мы уже говорили (въ февральской книгѣ). Конецъ романа и выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, едва ли удовлетворятъ кого. Авторъ остался вѣренъ себѣ до конца и очень выдержанно провелъ основную мысль о возможности примиренія интересовъ деревни и фабрики.

Эту мысль олицетворяетъ въ романѣ Иванъ Спиридоновъ.

Спившійся съ круга и доведенный до гибели, благодаря фабрикѣ, Иванъ Спиридоновъ ѣдетъ въ деревню, гдѣ воскресаетъ къ новой жизни. Оттуда онъ возвращается снова на фабрику, но уже инымъ человѣкомъ. Прежде всего,

подъ вліяніемъ деревни, къ сожалѣнію, дѣйствующимъ за кулисами и потому скрытымъ отъ читателя, въ немъ окончательно крѣпнутъ и разростаются добрыя сѣмена заложенныя въ его душу учительницей, которая все время настраиваетъ своихъ учениковъ, фабричныхъ мальчишекъ, на деревенскій ладъ. Въ деревнѣ онъ «опамятовался», пришелъ въ себя и вдругъ усмотрѣлъ ту пучину мерзости, въ которую его затянула-было фабрика. Но въ то же время онъ не можетъ обойтись безъ нея, какъ необходимаго средства къ жизни. Онъ видитъ, всѣмъ «нутромъ» чувствуетъ, что только въ деревнѣ истинная жизнь, на своей волѣ, человѣчная и «по-божески». Но и фабрика имѣетъ хорошія стороны, которыя заключаются въ возможности добывать здѣсь средства, весьма скудныя «по нонѣшнимъ временамъ» въ деревнѣ. И вотъ онъ возвращается съ твердымъ намѣреніемъ «стать человѣкомъ». Въ глазахъ фабричнаго начальства онъ живо возстановляетъ свой престижъ хорошаго, дѣльнаго рабочаго, и мы его снова застаемъ на фабрикѣ уже смотрителемъ одного изъ отдѣленій, предсѣдателемъ общества трезвости и вообще однимъ изъ почетныхъ представителей рабочаго люда. Какъ все это произошло, читатель не видитъ и долженъ вѣрить на слово автору, что таково благодѣтельное вліяніе деревни. Мы такъ много слыхали на эту тему, что новое повтореніе того же у г. Боборыкина уже не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Бываетъ, конечно и это, но разъ авторъ не показалъ намъ самаго процесса и самъ же раньше устами того же Спиридонова кое-что поразсказалъ о деревенскомъ укладѣ, не вяжущееся съ благотворнымъ перерожденіемъ его героя, то читателю остается только подивиться такому перевороту и возложить его всецѣло на отвѣтственность г. Боборыкина.

Въ послѣдней части романа Иванъ Спиридоновъ вполнѣ оформился, сложился и, дѣйствительно, сталъ человѣкомъ. Онъ счастливо выбираетъ себѣ невѣсту и окончательно созидаетъ планъ будущихъ отношеній деревни и фабрики. «Тяга» послѣдней къ себѣ получаетъ совсѣмъ ясную и строго опредѣленную тенденцію, которую авторъ многократно высказываетъ устами Ивана. «Кто имѣетъ хоть мало-мальскую возможность въ деревнѣ обзавестись домкомъ—не слѣдуетъ ему идти въ дворники и наживаться на счетъ постояльцевъ», философствуетъ Иванъ, отказываясь принять фабричный домъ, который ему предлагаютъ съ выплатой на срокъ. «А безъ этого никакъ нельзя выплачивать помѣсячно по пятнадцати рублей». Собесѣдникъ не безъ основанія замѣчаетъ, что и въ деревнѣ приходится хозяину съ работниками маяться.

«— Нѣтъ, здѣсь дѣло чистое,—остановилъ его Иванъ,—коли мнѣ одному или со своими не подъ силу управляться и въ полѣ, и дома—я нанимаю батрака. Съ нимъ маюсь, это случается; но я на немъ не жильничаю. По положенію, столько-то жалованья и харчи. Опять же онъ, хоть и крестьянинъ, однако не мой прямой *товарищъ*, не такой же *рабочій*, какъ и я».

Иванъ большой резонеръ и болтунъ, но авторъ, можетъ быть, безсознательно вскрываетъ въ его рѣчахъ сущность буржуазныхъ устоевъ деревни, гдѣ «хозяинъ» и «батракъ» понимаютъ себя не какъ «товарищи». Иванъ стѣсняется «жильничать» съ рабочими, потому что они какъ ни какъ все же товарищи, его что-то стѣсняетъ въ этихъ отношеніяхъ, вырабатываемыхъ совмѣстной работой на фабрикѣ у одного станка, хотя бы онъ былъ и «наболышимъ». Деревня не знаетъ такихъ тонкостей, здѣсь дѣло «чистое»: нанялся—продался, «жалованье и харчъ по положенію», а все остальное врозь. Идиллія братскихъ отношеній въ деревнѣ настолько уже немыслима, такъ вскрылась и очистилась, что теперь уже трудно не замѣчать вполнѣ грубыхъ капиталистическихъ отношеній, возникшихъ на почвѣ общины и міра. И именно въ деревнѣ эти отношенія получаютъ голый, ничѣмъ не прикрытый характеръ, потому что здѣсь мы ихъ застаемъ in statu nascendi, какъ выражаются химики,—въ моментъ вылупливанія изъ мірскаго яичка, когда всѣ другія побочныя отно-

шенія, возникающія со временемъ при болѣе развитомъ промышленномъ строѣ, еще не успѣли здѣсь сложиться.

Не останавливаясь, однако, на этомъ явленіи, слишкомъ простомъ и ясномъ, чтобы о немъ распространяться, вернемся къ двойственной системѣ Ивана, мечтающаго примирить деревню съ фабрикой. Вотъ какъ онъ выясняетъ эту систему своей бывшей учительницѣ, «наставницѣ» Надеждѣ Николаевнѣ, завѣдующей фабричной школой.

«— Моя будущая женушка весьма одобряетъ мое желаніе, когда, годика черезъ два, что ли, мы совсѣмъ справимъ свою избушку въ Ляховѣ, обзаведемся скотомъ и наладимъ полевое хозяйство—имѣть тамъ болѣе прочную осѣдлость.

«— То есть, какъ же это? Покончить съ фабрикой?

«— Нѣтъ... Зачѣмъ? Фабрика, по моему разумѣнію, деревнѣ не вредитъ. Даже напротивъ. Вотъ вамъ на лицо—хотя бы насъ взять съ Пелагеей. И ее, и меня фабрика людьми сдѣлала. Безъ нея я бы подъ вашимъ попеченіемъ не бывалъ. И цѣна намъ была-бы другая. Отъ деревенскаго дѣла я никогда не отвращался... Такъ вотъ и надумали мы, годика черезъ два, работать здѣсь съ Михайлова дня до Страстной недѣли. А остальное время—крестьянствовать!

«— Что жъ! это прекрасно! Вы даже мою мысль предвосхитили, Иванъ Прокофьичъ,—воскликнула Воскресенская.—Но тогда вы уже не можете исправлять вашу теперешнюю должность смотрителя.

«— Само собой, Надежда Николаевна, и никакого я объ этомъ сокрушенія имѣть не буду. Даже наоборотъ. Мнѣ такія должности смотрителя, или опять подмастерья—не по нутру. Натуры я своей срывчатой передѣлать не могу, а тутъ одинъ соблазнъ—превысить свою власть. Ну, въ подмастерьяхъ все еще при томъ же коренномъ своемъ дѣлѣ останешься; а смотритель—въ родѣ приказчика. Богъ съ нимъ и съ жалованьемъ! Мы съ Пашей по честному—она ткачихой, я опять ткачемъ—будемъ здѣсь у станковъ стоять—съ Михайлова дня до Пасхи...

«— Планъ чудесный!—также горячо выговорила Воскресенская».

Планъ, дѣйствительно, чудесный для того, кто, какъ Иванъ Спиридоновъ, можетъ обзавестись въ деревнѣ собственнымъ домомъ, скотомъ и прочимъ хозяйствомъ до батрака включительно. Вполнѣ понятно увлеченіе фабричной наставницы такимъ планомъ объединенія фабрики и деревни, причемъ всѣ довольны: деревня имѣетъ подспорье въ видѣ фабричнаго заработка, «отъ Михайлова дня до Пасхи», а фабрика — трезвыхъ, степенныхъ деревенскихъ «хозяевъ». Но если бы современная деревня вся состояла изъ Ивановъ Спиридоновыхъ, настоящихъ хозяйственныхъ крестьянъ, то какая сила заставила бы ихъ идти на фабрику? На фабрику гонитъ нужда, удовлетворить которую деревня не можетъ, а хозяйственные мужички, да еще имѣющіе батрака, не пойдутъ и не идутъ на фабрику, не представляющую ничего привлекательнаго для человѣка, сколько-нибудь обезпеченнаго. И потому чудесный планъ Ивана хорошъ исключительно для него и невыполнимъ для всей массы фабричнаго населенія, для которой только и мыслима дилемма или фабрика съ ея тяжкимъ трудомъ, или голодъ въ деревнѣ.

Иванъ—одинъ изъ типовъ фабричнаго, вовсе не исключительныхъ по существу. Связь съ деревней удерживаетъ его отъ окончательнаго перерожденія въ одного изъ фабричныхъ столповъ, въ образѣ ли смотрителя, или приказчика, или старшаго мастера. Авторъ крайне искусственно извлекаетъ его изъ фабричнаго «котла» и пересаживаетъ на деревенскую ниву, съ которой у него съ дѣтства порваны кровныя нити. Тѣмъ болѣе, что въ романѣ всѣ интересы Ивана на фабрикѣ. Онъ основываетъ при содѣйствіи начальства общество трезвенниковъ, увлекается имъ, и хотя терпитъ пораженіе при вторичномъ

избраніи въ предсѣдатели, но не теряетъ интереса къ общественной жизни, группирующейся около общества, съ театромъ, библіотекой, и затѣваемой имъ кассой взаимопомощи. И мы вполнѣ понимаемъ, когда общество его увлекаетъ, живо затрагиваетъ возникающей въ немъ борьбой, дающей пищу самолюбію. Что онъ будетъ дѣлать въ деревнѣ, этого мы не видимъ и склонны думать, что «чудесный планъ» на дѣлѣ окажется невыполнимымъ даже и для Ивана. Разрываться между деревней и фабрикой окажется невозможнымъ, и какая «тяга» преодолѣетъ — въ деревню или на фабрику, — вопросъ вполнѣ ясный: разбуженные общественные инстинкты окончательно притянутъ его на фабрику, гдѣ дѣятельная и незаурядная личность Ивана находитъ имъ пищу и удовлетвореніе. Онъ просто «буржуй» въ періодѣ формировки, и только, который на почвѣ деревенскихъ устоевъ превратился бы въ обычнаго кулака. На фабрикѣ изъ него выработался не рабочій, а именно «буржуй», какъ его называетъ въ романѣ одно лицо.

Несравненно болѣе исключительнымъ типомъ является Антонъ Меньшовъ. Иванъ человѣкъ настоящаго, въ которомъ онъ живетъ, дѣйствуетъ, созидаетъ. Меньшовъ—человѣкъ безъ почвы, для котораго нѣтъ настоящаго, нѣтъ и будущаго. Для него не существуетъ никакихъ общихъ интересовъ, онъ могъ бы создать личное благополучіе, если бы его не одолѣвали столкновенія съ окружающимъ обществомъ, не признающимъ его превосходствъ. Онъ не выноситъ высокомѣрнаго къ себѣ отношенія, не мирится съ пренебреженіемъ къ его таланту, который фабрика желаетъ подчинить требованіямъ спроса. Онъ, поэтому, нигдѣ не уживается, всюду чувствуетъ себя чужимъ, всѣхъ возбуждаетъ противъ себя и самъ ко всему относится враждебно, намѣренно цинично, и съ проклятіемъ покидаетъ этотъ міръ, внушающій ему только отвращеніе. «Нѣтъ! не хочетъ онъ жить ни больнымъ, ни здоровымъ! Все ему ужасно опостылѣло, и здѣсь, и вездѣ. А пуще всего—вонъ та «орава» (рабочихъ), сбѣжавшаяся на архіерейскую службу, устроенную по ея заказу. Какой идіотъ, какой безумецъ способенъ полагать душу свою за это «полумужичье», съ его дремучимъ двоевѣріемъ, грязью, грубостью и наслѣдственнымъ холопствомъ?» Онъ самъ признаетъ, что для него нѣтъ *ничего*. Онъ противъ всѣхъ: противъ хозяевъ, зачѣмъ они хозяева, а онъ—рабочій, противъ рабочихъ—зачѣмъ они, рабочіе, глупы, тупы, невѣжественны и дики, онъ же—интеллигентный человѣкъ, вынужденный силою вещей жить среди нихъ. У него нѣтъ вѣры ни во что, и когда его сваливаетъ болѣзнь (аневризмъ сердца), онъ ускоряетъ смерть самоубійствомъ, чтобы показать «этимъ дуракамъ», что онъ ея не боится. Еще меньше онъ вѣритъ въ «человѣчество», и въ коротенькой сценкѣ между нимъ и человѣкомъ «со стороны», «полагающимъ свои надежды въ рабочемъ сословіи», Меньшовъ ядовито замѣчаетъ по поводу своей предстоящей смерти: «Вамъ же, господа, лучше... Для васъ Антонъ Меньшовъ—сугубо вредный человѣкъ... Хуже всякаго гасильника...»

Между этими двумя крайними представителями фабричнаго быта—«буржуемъ», выбивающимся въ люди, и анархистомъ, за кого себя считаетъ Меньшовъ,—колышется въ романѣ крайне неясная и неопредѣленная рабочая масса, среди которой смутно намѣчаются болѣе опредѣленные типы рабочихъ. Напримѣръ, противникъ Ивана и его конкуррентъ на мѣсто предсѣдателя въ обществѣ трезвости, Бобровъ, выдающійся рабочій, пѣвецъ и актеръ, съ извѣстными общественными инстинктами, влекущими его къ общественной дѣятельности, къ борьбѣ за то, что онъ считаетъ своимъ правомъ. На этой почвѣ онъ выступаетъ противъ Ивана, когда тотъ слишкомъ нарушаетъ уставъ общества трезвости. Изъ всей массы членовъ онъ одинъ ясно понимаетъ, что уставъ есть законъ, дающій опредѣленныя права членамъ. «Тутъ, братцы, дѣло не во мнѣ. Не Бобровъ, не Ивановъ, не Сидоровъ тутъ замѣшаны, а ваши права. Общество

ПЛОВЦЫ.

«Братья-писатели, въ нашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое...»
Н. Некрасовъ.

„Не пора ли отдохнуть, о братья?
Мракъ глубокъ, не видно маяка;
Шевелятся на душѣ проклятья,
Замерла усталая рука.
Нѣтъ ни силъ, ни бодрости, ни воли...
Бросимъ весла! Руль — игрушка волнъ!
Тщетны вопли, тщетны крики боли,
Гибни, гибни, беззащитный челнъ!“

—

Такъ въ борьбѣ, подвигнутой любовью,
Сколько разъ стонали мы — и вновь
Въ пылкомъ сердцѣ, истекавшемъ кровью,
Воскресали силы и любовь.
Сколько разъ мы опускали руки,
Сколько разъ бросали буйный споръ —
И опять съ отвагой шли на муки,
На борьбу, на жертву, на позоръ!
Поднимали снова правды знамя,
И на немъ горѣли тѣ слова,
Отъ которыхъ ярче въ сердцѣ пламя,
Даль свѣтлѣй и выше голова!

П. Я.

Univ. of California

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Критика искусства гр. Толстого. — Искусство богатыхъ классовъ. — Всенародное искусство.—Основная задача искусства. — Парадоксъ графа.—Отрицаніе школы и критики.—Окончаніе «Тяги» г. Боборыкина.—Конечный выводъ автора.—Фабрика, какъ подсобное средство деревни.—Ошибочность такого заключенія.—Седьмое изданіе книги г. Джаншіева «Эпоха великихъ реформъ». — Одинъ изъ эпизодовъ этой эпохи.

Вторая статья графа Толстого объ искусствѣ много содержательнѣе и интереснѣе первой, въ которой, какъ помнятъ читатели, заключалось только его собственное опредѣленіе искусства и критики всѣхъ предшествующихъ «открытію» графа теорій. Слѣдить за его мыслью, какъ и въ первой статьѣ, крайне трудно среди массы противорѣчій, путаницы, велерѣчія и многоглаголанія, то напыщеннаго, то искусственно упрощеннаго. Много общихъ замѣчаній очень вѣрныхъ, но далеко не новыхъ, и не менѣе парадоксовъ и злобныхъ выходокъ, которыя непростительны и въ устахъ пророка... Все это такъ запутываетъ читателя, что уловить основную мысль автора становится подчасъ почти невозможнымъ. Притомъ является сильное сомнѣніе въ его искренности, какъ увидимъ ниже, когда графъ прилагаетъ открытое имъ мѣрило искусства къ собственнымъ произведеніямъ.

Въ первое время своего возникновенія искусство было всенароднымъ и религіознымъ, затѣмъ оно стало достояніемъ богатыхъ классовъ, которымъ служитъ для услажденія жизни. Совершилось такое отдѣленіе искусства отъ религіи и народа подъ вліяніемъ католичества въ средніе вѣка, когда католичество стало церковью, «обличавшею свою ложь». Не будучи въ состояніи вѣрить въ нее, высшій, богатый и просвѣщенный классъ вернулся къ языческому, не христіанскому пониманію жизни, которое полагаетъ смыслъ жизни въ наслажденіи личности. «Совершилось въ высшихъ классахъ то, что называется «возрожденіемъ наукъ и искусствъ» и что въ сущности есть ничто иное, какъ не только отрицаніе всякой религіи, но и признаніе ненужности ея». Потерявъ вѣру въ религію, воодушевлявшую прежде искусство, люди создали особую теорію объ искусствѣ (Баумгартена), какъ объединяющемъ Истину, Добро и Красоту, и эта теорія вытѣснила прежнее пониманіе искусства, какъ проводникъ религіозныхъ идей въ образахъ. Оставляя въ сторонѣ произвольность утвержденій графа о значеніи переворота, извѣстнаго подъ именемъ возрожденія, нельзя не указать на удивительные хронологическіе скачки отъ этой эпохи къ теоріи Баумгартена, возникшей въ 1750 г. Весь періодъ въ 400 лѣтъ отъ Данте до Баумгартена укладывается въ одно опредѣленіе—«возрожденіе наукъ и искусствъ». Съ хронологіей графъ также легко раздѣлывается, какъ и со всѣмъ остальнымъ.

Баумгартенъ погубилъ истинное искусство, которое и пошло съ тѣхъ поръ по ложному пути, стало преслѣдовать цѣли наслажденія и служить однимъ

наше совсѣмъ новое. Существуемъ мы какой-нибудь годъ. И вотъ уже заводятся у насъ порядки, какихъ нельзя одобрить». Это сознаніе права рѣзко выдѣляетъ Боброва и дѣлаетъ его, по замыслу автора, настоящимъ представителемъ рабочей массы. Но фигура его не закончена, не ясна, и для читателя не видно, что собственно направляетъ Боброва въ его дѣятельности и какія онъ имѣетъ цѣли впереди,—словомъ, онъ только эмбріонъ, изъ котораго сформируется человѣкъ будущаго.

Романъ обрывается стачкой, о которой сказано нѣсколько словъ. Для общей картины фабричной жизни этого, конечно, недостаточно, но для романа самая стачка и не нужна, потому что съ благополучіемъ Ивана Спиридонова и смертью Меньшова исчезаетъ интересъ къ нему. «Тяга» фабрики остается въ концѣ концовъ не уясненной, романъ ее только отмѣчаетъ, какъ несомнѣнный фактъ. Фабрика и деревня противопоставлены, какъ два огромныхъ фактора въ современномъ строѣ, и нужно признать большимъ достоинствомъ романа объективное отношеніе автора къ обоимъ, безъ подчеркиваній и нарочитыхъ симпатій въ ту или иную сторону. Недостатокъ крупнаго художественнаго таланта не позволилъ г. Боборыкину создать цѣльную, большую картину. Помѣшали этому, можетъ быть, и нѣкоторыя постороннія обстоятельства. Кромѣ того, самая «тяга» фабрики, какъ явленіе, далеко еще не сложившееся, не могла выразиться въ строгихъ, ясныхъ формахъ, какъ, напр., деревенскій бытъ, что и должно было отразиться неопредѣленностью впечатлѣнія, какое выносишь изъ романа. Какъ бы то ни было, «Тяга» г. Боборыкина самое интересное и живое произведеніе въ беллетристикѣ текущаго года.

Рѣдкая книга имѣла у насъ за послѣдніе годы такой успѣхъ, какъ трудъ г. Джаншіева «Изъ эпохи великихъ реформъ», выдержавшій въ теченіе 5 лѣтъ *семь изданій*. Съ каждымъ новымъ изданіемъ книга росла, и изъ сравнительно небольшого объема достигла 896 текста + 70 страницъ введенія, или 60 листовъ слишкомъ убористой печати. Каждое новое изданіе являлось съ существенными дополненіями, съ новыми главами, новыми замѣчательными документами и въ высшей степени интересными примѣчаніями, такъ что въ послѣднемъ изданіи читатели имѣютъ дѣйствительно настоящую исторію эпохи шестидесятыхъ годовъ въ увлекательномъ и чрезвычайно доступномъ, простомъ изложеніи. Можно сказать, что успѣхъ книги г. Джаншіева вполнѣ отвѣчалъ росту того интереса, какой представляло ея содержаніе.

По мѣрѣ того, какъ мы отодвигаемся назадъ отъ этого времени, столь богатаго людьми, дѣлами, надеждами,—выясняется въ глазахъ потомства неизмѣримое историческое значеніе эпохи, которая вдали временъ вырисовывается все величественнѣе, грандіознѣе и строже. рельефнѣе и мощнѣе, подобно громадной цѣпи горъ на отдаленномъ горизонтѣ среди голой, выжженной степи, унылой, ровной и безжизненной. Солнце уже давно закатилось, угрюмыя тѣни давно уже легли у подножія, а снѣговыя вершины гигантскихъ отроговъ долго еще сіяютъ лучезарнымъ блескомъ, неудержимо привлекая къ себѣ усталые отъ однообразія степи взоры.

Есть что-то удивительно бодрое, возвышающее и живительное въ исторіи тѣхъ рѣдкихъ моментовъ, когда духъ времени получаетъ особую силу проявленія, когда каждая мелочь въ общественной жизни народа получаетъ необыкновенную силу и яркость. Такіе моменты подымаютъ упавшій духъ, внушаютъ вѣру въ человѣчество, въ силу правды и въ конечную побѣду ея надъ насиліемъ и мракомъ. И вотъ почему такія книги, какъ «Эпоха великихъ реформъ» г. Джаншіева, привлекаютъ къ себѣ читателя, даже помимо высокихъ достоинствъ ея изложенія. Охватить эту эпоху съ такой полнотой, такъ прочувствовать ее и передать это чувство читателю, лишенному возможности углубляться въ тяжелыя спеціальныя изслѣдованія,—трудъ, достойный того

успѣха, какой встрѣтила эта книга, въ которой съ равнымъ вниманіемъ и любовью отмѣчена и освѣщена каждая реформа, каждый эпизодъ этого незабвеннаго времени.

На одномъ изъ этихъ эпизодовъ, болѣе близкомъ для каждаго человѣка, прикосновеннаго къ литературѣ мы остановимъ вниманіе читателя. Эпизодъ этотъ—цензурная реформа и первые шаги печати, призванной тогда къ новой жизни. И самъ по себѣ эпизодъ интересенъ и по тѣмъ результатамъ, какіе отъ него остались.

Въ предшествующую эпоху, особенно послѣ 1848 года, положеніе печати было невыносимо. То, что понимается подъ словомъ «печати», почти не существовало, если не считать одной полу-оффиціальной газеты да двухъ-трехъ журналовъ, влачившихъ жалкое существованіе, при постоянно угрожавшей перспективѣ погибнуть. Наступившее вслѣдъ за крымской войной общее оживленіе, дѣятельный и живой духъ, двигавшій всѣмъ и всѣми, не могъ не отразиться прежде всего на печати, которая сразу ожила, приняла самое живое участіе въ разработкѣ важнѣйшихъ вопросовъ и самимъ правительствомъ была признана, какъ полезный и необходимый въ жизни государства элементъ, проявившій свое значеніе въ особенности въ дѣлѣ крѣпостной и судебной реформъ.

«Участіе печати въ разработкѣ крестьянскаго вопроса,—говоритъ г. Джаншіевъ,—осуществившееся благодаря de facto допущенной значительной свободы, не только сдѣлало для всѣхъ очевиднымъ первостепенное общественное значеніе ея, но съиграло и другую роль чисто *техническаго* свойства. Правительство, никогда прежде не слыхавшее свободнаго слова и такъ сильно противъ него предубѣжденное, сдѣлало первый опытъ выслушиванія независимаго общественнаго мнѣнія». Опытъ былъ благопріятенъ и рѣшилъ до извѣстной степени судьбу печати. Необходимость цензурной реформы признана была настоятельной, и вопросъ о пересмотрѣ законовъ о печати не сходилъ съ очереди съ самаго начала царствованія Александра II. Сначала явился проектъ министра Ковалевскаго въ 1859 г., носившій настолько смѣшанный и не самостоятельный характеръ, что одинъ изъ авторитетнѣйшихъ людей того времени, гр. Блудовъ, находилъ лучше вернуться къ уставу 1828 г., который до извѣстной степени «не препятствовалъ развитію умственныхъ силъ народа и выраженію общественнаго мнѣнія». Проектъ Ковалевскаго былъ возвращенъ, и разработка вопроса приняла болѣе широкіе размѣры. «Собраны были матеріалы по исторіи законодательствъ о печати у насъ и за границей, дозволено было въ печати обсужденіе лучшаго устройства цензуры и разрѣшено литераторамъ высказать свои соображенія по этому предмету». Вопросъ переживалъ разныя превратности, пока, наконецъ, не былъ выработанъ проектъ гр. Валуева, встрѣтившій сильную критику среди государственныхъ дѣятелей той эпохи. Самое главное нововведеніе заключалось въ освобожденіи части литературы (книгъ объемомъ до 20 листовъ, издаваемыхъ въ столицахъ) и періодическихъ столичныхъ изданій, съ особаго разрѣшенія министра, отъ предварительной цензуры. Для повременныхъ изданій устанавливался залогъ, и они подвергались, сверхъ наказанія по суду, административнымъ взысканіямъ, въ видѣ предостереженій отъ министра. Преслѣдованіе книгъ могло быть только *судебное*, причемъ дѣла о нарушеніи законовъ о печати подлежали суду присяжныхъ. Главныя возраженія были противъ смѣшенія судебныхъ и административныхъ взысканій. Благодаря этой критикѣ, проектъ былъ принятъ какъ «переходная мѣра», въ видѣ временныхъ правилъ, притомъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, вмѣсто 20 листовъ, для безцензурныхъ книгъ опредѣлено 10.

Понятно, съ какимъ облегченнымъ сердцемъ встрѣтила печать новый законъ, установившій опредѣленныя до извѣстной степени гарантіи ея существованія. Любопытно, какъ за краткій промежутокъ, протекшій съ начала царствованія, выросла періодическая печать. Въ 1863 г., по свѣдѣніямъ главнаго

управленія по дѣламъ печати, было въ Россіи 301 періодическое изданіе, изъ томъ числѣ частнымъ лицамъ принадлежало 124, изъ коихъ 70 политическаго содержанія.

Законъ 6 апрѣля 1865 г. вступилъ въ силу 4-го сентября того же года. Въ первыхъ нумерахъ столичной безцензурной печати сказалась глубокая радость и въ то же время рѣдкая сдержанность, что особенно сказывается въ отзывахъ петербургской печати. Московскія газеты проявили больше экспансивности. Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» писалъ: «Отнынѣ печать наша находится на твердой почвѣ закона и не подлежитъ произволу, который и при самыхъ лучшихъ условіяхъ никогда не можетъ замѣнить то, что называется закономъ, то, что называется справедливостью и въ чемъ состоитъ истинный смыслъ того, что называется свободою». Разъясняя далѣе значеніе новаго юридическаго положенія печати, «Московскія Вѣдомости» съ удареніемъ указывали, что «свобода печати не есть интересъ тѣснаго круга *литераторовъ* и издателей, а *великій интересъ* цѣлой страны; это—политическое право, даруемое цѣлому народу».

Самое горячее привѣтствіе новый законъ встрѣтилъ въ «Днѣ» Ивана Аксакова. Еще раньше онъ высказывался за свободу печати, говоря, что «просторъ слова нужнѣе всѣхъ реформъ послѣ освобожденія 20-ти милліоновъ русскихъ крестьянъ, нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ немъ, въ этомъ просторѣ, заключается условіе жизненности для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него они едва ли взойдутъ». Привѣтствуя новый законъ въ горячей и прочувствованной статьѣ, Аксаковъ останавливается на прежнихъ цензурныхъ порядкахъ и ставитъ имъ въ вину то, что они вносили *кривду* въ область печатнаго слова. «Самое слово искривилось; авторъ думалъ не о томъ, чтобы какъ можно яснѣе выразить свою мысль, а только о томъ, чтобы протащить ее контрабандою; отсюда условный языкъ, чтеніе между строкъ». Чтобы устранить этотъ вредъ, говоритъ «День», нуженъ «не мерцающій, не мигающій, а прочный свѣтъ свободы, нужно, чтобы даруемая свобода печати стала дѣйствительною правдою, а не подобіемъ».

Развивая свою мысль, Аксаковъ пишетъ:

«Подобіе правды! Неужели намъ еще не надоѣло подобіе? Всмотритесь пристальнѣе кругомъ себя, что вы увидите? Толпу призраковъ, тѣней, или вѣрнѣе сказать, подобій; вы окружены подобіемъ всего живого, дѣйствительнаго, реальнаго, но только подобіемъ, а вовсе не самымъ этимъ живымъ, дѣйствительнымъ, реальнымъ. *Все у насъ существуетъ будто бы*; ничто не кажется серьезнымъ, настоящимъ, а имѣетъ видъ чего-то временнаго, поддѣльнаго, показного, и все это отъ самыхъ мелкихъ явленій до крупныхъ. У насъ *будто бы есть и законы*, и даже пятнадцать томовъ Свода Законовъ, обнимающихъ всѣ отрасли управленія, регламентирующихъ всѣ отрасли отправленія государственной и общественной жизни, а между тѣмъ половина этихъ управленій вовсе не существуетъ, а законы не уважаются. У насъ есть очень либеральныя учрежденія, такія либеральныя, что либеральнѣе ихъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ; но и *это все будто бы*... Мы чуть не восторженно привѣтствовали отмѣну тѣлесныхъ наказаній; но однако же лишены права сказать, что тѣлеснаго наказанія нѣтъ въ Россіи: *его будто бы нѣтъ*, и дѣйствительно нѣтъ по суду, но оно есть, да и еще въ какомъ широкомъ размѣрѣ, налагаемое по усмотрѣнію полицейской власти... Подобіе правосудія, подобіе муниципалитетовъ, подобіе самоуправленія, подобіе просвѣщенія, подобіе науки, подобіе классическаго образованія, подобіе университетовъ, подобіе либерализма, прогресса, независимости церкви, порядка, общественной силы, общественныхъ дѣйствительныхъ интересовъ, общественнаго мнѣнія, подобіе самостоятельности у публицистовъ, подобіе правды въ отчетахъ, подобіе жизни»...

Новый законъ, надѣется «День», дастъ возможность печати говорить не подобіе правды, а всю правду. «Этотъ недостатокъ правдивости въ русскомъ обществѣ, эта непривычка высказывать свою мысль со всею откровенностью, во всей ея полнотѣ, безъ унизительныхъ для нея двусмысленностей, оговорокъ, иносказаній, затрудняетъ не только развитіе нашей общественности, но и ходъ государственныхъ отправленій.

Радостное настроеніе продолжалось, однако, недолго, и уже черезъ двѣ недѣли, 18 сентября, было дано первое предостереженіе «Петерб. Вѣдомостямъ», въ лицѣ ихъ редактора Корша, за статью о выпускѣ 5% билетовъ второго внутренняго займа, какъ «колеблющую государственный кредитъ своимъ неосновательнымъ мнѣніемъ». Вся столичная пресса встрѣтили это предостереженіе протестомъ. Во главѣ шли «Московскія Вѣдомости». Катковъ сильно и остроумно разбиралъ несостоятельность мотивовъ. «Неужели государственной кредитъ есть вещь такая колеблющаяся,—ядовито писалъ онъ.—что подъ вліяніемъ неосновательнаго, ошибочнаго, даже вопіюще-нелѣпаго сужденія той или иной независимой газеты онъ подвергается колебанію? Отъ свойства сужденій газеты зависитъ ея собственный, а не государственный кредитъ».

Затѣмъ уже предостереженія шли безъ перерыва, и въ 2 года ихъ было дано 24. Рядомъ съ ними шли и судебныя преслѣдованія, большинство которыхъ окончилось оправданіемъ, Въ теченіе двухъ лѣтъ было возбуждено 16 судебныхъ преслѣдованій противъ различныхъ изданій, причемъ по 7-ми обвиненіямъ прокурорскій надзоръ не усмотрѣлъ даже состава преступленія, по 4—судъ вынесъ оправдательныя рѣшенія и лишь по 5 состоялись обвительные приговоры.

Всего съ 1865 г. по 1880 г. было дано 177 предостереженій и сдѣлано 52 пріостановки.

Таковъ этотъ интереснѣйшій эпизодъ изъ эпохи великихъ реформъ, когда печать въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1856 по 1866 г. переживала критическій моментъ, нѣсколько разъ пользовалась почти полной свободой, то снова висѣла на волоскѣ, пока, наконецъ, не былъ созданъ порядокъ, существующій въ общихъ чертахъ до сихъ поръ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, существенными измѣненіями. Реформа печати въ шестидесятые годы явилась необходимымъ дополненіемъ остальныхъ реформъ, и если не дала того, чего ожидала и надѣялась печать, все же расширила предѣлы печати и содѣйствовала значительному ея росту, вызванному развитіемъ всей русской, государственной и общественной жизни.

Въ книгѣ г. Джаншіева эта глава принадлежитъ къ числу наиболѣе любопытныхъ, но особое значеніе и интересъ, повторяемъ, эпизодъ съ реформой печати получаетъ въ связи со всѣмъ остальнымъ неисчерпаемымъ богатствомъ книги.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ неурожайныхъ мѣстностей. Изъ мѣстностей, пораженныхъ недородомъ, продолжаютъ приходить печальныя вѣсти, подавляющія своимъ однообразіемъ. Вездѣ одно и то же: раскрытыя крыши, хлѣбъ изъ прѣлыхъ листьевъ, посыпанныхъ мукою, полная безкормица, болѣзни, развивающіяся на почвѣ недостаточнаго питанія.

Такъ, изъ Суджанскаго уѣзда, Курской губ., мѣстный землевладѣлецъ и предводитель дворянства г. А. Евреиновъ пишетъ:

«Не только отощали сами наши крестьяне отъ «недорода», какъ оффиціально именуется наше положеніе, но обнищали въ конецъ, лишившись скота и главнаго нерва хозяйства—лошади. Нуженъ очень сильный урожай съ хорошими цѣнами, чтобы уже хоть не поправить, а лишь поддержать упавшее хозяйство. Если бы кто посмотрѣлъ на тотъ исхудалый и облѣзлый скотъ, который еще у крестьянъ уцѣлѣлъ: вотъ ужъ подлинно тощія фараоновы коровы, которыхъ тотъ видѣлъ лишь во снѣ, но которыми мы, несчастные, любуемся на яву. Если повторится прошлогодній «недородъ», тогда его уже оффиціально придется признать голодовкою.

«Всю зиму въ деревняхъ свирѣпствовала корь съ осложненіями, благодаря плохому и недостаточному питанію и, главнымъ образомъ, недостаточному отопленію избъ; жертвъ она унесла множество. Есть семьи, лишившіяся всего дѣтскаго своего населенія отъ 1 года до 5—6 лѣтъ. Въ селѣ, гдѣ я проживаю, въ 60 дворахъ умерло за зиму болѣе 60 дѣтей. Не пощадилъ «недородъ» и взрослыхъ. Такой смертности, какъ въ нынѣшнемъ году, давно не было. Болѣзни, спутники «недорода», набрасываются на населеніе съ особеннымъ упорствомъ. Малѣйшее заболѣваніе въ плохо отопленной хатѣ немедленно вызываетъ осложненіе, и вотъ покойникъ не заставляетъ себя ждать долго, а появляется черезъ недѣлю, самое большое двѣ. Медицина въ этихъ случаяхъ безсильна. Всѣ доктора единогласно заявляютъ, что не лѣкарствами, а хорошей пищей слѣдуетъ лѣчить больныхъ. Падежъ между животными также далъ себя знать къ веснѣ. Дохли лошади, не выносившія затхлой соломы, политой патокой съ ближайшаго сахарнаго завода. Смерть лошади добивала окончательно захудалые отъ «недорода» дворы. Сбивался мужикъ, кормилъ цѣлую зиму лошаденку, дѣлился съ ней своей скудной мукой, чтобъ сберечь ее къ весенней работѣ, а лошаденка оказалась менѣе его выносливой, не выдержала «недорода» и какъ разъ въ самое нужное время издохла...

Болѣе грустной картины, чѣмъ наша черноземная деревня въ данный моментъ, и представить себѣ невозможно. Худыя, испитыя лица, съ подтянутыми животами люди, скучные, мрачные, почти всѣ потерявшіе за зиму кого-либо изъ близкихъ, въ лучшемъ случаѣ лошадь или корову (тоже близкіе!), безъ гроша денегъ въ карманѣ, съ горстью муки въ запасѣ...

Дѣтишки выглядятъ еще хуже. Блѣдныя лица въ рваныхъ зипунишкахъ, изъ-подъ которыхъ выпучиваются чуть не соломой набитые животы, съ тоненькими рученками и ногами. Даже дѣтской рѣзвости среди нихъ не видно: все больше сидятъ, поджавши ноги, на заваленкѣ или угрюмо стоятъ въ пришибленной позѣ. Такъ растутъ и воспитываются будущіе защитники родины».

Изъ Воронежской губ. врачъ 4-го участка Богучарскаго уѣзда шлетъ слѣдующее донесеніе въ санитарное отдѣленіе губернской управы:

«Въ мартѣ мѣсяцѣ я имѣлъ честь сообщить санитарному отдѣленію объ увеличивающемся распространеніи куриной слѣпоты и другихъ глазныхъ болѣзней въ Петропавловскомъ участкѣ, Богучарскаго уѣзда, развивающихся на почвѣ плохого питанія.

«Въ настоящее время этого рода заболѣванія все болѣе и болѣе развиваются и принимаютъ все болѣе и болѣе злокачественный характеръ. На ряду съ такими сравнительно невинными формами, какъ куриная слѣпота, конъюктивиты особаго рода, мы *ежедневно* видимъ случаи болѣе глубокаго пораженія глазъ, ведущихъ иногда въ нѣсколько дней *къ полной гибели глазъ*. Болѣзнь поражаетъ всѣ возрасты, но максимумъ приходится на дѣтскій возрастъ до 4 лѣтъ и на возрастъ за 40 лѣтъ. Преобладаютъ эти заболѣванія въ бѣднѣйшемъ слою населенія и этого сорта больные имѣютъ обыкновенно нездоровый общій видъ: желтый или землистый цвѣтъ лица, слабое развитіе подкожнаго жира; многіе жалуются на головокруженіе, шумъ и звонъ въ ушахъ и другіе признаки истощенія и малокровія. Ироніей звучитъ нашъ совѣтъ такимъ больнымъ лучше питаться, ѣсть мясо, молоко и т. д., такъ какъ такой больной и хлѣба-то не въ волю ѣстъ, а такіе продукты, *какъ картофель и капуста, въ нынѣшнемъ году являются роскошью даже для зажиточныхъ семей.*

«Судя по пережитымъ мною примѣрамъ, 1891 и 1892 гг., я имѣю основаніе думать, что въ настоящее время мы наблюдаемъ только *начало катастрофы*; апогея же ея надо ожидать въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, когда пищевые запасы у населенія еще болѣе истощатся, а наступленіе полевыхъ работъ потребуетъ напряженія всѣхъ силъ.

«Замѣтно выступаютъ и другіе признаки дурного питанія населенія, каковы: анемія, гастрическія заболѣванія, язвенные стоматиты, которые можно считать *предвѣстниками грядущей цынги*. Этого рода больные, *по необычайной частотѣ появленія*, начали обращать на себя вниманіе еще съ февраля мѣсяца. Въ мартѣ и въ началѣ апрѣля, изрѣдка попадались уже и случаи настоящей цынги».

Сильно пострадала отъ неурожая Кубанская область. Цѣлый рядъ корреспонденцій изъ станицъ, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части «Кубанскихъ Вѣдомостей», свидѣтельствуетъ о тяжеломъ положеніи населенія, на которое, кромѣ неурожая, обрушилась и другая бѣда—наводненія и снѣжныя метели, погубившія выпущенный въ поле скотъ. Такъ, изъ станицы Сергіевской пишутъ: «Голодъ, холодъ, безденежье и всѣ послѣдствія сего сильно отразились на жителяхъ. Хлѣбъ изъ ячменя, березки и другого мусора, котораго когда-то и свиньи не ѣли, не представляетъ здѣсь рѣдкости; магазинъ такъ же не остался не тронутымъ, а кажется, уже два раза дѣлился по мѣрѣ силъ своимъ содержимымъ; крыши сараевъ тоже начали кое-гдѣ показывать свои ребра, «тѣло» же ихъ отдано было на поддержку такового у скота. Но вотъ наступилъ второй мѣсяцъ весны—апрѣль, и съ нимъ кое-какая теплая погода, съ обильными дождями. Сергіевцы 2 апрѣля рѣшили выгнать свою исхудавшую, грязную, со сплюснутыми боками скотину на подножный кормъ, надѣясь, что если скотъ и не можетъ наѣсться только что показавшейся травы, то хоть немного будетъ утолять голодъ старой травой, которой въ полѣ достаточно. Но, увы! и эти скромныя надежды сергіевцевъ не оправдались: не успѣли пастухи еще догнать со-

бранную скотину и до мѣста пастбища, какъ неожиданно возвратилась окончательно разбѣсившаяся зима, и въ ночь съ 3 на 4 апрѣля сильнымъ холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ съ дождемъ и снѣгомъ, захвативъ стадо, погнало его невѣдомо куда и зачѣмъ. Испугавшіеся пастухи всѣми силами старались удержать бѣдную, обезумѣвшую скотину, которая нѣкоторое время кружилась на одномъ мѣстѣ, а потомъ всею массою ринулась по направленію вѣтра такъ, что двое изъ пастуховъ были смяты ею и сильно истоптаны, остальные же, перепуганные, бросились за стадомъ, которое скоро, благодаря ночи, потеряли изъ виду. Прибѣжавъ въ станицу, пастухи узнали, что по дворамъ жителей нѣтъ ни одной штуки скота; съ испугомъ бросились они къ ст. правленію и заявили о случившемся (разсказы пастуховъ, говорятъ слышавшіе ихъ, ужасны). Пока отыскиваютъ только небольшіе клочки стада; посланные на розыскъ разсказываютъ, что въ полѣ попадается павшій скотъ. На берегу рѣки «Киршили» найдено около сотни замерзшихъ труповъ скота; оказывается, что стадо попало въ рѣку, гдѣ обмокло, вылѣзло на берегъ и, не имѣя силъ идти дальше, такъ какъ отъ зимней голодовки оно было страшно истощено, здѣсь же на берегу падало и замерзало».

Учительница Бондаренкова пишетъ въ ту же газету изъ станицы Черноморской: «Трудно переживается эта зима. Во дворѣ моей квартиры скотъ стоитъ и жалобно смотритъ въ пустыя ясли, а у сосѣда скоту скормлена крыша съ амбара, на-дняхъ же онъ началъ раскрывать сарайчикъ, крытый лѣтъ тридцать тому назадъ... И такъ во всей станицѣ; а выпавшій въ концѣ февраля снѣгъ пополняется въ мартѣ и теперь лежитъ въ аршинъ, если не болѣе. Голодная скотина до снѣга ходила по лѣсу и пробавлялась на подножномъ кормѣ, но и этому насталъ конецъ. Въ прошломъ году трава не уродила, а въ позапрошломъ скошенную уже траву унесла вода, и у рѣдкаго хозяина во дворѣ можно найти копну—двѣ, потому-то почти половина хозяевъ кормятъ скотъ старыми крышами. Что же будетъ со скотомъ, когда онъ съѣстъ крыши, а снѣгъ будетъ лежать? Какъ хозяину сберечь скотъ, чтобы при его помощи заработать хлѣба для семьи? Да, есть надъ чѣмъ подумать: въ хатѣ дѣти кричатъ съ голоду, а во дворѣ голодная скотина!... Разрѣшенный и выданный хлѣбъ изъ общественнаго магазина давно уже съѣли; кукурузы, которую привозятъ горцы, купить не на что—денегъ нѣтъ; хлѣбъ ѣдятъ только счастливые; ихъ въ станицѣ семействъ 5—не болѣе, а остальные сидятъ на картофелѣ. Нѣтъ ни капусты, ни бураковъ, ни грушъ. Птицу домашнюю кормятъ арбузомъ и картофелемъ, да у кого есть полова, то ее подмѣшиваютъ. Какъ люди доживутъ до новаго урожая?—гдѣ, чѣмъ и какъ они заработаютъ денегъ, чтобы купить хлѣба къ Пасхѣ? Откуда надо ждать помощи?»

Учитель почтовой станціи Георгіе-Аѳинской пишетъ: «Жители нашей станицы въ настоящее время голодаютъ. Почти ни у кого нѣтъ ни хлѣба, ни сѣна и купить не за что, и наши бѣдные казачки-голодающіе—одни отдаютъ своихъ дѣтей другимъ съ просьбой: «прогодуй ради Бога, бо исты ничого», а другіе—посылаютъ своихъ дѣтей по станицѣ просить милостыню, и бѣдный малютка 6—7 лѣтъ, подходя къ окну, лепечетъ сквозь слезы: «дядинька, дайте кусочекъ хлѣба». Просто душа болитъ, глядя на такія картины... Скотина бѣдная бродитъ по улицамъ съ взъерошенной шерстью и впалыми боками, разгребая грязь и снѣгъ, разыскиваетъ себѣ кое-какого мусору. Многіе жители, раскрывъ сараи и повѣти, стали раскрывать свои дома и давать затхлую солому съ крышъ въ кормъ скоту».

Недостатокъ питанія чувствуется не только въ Европейской Россіи, но и въ Сибири. Въ «Петерб. Вѣдом.» помѣщена корреспонденція изъ Семипалатинской области, въ которой описывается тяжелое положеніе инородцевъ-киргизъ. «Начальникъ Каркаралинскаго уѣзда вошелъ съ ходатайствомъ въ началѣ зимы

къ высшему начальству въ Семипалатинскъ, въ которомъ, указывая на критическое положеніе нѣкоторыхъ волостей и голодовку, просилъ дать ему средства на закупку хлѣба. Въ результатѣ въ мартѣ получился указъ семипалатинскаго областного правленія (безъ участія губернатора), гласящій, что при падежѣ скота отъ безкормицы—киргизы обезпечены продовольствіемъ!! Въ результатѣ великодушное областное правленіе дало 1,000 руб. на закупку хлѣба въ Павлодарѣ (за 300 верстъ), но не въ Семипалатинскѣ, по дорогѣ изъ котораго лежатъ голодающія волости. Выдача денегъ обставлена такими формальностями, что киргизы должны отъ нихъ отказаться. Въ Павлодарѣ хлѣбъ дороже Семипалатинска; возчики дешевле 60 коп. съ пуда не везутъ, бездорожье полное, пудъ хлѣба обойдется дороже 1 руб., а провести его въ волости почти невозможно: возчики не возьмутся и все будетъ поздно, а главнымъ образомъ 1.000 руб.—цифра смѣшно малая. Дѣло все такъ и сдѣлано и скажутъ, что «помощь оказана».

«Какъ охарактеризовать заявленіе, что при падежѣ скота киргизы сыты?—замѣчаетъ корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».—Неужели писавшіе его допускаютъ, что киргизъ питается падалью, буквально вредной для здоровья, отъ которой и волкъ отворачивается? Вѣдь нельзя же допустить, что киргизъ во время безкормицы станетъ рѣзать на мясо сохранившійся скотъ, единственное богатство и надежду, когда, напротивъ, кочевникъ выбивается изъ силъ, чтобы спасти побольше животныхъ?»

Народные толки о переписи 1897 г. Брошюра г-на Плющевскаго-Плющика «Матеріалы для исторіи однодневной переписи» заключаетъ въ себѣ множество интереснѣйшихъ въ бытовомъ отношеніи данныхъ. Г. Плющевскій-Плющикъ былъ командированъ въ Ярославскую, Тверскую и Костромскую губерніи «для объединенія дѣйствій мѣстныхъ переписныхъ органовъ». Опубликованные имъ «Матеріалы» представляютъ лишь самое краткое извлеченіе изъ отчета, составленнаго имъ, въ свою очередь, изъ отчетовъ, представленныхъ 195 завѣдующими переписными участками и 3.403 счетчиками, производившими перепись въ указанныхъ трехъ губерніяхъ.

«Матеріалы» свидѣтельствуютъ о томъ, что эту послѣднюю перепись наканунѣ двадцатаго столѣтія пришлось производить среди такихъ же толковъ и слуховъ, о которыхъ повѣствуютъ историки ревизій прошлаго столѣтія. Какъ ревизія Петра I, такъ и послѣдняя перепись, вызвали толки о приближеніи страшнаго суда и скоромъ пришествіи антихриста. Счетчиковъ сплошь и рядомъ признавали служителями антихриста, прикладывающими его печать. Не мало удивленія вызвала порча бумаги на перепись бабъ. На вопросъ объ имени и отчествѣ жены, мужья пренебрежительно отзывались незнаніемъ: «Буду я ее величать; баба такъ баба и есть, и нѣтъ ей больше названія». Сами же бабы, желая уяснить себѣ причину оказываемой имъ чести, т. е. переписи ихъ, да еще по отчеству, стали подыскивать соотвѣтствующія объясненія. Ходили слухи о Сибири, объ Арабіи и другихъ невѣдомыхъ странахъ, гдѣ женщинъ не хватаетъ и куда, послѣ переписи, лишнихъ «бабъ» и дѣвицъ вышлютъ изъ Россіи.

Вообще же перепись возбудила разныя ожиданія въ народѣ—всѣ и вездѣ ждали чего-то, были убѣждены, что перепись дѣлается не даромъ и повлечетъ за собою какія-нибудь практическія послѣдствія. Въ разныхъ уголкахъ Костромской, Ярославской и Тверской губерній разно толковали и объясняли перепись. Одно какое-либо объясненіе господствовало рѣдко, обыкновенно существовали два преобладающія, т. е. толки о передѣлѣ и налогахъ, къ нимъ уже присоединялись и другія. Примѣромъ такого одновременнаго существованія разныхъ толковъ можетъ служить одинъ счетный участокъ Бѣжецкаго уѣзда,

счетчикъ котораго говоритъ слѣдующее: «Никто, пожалуй, изъ населенія не понялъ истинной цѣли переписи, всѣ отнеслись къ ней съ какимъ-то предубѣжденіемъ, вслѣдствіе чего и сужденіе народное о переписи отличалось крайнимъ разнообразіемъ; кому, какъ говорится, что Богъ на душу положитъ, тотъ то и скажетъ. Одни, напримѣръ, говорили, что Царь посредствомъ переписи хочетъ узнать, сколько на Руси народу и сколько земли. Узнавъ это, онъ тѣмъ, у которыхъ земли мало (а такихъ въ моемъ участкѣ порядочно), прибавитъ и будетъ, вслѣдствіе этого, новый надѣлъ земли. Другіе же говорили, что Царь, узнавъ, что въ какомъ-либо мѣстѣ земли мало, а народу много, лишнихъ переселитъ въ Сибирь на пустопорожнія земли, чего мужики побаивались. Третьи же разсуждали такъ: должно быть, Царь задумалъ начать войну, а чтобы лучше увѣриться въ томъ, хватитъ ли силъ, онъ и задумалъ сначала сосчитать, сколько у него войска, ратниковъ, запасныхъ солдатъ (на эту мысль наталкивала ихъ графа 14—в) и, вообще, всего народу, а потомъ ужъ идти воевать. Многія молодыя солдатки и старушки-матери ахали и охали, что у однѣхъ мужья, а у другихъ сыновья должны будутъ идти въ какую-то «нѣметчину» и, можетъ быть, сложитъ тамъ свои головушки. Нашлись и такіе, которые высказывали такую странную мысль о переписи: должно быть, говорили они, убѣжалъ какой-нибудь преступникъ, котораго искали, искали и нигдѣ не могли найти. Какъ быть? Что дѣлать? Ну вотъ и придумали эту перепись, думая, что гдѣ-нибудь да онъ попадется въ перепись и тогда ужъ легко его схватить. Вотъ нищая братья такъ ужъ очень рада была переписи: между ними былъ распространенъ слухъ, что всѣ бѣдняки, попавшіе въ перепись, будутъ избавлены Царемъ отъ бѣдности, и потому такія личности чуть не со слезами на глазахъ просили записать ихъ «нищими», въ особенности просили старушки-бобылки, которыя едва-едва могутъ прокармливать себя сборомъ подаяній, не въ силахъ обойти другой разъ свою деревню.

Толки о землѣ повторяются почти во всѣхъ отзывахъ счетчиковъ.

Народъ прибываетъ, земля все та же, прирѣзки ни откуда нѣтъ (Костромской уѣздъ); надѣлы оказываются недостаточными для наслѣдственнаго пользованія (Юрьевецкій уѣздъ),—таково часто попадающееся соображеніе.

Надѣленіе землею народъ представляетъ себѣ такъ: Земли отберутъ въ казну, и казна уже будетъ надѣлять крестьянъ (Варнавинскій уѣздъ). Земли будутъ взяты у помѣщиковъ, купцовъ, духовенства, фабрикантовъ, мѣстами указывали, что взяты будутъ и «купчія земли», т.-е. пріобрѣтенныя крестьянами въ собственность внѣ надѣла (Буйскій уѣздъ) и отъ тѣхъ крестьянъ, которые, уходя въ отхожіе промыслы, забрасываютъ свои надѣлы (Ростовскій уѣздъ).

Надѣясь, что казна найдетъ для крестьянъ земли у другихъ сословій, народъ понималъ, что тѣ, у кого земля будетъ взята, должны быть вознаграждены; отсюда явились слухи (въ Бѣжецкомъ уѣздѣ) о томъ, что «помѣщиковъ и кутейниковъ» возьмутъ на жалованье.

Въ общемъ, по мнѣнію счетчиковъ, толки о передѣлѣ, прирѣзкѣ, разверсткѣ земель и пр. отличались оптимистическимъ характеромъ и «благодушно настраивали крестьянскую массу». Они не теряли этого характера даже и тогда, когда въ крестьянствѣ поднимали, въ связи съ переписью, вопросъ объ обложеніи земли. Такъ, въ Мологскомъ уѣздѣ высказывалось мнѣніе, что «эта перепись для пользы крестьянъ,—«вотъ, видишь ли, хотятъ обложить землю по два рубля за десятину и у владѣльцевъ и у крестьянъ одинаково. Тогда владѣльцамъ невыгодно будетъ имѣть много земли безъ употребленія и они будутъ ее продавать крестьянамъ: такимъ образомъ владѣнія всѣхъ уравняются». Нѣкоторые крестьяне Бѣжецкаго уѣзда, приходя къ выводу, что землю уравнять нельзя, утѣшились тѣмъ, что послѣ переписи «оброкъ уничтожатъ».

Сложенія оброка ожидали въ Зубцовскомъ и уменьшенія его въ Вышневолоцкомъ и Калязинскомъ уѣздахъ.

Иной характеръ имѣли толки о налогахъ, которые ходили въ той части крестьянскаго населенія, которая занимается какими-либо промыслами, и находили себѣ особенно благопріятную почву въ городскомъ населеніи.

Они, главнымъ образомъ, вызвали глухое недовѣріе къ переписи изъ опасенія невыгодныхъ имущественныхъ послѣдствій. Въ особенности вліялъ на это включенный въ переписные листы вопросъ о побочныхъ занятіяхъ, свѣдѣнія о которыхъ, по мнѣнію населенія, собирались для того, чтобы установить новые налоги и увеличить существующіе. При распространенности отхожихъ и иныхъ промысловъ, именно, среди крестьянъ Ярославской, Костромской и Тверской губерній, эти слухи были довольно распространены и въ уѣздахъ, въ городахъ же, среди торгующихъ и промышленныхъ классовъ, они были весьма интенсивны, причемъ опасенія увеличенія сборовъ гнѣздились и среди домовладѣльцевъ, вообще, боявшихся увеличенія квартирнаго налога. Сообразно такимъ толкамъ, въ переписи видѣли особенно часто предвѣстника установленія налога на побочные промыслы, на отхожіе промыслы, на каждаго содержимаго даннымъ лицомъ рабочаго, на торгующихъ безъ торговыхъ свидѣтельствъ и, вообще, мѣру, предпринятую для установленія новаго налога и увеличенія существующихъ. Эти слухи, вызванные вопросомъ 14 переписныхъ листовъ и бывшіе главною причиною боязни переписи, недовѣрія къ ней—были весьма распространены, въ особенности же отмѣчаютъ ихъ городскіе счетчики. Такъ, напримѣръ, среди населенія города Весьегонска говорили: «должно быть, будетъ какой-нибудь налогъ». Въ одномъ домѣ упрашивали со слезами, чтобы счетчикъ квартиру оцѣнилъ дешевле, потому что жильцы народъ бѣдный и не въ силахъ платить.

Мѣстами ожидали прямо возстановленія подушной подати.

Любопытны также толки, возбужденные переписью среди раскольниковъ.

Въ Костромской губерніи было, вообще, не мало отдѣльныхъ случаевъ уклоненія раскольниковъ отъ переписи. Такъ, напримѣръ, одинъ счетчикъ (4-го участка Макарьевскаго уѣзда) разсказываетъ, что когда онъ явился къ дому одного раскольника-крестьянина, мѣстнаго полицейскаго десятскаго, то послѣдній долго не впускалъ его, а затѣмъ отказался дать необходимые отвѣты, ссылаясь на то, что всѣ свѣдѣнія можно получить въ волостномъ правленіи. Въ концѣ концовъ, имъ было заявлено, что онъ православный христіанинъ, носитъ святое имя, а счетчикъ пришелъ отъ антихриста; въ антихристовъ же листъ свое имя онъ записывать не желаетъ; при этомъ онъ взялъ свой знакъ полицейскаго десятскаго и швырнулъ его со словами: «Возьмите и этотъ антихристовъ знакъ, я ему не слуга».

Въ раскольничьихъ селеніяхъ счетчики часто не имѣли возможности переписать всѣхъ жителей, такъ какъ во многихъ домахъ часть жителей, принадлежавшихъ къ сектѣ бѣгуновъ, пряталась въ подпольяхъ и подвалахъ. Счетчики въ Тверской губ. высказываютъ предположеніе, что большинство бѣгуновъ ускользнуло отъ переписи. По ученію бѣгуновъ, «антихристъ со временъ патріарха Никона царствуетъ невидимо въ духѣ отступленія отъ вѣры и благочестія и видимо въ лицѣ власти земной, отъ которой нужно бѣжать, укрываться, чтобы спастись отъ погибели вѣчной». Поэтому, какъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, счетчикъ 3-го участка Даниловскаго уѣзда, всѣ бѣгуны—странники—святые укрылись отъ переписи въ подпольяхъ и другихъ притонахъ, данныхъ имъ «жиловыми христіанами, полусвятыми странноприимцами». Въ Данилевскомъ же уѣздѣ, какъ извѣстно, по словамъ одного дѣятеля переписи, всѣмъ мѣстнымъ жителямъ, черезъ каждыя пять верстъ есть странноприимные дома.

Такіе сектанты вообще рѣдко попадались счетчикамъ.

Счетчикъ Юрьевецкаго уѣзда указываетъ на то, что въ гор. Луха слухъ объ антихристѣ распространился въ народѣ послѣ проповѣди противо-раскольничьяго миссіонера. Такой неожиданный результатъ получился потому, что миссіонеръ сказалъ слишкомъ длинную проповѣдь, продолжавшуюся около 2-хъ часовъ въ церкви гор. Луха и помянулъ въ ней слова «перепись» и «антихристъ». Слушатели вывели заключеніе, что придетъ антихристъ, послѣ чего заставили счетчиковъ креститься и показывать руку, нѣтъ ли на ней печати. Счетчику Ширяеву говорили, что подпись на листѣ при первомъ обходѣ требуется для того, чтобы при второмъ обходѣ всѣмъ записаннымъ приложить печать антихриста. Впрочемъ, элементъ протестующій и уклоняющійся отъ переписи, были главнымъ образомъ женщины и старики. Одинъ изъ счетчиковъ (3-го участка Костромскаго уѣзда), говоря о неудачномъ опросѣ имъ «бѣгуновъ», считалъ необходимымъ удостовѣрить относительно раскола, вообще, что онъ приходитъ въ упадокъ, большинство послѣдователей его люди престарѣлые, а семьи, гдѣ всѣ крѣпко придерживаются раскола—представляютъ исключеніе. Но и при отсутствіи протеста противъ переписи или уклоненія отъ нея, поведеніе старообрядцевъ, вообще, было непріязненное.

Большія затрудненія вызывало выясненіе юридическаго и семейнаго положенія раскольниковъ. Были случаи записи счетчикомъ дѣтей старообрядца—незаконнорожденными и жену его — сожительницей, результатомъ чего явилась жалоба со стороны этой семьи на счетчика. Нѣкоторые изъ раскольниковъ называли себя «православными христіанами, австрійскаго толка или іерархіи», другіе «рогожскаго кладбища» и т. д., наименованія, которыя затрудняли счетчика такъ же, какъ и положеніе семьи раскольника. Хозяинъ таковой, на вопросъ о семьѣ, говоритъ: «это моя жена законная и дѣти, въ церкви не вѣнчанъ». Запишетъ счетчикъ: «сожительница, незаконнорожденные сынъ, дочь»,— ропотъ и жалоба.

Вообще, между раскольниками встрѣчалось затрудненіе въ опредѣленіи семейнаго состоянія, т. е. женатъ или холостъ, замужняя или дѣвица. Опредѣленіе этихъ отношеній представляло порою неразрѣшимую задачу: «Нѣкоторые оказывались женатыми уже 7-й разъ, при живыхъ 6-ти первыхъ женахъ. Счетчики затруднялись, конечно, какъ писать этихъ послѣднихъ и куда приписывать дѣтей отъ этихъ браковъ—дѣтей, живущихъ то съ отцомъ, то съ матерью, тѣмъ болѣе, что браки громаднаго числа раскольниковъ нигдѣ не записаны».

При подобныхъ условіяхъ брачнаго сожительства, на практикѣ, по удостовѣренію, напримѣръ, завѣдывавшаго 5-мъ участкомъ Варнавинскаго уѣзда, наблюдается такое явленіе, что лица, состоящія внѣ брака, въ сожитіи (по мѣстному названію «самокруты», а на языкѣ раскольниковъ «новожены»), въ мѣстѣ проживанія постоянно сказывались состоящими между собою въ бракѣ и дѣти ихъ записаны поэтому законными, въ мѣстѣ же приписки многіе изъ нихъ записаны несостоящими въ бракѣ, а дѣти незаконнорожденными.

Счетчикъ 3-го участка Даниловскаго уѣзда разсказываетъ слѣдующій характерный случай: При переписи семьи одного крестьянина, принадлежащаго къ старообрядцамъ поповщинской секты австрійскаго лжесвященства, на вопросъ о сословіи, заявилъ, что онъ діаконъ австрійской іерархіи, потомъ, указывая на проживающаго у него дядю своего, ярославскаго мѣщанина, сказалъ, что это іерей того же австрійскаго священника, и оба они настойчиво просили записать ихъ іереемъ и діакономъ и для того, чтобы убѣдить исполнить ихъ просьбу, поставили на видъ, будто гдѣ-то подобныхъ имъ лжеіереевъ и лжеедіаконовъ записывали таковыми въ 6-й графѣ переписныхъ листовъ. Затѣмъ уже, по окончаніи переписи, къ этому счетчику, изъ сельскихъ учителей, явился отецъ лжедіакона и въ доказательство, что счетчикъ поступилъ неправильно, отказавъ записать его сына діакономъ, предъявилъ ему лоскутокъ бумажки, на которой напеча-

тано съ одной стороны какимъ-то страннымъ, не чисто типографскимъ шрифтомъ, относительно всеобщей переписи населенія Россійской Имперіи, приблизительно, слѣдующее: сначала выдержка изъ именного Высочайшаго указа правительствующему сенату, потомъ, въ видѣ разсужденія, что при подачѣ отвѣтовъ счетчикамъ слѣдуетъ давать правдивые отвѣты. Счетчики должны записывать населеніе, кто какъ о себѣ покажетъ. Старообрядческія духовныя лица должны записываться такъ: діаконъ, іерей, епископъ, священно-инокъ и т. д. Бумажку эту, которую счетчикъ признаетъ за раскольничью прокламацію, напечатанную для предъявленія темному люду, какъ нѣчто оффиціальное, у счетчика, желавшаго показать ее земскому начальнику, крестьянинъ не оставилъ. Вообще же, счетчики отмѣчаютъ, что болѣе просвѣщенные старообрядцы относились къ переписи вполнѣ разумно.

Статистика ссылки въ Россіи. «Сынъ Отеч.» сообщаетъ слѣдующія интересныя данныя о статистикѣ ссылки въ Сибирь:

Съ 1823 г., когда ссылка къ Сибирь подверглась преобразованію, и по 1888 годъ въ Сибирь было сослано судебнымъ и административнымъ порядкомъ 600.704 человѣка и при нихъ отправилось 167.145 членовъ ихъ семей, слишкомъ $^1/_4$ часть первыхъ и половина вторыхъ были оставлены въ Тобольской губ., а остальные отправлены дальше.

Въ 20-хъ гг. ежегодно ссылалось въ Сибирь отъ 6 до 10 тысячъ человѣкъ и общее число сосланныхъ за десятилѣтіе 1823—1832 гг. составляло 83,5 тыс. лицъ.

Въ слѣдующія два десятилѣтія число ссылаемыхъ уменьшалось: оно составляло въ 1833—1842 гг. 78,1 тыс., а въ 1843—1852 гг.—58,5 тыс., или отъ 5 до 6 тыс. въ годъ. Въ 50-хъ гг. число ссыльныхъ быстро увеличилось: все десятилѣтіе оно составило 79,7 тыс. лицъ. Такимъ образомъ, ко времени крестьянской реформы ссылка достигла тѣхъ размѣровъ, какіе она имѣла въ 30-хъ гг., но примѣнялась рѣже, нежели въ 20-ые годы текущаго столѣтія.

Послѣ реформы обнаружилось новое возрастаніе числа ссылаемыхъ въ Сибирь лицъ: по отдѣльнымъ годамъ оно обыкновенно колебалось между $9^1/_2$ и 12 тысячами, а за цѣлое десятилѣтіе 1863—1872 гг. составило 106,4 тыс. лицъ. Въ теченіе слѣдующаго десятилѣтняго періода число ссылаемыхъ въ Сибирь лицъ опять возросло и вмѣстѣ съ тѣмъ стало замѣчаться необыкновенное постоянство ссылки по годамъ: при общемъ числѣ сосланныхъ за десятилѣтіе въ 120,4 тыс.,—число ежегодно ссылаемыхъ лицъ колебалось между 11.750 и 12.300 и лишь въ 1876 г. поднялось до 13.040. Въ 1883 г. число сосланныхъ въ Сибирь увеличилось до 14,5 тыс., въ 1884 г.—оно составляло 13,2 тыс., а въ слѣдующіе 4 года опять упало до 11—12 тыс. въ годъ.

Въ общемъ по вопросу о ходѣ ссылки въ Сибирь въ теченіе разсматриваемаго 70-ти-лѣтія можно сдѣлать слѣдующее заключеніе. Въ 30-хъ и 40-хъ гг. ссылка постепенно сокращалась; въ 50-хъ и 60-хъ гг. она возрастала, и въ началѣ 70-хъ гг. достигла состоянія, въ которомъ оставалась въ теченіе послѣдующихъ 15-ти лѣтъ (за послѣднее 10-ти-лѣтіе свѣдѣній не имѣется).

Въ общемъ, среднее число ежегодно ссылаемыхъ лицъ въ 70—80-хъ гг. (12 тыс.) превышаетъ вдвое число ссылавшихся у насъ въ Сибирь во время наименьшаго развитія этого вида наказанія (40-ые годы) и въ $1^1/_2$ раза—число лицъ, приговариваемыхъ къ отправкѣ въ Сибирь въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Вмѣстѣ съ ростомъ ссылки замѣчается и достиженіе ею большей устойчивости. Въ 20-хъ годахъ число ссылавшихся въ Сибирь лицъ обыкновенно колебалось по отдѣльнымъ годамъ между 6,5 тыс. и 9,5 тыс., т. е. въ предѣлахъ 3 тыс. (не говоримъ объ исключительныхъ годахъ); въ 30-хъ годахъ розмахъ колебаній опредѣляется всего въ 2 тыс.; въ 40-хъ годахъ ссылка

сокращалась и поэтому розмахъ колебаній увеличился до 4-хъ тыс.; въ 50-хъ годахъ число ежегодно ссылаемыхъ въ Сибирь лицъ колебалось между $7^1/_2$ и $9^1/_2$ тыс., т. е. въ предѣлахъ 2 тыс.; въ 60-хъ годахъ, при нѣсколько большемъ обычномъ розмахѣ колебаній ($2^1/_2$ тыс.), замѣчаются и значительныя отступленія отъ обычнаго числа ($9^1/_2$—12 тыс.) ежегодно ссылаемыхъ лицъ—вверхъ до 14,8 тыс. и внизъ до 7 тыс.; въ послѣднія 16 лѣтъ (за какія имѣются свѣдѣнія)—исключая 3 года—разница въ числѣ ежегодно-ссылаемыхъ въ Сибирь лицъ не превышаетъ 500—1.000.

Этотъ фактъ почти неподвижнаго состоянія числа ежегодно ссылаемыхъ лицъ, въ теченіе цѣлыхъ 16-ти лѣтъ (исключая 1876, 1883 и 1884 годовъ), представляетъ большой интересъ.

Если число лицъ, приговариваемыхъ (судебнымъ и административнымъ порядкомъ) къ ссылкѣ въ Сибирь, въ теченіе разсмотрѣннаго 70-ти-лѣтія, сначала уменьшалось, а затѣмъ увеличивалось, то относительно числа слѣдуемыхъ съ ними членовъ семей замѣчается непрерывное возростаніе, смѣнившееся въ 80-хъ годахъ нѣкоторымъ уменьшеніемъ. Такъ, въ 20-хъ годахъ число идущихъ съ ссыльными членовъ ихъ семей составляло 7—8 проц. всего числа первыхъ; въ 30-хъ годахъ отношеніе между тѣми и другими увеличилось до 10 проц.; въ 40-хъ годахъ оно составляло 14 проц., въ 50-хъ годахъ—22 проц., въ 60-хъ годахъ—33 проц. и въ 70-хъ годахъ—48 проц.; въ 80-хъ годахъ число слѣдующихъ за ссыльными членовъ ихъ семей нѣсколько уменьшилось и составляло 44 проц. общаго числа ссыльныхъ.

Кустарное ткачество въ Черниговской губ. Городъ Кролевецъ, Черниговской губ. представляетъ крупный центръ кустарнаго ткачества. Мѣстные жители считаютъ число ткацкихъ станковъ въ этомъ городѣ и окрестныхъ селахъ, приблизительно, въ 2.000. По сообщенію автора интересной статьи о черниговскихъ ткачахъ въ газетѣ «Жизнь и Иск.» («Какъ черниговское земство помогаетъ ткачамъ»), если положить, что одинъ станокъ за годъ выдѣлываетъ рушниковъ, скатертей, гардинъ и т. п. въ среднемъ только на 100 руб., то и тогда цифра годового производства выразится немалою суммою—около 200 тысячъ руб. Къ сожалѣнію, изъ этой суммы въ бюджетъ кустаря-ткача попадаетъ очень немного. Здѣсь можно сослаться на свидѣтельство агента министерства земледѣлія г-жи В. А. Доливо-Добровольской, дважды командированной въ Черниговскую губернію для изученія условій мѣстнаго ткачества и для пропаганды усовершенствованнаго станка-самолета. Вотъ что говоритъ она въ своемъ отчетѣ: «Произведенное, по порученію г. министра государственныхъ имуществъ, изслѣдованіе положенія кустарнаго ткацкаго промысла въ Кролевецкомъ уѣздѣ показало мнѣ, что кустари-ткачи находятся тамъ въ весьма угнетенномъ положеніи. Кролевецкія ткани такъ хороши, что имѣютъ сбыть даже за-границу. Являясь на выставкахъ отечественныхъ и чужеземныхъ, онѣ нерѣдко удостаивались даже высшихъ наградъ. Но назначаемыя за издѣлія медали не доходятъ до производителей: ихъ получаетъ крупный мѣстный промышленникъ, держащій въ рукахъ все производство и являющійся на выставкахъ не какъ торговецъ, а какъ руководитель кролевецкаго кустарнаго ткачества. Указанное лицо производитъ большіе обороты издѣліями кролевецкихъ ткачей, отправляя ихъ даже за-границу. Сумма этихъ оборотовъ (составляя не менѣе трехъ четвертей оборота всѣхъ кролевецкихъ торговцевъ) никому, кромѣ этого лица, неизвѣстна, но ткачи знаютъ, когда торговля на ярмаркахъ прошла неудачно, такъ какъ за подобною неудачею является пониженіе заработной платы. Ткачи которыхъ 1.200 чел. въ городѣ, не считая с. Подолова, находятся въ полнѣйшей зависимости отъ хозяевъ-торговцевъ, отъ которыхъ получаютъ матеріалъ для своихъ работъ; при выдачѣ матеріала торговцы несоразмѣрно повышаютъ цѣну

его, съ цѣлью воспрепятствовать сбыту тканей въ постороннія руки. Ткачи настолько утютюжены, что предложеніе мое ознакомить ихъ съ улучшеннымъ способомъ работы на станкѣ-самолетѣ не было ими принято; они говорили, что примѣненіе самолета будетъ выгодно не имъ, а только торговцамъ... Нельзя не сказать, что, при настоящемъ положеніи дѣла, увеличеніе сбыта составляетъ насущнѣйшую потребность, а этого можно достигнуть распространеніемъ свѣдѣній объ издѣліяхъ и ихъ хорошихъ качествахъ. Ежедневный заработокъ ткача въ Кролевцѣ не превышаетъ 30 коп. при условіи, что ему готовитъ цѣвки и основу другой членъ семьи. Незначительное меньшинство получаетъ, при тѣхъ же условіяхъ, 40 коп. Работающіе дешевые рушники получаютъ 10—20 коп. въ день». Такова экономическая обстановка кролевецкаго ткачества. Для полной характеристики промысла остается лишь добавить, что ткачи-кустари «услугами» мѣстныхъ скупщиковъ настолько избалованы, что сами давно уже бросили всякія заботы о самостоятельной распродажѣ своихъ издѣлій на ближайшихъ или отдаленныхъ рынкахъ. Получая безъ всякихъ хлопотъ свои 10—20 коп. въ сутки, ткачъ спокойно проѣдаетъ ихъ со всѣмъ своимъ семействомъ, предоставляя скупщику ѣздить по всѣмъ ярмаркамъ и заботиться о барышахъ.

На помощь ткачамъ выступило, наконецъ, мѣстное земство: былъ устроенъ въ Кролевцѣ земскій складъ кустарныхъ издѣлій, съ цѣлью организовать сбытъ ихъ безъ посредства скупщиковъ. На операціи кролевецкаго склада первоначально даны были 3.000 руб. для того, чтобы первыя пробы сдѣланы были въ скромныхъ размѣрахъ и, въ случаѣ возможныхъ ошибокъ въ новомъ и неизвѣданномъ дѣлѣ, не отразились на земскомъ бюджетѣ чувствительными потерями. Затѣмъ, когда въ результатѣ перваго года дѣятельности склада оказалось, что операціи идутъ прекрасно и складу не грозятъ никакіе убытки, то въ 1895 г. губернская управа, со своимъ предсѣдателемъ В. М. Хвостовымъ во главѣ, обратилась къ губернскому собранію съ требованіемъ расширенія оборотнаго капитала склада до 10.000 р. Ткачи съ большимъ довѣріемъ относились къ складу и ожидали отъ него всяческаго благополучія. Скупщикамъ тоже пришлось взяться за умъ. Положеніе совершенно измѣнилось: «Прежде ткачи по нѣсколько дней стояли, ожидая на морозѣ разсчетовъ, а теперь немедленно ихъ удовлетворяютъ при появленіи въ лавку. Прежде не обходилась ни одна сдача безъ начета за недостающее сырье, а теперь даже и прежніе начеты скащиваются многимъ со счетовъ. Теперь скупщики сами зазываютъ ткачей, урезониваютъ, даютъ прибавки—«только не ходи въ земство». Однимъ словомъ, началась ожесточенная конкурренція, задабриваніе и застращиваніе ткачей, завязывающихъ сношенія съ земскимъ складомъ: имъ предсказывали, что складъ скоро лопнетъ, и тогда имъ же будетъ хуже.

И къ несчастью, всѣ эти пророчества сбылись. Скупщики оказались практичнѣе и опытнѣе земскаго склада въ одномъ существенномъ отношеніи—въ знаніи земской психологіи: «Да развѣ это земское дѣло—торговать! Не пойдетъ же предсѣдатель управы съ аршиномъ за прилавокъ! Дѣло это темное, хлопотливое, не дворянское. Вотъ еще годикъ побалуютъ, а тамъ и бросятъ: новую игру найдутъ!» Первый ударъ складъ получилъ не отъ скупщиковъ, а отъ земскаго собранія 1895 г. Надо замѣтить, что этотъ годъ былъ годомъ большихъ переворотовъ во всемъ направленіи дѣятельности губернскаго земства. Послѣ выборовъ этого года изъ разныхъ глухихъ угловъ много повылѣзло земскихъ букашекъ. Предсѣдателемъ губернской управы былъ избранъ г. Уманецъ. Вотъ этому собранію 1895 г. пришлось обсуждать и вопросъ о кролевецкомъ складѣ. Все пошло какъ по писанному. Поднялись голоса о томъ, что не земское дѣло заниматься коммерціей, усчитывать какія-то копѣйки, вступать въ конкурренцію и т. п. Въ результатѣ было то, что складъ не только не получилъ 10 т.

рублей для расширенія торговыхъ операцій, но даже ему высказано было неодобреніе за то, что онъ допустилъ такія операціи: предписано было въ теченіе 1896 г. ликвидировать торговыя операціи. Взамѣнъ того, въ распоряженіе склада добавлены 2.000 р. на выдачу ссудъ ткачамъ (подъ вѣрныя обезпеченія) и разрѣшено посредничество по пріему отъ крупныхъ заказчиковъ оптовыхъ заказовъ и по передачѣ этихъ заказовъ ткачамъ.

Съ этихъ поръ для склада началась медленная агонія.

Дѣло въ томъ, что главная дѣятельность склада заключалась въ пріемѣ готовыхъ издѣлій отъ ткачей за плату, благодаря чему и была возможна успѣшная конкурренція со скупщиками. Эту-то операцію земство рѣшило уничтожить. Безъ нея же всѣ остальныя операціи теряли всякое значеніе. При существовавшемъ въ Кролевцѣ антагонизмѣ интересовъ, стоило лишь ткачу зайти въ земскій складъ за чѣмъ-либо: за рисунками, за обученьемъ на самолетѣ, за фунтомъ пряжи и т. д., сейчасъ же скупщики начинали относиться къ нему, какъ къ измѣннику и врагу и, чтобы выместить на немъ свое неудовольствіе и запугать, рѣшительно отказывались принять отъ него хоть одно сработанное издѣліе. А такъ какъ число скупщиковъ довольно ограниченное и всѣ они солидарны въ отношеніяхъ къ земскому складу, то совершенно понятно, что многіе ткачи, пытавшіеся завязать сношенія съ земскимъ складомъ, дѣлали это вечеромъ, крадучись, чтобы ихъ не усмотрѣлъ зоркій глазъ скупщика, его приказчиковъ или своего же брата ткача, заискивающаго богатыхъ и великихъ милостей у скупщика. Открыто переходили къ складу только тѣ изъ ткачей, которые сжигали свои корабли и надѣялись, что земскій складъ никогда не откажетъ имъ въ пріемѣ сдѣланныхъ издѣлій за деньги или за сырье равной стоимости. Такъ понемногу вокругъ склада стала группироваться небольшая кучка ткачей, все расширявшаяся по мѣрѣ того, какъ ткачи убѣждались, что съ ними разсчитываются добросовѣстнѣе и что складъ справляется съ пріобрѣтаемыми издѣліями и бойко торгуетъ ими по ярмаркамъ. Воспретивъ складу пріемку готовыхъ издѣлій отъ ткачей, губернское собраніе тѣмъ самымъ выдавало съ головой уже довѣрившихся ему ткачей, а складъ связывало по рукамъ и ногамъ, лишая его возможности передавать ткачамъ и крупные заказы, и оказывать кредитъ въ сколько-нибудь серьезныхъ размѣрахъ, и даже просто продавать сырье по удешевленной цѣнѣ. Такимъ образомъ, кролевецкіе ткачи снова очутились всецѣло въ рукахъ скупщиковъ.

Семья Бѣлинскаго послѣ его смерти. «Новости» напечатали чрезвычайно интересную бесѣду своего парижскаго корреспондента съ дочерью Бѣлинскаго. Она разсказывала ему о положеніи семьи Бѣлинскаго послѣ его смерти:

«Послѣ смерти отца мы остались совершенно безъ средствъ,—говорила она,—матушка въ положеніи (она вскорѣ родила сестру Вѣру), тетушка и я. Я, разумѣется, не помню бѣдствій перваго времени. Но уже помню, хотя смутно, нашъ переѣздъ въ Москву. Матушка до замужества воспитывалась и служила въ Александровскомъ институтѣ въ Москвѣ. Начальница института, швейцарка родомъ, г-жа Шарпіо, узнавъ о ея положеніи, предложила ей мѣсто кастеляншн въ институтѣ, *съ жалованьемъ 11 рублей въ мѣсяцъ*... Между голодной смертью и этимъ заработкомъ выбора, конечно, не могло быть, и мы въ ноябрѣ или декабрѣ отправились въ Москву. Помню закрытый дилижансъ, въ замерзшія окна котораго ничего нельзя было видѣть и въ которомъ мы путешествовали вшестеромъ: матушка, тетушка, кормилица, сестра—грудной ребенокъ, я и папина собака, Малка. Помню, какъ мнѣ было тѣсно, и я все норовила вынуть руки, расправить ихъ, а мнѣ ихъ все прятали и совали подъ одѣяло, чтобы я ихъ не отморозила. Затѣмъ вспоминаю нашъ пріѣздъ въ Москву, въ институтъ. Должность кастеляншн состояла въ надзорѣ за прачками и за

бѣльемъ въ институтѣ (своего рода lingère en chef). Вы можете себѣ представить общественное положеніе, трезвость и, вообще, поведеніе этихъ прачекъ особливо въ то время, когда понятія о человѣческомъ достоинствѣ, о гигіенѣ и т. п. были менѣе, чѣмъ элементарны. Никогда не забуду перваго впечатлѣнія, перваго появленія этихъ 6 прачекъ, встрѣчи ихъ будущей начальницы! Намъ отвели большую комнату, какъ разъ надъ прачешной. Съ содроганіемъ вспоминаю эту комнату во флигелѣ, угловую, большую въ 5 оконъ: 2 окна въ одной стѣнѣ и три въ другой рядомъ; отовсюду дуло; холодъ былъ такой, что вода въ графинѣ замерзала черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ ее приносили въ комнату. У насъ у всѣхъ были тѣневые—какъ изъ звали—сапоги на мѣху, и то ноги мерзли! Тетушка—мастерица на этотъ счетъ—обила всѣ окна войлокомъ, оставивъ одно только оконце для свѣта, но это, разумѣется, мало помогло. Меня, я помню, держали изъ-за холода 8 мѣсяцевъ въ году въ постели,—меня, живого, рѣзваго ребенка! Я ужасно отъ этого страдала. Къ этому холоду надо прибавить жизнь почти впроголодь. Насъ было четыре человѣка на одну порцію, которую отпускали матушкѣ, а на одиннадцать рублей въ мѣсяцъ многаго не прибавишь къ одной порціи на четверыхъ! Но ужаснѣе всего были постоянный угаръ и дымъ, проникавшіе къ намъ снизу. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ мы остались живы... Потомъ, правда, прачешную перевели въ другое мѣсто и нижнюю комнату топили только разъ въ мѣсяцъ, но и разъ въ мѣсяцъ угаръ, какъ диверсія отъ холода,—это было ужасно! Сестра вскорѣ сдѣлалась жертвой этой ужасной жизни и обстановки и умерла... Я тоже заболѣла; призванный институтскій врачъ оказался разумнымъ человѣкомъ и понялъ мою болѣзнь: «Да ее кормить надо—не то и она умретъ!» Вынесла же горя и страданій моя матушка: всѣ несчастія обрушились на нее. Даже съ квартирой ей не повезло: у нея была помощница, та уже давно была на мѣстѣ и имѣла свою квартиру, а моя матушка пріѣхала новичкомъ и ей отвели первую попавшуюся комнату. Да, вотъ, эта помощница! Она, очевидно, относилась враждебно къ моей матушкѣ, которую она, вѣроятно, считала помѣхой для своей карьеры (!), для своего положенія—une intrigue—и интриговала, какъ и гдѣ могла. Помню, какъ всѣ эти матеріальныя и моральныя мученія отражались на матушкѣ, которая всегда и раньше была нервная, больная... Боже мой! эти семейныя сцены горя и слезъ въ комнатѣ кастеляншки! А подчиненныя матушки! Сцены, при которыхъ ей приходилось присутствовать! Рѣчи, которыя ей приходилось слышать! Помню, разъ прибѣжала помощница съ крикомъ: «барыня, барыня! Идите скорѣе внизъ: такая-то и такая-то подрались». Матушка поспѣшила внизъ, я, воспользовавшись суматохой, изъ дѣтскаго любопытства шмыгнула въ открытую дверь за матушкой, и Боже мой! Какая картина представилась моимъ глазамъ: двѣ прачки въ изодранномъ въ клочки платьѣ, съ распущенными, растрепанными въ дракѣ волосами, съ окровавленными лицами, оглашали прачешную ужасной бранью!»

Когда тетка получила въ томъ же институтѣ мѣсто классной дамы въ 25 р. въ мѣсяцъ, то жизнь семьи стала легче. Дочь Бѣлинскаго говоритъ по этому поводу: «11 да 25—это уже было цѣлое богатство для насъ; да потомъ еще намъ выхлопотали литературную пенсію... Матушка ничего не жалѣла, чтобы дать мнѣ приличное образованіе и воспитаніе. Въ классы я не ходила вслѣдствіе нѣжности здоровья, но институтскіе учителя ходили ко мнѣ между уроками и занимались со мною, беря за уроки удешевленную плату. Иностраннымъ языкамъ, какъ и всѣмъ предметамъ, я, такимъ образомъ, выучилась дома. Я росла совершенно одна, безъ подругъ, особенно первые годы, такъ какъ въ институтѣ, вѣдь, меньше девяти-десяти лѣтъ и дѣтей-то не было. Начальницы ко мнѣ относились неровно—я всегда была робкая и боялась ихъ. Помню нашъ институтскій садъ.—мое любимѣйшее мѣсто въ теченіе всего нашего пребыванія

въ институтѣ. Особенно дорогъ былъ мнѣ садъ весною и лѣтомъ, я уходила въ него и пряталась гдѣ-нибудь съ книгою и читала. Помню, когда, бывало, завижу начальницу, я испуганно отъ нея пряталась съ книгою. Но это мнѣ не всегда удавалось, и тогда, смотря по настроенію начальницы (помню особенно княгиню Козловскую), со мною обходились ласково, или же сурово говорили: «Что вы здѣсь дѣлаете? Уходите: скоро воспитанницы придутъ!» Такъ жили мы въ институтѣ, пока мнѣ не минулъ 21 годъ.

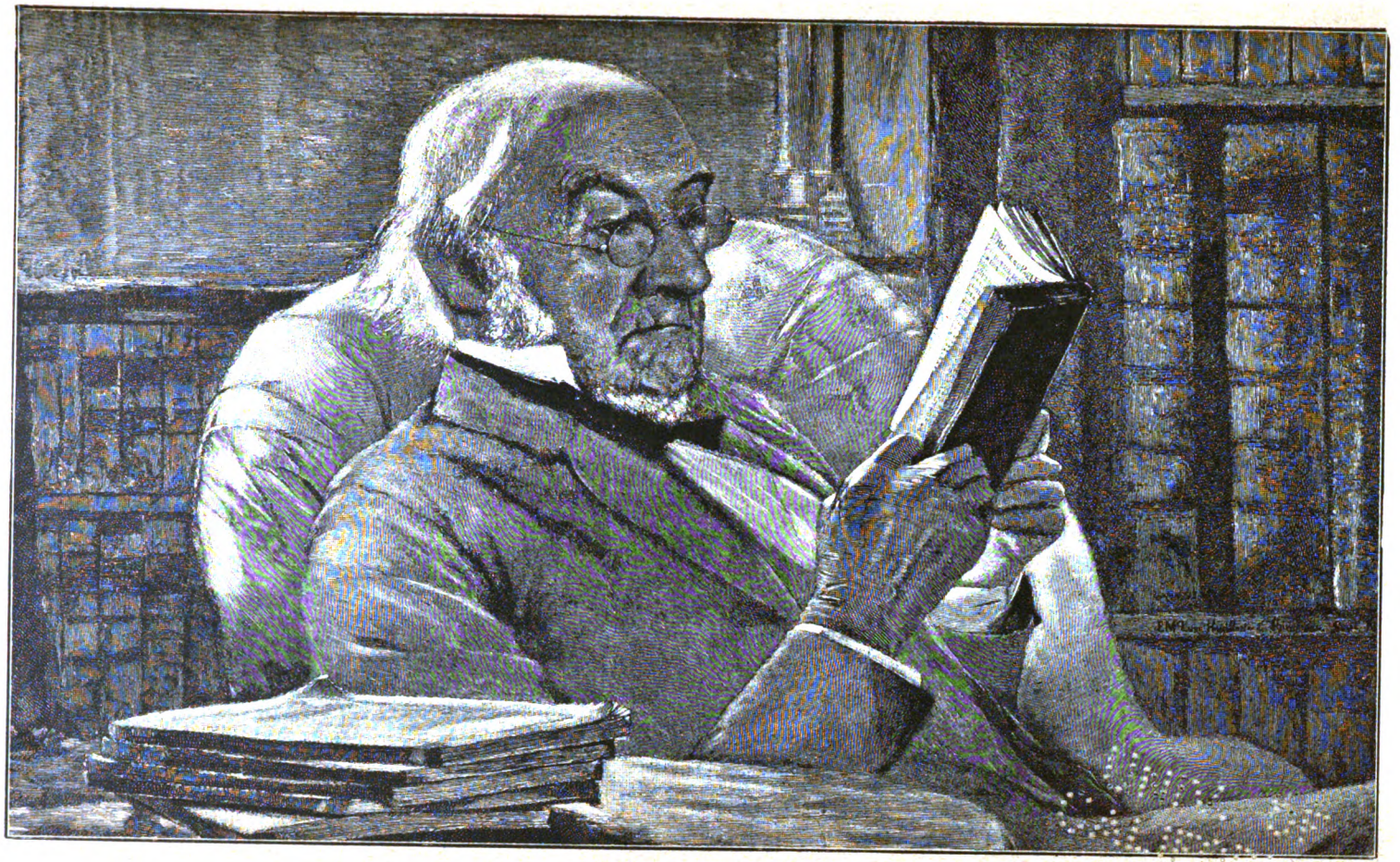
«Да, много бываетъ горя и страданія на свѣтѣ, но я удивляюсь, какъ мы вынесли эти страданія въ годы нашей жизни въ институтѣ. Потомъ пошло хорошо. Затѣмъ появилось и нѣкоторое благостояніе, благодаря гонорару за изданія сочиненій отца, такъ что мы оставили институтъ и даже поѣхали заграницу для поправленія здоровья»...

За границей.

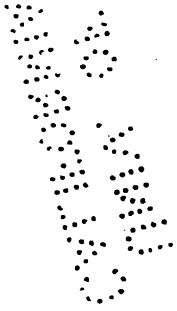
Гладстонъ. Англія лишилась одного изъ своихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей. 18-го (6-го) мая умеръ тотъ, кого весь міръ зналъ подъ именемъ «великаго старца», Вильямъ Эвартъ Гладстонъ; смерть его ни для кого не была неожиданностью. Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ болѣзнь Гладстона была признана неизлѣчимой (ракъ въ носовой полости), и всѣ знали, что роковой исходъ неизбѣженъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Но все же къ изголовью «великаго старца» во время его медленной и долгой агоніи прикованы были взоры всей Европы, такъ какъ въ лицѣ Гладстона сошелъ въ могилу не только представитель прогрессивнаго движенія англійской государственной жизни, съ именемъ котораго тѣсно связана исторія этого движенія за послѣднее пятидесятилѣтіе, но и выдающійся политикъ, провозгласившій безнравственнымъ принципъ: «Сила есть право» и всегда возвышавшій свой голосъ за угнетенныя и страдающія народности.

Какъ бы ни оцѣнивалась современниками политическая дѣятельность Гладстона, относительно его нравственной личности не существуетъ никакихъ разногласій, и всѣ политическіе враги его признаютъ его безукоризненную репутацію, его честность и прямоту, полное отсутствіе личнаго честолюбія и узконаціональнаго патріотизма и безусловную искренность. Эта искренность составляла главную характерную черту Гладстона, и въ теченіе всей своей долгой карьеры онъ всегда оставался вѣренъ себѣ, всегда искалъ только истины и справедливости, и тогда, когда Маколей называлъ его «надеждою и оплотомъ непримиримыхъ торіевъ», и въ то время, когда онъ выступилъ въ парламентѣ въ качествѣ убѣжденнаго сторонника отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ, отдѣленія церкви отъ государства въ Ирландіи, ирландскаго самоуправленія и другихъ либеральныхъ реформъ.

Трудно составить себѣ даже приблизительное понятіе о томъ, какимъ громаднымъ престижемъ пользовался Гладстонъ среди своихъ соотечественниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ поклоненіе Гладстону доходило чуть не до идолопоклонства. Какіе бы крайніе парадоксы онъ ни высказывалъ, всегда находились тысячи, сотни тысячъ людей, готовыхъ провозглашать, что онъ правъ.—«Grand old man» («великій старикъ») сказалъ—и этого было достаточно! Ни одинъ изъ государственныхъ людей и ни въ одной странѣ не пользовался такимъ удивительнымъ обаяніемъ, такою безусловною популярностью. Гладстона всѣ знали; во всѣхъ укромныхъ уголкахъ Англіи можно было встрѣтить его портреты; каррикатуры, изображающія его въ разныхъ видахъ, распространены были повсюду и даже въ рекламахъ постоянно встрѣчалось его имя. Онъ такъ



Гладстонъ въ рабочемъ кабинетѣ въ Говарденѣ.
(Портретъ послѣдняго времени).



много произнесъ рѣчей въ теченіе своей, болѣе чѣмъ 60-тилѣтней политической дѣятельности, такъ много путешествовалъ по странѣ, что врядъ ли найдется какой нибудь англичанинъ, который бы не встрѣтилъ его хоть разъ въ своей жизни.

Ни одинъ изъ прежнихъ и нынѣшнихъ ораторовъ палаты общинъ не могъ соперничать съ Гладстономъ въ силѣ и убѣдительности краснорѣчія, никто лучше его не умѣлъ говорить къ толпѣ, дѣйствовать на нее. Но у Гладстона было то, чего нѣтъ у огромнаго большинства ораторовъ—онъ былъ убѣжденнымъ человѣкомъ. Ему случалось порою защищать и поддерживать въ палатѣ общинъ, въ сравнительно короткій промежутокъ времени, самыя противоположные тезисы, но всегда, когда онъ защищалъ какой-нибудь тезисъ, онъ былъ искренно и глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ и не стѣснялся открыто и громко признавать ошибочность своихъ прежнихъ взглядовъ и сужденій. Свои убѣжденія онъ черпалъ въ своемъ глубокомъ знаніи вещей и людей, въ своей глубокой религіозности, носившей даже нѣсколько наивный характеръ. Эта чрезмѣрная религіозность, быть можетъ, во всякомъ другомъ казалась бы смѣшной, но въ Гладстонѣ наивная вѣра внушала всѣмъ только почтительное чувство.

Вильямъ Эвартъ Гладстонъ родился въ купеческой семьѣ, въ Ливерпулѣ, 29-го декабря 1809 года. Отецъ его принималъ дѣятельное участіе въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ страны и даже былъ членомъ парламента въ теченіе девяти лѣтъ, что не мѣшало ему заниматься торговыми дѣлами. У него были большія сахарныя плантаціи въ Вестъ-Индіи, обрабатывавшіяся рабами, и это обстоятельство чуть было не испортило карьеры Гладстона, когда онъ выступилъ на политическую арену.

Въ семьѣ Гладстона господствовали консервативныя убѣжденія и отецъ Вильяма былъ очень друженъ съ Каннингомъ, котораго поддерживалъ на выборахъ въ парламентъ; Каннингъ былъ сторонникомъ умѣренныхъ реформъ и стоялъ во главѣ партіи, которая въ то время носила названіе либерально-консервативной. Эти политическіе взгляды, при обсужденіи которыхъ Гладстонъ присутствовалъ еще мальчикомъ, несомнѣнно оказывали вліяніе на складъ его понятій. Въ двѣнадцать лѣтъ Гладстонъ былъ уже посвященъ отцомъ въ различныя злобы дня и отецъ, очень довольный любознательностью мальчика, уже съ этихъ лѣтъ началъ его политическое воспитаніе, Гладстонъ былъ отданъ въ пресловутую итонскую школу, откуда поступилъ въ оксфордскій университетъ. Пребываніе въ школѣ и университетѣ могли только укрѣпить и еще болѣе развить въ немъ консервативныя убѣжденія. Самъ онъ говорилъ впослѣдствіи, что онъ не вынесъ оттуда уваженія «къ вѣчнымъ и незыблемымъ принципамъ человѣческой свободы». Въ обоихъ учебныхъ заведеніяхъ господствовало, по словамъ самого Гладстона, нѣсколько подозрительное отношеніе къ этимъ принципамъ. Въ университетѣ былъ особенно сильно развитъ церковный духъ, преклоненіе передъ авторитетами церкви и принципы обязательной нравственности, въ смыслѣ ученія отцовъ церкви. Гладстонъ, чрезвычайно интересовавшійся теологическими науками и классической литературой, очень усердно посѣщалъ лекціи всѣхъ профессоровъ богословія и изучалъ богословскія сочиненія. Очень понятно, что по выходѣ изъ университета онъ пожелалъ избрать духовную карьеру, но отецъ его воспротивился этому, понимая, что его талантамъ нужно дать болѣе широкій просторъ, и видя въ немъ восходящую звѣзду своей партіи, нуждавшейся въ энергичныхъ и способныхъ дѣятеляхъ. Въ виду этого Гладстонъ-отецъ предложилъ сыну, прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о карьерѣ, предпринять путешествіе на континентъ. Разсчетъ оказался вѣрнымъ. Будучи въ Италіи, Гладстонъ получилъ отъ герцога Ньюкастльскаго, сынъ котораго былъ его товарищемъ по университету, предложеніе выступить кандидатомъ отъ торійской партіи на выборахъ въ парламентъ. Молодого Гладстона соблазнила эта

перспектива и онъ далъ свое согласіе. Во время избирательной кампаніи онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими рѣчами и тогда-то Маколей и назвалъ его надеждой торійской партіи. Въ 1832 году, когда Гладстонъ вступилъ въ парламентъ, британская аристократія боролась за сохраненіе своихъ главныхъ привилегій, которыми обусловливалось ея вѣковое господство въ Англіи. Къ числу этихъ привилегій принадлежало наслѣдственное землевладѣніе и охранительныя хлѣбныя пошлины, создававшія искусственно высокія цѣны на хлѣбъ. Отмѣна этихъ пошлинъ стояла на очереди въ виду все усиливающагося недовольства въ народѣ, представители котораго возлагали надежду на то, что новый парламентъ, въ составъ котораго вступилъ и Гладстонъ, проведетъ реформу хлѣбныхъ законовъ.

Гладстонъ выступилъ въ парламентѣ защитникомъ интересовъ реакціи и даже настолько, что первая его вступительная рѣчь, такъ-называемая «Maiden speech» въ парламентѣ, была сказана имъ въ защиту рабовладѣльчества въ англійскихъ колоніяхъ и свои взгляды Гладстонъ подкрѣплялъ цитатами изъ Библіи, доказывая, что рабовъ-негровъ прежде, надо освободить нравственно, т. е. обратить ихъ въ христіанство и затѣмъ уже даровать имъ физическую свободу и гражданскія права. Точно также высказался Гладстонъ и относительно Ирландіи, которую предполагалось умиротворить чуть ли не введеніемъ военнаго положенія. Все, что говорилъ Гладстонъ, было проникнуто ретроградными и клерикальными воззрѣніями, но рѣчи его были всегда такъ блестящи, дышали такою искренностью и убѣжденностью, что невольно производили благопріятное впечатлѣніе и молодой ораторъ сразу занялъ въ парламентѣ выдающееся мѣсто.

Маколей ошибся, прозрѣвая въ Гладстонѣ будущій оплотъ торійской партіи, но онъ не ошибся, предсказывая ему громкую будущность. Уже черезъ два года послѣ избранія Гладстона въ парламентъ, Робертъ Пиль, при образованіи новаго министерства, назначилъ его младшимъ лордомъ казначейства, а затѣмъ скоро перемѣстилъ его на высшую должность статсъ-секретаря по министерству колоній. Послѣ паденія министерства, Гладстонъ занялъ мѣсто въ рядахъ оппозиціи и все свое свободное время началъ посвящать изученію классической и древней литературы и твореніямъ св. Августина. Его въ особенности занималъ тогда вопросъ объ отношеніяхъ церкви къ государству и результатомъ этого изученія явилась его книга, «The state in its relations to the Church» (Государство въ своихъ отношеніяхъ къ церкви), которую онъ впослѣдствіи самъ назвалъ ошибкою молодости и которая вызвала появленіе рѣзкой критики, написанной Маколеемъ въ Эдинбургскомъ обозрѣніи. Къ этому же времени относится и выступленіе Гладстона въ качествѣ выдающагося финансиста, такъ какъ онъ выработалъ замѣчательный проектъ реформы тарифа.

Гладстону было только 33 года, когда онъ сдѣлался членомъ кабинета Роберта Пиля, опять вступившаго въ управленіе министерствомъ. Въ то время, благодаря неурожайнымъ годамъ, страна находилась въ очень печальномъ экономическомъ положеніи. Вопросъ о хлѣбныхъ пошлинахъ назрѣлъ до такой степени, что министерству Пиля, вопреки воззрѣніямъ своей партіи, пришлось провести либеральную реформу отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ. Гладстонъ принялъ самое дѣятельное участіе въ преніяхъ по этому вопросу и, несмотря на свои консервативные взгляды, со свойственною ему искренностью перешелъ на сторону приверженцевъ этой реформы.

Мало-по-малу изъ убѣжденнаго протекціониста, какимъ былъ прежде Гладстонъ, онъ превратился въ такого же убѣжденнаго сторонника свободы промышленности и торговли. Такая же эволюція совершилась и въ другихъ воззрѣніяхъ Гладстона, онъ постепенно освобождался отъ тѣхъ рутинныхъ взглядовъ, которые были навязаны ему его воспитаніемъ. Только въ вопросахъ нравственности и по отношенію къ религіи онъ сохранилъ на всю жизнь свои

пуританскія воззрѣнія и вотируя, напримѣръ, допущеніе евреевъ въ парламентъ, что возмутило до крайности чопорную англійскую аристократію, онъ продолжалъ возставать противъ разрѣшенія браковъ со свояченицами, считая это грѣхомъ, возставалъ противъ разводовъ и вообще въ вопросахъ нравственности и семейныхъ добродѣтелей не допускалъ никакихъ компромиссовъ и послабленій. Это въ особенности рѣзко выразилось въ его отношеніяхъ къ Парнеллю послѣ знаменитаго процесса О'Ши. Обвиненный въ прелюбодѣяніи, Парнелль не могъ, по мнѣнію Гладстона, оставаться предводителемъ партіи, и Гладстонъ, какъ извѣстно, категорически объявилъ, что онъ порываетъ всякія сношенія съ ирландской партіей, если во главѣ ея останется Парнелль.

Когда Гладстонъ изъ протекціониста сдѣлался сторонникомъ свободы промышленности и торговли, то разумѣется торійская партія возненодовала на него. Но онъ возмутилъ ее еще болѣе, высказавъ свои новыя воззрѣнія на международную политику и заявивъ, что великою миссіей Англіи, какъ цивилизованнаго государства, должно быть «возстановленіе среди народовъ принциповъ братства и независимости».

На эту эволюцію политическихъ воззрѣній Гладстона оказало большое вліяніе пребываніе его въ Италіи, куда онъ поѣхалъ для излѣченія своей больной дочери. До глубины души возмущенный ужаснымъ состояніемъ цѣлаго государства, злоупотребленіями, произволомъ и насиліями, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, Гладстонъ написалъ двѣ обличительныя статьи, въ видѣ двухъ открытыхъ писемъ къ лорду Эбердину, тогдашнему министру-президенту. Въ нихъ онъ описывалъ все, чему былъ свидѣтелемъ, и взывалъ къ общественному мнѣнію Англіи. Письма произвели очень сильное впечатлѣніе, и, быть можетъ, до нѣкоторой степени содѣйствовали освобожденію неаполитанцевъ. И для Гладстона пребываніе въ Италіи и знакомство съ итальянскими политическими узниками не могло пройти безслѣдно и, безъ сомнѣнія, содѣйствовало его дальнѣйшей эволюціи. Моментомъ окончательнаго разрыва Гладстона съ консервативною партіей надо считать 1852 годъ, когда онъ отказался вступить въ кабинетъ Дизраэли, впослѣдствіи лорда Биконсфильда. Этотъ послѣдній представлялъ рѣзкій контрастъ съ Гладстономъ во всемъ. Всегда искренній и убѣжденный, Гладстонъ не могъ выносить политическихъ передержекъ Дизраэли, его безпринципности, его готовности жертвовать всѣмъ ради выгоды своей партіи и личнаго честолюбія; замѣчательно, что и жизненная карьера обоихъ была прямо противоположна: Гладстонъ началъ консерваторомъ и кончилъ либераломъ; Дизраэли же выступалъ сначала въ качествѣ яраго радикала и перешелъ въ консервативный лагерь.

Разочарованіе консервативной партіи въ Гладстонѣ повело къ тому, что его кандидатура перестала поддерживаться на выборахъ консерваторами. Оксфордъ, представителемъ котораго онъ былъ въ парламентѣ, также рѣшилъ забаллотировать его на выборахъ, такъ какъ оксфордскіе клерикалы не могли простить ему его заявленія въ пользу отдѣленія церкви отъ государства въ Ирландіи. Благодаря такому поступку Оксфорда, Гладстонъ почувствовалъ себя совершенно свободнымъ, мнѣнія избирателей до нѣкоторой степени связывали его; теперь же эти узы спали съ него, и эволюція его пошла быстрѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала все болѣе и болѣе возрастать его популярность среди рабочихъ классовъ, такъ что когда его забаллотировали въ Ланкаширѣ, то онъ былъ избранъ въ Гриничѣ, преимущественно рабочемъ округѣ. Въ 1868 году онъ впервые сталъ во главѣ министерства и произвелъ нѣсколько очень важныхъ реформъ, къ числу которыхъ принадлежатъ: отдѣленіе церкви отъ государства въ Ирландіи, ирландскій земельный актъ, введеніе обязательнаго и свѣтскаго народнаго образованія, отмѣна покупки должностей въ арміи (прежде въ Англіи высшія военныя должности всегда покупались и, слѣдовательно, ихъ

могли занимать только богатые люди, смотрѣвшіе на это мѣсто, какъ на свою собственность) и замѣна этой продажи экзаменомъ и выслугою лѣтъ, и многое другое, что еще болѣе возстановило противъ него его прежнихъ сторонниковъ. Но послѣ паденія своего перваго кабинета Гладстонъ вдругъ отстранился отъ активной политической дѣятельности, заявивъ, что усталъ и что послѣ 60-ти лѣтъ уже ни одному первому министру не удавалось совершить ничего выдающагося. Однако онъ слишкомъ втянулся въ политическую жизнь, чтобы удовлетвориться изученіемъ Гомера и греческихъ классиковъ (къ этому времени относится его трудъ о Гомерѣ), бесѣдами съ случайными посѣтителями и рубкою деревьевъ въ паркѣ Говардена, чѣмъ онъ занимался въ свободное время. Въ 1876 году онъ снова вернулся къ активной дѣятельности, издавъ свою знаменитую брошюру «Болгарскіе ужасы». Дизраэли склонялся болѣе въ пользу Турціи и Гладстонъ выступилъ энергичнымъ противникомъ его восточной политики. На выборахъ 1880 года либеральная партія одержала побѣду и эти выборы ознаменовались необычайно энергичною избирательною кампаніей, которую велъ Гладстонъ, и массою блестящихъ рѣчей, произнесенныхъ шестидесятилѣтнимъ ораторомъ. Однако королева все-таки не сразу согласилась назначить Гладстона первымъ министромъ и сначала поручила составить новый кабинетъ Гартингтону, а затѣмъ Гранвиллю и когда ни тому, ни другому это не удалось, то королева волей-неволей поручила это Гладстону.

Второе министерство Гладстона просуществовало до 1885 года и преимущественно занято было внѣшними дѣлами, введеніемъ новой избирательной реформы и ирландскими дѣлами. Замѣчательно, что ирландскія реформы всегда составляли камень преткновенія для всѣхъ министерствъ Гладстона, и на этотъ разъ оно также споткнулось на этой же реформѣ. Аграрный законъ, проведенный Гладстономъ въ 1870 году въ Ирландіи, не произвелъ никакого улучшенія въ положеніи страны. Аграрныя преступленія продолжались и репрессаліи только усиливали протесты. Но Гладстонъ стоялъ за примирительную политику и вступилъ въ переговоры съ вождями ирландскаго движенія, впервые рѣшивъ представить проектъ ирландскаго «Home rule'я». Но одно упоминаніе объ этомъ вызвало кризисъ; министерство Гладстона пало въ 1885 году и лордъ Салисбюри замѣнилъ его у власти. Въ либеральной партіи произошелъ расколъ и часть ея членовъ отпала, образовавъ новую партію либераловъ-уніонистовъ. Однако министерство Салисбюри просуществовало всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ и въ 1886 году, вслѣдствіе присоединенія къ нему ирландской партіи, Гладстонъ снова сталъ во главѣ министерства. Это третье министерство Гладстона, поставившее своею главною задачею дарованіе Ирландіи гомруля, было опять свергнуто, такъ какъ палата общинъ отвергла ирландскую реформу. Наступилъ періодъ продолжительнаго господства лорда Салисбюри, Гладстонъ же перешелъ въ оппозицію.

Въ 1892 году Гладстонъ въ четвертый разъ очутился у власти и въ 1893 году представилъ свой проектъ гомруля. Несмотря на свой уже преклонный возрастъ Гладстонъ принималъ самое дѣятельное участіе въ политической жизни и энергически отстаивалъ необходимость дарованія Ирландіи самоуправленія. Ему удалось провести знаменитый ирландскій билль въ палатѣ общинъ, но палата лордовъ энергически возстала противъ него и онъ былъ отвергнутъ. Тогда въ странѣ начался настоящій походъ противъ палаты лордовъ, но такъ какъ коллеги Гладстона отказались слѣдовать за нимъ на этомъ пути и Гладстонъ видѣлъ, что его ирландской реформѣ опять грозитъ неуспѣхъ, то онъ и рѣшилъ, на этотъ разъ уже окончательно, сойти со сцены политической жизни подъ предлогомъ ослабленія зрѣнія и слуха. Нѣсколько времени спустя ему дѣйствительно была сдѣлана операція снятія катаракты на правомъ глазу, но тѣмъ не менѣе онъ уже болѣе не появлялся на политическомъ по-

прищѣ и только изрѣдка нарушалъ молчаніе, выступая, какъ всегда, защитникомъ угнетенныхъ народностей. Въ 1896 году онъ обратился съ горячимъ воззваніемъ въ пользу армянъ, причемъ заклеймилъ султана названіемъ убійцы. Это было его лебединою пѣснью и послѣ того онъ уже болѣе не выступалъ публично, исключительно посвятивъ себя своей семьѣ и своимъ книгамъ.

Гладстонъ написалъ очень много статей по богословію и философіи религіи, но любимымъ предметомъ его литературныхъ занятій были поэты-классики и въ особенности Гомеръ, которому онъ посвятилъ очень обширное изслѣдованіе. Кромѣ того, Гладстонъ написалъ цѣлый рядъ статей по различнымъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ и на различныя злобы дня, а также велъ весьма горячую полемику съ Гексли по вопросу объ отношеніяхъ между наукою и религіей.

Несмотря на усвоенныя, благодаря воспитанію, воззрѣнія, Гладстонъ всегда относился критически къ тѣмъ взглядамъ, которыхъ держалась консервативная партія, и не побоялся открыто сознаться въ ошибочности своихъ прежнихъ взглядовъ, когда совершился переворотъ въ его политическихъ убѣжденіяхъ и идеалахъ. Его переходъ въ ряды либеральной партіи явился результатомъ продолжительной внутренней работы и жажды разрѣшить возникшія сомнѣнія.

Въ 1885 году королева пожелала возвести его въ достоинство пэра, но онъ отказался и сошелъ въ могилу безъ всякаго титула, какъ жилъ! Имя, которое онъ оставилъ потомству, лучше и славнѣе всякаго титула.

Микель и Рихардъ Вагнеръ въ роли героевъ 1848 года. Германская печать, по случаю празднованія юбилея 1848 года, помѣщаетъ различные отрывки изъ воспоминаній о берлинскихъ волненіяхъ, представляющіе тотъ интересъ въ данную минуту, что нѣтъ почти ни одной изъ существующихъ политическихъ партій въ Германіи, въ рядахъ которой нельзя было бы найти бывшихъ дѣятелей 1848 года. Газеты, отрывая прошлое того или другого изъ нынѣшнихъ государственныхъ людей Германіи, весьма ловко иногда сопоставляютъ ихъ *прежніе* взгляды съ *нынѣшними*. Въ особенности это произвело эффектъ, когда на сцену былъ выведенъ Микель, нынѣшній министръ и по всей вѣроятности будущій канцлеръ. Микель принадлежитъ къ числу знаменитыхъ «показавшихся», которыя, избѣжавъ казни или тюрьмы, въ концѣ концовъ становятся ближайшими совѣтниками правительства. Таковъ былъ Андраши, таковъ Криспи. Впрочемъ, какъ замѣчаютъ нѣкоторыя изъ германскихъ газетъ, случай съ Микелемъ носитъ нѣсколько опереточный характеръ.

Это было въ Гейдельбергѣ, Микель, тогда студентъ гейдельбергскаго университета, принадлежалъ къ числу самыхъ пылкихъ и нетерпѣливыхъ представителей «молодой Германіи». Онъ и его пріятель, будущій знаменитый писатель Готфридъ Келлеръ, находившій, что онъ въ качествѣ швейцарца долженъ стоять за свободу, рѣшили отправиться во Франкфуртъ, чтобы напомнить франкфуртскому парламенту о его обязанностяхъ и устроить вооруженную демонстрацію. Захвативъ свои рапиры, и собравъ товарищей, они сѣли на поѣздъ, отходящій во Франкфуртъ. Сначала все шло какъ по маслу... до Дармштадта, и они уже заранѣе предвкушали славу и побѣду. Но въ Дармштадтѣ вагоны, въ которыхъ они находились, были отцѣплены и поставлены на запасный путь и, кромѣ того, кондуктора заперли ихъ на ключъ и тутъ только товарищи замѣтили, что они находятся въ плѣну. Такъ продолжалось нѣкоторое время и терпѣніе ихъ уже начало истощаться, когда вдругъ они замѣтили, что рабочіе катятъ боченки съ пивомъ и укладываютъ ихъ на платформѣ какъ разъ противъ вагона, гдѣ находились изнывающіе отъ нетерпѣнія, жары и жажды заключенные. На крикъ ихъ и зовъ никто не обращалъ вниманія и рабочіе преспокойно удалились, сдѣлавъ свое дѣло.

Наконецъ, на платформѣ показался офицеръ и, обратившись къ студентамъ, насмѣшливымъ тономъ, предложилъ имъ идти на капитуляцію. Если они согласны, то имъ откроютъ двери вагоновъ и откупорятъ для нихъ боченки съ пивомъ и, освѣжившись, они могутъ преспокойно вернуться къ своей веселой университетской жизни. Такъ какъ ихъ планъ сдѣлался извѣстенъ, то, конечно, они могутъ быть увѣрены, что ихъ не допустятъ во Франкфуртъ, ни въ какомъ случаѣ, сказалъ офицеръ. Имъ предоставляется выборъ: капитуляція и боченки съ пивомъ или же насильственное возвращеніе восвояси. Что было дѣлать, какъ бороться противъ роковой судьбы, жажды и гессенъ-дармштадтскаго правительства? Поразмысливъ, Микель и его товарищи крикнули: «Мы уступаемъ силѣ!» Офицеръ улыбнулся, приказалъ откупорить боченки съ пивомъ и проектированная демонстрація закончилась угощеніемъ и возвращеніемъ восвояси. Этимъ только и выразилось участіе Микеля въ революціи 1848 года. «Чѣмъ же виноваты Микель и Готфридъ Келлеръ,—восклицаетъ одна изъ газетъ,—что имъ не удалось пострадать за идею и въ то время, когда другіе проливали свою кровь, онъ долженъ былъ распивать пиво—только пиво тиранія!»

Не очень-то пріятны будущему германскому канцлеру такія ретроспективныя воспоминанія и, конечно, они должны были подбавить горечи въ то пиво, которое онъ теперь распиваетъ. Любопытны также воспоминанія другого германскаго писателя Стефана Борна, принимавшаго участіе въ саксонской революціи и описывающаго свою встрѣчу съ Рихардомъ Вагнеромъ въ такой моментъ, когда каждый думалъ только о своемъ спасеніи. Вагнеръ былъ гораздо серьезнѣе замѣшанъ въ движеніи 1848 года, нежели Микель, и, повидимому, искренно увлекался. Въ самый разгаръ отступленія онъ все-таки продолжалъ вѣрить въ побѣду. Вотъ что пишетъ по этому поводу Стефанъ Борнъ:

«Когда я пріѣхалъ во Фрейбургъ и пришелъ къ Гейбнеру, единственному изъ членовъ временного правительства, который оставался въ ратушѣ до тѣхъ поръ, пока не было скомандовано отступленіе, то нашелъ тамъ нѣсколько человѣкъ, совершенно мнѣ неизвѣстныхъ, и одинъ изъ нихъ, молодой энтузіастъ, бросился мнѣ на шею съ восклицаніемъ: «Нѣчто не погибло, о нѣтъ! Молодежь, о молодежь! она съумѣетъ все исправить, все спасти!»

«Это былъ Рихардъ Вагнеръ. Что могло побудить придворнаго королевскаго капельмейстера настолько скомпрометировать себя участіемъ въ революціи, чтобы быть вынужденнымъ искать спасенія въ бѣгствѣ—до сихъ поръ для меня неясно. Я даже ни разу не разспрашивалъ объ этомъ Вагнера. Впрочемъ, саксонскому двору особенно не везло въ этомъ отношеніи и онъ потерялъ нѣсколькихъ артистовъ, замѣшанныхъ въ майской революціи. Музыкальный директоръ Гекель былъ раненъ въ ногу и арестованъ; онъ вмѣстѣ съ Гейбнеромъ впослѣдствіи былъ заключенъ въ тюрьму.

«Я изложилъ свой планъ: попробовать организовать сопротивленіе во Фрейбургѣ, но Гейбнеръ просилъ меня отказаться отъ этого намѣренія и избавить его родной городъ отъ такой опасности. Гейбнеръ, Вагнеръ и другіе намѣревались отправиться въ Хемницъ и оттуда далѣе.

«Мы пожали другъ другу руки. Я вернулся къ своимъ вооруженнымъ волонтерамъ и нашелъ среди нихъ Бакунина, который старался убѣдить меня перейти границу и отправиться въ Богемію, вмѣстѣ со своими приверженцами. «Вы съ ума сошли,—сказалъ я ему.—Мы отправимся въ Богемію къ вашимъ друзьямъ чехамъ, которые предложили свои услуги реакціи?»—«Мало ли что,—сказалъ онъ.—Васъ тамъ встрѣтятъ съ распростертыми объятіями».—«Да, да,—возразилъ я.—Знаю, какъ насъ примутъ; насъ выдадутъ австрійскому правительству».

«На этомъ мы разстались. Я посовѣтовалъ всѣмъ майскимъ борцамъ, явившимся сюда изъ Дрездена, отправиться домой, но только маленькими группами.

Всѣ находились въ подавленномъ настроеніи духа; сознаніе пораженія дѣйствовало угнетающимъ образомъ на всѣхъ. «Умоляю васъ, не останавливайтесь въ Хемницѣ въ отелѣ!» крикнулъ я имъ на прощаніе. Гейбнеръ и Бакунинъ поступили какъ разъ наоборотъ и въ туже ночь были арестованы и затѣмъ выданы пруссакамъ. Но Вагнеръ послушался совѣта и остановился у своей сестры, вслѣдствіе чего избѣжалъ общей участи».

Такимъ образомъ будущій совѣтникъ и приближенный короля Людовика баварскаго былъ спасенъ отъ кары и этимъ, повидимому, завершилась для него эра увлеченій.

Американское войско. Соединенные Штаты, объявившіе, по мнѣнію многихъ компетентныхъ военныхъ авторитетовъ, такъ необдуманно войну Испаніи, рѣзко отличаются своею военною организаціей отъ всѣхъ европейскихъ государствъ, и поэтому неудивительно, что въ европейской печати много говорятъ объ ихъ неподготовленности къ войнѣ, да и въ нѣкоторыхъ американскихъ газетахъ, отличающихся воинственнымъ пыломъ, говорится то же самое и требуется безотлагательная военная реформа, противъ которой, какъ выражается одна изъ такихъ же газетъ—«Sun», могутъ возставать развѣ только «выродившіеся приверженцы мира во что бы то ни стало!»

По счастью для американской націи, далеко не всѣ раздѣляютъ эти взгляды, и врядъ ли возможна дѣйствительная милитаризація этого свободнаго народа. Изъ предшествующей исторіи его видно, что американскую націю можетъ охватывать воинственный пылъ, и всѣ, старъ и малъ, хватаются за оружіе. Но отсюда до превращенія ея въ вооруженную націю, каковы всѣ европейскія, еще далеко.

Сухопутныя силы великой сѣверной республики заключаются, съ одной стороны, въ постоянной регулярной арміи, численность которой опредѣляется конгрессомъ, и, съ другой стороны, изъ провинціальной милиціи или «National guarde», какъ ее называютъ, которая вербуется въ каждомъ штатѣ отдѣльно среди обитателей этого штата и со спеціальною цѣлью, интересующей этотъ штатъ.

Регулярная армія въ мирное время, согласно резолюціи конгресса, не должна превышать численности 25.710 солдатъ и 2.147 офицеровъ. Въ 1896 году вооруженныя силы Соединенныхъ Штатовъ состояли изъ 25.420 человѣкъ. Продолжительность службы: пять лѣтъ, причемъ предоставляется полное право каждому возобновлять свои обязательства на разные сроки. Въ ряды арміи записываются добровольно всѣ тѣ, кто предпочитаетъ быть солдатомъ, нежели рабочимъ и т. п., или чувствуетъ особое влеченіе къ военному искусству. Кадры этой маленькой арміи и ея главный штабъ пополняются спеціальною военною школой «West Point», представляющей нѣкоторое отдаленное сходство съ знаменитой Сенсирской школой. Срокъ ученія въ ней—четыре года и число учениковъ, которые должны быть не моложе 17 и не старше 22 лѣтъ, ограничено 371.

Эта ничтожная регулярная армія въ сущности предназначается главнымъ образомъ для полицейской службы. Ее посылаютъ всюду, гдѣ только нужно бываетъ кого-нибудь усмирить, индѣйцевъ ли или рабочихъ, или вообще какое-нибудь другое волненіе или возмущеніе, могущее нарушить спокойствіе великой республики.

Въ обыкновенное время напрасно было бы искать въ городахъ или гдѣ-нибудь по близости отрядовъ этой арміи. Ее нигдѣ не видно, такъ какъ она большею частью бываетъ разсѣяна на границѣ, по близости индѣйскихъ племенъ, за которыми она обязана слѣдить. Но какъ только была объявлена война съ Испаніей, то немедленно всю армію сосредоточили въ Чиккамангѣ, въ штатѣ Тенесси, гдѣ устроенъ былъ обширный лагерь, чтобы оттуда переправить ее въ Тампу для отправленія на Кубу.

Рядомъ съ этою миніатюрною арміей въ странѣ существуетъ, какъ мы уже сказали, милиція или національная гвардія. Численность ея въ 1896 году состояла, приблизительно изъ 104.000 солдатъ и 9.227 офицеровъ, распредѣленныхъ по различнымъ штатамъ, сообразно численности населенія каждаго изъ нихъ. Но это лишь въ мирное время; въ военное же время, согласно постановленію конституціи, призываются къ оружію всѣ граждане отъ 18 до 45 лѣтъ, и такимъ образомъ, въ случаѣ опасности, Соединенные Штаты должны располагать арміей въ 10.149.596 человѣкъ. Большинство входящихъ въ составъ этой милиціи — молодые люди, которые все утро бываютъ заняты въ мастерскихъ, конторахъ, магазинахъ или слушаютъ лекціи въ коллегіяхъ или университетахъ и т. п., а вечеромъ отправляются въ фехтовальную школу или въ разныя другія учрежденія, гдѣ они обучаются владѣть оружіемъ и разнымъ другимъ военнымъ артикуламъ. Въ странѣ, гдѣ господствуетъ пристрастіе ко всякаго рода физическимъ упражненіямъ и играмъ на открытомъ воздухѣ, ко всякаго рода спорту, молодежь съ величайшею охотой посвящаетъ свободное отъ занятій время военнымъ упражненіямъ и облачается въ военный мундиръ, образуя свободные отряды, гдѣ, несмотря на военный мундиръ, господствуетъ все тотъ же парламентскій режимъ и солдаты путемъ голосованія выбираютъ своихъ начальниковъ и рѣшаютъ различные вопросы, касающіеся организаціи отрядовъ и т. д. Точно также, когда правительство обращается съ призывомъ къ оружію, милиціонеры собираются и рѣшаютъ большинствомъ голосовъ, какой отвѣтъ надо дать на это воззваніе и слѣдуетъ ли браться за оружіе, т. е. заслуживаетъ ли сочувствія то дѣло, ради котораго созывается милиція.

Организація милицій представляетъ ту особенность, что она имѣетъ въ виду главнымъ образомъ лишь интересы внутренней обороны одного или нѣсколькихъ штатовъ; внѣшняя же война составляетъ уже нѣчто выходящее изъ ряда и поэтому при началѣ испано-американской войны можно было присутствовать при весьма любопытномъ зрѣлищѣ, въ особенности странномъ для старой милитаристской Европы. Всѣ милиціонеры-солдаты приглашены были закрытымъ голосованіемъ рѣшить, должны они или нѣтъ принять участіе въ войнѣ, для которой ихъ призывали. Между прочимъ, одинъ изъ такихъ полковъ подавляющимъ большинствомъ высказался противъ войны и отказался идти на призывъ. Тутъ ужъ ничего нельзя было сдѣлать и, несмотря на ожесточенную полемику въ газетахъ, возбужденную такимъ поведеніемъ полка, милиціонеры все-таки остались при своемъ рѣшеніи. Этотъ фактъ заставилъ многихъ американскихъ публицистовъ заговорить о необходимости военной реорганизаціи и образованія болѣе многочисленной и лучше обученной арміи, мобилизація которая не ложилась бы такъ тяжело на бюджетъ государствъ въ виду лучшей подготовленности, какъ ложится теперь эта поспѣшная организація милиціи.

Впрочемъ, надо сказать, что случаи такого категорическаго отказа милиціонеровъ идти на войну бываютъ крайне рѣдко. Въ одномъ изъ штатовъ рабочіе отказались идти на призывъ, но тутъ вмѣшались работницы, заклеймившія ихъ названіемъ трусовъ и образовавшія отрядъ женской милиціи на случай нужды. Это обстоятельство такъ подѣйствовало на рабочихъ, что они тотчасъ же отправились въ лагерь. Вообще же воинственный пылъ легко охватываетъ американскую націю, и нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на полное отсутствіе милитаризма, она все-таки съумѣетъ постоять за себя, когда это будетъ нужно.

Женское движеніе въ Индіи. Во французскомъ феминистскомъ органѣ «Avant Courrière», редакторомъ котораго состоитъ m-elle Шиаль, сообщаются довольно любопытныя свѣдѣнія объ успѣхахъ женскаго движенія среди индусскихъ женщинъ. Оказывается, что индусскія женщины дѣлаютъ весьма быстрые успѣхи. Первая женская школа была основана въ Бомбеѣ въ 1849 году и до

тѣхъ поръ индусскія женщины пребывали въ самомъ полномъ невѣжествѣ и только молодыя дѣвушки высшихъ классовъ обучались немного грамотѣ, да выучивались считать. Этимъ и ограничивались всѣ ихъ познанія. Что касается иностранныхъ языковъ, то, разумѣется, онѣ ихъ не знали ни одного и даже не умѣли говорить ни на какомъ языка, кромѣ своего мѣстнаго діалекта. но спустя тридцать лѣтъ послѣ открытія этой школы въ Индіи уже можно встрѣтить много образованныхъ индусокъ и даже такихъ, которыя имѣютъ ученыя степени, докторовъ медицины и т. д.

Можно себѣ представить, какую громадную сенсацію должно было произвести появленіе въ медицинской коллегіи въ Мадрасѣ первой индусской студентки! Это было настоящимъ великимъ событіемъ, громаднымъ переворотомъ въ странѣ, въ которой, согласно вѣковымъ традиціямъ, женщина должна была вести замкнутую жизнь и не смѣла появляться публично. Но вотъ нашлась одна смѣлая индуска, которая рѣшилась нарушить эти вѣковыя традиціи и переступить порогъ коллегіи, посѣщаемой лишь молодежью мужского пола, да нѣсколькими англичанками, пожелавшими избрать медицинскую профессію. Неожиданное появленіе индуски подъ покрываломъ, которое она не рѣшилась снять среди разнокалиберной студенческой молодежи, произвело цѣлый скандалъ. Почти все населеніи Индіи, приверженное, какъ это почти всюду наблюдается среди народныхъ массъ, обычаямъ старины, пришло по этому поводу въ сильнѣйшее волненіе, видя въ этомъ потрясеніе основъ, признаки гибели древняго общества и т. д., и т. д. Но нашлись все-таки и въ индусскомъ обществѣ такіе смѣлые умы, которые стали доказывать, что индусскимъ женщинамъ даже необходимо изучать медицину, чтобы подавать помощь своимъ больнымъ сестрамъ, къ которымъ не допускаются мужчины-врачи, лишь въ крайнихъ случаяхъ получающіе дозволеніе пощупать пульсъ больной или посмотрѣть у нея языкъ, просунутый въ отверстіе въ занавѣси.

Завязалась горячая борьба между приверженцами старыхъ традицій и сторонниками прогресса, но индусскія женщины выказали, совершенно неожиданно для всѣхъ, необыкновенныя энергію и настойчивость и, благодаря именно такимъ чертамъ характера индусокъ, въ Индіи теперь есть, рядомъ съ европейскими женщинами-врачами, и туземныя женщины-врачи.

Труденъ былъ только первый шагъ. Въ настоящее время индуски заявляютъ о себѣ не только въ области медицинской профессіи. Между ними есть много писательницъ и журналистокъ и уже въ 1888 году былъ основанъ женскій періодическій органъ «Stri mìra» (другъ женщинъ), въ которомъ сотрудничали только женщины. Органъ этотъ, существующій и до сихъ поръ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ и очень популяренъ среди низшихъ классовъ, такъ какъ преимущественно обращается къ женщинамъ народа, стараясь внушить имъ стремленія къ образованію и любовь къ литературѣ.

Число различныхъ женскихъ школъ въ Индіи возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Въ началѣ мужская часть населенія Индіи была нѣсколько встревожена такимъ черезчуръ уже быстрымъ прогрессомъ женской эмансипаціи и опасалась, да и теперь еще опасается за потрясеніе семейныхъ основъ и традицій и гибель семейныхъ добродѣтелей. Но въ этомъ отношеніи индусскіе мужчины слѣдуютъ только примѣру своихъ европейскихъ собратьевъ, которые также склонны видѣть въ женской эмансипаціи грозную опасность для семьи и ея вѣковыхъ основъ.

Этическое движеніе въ Германіи. Германское общество этической культуры, основанное пять лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ, въ настоящее время имѣетъ уже десять развѣтвленій: въ Магдебургѣ, Бреславлѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Мюнхенѣ, Фрейбургѣ, Страсбургѣ, Кенигсбергѣ, Іенѣ, Килѣ и Ульмѣ. Развитіе

этическаго движенія совершается неодинаково во всѣхъ этихъ городахъ и, конечно, находится въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, но, тѣмъ не менѣе, члены каждаго изъ этихъ обществъ вездѣ стремятся къ осуществленію однихъ и тѣхъ же идеаловъ и цѣлей, поставленныхъ въ основу этого движенія.

Этическое общество въ Германіи, существующее при очень трудныхъ условіяхъ, сосредоточиваетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на слѣдующихъ двухъ пунктахъ: на соціальномъ и религіозно-нравственномъ положеніи страны. Въ первомъ случаѣ стремленія общества направлены, главнымъ образомъ, къ устраненію закоренѣлыхъ недоразумѣній, способствовавшихъ образованію пропасти между хозяиномъ и рабочими. Эту пропасть теперь перейти почти невозможно, такъ какъ хозяева, съ одной стороны, не желаютъ отказываться ни отъ одной изъ своихъ привилегій, между тѣмъ какъ рабочіе, съ другой, склонны думать, что они могутъ улучшить свое положеніе лишь путемъ борьбы за политическую власть и поэтому переходятъ въ ряды соціалъ-демократовъ. Такое настроеніе умовъ вліяетъ на отношеніе къ обществу этической культуры, члены котораго считаются «идеологами», неспособными усвоить себѣ матеріалистическую точку зрѣнія. Однако мало-по-малу практическая дѣятельность общества и его стремленія улучшить положеніе рабочихъ классовъ обратили на него вниманіе этихъ классовъ и расположили ихъ въ его пользу. Общество очень старается о поднятіи уровня культурнаго развитія рабочихъ и въ этомъ отношеніи сдѣлало уже многое: учреждены свободныя библіотеки и читальни и многое другое, что было до сихъ поръ неизвѣстно въ Германіи. Публичныя библіотеки въ Берлинѣ, Франкфуртѣ, Фрейбургѣ, Іенѣ и Ульмѣ обязаны своимъ существованіемъ этическому обществу или лицамъ, находящимся всецѣло подъ вліяніемъ его идей.

Общество этической культуры поставило себѣ задачей сдѣлать искусство доступнымъ для пролетаріата и поэтому очень дѣятельно занимается организаціей дешевыхъ народныхъ представленій и концертовъ. Народныя массы знакомятся съ этимъ движеніемъ и съ программой этическаго общества черезъ посредство публичныхъ лекцій и разнаго рода собраній, во время которыхъ устраиваются бесѣды, съ цѣлью обмѣна взглядовъ насчетъ проблемъ, затрогивающихъ высочайшіе человѣческіе интересы.

Но главныя затрудненія этическое общество встрѣчаетъ въ области религіозно-нравственной, такъ какъ правительство, въ особенности въ Пруссіи, пользуется своею властью, чтобы укрѣпить догматъ государственной церкви, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы религіозное обученіе въ школахъ производилось лишь въ извѣстномъ направленіи. Германская публика, по словамъ журнала «Ethical World», обнаруживаетъ, въ данномъ случаѣ, удивительный индиферентизмъ и очень рѣдко рѣшается протестовать противъ правительственныхъ мѣропріятій. Съ этимъ-то индиферентизмомъ больше всего приходится бороться этическимъ обществамъ и въ данную минуту всѣ усилія этихъ обществъ направлены именно въ эту сторону и имѣютъ цѣлью возбудить въ публикѣ болѣе активное отношеніе къ вопросамъ религіозно-нравственной культуры.

Общество имѣетъ свои собственныя органы печати для распространенія своихъ идей. Но есть и совершенно независимые органы, не имѣющіе никакого отношенія къ обществу, но преслѣдующіе тѣ же цѣли. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ журналъ «Ethische Kultur», отличающійся отъ прочихъ журналовъ этого же направленія тѣмъ, что онъ открыто проповѣдуетъ солидарность всѣхъ народовъ и указываетъ на существованіе общихъ интересовъ и идеаловъ всѣхъ цивилизованныхъ націй, съ горячностью возставая противъ воинственнаго духа, выражающагося въ развитіи милитаризма и въ слѣпомъ поклоненіи военному мундиру.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues».—«La Sciènce Sociale».—«Century Magazine».

Во многихъ американскихъ газетахъ появились письма въ редакціи, присланныя различными представительницами женскаго американскаго общества, журналистками, профессіональными учеными и др., въ которыхъ выражается горячій протестъ и негодованіе противъ статьи «La femme Amèricaine», напечатанной въ «Revue des Revues». Статья эта принадлежитъ перу американки Алисы Лаусонъ, но авторъ негодующаго письма въ «New York Herald» высказываетъ даже сомнѣнія на счетъ того, чтобы г-жа Лаусонъ могла быть американкой, такъ какъ «ни одна американка не рѣшилась бы написать подобной клеветы на своихъ соотечественницъ!»

Г-жа Лаусонъ, дѣйствительно, не щадитъ своихъ соотечественницъ и въ оцѣнкѣ ихъ нравственныхъ качествъ, воспитанія и строя семейной жизни въ Америкѣ, выказываетъ слишкомъ большое преклоненіе передъ порядками старой Европы. Вотъ что она говоритъ, напримѣръ, объ американкахъ: «Американская женщина—это родъ умственной анархистки, не признающей никакихъ правилъ, никакой дисциплины, не выносящей никакихъ противорѣчій и повинующейся только своей фантазіи. *Ей недостаетъ тѣхъ традицій, которыя составляютъ привилегію старинныхъ расъ и старинныхъ цивилизацій.* Кровь, которая течетъ въ ея жилахъ, составляетъ смѣсь крови различныхъ народовъ и классовъ старинной Европы и ее справедливо называютъ естественнымъ продуктомъ новой демократіи. Она все окружающее сводитъ никакъ не къ своему идеалу, котораго у нея нѣтъ, а къ удовлетворенію того, что она считаетъ своими потребностями... Ей неизвѣстны законы, также какъ и религія, вдохновляющая ихъ» и т. д., и т. д.

Этой выдержки, какъ мы полагаемъ, достаточно, чтобы дать читателямъ нѣкоторое понятіе о точкѣ зрѣнія автора статьи. Насъ не должно удивлять, что г-жа Лаусонъ больше всего негодуетъ на отсутствіе нравственнаго воспитанія, на непрочность семейныхъ устоевъ, на то, что молодая американка не подготовляется воспитаніемъ къ великой роли жены и матери и... на легкость развода! Da ist der Hund begraben! Эта легкость, съ которою расторгаются браки въ Америкѣ, больше всего возмущаетъ г-жу Лаусонъ и собственно вся ея статья исключительно посвящена этому вопросу и г-жа Лаусонъ довольно наивно вѣритъ, что затрудненія, какія встрѣчаетъ въ европейскомъ законодательствѣ расторженіе браковъ, способствуютъ укрѣпленію семейныхъ добродѣтелей и семейнаго счастья.

Но оставимъ въ сторонѣ г-жу Лаусонъ и ея точку зрѣнія. Объ ея статьѣ не стоило бы, пожалуй, и говорить, если бы въ ней не заключались дѣйствительно интересныя и поучительныя (но не въ освѣщеніи автора) свѣдѣнія.

Извѣстно, что 49 штатовъ, входящихъ въ составъ великой американской федераціи, управляются совершенно отдѣльными законами и представляютъ въ этомъ отношеніи независимыя другъ отъ друга государства. Законы о разводѣ, слѣдовательно, также неодинаковы въ различныхъ штатахъ и въ однихъ легче, въ другихъ нѣсколько труднѣе совершить расторженіе брака, а Южная Каролина даже совсѣмъ не признаетъ развода, зато и населеніе этого штата убываетъ, такъ какъ, по словамъ самой же г-жи Лаусонъ, люди, несчастные въ семейной жизни, переселяются въ другіе штаты, гдѣ они легче могутъ избавиться отъ своихъ брачныхъ кандаловъ. «Но зато, — восклицаетъ г-жа Лаусонъ,—въ южныхъ штатахъ, гдѣ разводъ достигается труднѣе или даже

совсѣмъ не допускается, женщины получаютъ болѣе нравственное воспитаніе, болѣе женственное и приспособленное къ требованіямъ брачной жизни, однимъ словомъ—болѣе «*европейское*!»

Итакъ, въ южныхъ штатахъ,—если о количествѣ несчастныхъ браковъ судить только по количеству разводовъ,—процвѣтаютъ семейныя добродѣтели и семейное счастье. Идя дальше по этому пути, мы, конечно, должны отдать пальму первенства Европѣ передъ Америкой въ томъ, что касается семейныхъ добродѣтелей, и признать, что въ Европѣ несчастные браки (благодаря воспитанію, получаемому европейскими женщинами, — говоритъ г-жа Лаусонъ) составляютъ гораздо болѣе рѣдкое явленіе нежели въ Америкѣ. Судите по слѣдующимъ цифрамъ: въ Массачусетѣ, съ населеніемъ въ 1.800.000, бываетъ въ годъ 600 разводовъ; въ Коннектикутѣ—470; въ Мэнѣ—437; въ Нью-Гемпшайрѣ—241; въ Вермонѣ—197; въ Родъ-Айландѣ—196; отношеніе разводовъ къ бракамъ еще характернѣе: на 10 браковъ въ Коннентикутѣ приходится 1 разводъ; въ Вермонѣ 1 на 14; въ Массачусетѣ 1 на 21; въ Родъ-Айландѣ 1 на 13 и т. д. Въ Чикаго 1 разводъ приходится на 8 браковъ.

Многіе штаты не останавливаются на этомъ пути и къ великому ужасу г-жи Лаусонъ допускаютъ еще большія облегченія въ дѣлѣ расторженія брачныхъ узъ. Въ Мэнѣ, напримѣръ, судьи произносятъ разводъ по личному убѣжденію, если только найдутъ основательными причины, по которымъ одна изъ сторонъ требуетъ развода. Дѣла о разводѣ большею частью начинаются женщинами. По словамъ г-жи Лаусонъ, 80% всѣхъ разводовъ требуются женами и дѣла о разводѣ возникаютъ больше по иниціативѣ жены, а не мужа. Въ этомъ г-жа Лаусонъ опять-таки видитъ недостатокъ женскаго воспитанія, хотя тутъ же говоритъ, что мужчина болѣе равнодушенъ къ разводу, такъ какъ семейныя узы не могутъ такъ тяготить его и онъ легко освобождается отъ нихъ, не прибѣгая къ содѣйствію закона.

Въ Канзасъ Сити, гдѣ разводъ требуетъ очень немного формальностей, процвѣтаютъ агентства по устройству разводовъ и газеты переполнены рекламами такого рода.

«Развѣ можетъ американецъ питать какое-либо уваженіе къ таинству брака,—восклицаетъ съ пафосомъ г жа Лаусонъ,—если онъ такъ легко расторгаетъ брачныя узы? Отсюда и возникаетъ его нѣсколько презрительное отношеніе къ самому браку и къ брачному обряду, который носитъ во всѣхъ странахъ столь трогательный и торжественный характеръ?»

Американцы дѣйствительно не придаютъ большого значенія брачной церемоніи и смотрятъ на нее, какъ на простую формальность, по своей склонности къ эксцентричнымъ выходкамъ они въ самомъ дѣлѣ обставляютъ эту церемонію иной разъ довольно курьезнымъ образомъ, лишь бы удивить міръ, и въ этомъ отношеніи существуетъ даже нѣчто вродѣ состязанія между американскою молодежью. Г-жа Лаусонъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ:

Въ Техасѣ бракъ былъ заключенъ по телеграфу, женихъ и невѣста находились въ фортѣ Силль, гдѣ не было ни шерифа, ни священника. Обратились по телеграфу къ шерифу ближайшаго мѣстечка и онъ, по телеграфу же, объявилъ ихъ, безъ дальнихъ формальностей, мужемъ и женой.

Въ Кентукки одна эксцентричная молодая пара вздумала заключить бракъ въ облакахъ и поднялась на воздушномъ шарѣ вмѣстѣ съ пасторомъ. Тотчасъ же нашлась другая пара, которая рѣшила ее превзойти въ отношеніи оригинальности, и спустилась подъ землю для заключенія брака. Брачный обрядъ былъ совершенъ въ знаменитой Мамонтовой пещерѣ. Вся компанія, вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстой и пасторомъ, спустилась въ пещеру, прошла ползкомъ узкій, подземный корридоръ, носящій названіе «Отчаяніе толстаго человѣка», переѣхали

на лодкѣ черезъ озеро, населенное слѣпыми рыбами, и пройдя девять миль подъ землею, перепачкавъ и изорвавъ свою одежду, общество достигло, наконецъ, мѣста, выбраннаго для брачной церемоніи, и тамъ пасторъ, среди мертвой тишины совершилъ обрядъ при освѣщеніи факеловъ, свѣтъ которыхъ едва пронизывалъ глубокую тьму, царящую въ подземельи.

Въ Индіанополосѣ актеръ и актриса обвѣнчались на сценѣ. Въ Чикаго проживаетъ спиритъ, предлагающій вызвать тѣнь Магомета или кого угодно изъ святыхъ для заключенія брака.

Въ заключеніе своей статьи г-жа Лаусонъ считаетъ нужнымъ позолотить пилюлю, которую она подноситъ своимъ соотечественницамъ, и говоритъ о томъ, что въ Америкѣ возникаетъ новое поколѣніе женщинъ, получившихъ серьезное образованіе въ коллегіяхъ и университетахъ и эти женщины не только не избѣгаютъ брака, но даже, наоборотъ, еще легче вступаютъ въ бракъ. Между учеными американками старыя дѣвы составляютъ рѣдкость. Но г-жа Лаусонъ ничего не говоритъ о томъ, какъ много ученыхъ американокъ требуютъ развода.

Любопытны слѣдующія цифры, приводимыя г-жею Лаусонъ и указывающія на расширеніе сферы дѣятельности женщинъ. Въ американскомъ адвокатскомъ сословіи числится 120 женщинъ и 8 состоятъ судьями въ высшей судебной инстанціи; 4.875 женщинъ служатъ чиновниками въ различныхъ вѣдомствахъ. Литература насчитываетъ 2.775 женщинъ писательницъ; въ журналистикѣ— 888 женщинъ состоятъ редакторами различныхъ газетъ. Страннымъ образомъ изъ числа свободныхъ профессій американки все-таки гораздо рѣже выбираютъ медицинскую профессію, нежели всякую другую. Заработокъ американокъ, получившихъ университетское образованіе, всегда настолько великъ, что вполнѣ обезпечиваетъ ихъ существованіе. Рѣдко которая изъ нихъ заработываетъ меньше 75 долларовъ въ мѣсяцъ и въ среднемъ заработокъ ихъ колеблется между 100 и 300 долларовъ.

Журналъ «La Science Sociale» передаетъ весьма любопытные взгляды французскаго критика Жюля Леметра на классическую систему образованія. Вотъ что говоритъ почтенный критикъ:

«До двадцати двухъ лѣтъ я усердно долбилъ латынь и греческій и сдалъ множество экзаменовъ. Въ теченіе девяти лѣтъ я былъ профессоромъ университета и сотни баккалавровъ прошли черезъ мои руки. Однимъ словомъ я то, что называется «мандаринъ» и, ужъ, конечно меня не могутъ обвинить въ томъ, что я говорю о вещахъ, которыя мнѣ неизвѣстны.

«Мы духовные потомки грековъ и латинянъ. Изучая ихъ языки, мы изучаемъ источники нашего языка и слѣдовательно научаемся лучше понимать его и пріобщаемся къ славному прошлому, къ знаменитымъ традиціямъ и, слѣдовательно, расширяемъ рамки нашей собственной жизни. Такое изученіе должно служить лучшею дисциплиной ума. Въ древнихъ книгахъ мы обрѣтаемъ цѣлыя сокровища идей. Не даромъ же въ прежнія времена преподаваніе классиковъ называли гуманитарными науками. Мы черпаемъ въ нихъ любовь къ прекрасному, изощряемъ вкусъ и культивируемъ чувство мѣры. Древніе языки и литературы имѣютъ громадное воспитательное значеніе, и т. д., и т. д.

«Вотъ что говорятъ въ защиту классическаго образованія. Вотъ что и я бы могъ сказать прежде. Вѣдь всегда начинаешь тѣмъ, что повторяешь слова другихъ и лишь позднѣе научаешься мыслить самостоятельно и свободно.

«И вотъ теперь, въ данную минуту я не знаю болѣе ни одного слова по-гречески и мнѣ случается не болѣе трехъ разъ въ году читать по-латыни. Жизнь слишкомъ коротка. Но, быть можетъ,—скажутъ мнѣ,—эти языки, которыми я такъ пренебрегаю теперь, оставили во мнѣ такой неизгладимый слѣдъ

запаса благородныхъ чувствъ и идей, изъ котораго я продолжаю черпать, даже самъ того не замѣчая? Откровенно говоря, я этого не думаю.

«Всякій разъ, когда я думаю о какомъ-нибудь античномъ произведеніи, то невольно долженъ сознаться, что я вижу его не прямо, а лишь сквозь разъясненія французскихъ классиковъ и комментаріи современной критики, и красота этихъ античныхъ произведеній бываетъ главнымъ образомъ доступна моему пониманію лишь путемъ сравненія съ болѣе современными произведеніями».

Въ заключеніе Жюль Леметръ высказываетъ слѣдующія пожеланія:

«Для огромнаго большинства дѣтей нашей буржуазіи (которая постоянно пополняется народомъ) необходимо ввести такую систему образованія, которая была бы не столько разнородна, сколько построена на болѣе широкихъ основаніяхъ, устранить программы, всѣ слѣпленныя по одному классическому образцу. Надо произвести реформу гимназическаго образованія и облегчить доступъ въ медицинскую школу и юридическій факультетъ (Ecole de droit) лицамъ, не получившимъ классическаго образованія. Смѣшно говорить, что знаніе греческаго и латыни безусловно необходимо фармацевту, врачу, судьѣ, адвокату. Врачу совершенно достаточно знать, терминологію въ своей профессіи, выучить лишь двѣсти или триста латинскихъ и греческихъ словъ. Лексиконъ, необходимый адвокату, еще ограниченнѣе. Притомъ же вѣдь существуютъ прекрасные труды по римскому праву, но я сильно сомнѣваюсь, чтобы какой-нибудь адвокатъ или юристъ часто въ нихъ заглядывали!»

Одна изъ бывшихъ «студентокъ» женской Ньюнгэмской коллегіи, Элеонора Фильдъ, описываетъ въ «Century Magazine» жизнь и порядки въ коллегіи, основанной тридцать лѣтъ тому назадъ для желающихъ сдать экзаменъ при кэмбриджскомъ университетѣ на полученіе диплома высшаго образованія, то, что во Франціи называютъ «Brevet supérieur». Съ самаго начала успѣхъ этой коллегіи былъ настолько значителенъ что пришлось устроить два отдѣленія и въ одномъ изъ нихъ состоитъ директриссой миссъ Элленъ Гладстонъ, дочь только что умершаго великаго государственнаго дѣятеля.

Число коллегіатокъ не превышаетъ 150-ти и возрастъ ихъ очень разнообразенъ. Надо спеціальное разрѣшеніе, чтобы вступить въ коллегію раньше 18 лѣтъ, но есть и такія, которыя давно уже перешли тридцатилѣтній возрастъ. Всѣ пользуются большою свободой въ часы, когда нѣтъ занятій. Зимою двери коллегіи запираются въ шесть часовъ, а лѣтомъ въ восемь, но коллегіатки, которыя хотятъ провести вечеръ въ городѣ, должны только заранѣе сказать свое имя.

Время занятій распредѣляется слѣдующимъ образомъ: съ девяти до $12^1/_2$, съ трехъ до $6^1/_2$ и съ 8 до 10 студентки посѣщаютъ лекціи, практическія занятія, или же занимаются у себя въ комнатѣ, но въ эти часы тишина въ заведеніи не должна никѣмъ нарушаться и за этимъ слѣдятъ такъ называемые «мировые судьи», которыхъ коллегіатки выбираютъ изъ своей среды.

Въ $6^1/_2$ часовъ—обѣдъ и послѣ него бываютъ засѣданія различныхъ клубовъ или обществъ, которыхъ очень много въ коллегіи. Нѣкоторыя изъ этихъ обществъ носятъ совершенно спеціальный характеръ, въ родѣ, напримѣръ, «Browning Society», члены котораго заняты исключительно изученіемъ и комментированіемъ твореній англійскаго поэта Роберта Броунинга. Другія общества или клубы имѣютъ болѣе общій характеръ, напримѣръ, «Musical Society» или «Debating Society»; послѣдній посвящаетъ свои засѣданія обсужденію различныхъ вопросовъ литературы, искусства и нравственности. Есть также и политическій клубъ—«Political Club», представляющій настоящее парламентское со-

браніе, гдѣ по очереди преобладаетъ то либеральный, то консервативный элементъ. Политическія извѣстія, представляющія выдающійся интересъ, передаются по телеграфу въ тотъ уже вечеръ въ бюро клуба, такъ что члены его узнаютъ политическія новости раньше, чѣмъ онѣ появятся въ газетахъ. Постороннія допускаются только по рекомендаціи членовъ. Засѣданія часто бываютъ довольно бурными и политическія страсти разыгрываются ничуть не меньше, чѣмъ въ палатѣ общинъ.

Курсъ ученія въ коллегіи трехлѣтній. Съ 1881 года студентки допускаются къ экзаменамъ при университетѣ, наравнѣ съ мужчинами, но на этомъ останавливается равенство ихъ правъ. Студентъ, выдержавшій блистательно экзаменъ, получаетъ ученую степень и можетъ украсить ею свою визитную карточку. Студентка же, выдержавшая точно такой же экзаменъ, получаетъ только удостовѣреніе, что она выдержала экзаменъ, соотвѣтствующій такой-то степени, и больше ничего! Но студентки не унываютъ и надѣются, что время и трудъ побѣдятъ университетскую рутину.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Интересная находка д-ра Дюбуа.

(Pithecanthropus Erectus *).
Антропологическій очеркъ.

Пытливый умъ человѣческій не дожидался науки съ ея методами, чтобы разрѣшить загадку мірозданія и жизни. Человѣкъ, догадками и воображеніемъ пополнивъ недостатки наблюденій и знанія, давно уже пытался отъискать причину всего существующаго и найти принципы, управляющіе міромъ. Такимъ образомъ, уже за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр. были положены основанія философіи—ученію о принципахъ и причинахъ, лежащихъ въ основаніи мірозданія. Въ концѣ VII в. до нашей эры, когда вся физика сводилась къ наивному представленію о четырехъ элементахъ, мы уже встрѣчаемся съ грандіознымъ по замыслу и смѣлости предпріятіемъ—свести все окружающее, весь міръ съ его разнообразіемъ формъ и преходящихъ явленій, не исключая и человѣка, къ одному первоначальному субстрату, первичному элементу, составляющему сущность и основаніе всего существующаго.

За первымъ монистомъ Ѳалесомъ, котораго справедливо называютъ отцомъ натурфилософіи, послѣдовали другіе. Но несмотря на свой матеріалистическій монизмъ, уже самъ Ѳалесъ смутно допускалъ душу вселенной, жизненную силу, нѣчто неизвѣстное, нашедшее свое опредѣленіе впослѣдствіи у другого греческаго философа, Анаксагора въ его дуалистической философіи, гдѣ эта душа міра получила опредѣленіе въ видѣ человѣческаго разума—noos **).

Однако недостаточно было сбросить цѣпи суевѣрій и рабства и освободить умъ; недоставало метода, и наука, научное изслѣдованіе въ современномъ смыслѣ этого слова, не явилась результатомъ греческой философіи. Появленіе настоящей науки отдѣлено отъ послѣдней длиннымъ промежуткомъ умственнаго застоя и средневѣкового обскурантизма. Застывшая подъ вліяніемъ новыхъ доктринъ мысль человѣческая сдѣлала землю неподвижнымъ центромъ мірозданія, а человѣка—временнымъ обитателемъ ея, смысломъ и цѣлью всего существующаго. Теологическія доктрины, разрушая наслѣдіе античнаго міра, въ то же самое время ревниво загораживали дорогу новой цивилизаціи, и первые проблески возродившейся мысли были встрѣчены пытками и кострами, на которыхъ гибли свободные мыслители. Истина, хотя и жестоко гонимая, въ концѣ концовъ восторжествовала. Коперникъ, Ньютонъ и Галилей разрушили до основанія геоцентрическое міровоззрѣніе, вывели землю изъ ея покоя, дали законы небесной механики и отвели нашей планетѣ то, болѣе чѣмъ скромное, мѣсто, которое она должна была занять въ мірозданіи. Труднѣе была борьба съ антро-

---

*) E. Dubois. Eine menschenaehnliche Uebergansform. C.—R. du troisième congrès international de zoologie).

**) «L'Homme». 1884. № 19 A. Lefévre. La philosophie devant l'anthropologie.

поцентризмомъ—теоріей, ставившей человѣка внѣ всего органическаго міра, надъ нимъ. Да оно и понятно! Человѣкъ, будучи пристрастнымъ судьей въ своемъ собственномъ процессѣ, всегда имѣлъ тенденцію видѣть въ самомъ себѣ нѣчто вродѣ низверженнаго божества, для котораго созданъ весь окружающій міръ. Для правильнаго разрѣшенія этого вопроса еще не было достаточныхъ средствъ: біологія, какъ наука, не существовала, недоставало и метода.

Блестящее развитіе наукъ въ XIX вѣкѣ явилось прямымъ наслѣдіемъ не менѣе блестящаго умственнаго движенія XVIII вѣка, завѣщавшаго намъ методы изслѣдованія. Науки пріобрѣли съ тѣхъ поръ твердую почву и зачастую подвергались полной перестройкѣ на совершенно новыхъ основаніяхъ; создались новыя отрасли знанія, выросли новыя науки. Къ числу такихъ наукъ принадлежитъ наука о человѣкѣ—*антропологія*.

Основателемъ антропологіи въ современномъ, широкомъ смыслѣ этого слова, съ тѣмъ глубокимъ философскимъ и общественнымъ значеніемъ, которое составляетъ основную характеристику ея, какъ науки,—справедливо считаютъ Поля Брока. Ему же принадлежитъ наиболѣе полное и всѣми теперь принимаемое опредѣленіе ея: *антропологія есть наука, имѣющая предметомъ изученія группу человѣкъ, разсматриваемую въ цѣломъ, въ деталяхъ и въ ея связи съ остальной природой* *). Другими словами—общая антропологія есть «біологія человѣческаго рода», и задача ея, далекая еще отъ осуществленія,—написать монографію рода «человѣкъ». Съ тѣхъ поръ вопросъ о положеніи человѣка въ ряду организованныхъ существъ, вопросъ, составляющій, по справедливому мнѣнію Гёксли, одну изъ самыхъ важныхъ для человѣчества проблемъ, сдѣлался предметомъ самаго тщательнаго и непрестаннаго научнаго изслѣдованія. Однако, вопросъ о мѣстѣ, которое долженъ занять человѣкъ среди другихъ организованныхъ существъ, дебатировался уже далеко раньше. Уже въ 10-мъ изданіи своей «Systema Naturae» 1758 г. Линней, какъ настоящій натуралистъ, исходя изъ реальныхъ данныхъ, помѣщаетъ человѣка въ разрядъ приматовъ наряду съ обезьянами; впрочемъ, мѣсто это человѣкъ занялъ у Линнея уже со времени 2-го изданія «Systema» въ 1740 г. и, если мы говоримъ о позднѣйшей классификаціи, то потому, что здѣсь классъ четвероногихъ, куда человѣкъ попалъ въ 1740 году, замѣненъ классомъ млекопитающихъ и впервые созданъ терминъ primates, удержавшійся до сихъ поръ въ наукѣ. Классификація эта, гдѣ человѣкъ былъ низведенъ на степень простого животнаго, возбудила жестокія нападки. Однимъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ ея былъ Бюффонъ. Добентонъ протестовалъ въ не менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. «Странное мѣсто для человѣка,—писалъ онъ,—какая несправедливая классификація и какой ложный методъ низвели человѣка до ранга четвероногаго животнаго!» Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней существуетъ тенденція спасти человѣческое достоинство, скомпрометированное столь низменнымъ сосѣдствомъ; съ тѣхъ поръ отчаянныя усилія создать между человѣкомъ и его ближайшими сосѣдями возможно болѣе прочную и непреодолимую преграду. Блюменбахъ въ 1779 году предложилъ знаменитое дѣленіе на двурукихъ и четверорукихъ, съ цѣлью установить два разряда: первый предназначался для человѣка, второй—для обезьянъ. Сильна была реакція противъ идей Линнея, и классификація Блуменбаха сразу пріобрѣла широкую популярность. Къ тому же, она была принята такимъ авторитетомъ, какъ Кювье, и это обстоятельство сильно гарантировало ея живучесть: она дошла и до нашихъ дней. И все-таки въ основаніи ея лежала анатомическая ошибка. Даже такой горячій защитникъ «царства человѣка», отличнаго отъ «царства животныхъ», какимъ былъ знаменитый зоологъ Жоффруа Сентъ-Илеръ,

*) Paul Broca. «Mémoires d'Anthropologie». T. I. Paris, 1871. Art. Antropologie, p. 1—41.

выступилъ не менѣе горячимъ противникомъ дѣленія на двурукихъ и четверорукихъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, настаивавшихъ на томъ, что родъ «человѣкъ» не образуетъ самъ по себѣ отдѣльнаго разряда, но лишь только семейство въ разрядѣ приматовъ. Другой защитникъ царства человѣка, антропологъ Катрфажъ, за полнымъ недостаткомъ анатомо-физіологическихъ признаковъ, отличающихъ человѣка отъ его сосѣдей, принужденъ былъ прибѣгнуть къ указанію на религіозное чувство *). Анатомъ Грасіоле, пораженный анатомическимъ сходствомъ человѣка съ обезьяной, воскликнулъ въ порывѣ увлеченія: «Да! по своей формѣ и структурѣ человѣкъ—обезьяна, но по своему уму, по твореніямъ своей мысли человѣкъ—божество!»

Замѣчателенъ по своей простотѣ и научной выдержкѣ отвѣтъ Брока на это заявленіе. Отказавшись судить о тѣхъ признакахъ, по которымъ можно узнать сходство съ божествомъ, Брока отвѣтилъ лишь на первую часть и притомъ вполнѣ опредѣленно. «Нѣтъ, сказалъ онъ, человѣкъ не обезьяна, потому что онъ возвышается надъ обезьянами всей суммой признаковъ, отличающихъ абрисъ отъ законченнаго типа. Зоологія, указывая человѣку его мѣсто въ ряду организованныхъ существъ, констатируетъ его превосходство; онъ первый изъ приматовъ, первый изъ первыхъ. Этого достаточно и для его честолюбія, и для его славы» **). И Брока помѣстилъ человѣка, какъ и Линней, въ разрядѣ приматовъ, раздѣливши этотъ разрядъ на 5 семействъ. Первое семейство составилъ одинъ родъ—человѣкъ. Второе семейство составили антропоидныя обезьяны. Очевидно, изъ всего вышесказаннаго, какъ трудно было то или иное разрѣшеніе этого сложнаго вопроса. Очевидна и главная причина разногласія и споровъ: она заключается въ томъ, что при всемъ громадномъ сходствѣ человѣка съ антропоидными обезьянами, велико и различіе; что, несмотря на всю сумму сходныхъ чертъ, велика и пропасть, отдѣляющая обезьяну отъ человѣка.

Съ тѣхъ поръ прошло немного времени и эволюціонная теорія Дарвина, или гипотеза трансформизма, завладѣла всѣми непредубѣжденными умами. Человѣкъ, какъ и всѣ другія животныя формы, долженъ былъ имѣть постепенную исторію развитія своего вида, свой *филогенезисъ*. Біологія и эмбріологія сдѣлали большіе шаги впередъ. Геккель установилъ важный законъ: *онтогенезисъ*—исторія развитія индивидуума, есть краткое и быстрое повтореніе филогенезиса, исторіи развитія вида. Научное изслѣдованіе человѣческаго зародыша въ разныхъ фазахъ его утробной жизни показало, что этотъ зародышъ проходитъ послѣдовательно различныя стадіи развитія другихъ позвоночныхъ и ничѣмъ отъ этихъ послѣднихъ не отличается. Этотъ фактъ еще болѣе тѣсно связалъ человѣка съ остальнымъ животнымъ міромъ. Но какъ бы ни была близка эта связь, филогенія человѣка для насъ еще не извѣстна вполнѣ. Между самыми низшими человѣческими расами и высшими расами антропоидовъ разница слишкомъ велика. По самому смыслу ученія Дарвина мы должны бы ждать цѣлаго ряда постепенныхъ и послѣдовательныхъ переходовъ, промежуточныхъ формъ. Всѣмъ извѣстенъ гипотетическій образъ нашего предка, который данъ Дарвиномъ въ его сочиненіи «Происхожденіе человѣка». Но все-таки этотъ образъ не болѣе, чѣмъ гипотеза, ни малѣйшаго реальнаго факта, который бы указывалъ на его существованіе, не было до самаго послѣдняго времени; въ цѣпи недоставало звеньевъ, пробѣлъ существовалъ.

Пробѣлъ этотъ теперь въ значительной мѣрѣ пополненъ знаменитой находкой голландскаго врача, доктора Дюбуа,—находкой, сдѣланной имъ по частямъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1891 г. и въ октябрѣ слѣдующаго 1892 г. на островѣ

*) A. Hovelacque et G. Hervé. Précis d'anthropologie. Paris. 1886.

**) Paul Broca. «L'ordre des primates. Parallèle anatomique de l'homme et des singes». Mém. d'Anthrop. T. III. Paris.

Явѣ. Только лишь въ 1895 и 1896 гг. она сдѣлалась предметомъ научнаго изслѣдованія европейскихъ ученыхъ, слѣдовательно всего лишь два года тому назадъ получила всестороннюю оцѣнку ученыхъ спеціалистовъ, пріобрѣла то громадное значеніе, какое она, по истинѣ, заслуживаетъ и сохранила въ то же время интересъ новизны. Находка эта состоитъ въ остаткахъ скелета обезьяноподобнаго человѣка или человѣкоподобной обезьяны, занимающей срединное, промежуточное положеніе между низшими человѣческими расами и высшими, антропоидными обезьянами.

Существо, которому принадлежали найденные остатки, по своей физической организаціи стояло ниже всѣхъ извѣстныхъ человѣческихъ расъ и выше всѣхъ извѣстныхъ ископаемыхъ и нынѣ живущихъ расъ антропоидныхъ обезьянъ. Послѣ первой публикаціи д-ромъ Дюбуа *) своей находки, въ которой онъ высказался въ пользу промежуточности этой формы, мнѣнія ученыхъ раздѣлились довольно любопытнымъ образомъ. Въ то время, какъ одни доказывали на основаніи цѣлаго ряда доводовъ, что остатки эти должны быть приписаны человѣку, другіе—наоборотъ, съ не менѣе вѣскими фактами въ рукахъ, доказывали ихъ принадлежность обезьянѣ. Уже одно это раздѣленіе мнѣній въ такой формѣ говоритъ въ пользу мнѣнія д-ра Дюбуа, которое и было сразу поддержано авторитетнымъ анатомомъ и краніологомъ, профессоромъ парижской антропологической школы, Манувріэ **). Вышеупомянутые остатки скелета найдены были въ верхнихъ слояхъ наносовъ третичной геологической эпохи, въ такъ называемомъ пліоценѣ, и вопросъ о Pithecanthropus Erectus (Pithecus—обезьяна, anthropos—человѣкъ,—Pithecanthropus—обезьяно-человѣкъ) — названіе, данное Дюбуа вновь открытому имъ виду, имѣетъ непосредственную связь съ вопросомъ, получившимъ въ археологіи названіе вопроса о «третичномъ человѣкѣ». Необходимо начать съ маленькаго отступленія въ область археологіи, чтобы еще рельефнѣе понять то громадное значеніе, какое находка Дюбуа имѣетъ и въ этой области знанія, и лучше оцѣнить всю важность этого открытія для науки вообще.

Доисторическая археологія, какъ ученіе о человѣкѣ внѣ историческихъ документовъ, иначе «доисторическая исторія человѣчества», сильно раздвинула рамки исторіи. Она показала съ несомнѣнною теперь очевидностью, что тѣ нѣсколько тысячъ историческихъ лѣтъ, о которыхъ до насъ дошли хотя бы самыя отрывочныя свѣдѣнія, составляютъ ничтожную по своей продолжительности эпоху въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ количествомъ вѣковъ и тысячелѣтій, прожитыхъ человѣчествомъ до того времени, когда отдѣльныя группы человѣчества поднялись до сравнительно высокаго культурнаго уровня, о которомъ до насъ дошли достовѣрныя свѣдѣнія. Французскій археологъ Габріэль де Мортилье опредѣляетъ минимальною, по его мнѣнію, цифрою въ 240.000 лѣтъ существованіе на землѣ человѣка ***). Не смотря на всю гипотетичность этой цифры, такъ какъ она выведена изъ наблюденій надъ явленіями геологическаго характера, а геологія въ ея современномъ состояніи не дала еще возможности опредѣлять даже съ приблизительной точностью не только абсолютную, но и относительную продолжительность отдѣльныхъ эпохъ, (несмотря), повторяемъ, на всю осторожность, съ которой нужно относиться къ подобнаго рода цифрамъ вообще, мы можемъ съ непоколебимою увѣренностью сказать: время, прожитое человѣчествомъ на землѣ, громадно и измѣряется десятками тысячелѣтій. Человѣкъ былъ

*) E. Dubois. «Pithecanthropus Erectus, eine menschenaehnliche Uebergangsform aus Java». Batavia 1894.

**) L. «Manouvrier. Discussion du «Pithecanthropus Erectus» comme précurseur presumé de l'homme». Bull. de la Société d'Anthrop. de Paris. 1895.

***) Gabriel de-Mortillet. «Le préhistorique». Paris 1885. p. 627.

современникомъ такъ называемаго ледниковаго періода, мало того, онъ жилъ уже до этого періода. Онъ жилъ наряду съ давно уже вымершими животными видами: мамонтомъ, носорогомъ, страшнымъ пещернымъ медвѣдемъ, пещерной гіенной и проч. Однимъ словомъ, человѣкъ жилъ въ продолженіи всей той эпохи, которая въ геологіи получила названіе четвертичной, продолжавшейся неопредѣленное и очень долгое время. Остатки человѣческихъ костей этой эпохи хотя и представляютъ большую рѣдкость, но попадали изрѣдка въ руки ученыхъ, и знаменитая находка человѣческихъ остатковъ въ Неандертальской долинѣ у Дюссельдорфа можетъ служить образчикомъ для физической характеристики человѣческаго типа той эпохи. Съ того момента, когда послѣ упорной борьбы существованіе ископаемаго, четвертичнаго человѣка сдѣлалось общепризнаннымъ фактомъ, самъ собою возникъ вопросъ: не жилъ ли человѣкъ уже и раньше? Не жилъ ли онъ уже въ предшествующую, третичную геологическую эпоху? Со всѣхъ сторонъ посыпались доказательства въ пользу существованія третичнаго человѣка. Хотя не было извѣстно ни одной находки человѣческихъ костей въ наносахъ этой эпохи, однако, за отсутствіемъ этого прямого доказательства въ пользу защищаемаго взгляда нашлись доказательства косвенныя. Дѣло въ томъ, что въ наносахъ третичной эпохи въ разныхъ мѣстахъ находили каменные осколки, на которыхъ нѣкоторые ученые склонны были видѣть слѣды намѣренно направленной работы разумнаго существа. Одни, какъ, напр., аббатъ Буржуа, приписывали ихъ человѣку, другіе—какъ, напр., палеонтологъ Альбертъ Годри—ископаемой, третичной обезьянѣ Дріопитеку (Dryopithecus *). Понятно, что нужно было много осторожности въ приговорѣ, чтобы не увлечься и не впасть въ грубую ошибку. Было бы слишкомъ долго останавливаться на всѣхъ находкахъ этого рода, доказывать ихъ подлинность или опровергать ее, приведемъ лишь заключительныя слова Г. де Мортилье, которыми онъ заканчиваетъ главу, посвященную вопросу о третичномъ человѣкѣ. «Установлено,—говоритъ онъ,—что въ третичную эпоху существовали достаточно разумныя существа: они обрабатывали камень и знали огонь. Что эти животныя не были еще людьми. Это были предшественники человѣка, существа промежуточныя между нынѣ извѣстными антропоидными обезьянами и человѣкомъ; мы можемъ назвать ихъ антропопитеками. Наконецъ, что мы до сихъ поръ не встрѣчали остатковъ скелета этихъ антропопитековъ и въ этомъ направленіи нужно ждать важныхъ открытій **).

То, что было не болѣе, чѣмъ смѣлой гипотезой въ 1885 году, съ находкой д-ра Дюбуа стало неоспоримымъ фактомъ, и отнынѣ одно изъ недостающихъ звеньевъ цѣпи, связующей антропоидовъ съ человѣкомъ, можетъ считаться найденнымъ. Къ подробному, по возможности, разсмотрѣнію этой находки мы теперь и обратимся. Находка Дюбуа состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ отдѣльныхъ частей: черепа (безъ лицевыхъ частей), двухъ коренныхъ зубовъ и, наконецъ, бедренной кости.

— И только всего!?—воскликнетъ, быть можетъ, разочарованный читатель.

На это мы отвѣтимъ ему, что, если ужъ во времена Кювье достаточно было одной кости, чтобы по ней возстановить цѣлое животное, котораго никто никогда не видѣлъ, и если дѣйствительность оправдывала впослѣдствіи теоретическое воспроизведеніе, то весьма естественно, что въ наше время, когда сравнительная анатомія сдѣлала громадные шаги впередъ, изъ найденныхъ остатковъ можно было извлечь много важныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ данныхъ для сужденія о природѣ того существа, которому они принадлежали.

Теперь вопросъ о питекантропѣ имѣетъ уже значительную литературу. о

*) A. Gaudry. «Les enchaînements du monde animal. Mammifèrestertiaires». Paris 1895, p. 241.

**) G. de-Mortillet, l. c. p. 126.

чемъ высказали свои мнѣнія извѣстные авторитеты Англіи, Германіи, Франціи—словомъ, всей Европы и Америки. Но наиболѣе обстоятельно и во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ Pithecanthropus Erectus былъ изученъ Манувріэ въ его двухъ мемуарахъ [1]), послѣдовавшихъ за первымъ, о которомъ мы уже имѣли случай упоминать выше. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ частей находки, необходимо сказать нѣсколько словъ о ней въ цѣломъ и устранить нѣкоторыя общія возраженія, выдвинутыя противъ нея. Самыя существенныя возраженія, которыя необходимо устранить въ самомъ началѣ, сводятся къ слѣдующему: во-первыхъ, подвергалась сомнѣнію принадлежность находки къ третичной геологической эпохѣ; во-вторыхъ, черепъ, зубы и бедро были приписаны не одному индивидууму, а двумъ или даже тремъ. Первое возраженіе легко устранимо, такъ какъ для доказательства принадлежности своей находки къ третичной системѣ Дюбуа собралъ громадное количество окаменѣлостей фауны тѣхъ же слоевъ, причемъ принадлежность ихъ къ третичной эпохѣ опредѣлена спеціалистами палеонтологами и доказано одинаковое состояніе окаменѣнія и состава этихъ окаменѣлостей съ костями питекантропа. Второе же возраженіе устранимо лишь при детальномъ знакомствѣ съ частями скелета и въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть случай возвратиться къ этому вопросу, хотя въ пользу принадлежности всѣхъ частей одному индивидууму можно привести два вѣскихъ соображенія общаго характера. Во-первыхъ, всѣ четыре отдѣльныя части найдены на одномъ и томъ же уровнѣ одного и того же слоя и всѣ обнаруживаютъ одинъ и тотъ же составъ и характеръ окаменѣнія, и во-вторыхъ, было бы крайне маловѣроятно, если не вполнѣ невѣроятно, чтобы на одномъ и томъ же мѣстѣ, на разстояніи всего лишь 15 метровъ были найдены четыре части скелета, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности не можетъ быть приписана ни одному изъ извѣстныхъ видовъ животныхъ, такъ какъ каждая носитъ слѣды переходной формы; слѣдовательно, нужно было бы допустить, что на столь незначительной площади найдены въ одинаковомъ состояніи и въ одинаковыхъ условіяхъ залеганія 3 или даже 4 доселѣ неизвѣстныхъ вида. Трудность такого допущенія очевидна!

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ придерживаться взглядовъ Манувріэ и Дюбуа, такъ какъ въ общемъ они согласны между собою; попутно же будемъ указывать и мнѣнія другихъ авторитетныхъ ученыхъ. Начнемъ съ самой существенной части, съ черепа; онъ является наиболѣе интересною частью и возбудилъ больше всего споровъ. Мнѣнія ученыхъ сразу рѣзко разошлись въ его опредѣленіи: въ то время, какъ одни, напр., Cunningham [2]), Keith [3]), Turner [4]) и др. признали его принадлежавшимъ человѣку, другіе, — напр., Krause [5]), Waldeyer приписали его большой антропоидной обезьянѣ, принадлежавшей къ роду Hylobates, къ которому принадлежитъ гиббонъ. Третьи, наконецъ, приписывали черепъ микроцефалу-идіоту (Leydekker) [6]). Уже одного поверхностнаго взгляда на черепъ достаточно, чтобы сказать, что по сравненію съ черепами извѣстныхъ антропоидныхъ обезьянъ—онъ слишкомъ великъ. Но чтобы не сдѣлать приговоръ по первому и, быть можетъ, ошибочному впечатлѣнію, посмотримъ, что скажетъ емкость черепа питекантропа: она дастъ въ то же время указаніе на количество его мозга. Эта емкость, опредѣленная

---

[1]) L. Manouvrier. «Deuxième étude sur le Pithecanthropus Erectus comme précurseur prisumé de l'homme». Bull. de la Société d'Anthrop. de Paris 1895. и его-же: «Reponse aux objections contre le Pithecanthropus. l. c. 1896.

[2]) D. I. Cunningham. «Proceed. Anatom Society Gr. Britain and Ireland» 1895.

[3]) A. Keith. «Science Progress» 1895. Vol 3. № 17.

[4]) «Journal of Anatomy and Phisiology». Vol. 29. 1895.

[5]) «Verhandlungen der Berliner Anthropolog. Gesellschaft». 1895.

[6]) L. Leydekker. «Nature». Vol. 51. 1895.

Мануврія по способу кубическаго индекса, данному Брока *), найдена равною, приблизительно, 1.000 куб. сантиметровъ и, принимая во вниманіе неабсолютную точность метода и возможность ошибки, мы должны сказать такъ: емкость черепа находится въ предѣлахъ между 900 и 1.000 куб. сантим. Эта цифра тѣмъ болѣе заслуживаетъ довѣрія, что и другіе изслѣдователи пришли къ тому же результату, пользуясь другими методами. Сравнивая эту емкость съ емкостью черепа антропоидныхъ обезьянъ, мы находимъ громадный перевѣсъ на сторонѣ питекантрона: очень рѣдко попадаются черепа гориллы, черепъ котораго отличается среди антропоидовъ наибольшею емкостью, которые даютъ цифру 600 куб. сант. Разница, слѣдовательно, очень велика! Если мы обратимся далѣе къ сравненію съ человѣческими черепами, то и здѣсь разница будетъ не менѣе рѣзко выражена. Средняя емкость черепа женщинъ племени веддасовъ, чтобы взять минимальныя среднія величины, встрѣчающіяся среди человѣческихъ расъ, опредѣлена въ 1.140 куб. сант. **). Чтобы разница между веддасскими женщинами и питекантропомъ не показалась слишкомъ незначительной, нужно упомянуть о томъ, что масса тѣла имѣетъ громадное вліяніе на количество мозга и, слѣдовательно, на емкость черепа ***). При сравненіи двуногихъ животныхъ, имѣющихъ вертикальное положеніе туловища, масса тѣла можетъ быть замѣнена лучше всего такимъ элементомъ, какъ ихъ ростъ. Женщины племени веддасовъ отличаются своимъ удивительно малымъ ростомъ; въ среднемъ онъ равняется 1.433 миллиметрамъ, тогда какъ ростъ питекантропа опредѣленъ, приблизительно, въ 1.657 миллиметровъ. Слѣдовательно, разница между двумя цифрами, выражающими емкость черепа, болѣе значительна, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда и, если бы мы согласились съ мнѣніемъ, что найденный Дюбуа черепъ принадлежитъ человѣку,—это былъ бы патологическій случай—микроцефалія и связанный съ нею идіотизмъ. Количество мозга для человѣка такого роста было бы слишкомъ мало, оно не достигло бы физіологическаго минимума. Возможно ли устранить гипотезу микроцефаліи? Какъ бы ни былъ маловѣроятенъ случай микроцефаліи, онъ не представляетъ математической невозможности, такъ какъ открытая яванская раса, какъ и всякія другія, должна была имѣть и своихъ микроцефаловъ.

Маловѣроятность совпаденія микроцефаліи съ среднимъ ростомъ еще болѣе увеличивается для Мануврія послѣ изученія зубовъ, которые нужно было бы признать переходящими по ихъ величинѣ за допустимый этническій максимумъ. Кромѣ того, говоря о черепѣ, нужно замѣтить: сильное развитіе и выступъ впередъ и въ стороны (по отношенію къ средней части) надглазничной части лобной кости, равно какъ и всѣхъ бугровъ и неровностей, указывающихъ на сильное развитіе мышцъ, особенно же жевательнаго аппарата и затылочной области. Низкій, назадъ убѣгающій лобъ крайне узокъ. Все это признаки, находящіеся вмѣстѣ съ общей формой черепа въ прямой связи съ слабымъ развитіемъ центральной нервной системы. Очень поучительны и интересны линіи профилей серіи череповъ, оріентированныхъ въ одномъ и томъ же, исходномъ положеніи: профиль черепа питекантропа обхватываетъ собою профили череповъ антропоидныхъ обезьянъ, но, въ свою очередь, обхватывается профилемъ извѣстнаго неандертальскаго черепа, относящагося къ ископаемой расѣ человѣка четвертичной эпохи. Этотъ послѣдній профиль, въ свою очередь, обхватывается профилемъ человѣка позднѣйшаго, неолитическаго періода. Словомъ, промежуточное положеніе питекантропа между антропоидами и низшими извѣстными человѣче-

*) P. Broca. «Instructions craniologiques. et craniométriques». Paris 1876.
**) P. und. F. Sarasin. «Die Weddas von Ceylon». Wiesbaden 1893.
***) L. Manouvrier. «Recherches d'anatomie comparative et d'anatomie philosophique sur les caractères du crâne et du cerveau». Paris 1882.

скими расами и этимъ, графическимъ способомъ подтверждается, какъ нельзя лучше, и онъ долженъ быть признанъ за морфологически низшую ступень, чѣмъ всѣ извѣстныя, низшія расы человѣчества, и высшую ступень, чѣмъ до сихъ поръ извѣстные антропоиды.

То же разногласіе, что при опредѣленіи черепа, мы встрѣчаемъ и при вопросѣ о зубахъ, причемъ небезъинтересно отмѣтить, что защитники принадлежности черепа человѣку доказываютъ принадлежность зубовъ обезьянѣ. Мануврiэ находитъ, что по своимъ размѣрамъ зубы скорѣе обезьяньи, чѣмъ человѣчьи, а по формѣ поверхности своей верхней части они гораздо ближе къ человѣческимъ. Какъ и на основаніи изслѣдованія черепа, онъ приходитъ къ слѣдующему выводу: зубы могли принадлежать формѣ переходной между человѣкомъ и антропоидами. Зубъ этотъ безъ типа (atypique), говоритъ онъ. Оба зуба принадлежали одному индивидуму, носятъ промежуточный характеръ и должны были помѣщаться на челюсти тоже промежуточной величины, а это обстоятельство, въ свою очередь, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ положеніемъ височныхъ линій на черепѣ. То же соотвѣтствіе замѣчается при изученіи взаимнаго отношенія зуба съ бедренною костью, къ которой мы теперь и обратимся.

Бедренная кость вызвала меньше всего разногласія: почти всѣ ученые, не колеблясь, приписывали ее человѣку; но и здѣсь не все оказалось вполнѣ несомнѣннымъ. Вирховъ нашелъ признакъ, отличающій эту кость отъ человѣческой, и на основаніи этого признака указалъ на нѣкоторое сходство съ родомъ Hylobates *), къ которому, какъ уже извѣстно, по мнѣнію многихъ ученыхъ, ближе всего подходилъ черепъ. Впрочемъ, Вирховъ высказалъ свои мнѣнія съ крайней осторожностью. Во всякомъ случаѣ, бедро питекантропа даетъ намъ очень важное свѣдѣніе: животное было совершеннымъ двуногимъ, а таковымъ изъ нынѣ живущихъ видовъ является одинъ человѣкъ. Этому обстоятельству питекантропъ обязанъ, между прочимъ, своимъ видовымъ названіемъ Erectus, указывающимъ на вертикальное положеніе его туловища при ходьбѣ. Эта близость бедра къ человѣческому, съ одной стороны, близость черепа къ обезьяньему, съ другой, была главной причиной, почему многіе изслѣдователи склонялись къ тому, чтобы приписать принадлежность отдѣльныхъ частей скелета различнымъ индивидамъ. На это Дюбуа, Мануврiэ и другіе справедливо возражаютъ указаніемъ на то, что близкое сходство бедра питекантропа съ человѣческимъ не достаточный аргументъ противъ принадлежности черепа и бедра одному индивиду, потому что возможно, что усовершенствованіе бедра шло впереди интеллектуальнаго развитія: двуногая походка и вертикальное положеніе туловища были, очень возможно, причиною, обусловившею дальнѣйшее развитіе интеллекта. Если мы допустимъ, что крупный видъ антропоидной обезьяны, приближавшейся по своему строенію къ человѣку, усвоилъ себѣ двуногую походку, то нужно думать, что бедро этой обезьяны въ существенныхъ чертахъ должно было мало чѣмъ отличаться отъ человѣческаго, вслѣдствіе внутренней, генетической связи между формой и функціей. Животная форма, съ черепомъ, близкимъ еще по формѣ къ черепу обезьяны, и съ бедромъ, отличающимся отъ человѣческаго лишь во второстепенныхъ, несущественныхъ чертахъ, теоретически вполнѣ допустима. Въ бедрѣ питекантропа эти несущественныя отличія заключаются въ признакахъ, которые, можно сказать, слишкомъ индивидуальны и могутъ быть связаны съ болѣзнью субъекта, вызвавшею сильные наросты въ верхней части кости. Въ заключеніе нужно еще упомянуть о томъ, что длина бедренной кости послужила для опредѣленія, конечно, приблизительнаго, роста питекантропа **).

*) «Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft». 1895.

**) E. Manouvrier. «Mémoire sur la détermination de la taille d'après les os longs des membres». Bull. de la Société d'Anthrop. 2-me série. T. IV.

Какъ же резюмировать всѣ добытые факты? Манувріе заключаетъ свое обстоятельное изслѣдованіе слѣдующими двумя гипотезами. *Первая*: въ пліоценовою эпоху жила на островѣ Явѣ человѣческая раса, занимающая по характеру черепа промежуточное положеніе между низшими человѣческими расами и антропоидами. *Вторая*: въ пліоценовую эпоху жила на островѣ Явѣ антропоидная раса, имѣвшая двуногую походку и занимавшая по развитію центральной нервной системы промежуточное положеніе между высшими обезьянами и человѣкомъ. Ясно, что обѣ гипотезы сводятся къ одной и той же общей идеѣ и, выражая ее въ этихъ двухъ формахъ, французскій ученый желалъ лишь подчеркнуть, что вопросъ о питекантропѣ не можетъ имѣть двухъ рѣшеній по существу, а какъ вопросъ классификаціи, всегда, по необходимости, искусственный, можетъ имѣть любое рѣшеніе изъ двухъ, не измѣняя въ то же время сущности дѣла. Дѣйствительно, къ такому выводу приводятъ всѣ вышеизложенные факты. Возражать противъ этого взгляда невозможно, не опровергнувъ фактовъ.

Громадное значеніе находки д-ра Дюбуа въ научно-философскомъ отношеніи трудно обхватить сразу и въ достаточной мѣрѣ оцѣнить всю ея важность. Эволюціонная теорія или гипотеза трансформизма, овладѣвшая всѣми непредубѣжденными умами и оказавшая столь широко-благотворное вліяніе на развитіе громадныхъ областей знанія, теорія, составившая эпоху въ области человѣческой мысли, получила въ этомъ новомъ открытіи блестящее подтвержденіе. «Наука не заключается лишь въ скопленіи фактовъ, она должна указать ихъ взаимную связь, объяснить ее. Гипотеза въ данныхъ условіяхъ играетъ важную роль, и когда новые и новые факты говорятъ все больше и больше въ ея пользу, дополняя и освѣщая многое доселѣ неизвѣстное и темное, сама гипотеза поднимается нѣсколько выше простой гипотезы, простого предположенія».

Не менѣе велико значеніе открытія Дюбуа для молодой отрасли знанія—антропологіи, являющейся какъ бы кульминаціоннымъ пунктомъ біологическихъ наукъ. Что такое человѣкъ? Откуда онъ? Вотъ два существенныхъ вопроса, взаимно связанныхъ между собою въ одно цѣлое, на которые она стремится дать отвѣтъ. Понять и объяснить себѣ, что такое человѣкъ, невозможно, не зная его прошлаго, его исторіи. Человѣкъ есть результатъ длиннаго процесса развитія—понять его нѣтъ возможности внѣ генетической связи съ причинами, его породившими. Индивидъ носитъ въ себѣ въ сокращенномъ видѣ исторію органической жизни вообще; понять морфологію вида—значитъ найти его происхожденіе, прослѣдовать тѣ формы, изъ которыхъ онъ развился, объяснить эти послѣднія суммою реальныхъ реагентовъ. Конечно, вопросъ въ концѣ концовъ дойдетъ до понятія объ элементарной жизни и задача біолога въ этомъ пунктѣ сольется съ задачей химика. Но возвратимся къ исходному пункту. Предъ нами задача: найти происхожденіе человѣка, его филогенезисъ и намѣтить тѣ стадіи, которыя имъ пройдены во время длиннаго, многовѣковаго развитія. Рамки историческихъ вѣковъ узки для подобнаго предпріятія. Мы уже сказали въ началѣ, что археологія расширила ихъ до громадныхъ размѣровъ, указавъ на прямую связь вопросовъ о человѣкѣ и его древности съ двумя послѣдними геологическими эпохами: третичной и четвертичной. Въ связи съ геологіей она дала намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о четвертичныхъ расахъ, въ связи съ теоріей эволюціи она дала гипотезу предшественника человѣка, указала пустое мѣсто въ серіи, недостающее звено въ цѣпи.

Это пустое мѣсто, это недостающее звено пополнено д-ромъ Дюбуа находкой питекантропа. И находки подобнаго рода являются, кажется, единственнымъ путемъ для изученія филогеніи человѣка. Эмбріологія, установивъ съ несомнѣнностью фактъ тѣсной связи человѣка съ другими позвоночными животными, не даетъ указанія на исходныя низшія формы, потому что онтогенети-

ческое развитіе есть слишкомъ быстрое повтореніе филогенетическаго развитія; многія стадіи этого послѣдняго сокращены до минимума, къ тому же, порядокъ развитія является сильно нарушеннымъ. Такъ, напр., мозгъ, развитіе котораго играетъ столь крупную роль въ послѣднихъ стадіяхъ филогенетическаго развитія, въ онтогенезѣ является доминирующимъ и стоитъ какъ бы на первомъ планѣ: мы видимъ, напр., что лицо зародыша исчезаетъ подъ относительно колоссальною массою мозга.

Дальнѣйшія находки должны еще болѣе пополнить наши свѣдѣнія о филогеніи человѣка, но и сама по себѣ находка Дюбуа дала уже отвѣтъ на многіе вопросы. Наука пріобрѣла въ ней новое доказательство, что животныя формы не стоятъ обособленно другъ отъ друга, и человѣкъ, оставаясь на почвѣ непреложныхъ фактовъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія выдѣлять себя изъ того генеалогическаго дерева, которое изображаетъ развитіе животнаго міра.

Если сомнѣніе въ близкой связи человѣка съ антропоидными обезьянами было еще допустимо и законно всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, то теперь передъ свидѣтельствомъ столь очевидныхъ и убѣдительныхъ фактовъ оно должно уступить мѣсто увѣренности, и связь эта, благодаря находкѣ Дюбуа, становится доказанною. Образчикъ антропоморфнаго существа, найденный Дюбуа, достаточно близкій къ низшимъ человѣческимъ расамъ съ одной стороны и къ ископаемымъ, четвертичнымъ расамъ вродѣ неандертальской и Спи, въ свою очередь стоящихъ въ близкой связи съ антропоидами, представляетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ недостававшее до сихъ поръ звено той цѣпи существъ, которая должна быть допущена между человѣкомъ и обезьянами. Громадный пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ пополненъ. Находки человѣческихъ скелетовъ въ наносахъ четвертичной эпохи, не возбуждая даже сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ остатками человѣка, дали намъ понять, что въ отложеніяхъ предъидущихъ эпохъ нужно искать остатковъ скелета предшественника человѣка на землѣ; и тѣмъ самымъ были поставлены на очередь два вопроса. Каковъ былъ родъ человѣческій въ пліоценовую эпоху? Какъ и откуда онъ могъ развиться? На первый вопросъ отвѣтъ получился достаточно полный. Мы знакомы теперь съ этимъ антропоморфнымъ существомъ пліоценовой эпохи съ совершенной двуногой походкой, вертикальнымъ положеніемъ туловища, средняго роста, съ почти вдвое большимъ количествомъ мозга, чѣмъ у антропоидныхъ обезьянъ, близкимъ къ этимъ послѣднимъ по устройству своего черепа, напоминающимъ по общей конфигураціи черепъ гиббона, съ сильно выраженнымъ прогнатизмомъ, крѣпкими челюстями и большими зубами. Если бы мы отказались отъ того взгляда, что питекантропъ является предшественникомъ человѣка, то было бы весьма трудно объяснить себѣ, почему этотъ видъ, эта раса антропоморфныхъ существъ, столь богато одаренная преимуществами въ видѣ большого роста и сильнаго развитія центральной нервной системы,— исчезла съ лица земли. Вѣдь она имѣла много данныхъ, чтобы въ жизненной борьбѣ одолѣть такихъ соперниковъ, какими являются другіе антропоиды. Изъ этого мы заключаемъ, что Дюбуа былъ вправѣ назвать своего питекантропа предшественникомъ человѣка; это мнѣніе утверждено на достаточномъ основаніи.

Какова же филіація человѣка съ обезьянами? Какому роду обезьяны выпадаетъ столь великая «честь» сдѣлаться ближайшими родственниками человѣка? Дюбуа, какъ извѣстно, настаивалъ на параллелизмѣ съ родомъ Hylobates, къ которому относится гиббонъ, да и у другихъ изслѣдователей гиббонъ постоянно фигурируетъ въ качествѣ существа, съ которымъ сравниваютъ питекантропа. Въ какой же мѣрѣ великъ въ самомъ дѣлѣ этотъ параллелизмъ? Гиббонъ является прежде всего существомъ двуногимъ *), хотя и не вполнѣ совершен-

*) P. Broca. «L'ordre des primates». Bull. de la Société d'Anth. de Paris. 1869.

нымъ, но во всякомъ случаѣ легко достигающимъ вертикальнаго положенія туловища; въ этомъ отношеніи онъ отличается отъ человѣка гораздо менѣе, нежели отъ другихъ приматовъ. Позвоночный столбъ одного вида гиббона представляетъ какъ разъ всѣ три изгиба, характерныхъ для человѣческаго типа— слѣдовательно, этотъ видъ лучше другихъ приспособленъ къ вертикальному положенію туловища. Въ противоположность другимъ антропоиднымъ обезьянамъ у гиббона число отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ состоитъ грудная кость, какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ, какое мы находимъ у человѣка. Типъ мозга гиббона достаточно близокъ къ человѣческому, и если въ количествѣ его гиббонъ далеко отсталъ отъ человѣка, то разница эта значительно сгладится, если принять въ соображеніе, во-первыхъ, разницу въ ростѣ, а во-вторыхъ, тотъ фактъ, что слабое по своему существу органическое усовершенствованіе, вызывая глубокія и многочисленныя функціональныя послѣдствія, можетъ нарушить пропорціональность между перемѣнами въ анатомическомъ и физіологическомъ отношеніи *). Трудно сказать даже приблизительно, къ какому увеличенію количества мозга могло повлечь за собою превращеніе изъ лазающаго животнаго въ двуногое, но можно думать, что оно было значительно, такъ какъ освобожденіе переднихъ конечностей должно было повлечь за собою пріобрѣтеніе новыхъ ощущеній, новыхъ впечатлѣній, новыхъ движеній и дѣйствій. Психологическія послѣдствія должны были быть громадны. Манувріэ полагаетъ, что родъ человѣческій со времени своего существованія никогда не реализовалъ такого громаднаго прогресса, какъ съ переходомъ отъ лазающаго по деревьямъ животнаго къ животному, обладающему двуногой походкой.

Итакъ, связь питекантропа съ родомъ Hylobates не представляетъ ничего невозможнаго. Несомнѣнною является также возможность развитія его изъ сравнительно низкой формы, въ виду возможности быстраго измѣненія и совершенствованія подъ вліяніемъ перемѣны въ положеніи туловища гиббона. Перемѣна эта могла произойти быстро подъ вліяніемъ необходимости. Какія причины вызвали эту перемѣну? что вызвало эту необходимость? За невозможностью дать фактическій матеріалъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ, приходится прибѣгнуть къ гипотезамъ и предположеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что жившія на деревьяхъ антропоидныя обезьяны принуждены были сдѣлаться двуногими, послѣ совершеннаго уничтоженія лѣса на какомъ-нибудь островѣ. Уничтоженіе лѣса могло явиться слѣдствіемъ сильнаго изверженія вулкана. Но здѣсь, повторяемъ, мы находимся въ области простыхъ догадокъ и предположеній. Манувріэ не останавливается даже предъ трудностью выполненія сложнаго опыта для провѣрки этой гипотезы. Не было бы абсурднымъ, говоритъ онъ, сдѣлать слѣдующій опытъ: помѣстить разные виды гиббоновъ въ такія условія, какія, по нашему предположенію, могли способствовать выработкѣ двуногой походки, хотя бы для того только, чтобы посмотрѣть, что произойдетъ съ локомоторными привычками гиббоновъ.

Связь питекантропа съ человѣкомъ, съ другой стороны, уже достаточно выяснена и настаивать на ней было бы излишнимъ: уже самый фактъ, что многіе ученые готовы были принять черепъ питекантропа за человѣческій, говоритъ самъ за себя. Излишне было бы даже искать новыхъ переходныхъ формъ, такъ какъ, съ одной стороны, ископаемыя расы человѣка, а съ другой—низшія, нынѣ живущія расы составляютъ вполнѣ удовлетворительный рядъ этихъ переходовъ.

Остается только выяснить вопросъ классификаціи. Куда помѣстить питекантропа? Достаточно ли сдѣлать изъ Pithecanthropus особый родъ того же названія, куда могли бы войти всѣ тѣ формы, которыхъ мы вправѣ ожидать въ будущихъ находкахъ, формы, подобно питекантропу обладавшія двуногой походкой?

*) P. Broca. l. c., p. 143.

Или, быть можетъ, его нужно выдѣлить въ особое семейство? Послѣднюю идею проводилъ Дюбуа. Мануврiэ возражаетъ противъ этого, находя, что достаточно выдѣлить питекантропа изъ семейства антропоидовъ и, сдѣлавши его особымъ родомъ—genus Pithecanthropus, помѣстить этотъ новый родъ въ одно семейство съ человѣкомъ. Родъ Homo sapiens займетъ первое мѣсто и непосредственно подъ нимъ, ниже его, станетъ родъ Pithecanthropus. Дѣйствительно, Pithecanthropus стоитъ безспорно ниже человѣка, но характеризуется всѣми типичными признаками того семейства, къ которому принадлежитъ человѣкъ.

На этомъ мы закончимъ наше изложеніе. Если бы скептически настроенные умы остались неудовлетворенными тѣми выводами и тѣми данными, на которыхъ они построены, и потребовали математическаго доказательства положеній, которыя мы защищали—мы были бы, конечно, не въ состояніи дать ихъ, потому что самый вопросъ, по существу своему, не допускаетъ доказательствъ этого рода. Мы отвѣтимъ имъ только, что пытливый умъ человѣка лишь слишкомъ недавно вступилъ на правильный путь къ познанію истины и, если намъ, какъ смертнымъ людямъ, придется встрѣтить лишь начало XX вѣка, то уму человѣческому предстоитъ еще впереди длинный рядъ вѣковъ и тысячелѣтій, которые принесутъ съ собою и новые факты, и новыя открытія, и новые методы изслѣдованія. Область непознаваемаго постепенно съуживается, и нѣтъ теперь человѣка, который рѣшился бы проводить границу между познаваемымъ и непознаваемымъ. Уже нашъ вѣкъ опередилъ самыя смѣлыя ожиданія философовъ, вѣрившихъ въ силу и мощь человѣческаго генія.

Каждый новый шагъ, каждое новое завоеваніе говоритъ намъ, что правъ былъ старый философъ-идеалистъ, когда еще въ началѣ нашего столѣтія произносилъ пророческія слова: «Въ началѣ скрытая и замкнутая природа вселенной уже не имѣетъ силы, которая могла бы сопротивляться силѣ познанія. Предъ этой силой она должна открыться и дать свои богатства и глубины для наслажденія и созерцанія» *).

Н. Могилянскій.

---

*) Hegel «Geschichte der Philosophie». Vorwort. p. 6.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Астрономія. 1) Тѣнь, отбрасываемая землею. 2) Новая комета. **Физика и метеорологія** 1) Аномаліи сплавовъ желѣза съ никелемъ и объясненіе ихъ. 2) Лучи, испускаемые элементомъ торіемъ и его соединеніями. 3) Лунная радуга. 4) Удары молніи въ Юго-западной Россіи. **Геологія и минералогія.** 1) Фергюссонитъ — эндотермическій минералъ. 2) Новый замѣчательный гротъ Арманъ. **Біологія.** 1) Сумчатое животное съ плацентой. 2) Мозгъ и эмбріональное развитіе. 3) Вліяніе алкоголя на мускульную работу.

Астрономія. 1) *Тѣнь, отбрасываемая землею.* Американскій астрономъ *W. R. Brooks*, директоръ обсерваторіи *Smith* въ Женевѣ (штатъ Нью-Іоркъ) сдѣлалъ недавно интересное сообщеніе относительно этого, еще до сихъ поръ спорнаго, вопроса. Г. *Brooks* утверждаетъ, что въ хорошую погоду съ его обсерваторіи можно ясно видѣть тѣнь земли въ видѣ темнаго, густого тумана красноватаго цвѣта. Это явленіе доступно наблюденію въ теченіи получаса до захода солнца и получаса же послѣ захода, въ первомъ случаѣ тѣнь образуется на востокѣ, во-второмъ—на западѣ. Большинство наблюдателей не замѣчало до сихъ поръ этой тѣни, такъ какъ смѣшивало ее съ тучами или съ туманами, но здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о туманѣ, ни о тучѣ, говоритъ авторъ, такъ какъ они скрыли бы отъ нашихъ глазъ блестящія планеты, находящіеся въ оппозиціи съ солнцемъ, между тѣмъ какъ такія планеты остаются прекрасно различимой.

2) *Новая комета.* 19/7 марта американскій астрономъ *Perrine* (изъ обсерваторіи Лика) открылъ новую комету. Это новое свѣтило имѣетъ круглое, слабо эксентричное ядро, по блеску сравнимое съ звѣздой 7-й величины; діаметръ ядра равенъ приблизительно $4'$. Хвостъ кометы слабо очерченъ, но все же тянется на $15'$.

Физика и метеорологія. 1) *Аномаліи сплавовъ желѣза съ никелемъ и объясненіе ихъ.* Въ апрѣльскомъ номерѣ «Revue générale des sciences pures et appliquées» г. *Гильомъ*, извѣстный физикъ интернаціональнаго бюро мѣръ и вѣсовъ въ Парижѣ, напечаталъ интересную статью, касающуюся этого вопроса. Мы останавливаемся на ней въ виду какъ большой практической важности этихъ сплавовъ, такъ и глубокаго теоретическаго значенія объясненій, которыя предлагаетъ г. Гильомъ. Лѣтъ десять уже мы знаемъ, что нѣкоторые сплавы желѣза съ никелемъ не владѣютъ магнитными свойствами при обыкновенной температурѣ — одно изъ характерныхъ свойствъ какъ той, такъ и другой составной части сплава исчезло, какъ будто мы имѣемъ передъ собой новое *химическое* соединеніе. Но еще интереснѣе, что кусокъ такого сплава, неспособнаго намагничиваться токомъ при обыкновенной температурѣ, пріобрѣтаетъ эту способность при *низкихъ* температурахъ, а также, если его подвергнуть крученію, строганію или плющенью. Такимъ образомъ, нужно предположить, что нѣкоторые изъ сплавовъ желѣза съ никелемъ владѣютъ, по крайней мѣрѣ, двумя состояніями равновѣсія.

Если стержень такого сплава подвергать растягиванью, то онъ сильно удлиняется, но, въ концѣ концовъ, происходитъ разрывъ, при чемъ обломки пріобрѣтаютъ магнитныя свойства. Въ нѣкоторыхъ сплавахъ желѣза съ никелемъ разрывъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Какъ только въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ стержня обнаруживается стремленіе къ разрыву, сплавъ какъ бы твердѣетъ въ этой точкѣ, произведеніе поверхности на вязкость становится въ этой точкѣ больше, чѣмъ въ какой-либо другой, стремленіе къ разрыву останавливается въ данномъ мѣстѣ и переходитъ на другое. Такимъ образомъ, превращеніе происходитъ постепенно, вѣроятно, много разъ возвращаясь къ одной и той же точкѣ, пока весь стержень не придетъ въ состояніе твердое и ломкое и тогда только происходитъ разрывъ. Такъ г. Гильомъ объясняетъ то удивительное явленіе, что стержни изъ этого сплава удлиняются, при растягиваньи, подобно стержню изъ самаго мягкаго металла, а затѣмъ становятся твердыми и ломкими, какъ закаленная сталь. Такимъ образомъ, при переходѣ въ это магнитное состояніе подобный сплавъ желѣза и никеля, который Гильомъ называетъ *необратимымъ* (irreversible) увеличивается въ объемѣ.

Опыты г. Гильома показали, что всѣ сплавы желѣза и никеля, содержащихъ относительно *небольшое* количество никеля—не больше одной частицы никеля на 3 частицы желѣза, т. е. сплавы, предѣльная формула которыхъ будетъ Fe_3Ni, являются *необратимыми*. Сплавы этой группы, содержащіе очень мало никеля, приходятъ въ магнитное состояніе только немного ниже краснаго каленія; при 16% содержанія никеля трансформація начинается недалеко отъ 130°, а при 24% уже ниже 0. Трансформація всѣхъ этихъ сплавовъ происходитъ *постепенно* и можетъ обнимать промежутокъ въ 200°. Въ то время, какъ сплавъ, охлаждаясь, претерпѣваетъ эти температурныя измѣненія, всѣ его свойства мѣняются одновременно: его объемъ и магнитность мало-по-малу растутъ, расширеніе и модуль упругости падаютъ, между тѣмъ, какъ самая граница упругости значительно отодвигается. Стержень въ 1 метръ длиной удлиняется приблизительно на 6 миллиметровъ.

Съ другой стороны всѣ эти сплавы снова приходятъ въ «отпущенное» состояніи, когда ихъ нагрѣютъ до темнокраснаго каленія; этотъ переходъ такъ же постепененъ, какъ и обратный ему при охлажденіи. Описанныя явленія менѣе ясны, въ сплавахъ съ меньшимъ содержаніемъ никеля или, точнѣе, съ меньшимъ содержаніемъ въ сплавѣ соединенія Fe_3Ni. Въ общемъ можно сказать, что всѣ эти сплавы (*необратимые*) сохраняютъ свойства, которыя они пріобрѣли подобными вліяніями температурныхъ измѣненій: пока не перейдутъ вверхъ или внизъ температуръ, которымъ сплавъ былъ подвергнутъ во время своей послѣдней частичной трансформаціи, до тѣхъ поръ онъ сохраняетъ промежуточныя свойства, которыя онъ имѣлъ въ этотъ моментъ, такой сплавъ безконечно долго можетъ оставаться полу-отпущеннымъ, слабо-упругимъ, слабо-магнитнымъ.

Таковы свойства сплавовъ желѣза и никеля, въ которыхъ процентное содержаніе послѣдняго не достигаетъ 25% и которые г. *Гильомъ* назвалъ необратимыми. Какъ только содержаніе никеля приближается къ 25% свойства сплава рѣзко мѣняются—сплавы становятся «обратимыми»: съ нѣкоторымъ приближеніемъ можно сказать, что ихъ свойства зависятъ въ каждый данный отъ температуры этого момента, но зато они обладаютъ своими, тоже весьма интересными аномаліями. Расширеніе этихъ необратимыхъ сплавовъ желѣза и никеля подъ дѣйствіемъ температуры становится постепенно все слабѣе и слабѣе, разъ мы идемъ отъ сплавовъ съ наименьшимъ содержаніемъ никеля (около 25%) къ сплавамъ болѣе богатымъ имъ,—и у сплавовъ съ содержаніемъ около 36% никеля расширеніе равняется всего $^1/_{10}$ расширенія платины. Техника уже воспользовалась удивительнымъ свойствомъ этихъ сплавовъ и въ часовомъ производствѣ, а также и при приготовленіи нѣкоторыхъ физическихъ приборовъ

дорого стоющая платина начинаетъ замѣняться соотвѣтственнымъ сплавомъ желѣза съ никелемъ.

При увеличеніи въ сплавѣ количества никеля болѣе 36% расширеніе его (при дѣйствіи тепла) начинаетъ снова постепенно возрастать и, наконецъ, достигаетъ своей нормальной величины.

Всѣ сплавы этой категоріи (*обратимые*) владѣютъ магнитными свойствами при низкихъ температурахъ, но когда ихъ нагрѣваютъ они теряютъ постепенно способность намагничиваться температура, при которой происходитъ окончательная потеря этой способности, колеблется въ зависимости отъ содержанія никеля въ сплавѣ; такъ, для сплавовъ съ 26% никеля эта температура ниже нуля, для сплава же съ 40% никеля—она достигаетъ до 320°. Когда магнитность такого сплава почти уже исчезла — расширяемость его начинаетъ быстро повышаться и при температурѣ, при которой электрическій токъ уже не дѣйствуетъ на сплавъ, расширеніе послѣдняго достигаетъ величины гораздо болѣе значительной, чѣмъ при магнитномъ состояніи.

Когда такой сплавъ желѣза съ никелемъ, находившійся подъ вліяніемъ болѣе или менѣе высокой температуры, подвергаютъ дѣйствію болѣе низкой t., то онъ, по мѣрѣ охлажденія, постепенно сжимается; но если новая температура поддерживается въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, то сжатіе не только останавливается, но наступаетъ снова расширеніе, величина котораго зависитъ отъ состава сплава и отъ температуръ, которымъ онъ подвергался.

Быстрота этого измѣненія уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ температуры, при которой магнитность исчезаетъ совершенно; другими словами: сплавъ тѣмъ болѣе постояненъ, чѣмъ болѣе понижается температура. При низкихъ температурахъ и для нѣкоторыхъ сплавовъ это движеніе можетъ совершаться почти въ теченіе цѣлаго года.

Если затѣмъ этотъ сплавъ подвергаютъ дѣйствію высокой температуры происходитъ рядъ обратныхъ явленій—стержень сначала удлиняется при этомъ новомъ нагрѣваніи, затѣмъ почти сейчасъ же начинаетъ сокращаться, и, наконецъ, черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, достигаетъ устойчиваго состоянія. Измѣненіе при этомъ новомъ нагрѣваніи идетъ болѣе быстро, чѣмъ при охлажденіи.

Эти явленія сильно напоминаютъ колебанія нуля термометра подъ вліяніемъ различныхъ температуръ. Хотя измѣненія объема стекла термометра и обратнаго знака сравнительно съ подобными измѣненіями сплавовъ желѣза и никеля но законы, которые управляютъ этими явленіями въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно одинаковы и потому теорія, которая объяснитъ одно изъ нихъ, будетъ вполнѣ приложима и къ другому.

Г. Гильомъ и предлагаетъ подобную общую теорію какъ для объясненія аномалій сплавовъ желѣза съ никелемъ, такъ и для колебаній термометрическаго нуля. Г. Гильомъ начинаетъ съ сплавовъ желѣза и никеля. Вышеизложенные факты указываютъ на тѣсную связь между магнитными свойствами этихъ сплавовъ и измѣненіями объемовъ. Помимо всякой теоріи, самые факты приводятъ насъ къ заключенію, что при охлажденіи появляется новая молекулярная модификація, вслѣдствіе чего опредѣленный элементъ сплава увеличивается въ объемѣ и это внутреннее вздутіе, уравновѣшивая сжатіе, которое должно было бы имѣть мѣсто, если бы сплавъ только состоялъ изъ однородныхъ молекулъ, сводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ величину этого сжатія почти къ нулю. Изъ того, что магнитныя свойства многихъ металловъ часто пропадаютъ въ соединеніяхъ этихъ металловъ съ другими элементами, заключаютъ, что магнитность есть свойство, связанное *съ молекулой*, а не съ атомомъ. Что же касается сплавовъ, то всѣ ученые признаютъ въ настоящее время, что большинство сплавовъ является не простой смѣсью двухъ металловъ, но настоящими

опредѣленными химическими соединеніями, съ характернымъ для каждаго такого соединенія комплексомъ физическихъ свойствъ, въ томъ числѣ и опредѣленной кристаллической формой. Разъ въ нашихъ сплавахъ желѣза съ никелемъ характерная для каждаго въ отдѣльности металла магнитность пропадаетъ, то мы, конечно, должны допустить, что эти сплавы суть тоже настоящія *химическія* соединенія. Отсюда логическій выводъ, что *магнитность появляется въ этихъ сплавахъ тогда, когда они перестаютъ быть химическими соединеніями т. е. когда послѣднія разлагаются.* Такимъ образомъ нужно допустить, что тѣ сплавы желѣза съ никелемъ, которые авторъ называетъ *необратимыми*, при дѣйствіи на нихъ низкихъ температуръ, становятся простыми смѣсями желѣза и никеля. Типовой для нихъ сплавъ Fe_3Ni сопротивляется лучше другихъ этому разложенію; когда же этотъ сплавъ (Fe_3Ni) содержитъ въ растворѣ желѣзо, то свойства его становятся менѣе ясными; избытокъ желѣза приближаетъ сплавъ къ состоянію простой смѣси. Изъ того, что эта трансформація происходитъ постепенно при пониженіи температуры можно заключить, что для равновѣсія цѣлаго достаточно нѣкотораго количества разъединенныхъ элементовъ, но послѣ перехода черезъ опредѣленную низкую температуру опредѣленная пропорція въ диссоціаціи достигается окончательно и сохраняется до тѣхъ поръ, пока возвышеніе температуры до краснаго каленія не вызоветъ снова появленія опредѣленнаго химическаго соединенія. Тогда получается уже окончательное превращеніе и измѣненіе температуры въ обратную сторону уже не производитъ соотвѣтственнаго измѣненія явленія.

Иное происходитъ, со сплавами *обратимыми*. Всякое измѣненіе, которое идетъ въ одну сторону, можетъ идти въ другую. Если сплавъ сокращается при охлажденіи, то онъ расширяется при нагрѣваніи и притомъ въ однѣхъ и тѣхъ же температурныхъ границахъ, почти въ одинаковой степени. Разложеніе опредѣленнаго химическаго соединенія (Fe_2Ni?), происходящее въ данномъ случаѣ при опредѣленной степени охлажденія, исчезаетъ почти въ той же степени при нагрѣваніи. Иначе говоря, эти сплавы (обратимые) при всякой опредѣленной температурѣ стремятся къ устойчивому равновѣсію, которое, послѣ нѣкотораго измѣненія температуры, почти и достигается всякій разъ, какъ снова переходятъ черезъ эту опредѣленную температуру, но это равновѣсіе становится окончательнымъ только послѣ продолжительнаго дѣйствія этой температуры.

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Гильома, *обратимые* сплавы желѣза и никеля нужно разсматривать какъ соединенія, которыя въ опредѣленныхъ температурныхъ рамкахъ суть устойчивыя смѣси—одного химическаго соединенія желѣза съ никелемъ съ этими элементами въ отдѣльномъ видѣ. Наиболѣе рѣзкая аномалія въ расширеніи сплава когда онъ близокъ къ формулѣ Fe_2Ni. Внѣ пропорціи этого опредѣленнаго химическаго соединенія мы имѣемъ дѣло, также какъ и въ сплавахъ необратимыхъ, со смѣсью.

Что касается до колебанія термометрическаго нуля при различныхъ температурахъ то г. *Гильомъ* предлагаетъ объяснить ихъ аналогичной теоріей, т. е. присутствіемъ въ стеклѣ термометра различныхъ измѣняющихся химическихъ соединеній, между которыми происходятъ постоянные обмѣны въ зависимости отъ измѣненія химическаго сродства подъ вліяніемъ температурныхъ измѣненій. При всякой опредѣленной температурѣ стекло даннаго состава будетъ стремиться къ окончательному состоянію равновѣсія и это состояніе будетъ измѣняться въ зависимости отъ температуры даннаго момента. Понятно, что стекла, содержащія въ болѣе или менѣе одинаковыхъ количествахъ соединенія натра и калія будутъ болѣе подвержены этимъ измѣненіямъ, чѣмъ стекло болѣе простого состава, гдѣ одно изъ этихъ соединеній отсутствуетъ или вообще составляетъ крайне незначительную примѣсь. Мы не станемъ останавливаться на объясненіяхъ, которыя даетъ авторъ съ точки зрѣнія своей теоріи всѣмъ измѣне-

ніямъ температурнаго нуля — они въ концѣ-концовъ сводятся къ взаимодѣйствію химическихъ соединеній, изъ которыхъ состоитъ данное стекло.

«Эти химическія измѣненія,—говоритъ г. Гильомъ,—кажутся несовмѣстимыми съ идеальнымъ строеніемъ твердаго вещества, но опыты съ электролизомъ стекла, микроскопическое изслѣдованіе сплавовъ, аналитическія данныя, указывающія на диффузію одного металла въ другой, указываютъ на существованіе миграціи такъ называемыхъ твердыхъ частицъ гораздо болѣе значительной, чѣмъ тѣ движенія съ сохраненіемъ мѣста, теорія которыхъ только что изложена нами».

Мы видимъ, какъ изъ попытки объяснить частныя, хотя и крайне интересныя, уклоненія отъ того, что зовется закономъ, вырастаетъ грандіозное обобщеніе, могущее охватить громадный кругъ, доселѣ загадочныхъ, явленій. Аномаліи являются всегда предтечами новаго закона, въ которомъ истины будетъ больше, чѣмъ въ томъ законѣ, противъ котораго протестовали эти аномаліи.

2) *Лучи, испускаемые элементомъ торіемъ и его соединеніями.* Извѣстное открытіе г. Беккерелемъ особыхъ лучей, испускаемыхъ урановыми соединеніями и близкихъ по своимъ свойствамъ къ знаменитымъ рентгеновскимъ лучамъ, естественно вызвало вопросъ, не способны ли образовать и другіе элементы подобныхъ лучей. Изъ числа многихъ ученыхъ, изслѣдовавшихъ этотъ вопросъ, г. *Шмидту* удалось найти одинъ элементъ—*торій*, обладающій свойствомъ урана—испускать лучи, дѣйствующіе на фотографическую пластинку, завернутую въ непроницаемую для свѣта бумагу, и способные сообщать окружающему воздуху электропроводность. Эти свойства торія сохраняются въ его соединеніяхъ, даже и тогда, когда послѣднія завернуты въ алюминіевые листы. Изслѣдованія многихъ другихъ элементовъ и ихъ соединеній дало отрицательные результаты по отношенію къ дѣйствію испускаемыхъ ими лучей на фотографическую пластинку; но многіе изъ этихъ веществъ все же испускаютъ лучи, способные превращать окружающій воздухъ въ проводникъ электричества. Такимъ образомъ два вышеописанныя свойства урановыхъ лучей рѣдко существуютъ совмѣстно. Повидимому, свойства эти находятся въ связи съ атомнымъ вѣсомъ элемента; такъ, атомный вѣсъ урана и торія очень близки другъ другу—у перваго 240, а у втораго 232.

3) *Лунная радуга.* Начальникъ бельгійской экспедиціи въ Конго *Шалтэнъ* помѣстилъ въ апрѣльскомъ нумерѣ журнала «Ciel et terre» описаніе наблюденнаго имъ крайне рѣдкаго атмосфернаго явленія—такъ называемой лунной радуги. Наблюденіе это было сдѣлано Шалтэномъ въ *Redjaf-Lado*, находящемся на Нилѣ, приблизительно, на 5° сѣверной широты и 31° долготы.

«...Въ субботу 17-го апрѣля,—пишетъ Шатлэнъ,—около 8 часовъ вечера, спустя уже 2 часа послѣ того, какъ солнце скрылось за горизонтомъ и луна сіяла во всемъ своемъ блескѣ, приблизительно, въ 45° надъ горизонтомъ, вдругъ на небѣ въ ССЗ. направленіи вспыхнула радуга; вогнутость ея была обращена къ западу; въ этомъ же направленіи былъ расположенъ и наиболѣе ярко выраженный цвѣтъ этой радуги—оранжевый; другіе цвѣта сливались. Явленіе продолжалось около получаса. Погода была бурная и большія черныя тучи неслись къ западу, оставляя однако значительную часть неба чистою. Ни бѣлые, ни черные,—прибавляетъ г. Шатлэнъ,—никогда не видали ночной радуги...»

По поводу этого сообщенія г. Шателэна членъ-корреспондентъ бельгійской королевской академіи *Ж. Декеркъ* сообщилъ редакціи «Ciel et terre», что 28-го августа 1893 года ему также удалось наблюдать на морѣ около восточнаго берега Мадагаскара подобное же явленіе. «Я находился,—пишетъ г. Декеркъ,—на кораблѣ «Рei-Но», который въ 4 часа вечера вышелъ изъ порта Таматаве по направленіи къ Діего-Суарецъ. Послѣ великолѣпнаго солнечнаго заката я замѣтилъ на небѣ, часовъ около 8, слѣдовательно, въ то же самое время, какъ и г. Шателэнъ, поразительно ясную лунную радугу. Было полно-

луніе, четырнадцатый лунный день и всѣ семь цвѣтовъ, хотя и не очень яркіе, были ясно различимы. Явленіе продолжалось не болѣе ¼ часа...»

4) *Удары молніи на югѣ Россіи.* Профессоръ Одесскаго университета *А. Клоссовскій*, неутомимый организаторъ русской юго-западной метеорологической сѣти, сообщаетъ въ апрѣльскомъ журналѣ «Ciel et terre» результаты семилѣтнихъ наблюденій надъ грозами въ юго-западной Россіи. Оказывается, что за этотъ промежутокъ времени было зарегистровано 13.664 случая грозы, причемъ 271 ударъ молніи повлекли за собой сотни (561) болѣе или менѣе тяжелыхъ поврежденій для людей, животныхъ, построекъ, деревьевъ и т. п. Вообще въ этой области Россіи 1 ударъ молніи приходится въ среднемъ на 50 грозъ. Изъ этихъ 561, 154 случая—приходится на людей, изъ которыхъ 77 убито, 77 оглушено или контужено. Такимъ образомъ на 177 случаевъ грозы приходится 1 убитый молніею человѣкъ.

Геологія и минералогія. 1) *Фергюзонитъ—эндотермическій минералъ.* Минералъ этотъ, какъ и вообще рѣдкіе норвежскіе минералы встрѣчаются въ полевошпатовыхъ породахъ; онъ блестящаго чернаго цвѣта, подобнаго цвѣту обсидіана, который онъ значительно превосходитъ плотностью. Тонкія пластинки его просвѣчиваютъ желто-коричневымъ цвѣтомъ; онъ совершенно однороденъ и не заключаетъ никакихъ пустотъ. Съ химической точки зрѣнія фергюзонитъ является ніобовымъ соединеніемъ иттрія, при чемъ часть ніобія можетъ иногда быть замѣщенной танталомъ, а иттрій эрбіемъ и другими элементами той же группы. Кромѣ того въ фергюзонитѣ находятся небольшія количества окисловъ церія, титана, урана, цирконія, желѣза и нѣкоторыхъ другихъ элементовъ. Какъ и многіе подобные минералы, фергюзонитъ содержитъ газъ гелій, который и освобождается при нагрѣваніи минерала. Характернымъ свойствомъ фергюзонита, по изслѣдованіямъ *Рамзая* и *Траверса*, является то, что нагрѣтый до температуры не свыше 500 и 600 гр., онъ вдругъ накаливается и освобождаетъ большую часть находящагося въ немъ гелія, причемъ уменьшается его плотность. Газъ, развивающійся при накаливаніи въ трубкѣ, откуда предварительно выкачанъ воздухъ, состоитъ изъ 75,5% гелія, 5,47% водорода, 17,14% углекислоты и 1,88% окиси углерода. Плотность фергюзонита до нагрѣванія, равняется 5,619, послѣ нагрѣванія=5,375. Количество теплоты, которую выдѣляетъ одинъ граммъ этого замѣчательнаго минерала при выдѣленіи гелія, достигаетъ 809 калорій. Процентное содержаніе въ немъ гелія равно 0,0326, а удѣльная его теплота по опредѣленіи Шильдса 0,1069.

При изученіи свойствъ фергюзонита возникаютъ различные вопросы. Развитіе тепла при выдѣленіи гелія указываетъ на то, что послѣдній находится въ соединеніи, происшедшемъ при большомъ поглощеніи тепла. Если бы плотность фергюзонита вмѣсто того, чтобы уменьшаться, становилась бы больше, какъ это происходитъ въ глиноземѣ и другихъ окислахъ, температура которыхъ внезапно повышается при нагрѣваніи, то развитіе теплоты можно было бы приписать процессу полимеризаціи. Но выдѣленіе теплоты, соединенное съ уменьшеніемъ плотности, невольно приводитъ къ предположенію, что потеря энергіи является результатомъ выдѣленія гелія. Что гелій дѣйствительно химически соединенъ въ фергюзонитѣ, доказываетъ отсутствіемъ поръ и твердостью послѣдняго. Нъ нельзя рѣшить съ какимъ элементомъ соединенъ здѣсь гелій. Можно только сказать, что количество его не соотвѣтствуетъ процентному содержанію во данномъ минералѣ урана, который обыкновенно, хотя и не исключительно, сопровождается геліемъ.

Гг. Рамзай и Траверсъ предполагаютъ, что фергюзонитъ представляетъ соединеніе, типичное для нашей планеты въ тотъ ея періодъ, когда еще не началось отвердѣваніе ея коры. Не составляютъ-ли минералы, содержащіе рѣдкіе элементы, задаютъ вопросы англійскіе ученые, внутреннюю часть нашей планеты,

не могло при томъ огромномъ давленіи, которое должно быть въ ея центрѣ, произойти соединеніе гелія съ этими элементами изотермическимъ путемъ (т. е. безъ поглощенія тепла)? И если это такъ, то не могъ ли фергюзонитъ, попавъ какимъ-нибудь, необъяснимымъ пока для насъ образомъ, на поверхность земли, гдѣ уже нѣтъ громаднаго давленія, пріобрѣсти характеръ эндотермическихъ соединеній, т. е. такихъ, которыя при обыкновенныхъ (земныхъ) условіяхъ давленія могутъ образоваться только съ поглощеніемъ теплоты.

Частое нахожденіе гелія въ спектрахъ звѣздъ, доказанное присутствіе его на солнцѣ, по мнѣнію авторовъ, указываютъ намъ на то, что такое объясненіе можетъ быть не такъ далеко отъ истины. Если даже смѣлое обобщеніе гг. Рамзая и Траверса и не оправдается, то все же самые факты, описанные ими, настолько интересны, что должны обратить на себя вниманіе всякаго образованнаго человѣка, интересующагося общими вопросами естествознанія.

3) *Замѣчательный новый гротъ Арманъ.* Этотъ гротъ находится въ мѣстности Коссъ-Межанъ (Causse Méjean) въ Лозерѣ (въ Франціи), въ $2^1/_2$ километрахъ къ югу отъ Парадъ и открытъ извѣстнымъ изслѣдователемъ подземныхъ пустотъ г. *Мартелемъ.* Отверстіе этого грота (наход. на высотѣ 964—967 метровъ) представляетъ изъ себя воронку отъ 10 до 15 метровъ въ діаметрѣ, глубиной же не болѣе 4—7 метровъ; воронка переходитъ въ вертикальный колодецъ, глубиной въ 75 метровъ; первые 40 метровъ этого колодца являются въ видѣ узкой трубы, отъ 3 до 4 метровъ въ діаметрѣ; ниже труба быстро расширяется и образуетъ гротъ, высота котораго, слѣдовательно, 35 метровъ. Гротъ Арманъ, названный такъ Мартелемъ въ честь своего коллеги, имѣетъ продолговато-круглую форму, ширина его достигаетъ 50 метровъ, длина приблизительно 100 метровъ. Почва грота круто наклонена къ сѣверо-востоку. Первая половина этой покатости загромождена обломками, свалившимися съ поверхности земли; вторая—занята лѣсомъ сталагмитовыхъ колоннъ, числомъ до двухъ сотъ и высотою отъ 3 до 30 метровъ. Фантастическая красота ихъ не поддается описанію, ни люди, ни разрушительныя силы природы до настоящаго времени не тронули ни одной изъ этихъ громадныхъ колоннъ. По мнѣнію, г. Мартеля, ни одинъ гротъ въ мірѣ не представляетъ ничего подобнаго: самая высокая изъ извѣстныхъ сталагмитовыхъ колоннъ, такъ-называемая астрономическая Башня въ гротѣ Aggtelek, въ Венгріи, имѣетъ въ вышину всего 20 метровъ; большой же сталагмитовый столбъ грота Арманъ достигаетъ—30, и сводъ грота возвышается надъ ней только на 6 — 10 футовъ. Эти измѣренія были сдѣланы при помощи маленькаго воздушнаго шара.

У сѣверо-восточнаго края грота находится второй большой вертикальный колодецъ, отъ 5 до 6 метровъ въ діаметрѣ, опускающійся на 87 метровъ еще ниже, но онъ на половину загроможденъ камнями.

Значитъ, всего въ глубину гротъ имѣетъ до 207, даже до 214 метровъ, считая отъ самаго высокаго наружнаго края воронки; такимъ образомъ этотъ гротъ—самый глубокій во Франціи; соперничать съ нимъ можетъ только гротъ Рабанели (около Ганжа, 212 метровъ). На основаніи нѣкоторыхъ геологическихъ соображеній, въ которыя мы не будемъ здѣсь вдаваться, г. *Мартель* думаетъ, что гротъ этотъ образовался, какъ и всѣ подобные ему, отъ разрушающаго и размывающаго дѣйствія воды, постепенно расширявшей трещины въ почвѣ; гротъ Арманъ служилъ для стока водъ какого-нибудь древняго озера.

По загроможденному откосу грота змѣится узкое ложе ручейка, вырытое водами дождей современной намъ эпохи. Ничтожные размѣры этого ложа сравнительно съ размѣрами самого грота наглядно показываютъ намъ, въ какой громадной пропорціи уменьшились въ настоящее время поверхностныя воды этой мѣстности, хотя просачиваніе воды въ гротъ Армана и теперь еще очень значительно и ростъ сталагмитовыхъ колоннъ еще продолжается. Что касается тем-

пературы, то, по крайней мѣрѣ, въ верхней части пещеры она измѣняется въ зависимости отъ температуры внѣшняго воздуха. По изслѣдованіямъ Мартеля на глубинѣ 75 метровъ температура въ гротѣ Арманъ была 7°, на глубинѣ 110 метр.—7°5, на глубинѣ 120 и 207 метровъ—8°, тогда какъ на поверхности земли было всего 5°,5 Ц.

Біологія. 1) *Сумчатое животное съ плацентой. M. James P. Hill* изъ Сиднея сдѣлалъ важное открытіе, касающееся подкласса сумчатыхъ; онъ указалъ, что видъ *Perameles* имѣетъ настоящую плаценту (послѣдъ). Извѣстно, что главное различіе, характерное, по крайней мѣрѣ, въ эмбріологическомъ отношеніи между сумчатыми и высшими млекопитающими заключается въ томъ, что только эти послѣднія имѣютъ плаценту. Поэтому открытый Гилемъ фактъ, что *Perameles*, несомнѣнное сумчатое, обладаетъ плацентой, является, конечно, фактомъ громадной важности. Поневолѣ встаетъ вопросъ, является ли плацента въ нѣкоторомъ родѣ пововведеніемъ среди группы безплацентныхъ, или же обѣ группы млекопитающихъ—плацентныя и безплацентныя, происходятъ отъ общаго родоначальника протоплацентныхъ животныхъ съ рудиментарной плацентой. Извѣстно, что Гексли производилъ сумчатыхъ отъ Monotremata (однопроходныя), а плацентныхъ отъ сумчатыхъ. Но существуютъ и другія мнѣнія. Гилль соединяетъ обѣ группы въ одну подъ именемъ Eutheria, а Осборнъ въ 1893 г. образовалъ изъ плацентныхъ и безплацентныхъ двѣ паралельныхъ группы, развитіе которыхъ, по его мнѣнію, шло независимо другъ отъ друга, хотя онѣ и произошли отъ одного общаго родоначальника. *Семонъ* въ 1896 г. предполагалъ, что плацентныя произошли отъ какого-нибудь типа сумчатыхъ, какъ, напр., Perameles и Phoscolaretus. *Гилль* послѣ открытія настоящей плаценты у Perameles, присоединяется къ взгляду Осборна. По его мнѣнію, плацентныя и безплацентныя произошли отъ общаго вида протоплацентныхъ. Только на сумчатыхъ надо смотрѣть, какъ на животныхъ, имѣвшихъ рудиментарную плаценту, и утратившихъ ее. Съ этой точки зрѣнія безплацентныя животныя будутъ животными регрессирующими, вырождающимися: по той или иной причинѣ плацента, полученная ими отъ родоначальника, не развивалась; она исчезла, между тѣмъ, какъ у млекопитающихъ плацентныхъ она развилась и получила важное значеніе. «По моему, — говоритъ Гилль, — нѣтъ необходимости искать плацентныхъ предковъ Eutheria въ группѣ сумчатыхъ. Безъ сомнѣнія присутствіе среди нихъ настоящей плаценты-аллантоисъ и отсутствіе ея у большинства членовъ этой группы, заставляютъ предполагать, прежде всего, что мы должны встрѣтить у сумчатыхъ первые зачатки этого органа. Но мы думаемъ, что объясненіе должно заключаться скорѣе въ томъ фактѣ, что сумчатыя составляютъ рѣзко спеціализированную группу и что онѣ подверглись вліянію условій, вызвавшихъ исчезновеніе плаценты, тогда какъ, съ другой стороны, другія условія (а можетъ быть, даже и тѣ же самыя), вызвали вырожденіе другихъ органовъ въ связи съ первоначальнымъ питаніемъ: молочныя зубы, напримѣръ. Мы возвращаемся къ мысли, что Megatheria и Eutheria—различныя вѣтви общаго родоначальника, владѣвшаго не только двумя родами зубовъ (молочные зубы и зубы взрослаго индивида), но и плацентой». Итакъ, по мнѣнію г. Гиля, сумчатыя являются братьями плацентныхъ млекопитающихъ, а не ихъ предками; тѣ и другія происходятъ отъ общаго плацентнаго родоначальника: но у сумчатыхъ, или, вѣрнѣе, у предковъ сумчатыхъ, плацента исчезла, между тѣмъ какъ она сохранилась и даже сильно развилась у предковъ млекопитающихъ.

2) *Мозгъ и эмбріональное развитіе. Alfred Schaper* поставилъ недавно рядъ опытовъ съ цѣлью выяснить роль центральной нервной системы во время формированія организма. Опыты производились надъ головастиками. Авторъ вырѣзывалъ части, или даже всѣ, нервные головные центры у еще совсѣмъ молодыхъ головастиковъ, и наблюдалъ, какое это оказываетъ дѣйствіе на ихъ даль-

нѣйшее развитіе. *Schaper* производилъ опыты довольно грубымъ образомъ: онъ просто вырѣзывалъ затылочную часть головы. Ему не всегда это удавалось; но иногда случалось вынуть весь головной мозгъ даже съ частью спинного. Само собою разумѣется, что не всѣ головастики выносили подобную операцію. Нѣкоторые все же выживали и протягивали иногда съ недѣлю, во время которой не замѣчалось никакого измѣненія въ эволюціи органовъ. Слѣдовательно, результатъ отрицательный и подтверждаетъ до извѣстной степени выводы, сдѣланные *Ру*, который дѣлитъ развитіе организма на два періода. Во время перваго періода, извѣстнаго подъ именемъ органогенетическаго, органы развиваются на счетъ полученной по наслѣдству энергіи, безъ всякаго вліянія внѣшнихъ раздражителей; во второй періодъ—функціональнаго развитія—спеціальная функція постепенно развивающагося мозга, начинаетъ играть первенствующую роль и въ содѣйствіи съ другими органами является главнымъ возбудителемъ. Опыты Шепера подтверждаютъ взгляды Ру и тѣмъ фактомъ, что вырѣзываніе мозга все же убиваетъ головастиковъ въ очень короткое время.

3) *Вліяніе алкоголя на мускульную работу. Е. Дестре* предпринялъ очень интересныя изслѣдованія надъ выясненіемъ все еще спорнаго вопроса, является ли принятіе алкоголя возбудителемъ мускульной дѣятельности или нѣтъ? Извѣстно, что нѣсколько минутъ спустя послѣ пріема какого-нибудь спиртнаго напитка испытываешь ощущеніе прилива мускульной силы и желаніе проявить ее въ чемъ-нибудь. Интересно измѣрить результаты такой дѣятельности. Дѣлая опыты надъ самимъ собою съ помощью динамометрическихъ измѣненій, г. Дестре могъ установить слѣдующіе пункты: 1) спиртъ оказываетъ благопріятное дѣйствіе на произведеніе мускульной работы—безразлично, будутъ ли мускулы утомлены или нѣтъ; 2) дѣйствіе это обнаруживается почти непосредственно, послѣ пріема алкоголя, но за то очень кратковременно; 3) послѣ этого періода спиртъ оказываетъ уже замѣтно парализующее дѣйствіе. Мускульное напряженіе полчаса спустя послѣ пріема алкоголя достигаетъ минимума, новые пріемы съ трудомъ поднимаютъ его; 4) такимъ образомъ парализующее дѣйствіе спирта уравновѣшиваетъ первоначальное кратковременное возбужденіе и въ концѣ концовъ произведеніе работы при употребленіи спиртныхъ напитковъ ниже, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ еще лишній разъ устанавливается безполезность и даже вредное дѣйствіе спирта на мускульную работу, его вліяніе призрачное и сводится въ концѣ-концевъ къ дефициту.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“

Іюнь. 1898 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги.* Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая.—Естествознаніе.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература.*—Изъ западной культуры. *Ив. Иванова.*—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Н. Головановъ. «Фаустъ», трагедія Гёте, часть II.

Н. Головановъ. «Фаустъ», трагедія Гёте, часть II. Москва. 1898. Вторая часть «Фауста» была переведена на русскій языкъ цѣликомъ всего два раза (Фетомъ и г. Холодковскимъ). У насъ, повидимому, мало любителей углубляться въ тайники метафизической символики, чтобы завоевать себѣ пониманіе философскихъ красотъ этого несомнѣнно старческаго произведенія. Незначительность поэтическаго интереса отражается на качествѣ этихъ переводовъ: нигдѣ не замѣтно подъема и увлеченія, вездѣ только упорная борьба съ техническими трудностями перевода. Трудъ г. Голованова не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи и ни въ какомъ случаѣ не можетъ сравниться съ его же переводомъ 1-й части трагедіи, недавно у насъ отмѣченномъ. Тѣ недостатки, которые тамъ можно признать рѣдкими, здѣсь становятся общимъ правиломъ, а поэтическаго огонька, который тамъ сплошь и рядомъ пробивается наружу, здѣсь нѣтъ и помина. Если написать, что угодно самой обыкновенной прозой, затѣмъ переставить кое-гдѣ слова, замѣнить обычное ударніе сомнительнымъ или даже совсѣмъ неупотребительнымъ, вставить, гдѣ понадобится, какія-нибудь ничего не значущія односложныя частицы, придумать еще двѣ-три невинныя хитрости въ этомъ родѣ, то всегда можно добиться, что эту самую прозу можно будетъ читать ямбами, хореями или амфибрахіями, но это еще далеко не будетъ поэтическая рѣчь. Г. Головановъ во 2-й части «Фауста» очень часто пишетъ такою стихотворною прозою, причемъ онъ не стѣсняется иногда производить совершенно непозволительныя насилія надъ языкомъ, чтобы только вымучить стихъ: такъ, онъ говоритъ «яблокъ» и «облакъ» вмѣсто «яблоко» и «облако», «ей» вмѣсто «ею», «ѳессальскій» вмѣсто «ѳессалійскій» и даже «онѣ» вмѣсто «они». О свободѣ синтаксиса нечего и говорить. Изрѣдка только попадается строфа, которая не рѣзала бы уха и была бы построена безъ логическихъ и грамматическихъ натяжекъ. Для примѣра приведемъ пѣснь нимфъ къ Фаусту:

Ложись, отдохни
Усталой главою
Въ пріютной тѣни
И очи сомкни!
Мы свѣтлой толпою
Тебя окружимъ
И лаской, и сказкой,
И легкою пляской
Тебя усыпимъ.

Это, правда, очень вольный переводъ, но зато это стихи. Недурно переведенъ также послѣдній монологъ Фауста, одно изъ лучшихъ мѣстъ 2-й части поэмы; нѣкоторые стихи совсѣмъ не ослабляютъ силы подлинника:

Тотъ жизни и свободы лишь достоинъ,
Кто съ бою добывалъ ихъ каждый день, какъ воинъ.

Такія мѣста вновь доказываетъ, что г. Головановъ способный переводчикъ, но чтобы счастливо преодолѣть безконечныя трудности формы и содержанія 2-й части «Фауста», надо имѣть гораздо больше выдержки и литературнаго вкуса и гораздо меньше увѣренности въ своихъ силахъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Д. Протопопова, изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к. Новыя теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи, о которыхъ идетъ рѣчь въ чрезвычайно интересной и поучительной книжкѣ Гуго, заключаются въ постепенномъ расширеніи сферы городского самоуправленія и въ борьбѣ муниципалитетовъ съ частными предпріятіями. Авторъ показываетъ, какъ англійскія городскія управленія постепенно вытѣснили частныхъ предпринимателей изъ различныхъ отраслей городского хозяйства (напримѣръ, снабженіе водою, газомъ, и пр.) и сами выступили въ роли предпринимателей и работодателей, по отношенію къ огромнымъ массамъ рабочихъ. Подъ вліяніемъ новѣйшихъ экономическихъ ученій, замѣчаетъ Гуго, городскія управленія начинаютъ примѣнять на практикѣ требованіе, «чтобы продукты пріобрѣтались безъ содѣйствія посредниковъ, непосредственно отъ производителей, а затѣмъ, чтобы они производились безъ содѣйствія предпринимателя». Такимъ образомъ происходитъ постепенная муниципализація водопроводовъ, газопроводовъ, городскихъ трамваевъ, прачешныхъ, бань, рынковъ, свободныхъ площадей, парковъ, ночлежныхъ домовъ, домовъ для рабочихъ, и проч. Особенно характерна въ этомъ отношеніи исторія городского самоуправленія въ Лондонѣ, на которой Гуго останавливается особенно подробно.

Въ Лондонѣ «новыя теченія» проявились сравнительно недавно—со времени основанія въ 1889 г. совѣта Лондонскаго графства (London County-Council). Прогрессивная партія въ совѣтѣ графства, въ составъ которой входятъ, между прочимъ, такіе выдающіеся представители англійскихъ рабочихъ, какъ извѣстный Джонъ Бернсъ, выработала программу муниципальной дѣятельности, извѣстную подъ названіемъ «лондонской». Программа эта почти цѣликомъ приведена у Гуго. Задачи прогрессивной муниципальной политики, формулируемые лондонской программой, заключаются въ муниципализаціи различныхъ отраслей городского хозяйства. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ это хозяйство и выступая въ роли крупного предпринимателя, совѣтъ лондонскаго графства долженъ служить образцомъ для другихъ предпринимателей относительно размѣра рабочаго дня, рабочей платы и вообще условій труда; городское управленіе вводитъ для своихъ рабочихъ 8-ми-часовой рабочій день, шестидневную рабочую недѣлю и заработную плату, устанавливаемую профессіональными союзами. Кромѣ того, совѣтъ графства обращаетъ особое вниманіе на жилища рабочихъ классовъ и беретъ на себя постройку городскихъ домовъ съ квартирами для рабочихъ.

Осуществленіе этой программы, въ значительной части своей принятой и въ другихъ англійскихъ городахъ, всюду встрѣчало упорное противодѣйствіе частныхъ предпринимателей, въ рукахъ которыхъ находились раньше эти от-

расли городского хозяйства. Новыя теченія клеймились названіемъ утопій и «опасныхъ мечтаній». Между тѣмъ, книга Гуго приводитъ массу фактическихъ и цифровыхъ данныхъ, доказывающихъ, что эти новыя теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи вызываются требованіями самой жизни и диктуются экономической необходимостью. Выступая въ роли предпринимателя, городъ доставляетъ своимъ жителямъ большія удобства съ меньшими денежными затратами. Интересы небольшой группы предпринимателей приносятся въ жертву интересамъ всего населенія. Особенно убѣдителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Глазго, гдѣ, благодаря муниципализаціи частныхъ предпріятій, городъ имѣетъ образцовую организацію санитарнаго управленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльный житель менѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, платитъ прямыхъ или косвенныхъ городскихъ налоговъ. Съ другой стороны, городу удается достигнуть успѣховъ тамъ, гдѣ частная предпріимчивость оказывалась безсильной. Иллюстраціей могутъ служить приводимыя у Гуго свѣдѣній о рабочихъ жилищахъ. Въ Лондонѣ, какъ и въ другихъ англійскихъ городахъ, дома для рабочаго населенія находились въ самомъ ужасномъ состояніи, и не удовлетворяли элементарнѣйшимъ требованіямъ гигіены, являясь источникомъ всевозможныхъ болѣзней и эпидемій. Постройка домовъ для рабочихъ, удовлетворяющихъ санитирнымъ требованіямъ, оказывалась невыгодной съ предпринимательской точки зрѣнія, потому что приносила слишкомъ незначительный процентъ на затрачиваемый капиталъ. Городскія управленія, не гоняющіяся за высокими процентами, взяли это дѣло въ свои руки и въ настоящее время въ Лондонѣ, Глазго, Бирмингамѣ и другихъ англійскихъ городахъ, существуютъ городскіе дома, въ которыхъ сдаются квартиры для бѣднѣйшей части населенія.

Книга Гуго даетъ много интересныхъ свѣдѣній о дѣятельности городовъ въ области общественной гигіены, народного образованія (народныя библіотеки, музеи, художественныя и техническія школы, и проч.), о городскихъ строительныхъ работахъ, рабочей политикѣ различныхъ городовъ, о биржахъ труда, и проч. Авторъ указываетъ на то, что новая муниципальная политика въ Лондонѣ, какъ и въ другихъ городахъ, въ значительной степени обусловливается участіемъ представителей рабочей партіи въ городскомъ управленіи. Изложеніе довольно сухое и имѣетъ чисто фактическій характеръ, но приводимые факты говорятъ за себя и полны глубокого интереса.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Г. Геффдингъ. «Жанъ-Жакъ Руссо и его философія».—*А. Н. Пыпинъ.* «Исторія русской литературы».

Проф. Г. Геффдингъ. Жанъ-Жакъ Руссо и его философія. Переводъ съ нѣм. Л. Давыдовой. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1898. На русскомъ языкѣ существуетъ довольно обширная литература о Руссо, и при этомъ не только переводная, но и оригинальная. Тѣмъ не менѣе, книжка проф. Геффдинга является далеко не лишней. Небольшая по объему, но въ высшей степени содержательная, она даетъ въ сжатой формѣ вѣрную картину жизни, литературной дѣятельности и міросозерцанія Руссо, отъ котораго ведутъ начало столько умственныхъ теченій, продолжающихся вплоть до нашихъ дней. Не давая ничего существенно новаго ни въ смыслѣ матеріала, ни въ смыслѣ оцѣнки, пр. Геффдингъ умѣло систематизируетъ часто парадоксальные и противорѣчивые взгляды знаменитаго женевскаго гражданина и даетъ надежную руководящую нить тѣмъ, которые безъ особенной спеціальной подготовки захотѣли бы ознакомиться непосредственно съ сочиненіями Руссо.

Опредѣляя значеніе «Исповѣди», какъ біографическаго источника, авторъ указываетъ троякій характеръ, который придавалъ ей послѣдовательно Руссо. Сначала онъ задумалъ дать «человѣческій документъ», правдивую картину внутренней и внѣшней жизни одного человѣка, весьма цѣнный для философовъ матеріалъ для сравненія при изученіи человѣческаго сердца. При этомъ самъ Руссо былъ увѣренъ, что въ состояніи послѣ долгихъ лѣтъ совершенно правдиво воспроизвести, если не фактическія детали событій, то во всякомъ случаѣ тѣ чувства, которыя онъ испыталъ при этомъ. Геффдингъ справедливо объясняетъ невозможность такого объективнаго изображенія своихъ душевныхъ движеній, прежде всего по самому характеру процесса самонаблюденія, а затѣмъ потому, что время вноситъ неизбѣжныя измѣненія въ наши воспоминанія о пережитыхъ чувствахъ. Позднѣе, подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти за нѣкоторые свои поступки, Руссо придалъ своимъ мемуарамъ характеръ публичнаго покаянія. Еще позднѣе, подъ вліяніемъ озлобленности противъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ враговъ, Руссо еще разъ измѣнилъ характеръ своей книги, желая придать ей значеніе оправдательнаго документа противъ всѣхъ обвиненій, которыя на него взводились или могли быть взведены. «Я сказалъ правду, — говорится въ послѣднихъ строкахъ «Исповѣди»:—если кто-нибудь знаетъ вещи, противныя тому, что я только что изложилъ, какъ бы онѣ ни были доказаны, то онъ знаетъ ложь и шарлатанство... Я объявляю громко и безъ страха: если кто-нибудь, даже не читая моихъ произведеній, разсмотритъ собственными глазами мою природу, мой характеръ, мой образъ жизни, мои склонности, мои развлеченія, мои привычки, и можетъ счесть меня безчестнымъ человѣкомъ, тотъ самъ заслуживаетъ, чтобы его задушили». Такую увѣренность несчастный мученикъ своихъ страстей основывалъ на томъ, что при всѣхъ своихъ даже самыхъ возмутительныхъ поступкахъ, онъ имѣлъ хорошія намѣренія. Въ этомъ мы имѣемъ право ему повѣрить, но такіе переходы отъ покаяній къ самооправданію заставляютъ насъ вдвойнѣ недовѣрчиво относиться къ сообщаемымъ фактамъ.

Изложивъ главнѣйшіе эпизоды личной жизни Руссо и его отношеній къ знаменитымъ современникамъ, Геффдингъ группируетъ взгляды его на главнѣйшія проблемы философіи. Во всѣхъ областяхъ приходится отмѣчать крайній радикализмъ его основныхъ положеній и частичное отреченіе отъ нихъ въ практическихъ выводахъ. Въ первомъ же своемъ разсужденіи («Содѣйствуютъ ли успѣхи наукъ и искусствъ очищенію нравовъ или ихъ порчѣ?»), доставившемъ ему сразу славу парадоксальнаго, но блестящаго мыслителя, Руссо далъ основаніе думать, что онъ совершенно отрицательно относится ко всякой культурѣ, отдаляющей человѣчество отъ счастливаго естественнаго состоянія, и ко всѣмъ ея составнымъ частямъ, общественнымъ формамъ жизни, наукѣ, искусству и т. д. Но вскорѣ онъ беретъ назадъ крайности своей теоріи: онъ говоритъ, что онъ отрицаетъ дурную культуру и готовъ признать хорошую, что надо различать естественнаго человѣка на естественной ступени жизни и естественнаго человѣка въ гражданской организованной жизни,—послѣднее ему не кажется невозможнымъ; изображая развращающее дѣйствіе искусства и литературы, онъ въ сущности имѣетъ въ виду лишь современную ему пустую и условную литературу и впослѣдствіи на практикѣ самъ берется за реформированіе ея, стараясь въ своихъ романахъ изображать естественныя, природныя чувства; онъ не хочетъ вернуть невѣжество первобытнаго человѣка, а хотѣлъ бы обратить человѣчество къ «разумному невѣдѣнію» и сознательной наивности. Въ области соціальныхъ и политическихъ вопросовъ Руссо также высказываетъ радикальнѣйшія сужденія: земля ничья, а плоды ея общія, все общественное и соціальное неравенство создалъ человѣкъ, который первый отгородилъ кусокъ земли и сказалъ: «это мое»; если же теперь нельзя

уже отказаться отъ всякой общественной организаціи, то надо помнить, что человѣкъ рождается свободнымъ и что эту природную свободу никто у него не имѣетъ права отнять, верховныя права народа на самоопредѣленіе неотчуждаемы, представители народные должны быть избираемы лишь на короткіе сроки съ самыми точными инструкціями, наилучшія условія для установленія справедливаго строя представляютъ маленькія государства, которыя должны соединяться между собою на федеративныхъ началахъ (идея, осуществленная позднѣе въ Соединенныхъ Штатахъ). Но въ примѣненіи своихъ революціонныхъ идеаловъ Руссо крайне остороженъ, тутъ онъ опирается на принципъ, что общественный строй и культура всегда должны соотвѣтствовать дѣйствительно даннымъ условіямъ. Разсуждая объ идеальномъ государственномъ устройствѣ для Польши, Руссо предостерегалъ даже отъ поспѣшнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости: «не освобождайте тѣла раньше души», совѣтуетъ онъ.

Религіозныя воззрѣнія Руссо сводились къ непосредственному, субъективному чувству, свидѣтельствующему о существованіи божества. «Сохраняй душу свою въ такомъ состояніи, — говоритъ савойскій викарій,—чтобы она всегда желала, чтобы былъ Богъ,—тогда ты никогда не будешь въ Немъ сомнѣваться». Познаніе Бога дается не изученіемъ, не усвоеніемъ догматовъ, традицій и откровенія, а непосредственнымъ созерцаніемъ творенія; «захлопни книги и иди на просторъ природы», говоритъ тотъ же викарій. Руссо думаетъ, что въ собраніи христіанъ, евреевъ, магометанъ можно сговориться относительно главныхъ истинъ естественной религіи, если только предварительно исключить изъ этого собранія теологовъ всѣхъ исповѣданій. Но на практикѣ Руссо не хочетъ становиться въ противорѣчіе съ положительной религіей. Онъ считаетъ дѣломъ государства установленіе внѣшняго культа, который долженъ быть признаваемъ въ его границахъ. Руссо заставляетъ своего еретическаго савойскаго викарія съ искреннимъ благоговѣніемъ служить мессу, а самъ въ Невшателѣ ходилъ къ причастію. Однако, всѣ указанныя противорѣчія и непослѣдовательности не уменьшаютъ громаднаго значенія многихъ идей, которыя впервые высказалъ Руссо. Онъ указалъ, что задача государства заключается въ уменьшеніи соціальнаго неравенства. Онъ далъ главнѣйшія основы раціональнаго воспитанія и подвинулъ впередъ психологію дѣтскаго возраста. Онъ возвратилъ литературу изъ нездоровой атмосферы салоновъ къ живому изображенію жизни. Наконецъ, онъ провозгласилъ принципы, на которыхъ построены всѣ демократіи, начиная съ 1793 г.

А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы. Т. II. Спб. 1898 г. Второй томъ «Исторія русской литературы» г. Пыпина оставляетъ болѣе законченное и опредѣленное впечатлѣніе, чѣмъ первый. Авторъ начинаетъ съ изложенія «легендъ о московскомъ царствѣ». Это легенды о бармахъ Мономаха, о византійскомъ наслѣдіи, перешедшемъ къ московской династіи, о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ и столицѣ истиннаго христіанства, наконецъ, объ основаніи русской церкви ап. Андреемъ и о происхожденіи русской династіи отъ римскаго кесарскаго дома и т. п. Онѣ имѣли цѣлью доказать законность притязаній московскихъ государей на всероссійскую власть, а также на независимое отъ Византіи высокое международное значеніе Москвы, особенно, на православномъ Востокѣ. Самая наивность и вычурность этихъ легендъ свидѣтельствуетъ о напряженной и, въ то же время, безсильной по неимѣнію запаса ясныхъ идей и точныхъ свѣдѣній—работѣ великорусской политической мысли. Великорусская народность, только что сложившаяся въ опредѣленный психологическій типъ, съ трудомъ вырабатывала формулы для зарождавшихся новыхъ понятій. Одинъ результатъ этой работы древне-русской мысли оказался прочнымъ: это убѣжденіе, что исторія Москвы есть прямое и естественное продолженіе исто-

ріи Кіева,—убѣжденіе, котораго исторію обстоятельно прослѣдилъ П. Н. Милюковъ въ первомъ томѣ своихъ «Главныхъ теченій русской исторической мысли». Поддержку оффиціальная историко-политическая теорія нашла въ идеяхъ одной изъ фракцій духовенства, такъ называемыхъ «осифлянъ», послѣдователяхъ знаменитаго Іосифа Волоцкаго. Взглядами этой фракціи и типомъ ея религіозности принято характеризовать московское міровоззрѣніе—едва ли основательно. «Осифлянство» получило оффиціальное господство, но это еще немного; боевой характеръ этого направленія показываетъ, съ какимъ трудомъ далась ему побѣда. Патріархомъ противоположнаго направленія явился Нилъ Сорскій, дѣятель, немного опередившій свой вѣкъ содержательнымъ ученіемъ, которое, если бы получило господство, привело бы къ «цѣлому религіозно-общественному и даже политическому перевороту». Борьбою церковныхъ партій въ лонѣ церкви и церкви съ ересями открылся періодъ почти непрерывнаго броженія въ духовной жизни московскаго общества; такъ отразились въ духовной культурѣ «два вѣка опыта и колебаній» въ сферѣ соціально-политическихъ отношеній. А. Н. Пыпинъ даетъ обстоятельный сводъ изслѣдованій, посвященныхъ этому броженію.

Излишне было бы слѣдить шагъ за шагомъ за изложеніемъ нашего автора. Главы, посвященныя внутреннему броженію въ интеллигентныхъ кружкахъ московскаго общества, читаются съ большимъ интересомъ. Отмѣтимъ только нѣкоторыя сужденія автора, съ которыми нельзя согласиться. Едва ли, напр., справедлива оцѣнка одного изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ публицистической литературы XVI в.: «Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ». Авторъ соглашается съ мнѣніемъ, что «она не толковита», а между тѣмъ, это одинъ изъ наиболѣе удобочитаемыхъ произведеній XVI в. именно потому, что свободенъ отъ несноснаго «плетенія словесъ» искусившихся въ книжности московскихъ писателей. Несовсѣмъ понятно также, почему А. Н. Пыпинъ отказывается видѣть въ словахъ приложенія («иного сказанія») къ этой «Бесѣдѣ» (подобаетъ царю возлвигнути отъ всѣхъ градовъ своихъ и уѣздовъ градовъ тѣхъ всякихъ людей на единомысленный вселенскій совѣтъ и безпрестанно всегда держати погодно при себѣ и на всякъ день ихъ добрѣ распросити царю самому о всегоднемъ посту и о каяніи міра всего и про всякое дѣло міра сего)—указаніе на необходимость ежегоднаго и постояннаго земскаго собора. Мысль о пользѣ совѣщательнаго учрежденія изъ «всенародныхъ человѣкъ», какъ выражался кн. Курбскій, была, повидимому, очень популярна въ извѣстныхъ кружкахъ московскаго общества. Характеристика кн. Курбскаго вышла нѣсколько блѣдной; быть можетъ, А. Н. Пыпинъ опредѣленнѣе представилъ бы эту личность, если бы ему не осталась неизвѣстной монографія Ясинскаго: «Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ» (Кіевъ, 1889 г.) Эти недостатки въ деталяхъ связаны съ общимъ, и неизбѣжнымъ недостаткомъ труда, стоящаго на рубежѣ между общей исторіей культуры и спеціальной исторіей литературы; отсутствіемъ связи между исторіей мнѣній и исторіей соціально-политическихъ отношеній. Недостатокъ этотъ особенно сказался на попыткѣ А. Н. Пыпина подвести «итоги московскаго царства».

Нельзя хорошо понять умственное броженіе XVI в., не вглядѣвшись въ броженіе соціальныхъ элементовъ этой эпохи. Правда, это послѣднее недостаточно еще выяснено. Новѣйшіе труды только начали его серьезное изученіе. Послѣ изслѣдованія С. В. Рождественскаго о «служиломъ землевладѣніи въ московскомъ государствѣ XVI в.» кое-что уже выяснилось въ этомъ сложномъ вопросѣ, а небольшія, но въ высшей степени цѣнныя изслѣдованія С. Ѳ. Платонова: *) «Къ исторіи опричины XVI вѣка» и «Къ исторіи городовъ и путей

*) Въ журналѣ М-ва Народ. Просв. за 1897 г., октябрь, и 1898 г., мартъ.

на южной окраинѣ московскаго государства въ XVI вѣкѣ» окончательно упразняютъ возможность повторять мысль, будто «удѣльно-боярскія притязанія не шли дальше придворной борьбы». Научно обоснованъ выводъ, что соціальный строй московской Руси переживалъ кризисъ: только въ концѣ XVI в. сметены были послѣдніе слѣды самостоятельности аристократическихъ родовъ и стало нарождаться новое мелкопомѣстное дворянство, которому исторія предназначала первенствующую роль въ московскомъ государствѣ. Названными трудами А. Н. Пыпинъ не могъ воспользоваться, но и предъидущая литература могла бы дать матеріалъ для постановки вопроса о соціальныхъ причинахъ броженія въ сферѣ идей: важно то, что, повидимому, первостепенное значеніе этого вопроса не вліяетъ на методъ изученія и изложенія историка литературы. Подобной односторонностью въ изученіи эпохи объясняется односторонность и въ оцѣнкѣ ея итоговъ, которая производится на основаніи не научнаго, а субъективно этическаго критерія. Онъ не даетъ опоры для строгой основательности сужденій; мелькаютъ въ главѣ объ «итогахъ» и прямыя ошибки: періодъ, который самъ авторъ характеризовалъ періодомъ «броженія», оказывается такимъ, когда «заглохла всякая потребность умственнаго труда и распространилось то недовѣріе къ «мнѣнію», т. е. къ работѣ мысли, которое надолго (даже до нашихъ дней) осталось трудно одолимой помѣхой къ распространенію просвѣщенія». Заглохла не потребность, а возможность вольно удовлетворять ее: упоминаніе о «нашихъ дняхъ» должно было бы удержать А. Н. Пыпина отъ обобщенія взглядовъ господствовавшей реакціонной партіи на всю эпоху. Эта партія такъ усиленно стремится выяснить, объединить и на вѣки закрѣпить преданіе, что самое зрѣлище ея усилій наводитъ на мысль о серьезныхъ опасностяхъ, какія грозили устарѣлому преданію. И въ самой книгѣ А. Н. Пыпина не мало данныхъ для подтвержденія этой мысли.

Объединеніе и закрѣпленіе преданія связаны были съ дѣятельностью митр. Макарія и Стоглаваго собора Въ оцѣнкѣ митр. Макарія А. Н. Пыпинъ слишкомъ близко держится взглядовъ г. Заусцинскаго, упустивъ изъ виду замѣчанія И. П. Жданова въ статьѣ: «Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора». Это заставляетъ автора изображать митр. Макарія—чистымъ осифлянином, какимъ тотъ не былъ, и возлагать на него отвѣтственность за обскурантизмъ и невѣжество отцовъ собора, съ которыми митрополитъ, сочувствовавшій Максиму Греку, далеко не былъ согласенъ. Митрополитъ не былъ достаточно силенъ, чтобы руководить соборомъ, большинство котораго состояло изъ осифлянъ, и не былъ достаточно смѣлъ, чтобы рѣзко бороться за свои болѣе просвѣщенные и вѣрные взгляды. Это еще не значитъ, чтобы убѣжденія Макарія были «шатки»: онъ не «узаконялъ» антипатичныхъ ему обычаевъ, но не сьумѣлъ помѣшать узаконенію ихъ соборомъ.

Какъ бы то ни было, старина была узаконена наканунѣ ея паденія. А. Н. Пыпинъ подробно слѣдитъ за разложеніемъ этой старины въ XVII в. Но его изложеніе теряетъ цѣльность, потому что мы тщетно стали бы искать въ его трудѣ характеристику того глубокаго кризиса, который московская Русь пережила въ началѣ XVII в. Авторъ не воспользовался данными для характеристики духовной и идейной стороны этого кризиса, какіе находятся въ трудѣ С. Ѳ. Платонова—«Сказанія и повѣсти о смутномъ времени» и въ статьѣ В. О. Ключевскаго по поводу книги проф. Платонова (въ «Отчетѣ о XXXI-мъ присужденіи наградъ графа Уварова). А между тѣмъ русскіе люди вышли изъ «великой разрухи» не только съ новыми соціально-политическими отношеніями, но съ новыми запросами, понятіями и настроеніями. Этотъ пробѣлъ наложилъ свой отпечатокъ на все послѣдующее изложеніе. Въ борьбѣ за церковную реформу остается невыясненной ея связь съ тѣмъ ударомъ, который былъ нанесенъ въ эпоху смуты національной исключительности и съ мистическими дви-

женіями этой эпохи. А. Н. Пыпинъ готовъ даже отрицать серьезное значеніе смуты въ исторіи русской жизни: «чрезвычайныя потрясенія,—говоритъ онъ,—испытанныя русскою жизнью въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, ни въ чемъ не измѣнили ея основного теченія». Кромѣ поверхностнаго отношенія къ вопросу о значеніи смутнаго времени, еще другое обстоятельство портитъ изложеніе перипетій борьбы церковныхъ партій въ XVII вѣкѣ: отсутствіе яснаго представленія о тогдашнемъ церковномъ строѣ. Патріаршее управленіе, обратившее нисшее духовенство въ тяглыхъ людей патріаршаго дворца и принявшее фискальный характеръ, столь противорѣчившій истиннымъ задачамъ церкви, создало въ средѣ духовенства рѣзкую оппозицію, которою многое объясняется въ исторіи происхожденія раскола. Во главѣ оппозиціи противъ «патріаршей» реформы стали попы, возмущенные патріаршимъ самовластіемъ. Споръ о томъ, какая власть должна и на какомъ основаніи исправлять церковныя неустройства, лежалъ въ основѣ недоразумѣній, приведшихъ къ расколу: весь строй церковнаго управленія обусловилъ острый характеръ этого спора. И съ другой точки зрѣнія дѣятельность первыхъ расколоучителей получила въ трудѣ А. Н. Пыпина неточное освѣщеніе: онъ упускаетъ изъ виду, что эти слѣпые поклонники старины—сами горячо стремились къ преобразованіямъ: они ввели впервые порядокъ въ богослуженіе, они выступили проповѣдниками, которые проповѣдь вынесли изъ церкви на площадь и наполнили ее обличеніями общественныхъ пороковъ и злоупотребленія властей. Ошибка ихъ была въ томъ, что они мечтали объ исцѣленіи общественныхъ золъ безъ помощи иноземной культуры и съ сохраненіемъ средневѣкового церковно-религіознаго міровоззрѣнія. Но послѣднее мнѣніе раздѣлялось и тѣми дѣятелями XVII в., которыхъ считаютъ передовыми. Это представители кіевской учености, ставшіе посредниками при усвоеніи нѣкоторыхъ элементовъ западной культуры, преимущественно изъ польскихъ источниковъ. Главы, посвященныя борьбѣ латинской и греческой партій и характеристикѣ Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева—однѣ изъ лучшихъ въ концѣ А. Н. Пыпина. Если тутъ авторъ многимъ обязанъ хорошимъ пособіямъ, которыми пользуется, то отличныя характеристики Дмитрія Ростовскаго и Котошихина—въ значительной степени—его самостоятельная заслуга. Изложеніе А. Н. Пыпина ведетъ къ отчетливой, но односторонней постановкѣ вопроса о томъ, въ какихъ формахъ проявилась къ концу XVII в. потребность въ новомъ просвѣщеніи. Шелъ споръ «о двухъ искомыхъ направленіяхъ для начинавшейся русской школы и цѣлаго просвѣщенія»—греческомъ и латинскомъ; но «уже вскорѣ Петръ рѣшилъ споръ тѣмъ, что сталъ искать не греческой и не латинской науки, а европейской, и не науки схоластической, а реальной и практической». Генезисъ такой постановки вопроса объ источникахъ и характерѣ необходимаго просвѣщенія, какъ будто, отодвигается къ эпохѣ Петра: «Наканунѣ реформы вопросъ не дошелъ еще до этой прямой постановки и держался еще на почвѣ старой церковной книжности и обрядности». Получается впечатлѣніе, будто секуляризація жизни, мысли и просвѣщенія есть дѣло петровской эпохи, тогда какъ XVII вѣкъ работалъ только надъ преобразованіемъ церковно-религіознаго міровоззрѣнія съ помощью либо греческой, либо латинской церковной школы. Это, конечно, не такъ. Историкъ литературы, нѣсколько съуживая свою задачу, чтобы не выйти слишкомъ далеко за предѣлы своей спеціальности, не даетъ полной картины культурнаго броженія, подготовившаго реформы Петра Великаго. Онъ не слѣдитъ за проявленіемъ свѣтскихъ интересовъ въ жизни русскаго общества. А между тѣмъ, секуляризація интересовъ русскихъ людей составляетъ существеннѣйшую часть культурнаго процесса, подготовившаго реформу. Ея изученіе должно быть связано съ подробной исторіей западнаго свѣтскаго вліянія въ Москвѣ. Представивъ подробную картину значенія западнаго вліянія для церковно-религіознаго просвѣ-

щенія, авторъ очень не полно оцѣниваетъ его роль въ свѣтскомъ быту и свѣтскомъ просвѣщеніи. Онъ даетъ только матеріалъ для ознакомленія съ исторіей свѣтскихъ литературныхъ вліяній, въ тѣхъ главахъ, гдѣ говоритъ о древнерусской повѣсти. Глава XIII знакомитъ съ любопытнымъ процессомъ усвоенія свѣтскихъ литературныхъ мотивовъ и переработкой ихъ въ народно-христіанскомъ стилѣ. Глава XXIII знакомитъ читателя съ «позднею повѣстью, которая постепенно освобождается отъ религіозной окраски и становится повѣстью свѣтской, сказочнаго, полу-историческаго или жанроваго характера». Но такіе матеріалы не нашли себѣ мѣста въ общемъ построеніи изложенія: эти главы—эпизодическія вставки.

Второй томъ «Исторіи русской литературы» А. Н. Пыпина много даетъ для изученія культурнаго броженія русскаго общества въ московскій періодъ. По цѣннымъ указаніямъ на памятники, на исторію ихъ изученія, по отдѣльнымъ мѣткимъ замѣчаніямъ и характеристикамъ книга А. Н. Пыпина—цѣнное пособіе для изученія русскаго средневѣковья.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Трайль. «Общественная жизнь Англіи», ч. III. — *А. Торсое*. «Исторія нашего столѣтія.—«Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ».

Общественная жизнь Англіи. Изданіе Г. Д. Трайля. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Москва 1897. Цѣна 2 р. 50 к. Своевременно въ «Мірѣ Божьемъ» былъ представленъ отчетъ о первыхъ двухъ томахъ историческаго сборника Трайля и подробно указаны существенные недостатки и пробѣлы этой коллективной работы. Третій томъ обнимаетъ періодъ отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елизаветы, т. е. классическую эпоху англійской исторіи въ области литературы, весьма важную—въ области внутренней и внѣшней политики и въ общемъ—одну изъ самыхъ яркихъ въ области умственной культуры. Достаточно вспомнить имена Бэкона и Шекспира, чтобы имѣть представленіе объ идейномъ и творческомъ содержаніи указаннаго времени.

Вкладчики сборника, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ далеко не успѣшно воспользовались богатѣйшими темами, какія имъ въ изобиліи давала исторія и бытъ елизаветинской Англіи. Для доказательства достаточно взять двѣ главы: *Естествознаніе* (стр. 451) и *Литература вѣка Елизаветы* (стр. 454). Первая занимаетъ ровно *одну страницу*. На ней смутно говорится о томъ, что Бэконъ научной проницательностью уступалъ своему старшему современнику—Вильяму Мильберту, и что тотъ же Бэконъ «вообще былъ не особенно счастливъ въ своихъ мнѣніяхъ о тѣхъ идеяхъ, которыя получили потомъ значеніе въ спеціальной наукѣ». Въ заключеніе бросается нѣсколько отрывочныхъ спѣшныхъ замѣчаній объ открытіи полярности—и все! Глава о *литературѣ* принадлежитъ къ наивнымъ до умилительности статьямъ сборника; съ образчиками ихъ мы знакомы по первымъ двумъ томамъ.

Авторъ въ началѣ заявляетъ, что ему отведено ограниченное мѣсто для обзора елизаветинской литературы, и, не смотря на эту ограниченность, вмѣсто того, чтобы поспѣшить приступить къ предмету, онъ принимается обсуждать «удобство» своего положенія. Послушайте, въ чемъ оно заключается: напечатать подобное разсужденіе въ научномъ сборникѣ значитъ выдать головой и научность и вообще серьезный смыслъ сборника. Нашъ историкъ разсуждаетъ:

«Ни въ англійской, да и ни въ какой иной исторіи литературы нѣтъ ничего подобнаго этому періоду, и чѣмъ полнѣе было бы его изложеніе, тѣмъ вѣроятнѣе, что важнѣйшія, наиболѣе цѣнныя и интересныя стороны предмета

будутъ скорѣе затемнены, чѣмъ выяснены, если только нѣтъ мѣста черезчуръ большого для чрезмѣрно старательнаго изложенія всѣхъ подробностей».

Удивительному автору, очевидно, «удобно» только или *чрезмѣрно* мало или *чрезмѣрно* много, и *мало*, конечно, удобнѣе всего, потому что можно написать два десятка страницъ и не сказать ничего, «выясняющаго цѣнныя и интересныя стороны предмета»: негдѣ было! Зато можно провести время въ пріятной болтовнѣ и, напримѣръ, въ такой аллегорической формѣ сообщать простѣйшіе факты въ родѣ смерти Елизаветы: «Королева отправилась туда, куда раньше ея ушли Эленсъ и Марія Стюартъ» (стр. 455).

Вообще авторъ *чрезмѣрно* наклоненъ находить «удобства». Говоря объ одной книгѣ, онъ пишетъ: «Невозможно представить себѣ —*хотя и хотѣлось бы представить это*—какой эффектъ должно было произвести ея чтеніе». А дальше слѣдуетъ такая глубокомысленная «философія исторіи»: «Мы не можемъ поставить себѣ (себя?) въ положеніе людей того времени. Никакая умственная гимнастика не въ состояніи устранить тѣ условія, въ которыхъ мы живемъ и которыхъ они не знали; хотя, повидимому, и нѣсколько (!) менѣе трудно, но въ дѣйствительности, вѣроятно (?), не менѣе возможно (?) возстановить тѣ условія, въ которыхъ жили они и которыя такъ далеки отъ насъ» (стр. 556).

Вы поняли эти изреченія? Переводчикъ, къ сожалѣнію, какъ и раньше, усерднѣйшимъ образомъ соревнуетъ съ авторами сборника отнюдь не по части «уясненія» предметовъ.

Благодаря рѣдкостному «удобству», авторъ ухитряется написать о «Марло и его группѣ» (переводчикъ читаетъ *Морловъ*, *Ралегъ*, *Лейчетеръ*, держась солидныхъ преданій просвѣщенныхъ нижегородцевъ временъ Екатерины и ихъ наслѣдниковъ, называвшихъ Дидро—Дидеротомъ, Шекспира—Шакеспиромъ, или даже Чекспиромъ, а позже Гюго—Гугономъ, Гизо—Гизотомъ), ухитряется написать, поговоривъ только о *стилѣ*, не давъ никакого представленія о «самыхъ знаменитыхъ», по его словамъ, пьесахъ *Докторъ Фаустъ*, *Тамерланъ*, *Эдуардъ Второмъ*, но зато опять блеснулъ поразительнымъ глубокомысліемъ и неудержимой болтливостью. Мы опять позволимъ себѣ провести небольшую выдержку: изъ нея будетъ видно, какъ у англійскаго историка рѣшаются дѣйствительно интереснѣйшіе вопросы.

«Ни одинъ разсудительный человѣкъ,—говоритъ онъ,—безъ колебаній не повѣритъ разсказамъ, основаннымъ на странномъ соединеніи обвиненій враговъ и на сознаніи самихъ обвиняемыхъ о буйствѣ, нищенствѣ и атеизмѣ Марлова, Грина и въ меньшей степени Нама. Но доказательства относительно общаго характера жизни Марлова и Грина слишкомъ убѣдительны, чтобы имъ можно было не вѣрить» (стр. 460).

Разговоръ о Шекспирѣ идетъ въ такомъ же тонѣ и авторъ находитъ необходимымъ и здѣсь высказать одну изъ своихъ оригинальныхъ истинъ, именно, что «было бы ужъ очень глупо промѣнять даже наиболѣе сомнительныя и худшія изъ пьесъ Шекспира на біографію, хотя бы такую подробную, какъ біографію Байрона или Маколея» (стр. 464).

Любопытно бы знать, кто обезпокоилъ автора планомъ подобной мѣны? Это ужъ выходитъ экскурсія изъ области юмористики, отнюдь не науки. Встрѣчаются экскурсіи и изъ области невѣжества. Авторъ, напримѣръ, увѣряетъ, что «до конца столѣтія (XVI) Шекспиръ былъ извѣстенъ только какъ авторъ любовныхъ поэмъ и пьесъ и, можетъ быть, легкихъ комедій и хроникъ». Т. е. какъ авторъ *всѣхъ* произведеній, написанныхъ до этого времени: не могъ же Шекспиръ быть извѣстенъ какъ авторъ еще не существовавшихъ трагедій! А потомъ—въ 1598 году ученый критикъ, сравнивая Шекспира съ Овидіемъ и Плавтомъ, ставитъ его также рядомъ и съ Сенекой, признавая, слѣдовательно, его *трагическій* талантъ не «любовный» и не «легкій».

Лучшей главой въ сборникѣ слѣдуетъ признать обзоръ отношеній Англіи къ Ирландіи, лучшей и по выполненію, и по безпристрастію автора. Эту добродѣтель приходится очень высоко цѣнить, особенно въ англійскомъ историкѣ, послѣ того, какъ нѣмецкій знаменитый ученый Моммзенъ рѣшился оправдать самую «національную» политику англичанъ на несчастномъ островѣ.

Изъ статьи англійскаго автора мы узнаемъ факты и источники вѣкового мартиролога Ирландіи. Совершенно современными отголосками звучитъ слѣдующая, напримѣръ, характеристика прошлаго:

«Правительство вмѣсто того, чтобы относиться къ туземцамъ, какъ къ подданнымъ, съ самаго начала называло ихъ «ирландскими врагами» и относилось къ нимъ, какъ къ врагамъ. Оно хотѣло не управлять ими и заботиться о нихъ, а держать ихъ подальше или искоренить. Такая вредная и совершенно ненужная политика и тогда, и на все послѣдующее время испортила отношенія Англіи съ Ирландіей и принесла безконечныя страданія и туземцамъ, и колонистамъ Туземцы, которыхъ умѣреннымъ и благоразумнымъ отношеніемъ къ нимъ можно было сдѣлать хорошими подданными, должны были бороться за свое существованіе. Положеніе страны до прибытія англо-норманновъ было скверно, но послѣ прибытія ихъ оно стало безконечно хуже. Результатъ такой злосчастной политики былъ тотъ, что завершеніе завоеванія Ирландіи стоило неисчислимо много денегъ и крови и продолжалось болѣе четырехъ вѣковъ». Авторъ обозрѣваетъ англійское законодательство объ ирландцахъ и чисто фактическимъ изложеніемъ событій пишетъ краснорѣчивѣйшее предисловіе къ «ирландскому вопросу», до сихъ поръ раздѣляющему англійскія партіи».

Къ сожалѣнію, такихъ статей въ сборникѣ очень мало. Праздную болтовню большинства авторовъ и ихъ крайности то по части дѣтскаго резонерства, то совершенно безцѣльной учености, отчасти вознаграждаютъ очерки по бытовой исторіи. Здѣсь настолько благодарный матеріалъ, что составителямъ статей оставалось просто цитировать и излагать, чтобы получались любопытныя и въ высшей степени своеобразныя картины. Особенно богата поучительными подробностями статья *Общественная жизнь*, заключающая третій томъ сборника.

О красотахъ перевода мы могли судить по выдержкамъ. Для автора русскій языкъ—личный врагъ: съ такимъ трудомъ попадаетъ подъ перо переводчика правильная грамотная фраза. Напримѣръ, кто, кромѣ иностранца, можетъ написать слѣдующее: «Памфлетъ, который есть *или предполагаетъ быть* послѣднимъ словомъ умирающаго Роберта Грина...» (стр. 461). Подобный переводъ требуетъ новаго перевода, и весьма часто не только по рѣдкости уродливой формы, но и по таинственному истинно-пиѳическому смыслу.

А. Торсое. Исторія нашего столѣтія. 1815—1890. Т. I. 1815—1863. Переводъ съ датскаго М. В. Лучицкой, подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго. Кіевъ 1898. Въ теченіе какихъ-нибудь 10—11 мѣсяцевъ на русскомъ языкѣ вышли три изданія книги Сеньебоса, посвященной исторіи XIX вѣка, а теперь на книжномъ рынкѣ появился еще переводъ работы датскаго историка, занятый тѣмъ же періодомъ и предназначенной также для широкой массы читающей публики. Растетъ не по днямъ, а по часамъ спросъ на знакомство съ ближайшимъ прошлымъ культурнаго человѣчества, параллельно съ этимъ растетъ и литература, имѣющая цѣлью удовлетворить требованіямъ общества. Правда, по разнымъ условіямъ эта литература носитъ нѣсколько односторонній характеръ, останавливается на однихъ явленіяхъ исторической жизни и обходитъ глубокимъ молчаніемъ другія, но и то, что дается, слишкомъ интересно и слишкомъ необходимо...

Книга Торсое выходитъ на датскомъ языкѣ выпусками и до сихъ поръ еще не доведена до конца, такъ что русскіе читатели познакомятся съ нею почти въ то же время, какъ и датскіе. Выпущенный пока первый томъ охватываетъ

время отъ вѣнскаго конгресса до мексиканской экспедиціи и содержитъ 512 страницъ; второй томъ, судя по содержанію послѣднихъ датскихъ выпусковъ будетъ, пожалуй, ничуть не меньше; такимъ образомъ трудъ Торсое нужно признать самымъ обширнымъ обзоромъ событій XIX вѣка изъ всѣхъ, какіе только появлялись на русскомъ языкѣ. Торсое излагаетъ событія не по странамъ, какъ Сеньобосъ, а по хронологическимъ періодамъ, и излагаетъ ихъ очень живо и связно. Конечно, книга его посвящена только политической и дипломатической исторіи Европы и поэтому раздѣляетъ участь всѣхъ подобныхъ работъ, т. е. становится въ своемъ изложеніи не всегда достаточно мотивированной, какъ только приближается къ болѣе сложнымъ и критическимъ моментамъ XIX вѣка, напримѣръ къ 1848 году, но въ общемъ, трудъ датскаго историка даетъ очень интересно написанную картину политической эволюціи послѣднихъ десятилѣтій меттерниховскаго режима и первыхъ лѣтъ послѣ февральскихъ и мартовскихъ событій. Исторія Пруссіи изложена особенно живо и хорошо, и это нужно признать крупнымъ достоинствомъ книги Торсое, такъ какъ у насъ слишкомъ многіе смутно представляютъ себѣ Пруссію безъ Бисмарка и до Бисмарка, а большинство находящихся въ обращеніи учебниковъ дѣлаетъ все, чтобы укрѣпить въ своихъ читателяхъ убѣжденіе, что дѣйствительно въ Германіи до «героическаго года» исторіи не было. Покойный публицистъ Шашковъ (сочиненія котораго вышли въ полномъ собраніи очень недавно) назвалъ періодъ меттерниховской политики «поучительною исторіею о нѣмцахъ», и читатель навѣрное ничего не потеряетъ, если ознакомится съ этою «поучительною исторіею» въ живомъ и ясномъ разсказѣ Торсое. Удачны также страницы, посвященныя возстанію сипаевъ, внѣ-европейской исторіи вообще отведено довольно много мѣста. Переводъ книги сдѣланъ прекраснымъ языкомъ, что, къ сожалѣнію, не такъ часто, какъ было бы желательно, встрѣчается въ нашей переводной литературѣ. Переводчица дополнила текстъ книги цѣлой массой очень удачно подобранныхъ вставокъ, которыя помогаютъ читателю уяснить себѣ смыслъ и характеръ, описываемыхъ фактовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Торсое слишкомъ кратокъ. Въ немалую заслугу русскому изданію нужно поставить и то, что въ немъ читатели найдутъ именной указатель, положительно необходимый для всякой работы общаго характера, но тѣмъ не менѣе, отсутствующій какъ въ другихъ подобныхъ переводахъ, такъ, нерѣдко, и въ оригиналѣ сочиненій по исторіи XIX вѣка: ни Сеньобосъ, ни Торсое такихъ указателей къ французскому и датскому подлинникамъ не приложили.

Жаль только, что въ книгѣ Торсое такъ много опечатокъ; этого зла слѣдуетъ особенно остерегаться въ популярныхъ книгахъ. Вѣдь обычные читатели такихъ книгъ впервые узнаютъ изъ нихъ цѣлую массу фактовъ и мыслей, они сами почти никогда не въ состояніи найти типографскую ошибку и, естественно, усваиваютъ каждую опечатку такъ же исправно и добросовѣстно, какъ самую непреложную истину. Напримѣръ, на стр. 493 читаемъ (дѣло идетъ о сѣверо-американской междоусобной войнѣ по поводу рабовладѣльчества): «первою ареною войны были штаты Виргинія, Кентукки и Миссури, лежавшіе къ западу отъ Миссисипи». Читатель, невинный въ географіи, останется при убѣжденіи, что всѣ три названныхъ штата лежатъ къ западу отъ Миссисипи, тогда какъ Виргинія и Кентукки лежатъ къ востоку отъ этой рѣки, а на западѣ отъ нея находится одинъ только штатъ Миссури. Очевидно, въ текстѣ вмѣсто «лежавшіе» было написано «лежавшій», въ единственномъ числѣ, и по корректорской оплошности произошла путаница. Особенно часты опечатки въ собственныхъ именахъ (хорошо еще, что это самый безвредный родъ опечатокъ); такъ, вмѣсто Колокотрони—напечатано «Колокотронъ», вмѣсто Маврокордато—«Маврокордатъ» и пр.

Таковы крупныя достоинства и мелкіе недостатки русскаго изданія труда

Torcoe; въ томъ видѣ, какъ онъ сталъ доступенъ русской публикѣ, этотъ трудъ еще удобнѣе для пользованія, чѣмъ для датчанъ—подлинникъ (благодаря указателю). Съ нетерпѣніемъ ждемъ появленія 2-го тома, обнимающаго время отъ 1863 до 1890 г. Эта эпоха изложена у Сеньобоса слишкомъ бѣгло и конспективно и поэтому, очень интересно было бы для читателей поскорѣе имѣть въ рукахъ обѣщанный датскимъ авторомъ подробный обзоръ событій послѣдняго двадцатипятилѣтія.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. Вып. I. Москва 1896 г. VII+446 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вып. II. М. 1897 г. IV+467 стр. Ц. 3 р. 30 к. Коллективный трудъ, заглавіе котораго мы привели; имѣетъ цѣлью придти на помощь учащимъ и учащимся средней школы, давая готовый матеріалъ и для разсказовъ преподавателя, которыми онъ дополняетъ и разъясняетъ изложеніе учебника, и для самостоятельнаго чтенія учениковъ. Съ другой стороны, трудъ этотъ имѣетъ и болѣе широкую цѣль: онъ можетъ сослужить службу читающей публикѣ, занявъ почетное мѣсто среди пособій для «самообразованія». Извѣстныя программы, составленныя московской «комиссіей по организаціи домашняго чтенія», имѣетъ въ виду «Книгу для чтенія», какъ настольное пособіе для всѣхъ, кого интересуютъ основныя явленія средневѣковой жизни Европы.

Нечего говорить о необходимости книгъ, которыя вносили бы, въ доступной формѣ, результаты научной дѣятельности въ школьное преподаваніе исторіи и въ кругъ чтенія лицъ, лишенныхъ возможности обращаться за углубленіемъ своихъ свѣдѣній о прошлой жизни человѣческихъ обществъ къ объемистымъ спеціальнымъ трудамъ. Учебникъ, каковы бы ни были его достоинства, недостаточенъ для такой цѣли: онъ, по необходимости, схематиченъ. Внести духъ жизни въ схемы учебника, возбудить «интересъ къ общественной жизни и ея историческому росту, живое отношеніе къ знанію и литературѣ» могутъ только живое слово и живая, содержательная книга, предназначенная для чтенія, а не для ученія. Трудность составленія книгъ, которыя соотвѣтствовали этой высшей задачѣ преподаванія — несомнѣнна. Оттого то у насъ такъ ихъ мало. Трудность эта зависитъ отъ того, что подобная книга должна удовлетворить требованіямъ научности и доступности, которыя не легко примирить. Для того, чтобы разрѣшить задачу, надо отлично владѣть матеріаломъ, переработка котораго для общедоступнаго изложенія, безъ ущерба въ содержательности, дается лишь хорошему знатоку предмета. Вотъ почему особенно отрадно видѣть, что за дѣло популяризаціи научныхъ результатовъ берутся люди, которымъ чистая наука столь же близка, какъ и практическое дѣло ея преподаванія. Подъ руководствомъ такого выдающагося медіевиста, какъ П. Г. Виноградовъ, кружокъ историковъ-спеціалистовъ издалъ книгу, за которую многіе скажутъ спасибо. «Книга для чтенія» состоитъ изъ отдѣльныхъ статей, посвященныхъ подробному разсказу или разъясненію наиболѣе характерныхъ явленій и моментовъ въ судьбахъ средневѣковой Европы. Первый ея выпускъ заканчивается очерками дѣятельности Карля Великаго. Онъ знакомитъ съ древнѣйшимъ бытомъ германцевъ и славянъ, съ результатами взаимодѣйствія германскаго и римскаго міровъ, состояніемъ восточной имперіи, первыми успѣхами папства, образованіемъ міровъ магометанскаго и германо-романскаго. Не всѣ статьи, вошедшія въ этотъ выпускъ, одинаковаго характера. Какъ указано въ предисловіи, однѣ изъ нихъ удобны для чтенія въ классѣ или самими учениками внѣ класса, другія скорѣе могутъ служить пособіемъ для устнаго разсказа преподавателя. Такъ, напр., прекрасная статья П. Г. Виноградова: «Имперія VI в. и Юстиніанъ» едва ли по плечу юнымъ читателямъ, за то она отлично выясняетъ сложныя явленія VI вѣка. Столь же содержательны, но

болѣе доступны статьи И. М. Гревса: «Аларихъ и вестготы», дающая гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе: цѣлый очеркъ постепеннаго упадка имперіи въ борьбѣ ея съ германскимъ міромъ; ярко написанная статья В. Розанова: «Религія германцевъ», его же статья о Бонифаціи, статья П. Н. Милюкова о славянахъ, Б. А. Панченка—о Григоріи VII, статья Кизеветтера объ Абассидахъ. Таковы лучшія статьи перваго выпуска. Въ цѣломъ, онъ хорошо выясняетъ читателю переходную эпоху отъ временъ римской имперіи къ классическому средневѣковью. Заслуженный успѣхъ перваго выпуска съ большимъ еще правомъ выпадетъ на долю второго, который представляетъ собою большой томъ съ цѣннымъ и разнообразнымъ содержаніемъ. Особое достоинство его составляетъ цѣльность впечатлѣнія, какое получается отъ чтенія собранныхъ въ немъ статей. Очерки П. Г. Виноградова и Е. Щепкина выясняютъ основныя черты феодальнаго строя, отдѣльныя страницы въ рядѣ другихъ статей дополняютъ и углубляютъ представленіе объ этой сторонѣ средневѣковыхъ общественныхъ отношеній. Значеніе норманнскаго элемента рельефно рисуется въ статьяхъ П. Г. Виноградова «Альфредъ Великій», Гольденвейзера «Набѣги викинговъ»; Н. Шамонина—«Подготовка перваго крестоваго похода» и др. Особенно цѣнно тщательное и содержательное разъясненіе въ цѣломъ рядѣ прекрасно составленныхъ очерковъ, основныхъ чертъ европейскаго средневѣковья—теократіи и аскетизма. Исторіи папства посвящены статьи Н. Шамонина о папѣ Николаѣ I, кн. Е. Трубицкаго о Григоріи VII (отличное resumè извѣстной книги того-же автора), В. И. Герье объ Инокентіи III; аскетическое міровоззрѣніе выясняется упомянутой статьей Н. Шамонина, статьями о папахъ, очерками Ардашева о Цезаріи Гейстербахскомъ, Виппера о Францискѣ и Доминикѣ. Другія теченія средневѣковой жизни въ ихъ отношеніяхъ къ церкви-ереси, вызвавшія появленіе инквизиціи, мистика, схоластика, рыцарство, наука и служившія ей учрежденія, особенно парижскій и болонскій университеты—составляютъ темы ряда, полныхъ живого интереса, очерковъ. Новыя явленія въ свѣтской жизни—развитіе городской свободы и свѣтскаго государства описаны въ статьяхъ С. Моравскаго и С. Рашкова, статьи В. Эйторна объ Оттонѣ Великомъ и С. Рашкова о Фридрихѣ II позволяютъ сопоставить два противоположныхъ типа императоровъ, одного—вполнѣ средневѣкового и другого—предтечи свѣтскихъ государствъ, вполнѣ секуляризованныхъ. Византія имѣетъ въ разбираемой книгѣ своими представителями Никифора Фоку и Андроника Комнена. Если указать еще на статьи, посвященныя первому крестовому походу (Н. Шамонина—двѣ статьи), Іерусалимскому королевству (Е. Щепкина) и четвертому походу (М. Покровскаго), и на статьи, знакомящія читателя съ средневѣковыми поэзіей, театромъ и пластическими искусствами то получится представленіе о полнотѣ и разнообразіи содержанія разбираемаго труда. А. между тѣмъ я не упомянулъ еще объ интересныхъ очеркахъ дѣятельности Симеона Болгарскаго (М. Покровскаго) и развитія болгарской письменности (М. И. Соколова), а также о томъ, что въ книгѣ помѣщены въ переводѣ главные источники, относящіеся къ жизни и дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія.

Важно, конечно, не количество, а качество статей. Но я перечислилъ чуть не всѣ статьи «Книги для чтенія», желая назвать лучшія. Читаются статьи сборника съ интересомъ и много дадутъ всякому, кого привлекаетъ знакомство съ своеобразной жизнью европейскаго средневѣковья. Нельзя не пожелать «Книгѣ для чтенія» самаго широкаго распространенія, а также скорѣйшаго продолженія.

Къ статьямъ, характеризующимъ византійское, романское, готическое и мавританское искусство, приложены хорошо подобранныя и очень недурно выполненныя иллюстраціи.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Клейнъ. «Астрономическіе вечера».—«Сборникъ статей для самообразованія по физикѣ, химіи и астрономіи».

Клейнъ. Астрономическіе вечера. № 1 «Общедоступной научной библіотеки». Редакція К. П. Пятницкаго. Изданіе О. Н. Поповой. 1898 г. Цѣна 2 руб. Читатели «Міра Божьяго» знакомы уже съ этой превосходной книгой. «Астрономическіе вечера» Клейна печатались при нашемъ журналѣ въ видѣ приложенія за 1893 годъ, а затѣмъ были изданы отдѣльной книжкой. Клейнъ—идеальный популяризаторъ: его изложеніе всегда замѣчательно ясно, строго научно, занимательно и картинно. Чтобы написать книгу, подобную «Астрономическимъ вечерамъ», нужно быть и ученымъ-спеціалистомъ и широко образованнымъ человѣкомъ и художникомъ, мало этого—нужно вѣрить въ значеніе и силу популяризаціи и считать ее дѣломъ не менѣе важнымъ, чѣмъ самостоятельныя научныя изслѣдованія. Только сознаніе глубокой важности этого дѣла, только серьезное, вдумчивое отношеніе къ поставленной задачѣ можетъ создать изъ ученаго—художника истиннаго, идеальнаго популяризатора. Условія современной жизни не очень благопріятствуютъ появленію такихъ ученыхъ, и вотъ почему, не смотря на громадный спросъ популярныхъ книгъ, такія книги, какъ «Астрономическіе вечера» Клейна, все еще—исключеніе.

Исключеніемъ является и скромность автора, съ которой онъ отзывается о своемъ произведеніи. «Я стремился,—говоритъ Клейнъ,—изложить важнѣйшіе выводы современной астрономіи въ возможно болѣе легкой и увлекательной формѣ. Главная цѣль книги—дать занимательное чтеніе тѣмъ, кто, не обладая большой подготовкой, хотѣлъ бы ознакомиться въ общихъ чертахъ съ величіемъ вселенной и обогатить свой умъ возвышенными идеями».

Содержаніе «Астрономическихъ вечеровъ» легко распадается на 2 части. Первая, меньшая, излагаетъ исторію астрономіи и заключаетъ слѣдующія главы: 1) Астрономія востока; 2) Отъ грековъ до Коперника; 3) Борьба за новое міровоззрѣніе; 4) Кеплеръ; 5) Ньютонъ; 6) Гюйгенсъ, Кассини и Доллондъ; 7) Вильямъ Гершель и Джонъ Гершель; 8) Фраунгоферъ; 9) Бессель; 10) Гауссъ; 11) Энке; 12) Секки. Такимъ образомъ исторія астрономіи изложена, главнымъ образомъ, въ видѣ біографическихъ очерковъ, благодаря чему астрономическія открытія, и законы теоріи связываются въ умѣ читателя не только съ именами, но и съ личностями творцовъ этой науки, завоеваніе научной мысли какъ бы теряетъ свою отвлеченность, мы видимъ на немъ неизгладимую печать создавшаго его генія. Мы убѣждены, что недалеко то время, когда педагогика признаетъ все преимущество историко-біографическаго преподаванія наукъ, а философія и исторія докажутъ, что истинное знаніе только и можетъ создаваться такимъ изученіемъ: истину вы не поймете вполнѣ, не зная творца ея и его эпохи. Во второй части книги Клейнъ даетъ читателю яркую картину современныхъ астрономическихъ знаній, при чемъ и здѣсь придерживается, насколько возможно, историко-біографическаго метода. Вотъ содержаніе главъ, относящихся къ этой части: 13) Солнце: его энергія; его происхожденіе; 14) Солнце: его настоящее, его будущее; 15) Луна для простого глаза и бинокля; 16) Луна при изслѣдованіи въ телескопъ; 17) На поверхности луны; 18) Внутреннія планеты; 19) Внѣшнія планеты; 20) Кометы; 21) Кометы и метеоры; 22) Звѣзды; 23) Созвѣздія; 24) Разстоянія звѣздъ; 25) Типы звѣздъ: 26) Перечень наиболѣе интересныхъ двойныхъ звѣздъ въ отдѣльныхъ созвѣздіяхъ; 27) Собственныя движенія звѣздъ; 28) Перемѣнныя и новыя звѣзды; 29) Звѣздныя скопленія и туманности.

Настоящій переводъ (см. заголовокъ) сдѣланъ съ 4-го нѣмецкаго изданія, сильно переработаннаго авторомъ. Кромѣ того, редакторомъ перевода К. П. Пятницкимъ сдѣланы, подъ редакціей проф. С. П. Глазенапа, многочисленныя (главнымъ образомъ въ первой части книги) дополненія. «Пришлось ввести или изложить подробнѣе,—говоритъ г. Пятницкій,—слѣдующіе отдѣлы: астрономическія представленія греческихъ мыслителей; ученіе средневѣковыхъ астрологовъ: борьба за систему Коперника; открытіе Ньютона; нѣкоторыя приложенія закона тяготѣнія; устройство зрительныхъ трубъ; составъ свѣтового луча; фраунгоферовы линіи; горныя обсерваторіи; основанія спектральнаго анализа; строеніе солнца; превращеніе солнечной энергіи; законъ сохраненія энергіи; происхожденіе солнечной системы; солнце и магнитизмъ земли; солнце и сѣверное сіяніе; объясненіе приливовъ и отливовъ; фазы луны; солнечныя затменія; лунныя затменія и нѣк. др.».

Дополненія эти сдѣланы съ большимъ знаніемъ дѣла и составлены главнымъ образомъ, по Ньюкомбу, Фламмаріону, Араго, Митчелю, Лампа и др.; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ г. редакторъ дѣлаетъ собственныя дополненія; они тоже составлены прекрасно, но отличаются нѣкоторою приподнятостью тона и обиліемъ стиховъ, что нѣсколько дисгармонируютъ съ общимъ, болѣе простымъ и спокойнымъ тономъ книги.

Изданы «Астрономическіе вечера» г-жею Н. Поповой роскошно, особенно, если принять во вниманіе сравнительно небольшую цѣну и довольно большой объемъ книги (412 стр). Но что особенно увеличиваетъ цѣнность русскаго изданія—это громадное количество иллюстрацій: въ нѣмецкомъ оригиналѣ ихъ всего 3, а въ изданіи г-жи Поповой 300 слишкомъ, изъ нихъ 4 цвѣтныхъ таблицы, 9 картъ и 47 портретовъ; выбраны эти иллюстраціи съ большимъ умѣньемъ; кто знаетъ, какъ трудно иногда подобрать хорошіе рисунки къ тексту, тотъ вполнѣ оцѣнитъ трудъ г. редактора.

Переводъ сдѣланъ прекрасно, забываешь, что передъ тобой переводная книга.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Выпускъ I. Москва, 1898. Цѣна 1 р. 20 к. Не разъ отмѣчалось въ повременной печати, что преподаваніе физико-математическихъ наукъ въ средней классической школѣ оставляетъ желать много лучшаго. Сравнительно большая затрата времени на изученіе гимназическихъ курсовъ даже такихъ наукъ, какъ математика и физика, не вознаграждается родомъ и качествомъ предлагаемыхъ преподавателемъ свѣдѣній. Рѣдкій преподаватель отрѣшался отъ рамокъ и сумбурнаго содержанія учебника Малинина и излагалъ ученикамъ основы науки, развивая и направляя на изслѣдованіе юный умъ. Другіе добросовѣстно снабжали своихъ слушателей свѣдѣніями о «развивающейся» центробѣжной силѣ, съ серьезнымъ видомъ трактовали о матеріальныхъ невѣсомыхъ жидкостяхъ (сравнительно въ недавнее время), пробѣгая законы Ньютона въ двадцать минутъ. Мѣсто «Малинина» теперь мало-по-малу заступаютъ другія руководства съ продуманнымъ матеріаломъ; къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ—догматическій. Чтобы оживить преподаваніе, необходимо сообщить учащемуся хоть начальныя свѣдѣнія по философіи матеріи, которой въ гимназическихъ учебникахъ не удѣлено мѣста. Не лучше обстоитъ дѣло и съ математикой. Г. Шереметевскій, одинъ изъ составителей разсматриваемаго сборника, посвящаетъ этому вопросу слѣдующія строки: «Взглядъ на математику, какъ на «основу и ключъ всего человѣческаго знанія» (слова Кондора изъ похвальной рѣчи знаменитому математику Эйлеру) почти не встрѣчаетъ возраженій. Тѣмъ не менѣе «въ большой публикѣ» людей общаго образованія математика хотя и пользуется безусловнымъ уваженіемъ, но уваженіемъ чисто платоническаго свойства, весьма рѣдко вызы-

вающимъ желаніе поближе ознакомиться съ этой основой знанія». Между тѣмъ «химику, политико-эконому, статистику и пр. нерѣдко слишкомъ поздно приходится пожалѣть объ ограниченности своихъ математическихъ свѣдѣній». Чтеніе математическихъ книгъ отпугиваетъ громадное большинство образованныхъ людей «предполагаемой сухостью и недоступностью своихъ обширныхъ областей». Причина этого нежелательнаго явленія лежитъ въ исключительно отсталомъ преподаваніи гимназическаго курса математики, въ силу котораго «ни въ одномъ учебномъ предметѣ учащійся не остается въ такой мѣрѣ отчужденнымъ отъ существеннаго содержанія, главнаго нерва въ наукѣ, какъ въ математикѣ». Далѣе г. Шереметевскій справедливо возстаетъ противъ дѣленія математики на высшую и низшую: «лишь отрывочность, исключительная отсталость средне-учебнаго курса математики, породила эту своеобразную терминологію»; «...вѣдь никто не слыхивалъ о высшей и низшей исторіи, элементарной и высшей химіи».

Выпуская свой коллективный трудъ, составители, какъ объяснено въ предисловіи, желаютъ придти на помощь читателю, сознающему пробѣлы въ своемъ знаніи физико-математическихъ наукъ, ограниченномъ средне-учебнымъ курсомъ, а также «товарищамъ-преподавателямъ, которые пожелали бы имѣть подъ руками матеріалъ, болѣе приспособленный къ потребностямъ средней школы, чѣмъ существующія на русскомъ языкѣ руководства, популярно-научныя и даже спеціальныя сочиненія». Мы бѣгло коснемся содержанія 1-го выпуска, предоставляя желающимъ подробно ознакомиться съ интереснымъ и цѣннымъ матеріаломъ этой книги. Въ однѣхъ статьяхъ мы находимъ разсмотрѣніе содержанія физики и математики и методовъ, которыми пользуются эти науки, въ другихъ догматическое, довольно подробное изложеніе нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ физики; сюда же относится статья о физическихъ измѣреніяхъ; статьи третьяго рода трактуютъ о философіи матеріи. Указывая мѣсто математики въ ряду абстрактныхъ наукъ, г. Шереметевскій придерживается нѣсколько видоизмѣненной контовской классификаціи, такъ что математика является седьмой, наиболѣе отвлеченной ступенью іерархической лѣстницы. Въ той же статьѣ сжато изложено развитіе математической мысли отъ примитивныхъ понятій о числѣ въ глубокой древности до анализа безконечно-малыхъ, которымъ вправѣ гордиться наше время. Вводную часть этого очерка составляетъ изложеніе основъ аналитической геометріи, понятія о дифференцированіи и интегрированіи, совершенно доступное знающему гимназическій курсъ математики. Въ статьяхъ 6, 7, 8 г. Вейнбергъ ясно и увлекательно излагаетъ начало современныхъ воззрѣній на природу трехъ состояній: твердаго, жидкаго и газообразнаго, отсутствіе существенной разницы между этими состояніями, частичныя силы и кинетическую теорію газовъ. Изъ другихъ статей читатель составитъ себѣ ясное понятіе о принципѣ сохраненія энергіи, объ исторіи созиданія механической теоріи тепла, солнечной энергіи и судьбахъ ея на землѣ; о законахъ движенія тепла по проводникамъ и объ основныхъ положеніяхъ термодинамики въ связи съ вопросомъ о maximum'ѣ полезной работы въ паровыхъ машинахъ.

Внѣшность книги очень опрятная, даже изящная; къ тексту приложены три хорошо исполненныхъ портрета: В. Томсона, Р. Майера и Ньютона и 36 поясняющихъ чертежей. Цѣна 1-го выпуска очень не высока. Все изданіе, состоящее изъ 4-хъ выпусковъ, по подпискѣ стоитъ 4 рубля.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

И. Н. Захаринъ (Якунинъ). «Для народа».—*Е. Погожева.* «Безъ денегъ горе, при денгахъ вдвое».—*В. Лукьянская.* «Воспоминанія часового мастера».—«Сказаніе про дикаго графа».—*Э. Ожешкова.* «Колдунья».—«Нелло и Патрашъ».

Для народа. Разсказы И. Н. Захарьина (Якунина). Цѣна 20 к. Спб. 1897 г. Изданіе Сойкина, стр. 77. По мнѣнію автора, предлагаемые разсказы могутъ служить «не только *легкимъ*, но, въ то же время, и *поучительнымъ* чтеніемъ для народа». Ободренные такимъ отзывомъ автора, мы тѣмъ съ большими ожиданіями приступаемъ къ его разсказамъ, что книги, въ одно и то же время, легкія и поучительныя появляются въ народной литературѣ не часто. Изъ 18 разсказовъ «изъ народнаго быта», вошедшихъ въ книгу «Люди темные», авторъ извлекъ только 6 разсказовъ, очевидно, по его мнѣнію, наиболѣе подходящихъ для народнаго чтенія. Зато о нихъ можно сказать: «какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній»; темы 2 первыхъ разсказовъ взяты изъ русскаго деревенскаго быта, третій разсказъ изъ русскаго же, но спеціально охотничьяго быта, затѣмъ слѣдуютъ датская легенда, германское сказаніе, и, наконецъ, древне-индійское сказаніе. Конечно, разнообразіе и разносторонность сюжетовъ не только не должны быть признаваемы недостаткомъ какой бы то ни было книги, а скорѣе достоинствомъ ея, если только при этомъ въ книгѣ есть одна общая руководящая идея. Посмотримъ теперь, насколько легки и поучительны для народа разсказы И. Н. Захарьина и какая общая идея побудила автора издать ихъ въ видѣ отдѣльной книги?

Въ разсказѣ «Лѣнивая сноха» рекомендуется наилучшій способъ лѣченія отъ лѣни—голодомъ. Способъ не новый, такъ какъ есть даже народная пословица «учи лѣниваго не молотомъ, а голодомъ» но въ разсказѣ г. Захарьина лѣнивая молодая женщина необыкновенно быстро забыла свою лѣнь и стала покорной и работящей снохой, очевидно, почувствовавъ, скрывающійся гдѣ-то между строкъ, намекъ на возможность перейти отъ «голода» и къ «молоту». Разсказъ «Дядя Гаврилычъ» никакого совѣта или наставленія въ себѣ не заключаетъ; разсказывается только, что въ Костромской губ., въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Обрѣзовкѣ, отстоявшей отъ города Юрьевца верстахъ въ 70-ти, великимъ постомъ 1880 года жилъ несчастный мужикъ Гаврилычъ; отъ большой нужды онъ не устоялъ передъ соблазномъ унести изъ общественнаго магазина мѣшокъ ячменя, былъ пойманъ односельчанами и, благодаря неожиданному пріѣзду урядника, арестованъ, препровожденъ въ волостное правленіе, гдѣ... въ первую же ночь повѣсился. Такой конецъ настолько неожиданъ, что можно было бы не повѣрить автору, если бы точнымъ указаніемъ мѣста и времени происшествія онъ не оградилъ себя заранѣе отъ всякихъ подозрѣній въ преувеличеніи или измышленіи разсказа. «Смерть Плаксы»—повѣсть объ одной собакѣ, отличавшейся необыкновенными охотничьими достоинствами, и погубленной благодаря тщеславію ея владѣльца-охотника. Дальше читатель изъ міра реальнаго переходитъ въ міръ сказаній и легендъ: «Каменная баба», дарская легенда о Марьѣ бѣдной и Марьѣ богатой; Марья бѣдная была добра и гостепріимна и Господь наградилъ ее за это богатствомъ, а Марья богатая отличалась скупостью и злостью, за что была обращена въ каменную бабу, стоящую и доселѣ посреди одного озера на полуостровѣ Ютландіи. Германское сказаніе «Графиня тюремщица», самое длинное изъ всѣхъ 6 разсказовъ г. Захарьина, состоитъ въ слѣдующемъ: графъ Танненбургъ былъ посаженъ въ тюрьму врагомъ его, графомъ Фихтенбургомъ; графиня Роза, преданная дочь графа Танненбурга, съумѣла сдѣлаться его тюремщицей, а затѣмъ и заслужить благодарность графа Фихтенбурга самоотверженнымъ спасеніемъ его ребенка,

освободила такимъ образомъ своего отца, которому прежній врагъ его, графъ Фихтенбургъ, вернулъ вдобавокъ и всѣ его имущества. Исторія графини Розы оканчивается такъ хорошо, что читатель ждетъ только хорошаго и отъ древне-индійскаго сказанія «Что мы имѣемъ», тѣмъ болѣе, что разсказу предпосланъ эпиграфъ: «поступай, какъ должно, и не бойся никого». Итакъ, сущность древне-индійскаго сказанія состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ индійскій царь ненавидѣлъ ложь; съ большимъ трудомъ нашелъ онъ себѣ мудраго совѣтника, правдиваго и милостиваго купца Абу-Хассана; поддавшись навѣтамъ завистливыхъ придворныхъ, царь однако усомнился разъ въ правдивости своего совѣтника и задалъ ему вопросъ о томъ, что онъ имѣетъ? Абу-Хассанъ не могъ отвѣтить на столь нескромный вопросъ и солгалъ, въ чемъ былъ уличенъ, и за это приговоренъ къ смертной казни. Однако передъ казнью своего бывшаго любимца царь пожелалъ поговорить съ нимъ; на этотъ разъ Абу-Хассану удалось ловкимъ софизмомъ оправдаться отъ обвиненія во лжи и заслужить снова довѣріе правдолюбиваго царя. Мудрый купецъ объяснилъ, что онъ называетъ *своимъ* только то, что раздаетъ бѣднымъ; это—*все, что мы имѣемъ*; остальныя же богатства его только *считаются* принадлежащими ему. Поступилъ ли Абу-Хассанъ, *какъ должно*, мы не знаемъ, но исторія его кончилась тоже совсѣмъ благополучно.

Какъ видятъ читатели, никакой общей идеи усмотрѣть въ разсказахъ невозможно и всѣ эти эпизоды и сказанія попали въ сосѣдство одни съ другими совершенно случайно, по прихоти автора. «Поучительнаго» въ нихъ тоже мало, такъ какъ ни одинъ изъ разсказовъ ничему полезному никого изъ народа научить не можетъ, кромѣ развѣ способа исправленія лѣнивыхъ снохъ.

Безъ денегъ горе, при деньгахъ вдвое. Изъ разсказовъ бабушки. Сочиненіе Е. Погожевой. Москва 1898 г. Цѣна 20 коп., стр. 135. Послѣ смерти московскаго купца Закутова осталось большое состояніе и трое сыновей. Сыновья подѣлили отцовскіе капиталы и зажили каждый собственной жизнью: одинъ велъ большую торговлю мануфактурнымъ товаромъ, другой держалъ мѣняльную лавку и имѣлъ, по словамъ автора, душевныя качества совсѣмъ другого свойства; каковы были качества перваго брата, мы не знаемъ, но (употребимъ нѣсколько странное выраженіе автора) главная черта характера второго брата была—деньги и деньги! Третій братъ, опять таки, по словамъ автора, всегда стремился вдаль, и потому занялся скупкой гуртовъ скота въ степи. Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ, что первый братъ имѣлъ разсудительную жену и довольно благовоспитанныхъ дѣтей, что торговля его шла бойко и т. д. Узнаемъ также, что второй братъ остался одинокимъ, жилъ невѣроятно скупо и, въ концѣ концовъ, удавился, оставивъ крупное состояніе остальнымъ 2-мъ братьямъ. 3-й братъ... но было бы слишкомъ скучно передавать длинную повѣсть о томъ, какъ онъ торговалъ, затѣмъ обзавелся семьей и обѣднѣлъ, затѣмъ устроилъ лавку въ Охотномъ ряду и снова разбогатѣлъ, особенно послѣ полученія новаго наслѣдства. Вся эта наивная и скучнѣйшая повѣсть насквозь проникнута чисто купеческой моралью: пріобрѣтать капиталы, стараться о приращеніи ихъ, а затѣмъ удѣлять и бѣднымъ изъ своихъ доходовъ, потому что, «помогая ближнимъ, себя сбережешь!» Желаніе помогать ближнимъ съ особенной силой проявилось у Закутовыхъ при полученіи наслѣдства отъ удавившагося ихъ брата. Изъ суевѣрнаго страха, какъ бы деньги покойнаго не принесли несчастія ихъ дѣтямъ, наслѣдники полутора милліоновъ отдѣлили пятьдесятъ тысячъ на помощь нуждающимся крестьянамъ окрестныхъ деревень. Деньги были розданы на мѣстѣ и принесли поистинѣ чудесные результаты; по свидѣтельству одного изъ облагодѣтельствованныхъ крестьянъ: «дома наши стоятъ прямо, крыши густо покрыты соломой, скотина гуляетъ сытая, лошади сильныя... Мы теперь живемъ, ни въ чемъ нужды не видимъ, тяготы на насъ нѣтъ...» и т. д.—

«Это правило изъ рода въ родъ пошло у Закутовыхъ,—помогать бѣднымъ изъ своихъ средствъ, и Господь благословилъ ихъ видѣть не только дѣтей, но и внуковъ своихъ въ благоденствіи. Фирма ихъ извѣстна во всей Россіи».

Получивъ свѣдѣнія о такомъ благополучіи рода Закутовыхъ, читатель окажется въ нѣкоторомъ недоумѣніи: изъ заглавія сочиненія г-жи Погожевой явствуетъ, что безъ денегъ горе, а при деньгахъ вдвое. Что безъ денегъ людямъ живется плохо, это понятно всякому, да и изъ книжки г-жи Погожевой видно, какъ трудно приходилось крестьянамъ въ неурожайный годъ, какою плохою казалась жизнь младшему Закутову, когда онъ запутался въ дѣлахъ, и т. п. Словомъ, едва ли кто-нибудь рѣшился бы оспаривать эту истину. А вотъ вторая половина утвержденія автора, будто при деньгахъ горе увеличивается вдвое,—нуждается въ доказательствахъ и даже можетъ быть легко опровергнута самимъ же читателемъ книги г-жи Погожевой, только что выслушавшимъ панегирикъ облагодѣтельствованнаго мужика и получившимъ свѣдѣнія о благополучіи разбогатѣвшаго рода Закутовыхъ. Выбирая для своего сочиненія такое интригующее заглавіе, г-жа Погожева, вѣроятно, имѣла въ виду печальную участь средняго Закутова; но и тутъ, придерживаясь характеристики, данной авторомъ, можно быть увѣреннымъ, что замоскворѣцкій Плюшкинъ былъ бы еще болѣе несчастенъ, не имѣя вовсе денегъ. Итакъ, чему же вѣрить — заглавію книги, или всему, разсказанному авторомъ? Всего проще уклониться не только отъ разрѣшенія этой дилеммы, но и отъ чтенія самой книжки; мы рекомендуемъ это и читателю изъ народа и читателю не изъ народа; ни тотъ, ни другой ничего отъ этого не потеряетъ, тѣмъ болѣе, что написано сочиненіе г-жи Погожевой совершенно невозможнымъ языкомъ. Выраженія, употребляемыя г-жей Погожевой, совершенно непозволительны въ произведеніи, не только претендующемъ на литературность, но даже допущенномъ въ ученическія библіотеки и народныя читальни. Перлы, вродѣ слѣдующаго: «Онъ былъ человѣкъ, обладающій характеромъ, и разъ задавшись какою-либо мыслью, не отступалъ уже отъ своего намѣренія, и его излюбленныя мысли уже трудно было поворотить въ другую сторону, и онъ уѣхалъ». Или: «Вотъ теперь я, видя нищаго, прежде думалъ, что онъ дошелъ до такого положенія отъ лѣности или пьянства, а вотъ теперь, поѣздивши по деревнямъ, я не видалъ ни пьяныхъ, ни лѣнивыхъ, а сочувствую теперь всякому бѣдняку». Или, наконецъ: «Положеніе крестьянина много лучше городского мѣщанина, не имѣющаго, что говорится, ни кола, ни двора; только одинъ ручной трудъ и живя одиночно, только своей семьей, т. е. жена и дѣти, и зная ремесло и зарабатывая, живетъ не въ нуждѣ, а только постигни его болѣзнь, и нищета тутъ же неминуема!»—вотрѣчаются такъ часто въ книгѣ г-жи Погожевой, что мы не скоро окончили бы, если бы вздумали ихъ всѣ выписывать.

Воспоминанія часового мастера. По Эркману - Шатріану. Изложила В. Лукьянская. Изданіе «Посредника» № 299. Цѣна 3 к. Стр. 72. Москва 1898 г. Война—не въ видѣ смотровъ и парадныхъ сраженій, реляцій о побѣдахъ и награжденій орденами, а война въ настоящемъ ужасномъ смыслѣ этого слова, взаимное истребленіе ни въ чемъ неповинныхъ, пригнанныхъ не по своей волѣ, людей, вся безсмысленность звѣрскаго нападенія одного человѣка на другого, не ради замозащиты, а ради «славы» полководцевъ—таково содержаніе «Воспоминаній часового мастера». Разсказъ ведется отъ лица юноши, взятаго рекрутомъ въ войну 1813 года. На все, происходившее въ то время съ нимъ самимъ, или передъ его глазами, онъ смотритъ съ точки зрѣнія мирнаго трудящагося гражданина (обывателя) и разсказываетъ обо всемъ совсѣмъ просто, но самая простота эта производитъ сильное, мѣстами потрясающее впечатлѣніе; а описанія нѣсколькихъ битвъ заставятъ всякаго невольно повторять вмѣстѣ съ авторомъ: «война — ужасная вещь!» Но не одно яркое изображеніе всѣхъ

ужасовъ войны составляетъ смыслъ «Воспоминаній часового мастеря». Вся книжка проникнута чувствомъ любви къ ближнему, идеей братства всѣхъ людей, такъ прекрасно выраженными въ словахъ старика Гульдена: «обращайся человѣколюбиво съ иностранцами, потому что они такіе же люди, какъ и ты—наши братья».

Читается книга очень легко и должна вызывать у читателя изъ народной среды тѣмъ бо̀льшій интересъ, что имя Наполеона и событія 1812—1813 годовъ знакомы каждому, хотя бы по наслышкѣ.

«Воспоминанія часового мастера» составлены по воспоминаніямъ рекрута 1813 года Эркмана Шатріана; г-жа Лукьянская очень удачно выбрала изъ повѣсти Э.-Ш. все самое существенное, отбросивъ излишнія подробности и нѣсколько сантиментальныя сцены; правда, при этомъ оказались выпущенными и нѣкоторыя очень мѣткія выраженія и мысли старика Гульдена, но это, вѣроятно, вызвано было сторонними соображеніями; сцена изъ другой повѣсти того же автора (Ватерло) вставлена вполнѣ къ мѣсту и усиливаетъ впечатлѣніе разсказа. Въ общемъ же книжкѣ г-жи Лукьянской слѣдуетъ пожелать возможно широкаго распространенія въ народной средѣ, что, конечно, облегчится крайне низкой цѣной ея.

Сказаніе про дикаго графа. По Эркману-Шатріану. Составила В. Лукьянская. Изданіе «Посредника» № 285. Москва. 1895 г. Ц. 3 к. (?) Стр. 71. Сказаніе про дикаго графа составлено по тому же автору и тою же г-жею Лукьянской, что и «Воспоминанія часового мастера». Но если мы только что привѣтствовали появленіе первой передѣлки, то отнюдь не можемъ отнестись такъ же ко второй. Въ сказаніи все неправдоподобно: и дикіе графы Бюркары, какіе-то люди-волки, и наслѣдникъ графскаго рода—человѣкъ-звѣрь Газумъ, и собаки-волки графовъ, ихъ слуги и т. п. Описанія жестокостей графа Витикаба, окончившихся убійствомъ его собственнаго сына-чудовища возбудятъ въ читателѣ чувство физическаго отвращенія, а покаяніе дикаго графа мало тронетъ его, такъ какъ все сказаніе слишкомъ не походитъ на дѣйствительную жизнь. Въ сущности, сказаніе про дикаго графа, несмотря на имя Эркмана-Шатріана, мало отличается отъ тѣхъ страшныхъ романовъ и повѣстей, которые въ изобиліи появляются въ лубочныхъ изданіяхъ Никольскаго рынка. Все это относится только къ содержанію книжки, такъ какъ написана она хорошимъ литературнымъ языкомъ и издана чисто. Но кому и для чего она нужна?

Колдунья. Разсказъ Элизы Ожешко (съ польскаго). Изданіе «Посредника» № 296. Ц. 3 к. Стр. 71. Москва 1897 г. Мысль сдѣлать доступнымъ для народа прекрасный, полный смысла, разсказъ Э. Ожешко, слѣдуетъ признать очень удачной. Совершенно такъ, какъ бываетъ въ дѣйствительной жизни, безъ всякой интриги, безъ злого умысла, на глазахъ у читателя совершается страшное дѣло: веселая и счастливая молодая женщина, полная любви къ людямъ, погибаетъ жертвой суевѣрія своихъ односельчанъ. Исторія гибели несчастной Петруси, заподозрѣнной въ колдовствѣ, не сложна, какъ и большинство деревенскихъ драмъ; но всякаго, читающаго разсказъ Ожешко, охватываетъ ужасъ передъ дѣломъ Дюрдей и сознаніе необходимости борьбы съ суевѣріемъ народныхъ массъ. Намъ кажется, что редакція поступила вполнѣ правильно, выбросивъ сцену суда и сказавъ о наказаніи, постигшемъ убійцъ, всего нѣсколько словъ въ заключеніи: вниманіе читателя, особенно мало развитого, не будетъ обращено на вопросъ о юридической наказуемости подобныхъ преступленій, а сосредоточится, главнымъ образомъ, на оцѣнкѣ ихъ съ точки зрѣнія общественно-нравственной.

Въ заключеніи, кромѣ сообщенія о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, сдѣлана попытка разъяснить значеніе разсказа Ожешко указаніемъ на происхожденіе суевѣрій и необходимость борьбы съ этимъ зломъ. Единствен-

нымъ вѣрнымъ способомъ такой борьбы въ заключеніе признается христіанская вѣра и умѣнье переносить всякія бѣды съ покорностью, терпѣніемъ и надеждой на Бога, а о значеніи опытнаго знанія, о необходимости просвѣщенія не говорится ни слова. Такимъ образомъ, попытка раздвинуть рамки разсказа Ожешко не удалось редакціи «Посредника», о чемъ можно только пожалѣть.

Одновременно съ изданіемъ «Посредника» тотъ же разсказъ Э. Ожешко вышелъ въ изданіи «Читальня Народной Школы», подъ другимъ названіемъ: «Тяжкій грѣхъ». Въ этомъ изданіи оставлена сцена суда, нѣсколько измѣнены имена дѣйствующихъ лицъ и разсказъ переданъ по-русски гораздо болѣе грубымъ языкомъ, чѣмъ въ изданіи «Посредника». Цѣна книжки «Тяжкій грѣхъ» значительно выше—12 коп.

Нелло и Патрашъ. Разсказъ Уйда. Переводъ съ англійскаго. Изданіе «Посредника» № 292. Москва 1897 г. Ц. 1½ к. Стр. 36. Небольшое произведеніе извѣстнаго англійскаго автора представляетъ трогательный разсказъ о жизни трехъ самоотверженныхъ, беззавѣтно любящихъ другъ друга существъ: старика Ивана Дааса, мальчика Нелло и собаки Патраша. Судьба нѣжнаго и честнаго юноши Нелло, страстно любящаго искусство, пылко стремящагося къ художественной дѣятельности и погибающаго жертвою холоднаго безучастія окружающихъ его людей, должна вызывать въ читателѣ самое живое сочувствіе. Цѣльность впечатлѣнія, однако, нарушается нѣсколько тѣмъ, что собакѣ Патрашу приданъ ужъ слишкомъ человѣческій образъ: она не только испытываетъ чувства состраданія, благодарности и негодованія, но произноситъ про себя цѣлые монологи или ведетъ живую бесѣду съ Нелло, а это ужъ слишкомъ похоже на сказку.

Въ общемъ, разсказъ Уйда хорошъ и читается навѣрное съ большимъ интересомъ, особенно подростками и школьниками.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

съ 15-го апрѣля по 15-е мая 1898 года.

В. Сѣрошевскій. Въ сѣтяхъ. Повѣсть. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898. Ц. 80 к.

В. В. Березовскій. Русская музыка. Критико-историческій очеркъ. Спб. 1898. Ц. 1 р. 90 к.

Лысакъ. Подорожникъ. Разсказъ. Москва. 1898. Ц. 80 к.

Д-ръ Д. Г. Фридбергъ. Гипнотизмъ. Спб. 1898.

М. Г. Моргулисъ. Историческіе этюды. Изд. Одесскаго Общества распростр. просвѣщенія между евреями въ Россіи. Одесса. 1898. Ц. 50 к.

П. Каптерева. Новая русская педагогія. Изд. ред. журн. «Русская Школа». Ц. 80 к.

М. М. Критическіе наброски. «Потонувшій колоколъ»—сказка-драма Г. Гауптмана. Поэзія Ш. Бодлера. Спб. 1898. Ц. 25 к.

Деморъ, Массаръ и Фандерфельди. Регрессивная эволюція въ біологіи и соціологіи. Перев. съ франц. подъ ред. Д. Коропчевскаго и В. Фаусека. Ц. 1 р. 25 к. Изд. О. Н. Поповой.

А. Волжскій. Семья Каплюмкиныхъ. Сцены изъ московской жизни. Москва. 1898.

Франческо С. Нитти. Народонаселеніе и общественный строй. Перев. съ франц. подъ ред. Д. Коропчевскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Л. П. Никифоровъ. Элементарный курсъ психологіи. Изданіе библіотеки «Дѣтскаго Чтенія». Москва 1898. Ц. 25 к.

Бернардъ-Тенъ-Бринкъ. Лекціи о Шекспирѣ. Съ нѣм. И. Д. Городецкаго. Москва. 1898. Ц. 40 к.

Сергѣй Ромiасъ. Деревня нашего времени. Очеркъ. Москва. 1898. Ц. 1 р.

Д. И. Тихомировъ. Педагогическіе курсы 1897 г. въ Полтавѣ. Полтава. 1898.

Фридрихъ Карстаньенъ. Введеніе въ критику чистаго опыта. Перев. В. Лесевича. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Поссе. Европа въ 1897 году. Спб. 1898. Ц. 40.

Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія. Т. I—Древняя русская литература. Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1898.

Lombrozo Ferrero. Женщина - преступница и проститутка. Вып. I. Изданіе Іогансона. Кіевъ 1898.

Д-ръ Адольфъ Майеръ. Ученіе о питаніи зеленыхъ растеній. Изд. Тихомирова. Москва 1898. Ц. 3 р. 25 к.

Гретманъ. Нѣмецкія статьи для чтенія, съ примѣчаніями и словаремъ, для среднихъ классовъ. Москва. 1898. Ц. 1 р. 15 к.

Филипповъ. Гигіена дѣтей. Москва. 1898. Ц. 2 р.

Дж. Ст. Миллъ. Основанія политической экономіи. Вып. IV. Подп. цѣна 5 вып. 2 р. 50 к. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1898.

Сатаровъ. Систематическій диктантъ. Изд. Тихомирова. Ц. 30 к.

Глоике. Янъ Казановскій и его значеніе. Кіевъ. 1898. Ц. 2 р. 50 к.

Д-ръ Рибо. Эволюція общихъ идей. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1898. Ц. 60 к.

Максъ-Нордау. Психо-физіологія генія и таланта. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1898. Ц. 60 к.

Гусевъ. Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка. Москва. 1897. Ц. 25 к.

Эдуардъ Родъ. Нравственныя идеи нашего времени. Изданіе Іогансона «Всеобщая библіотека». Кіевъ. 1898. Ц. 30 к.

Крепелинъ. Умственный трудъ. Изд. Іогансона «Всеобщая библіотека». Кіевъ. 1898. Ц. 15 к.

Гербертъ Спенсеръ. Цѣломудріе, бракъ, родительство. Изд. Іогансона «Всеобщая библіотека». Кіевъ. 1898. Ц. 15 к.

Dr. Alfred Hegar. Половое влеченіе. Соціально-медицинскій очеркъ. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1898. Ц. 60 к.

Емельяновъ-Коханскій. Вскрытіе. Разсказы. Изд. П. Москва. 1898. Ц. 50 к.

Гр. Шереметевъ. Народные учителя и учительницы въ Тульской губ. Тула. 1898.

Кольбъ. Исторія человѣческой культуры. Вып. VI. Ц. 8 вып. 3 р. 50 к. Изданіе Іогансона. Кіевъ. 1898.

Шафровъ. Учебникъ геометріи. Изд. Тихомирова. Москва. 1898. Ц. 35 к.

Ложель. Что такое жизнь? Изд. Іогансона «Всеобщая библіотека».

Бѣлокопскій. Новый фазисъ дѣятельности земства по народному образованію. Москва. 1898.

Кернеръ Ф. Марилаунъ. Жизнь растеній. Вып. 6—7. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1898. Ц. 30 вып. 12 р. 80 к.

Врачъ Доценко. О вредѣ сифилиса. Изд. Кульженко «Кіевское Общество грамотности». Кіевъ. 1898. Ц. 3 к.

Поэмы Шевченко. Изд. Кульженко «Кіевское Общество грамотности». Кіевъ. 1898. Ц. 7 к.

Днѣпръ и Приднѣпровье. Изд. Кульженко «Кіевское Общество грамотности». 1898. Ц. 10 к.

Переплетчиковъ. О нормальныхъ школьныхъ разстояніяхъ. Москва. 1898. Ц. 10 к.

Ермиловъ. Въ борьбѣ съ рутиной. Москва. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Замятинъ. Уставныя грамоты и ихъ исправленіе въ Пермской губ. Пермь. 1898.

Фабръ. Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній. Перев. съ франц. Е. И. Шевыревой подъ ред. ученаго секретаря Русск. Энтомологическаго Общества. П. Шевырева. 213 рис. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1898. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 75 к.

Карманная справочная книжка на 1898 г. для православнаго духовенства въ двухъ частяхъ. Сост. и редакт. А. И. Поповицкій. Изд. П. Сойкина. Спб. 1898. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

2-й съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. Секція IX общихъ вопросовъ. Части I и II. Москва. 1898.

Труды сѣверной коммиссіи 1897—1898 г.

Андре. Къ сѣверному полюсу на аэростатѣ. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1896—1897 гг. Спб. 1898.

Очеркъ развитія черниговской общественной библіотеки за 20 лѣтъ ея существованія (1877—1896 гг.). Черниговъ. 1898.

Отчетъ пензенской общественной Лермонтовской библіотеки. Пенза. 1898.

Отчетъ о состояніи нижегородскаго Кулибинскаго ремесл. училища съ 1-го іюня 1896 г. по 1-е января 1898 г. Н.-Новгородъ. 1898.

Отчетъ Спб. Общества содѣйствія физическому развитію за 1897 г. Спб. 1898.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Современный сфинксъ.

По поводу статей въ журналахъ: *Nuova Antologia*, 16 aprile 1898 и *La Revue d'Art dramatique*, april 1898.

I.

Нынѣшней весной на Западѣ происходило замѣчательное литературное торжество. У насъ оно прошло почти незамѣченнымъ, западная печать до сихъ поръ полна его отголосками. Главная сцена событія мало извѣстная и мало кого интересующая столица Норвегіи, зато герой—носитель всемірно-славнаго имени. И притомъ слава героя совершенно особаго характера, въ наше время—безпримѣрная.

Когда двадцать третьяго марта граждане Христіаніи давали Ибсену обѣдъ, въ оригинальную исторію конца нашего вѣка вписывалась одна изъ оригинальнѣйшихъ страницъ.

Здѣсь все было своеобразно и менѣе всего походило на обычный писательскій юбилей. Дѣло шло собственно не о чествованіи знаменитаго поэта его соотечественниками, а о всенародномъ признаніи его гражданскихъ правъ, какъ норвежскаго писателя. Норвегія явилась послѣдней увѣнчать своего гражданина, уже давно увѣнчаннаго на чужбинѣ. Потребовались долгіе годы, чтобы кровное родство поэта и его родины было, наконецъ, признано самой родиной и чтобы рѣчь семидесятилѣтняго старца новыя поколѣнія выслушали съ глубокимъ чувствомъ національной гордости.

И какая это грустная, отнюдь не юбилейная рѣчь! Въ ней невольно продолжало звучать одно изъ молодыхъ стихотвореній поэта, разсказавшаго свою судьбу въ краткой, но невыразимо печальной исторіи *Гаги*.

Эта птица вьетъ гнѣздо надъ бурнымъ моремъ и собственнымъ пухомъ устилаетъ его. Рыбаки разоряютъ гнѣздо и расхищаютъ пухъ до послѣдняго перышка. Но птица не теряетъ энергіи и принимается за новую работу. Такъ повторяетъ она до трехъ разъ, но если снова разрушатъ ея гнѣздо, она покидаетъ негостепріимный берегъ и летитъ на югъ, гдѣ свѣтитъ и смѣется солнце.

То же самое произошло съ самимъ поэтомъ.

Въ разцвѣтѣ силъ онъ принужденъ покинуть родину и унести съ собой тяжелую память о многочисленныхъ и безплодныхъ уси-

ліяхъ свить себѣ гнѣздо на каменной почвѣ и подъ холоднымъ небомъ Скандинавіи. Онъ уходилъ разбитый и оскорбленный, какъ практическій дѣятель, отвергнутый и поносимый, какъ поэтъ, раздраженный и страдающій, какъ патріотъ. Фармацевтъ, театральный директоръ и драматургъ, горячій другъ Даніи въ ея трагической борьбѣ съ «померанскимъ гренадеромъ»,—ему одинаково не оказывалось мѣста дома, и пристанища оставалось искать возможно дальше отъ отечественныхъ мѣщанъ и трусовъ.

Теперь его восторженно привѣтствуютъ потомки его ненавистниковъ и гонителей. Но не безслѣдно прожита цѣлая жизнь въ изгнаніи! Самый пылъ восторговъ напоминаетъ совсѣмъ другое прошлое, и благодарственныя слова поэта не могутъ дышать полнымъ свѣтлымъ чувствомъ удовлетворенія. Далекія, но неизгладимыя тѣни падаютъ на шумный праздникъ, и всегда суровое и раздумчивое лицо поэта становится еще грустнѣе, когда оно говоритъ своимъ соотечественникамъ:

«Безъ сомнѣнія, я нашелъ сердца пламенныя и понимавшія меня, но истинное внутреннее счастье—не прирожденный даръ. Оно должно быть пріобрѣтено цѣною усилій, часто тягостныхъ, потому что тотъ, кто находилъ свой домашній очагъ въ столькихъ странахъ, нигдѣ на самомъ дѣлѣ не чувствуетъ себя дома, даже въ своемъ отечествѣ. Можетъ быть, это перемѣнится со временемъ».

И поэтъ день своего семидесятилѣтняго юбилея рѣшается считать только «точкой отправленія». Онъ видитъ нѣчто, похожее на согласіе. Онъ не является исключительно вожакомъ партіи, и предъ нимъ открывается путь единенія съ народомъ, путь, единственно достойный поэта.

Придетъ ли Ибсенъ къ своей цѣли? Онъ такъ ясно опредѣлилъ ее. Ему недостаточно нравственнаго сліянія съ народомъ въ отвлеченной, идеальной формѣ. Онъ спѣшитъ подчеркнуть, что сліяніе должно служить самымъ благороднымъ и возвышеннымъ обязанностямъ гражданина.

Какимъ же? За столь продолжительную дѣятельность, казалось бы, можно дать отвѣтъ вполнѣ опредѣленный, и особенно при такихъ условіяхъ, когда писать значило нападать и защищаться, вести рѣшительный процессъ личнаго идеала и осужденной дѣйствительности.

Ибсенъ остался на высотѣ своей воинственной задачи, т. е. неуклонно создавалъ *идейныя* произведенія, одновременно влагая въ нихъ всю глубину и боль пережитыхъ думъ и чувствъ и могущественно устремляя своихъ читателей на новый путь личной и общественной жизни.

Въ настоящее время нѣтъ культурной страны, гдѣ бы имя норвежскаго драматурга не вызывало сильнѣйшихъ страстей, именно страстей, и въ этомъ обстоятельствѣ оригинальная черта ибсеновской славы.

Объ Ибсенѣ не говорятъ спокойно ни въ одной европейской критикѣ. На закатѣ дней ему приходится слышать самыя противорѣчивыя сужденія о своей личности и о своемъ талантѣ. Безграничный восторгъ предъ «гордымъ предшественникомъ будущаго», предъ «грознымъ миссіонеромъ идеальной религіи» идетъ рядомъ съ издѣвательствами надъ «школьническимъ талантомъ», съ не-

годованіемъ на болѣзненное декадентство идей и фанатически-разрушительный характеръ стремленій.

Всѣ эти возгласы съ умноженной силой повторились по поводу юбилея и врядъ ли еще когда сужденія о писателѣ, работающемъ полвѣка, представляли болѣе пеструю картину! Ибсену требуется большой запасъ самоувѣренности и энергіи, чтобы остаться хладнокровнымъ среди этой свалки изъ-за его имени и идти своимъ путемъ спокойно и свободно.

Онъ такъ и дѣлаетъ.

Еще не бывало знаменитаго писателя, болѣе одинокаго и замкнутаго. Его строгая молчаливая фигура съ чрезвычайно оригинальной величественной головой, напоминающей полубоговъ древней Эдды, внушаетъ даже современнымъ интервьюерамъ нѣкій мистическій страхъ. Ибсенъ еще ни разу не прибѣгалъ къ услужливой болтливости репортеровъ съ цѣлью заинтриговать публику своей особой, не давалъ конфиденціальныхъ аудіенцій и не позировалъ предъ толпой. Онъ предоставилъ своей славѣ дѣлаться, и самъ никогда ея не дѣлалъ, ни въ молодости, ни въ старости. Рядомъ съ лихорадочной погоней даже современныхъ большихъ талантовъ за рекламой и сногсшибательными эффектами Ибсенъ существо другого міра—аристократическое и самодовлѣющее въ лучшемъ смыслѣ слова.

Можетъ быть, этой преднамѣренной обособленности и малодоступности Ибсенъ обязанъ большой долей пошлаго благорства, направляемаго по его адресу въ разныхъ періодическихъ и не періодическихъ *Figaro* новаго времени. Нравственнаго аристократизма улица не прощаетъ, и для какого-нибудь Сарсэ каррикатура и памфлетъ на личность въ родѣ Ибсена—единственное оружіе самозащиты.

Но въ Парижѣ Сарсэ не «какой-нибудь», а театральный критикъ *Temps*, т. е. почти французскаго *Times*'а. Его разсужденія о драмахъ Ибсена принадлежатъ не одному ему, а громадному большинству французской театральной и вообще литературной публики. Сарсэ—идейный представитель «средняго француза», т. е. въ своемъ родѣ національный авторитетъ, и въ качествѣ таковаго онъ произнесъ смертный приговоръ и таланту, и даже уму Ибсена.

Сначала Сарсэ былъ смущенъ и ограничивался заявленіями, что онъ ничего не понимаетъ въ драмахъ скандинавскаго поэта. Но даже его, повидимому, нѣсколько огорчало это обстоятельство и онъ чувствовалъ не по себѣ, пока, наконецъ, на помощь не пришла одна изъ популярныхъ парижскихъ актрисъ

Ей предстояло участвовать въ представленіи *Гедды Габлеръ* и она наканунѣ спектакля заявила:

«Мнѣ завтра придется исполнять эту роль, а я еще не нашла смысла къ ней».

Сарсэ обезумѣлъ отъ восторга и печатно, въ своемъ фельетонѣ, обратился къ своей избавительницѣ съ такой рѣчью:

«Приди, дочь моя, приди ко мнѣ на грудь. Я долженъ тебя поздравить. Тебѣ многое простится за то, что ты, ничего не понявъ, имѣла смѣлость сознаться, что ты ничего не поняла! Не обращай вниманія, что я къ тебѣ обращаюсь на *ты*: это въ крайнемъ порывѣ радости и нѣжности. Наконецъ-то я вижу чело-

вѣка, который искренне сознается, что все это бутылка съ чернилами и что даже та, кого до самой шеи на цѣлыхъ шесть недѣль погрузили въ нее, вышла вся черная и совершенно слѣпая».

И Сарсэ обращается къ Господу съ молитвой, чтобы Онъ предохранилъ французовъ отъ норвежскаго Шекспира.

Съ этихъ поръ критикъ почувствовалъ крылья и принялся истощать французскій словарь литературной брани. Самымъ вѣжливымъ замѣчаніемъ была улика Ибсена въ компиляторствѣ романовъ Жоржъ Зандъ и самымъ торжественнымъ выводомъ: «все это сплошная галиматья».

Правда, до ушей критика дошли слухи, что нѣмцы иначе относятся къ драмамъ Ибсена. Какъ это объяснить? Парижскому фельетонисту нѣтъ нужды долго думать. «Нѣмцы ходятъ въ театръ не затѣмъ, чтобы наслаждаться. Въ промежуткахъ между символами они ѣдятъ сосиски и пьютъ пиво: это ихъ подкрѣпляетъ».

Сарсэ нашелъ не мало сочувственниковъ не только среди комми и консьержей. Другой авторитетъ современной французской критики—Лемэтръ—проявилъ сначала еще меньше отваги. Онъ даже укорялъ своего коллегу въ излишнемъ пристрастіи къ театральнымъ *наслажденіямъ* и мирился на необходимости *размышлять* во время театральныхъ представленій. Но эта благосклонность быстро уступила мѣсто совершенно другимъ «впечатлѣніямъ» и критикъ готовъ теперь смѣяться надъ самимъ собой за свою прежнюю оторопь предъ варваромъ.

Другимъ, чувствовавшимъ прирожденное отвращеніе къ *размышленію*, нечего было отставать отъ своихъ учителей. Ибсенъ быстро снизошелъ до уровня забавной диковинки, пожалуй, небезполезной для минутнаго развлеченія среди удручающей тоски и банальности всевозможныхъ *deracinés* и *enervés*, но вовсе не заслуживающей серьезнаго отношенія. *Un auguste génie pueril*, т. е. нѣчто родственное породѣ Wunderkind'овъ, не больше. До мужественной мысли и солидныхъ идей настоящаго человѣка ему не дорости.

Актеры и актрисы, вынужденные играть въ пьесахъ Ибсена, съ самаго начала стали держать себя крайне странно, гораздо хуже, чѣмъ откровенный сотоварищъ Сарсэ по слѣпотѣ. Сотрудникъ журнала *Révue d'Art dramatique*, устроилъ опросъ парижскихъ сценическихъ знаменитостей и получилъ неожиданный результатъ. Ему или отказывались отвѣчать, или ограничивались ничего не стоющими фразами. Развѣ только одно заявленіе достойно вниманія: французская публика рѣшительно ничего не понимаетъ на представленіяхъ ибсеновскихъ пьесъ. Правда, она аплодируетъ безпрестанно, но это просто изъ *снобизма*, изъ особенной склонности высоко-цивилизованныхъ господъ увлекаться подчасъ первобытными дикостями и даже уродствами.

Но не смотря на столь внушительный хоръ артистовъ, критиковъ и публики, вопросъ объ Ибсенѣ во Франціи не пришелъ ни къ одному простѣйшему рѣшенію. Прежде всего Золя не согласенъ съ этимъ хоромъ. Именно онъ первый указалъ на драмы норвежскаго поэта. Онъ нашелъ здѣсь иллюстрацію для своихъ идей о сценическомъ реализмѣ и настоялъ, чтобы *Привидѣнія* были даны на одной изъ парижскихъ сценъ.

Послѣдствія сильно разочаровали французскаго романиста. Ибсенъ вовсе не разсчитывалъ служить реализму въ смыслѣ Золя и вдохновеніе его никогда не имѣло ничего общаго съ талантомъ, создавшимъ *Западню* и *Нана*. Увлеченіе Золя, слѣдовательно, было плодомъ недоразумѣнія.

Но и помимо его нашлись цѣнители. Предъ нами, напримѣръ, книга ежемѣсячнаго французскаго драматическаго журнала, вся цѣликомъ отданная Ибсену. Этого не дѣлаютъ ради «дѣтскихъ геніевъ» и производителей галиматьи. И журналъ объясняетъ «тайну Ибсена» такъ, что она ставитъ его рядомъ съ незабвенными дѣятелями новой европейской культуры. Тайна ничего новаго не заключаетъ, но для «конца вѣка», накопившаго особенное множество «забытыхъ словъ», ибсеновскія рѣчи являются откровеніемъ.

«Мужественное провозглашеніе самодержавной личности»—таковъ смыслъ ибсеновской поэзіи. «Вполнѣ кстати,—пишетъ французскій критикъ,—этотъ скандинавецъ встряхнулъ нашу совѣсть и возбудилъ нашу гордость въ то время, когда популярнѣйшій идеалъ театральной критики—сдѣлать поэзію по плечу нашей прислугѣ... Въ наше время спасительна рѣчь о необходимости характера и о величіи человѣческой личности».

Это не все. У Ибсена, по мнѣнію французовъ, имѣется еще одна заслуга, болѣе всего цѣнная какъ разъ во Франціи. Ибсенъ—великій психологъ женщины, и этого достаточно, говорятъ намъ, чтобы онъ съ теченіемъ времени сталъ вполнѣ французскимъ драматургомъ. Ибсенъ изображаетъ величіе гордой и страстной женской души, ея независимость и французы увѣряютъ, будто ни въ одной странѣ эти доблести женщины среди дряблыхъ, банальныхъ и неэстетическихъ мужчинъ не найдутъ такого горячаго пріема, какъ во Франціи.

Съ полной основательностью можно сомнѣваться въ подобной участи ибсеновскихъ героинь на классической почвѣ снобизма и преціозности, и актриса, не постигавшая Гедды Габлеръ, критики, уничтожавшіе Нору, поступали болѣе по-французски, чѣмъ нашъ ибсенистъ. Но, во всякомъ случаѣ, идея поэта не теряетъ своего значенія, станетъ ли она модной въ Парижѣ или нѣтъ.

Существеннѣе другое обстоятельство. Французская провинція, не страдающая недугами «конца вѣка», оказывается большой и искренней поклонницей Ибсена. Нѣкоторыя его пьесы, напримѣръ, *Врагъ народа*, пользуются неизмѣннымъ и чрезвычайно громкимъ успѣхомъ. А именно здѣсь ни причемъ психологія новой женщины, весь смыслъ драмы въ защитѣ личности противъ толпы, личныхъ вѣрованій противъ стадныхъ давленій большинства. Но мотивъ этотъ вовсе не открытіе. Та же Франція давно знаетъ талантливѣйшихъ защитниковъ личности. Достаточно назвать Бенжамэна Констана, опредѣлявшаго свободу, какъ «торжество личности», le triomphe de l'individualité, все равно при какой бы то ни было политической формѣ. И тотъ же Констанъ предвосхитилъ пламенныя рѣчи Штокмана противъ большинства, даже противъ всего общества, весьма часто похищающаго у гражданъ ихъ личную свободу и, по мнѣнію Констана, въ такихъ случаяхъ совершающаго узурпацію и бунтъ.

Удивительно, какъ Сарсэ и Леметръ, съ величайшимъ усердіемъ

открывающіе подражателей французскимъ писателямъ среди всѣхъ иностранныхъ талантовъ и противъ Ибсена выдвинувшіе Жоржъ Зандъ и Дюма-сына, просмотрѣли тождество основныхъ идей Ибсена съ либеральной программой Констана. А между тѣмъ, она проведена у норвежскаго поэта совершенно послѣдовательно, до полнаго отрицанія какой бы то ни было внѣшней силы, имѣющей право ограничить нравственный міръ отдѣльнаго человѣка.

Ибсена неоднократно уличали и продолжаютъ уличать въ анархизмѣ, на основаніи его прямолинейнаго догмата личной независимости. Именно въ такомъ смыслѣ давно истолкованы идеи Констана новыми французскими критиками.

Одинъ изъ нихъ выражается такъ, что его слова безъ всякой перемѣны можно перенести въ характеристику Ибсена:

«Систематическій либералъ—анархистъ, не имѣющій мужества признать свою мысль; анархистъ—непримиримый либералъ» *).

Это пишетъ отнюдь не либералъ, и даже не свободно-мыслящій человѣкъ, но и враги Ибсена той же *академической* породы. Критика, слѣдовательно, противъ автора Штокмана предначертана еще до ибсеновской славы во Франціи, и въ общихъ и частныхъ чертахъ.

Ничего нельзя открыть новаго и въ такихъ женскихъ фигурахъ, какія представляются французскому критику. Вся романтическая школа отъ Шиллера до Виктора Гюго не уставала вдохновляться героическими доблестями женской души и часто даже грѣшила сверхестественнымъ усердіемъ героинь превращать въ героевъ. Нѣкоторые романтики, въ родѣ Гюго и Дюма, этотъ рыцарственный пылъ перенесли даже на «жертвы общественнаго темперамента» и изъ двоихъ рыцарей раскаялся въ своемъ увлеченіи одинъ Дюма.

Очевидно, у Ибсена и здѣсь существуютъ предшественники. Онъ не зналъ французской литературы въ молодости, не читалъ ни Гюго, ни Жоржъ Зандъ, ни Дюма, но ему былъ знакомъ Шиллеръ, и этого вполнѣ достаточно для созданія двойниковъ Гертруды и Берты.

Итакъ, Ибсенъ—отголосокъ пережитаго и передуманнаго другими? Если вѣрить на-слово французскимъ поклонникамъ драматурга, придется дать отвѣтъ, вполнѣ желанный и для самыхъ ожесточенныхъ его враговъ.

Но откуда же тогда жестокость? Стоитъ ли на компиляторовъ тратить сильныя чувства: на нихъ достаточно указать, а доказательства—каждое ихъ произведеніе. Съ Ибсеномъ происходитъ нѣчто совершенно другое: для однихъ онъ—пророкъ, для другихъ—«врагъ человѣчества».

Что же онъ въ дѣйствительности?

Отвѣтить на этотъ вопросъ намъ проще и легче, чѣмъ западной критикѣ. Намъ нечего защищать правъ своихъ писателей и дрожать за европейское господство нашей сцены. Для насъ Ибсенъ не ненавистное воплощеніе «сѣвернаго варварства», грозящаго поглотить вѣковую утонченную цивилизацію. Онъ именно

---

*) Emile Faguet. *Politiques et moralistes du dix-neuvième Siècle.* Paris, 1891, p. 226.

въ этой роли ближе и родственнѣе намъ: вѣдь для современнаго француза и наши геніальные художники своего рода вандалы и гунны.

II.

Обратимся къ первоисточнику ибсеновскихъ вдохновеній и прислушаемся къ раннему голосу его драматическаго генія. Задача несложная, поэтъ позаботился написать поразительно яркими чертами первую главу своей творческой исторіи и разъ навсегда опредѣлить мотивъ своего вдохновенія.

Ибсенъ еще очень молодъ. Ему едва исполнилось двадцать восемь лѣтъ, но онъ совершенно готовый поэтъ. Онъ выросъ въ странѣ, гдѣ природа-мачиха искони воспитывала суровыхъ сильныхъ людей, гдѣ преданія прошлаго блещутъ исключительнымъ героизмомъ, а жизнь—путь упорной неустанной борьбы.

И поэта съ дѣтства волнуютъ героизмъ и борьба.

Онъ любитъ темную безстрастную ночь, любитъ бродить въ дремучемъ лѣсу, внимать крикамъ совы и стонамъ бури и въ этихъ стонахъ подслушивать голосъ собственной души. Его рано влекутъ думы о смерти. Онъ часто уходитъ на кладбище, грезитъ тамъ о хороводахъ мертвецовъ, ждетъ съ замираніемъ сердца полночнаго часа. Всюду—въ непроглядномъ лѣсу въ бурную ночь или въ блестящей бальной залѣ при звукахъ вальса—онъ не можетъ порвать нити своихъ думъ. И предъ нимъ чаще всего возстаютъ величественные, увлекательно-туманные образы скандинавской старины: они такъ подъ стать ему—одинокому уже въ ранней молодости! А одиночество всегда питается мечтами о величіи и силѣ избранной личности.

Поэтъ всюду ищетъ великаго человѣка, одареннаго геніемъ и могучей волей. Эти поиски свойственны вообще молодости, у Ибсена они мучительный тоскующій вопль всей его природы,—вопль, прозвучавшій въ первомъ его стихѣ и не замолкшій до послѣднихъ дней.

И въ этомъ воплѣ сливаются и жажда нравственнаго величія, и поэзія молодого счастья. А это и есть мотивы старыхъ скандинавскихъ поэмъ. Викингъ и валькирія—центральные герои легендъ и ихъ психологія неизмѣнный фонъ всѣхъ романовъ и драмъ. Она цѣликомъ перейдетъ въ творчество Ибсена.

Вообразите человѣка, всю жизнь не знающаго семьи и крови. Морскія волны и грозныя вьюги баюкаютъ его дѣтство и тѣшатъ молодость. На родной землѣ ему нечего дѣлать: здѣсь нѣтъ ни тепла, ни пищи. Здѣсь выбрасываютъ новорожденныхъ дѣтей, чтобы не видѣть ихъ голодной смерти. Море—единственный кормилецъ и только оно можетъ дать славу, золото, даже любовь.

И всѣ, отъ дѣтей короля до послѣдняго подданнаго, идутъ въ море. Вѣчныя опасности развиваютъ безграничную отвагу. Викингъ перестаетъ находить достойныхъ себя противниковъ среди людей. Онъ самихъ боговъ зоветъ на бой и скальды будутъ пѣть:

«Онъ встрѣчалъ гигантовъ и духовъ моря. Никто не смѣлъ противостать ему, и онъ сталъ вѣрить только въ собственныя силы».

У него гнѣздится сознаніе, что боги слабы и преходящи. Они погибнутъ, какъ гибнетъ все въ этомъ мірѣ. Тогда отчаяніе овла-

дѣваетъ мятежнымъ духомъ, и викингъ въ порывѣ ярости рубитъ мечомъ камни, деревья, друга и врага.

Въ бѣшенствѣ разрѣшится жгучая тоска прирожденнаго пессимиста, всю жизнь не вѣдавшаго покоя, свѣта и удовлетворенія. Борьба—безпощадная, захватывающая духъ—единственное спасеніе.

И викингъ ищетъ ее вездѣ и во всемъ.

Онъ отвергнетъ женщину, если это будетъ легкая добыча. Онъ предпочтетъ взять ее съ опасностью жизни, и женщины знаютъ это.

Онѣ также будутъ искать славы «царицъ моря» и скальды не разъ споютъ о томъ, какъ викингъ узналъ и полюбилъ свою подругу въ бою, опрокинувъ ее навзничь и разсыпавъ ея кудри по плечамъ, закованнымъ въ сталь.

«Я не отдамся тому, кто разъ въ жизни ночевалъ подъ кровлей», поетъ скандинавская дѣвушка, и саги полны славой о женахъ-оруженосцахъ мужей, о принцессахъ, предводившихъ викингами... Рѣки Скандинавіи до сихъ поръ текутъ съ желѣзныхъ горъ по магнитному песку: въ былое время, кажется, люди пили вмѣстѣ съ водою родины желѣзо и желѣзную волю.

Ибсенъ весь уходитъ въ этотъ чудный невозвратный міръ и извлекаетъ отсюда первообразы всѣхъ своихъ избранныхъ героевъ и героинь.

Славнѣйшій изъ героевъ древней Скандинавіи—послѣдній потомокъ героической семьи Вользунговъ, Сигурдъ. «Лучшаго мужа, чѣмъ ты, не будетъ подъ солнцемъ, Сигурдъ», сказалъ вѣщій скальдъ юному Вользунгу. Но такая слава не достается даромъ: тутъ же скальдъ разсказалъ Сигурду его страшное будущее. Героя ждало вѣчное, неизцѣлимое разочарованіе.

Въ одно время съ Сигурдомъ живетъ прекрасная мужественная дѣва Брунгильда. Она никогда не станетъ женой обыкновеннаго смертнаго. Она окружила свое жилище ослѣпительнымъ пламенемъ и только тотъ, кто преодолѣетъ это пламя, назоветъ Брунгильду своей.

Ее полюбилъ Гуннаръ, другъ и боевой товарищъ Сигурда. Но ему не удалось проникнуть за огненную ограду, и онъ повѣдалъ свое горе Сигурду.

Тотъ миновалъ всѣ опасности, подъ видомъ Гуннара получилъ руку Брунгильды, провелъ съ нею три ночи, но каждый разъ клалъ между ею и собою обнаженный мечъ. Даже уста его не коснулись жены друга... Сигурдъ передаетъ Брунгильду Гуннару, а самъ женится на принцессѣ Гудрунѣ.

Но Брунгильда въ глубинѣ души любитъ Сигурда. Судьба готовитъ кровавый конецъ этой любви.

Разъ въ Рейнѣ купались вмѣстѣ Гудруна и Брунгильда. Жена Гуннара стала восхвалять своихъ предковъ и своего мужа. Тогда Гудруна разсказала ей всю правду и показала ей обручальное кольцо, данное Брунгильдой Сигурду. Брунгильда страшно поражена.

Она думаетъ сначала убить мужа, но потомъ убѣждаетъ его убить Сигурда. Но Гуннаръ другъ Сигурда, онъ долго колеблется,—наконецъ, подговариваетъ своего брата и тотъ убиваетъ соннаго Сигурда.

Брунгильда не можетъ перенести смерти любимаго героя. Она рѣшается послѣдовать за Сигурдомъ, надѣваетъ блестящее вооруженіе и убиваетъ себя.

Этотъ разсказъ Эдды далъ тему Ибсену для драмы *Съверные богатыри*. Поэтъ развилъ психологическую сторону легенды, но древнія черты остались въ первобытной простотѣ въ личности Брунгильды. Она у Ибсена носитъ имя Гіордисъ, и она родоначальница именно тѣхъ женскихъ образовъ, какіе особенно вводятъ въ смущеніе новыхъ критиковъ.

Драма начинается въ Исландіи, въ десятомъ вѣкѣ. Здѣсь живетъ скандинавскій переселенецъ Эрнульфъ. У него семь сыновей и дочь Дагни. Кромѣ того, онъ взялъ къ себѣ дочь убитаго имъ викинга Гіордисъ. Къ берегамъ острова пристаютъ двое норвежцевъ Сигурдъ и Гуннаръ, ушедшіе въ море за славой и богатствомъ. Они связаны клятвой взаимной дружбы. Эрнульфъ радушно принимаетъ викинговъ. У него они встрѣчаютъ двухъ дѣвушекъ и оба разгораются неукротимой страстью къ Гіордисъ.

Разъ на вечернемъ пиру Сигурдъ не стерпѣлъ и поклялся уѣхать изъ Исландіи не иначе, какъ вмѣстѣ съ любимой дѣвушкой. Ту же клятву произнесъ и Гуннаръ и подалъ свой рогъ съ напиткомъ Гіордисъ.

Тогда она встала и поклялась, что никто не овладѣетъ ею, не совершивъ подвига, какой ей вздумается указать.

Сердце Сигурда затрепетало отъ радости. Онъ чувствовалъ себя въ силахъ сдѣлать все ради любимой дѣвушки. Гіордисъ потребовала, чтобы ея герой убилъ медвѣдя, привязаннаго у дверей ея спальни и ее вынесъ на рукахъ. Тогда она пойдетъ за побѣдителемъ всюду.

Гости находятъ ея требованіе неисполнимымъ. Медвѣдь—чудовище, едва подъ силу двадцати человѣкамъ! Одинъ Сигурдъ радуется. . .

Но Гуннаръ спѣшитъ разсказать другу о своей любви и проситъ за него совершить подвигъ: ему самому слишкомъ дорога жизнь, и онъ не пойдетъ на вѣрную смерть.

Дальше какъ въ легендѣ, только съ усложненной психологіей. Заключаются два брака, грозящіе драматической развязкой съ самаго начала.

Гіордисъ, титаническая, страстная Валькирія сгораетъ мечтами по славѣ и бурнымъ приключеніямъ викинговъ. Она подлѣ мирнаго, боязливаго мужа, «забывшаго наѣзды» ради тихаго счастья съ женой.

Дагни, женственная, съ золотыми кудрями и голубыми глазами, полная любви и кротости рядомъ съ Сигурдомъ, величайшимъ изъ викинговъ. Для Гіордисъ низка и душна кровля слабодушнаго Гуннара, Сигурду тягостны объятія мечтательной Дагни. Стоитъ лишь встрѣтиться этому герою и этой женщинѣ,—ихъ сердца невольно забьются другъ за друга,—и «естественное сродство душъ» разрушитъ всѣ преграды, устроенныя случаемъ и людьми.

Посмотрите, какая сцена происходитъ между нашими героинями. Они теперь въ Норвегіи, годы прошли послѣ ихъ брака и они могутъ отдать отчетъ другъ другу въ своемъ счастьѣ.

Онѣ встрѣчаются на пиру. Гіордисъ обращается къ Дагни съ

откровенной рѣчью о томъ, какъ ей тяжко и обидно влачить свои дни съ мужемъ, ни единой чертой не похожимъ на великаго человѣка.

— Вѣришь ли, у меня загорается иногда неутолимая жажда подвиговъ. Это, вѣроятно, въ крови. Не даромъ, говорятъ, я происхожу изъ племени великановъ... А ты, Дагни, развѣ никогда не пылала желаніемъ сражаться наравнѣ съ мужчинами? Развѣ ты никогда не пробовала вооружаться и не брала въ руки меча?

Дагни изумлена.

— Никогда!—отвѣчаетъ она,—какая ты странная,—я женщина!

Гіордисъ возмущена.

— Женщина! Женщина! Никто не знаетъ, на что способна женщина!.. Но скажи мнѣ, Дагни, ты навѣрно знаешь: если мужчина обнимаетъ женщину, которую онъ любитъ, правда ли, что у нея тогда горитъ вся кровь, страстно трепещетъ сердце и мутится умъ въ чаду невыразимаго счастья?

Дагни смущена; тогда Гіордисъ открываетъ ей, что она только разъ, единственный разъ, испытала это, когда «Гуннаръ» впервые обнялъ ее въ ея спальнѣ. Дагни знаетъ, что это былъ Сигурдъ, горячая ревность закрадывается въ ея кроткую душу. Гіордисъ не обращаетъ на нее вниманія. Она продолжаетъ грезить о битвахъ викинговъ, о разрушительныхъ буряхъ моря, о страшныхъ привидѣніяхъ, о смертоносныхъ чарахъ... Дагни перепугана этимъ демоническимъ бредомъ...

— Какъ ты нѣжна!—смѣется Гіордисъ,—и какъ легко тебя напугать!..

Для Гіордисъ нѣтъ ни преданій, ни добраго имени рядомъ съ любимымъ героемъ. Она готова быть наложницей, только пусть ея возлюбленный станетъ выше другихъ — по славѣ и дѣламъ. Сцена Гіордисъ съ Сигурдомъ дорисовываетъ ея фигуру и навсегда закрѣпляетъ за творчествомъ поэта глубочайшія черты особой *ибсеновской* женщины.

Сигурдъ самъ ищетъ Гіордисъ, облегчить свою душу, разсказать ей исторію своихъ еще никому неповѣданныхъ страданій. Они встрѣчаются и Сигурдъ начинаетъ:

— Я хочу разсказать тебѣ сагу.

— Она грустна?

— Грустна, какъ жизнь.

— А развѣ жизнь грустна?

— Послушай и тогда скажи.

И Сигурдъ говоритъ о своей любви къ ней и о томъ, какъ онъ пожертвовалъ своимъ счастьемъ дружбѣ... Гіордисъ потрясена до глубины души. Моментъ исполненъ захватывающаго драматизма. Ибсенъ вложилъ въ него весь свой юный геній... Гіордисъ зоветъ Сигурда разрубить разомъ всѣ сѣти, сплетенныя Норнами, богинями судьбы, и пойти вмѣстѣ по пути бурной жизни.

— Я люблю тебя. Я могу теперь сказать тебѣ это не краснѣя. Въ моей любви нѣтъ женскихъ желаній. О, если бы я была мужчиной, клянусь верховными силами, я любила бы тебя такъ, какъ люблю теперь. Впередъ, Сигурдъ! Счастье стоитъ великихъ усилій. Мы оба свободны, если мы этого пожелаемъ: все въ нашей власти... Не какъ женщина я пойду за тобой: Я принадлежала дру-

гому и у тебя еще жива жена... Нѣтъ, Сигурдъ, не какъ женщина, а какъ оруженосецъ пойду я за тобой. Я буду воспламенять тебя на великія дѣла, чтобы слава твоя разнеслась по всей землѣ. Въ бою я буду рядомъ съ тобой, въ бурю я буду среди твоихъ воиновъ, и если когда прозвучитъ пѣснь о твоихъ подвигахъ, вмѣстѣ съ именемъ Сигурда прозвучитъ имя Гіордисъ!..»

Сигурдъ восхищенъ этимъ порывомъ: такая жизнь была мечтой его юности, но теперь нѣтъ возврата!

Гіордисъ не слушаетъ: «Я только теперь ясно поняла свое назначеніе. Я должна прославить тебя. Ежедневно, ежечасно стоялъ ты предо мною. Я хотѣла вырвать тебя изъ своего сердца и не могла. Теперь это не нужно. Я знаю, ты меня любишь. Кровля Гуннара давитъ меня!..»

Но какъ бы ни былъ могущественъ человѣкъ, Норны сильнѣе его. Драма кончается гибелью викинга и валькиріи. Единственная надежда на соединеніе въ другомъ мірѣ.

Вотъ драма всѣхъ драмъ Ибсена! Скандинавская Брунгильда для поэта то же самое, что «могучій образъ» для нашего Лермонтова, для Байрона. Вся галлерея оригинальныхъ женскихъ типовъ у Ибсена—преобразованія всей той же древней героини, воскресшей въ концѣ нашего вѣка, въ совершенно иной средѣ, но съ неприкосновенной героической психологіей. Только вооружившись такимъ основнымъ взглядомъ, мы поймемъ и не человѣческую жестокость Гедды, и демоническій бредъ Гильды, и не женскій поступокъ Норы, бросающей своихъ дѣтей ради личной свободы.

III.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь къ этимъ на первый взглядъ страннымъ лицамъ! Сколько усилій потрачено, чтобы отыскать ихъ оригиналы въ будничной современной дѣйствительности! Нигдѣ не оказывалось никого, похожаго на Гедду Габлеръ и еще менѣе на Нору.

Мало этого. Во Франціи публика ограничивалась сомнѣніемъ или рѣшительнымъ заявленіемъ, что даже на родинѣ Ибсена не существуетъ подобныхъ женщинъ. Въ Италіи бывало хуже: публика прерывала спектакли воплями негодованія, когда Нора начинала излагать символъ вѣры новой женщины и критика не находила словъ — достойно заклеймить *нравственный анархизмъ* поэта.

Но все это не разрѣшало вопроса. Одно время въ парижскихъ салонахъ хозяйки ставили условіе своимъ гостямъ не поднимать разговоровъ о Норѣ: до такой назойливой маніи разросся споръ! Очевидно, оказалось невозможнымъ покончить съ дикой загадкой однимъ презрѣніемъ и негодованіемъ.

И вполнѣ понятно почему.

Если судить по законамъ нравственности и установившагося общественнаго порядка, героини Ибсена дѣйствительно не заслуживаютъ пощады. Это — какая то оргія сатанинскаго эгоизма, лихорадочная страсть насытить безгранично-своевольное воображеніе, во что бы то не стало создать «захватывающее» зрѣлище. И на этомъ пути у этихъ женщинъ нѣтъ никакихъ препятствій, ни малѣйшаго проблеска человѣчности.

Гильда появляется на сцену внезапно и немедленно приступаетъ къ разсчету съ своей жертвой. Иначе нельзя назвать героевъ, сталкивающихся съ этими валькиріями конца вѣка. Солнессъ давно, десять лѣтъ тому назадъ, встрѣтивъ Гильду еще дѣвочкой и, плѣненный ея граціей и красотой, назвалъ ее принцессой и пообѣщалъ ей королевство и замокъ. Гильда не забыла ни комплимента, ни обѣщанія, и не могла забыть: она родилась именно «королевой» и не Солнессъ, такъ другой расплатился бы за ея родство съ «семьей великановъ».

Валькирія Эдды стала бы добиваться, въ буквальномъ смыслѣ, и королевства, и замка, въ XIX вѣкѣ все это приметъ другую форму, но по существу тождественную. Гильда желаетъ видѣть Солнесса единственнымъ среди смертныхъ, недосягаемо-великимъ, ослѣпительно-царственнымъ. И онъ будетъ такимъ, благодаря ей, ея желанію, ея вдохновенію. Въ этомъ фактѣ весь смыслъ жизни Гильды и вся сущность ея природы. Подвигъ будетъ принадлежать *ей*, мужчина лишь выполнитъ *ея волю*, выполнитъ, какъ орудіе могучей, почти сверхъестественной нравственной силы.

«Это должно быть такъ! Я хочу... *Я хочу*, чтобы это было такъ», говоритъ Гильда, и для нея избранный человѣкъ тотъ, у кого воля совпадаетъ съ осуществленіемъ. Это—цѣлая стихія, непреодолимая, безпощадная, постоянно мечущаяся между двумя полюсами—жгучей тоски среди всего будничнаго и посредственнаго и головокружительнымъ счастіемъ предъ необыкновеннымъ и просто эффектнымъ. Задушевнѣйшій идеалъ Гильды быть *творческой силой* и по существу первопричиной величія избраннаго героя, т. е. господствовать надъ его геніемъ и личностью.

Пусть герой подвергнется смертельнымъ опасностямъ на указанномъ ему пути, пусть даже погибнетъ, для Гильды это второстепенная подробность и въ моментъ гибели Солнесса она внадетъ въ «дикій восторгъ», «захватывающее» зрѣлище, не смотря ни на что, ей удалось получить.

Тождественна и исторія Гедды Габлеръ. Эта вполнѣ опредѣленно выражается: «я хочу разъ въ жизни имѣть власть надъ судьбой мужчины». И она сгораетъ отъ злобы и зависти предъ подобнымъ счастьемъ другой женщины. Эта «маленькая дурочка», Тэа вовсе и не мечтала о демоническомъ самовластіи, вліяніе на мужчину ей далось, благодаря ея простому, но глубокому чувству любви. Гедда не проститъ ей, и, не задумываясь, погубитъ ея героя, все равно, когда и какъ, лишь бы только гибель была «красива», т. е. лишь бы вышло опять зрѣлище «заманчивое», захватывающее, способное потрясти и ослѣпить вѣчно-неугомонную тоскующую душу Гедды.

Откуда эта тоска? Сами героини не даютъ отвѣта: они просто одержимы невѣдомымъ злымъ духомъ, и не въ ихъ волѣ спастись отъ своего демона. Но намъ извѣстна тайна, знаетъ ее и поэтъ. Онъ безпрестанно заставляетъ своихъ героевъ и героинь вспоминать о сагахъ, о викингахъ, о валькиріяхъ, и часто современныя рѣчи буквально совпадаютъ съ монологами Гіордисъ, перваго воплощенія Брунгильды.

Въ одной изъ раннихъ пьесъ Ибсена, въ *Комедіи любви*, между героемъ и героиней происходитъ такой обмѣнъ мыслей:

Свангильдъ. Кто теперь мужественно возстанетъ за правду? Кто рѣшится рисковать собой? Гдѣ теперь герои?

Фалькъ. А гдѣ же теперь валькиріи?

Въ этомъ діалогѣ заключенъ весь духъ творчества и глубокая личная дума поэта. Викинги и валькиріи—вотъ кто снова нуженъ нашему немощному, выродившемуся поколѣнію.

И тотъ же Фалькъ, поэтъ съ великой страстью и благороднымъ сердцемъ, жадно хватается за имя героини *Свангильдъ*. Оно значитъ *Лебедь* и напоминаетъ давнюю героическую старину, сагу о безвинно-погибшей королевской дочери.

Это имя «чудесно какъ стихотвореніе,—говоритъ Фалькъ,—но слишкомъ сильно и велико для нашего времени. Развѣ въ современной дѣвушкѣ есть что-нибудь, что приходитъ намъ въ голову при такомъ имени? Нѣтъ, отбросьте его, какъ отжившій остатокъ старины».

О викингахъ и ихъ подругахъ бесѣдутъ также Солнессъ и Гильда. Онъ завидуетъ «крѣпкой совѣсти» королей моря, а она хотѣла «быть уведенной» совершенно такъ, какъ викинги похищали себѣ женъ.

И такъ всюду, гдѣ только стоитъ вопросъ о настоящемъ и будущемъ новаго общества у Ибсена предъ глазами одна и та же параллель: современное мѣщанство, пошлость, трусость и посредственность—и древній пиръ души, торжество личной мощи и оригинальности. Фалькъ, несомнѣнно, любимый герой молодого вдохновенія поэта, высказываетъ его горе и его надежды въ самой доступной формѣ и подъ вліяніемъ самой заурядной сцены:

— Ваша мать сказала вамъ черезъ столъ: «Пей, Свангильдъ, чай остынетъ». И вы выпили этотъ противный теплый чай, какъ дѣлали это всѣ, и старъ и младъ. Но въ ту же минуту въ моемъ умѣ промелькнуло ваше имя; дикая сага о Вользунгахъ съ ея ужасами, съ длинной чередой ея павшихъ героевъ переходила передъ мною въ наше время; я видѣлъ въ васъ Свангильдъ номеръ второй, въ другомъ родѣ, согласно условіямъ времени».

Что это значитъ—Ибсенъ объясняетъ въ теченіе всей своей жизни.

Фальку Свангильдъ указываетъ путь отъ стихотворства къ дѣлу, отъ бумажныхъ подвиговъ къ жизненнымъ. Фалькъ восторженно готовъ принять ея вдохновеніе. Онъ видитъ въ союзѣ съ ней залогъ побѣды. Въ ней живетъ бодрая душа, ея сердце отзывчиво на сильныя мысли, Свангильдъ не потерпитъ, чтобы ее опутали сѣтью условностей. Она никогда не будетъ вторить хору мѣщанъ и пошляковъ...

Это—союзъ Сигурда и Гіордисъ, только «въ другомъ родѣ, согласно условіямъ времени». Но, повидимому, время сагъ прошло во всякомъ родѣ. По крайней мѣрѣ, столь мужественно заключенный союзъ распадается при первомъ же столкновеніи съ «міромъ пошлости».

Только что Свангильдъ, будто валькирія, воспѣла свою вѣчную любовь къ своему викингу, завѣрила его, что она ждала героя съ первыхъ дней молодости, дождалась и съ его устъ услышала свои давнія мечты, солнечнымъ блескомъ своей рѣчи озарилъ онъ ея неясныя и разрозненныя думы, и теперь она его «всецѣло и нераздѣльно!» «О милый, ты—пышный кустъ надъ бурнымъ моремъ, къ которому прибили мои волны и не уйдутъ назадъ ужъ никогда!..»

*

Лучше не могла бы выразиться и героиня Эдды.

Но все это было и осталось мечтами. Къ ликующей четѣ приближается человѣкъ житейскаго здраваго смысла, холоднаго разсчета, сѣрый хотя и болѣе крупный муравей въ самомъ прозаическомъ муравейникѣ, говоритъ самыя банальныя вещи, въ родѣ того, что страстная любовь понижается съ теченіемъ времени въ своей температурѣ, что миръ домашняго очага несравненно прочнѣе перваго поцѣлуя, вообще все истины солидныя и чрезвычайно полезныя.

Можно ожидать, нашъ викингъ и валькирія именно и воспользуются случаемъ дать первое сраженіе «пошлости и тривіальности» и культу теплаго чая. Ничего подобнаго. Мефистофель въ сюртукѣ удаляется и предъ нами два трупа:

Фалькъ. Ты такъ блѣдна.

Свангильдъ. А ты такъ тиха.

Фалькъ. Да.

Свангильдъ. Онъ насъ смутилъ.

Фалькъ (про себя). Онъ сломилъ мою силу.

Свангильдъ. Какъ крѣпко онъ направлялъ свои удары!

Фалькъ. Онъ хорошо цѣлилъ...

И въ заключеніе—разлука. Такова современная сага!

Ибсенъ, повидимому, до сихъ поръ не измѣнилъ окончательно своего мнѣнія, по крайней мѣрѣ на счетъ валькирій. Въ позднѣйшей драмѣ—*Джонъ Габріель Боркманъ*—онъ заставляетъ двухъ многоопытныхъ героевъ признать отсутствіе «настоящихъ женщинъ» въ современномъ обществѣ, т. е. женщинъ,—вдохновительницъ, одаренныхъ «горячими сердцами». Ихъ замѣняютъ женщины-демоны, въ родѣ Гедды и Гильды, смертельные враги всего средняго и пошлаго, но сильныя только на подвиги отрицанія и уничтоженія. Опредѣленныхъ идеаловъ у нихъ нѣтъ: онѣ всѣ поглощены и подавлены невыносимой мукой среди стадныхъ умовъ и мелкихъ инстинктовъ. Это—революціонерки въ припадкѣ кровавой ненависти и безъ искры любви.

Ибсенъ попытался изобразить и положительную женщину, въ лицѣ Норы. Но въ пьесѣ занавѣсъ падаетъ въ минуту, когда начинается самостоятельный путь новой валькиріи, а потомъ, даже и въ этотъ моментъ Нора для насъ существо не нашей планеты, по крайней мѣрѣ, не нашей цивилизаціи. Единственная разгадка ея героизма—въ ея идейныхъ родоначальницахъ. Гіордисъ, конечно, не задумалась бы не только бросить дѣтей во имя принципа или просто стихійной страсти, но даже и убить ихъ. Но вѣдь ее,—сообщаетъ намъ поэтъ,—отецъ кормилъ волчьими сердцами! У нея въ крови берсеркерство, какъ у самихъ викинговъ. Нора вовсе не изъ ихъ породы и поэтъ, очевидно, изнемогъ въ поискахъ за новѣйшими Свангильдъ и рѣшился просто создать таковую изъ первой попавшейся героини. Нора для Ибсена то же самое, чѣмъ была Улинька для Гоголя: чудная женщина, вызванная къ жизни поэтическими мечтами объ идеально-влекущемъ, но, увы! невозможномъ.

Замѣчательно, даже фигуры героинь у обоихъ поэтовъ совпадаютъ, какъ это ни странно. И Улинька, и Нора—обѣ воплощенные ангелы и почти неземныя души: Нора, имѣющая воспроизвести въ своей судьбѣ древнюю сагу, въ началѣ «бѣлочка»,

«жаворонокъ», все равно какъ и несказанная славянская дѣва Гоголя, одновременно и порхающая птичка, и неустрашимая гонительница неправды и зла. Вѣчно-женственное вкупѣ съ гражданскимъ богатырствомъ! Чрезвычайно красиво, но не совсѣмъ вразумительно и вѣроятно!

Нора, конечно, не заурядная галка семейныхъ насѣстовъ, но все-таки ея превращеніе и, главное, ея рѣшительный ударъ, требовали бы болѣе подробной исторіи и болѣе послѣдовальной психологіи.

Нѣтъ, предъ нами крикъ оскорбленнаго поэтическаго сердца, воображаемая Брунгильда новаго времени, а не страница изъ дѣйствительной жизни.

И самъ Ибсенъ, повидимому, чувствовалъ это: на женщинъ-демоновъ онъ съ большой любовью тратилъ свой трудъ и свое творчество, безпрестанно представляя все новые варіанты на излюбленную тему, Нора — одна и единственная, и занавѣсъ, падающій въ концѣ пьесы, остается настоящимъ покрываломъ Изиды. Поэтъ до сихъ поръ не могъ поднять завѣсы и показать намъ Нору, осуществляющую идеи правды и свободы. Да и знаетъ ли жизнь такихъ героинь?..

Но если валькиріи—плодъ мечтаній, можетъ быть, поэтъ счастливѣе въ поискахъ за викингами? Можетъ быть, мужчины XIX вѣка спасаютъ честь сигурдовской породы и мы наканунѣ величественныхъ сагъ на тему новаго культурнаго героизма? Въ отвѣтъ предъ нами—Штокманъ, Солнессъ, Воркманъ...

IV.

Основной догматъ ибсеновской философіи слѣдующій: «гдѣ нѣтъ личности, гдѣ въ духовномъ мірѣ не живетъ ненависти и любви, счастья и страданій, гдѣ кровь не бьется сильнымъ пульсомъ, тамъ весь внѣшній блескъ одинъ жалкій скелетъ».

Что́ можно открыть въ этой истинѣ человѣконенавистническаго и дикаго? А между тѣмъ, по поводу юбилея вновь посыпались на Ибсена обвиненія въ мрачномъ пессимизмѣ, въ отрицаніи всякаго общественнаго и нравственнаго порядка и даже возможнаго на землѣ человѣческаго счастья.

Статья итальянскаго журнала подводитъ итоги этимъ преступленіямъ Ибсена и дѣлаетъ это въ чрезвычайно страстномъ, запальчивомъ тонѣ. Такъ говорятъ только съ личными врагами!

Для Ибсена, по мнѣнію итальянскаго критика, не существуетъ ни Бога, ни боговъ, ни науки, ни религіи, даже дѣятельности,—рѣшительно ничего. Ничто не можетъ принести человѣку, миръ, радость, счастье. Ибсенъ—Іеремія конца вѣка. Всякая его драма—вопль. Каждое дѣйствующее лицо представляетъ порванную струну на великой арфѣ человѣчества. Гармонія мысли, совѣсти, жизни—для него вѣчно нѣмы.

Вся исторія человѣческаго духа проходитъ предъ взорами Ибсена и вся она признается заслуживающей больницы, сумасшедшаго дома, тюрьмы. Все подвергнуто уничтожающему суду,—язычество, потому что красота не долговѣчна, христіанство, основанное на страшной подавляющей тайнѣ богочеловѣка-мученика. Нѣтъ будущаго и протестантству: оно презираетъ искусства. И такъ

безъ конца и въ политикѣ. Авторитетъ вѣчно враждуетъ съ свободой, и излюбленный идеалъ свободы новаго времени—всеобщая подача голосовъ — безсмыслица, потому что опаснѣйшій недругъ истины и свободы—большинство. Оно обладаетъ силой, но не разумомъ и нравственнымъ благородствомъ. Въ результатѣ у Ибсена даже не можетъ быть драмы.

На безусловномъ отрицаніи законовъ, преданій, принциповъ, чувствъ, всякаго начала личной и общественной дѣятельности нельзя построить драматической завязки и борьбы, потому что борьба возникаетъ изъ столкновенія или уже признанныхъ идей, или проповѣдуемыхъ, какъ новыя истины. А что же подобное возможно тамъ, гдѣ разрушена всякая религія, философія и политика!

И норвежскій поэтъ знаетъ единственный выходъ—потопъ, но вполнѣ радикальный, безъ всякаго спасительнаго ковчега. Ибсенъ итальянскому критику рисуется во образѣ нѣкоего апокалипсическаго злого духа. Онъ въ концѣ второй тысячи лѣтъ возстаетъ надъ потрясеннымъ человѣчествомъ подобно призракамъ, волновавшимъ людей въ исходѣ перваго тысячелѣтія. Тогда всевозможныя бѣдствія Европы достигли крайняго предѣла и жизнь, казалось, замирала въ оцѣпенѣніи ужаса, въ когтяхъ сатаны. Но возсталъ новый юный вѣкъ, и ужасы распались. Критикъ думаетъ, что и наши невзгоды смѣнятся свѣтомъ и счастьемъ.

Благо вѣрующимъ! Но только зачѣмъ такъ часто охватываетъ ихъ духъ фанатизма и нетерпимости противъ несчастныхъ невѣрующихъ? Въ отрицаніи и пессимизмѣ нѣтъ нравственнаго удовлетворенія для чьей бы то ни было человѣческой души, тѣмъ болѣе для генія поэта. И Ибсенъ долженъ бы вызывать у критика скорѣе чувство состраданія, а не гнѣва и ненависти.

Но, къ счастью, Ибсенъ вовсе не такое жалкое созданіе. У него есть своя вѣра и чрезвычайно устойчивая.

Символъ ея очень простой, и по существу, мы видѣли, не новый. Оригинальность заключается только въ его источникѣ. Норвежскій поэтъ дошелъ до своего идеала путемъ не политики и не философіи, а національныхъ преданій. Весь смыслъ его вдохновенія—воскресить при современныхъ условіяхъ и ради современныхъ общественныхъ задачъ былое личное величіе отечественныхъ витязей, отыскать и воодушевить викинговъ и валькирій, конечно, не для борьбы съ морскими бурями и чудовищами, а для уничтоженія всего безличнаго, безсознательно рабскаго, косно-стаднаго. Если что и есть у Ибсена новаго, это развѣ только характеръ женщинъ,—героини, по размаху воли и страсти, соотвѣтствующія давно извѣстнымъ въ европейской поэзіи демоническимъ образамъ мужчинъ.

Дѣйствительно, ни у одного поэта нельзя найти, положимъ, Гедды въ такомъ яркомъ освѣщеніи, и рядомъ съ героинями современнаго романа эти новѣйшіе отголоски скандинавскихъ валькирій то же самое, что вновь открытый тропическій міръ рядомъ съ томительными тщедушными равнинами блѣднаго сѣвера. Но пока этимъ «геніальнымъ натурамъ» нѣтъ достойнаго дѣла на тѣсной современной сценѣ, загроможденной всяческими преданіями, условностями, произвольными принципами и внѣшними регламентаціями.

Валькиріи должны ограничиться разрушительной дѣятельностью и внести стихійную, поистинѣ кровавую войну въ среду безвольныхъ и выродившихся мужчинъ. И драмы эти не производятъ на насъ впечатлѣнія преднамѣренныхъ вымысловъ и искусственныхъ комбинацій. Еще Шекспиръ, создавая леди Макбетъ, предвосхитилъ женскій демонизмъ въ ибсеновскихъ драмахъ. Но совершенно другая судьба постигла важнѣйшую задачу поэта—показать идеальную личность современнаго мужчины.

Здѣсь съ самаго начала творчество Ибсена, при всей силѣ и блескѣ, попадало нерѣдко на ложные пути. Именно здѣсь сказались основные недостатки вообще драматическаго и психологическаго таланта поэта. Уже прославленный Штокманъ обнаружилъ, какъ непосильна задача новаго пѣвца новыхъ викинговъ.

Вся драма построена по теоретически-придуманному плану. Основная мысль—представить зрителямъ великій эффектъ превращенія добродушнаго мечтателя-человѣколюбца въ суроваго одинокаго пророка-революціонера.

Штокманъ въ первомъ актѣ, подобно Норѣ, неограниченно счастливъ и свѣтелъ, но, такъ же какъ и у Норы, его счастье—результатъ недоразумѣнія и близорукости;—пороковъ—у него, конечно, гораздо болѣе странныхъ.

Герой нашъ ко всему снисходитъ и все любитъ, даже тѣхъ людей, которые только что испортили его планъ—облагодѣтельствовать бѣдняковъ родного города. Это онъ самъ заявляетъ и подробно объясняетъ, какъ его обошли дѣльцы и доходную статью города приспособили исключительно къ выгодамъ состоятельнаго класса. Статья эта—цѣлебныя купанья, и Штокманъ не только примирился съ эксплуататорскимъ устройствомъ всего дѣла, но сталъ даже однимъ изъ акціонеровъ компаніи и докторомъ при купальняхъ.

Не скомпрометировала ли эта уступчивость идей и даже личности Штокмана? Не далъ ли онъ самъ поводъ своимъ врагамъ считать его проекты «дикими фантазіями», относиться къ нимъ иронически и даже сомнѣваться въ его идеализмѣ и безкорыстіи? Съ другой стороны, естественно ли Штокману послѣ всей исторіи сохранить свою идеальную вѣру и розовыя чувства къ окружающему обществу? Вѣдь не безъ борьбы же уступилъ онъ партіи эксплуататоровъ, а такія уступки врядъ ли когда расширяютъ горизонтъ свѣтлыхъ надеждъ.

Штокманъ дѣлаетъ открытіе, что купанья—источникъ заразы, и именно послѣ этого открытія, подрывающаго всѣ разсчеты акціонернаго общества и состоятельныхъ классовъ, онъ ожидаетъ себѣ овацій и торжествъ!

Будто съ закрытыми глазами авторъ работалъ надъ центральнымъ драматическимъ эффектомъ и шелъ на встрѣчу какимъ угодно вопіющимъ несообразностямъ. Очевидно, рѣзкая тенденція заранѣе разрушила основы для вдумчивой психологіи и послѣдовательнаго творчества. Идеальныя задачи вообще рѣдко удаются художественному вдохновенію, и особенно въ области общественныхъ совершенствъ.

Съ теченіемъ времени вопросъ принялъ еще худшій оборотъ.

Нашъ Гоголь, тщетно сочинительствуя надъ настоящимъ положительнымъ русскимъ героемъ, ударился въ проповѣдническую

реторику и мистическое ясновидѣніе. Съ Ибсеномъ произошло нѣчто подобное: онъ дописался до откровеннаго символизма и принялся вплетать въ свои драмы нарочито придуманныя тайны и чудеса.

Все это свободно можно выдѣлить изъ дѣйствія пьесы и психологіи дѣйствующихъ лицъ, и отъ поправки выиграетъ только ясность характеровъ и драматизмъ сценъ.

Возьмемъ, напримѣръ, *Дикую утку*. На сценѣ бѣдный отецъ семейства, обманутый богатымъ патрономъ: распутный старикъ женилъ его на своей возлюбленной. Задача драмы—раскрыть тайну, и главную роль здѣсь долженъ играть сынъ обманщика. Вопросъ поставленъ вполнѣ опредѣленно и характеры очерчены ярко и сильно. Зачѣмъ было примѣшивать еще *птицу*, попавшую въ домъ несчастнаго героя также черезъ руки его обидчика? Зачѣмъ было *дикую утку* окружать апокалипсическимъ туманомъ, отожествлять ее съ загадочными сомнѣніями трагическаго мужа, связывать съ ея судьбой развязку страшнаго узла? Въ результатѣ *утка* занимаетъ въ пьесѣ гораздо больше мѣста, чѣмъ главнѣйшій виновникъ драматическихъ положеній, разоблачитель обмана, сильный человѣкъ, «страдающій острой лихорадкой справедливости». И заключительный примирительный аккордъ, какъ и слѣдовало ожидать, вышелъ чудомъ, т. е. нескладнымъ и неосмысленнымъ обрывкомъ. Семью вновь сплочиваетъ дѣвочка, родившаяся отъ старика, страстно влюбленная въ дикую утку, рѣшившая было убить ее для доказательства своей любви къ пріемному отцу, и покончившая самоубійствомъ...

Трудно представить хитросплетеніе, болѣе роковое для смысла и достоинства драмы!

То же самое и въ пьесѣ *Строитель Солнесс*.

Тема и здѣсь вполнѣ реальная: богато одаренный человѣкъ, стяжавшій блестящій успѣхъ, желаетъ остаться единственнымъ на своемъ пути, монополизировать славу и подвиги. Но Солнессъ полонъ мрачныхъ предчувствій: молодые таланты надвигаются на его увядающіе вѣнки и онъ въ этомъ движеніи видитъ возмездіе за свое слишкомъ стремительное счастье. Все это не противорѣчитъ ни логическому смыслу, ни жизненной правдѣ. Естественно и появленіе Гильды, раззадоривающей Солнесса на головокружительный подвигъ своими дикими грезами о сказочномъ героизмѣ.

Но всего этого мало автору. Онъ заставилъ своего героя изнывать въ мукахъ совѣсти по самому невѣроятному поводу,—изъ-за пожара въ его домѣ, совпавшаго съ его первыми успѣхами и послужившаго косвенной причиной смерти его дѣтей. Солнессъ совершенно неповиненъ ни въ пожарѣ, ни въ участи дѣтей, но это не мѣшаетъ ему предаваться галлюцинаціямъ, говорить будто въ бреду, изрекать невразумительныя тайны на счетъ своихъ бесѣдъ съ Богомъ и особенно о нѣкіихъ демоническихъ существахъ, «невидимыхъ духахъ», подмывающихъ человѣка на невозможное и дерзкое...

Все это, пикантный соусъ но удалить его можно безъ всякаго ущерба для цѣлаго произведенія. Будто поэтъ, создавая на современной сценѣ викинговъ и валкирій, задался цѣлью перенести сюда и непроницаемые туманы вдохновенія скальдовъ, воскресить доисторическія мечтанія и предчувствія полудикаго на-

рода! Напрасный трудъ! Дѣйствительность конца XIX-го вѣка, и въ самой реальной правдѣ, представляетъ неисчерпаемый запасъ для глубочайшихъ думъ и самыхъ мощныхъ ощущеній, какія только доступны человѣческой природѣ. Ибсену надлежало оставаться при одной этой правдѣ: и здѣсь онъ могъ бы собрать обильнѣйшую жатву и вызвать сильнѣйшія впечатлѣнія у избраннѣйшей современной публики.

Это доказывается слѣдующимъ фактомъ.

Наибольшимъ успѣхомъ Ибсенъ пользуется въ Англіи. Здѣсь нѣтъ двухъ мнѣній объ его талантѣ и значеніи, и намъ понятно почему. Въ классическую страну свободы Ибсенъ принесъ тѣ самыя идеи, какія не переставали распространять популярнѣйшіе умы Англіи.

Они давно болѣютъ той самой тоской, какую Ибсенъ выразилъ рѣзко и краснорѣчиво въ слѣдующемъ положеніи:

«Одна только демократія можетъ разрѣшить соціальный вопросъ. Но новое общество должно заключать аристократическій элементъ. Это не будетъ аристократія рожденія, ни туго набитаго кармана, даже не ума, а аристократія характера, воли, души».

Можно сомнѣваться, насколько Ибсенъ остался горячимъ демократомъ, но *поэзія характера* и *воли* не понизилась ни въ тонѣ ни въ размахѣ. Для Ибсена до послѣднихъ дней стадная власть толпы и большинства—нѣчто разлагающее и глубоко безнравственное. Именно эта идея лежитъ въ основѣ политическихъ разсужденій Милля и Бокля.

Краснорѣчивѣйшія страницы въ трактатѣ Милля *О свободѣ* написаны въ защиту личности, оригинальности, личнаго протеста противъ общественныхъ и политическихъ шаблоновъ, противъ общепризнанныхъ рамокъ, задушающихъ все независимое и выдающееся. Это стихійное подавленіе личности грозитъ всему обществу рабствомъ и застоемъ. Единственное спасеніе истинной цивилизаціи и прогресса—въ появленіи сильныхъ, свободныхъ умовъ, способныхъ стать выше большинствомъ выработанныхъ нормъ и законовъ. Эти люди—истинная сила, безъ нихъ жизнь превратилась бы въ стоячее болото.

Бокль подвергъ блестящему разбору произведеніе Милля и произнесъ еще болѣе воодушевленную рѣчь противъ посредственности и массы за индивидуальность и силу. Онъ нарисовалъ печальную картину, какъ общество постепенно идетъ къ нравственному самоубійству, умственной косности, какъ быстро въ немъ растутъ способности подражанія, приспособленія въ ущербъ критики, сознательнаго выбора, самостоятельной идейной дѣятельности. Бокль безпощадными красками рисуетъ постепенное вымираніе «творческой мысли» въ атмосферѣ банальности и манекеннаго существованія, съ не менѣе горячей страстностью, чѣмъ ибсеновскій Штокманъ, клеймитъ тупоуміе, эгоизмъ и невѣжество большинства и свидѣтельствами исторіи доказываетъ, что никакой прогрессъ не былъ бы мыслимъ при неограниченномъ и непоколебимомъ господствѣ большинства *).

The decline of individuality—упадокъ личности!—таковъ скорбный и негодующій крикъ и Милля, и Бокля... Но вѣдь онъ выражаетъ

*) *Essays by Henry Thomas Buckle.* Leipzig, 1867, pp. 80—89.

тѣ самыя чувства, какія Ибсенъ вынесъ изъ древнихъ сагъ своей родины и принялся осуществлять въ теченіе всей своей жизни на сценѣ современной дѣйствительности. Это совпаденіе, несомнѣнно, главная причина блестящей популярности Ибсена въ Англіи. Именно здѣсь, какъ бы горьки ни были жалобы Милля, меньше чѣмъ гдѣ-либо уродовалась и угнеталась личность и оригинальность. Именно здѣсь не могла вызвать смущеніе даже самая рѣзкая форма, въ какую норвежскій поэтъ устами Штокмана облекъ свое ученіе: «самый могущественный человѣкъ тотъ, кто стоитъ совсѣмъ одиноко».

Можно считать эту рѣчь внушеніемъ приподнятаго настроенія и исключительнаго момента, но среди новѣйшихъ проповѣдей о самоотреченіи воли, о безцѣльности дѣятельной защиты личнаго я противъ общаго зла и тщедушія, — идея Ибсена несомнѣнно носительница жизни и правды. И невольно приходитъ на умъ сопоставленіе: для нашего конца вѣка отзвуки скандинавскихъ сагъ то же самое, чѣмъ когда-то была для римскаго общества суровая, карающая рѣчь Тацита, открывавшаго современникамъ германскій міръ.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*La timidité*». *Etude psychologique et morale, par L. Dugas* (*Félix Alcan*). (*Робость*). Анализируя чувство робости съ психологической точки зрѣнія, авторъ прежде всего указываетъ на то, что не слѣдуетъ смѣшивать это чувство съ чувствомъ страха и старается опредѣлить главныя причины развитія и появленія этого чувства у людей, которымъ чувство страха зачастую бываетъ даже очень мало свойственно. Авторъ говоритъ, что причины чрезмѣрнаго развитія чувства робости надо искать въ свойствахъ характера человѣка и что робость весьма часто представляетъ родъ душевнаго недуга, съ которымъ надо бороться во всеоружіи психологической науки. Изслѣдованіе этой душевной черты, изученіе основныхъ свойствъ характера должны составлять главную задачу воспитателя, такъ какъ неумѣлое обращеніе можетъ только усилить развитіе этой черты и довести ее до степени недуга.

(Revue des Revues).

«*Chez les Hovas*» (*Au pays rouge*) *par Jean Card* (*Paul Ollendorff*). (*У говасовъ*). Литература о Мадагаскарѣ не такъ обширна и, поэтому, названная книга, написанная человѣкомъ, хорошо изучившимъ эту страну, представляетъ далеко не лишній и даже цѣнный вкладъ въ эту литературу, такъ какъ написана она очень живо и интересно и прекрасно знакомитъ съ этою любопытною страной и нравами ея обитателей.

(Revue des Revues).

«*Psychologie du Peuple français*» *par Alfred Fouillée. Bibliothèque de Philosophie Contemporaine.* (*Felix Alcan*). *7 fr. 50 s.* (*Психологія французскаго народа*). Авторъ разсматриваетъ въ началѣ различныя основы національныхъ характеровъ, законную часть, которую слѣдуетъ отнести на долю расъ, и важное значеніе психологическихъ и соціологическихъ факторовъ въ дѣлѣ образованія народнаго характера. Затѣмъ авторъ переходитъ къ характеру французскаго народа и ищетъ объясненія главныхъ основныхъ чертъ французскаго характера въ характерѣ галловъ и въ римскомъ вліяніи. Далѣе авторъ уже изучаетъ различныя проявленія этого характера въ языкѣ, философіи, литературѣ и искусствахъ и контролируетъ свои выводы путемъ сравненія ихъ съ сужденіями иностранцевъ о Франціи, что, безъ сомнѣнія, представляетъ громадный интересъ. Авторъ въ особенности выставляетъ на видъ два обстоятельства, которыя, въ концѣ концовъ, могутъ подѣйствовать разрушительнымъ образомъ на національный характеръ, это—систематическое безплодіе и алкоголизмъ. Въ заключеніе авторъ говоритъ о мѣрахъ борьбы съ національными недостатками и о тѣхъ условіяхъ, которыя могутъ содѣйствовать дальнѣйшему и болѣе широкому развитію національныхъ качествъ. Книга представляетъ громадный интересъ, въ особенности какъ первое систематическое изслѣдованіе французскаго національнаго характера, предпринятое философомъ съ помощью физіологіи и этнографіи.

(Revue internationale).

«*Principes Sociologiques*» *par Charles Mèsmer. Deuxième édition.* (*Alcan*). (*Соціологическіе принципы*). Авторъ—послѣдователь Конта и его ученія о трехъ фазахъ развитія человѣчества: теократической, метафизической и позитивной. Резюмируя въ своей книгѣ эту часть позитивистской доктрины, авторъ прилагаетъ ея выводы къ современной жизни и горячо возстаетъ противъ современнаго общественнаго строя, злоупотребленій политиковъ и вредныхъ сторонъ централизаціи. Книгу можно рекомендовать для желающихъ познакомиться въ сжатомъ изложеніи съ доктринами позитивистовъ. Кромѣ того, и анализъ многихъ общественныхъ явленій, дѣлаемый авторомъ, также заслуживаетъ вниманія.

(La Science Sociale).

«*La lutte contre le mal*» *par J. Clamageran.* (*Alcan*). (*Борьба со зломъ*). Зломъ авторъ считаетъ все большее и большее паденіе нравственности во французскомъ современномъ обществѣ и распространеніе

безнравственной литературы. Взгляды, высказываемые авторомъ по этому поводу, заслуживаютъ полнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что авторъ видитъ корень зла гораздо глубже, чѣмъ другіе моралисты, и не склоненъ приписывать распространеніе безнравственности ослабленію религіозныхъ принциповъ и т. п.

(La Science Sociale).

«*La fatigue intellectuelle*» *par A. Binet et V. Henri. 90 figures et 3 planches.* (*Schleicher frères*). (*Умственная усталость*). Почтенные ученые, авторы этой книги, предприняли цѣлую серію изданій подъ общимъ названіемъ «Bibliothèque de pédagogie et de psychologie», спеціально посвященныхъ различнымъ педагогическимъ и психологическимъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ воспитанію. Названная книга составляетъ первый выпускъ этой библіотеки и посвящена одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ дѣлѣ воспитанія—мозговому утомленію и его вліянію на организмъ. О мозговой усталости много уже писали и говорили, такъ что слова: «переутомленіе мозга» стали ходячимъ выраженіемъ, но, тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ до сихъ поръ еще недостаточно выясненъ, такъ же, какъ и не выяснены симптомы этого явленія и сущность самаго процесса. Авторы вышеназванной книги изслѣдуютъ этотъ вопросъ экспериментальнымъ путемъ, т. е., примѣняя къ педагогикѣ экспериментальный методъ психологіи, и, поэтому, выводы ихъ должны представлять громадный интересъ и бросаютъ новый свѣтъ на многіе педагогическіе пріемы и педагогическую рутину, ярко демонстрируя ея полную несостоятельность въ дѣлѣ воспитанія молодого поколѣнія.

(Science Sociale).

«*L'Individu et la Réforme Sociale*» *par Edward Sanzy Escartin, membre de l'Académie royale des Sciences morales et politiques de Madrid, traduit de l'espadnol par Aug. Dietrich. Bibliothèque de Philosophie Contemporaine. (Felix Alcan). 7 fr. 50 s.* (*Индивидъ и соціальная реформа*). Наша эпоха, безъ сомнѣнія, характеризуется стремленіемъ къ соціальной реформѣ, которая могла бы удовлетворить настоятельнымъ потребностямъ человѣка, какъ соціальнаго индивида, и обезпечить благосостояніе, миръ и нравственное и матеріальное равновѣсіе современнаго общества. Авторъ изучаетъ условія, при которыхъ возможно было бы достигнуть осуществленія такой соціальной реформы, требующей, для своей реализаціи, чтобы люди научились владѣть своими страстями, подчинять свои аппетиты волѣ и разсудку и руководствоваться въ своихъ поступкахъ не эгоистическими стремленіями, а высшими идеями блага и добра. Авторъ разсматриваетъ отношенія индивида къ обществу, современныя условія труда, капитализмъ и взаимныя отношенія классовъ, а также соціальное вліяніе женщины и ея отношеніе къ соціальнымъ движеніямъ.

(Revue internationale).

«*My Life in two Hemispheres*» *by sir Charles Gavan Duffy. With portraits. Two vols (Fisher Unwin).* (*Моя жизнь въ двухъ полушаріяхъ*). Въ этой автобіографіи заключаются весьма интересныя воспоминанія соціальнаго и политическаго характера. Авторъ описываетъ свое пребываніе въ католическомъ университетѣ въ Дублинѣ и очень любопытны его воспоминанія, относящіяся къ кардиналу Ньюману и Дизраэли (лорду Биконсфильду), который пріѣзжалъ въ Дублинъ съ женой. Затѣмъ авторъ описываетъ свою встрѣчу съ Шериданомъ, Ноулесомъ, Броунингомъ и др. и переходитъ къ своей австралійской жизни. Онъ пріѣхалъ въ Мельбурнъ въ 1855 году и прожилъ въ Викторіи 25 лѣтъ. Его описанія жизни въ австралійскихъ колоніяхъ въ тѣ ранніе періоды ихъ развитія очень интересны.

(Bookseller)

«*John Bright*» *by C. A. Vince (Blackie and Son).* (*Джонъ Брайтъ*). Эта книжка принадлежитъ къ серіи изданій, извѣстныхъ подъ именемъ «Victorian Era Series», посвященныхъ описанію главнѣйшихъ моментовъ англійской жизни въ долгій періодъ царствованія королевы Викторіи, изслѣдованію главнѣйшихъ теченій и изученію факторовъ и лицъ, имѣвшихъ вліяніе на общественныя событія. Политическая дѣятельность Джона Брайта имѣла слишкомъ большое значеніе въ теченіе перваго періода разсматриваемой эры и, поэтому, ни одинъ историческій писатель не можетъ оставить ея безъ вниманія. Личность Джона Брайта и въ особенности его парламентская дѣятельность обрисованы очень хорошо.

(Bookseller).

«*The Kingdom of the Yellow Robe*» *by Ernest Young. Illustrated* (*Constable and C°*). (*Царство желтой одежды*). Эта прекрасно изданная книга, снабженная превосходными иллюстраціями, вполнѣ своевременна, такъ какъ интересъ къ дальнему Востоку среди европейской читающей публики очень усилился въ данную минуту, благодаря политическимъ событіямъ и посѣщенію сіамскаго короля. Авторъ описываетъ Сіамъ, его природу, нравы и обычаи населенія, религіозные обряды, характеръ сіамскаго народа и т. д. Въ особенности интересно описаніе Бангкока, этой Венеціи востока, гдѣ цѣлое населеніе живетъ на водѣ, на баркахъ, представляющихъ родъ плавающихъ домовъ.

(Bookseller).

«*Burns: His Life, Genius and Achievement*». *By W. E. Henley* (*E. C. Jack*). (*Бернсъ; его жизнь и дѣятельность*). Прекрасный очеркъ, заключающій въ себѣ ха-

рактеристику Бернса, какъ поэта и человѣка. Всѣ почитатели шотландскаго поэта должны радоваться появленію такой книги, тѣмъ болѣе, что, благодаря своей дешевизнѣ (одинъ шиллингъ), книга эта можетъ разсчитывать на очень большое распространеніе среди читающей публики.
(Literary World).

«*The Story of South Africa*» *by W. Basil Worsford* (*Horace Marshall and Son*). (*Исторія Южной Африки*). Авторъ составилъ свою книгу на основаніи личнаго опыта и знанія страны. Своему описанію послѣдняго періода развитія южно-африканскихъ колоній авторъ предпосылаетъ очеркъ предшествующихъ событій до 1854 года и, слѣдовательно, знакомитъ читателей съ ранней исторіей Южной Африки. Особенный интересъ для читателей представляетъ, конечно, эпизодическая часть книги и выводы автора относительно будущности Южной Африки. (Bookseller).

«*Sir James Young Simpson*» *by Laing Gordon* (*Fisher Unwin*). (*Сэръ Джемсъ Юнгъ Симпсонъ*). Этотъ новый выпускъ библіотеки, носящей названіе «Masters of Medicine», заключаетъ въ себѣ чрезвычайно живо написанную исторію изобрѣтенія хлороформа и біографію замѣчательнаго врача, которому такъ много обязано страждущее человѣчество. (Bookseller).

«*The Every day Book of Natural History*» *by James Cundall* (*Jarrold and Sons*). (*Естественная исторія на каждый день*). Авторъ этой книги имѣлъ счастливую мысль составить естественную исторію для каждаго дня, т. е. сдѣлать описаніе растеній, животныхъ, насѣкомыхъ и т. д., появленіе которыхъ соотвѣтствуетъ данному времени года, климатическимъ условіямъ и мѣстности, такъ что читатель можетъ узнать изъ этой книги, въ какіе дни и въ какомъ климатѣ можно ожидать появленія такихъ-то насѣкомыхъ, птицъ, цвѣтовъ и какія явленія природы характеризуютъ данный климатъ и данное время года. Со своею задачею авторъ справился прекрасно и книга его можетъ служить очень полезнымъ подспорьемъ любителю-натуралисту и, въ особенности собирателю коллекцій насѣкомыхъ и растеній. (Bookseller).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

НОВЫЯ КНИГИ:

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

П. Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“. Часть I. Изданіе 3-е, значительно дополненное. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп. Складъ изданія въ конторѣ журн. „Міръ Божій“. Спб. Лиговская, 25.

Ив. Ивановъ. „Исторія русской критики“. Части I и II. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Складъ изданія въ конторѣ журн. „Міръ Божій“ Спб. Лиговская, 25 и въ книжномъ складѣ Н. П. Карбасникова, Спб. Гостиный дворъ, № 19.

Въ виду предстоящаго пятидесятилѣтія со дня смерти В. Г. Бѣлинскаго,

26-го мая 1898 г.,

въ Москвѣ, въ изданіи Дм. Ив. Тихомирова,

ВЫЙДЕТЪ КНИГА:

ВИССАРІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БѢЛИНСКІЙ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

(для школъ и самообразованія),

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО.

(Съ приложеніемъ біографическаго очерка и словаря иностранныхъ словъ)

Книга не менѣе 20 листовъ, будетъ стоить не дороже рубля. Желающіе имѣть ее ко дню выхода въ свѣтъ 26 мая магазины, библіотеки и отдѣльныя лица благоволятъ обращаться заранѣе въ редакцію журнала „Дѣтское Чтеніе“ (Москва. Тверская, д. Гиршмана, кв. 40), на имя Д. И. Тихомирова.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

М. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКІЙ.

Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Томъ I.

Историческое развитіе руской фабрики въ XIX в.

Содержаніе: Введеніе.—Фабрика въ XVIII в.—Развитіе промышленности въ дореформенной Россіи.—Фабрика съ наемнымъ трудомъ. — Вотчинная и поссессіонная фабрика. — Фабрика и кустарная изба.—Развитіе фабричной промышленности въ новѣйшее время. — Дореформенное и новѣйшее фабричное законодательство.—Заработная плата.—Отношеніе общества и литературы къ фабрикѣ.

Цѣна 3 р. Складъ изданія въ книжн. маг. Н. Карбасникова. Изданіе Л. Пантелѣева.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Сборникъ, посвященный «Памяти В. Г. Бѣлинскаго». Изданіе Лермонтовской Библіотеки въ г. Пензѣ. Будетъ печататься въ Москвѣ подъ наблюденіемъ П. А. Ефремова. Чистый доходъ отъ этого изданія поступитъ въ фондъ имени В. Г. Бѣлинскаго при Лермонтовской Библіотекѣ.

Въ сборникѣ принимаютъ участіе: Л. А. Авилова, К. К. Арсеньевъ, пр. А. С. Архангельскій, пр.-доц. Н. Н. Баженовъ, К. С. Баранцевичъ, пр. Ѳ. Д. Батюшковъ, Ю. Безродная, пр. В. А. Бильбасовъ, И. А. Бунинъ, пр.-доц. С. А. Венгеровъ, пр. А. Н. Веселовскій, В. А. Гольцевъ, Г. А. Джаншіевъ, К. Ельцова, С. Я. Елпатьевскій, А. М. Жемчужниковъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, И. И. Ивановъ, К. Р., гр. П. Каннистъ, пр. Н. И. Карѣевъ, пр. М. М. Ковалевскій, А. Ѳ. Кони, В. Г. Короленко, В. Н. Ладыженскій, В. В. Лесевичъ, М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой, Г. А. Мачтетъ, Мельшинъ, пр. П. Н. Милюковъ, Н. К. Михайловскій, Д. Л. Мордовцевъ, Е. С. Некрасова, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, Л. Е. Оболенскій, пр. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. П. Острогорскій, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, М. А. Протопоповъ, Л. З. Слонимскій, П. А. Соколовскій, Вл. С. Соловьевъ, пр. Н. И. Стороженко, кн. А. П. Сумбатовъ, В. Л. Сѣрошевскій, Н. И. Тимковскій, пр.-доц. А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, М. М. Филипповъ, А. П. Чеховъ, О. Чумина, пр. А. И. Чупровъ, А. С. Шабельская, О. Шапиръ, Д. Д. Языковъ, В. Е. Якушкинъ, А. И. Эртель.

Сборникъ выйдетъ осенью. Цѣна по подпискѣ три рубля. Пересылка наложеннымъ платежемъ. По выходѣ сборника цѣна будетъ повышена. Подписка принимается въ Лермонтовской Библіотекѣ въ г. Пензѣ и, кромѣ того, въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова: въ Москвѣ, Моховая, д. бывш. Кохъ, въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Вильнѣ.

Правленіе Лермонтовской Библіотеки покорнѣйше проситъ редакціи другихъ газетъ перепечатать это объявленіе.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія

М. И. ВОДОВОЗОВОЙ:

Э. Мейеръ, Экономическое развитіе древняго міра. Пер. съ нѣм. Ц. 60 коп.

Н. Водовозовъ, Экономическіе этюды. Ц. 2 руб. Съ портретомъ автора.

С. Булгаковъ, О рынкахъ при капиталистич. производствѣ. Ц. 1 руб. 25 коп.

И. Гурвичъ, Экономическое положеніе русской деревни. Пер. съ англ. Ц. 1 руб. 25 коп.

К. Бюхеръ, Происхожденіе народнаго хозяйства. Ц. 50 коп.

М. Шиппель, Денежное обращеніе въ связи съ общественными интересами. Ц. 50 коп.

Эшли, Экономическая исторія Англіи. Пер. съ англ. Ц. 2 р. 75 коп.

Гиббинсъ, Англійскіе реформаторы. Ц. 1 руб. 25 коп.

Э. Магаймъ, Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 руб 25 коп.

Исторія труда
Промышленность
Землевладѣніе и сельское хозяйство
Освобожденіе крестьянъ на Западѣ
Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи

Сборники статей изъ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», по 1 руб. 50 коп.

Складъ изданій: **Москва**, Б. Никитская, д. Вельтищевой. Кн. магазинъ „Русской Мысли“.

— Этого мы еще не знаемъ. Сверчокъ только что поступилъ на службу и не знакомъ со своими товарищами.

— Нужно узнать отъ Джино, что такое самъ Сверчокъ. Извѣстно ли что-нибудь о намѣреніяхъ правительства? Будутъ ли судить Ривареса въ Бризигеллѣ или переведутъ его въ Равенну?—

— Этого мы не знаемъ. Равенна, конечно, главный городъ Папской области, и по закону серьезныя дѣла должны разбираться только тамъ въ первой инстанціи. Но законы не особенно соблюдаются. Все зависитъ отъ прихоти того, кто случайно пользуется властью.

— Его не перевезутъ въ Равенну, сказалъ Микелле.

— Почему вы думаете?

— Я въ этомъ увѣренъ. Полковникъ Феррари, военный губернаторъ въ Бризигеллѣ, дядя офицера, котораго Риваресъ ранилъ. Онъ мстительная бестія и ни за что не упуститъ случая потѣшиться надъ врагомъ.

— Вы думаете, что онъ постарается удержать Ривареса здѣсь?

— Я думаю, что онъ постарается, чтобы его повѣсили.

Мартини быстро взглянулъ на Гемму. Она была очень блѣдна, но лицо ея не измѣнилось при этихъ словахъ. Очевидно, мысль эта была не нова для нея.

— Онъ едва ли сможетъ это сдѣлать безъ нѣкоторыхъ формальностей, сказала она спокойно,—но онъ, можетъ быть, доведетъ дѣло до военнаго суда подъ какимъ-нибудь предлогомъ и будетъ оправдываться тѣмъ, что этого требуетъ спокойствіе города.

— Ну, а кардиналъ? Согласится онъ на это?

— У него нѣтъ власти въ военныхъ дѣлахъ.

— Но вліяніе его очень велико. Вѣдь губернаторъ не рѣшится на такой шагъ безъ его согласія.

— Онъ никогда не дастъ согласія,—прервалъ Марконе.—Монтанелли былъ всегда противъ военныхъ судовъ и всего такого. Пока Риваресу оставятъ въ Бризигеллѣ, ничего серьезнаго не можетъ случиться. Кардиналъ всегда будетъ на сторонѣ заключеннаго. Я только боюсь, чтобы его не перевели въ Равенну. Тамъ онъ потерянъ.

— Мы можемъ не допустить, чтобы его перевезли,—сказалъ Микелле: можно устроить побѣгъ во время пути; но пока онъ въ крѣпости едва ли удастся сдѣлать что-нибудь.

— Мнѣ кажется,—сказала Гемма,—что было бы совершенно безполезно ждать отправки въ Равенну. Нужно сдѣлать попытку въ Бризигеллѣ и нечего терять времени. Чезаре посмотритъ по плану крѣпости, что возможно сдѣлать. Я придумала кое-что, но не могу справиться съ однимъ пунктомъ.

— Идемъ, Марконе,—сказалъ Микелле, вставая.—Пусть они тутъ придумываютъ планы; мнѣ нужно отправиться въ Фолиньяно сегодня, и я хотѣлъ бы взять васъ съ собой. Винченцо не прислалъ намъ патроновъ, а они должны были быть здѣсь еще третьяго дня.

Когда они оба ушли, Мартини подошелъ къ Геммѣ и молча протянулъ ей руку. Она на минуту положила въ нее свою.

— Вы всегда были добрымъ другомъ, Чезаре, — сказала она, наконецъ, — и всегда помогали мнѣ въ тяжелыя минуты. А теперь давайте говорить о дѣлѣ.

III.

— Я еще разъ серьезно увѣряю ваше преосвященство, что вашъ отказъ угрожаетъ безопасности города.

Губернаторъ старался сохранить почтительный тонъ въ разговорѣ съ высокимъ церковнымъ сановникомъ. Но въ голосѣ его слышалось замѣтное раздраженіе. У него была разстроена печень, жена его тратила много денегъ и за послѣднія три недѣли ему приходилось много волноваться. Онъ жилъ среди непріятнаго, мрачнаго населенія, настроеніе котораго становилось все болѣе и болѣе опаснымъ. Весь округъ кишѣлъ заговорами и отовсюду доходили вѣсти о спрятанномъ оружіи; военный гарнизонъ былъ недостаточно великъ и на преданность его трудно было положиться. А теперь еще этотъ кардиналъ, котораго онъ описывалъ своему адъютанту, какъ воплощеніе «добродѣтельной тупости». Все

это уже довело до отчаянія губернатора, а теперь его еще мучилъ Оводъ, живое воплощеніе духа зла.

Начавъ съ того, что онъ ранилъ губернаторскаго любимаго племянника и ещё кромѣ него самаго нужнаго изъ шпіоновъ, этотъ «хромой испанскій чортъ» продолжалъ свои подвиги въ заключеніи: онъ подкупалъ тюремныхъ сторожей, глумился надъ допрашивавшими его чиновниками и превращалъ тюрьму въ мѣсто всякаго рода развлеченій. Онъ сидѣлъ въ крѣпости около трехъ недѣль и начальство Бризигеллы было совершенно измучено. Его подвергали допросу за допросомъ, и чтобы добиться какихъ-нибудь показаній, употребляли угрозы, убѣжденія и всякаго рода средства, какія только могли придти въ голову. Но, не смотря на это, они столько же знали, какъ и въ первый день его ареста. Они уже начинали понимать, что слѣдовало отправить его сразу въ Равенну, но теперь было слишкомъ поздно, чтобы исправить ошибку. Губернаторъ, посылая въ главное управленіе рапортъ объ арестѣ, просилъ, въ качествѣ личной милости, позволенія заняться самому разслѣдованіемъ дѣла, и такъ какъ на его просьбу любезно согласились, то онъ не могъ теперь отказаться безъ унизительнаго признанія своей слабости.

Единственнымъ возможнымъ исходомъ, какъ и предвидѣли Гемма и Микелле, ему казался военный судъ, и упрямый отказъ кардинала Монтанелли былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу его терпѣнія.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — что если бы ваше преосвященство знали, что я и мои приближенные выстрадали отъ этого человѣка, вы иначе посмотрѣли бы на это дѣло. Я отлично понимаю и уважаю добросовѣстное уклоненіе отъ всякихъ неправильностей въ судебныхъ дѣлахъ, но это совершенно исключительный случай, требующій исключительныхъ мѣръ.

— Не можетъ быть случая,—отвѣтилъ Монтанелли,—требующаго несправедливости. Осудить гражданскаго преступника военнымъ судомъ—несправедливо и незаконно.

— Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ, ваше преосвященство. Заключенный несомнѣнно виновенъ въ нѣсколькихъ уголовныхъ преступленіяхъ. Онъ участвовалъ въ гнусномъ покушеніи въ Савиньо и военная комиссія, созванная монсиньоромъ Спинолла, навѣрное разстрѣляла бы его или сослала на галеры, если бы онъ не убѣжалъ въ Тоскану. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ устраивать заговоры. Онъ извѣстенъ, какъ вліятельный членъ одного изъ самыхъ зловредныхъ тайныхъ обществъ. Его сильно подозрѣваютъ въ томъ, что онъ содѣйствовалъ или даже, быть можетъ, былъ зачинщикомъ убійства не менѣе трехъ довѣренныхъ полицейскихъ агентовъ. Его почти накрыли въ контрабандномъ перевозѣ оружія въ папскую область. Онъ оказалъ вооруженное сопротивленіе властямъ и серьезно ранилъ двухъ офицеровъ при исполненіи своихъ обязанностей. А теперь онъ составляетъ постоянную угрозу спокойствію и порядку города. Все это вполнѣ оправдываетъ преданіе его военному суду.

— Что бы онъ ни сдѣлалъ, — отвѣтилъ Монтанелли, — онъ имѣетъ право, чтобы его судили по закону.

— Обычный ходъ закона включаетъ медленность, ваше преосвященство, а въ данномъ случаѣ каждая минута имѣетъ значеніе. Кромѣ того, я ежеминутно опасаюсь, что онъ убѣжитъ.

— Если есть какая-нибудь опасность этого, то отъ васъ зависитъ усилить надзоръ.

— Я дѣлаю все, что могу, ваше преосвященство, но я завишу отъ тюремнаго штата, а этотъ человѣкъ ихъ всѣхъ околдовалъ. Я уже четыре раза перемѣнилъ сторожей за три недѣли, и мнѣ надоѣло уже наказывать солдатъ изъ-за него; и все это не помогаетъ. Я не могу устроить, чтобы они не носили писемъ отъ него и къ нему. Эти болваны влюблены въ него, какъ въ женщину.

— Какъ странно. Въ немъ, должно быть, есть что-нибудь особенное.

— Онъ сущій дьяволъ. Простите, ваше преосвященство, но этотъ человѣкъ вывелъ бы изъ терпѣнія святого. Трудно повѣрить, но, право, я долженъ самъ

вести допросы, потому что чиновникъ, завѣдующій обыкновенно этой частью, не можетъ справиться съ нимъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Это трудно объяснить, ваше преосвященство, но вы бы поняли, если бы хоть разъ присутствовали при допросахъ. Можно подумать, что допрашивающій чиновникъ на самомъ дѣлѣ обвиняемый, а онъ судья.

— Но что же онъ можетъ дѣлать такого ужаснаго? Онъ, конечно, можетъ не отвѣчать на вопросы, но молчаніе его единственное оружіе.

— У него языкъ, какъ бритва. Всѣ мы люди грѣшные, ваше преосвященство; большинство изъ насъ совершило въ свое время какія-нибудь ошибки, и вовсе непріятно, чтобы о нихъ кричали съ крышъ. Такова природа людская. И каково человѣку слышать, чтобы ему бросали въ лицо то, что онъ совершилъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

— Развѣ Риваресъ узналъ о какихъ-нибудь личныхъ тайнахъ допрашивающаго его чиновника?

— Вотъ видите ли, бѣдняга запутался въ долгахъ, когда былъ кавалерійскимъ офицеромъ, и позаимствовалъ маленькую сумму изъ полкового фонда.

— То-есть, укралъ общественныя деньги, которыя ему были довѣрены?

— Конечно, это было очень нехорошо, ваше преосвященство, но друзья его заполнили сумму, и дѣло было замято. Онъ изъ хорошей семьи, и съ тѣхъ поръ велъ себя безупречно. Какъ Риваресъ объ этомъ узналъ, не могу себѣ представить, но на первомъ же допросѣ онъ выкопалъ этотъ забытый скандалъ, да еще въ присутствіи подчиненнаго, и съ такимъ невиннымъ лицомъ, какъ будто бы произносилъ молитву. Конечно, теперь всѣ знаютъ эту исторію. Если бы ваше преосвященство присутствовали хотя бы при одномъ допросѣ, я увѣренъ, что вы поняли бы. Ему вовсе не нужно знать объ этомъ. Вы можете слушать...

Монтанелли повернулся и взглянулъ на губернатора съ такимъ выраженіемъ лица, какое у него не часто бывало.

— Я служитель вѣры,—сказалъ онъ,— а не полицейскій шпіонъ; подслушиванье не входитъ въ мои обязанности.

— Я не хотѣлъ сказать ничего обиднаго.

— Мнѣ кажется, что ничего не можетъ выйти изъ дальнѣйшаго обсужденія этого вопроса. Если бы вы прислали заключеннаго сюда, я съ нимъ поговорилъ бы.

— Осмѣливаюсь почтительно посовѣтовать вашему преосвященству не призывать его къ себѣ. Человѣкъ этотъ совершенно неисправимъ. Было бы гораздо безопаснѣе и лучше поступиться одинъ разъ буквой закона и освободиться отъ него прежде, чѣмъ онъ надѣлаетъ новыхъ бѣдъ. Я едва рѣшаюсь настаивать на этомъ пунктѣ послѣ того, что ваше преосвященство сказали. Но все-таки я отвѣтственъ передъ монсиньоромъ папскимъ легатомъ за спокойствіе города.

— А я,— прервалъ Монтанелли,— ношу отвѣтственность передъ Богомъ и его святѣйшествомъ въ томъ, чтобы въ моемъ округѣ не было никакихъ противозаконныхъ поступковъ. Я не допущу тайнаго военнаго суда въ мирное время. Я приму заключеннаго здѣсь, наединѣ, завтра въ десять часовъ утра.

— Какъ вашему преосвященству будетъ угодно,—отвѣтилъ губернаторъ съ угрюмой почтительностью и ушелъ ворча про себя: «Они стоятъ другъ друга по упрямству».

Онъ никому не говорилъ о предстоящемъ свиданіи, пока не наступило время снять съ заключеннаго цѣпи и повести его во дворецъ. Совершенно достаточно, какъ онъ замѣтилъ своему раненому племяннику, что этотъ преподобный сынъ валаамской ослицы поступается закономъ и излишне еще подвергаться опасности заговора между Риваресомъ, солдатами и его друзьями, которые способны устроить побѣгъ по дорогѣ во дворецъ.

Когда Оводъ, подъ сильной охраной, введенъ былъ въ комнату, гдѣ увидѣлъ Монтанелли у стола, покрытаго бумагами, онъ внезапно вспомнилъ жаркій лѣтній день, когда онъ сидѣлъ, переворачивая листы рукописи, въ кабинетѣ, весьма похожемъ на теперешный. Ставни были точно также прикрыты, какъ и теперь,

чтобы защитить отъ жары, и съ улицы раздавался голосъ продавщицы плодовъ: «Fragola! Fragola!»

Онъ сердито откинулъ волосы со лба и изобразилъ улыбку на лицѣ.

Монтанелли взглянулъ на него, поднимая глаза отъ бумаги.

— Подождите въ передней,—сказалъ онъ солдатамъ.

— Разрѣшите доложить вашему преосвященству,—сказалъ сержантъ тихимъ голосомъ и, очевидно, сильно возбужденный,—что полковникъ считаетъ заключеннаго опаснымъ, и думаетъ, что было бы лучше...

Глаза Монтанелли внезапно вспыхнули.

— Подождите въ передней,—повторилъ онъ спокойно.

Сержантъ, кланяясь и бормоча извиненія, вышелъ съ испуганнымъ лицомъ изъ комнаты въ сопровожденіи солдатъ.

— Садитесь, пожалуйста, — сказалъ кардиналъ, когда дверь закрылась. Оводъ повиновался молча.

— Синьоръ Риваресъ,—началъ Монтанелли черезъ минуту,—я хотѣлъ бы предложить вамъ нѣсколько вопросовъ, и былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы отвѣтили мнѣ на нихъ.

Оводъ улыбнулся.

— М...мое г...главное занятіе т...теперь выслушивать вопросы.

— Но не отвѣчать на нихъ? Такъ мнѣ и передавали. Но тѣ вопросы предлагались чиновниками, занятыми слѣдствіемъ по вашему дѣлу. Они должны пользоваться вашими отвѣтами, какъ показаніями.

— А в...вопросы вашего преосвященства?

Слышно было какое-то скрытое оскорбленіе въ тонѣ скорѣе, чѣмъ въ словахъ Овода, и кардиналъ сразу это понялъ. Но лицо его не утратило выраженія спокойной кротости.

— Мои вопросы,—сказалъ онъ,—все равно, отвѣтите ли вы на нихъ или нѣтъ, останутся между нами. Если они коснутся вашихъ политическихъ тайнъ, то, конечно, вы не отвѣтите; въ другомъ же случаѣ, хотя мы совершенно чужіе другъ другу люди, я надѣюсь, что вы все таки отвѣтите лично ради меня.

— Я с...совершенно къ услугамъ вашего преосвященства.—Онъ сказалъ это съ легкимъ поклономъ и съ лицомъ, которое не особенно поощряло къ просьбѣ о личныхъ услугахъ.

— Во-первыхъ, говорятъ, что вы перевозили оружіе въ папскую область? Зачѣмъ оно вамъ нужно?

— Ч...чтобы б...бить крысъ.

— Какой странный отвѣтъ. Неужели вы считаете крысами всѣхъ тѣхъ, кто не раздѣляетъ вашихъ убѣжденій?

— Н...нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Монтанелли откинулся на спинку кресла, и нѣсколько времени глядѣлъ на него молча.

— Что это у васъ на рукѣ?—спросилъ онъ вдругъ.

Оводъ взглянулъ на свою лѣвую руку.

— С...старые с...слѣды отъ зубовъ крысъ.

— Нѣтъ, я говорю о другой рукѣ. Это свѣжій шрамъ.

Нѣжная, гибкая правая рука была вся въ ссадинахъ и царапинахъ. Оводъ показалъ ее. Кисть распухла, и на ней виднѣлся темный длинный синякъ.

— Это п...пустяки, какъ видите,—сказалъ онъ.—Когда меня арестовали тогда, благодаря вашему преосвященству,—онъ еще разъ слегка поклонился—одинъ изъ солдатъ наступилъ на руку.

Монтанелли взялъ руку Овода и внимательно разсматривалъ ее.

— Какимъ образомъ она теперь въ такомъ состояніи послѣ трехъ недѣль?—спросилъ онъ.—Она совершенно воспалена.

— Быть можетъ, т...треніе желѣза не было особенно полезно для нея.

Кардиналъ поднялъ глаза, нахмурившись.

— Неужели они накладывали цѣпи на свѣжую рану?

— К...конечно, ваше преосвященство; для этого свѣжія раны и существуютъ. Старыя раны ни къ чему, онѣ только начнутъ болѣть. Но н...нельзя заставить ихъ горѣть, какъ слѣдуетъ.

Монтанелли взглянулъ на него опять пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ, потомъ всталъ и открылъ ящикъ съ медицинскими приспособленіями.

— Дайте мнѣ руку,—сказалъ онъ.

Оводъ, съ лицомъ, какъ бы выкованнымъ изъ желѣза, протянулъ руку; Монтанелли вымылъ рану и нѣжно забинтовалъ ее. Онъ, очевидно, привыкъ къ этому занятію.

— Я поговорю о цѣпяхъ,—сказалъ онъ.—А теперь я хочу предложить вамъ еще вопросъ. Каковы ваши планы?

— На это от...твѣтъ очень простой, ваше преосвященство. Постараюсь убѣжать, если смогу, а если нѣтъ—умру.

— Почему же умирать?

— Потому что если губернатору не удастся разстрѣлять меня, то меня пошлютъ на галеры, а для меня это одно и то же. Здоровье мое не вынесетъ галеръ.

Монтанелли оперся рукой о столъ и задумался. Оводъ ему не мѣшалъ. Онъ сидѣлъ, откинувшись назадъ съ полузакрытыми глазами, лѣниво наслаждаясь пріятнымъ физическимъ чувствомъ освобожденія отъ цѣпей.

— Предположимъ, — началъ опять Монтанелли,—что вамъ удастся бѣжать. Что вы будете дѣлать тогда?

— Я уже сказалъ вашему преосвященству. Буду б...бить крысъ.

— Будете бить крысъ. Другими словами: если я освобожу васъ теперь,—предполагая, что у меня для этого достаточная власть — вы воспользуетесь своей свободой для того, чтобы распространять насиліе и кровопролитіе, вмѣсто того, чтобы предупреждать ихъ.

Оводъ поднялъ глаза къ Распятію, висѣвшему на стѣнѣ.

— «Не миромъ, а мечомъ». Какъ видите, я въ хорошей кампаніи. Впрочемъ, я лично предпочитаю пистолеты.

— Синьоръ Риваресъ,—сказалъ кардиналъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ,—я васъ не оскорблялъ и не говорилъ легкомысленно о вашей вѣрѣ и друзьяхъ; нельзя ли и мнѣ ожидать отъ васъ такой же вѣжливости, или же вы желаете, чтобы я думалъ, что атеистъ не можетъ быть джентльменомъ.

— Ахъ, да. Я с...совершенно заб...былъ, что ваше преосвященство вноситъ вѣжливость въ число христіанскихъ добродѣтелей. Я помню вашу проповѣдь во Флоренціи во время моей п...полемики съ вашимъ анонимнымъ защитникомъ.

— Объ этомъ я тоже хотѣлъ поговорить съ вами. Не можете ли вы объяснить мнѣ причину вашего особаго озлобленія противъ меня. Ваши полемическіе пріемы, конечно, касаются только васъ, и мы теперь не говоримъ о политикѣ; но мнѣ казалось въ то время, что въ васъ проявляется личная вражда ко мнѣ. А если это такъ, то я хотѣлъ бы знать, причинилъ ли я вамъ какое-либо зло и подалъ ли чѣмъ либо поводъ къ враждебному чувству?

— Причинилъ ли онъ ему какое-либо зло!—Оводъ поднялъ забинтованную руку къ горлу.—Я долженъ напомнить вашему преосвященству одно мѣсто изъ Шекспира,—сказалъ онъ съ усмѣшкой.—«Это такое же чувство, какъ у человѣка, питающаго вражду къ безвредной кошкѣ». Моя антипатія—священники. Видъ рясы мнѣ прич...чиняетъ физическую боль.

— О если только въ этомъ дѣло...—Монтанелли равнодушнымъ движеніемъ отклонилъ продолженіе разговора на эту тэму.

— Все-таки, — прибавилъ онъ: — не слѣдуетъ даже въ полемикѣ извращать факты. Когда вы утверждали въ отвѣтѣ на мою проповѣдь, что я зналъ моего анонимнаго защитника, вы ошиблись. Я не обвиняю васъ въ намѣренномъ обманѣ, но вы утверждали неправду. Я до сихъ поръ не знаю, кто это былъ.

Оводъ наклонилъ голову на бокъ, взглянулъ на него съ минуту серьезно, потомъ вдругъ откинулся на стулѣ и расхохотался.

— Святая простота! о невинный аркадійскій пастушокъ—и вы не догадались. Вы н...никогда не замѣчали раздвоеннаго копыта?

Монтанелли поднялся.

— Неужели, синьоръ Риваресъ, вы писали за обоихъ противниковъ?

— Это было не хорошо, я знаю,—отвѣтилъ Оводъ, поднимая на него свои большіе невинные голубые глаза. Но вы такъ легко все прог...глатывали, совсѣмъ, какъ устрицы. Это было очень дурно, но такъ заб...бавно.

Монтанелли закусилъ губы и опять

сѣлъ. Онъ сразу понялъ, что Оводъ старается вывести его изъ терпѣнія и рѣшилъ, что бы ни случилось, не терять самообладанія. Но онъ начиналъ находить раздраженіе губернатора понятнымъ. Человѣкъ, который проводилъ въ теченіе трехъ недѣль два часа въ день, допрашивая Овода, имѣлъ право ругаться.

— Оставимъ это,—сказалъ онъ спокойно.—Я хотѣлъ видѣть васъ главнымъ образомъ вотъ изъ за чего. Въ качествѣ кардинала я имѣю здѣсь нѣкоторую силу, и могу воспользоваться ею въ вопросѣ о вашей судьбѣ. Я употреблю свое вліяніе и воспрепятствую всякому насилію надъ вами, не нужному для того, чтобы предупреждать ваше насиліе относительно другихъ. Я послалъ за вами, чтобы спросить, не жалуетесь ли вы на что-нибудь. На счетъ цѣпей я распоряжусь. Но, можетъ быть, у васъ есть еще что-нибудь сказать мнѣ. А кромѣ того, я считалъ необходимымъ, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе, узнать, что вы за человѣкъ.

— Я совершенно ни на что не жалуюсь, ваше преосвященство. На войнѣ, какъ на войнѣ. Я не ребенокъ и не думаю, чтобы правительство погладило меня по головкѣ за т...тайный п...провозъ огнестрѣльнаго оружія. Совершенно естественно, что со мной поступаютъ такъ строго, какъ только могутъ. Если же вы хотѣли знать, что я за человѣкъ, то вы вѣдь выслушали однажды мою романтическую исповѣдь въ грѣхахъ. Развѣ этого не довольно? Или вы хотите, чтобы я началъ сначала?

— Я не понимаю васъ,—сказалъ Монтанелли холодно, вертя карандашъ между пальцами.

— Неужели ваше преосвященство забыли стараго Діего, паломника.—Онъ вдругъ измѣнилъ голосъ и сталъ говорить какъ Діего: «Я бѣдный грѣшникъ...»

Карандашъ выпалъ изъ руки Монтанелли.

— Это уже слишкомъ,—сказалъ онъ.

Оводъ откинулъ голову съ легкой усмѣшкой и сидѣлъ молча, глядя, какъ Монтанелли тихо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Синьоръ Риваресъ,—сказалъ Монтанелли, останавливаясь наконецъ передъ нимъ.—Вы поступили со мной, какъ ни одинъ человѣкъ, рожденный отъ женщины, не рѣшился бы поступить съ злѣйшимъ врагомъ. Вы вторгнулись въ мое личное горе и обратили въ предметъ насмѣшки и шутокъ печаль ближняго. Я только прошу васъ еще разъ сказать мнѣ: сдѣлалъ ли я вамъ когда-либо зло? Если же нѣтъ, то зачѣмъ вы такъ безсердечно глумились надо мной?

Оводъ, откинувшись на спинку кресла, смотрѣлъ на него съ своей тонкой, холодной, непонятной улыбкой.

— Это меня заб...бавляло, ваше преосвященство. Вы такъ близко принимали это къ сердцу, и это мнѣ н...напомнило немного представленіе въ циркѣ.

Монтанелли съ поблѣднѣвшими губами отвернулся и позвонилъ.

— Уведите заключеннаго, — сказалъ онъ вошедшимъ солдатамъ.

Когда они ушли, онъ сѣлъ къ столу еще весь дрожа отъ необычнаго возмущенія и придвинулъ къ себѣ пачку докладовъ, присланныхъ ему священниками его округа.

Но онъ тотчасъ же оттолкнулъ ихъ и, опершись на столъ, закрылъ лицо руками. Оводъ, казалось, оставилъ послѣ себя какую-то страшную тѣнь, какой-то призрачный слѣдъ своего существа.

Монтанелли сидѣлъ дрожа и не рѣшаясь поднять глазъ, чтобы не видѣть призрака, хотя онъ зналъ, что его здѣсь нѣтъ. Призракъ этотъ не былъ вполнѣ галлюцинаціей, а только воображеніемъ измученныхъ нервовъ. Но Монтанелли чувствовалъ непонятный страхъ какого-то призрачнаго видѣнія—раненой руки, улыбающагося жестокаго рта, таинственныхъ глазъ, подобныхъ глубокому морю.

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы прогнать видѣніе и сѣлъ за работу; въ теченіе всего дня у него не было ни одной свободной минуты, и видѣніе его больше не мучило. Но когда поздно ночью онъ отправился къ себѣ въ спальню, онъ остановился на порогѣ съ внезапнымъ ужасомъ. Что если онъ опять увидитъ его во снѣ? Но онъ тотчасъ оправился и съ молитвой опустился на колѣни передъ Распятіемъ.

Всю ночь онъ не могъ уснуть.

IV.

Гнѣвъ Монтанелли не помѣшалъ ему однако помнить свое обѣщаніе. Онъ такъ горячо возмутился противъ оковъ Овода, что несчастный губернаторъ, растерявшись, велѣлъ снять всѣ кандалы, совершенно не зная, что ему дѣлать.

— Какъ знать,—сказалъ онъ своему адъютанту,—противъ чего его преосвященство возмутится въ слѣдующій разъ. Если онъ считаетъ простые ручные кандалы жестокостью, то онъ вскорѣ начнетъ возставать противъ оконной рѣшетки или потребуетъ, чтобы я кормилъ Ривареса устрицами и трюфелями. Когда я былъ молодъ, то преступники считались преступниками, и такъ съ ними и обходились; никто не думалъ, что предатель лучше вора; но теперь возмущенія вошли въ моду и его преосвященство собирается покровительствовать всѣмъ негодяямъ въ странѣ.

— Я совершенно не понимаю, зачѣмъ онъ вмѣшивается въ это дѣло,—замѣтилъ адъютантъ. — Онъ не папскій легатъ, и не имѣетъ никакой власти въ гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ. По закону...

— Да что тамъ толковать о законѣ? Неужели кто-нибудь станетъ уважать законы послѣ того, какъ святой отецъ открылъ тюрьмы и натравилъ всѣхъ либеральныхъ проходимцевъ на насъ. Конечно, монсиньоръ Монтанелли проявляетъ теперь свою власть. Онъ держался совершенно ,смирно при покойномъ папѣ, а теперь онъ хозяинъ. Онъ сразу вошелъ въ силу и дѣлаетъ все, что хочетъ. Какъ я могу идти противъ него? Можетъ быть, у него есть секретное предписаніе изъ Ватикана. Все теперь идетъ вверхъ дномъ. Нельзя сказать, что будетъ завтра. Въ доброе старое время можно было знать, какъ дѣйствовать, а теперь...

Губернаторъ покачалъ головой съ озабоченнымъ видомъ. Свѣтъ, въ которомъ кардиналы заботятся о мелочахъ тюремной дисциплины и говорятъ о правахъ политическихъ преступниковъ, казался ему слишкомъ сложнымъ.

Оводъ также вернулся въ крѣпость въ нервномъ состояніи, доходящемъ почти до истерики. Свиданіе съ Монтанелли напрягло его терпѣніе до крайней точки и его послѣдняя грубость относительно цирка сказана была имъ въ состояніи полнаго отчаянія, только для того, чтобы оборвать свиданіе, которое черезъ пять минутъ кончилось бы слезами.

Вызванный для допроса вечеромъ того же дня, онъ только истерически хохоталъ въ отвѣтъ на каждый вопросъ; когда губернаторъ. потерявъ терпѣніе, вышелъ изъ себя и сталъ ругаться, онъ началъ еще громче хохотать. Несчастный губернаторъ бѣсновался, бушевалъ и угрожалъ своему строптивому плѣнику всякими невозможными наказаніями, но въ концѣ концовъ пришелъ, какъ много лѣтъ тому назадъ Джемсъ Бортонъ, къ заключенію, что не стоило тратить душевныхъ силъ на разговоръ съ человѣкомъ, совершенно невмѣняемымъ.

Овода опять увели въ его камеру, и тамъ онъ легъ на кровать въ состояніи чернаго безнадежнаго отчаянія, которое всегда наступало послѣ его припадковъ воинственности. Онъ лежалъ до вечера, не двигаясь, почти ничего не думая. Послѣ сильнаго утренняго волненія онъ впалъ въ странное полубезсознательное состояніе: его собственное горе казалось ему только какой-то механической тяжестью, которая давила на деревянное нѣчто, забывшее быть душой. Въ сущности ему было безразлично, какъ все кончится. Ему хотѣлось только избавиться отъ невыносимой боли и совершенно все равно, явилось ли бы это облегченіе отъ измѣненныхъ условій или отъ утраченной способности чувствовать. Можетъ быть, ему удастся убѣжать или, можетъ быть, они убьютъ его; во всякомъ случаѣ онъ больше не увидитъ падре; все это суета и томленіе духа.

Одинъ изъ сторожей принесъ ему ѣду, и Оводъ взглянулъ на него тяжелымъ равнодушнымъ взглядомъ.

— Который часъ?

— Шесть часовъ. Вотъ вашъ обѣдъ, синьоръ.

Онъ взглянулъ съ отвращеніемъ на прѣсную, холодную, неаппетитную ѣду и отвернулъ голову. Онъ чувствовалъ

себя физически больнымъ и нравственно разбитымъ и видъ ѣды внушалъ ему отвращеніе.

— Вы заболѣете, если не будете ѣсть, — сказалъ солдатъ торопливымъ голосомъ.—Съѣшьте во всякомъ случаѣ кусочекъ хлѣба. Вамъ отъ этого станетъ лучше.

Онъ говорилъ съ особенной настойчивостью, поднимая кусокъ хлѣба съ тарелки и снова кладя его на нее. Въ Оводѣ тотчасъ проснулся заговорщикъ. Онъ сразу понялъ, что въ хлѣбѣ что-то спрятано.

— Оставьте обѣдъ, я съѣмъ его потомъ,—сказалъ онъ небрежнымъ тономъ.

Дверь была открыта, и онъ зналъ, что сержантъ, стоявшій на лѣстницѣ, слышалъ каждое слово. Когда дверь снова закрылась, и онъ удостовѣрился, что никто не наблюдаетъ за нимъ черезъ отверстіе въ двери, онъ взялъ хлѣбъ и осторожно началъ крошить его. По срединѣ было то, что онъ и ожидалъ— связка тоненькихъ пилокъ. Онѣ были завернуты въ кусокъ бумаги, на которомъ написано было нѣсколько словъ. Онъ тщательно разгладилъ бумагу и поднесъ ее къ свѣту. Надпись была сдѣлана на такомъ маленькомъ и тонкомъ листкѣ бумаги, что трудно было прочесть написанное.

«Дверь не закрыта, и ночь темная. Постарайтесь какъ можно скорѣе распилить рѣшетку и выйти между двумя и тремя часами. Мы готовы, и другой случай можетъ не представиться».

Онъ лихорадочно скомкалъ бумагу въ рукѣ. Итакъ, всѣ приготовленія сдѣланы. Ему нужно только перепилить рѣшетку. Какое счастье, что кандалы съ него сняты. Ему не приходилось терять времени на то, чтобы еще ихъ перепиливать. Сколько прутовъ въ рѣшеткѣ? Два, четыре. Каждый нужно перепилить въ двухъ мѣстахъ—значитъ восемь. Онъ успѣетъ сдѣлать это въ теченіе ночи, если только поторопится. И какъ это Гемма и Мартини успѣли такъ скоро все приготовить: костюмъ, паспорта, мѣсто для укрывательства. Они должны были работать, какъ вьючныя лошади, чтобы все это сдѣлать—и, конечно, ея предложеніе было принято, а не чье-либо другое Онъ улыбнулся своей собственной глупости. Не все ли равно, ея или нѣтъ. лишь бы самъ планъ былъ хорошъ И все-таки, онъ радъ былъ, что именно она посовѣтовала воспользоваться подземнымъ ходомъ вмѣсто того, чтобы онъ спустился по веревочной лѣстницѣ, какъ предполагали сначала контрабандисты. Ея планъ былъ болѣе сложный и трудный, но не представлялъ опасности для жизни часового у восточной стѣны. Поэтому, когда ему представили оба проекта, онъ не колеблясь выбралъ тотъ, который составила Гемма.

Преданный имъ сторожъ, по прозванію «Сверчокъ», долженъ былъ, по этому плану, воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы открыть безъ вѣдома своихъ товарищей желѣзныя ворота, которыя вели изъ двора къ подземному ходу подъ крѣпостными стѣнами. Затѣмъ онъ долженъ былъ повѣсить обратно ключь на гвоздь въ дежурной комнатѣ.

Оводъ, увѣдомленный объ этомъ, долженъ былъ перепилить рѣшетку, разорвать свою рубаху на полосы и сплести веревку, съ помощью которой онъ спустился бы по широкой восточной стѣнѣ, окружающей дворъ Вдоль стѣны онъ долженъ былъ пробираться на рукахъ и колѣняхъ, пока часовой смотрѣлъ въ другую сторону, и лежать неподвижно, когда часовой обращался въ его сторону. Въ сѣверо-восточномъ углу была полуразрушеная башенка; она поддерживалась отчасти густо растущимъ плющемъ, но громадныя массы рыхлаго камня впали внутрь и лежали во дворѣ, собранные въ кучу около стѣны. Съ этой башни онъ долженъ былъ спуститься по зелени и кучкамъ камней во дворъ, и, тихо отворяя незапертыя ворота, пробраться въ подземный ходъ, начинающійся тамъ. Въ прежніе вѣка, этотъ туннель образовалъ тайный ходъ между крѣпостью и башней на сосѣднемъ холмѣ. Теперь онъ былъ совершенно безъ употребленія и въ нѣсколькихъ мѣстахъ загроможденъ камнями. Только контрабандисты знали одинъ тщательно скрытый выходъ въ горы, ведущій изъ туннеля. Никто не подозрѣвалъ, что цѣлыя

партіи безпошлинныхъ товаровъ лежали иногда цѣлыми недѣлями подъ самыми стѣнами крѣпости въ то время, какъ таможенные чиновники напрасно обыскивали дома угрюмыхъ горцевъ. Черезъ это отверстіе Оводъ долженъ былъ въ темнотѣ пробраться въ пустынное мѣсто въ горахъ, гдѣ его ожидалъ Мартини и одинъ контрабандистъ. Единственная трудность заключалась въ томъ, что не каждую ночь представлялся случай открывать ворота послѣ вечерняго патруля и спускъ съ окна не могъ совершиться въ свѣтлую ночь безъ опасности быть замѣченнымъ часовымъ. Теперь, когда представлялась серьезная возможность успѣха, ее не слѣдовало упускать.

Онъ сѣлъ и началъ ѣсть хлѣбъ, не внушавшій ему такого отвращенія, какъ остальная тюремная пища; ему нужно было съѣсть что-нибудь для поддержки силъ.

Слѣдовало бы также немного прилечь и постараться уснуть. Нельзя было взяться за дѣло до десяти часовъ, а ночью ему предстояла серьезная работа.

Итакъ въ концѣ концовъ падре хотѣлъ дать ему случай убѣжать. Какъ это на него похоже. Но онъ самъ никогда бы на это не согласился. Все, кромѣ этого. Если онъ убѣжитъ, то только по собственной волѣ и съ помощью товарищей. Онъ не желаетъ никакихъ благодѣяній отъ патеровъ.

Какъ жарко!—навѣрное будетъ гроза, воздухъ такой душный и тяжелый. Онъ безпокойно ворочался на кровати и закинулъ забинтованную руку за голову на подушку, потомъ опять опустилъ ее. Какъ она горѣла и вздулась. И всѣ старыя раны начали болѣть съ мучительной назойливостью. Что съ ними такое? Какія глупости. Все дѣло въ приближеніи грозы. Онъ теперь немного заснетъ и отдохнетъ, прежде, чѣмъ начать работать.

— Восемь прутовъ. И всѣ толстые и крѣпкіе. Сколько еще осталось пилить? Навѣрное, немного. Онъ, вѣроятно, пилилъ уже цѣлые часы — безконечные часы, и вотъ почему такъ болѣла рука. О какъ больно—до самой кости. Но едва ли отъ этого болитъ и бокъ. А это жгучая боль въ хромой ногѣ,—неужели тоже отъ работы пилой?

Онъ вскочилъ. Нѣтъ, онъ не спалъ. Онъ бредилъ съ открытыми глазами. Ему снилось, что онъ пилитъ, а онъ еще и не начиналъ. Рѣшетка еще стояла нетронутая, крѣпко сплоченная. Гдѣ-то далеко пробило десять часовъ съ башни. Пора начать работу.

Онъ выглянулъ въ отверстіе у дверей, и убѣдившись, что никто за нимъ не наблюдаетъ, взялъ одну изъ пилокъ и принялся за работу.

. . . . . .

Нѣтъ, онъ совсѣмъ здоровъ. Все это одно воображеніе. Боль въ боку была отъ желудка или отъ простуды, или отъ чего-нибудь другого. Да и что удивительнаго, если онъ чувствуетъ себя не по себѣ послѣ трехъ недѣль невыносимой тюремной пищи и затхлаго воздуха. А всѣ эти боли и учащенный пульсъ происходятъ отчасти отъ нервнаго разстройства и отчасти отъ отсутствія движенія. Да въ этомъ все дѣло—отсутствіе движенія. Какъ глупо, что онъ объ этомъ раньше не подумалъ.

Онъ лучше посидитъ немного и дастъ успокоиться боли прежде, чѣмъ начать работать. Черезъ нѣсколько минутъ все пройдетъ.

Но отъ сидѣнья гораздо хуже. Когда онъ спокойно сидитъ, онъ весь во власти нервовъ, и лицо его становится сѣрымъ отъ ужаса. Нѣтъ, надо встать и взяться за работу, сбросить съ себя дурь. Отъ его собственной воли зависитъ чувствовать или не чувствовать. И онъ рѣшилъ совсѣмъ не чувствовать, оттолкнуть отъ себя всякія чувства.

Онъ опять всталъ и сказалъ самому себѣ громко и отчетливо:

— Я не боленъ, у меня нѣтъ времени быть больнымъ. Мнѣ нужно перепилить рѣшетку, и я не хочу быть больнымъ.

Онъ началъ пилить.

Четверть одиннадцатаго — половина одиннадцатаго—три четверти одиннадцатаго. Онъ пилилъ и пилилъ, и скрипъ желѣза отзывался въ немъ такъ, какъ будто бы пилили его собственное тѣло и мозгъ.

— Хотѣлъ бы я знать,—сказалъ онъ себѣ съ усмѣшкой,—кто раньше будетъ перепиленъ: я или рѣшетка.

Онъ стиснулъ зубы и продолжалъ пилить.

Половина двѣнадцатаго. Онъ все еще пилилъ, хотя рука его окоченѣла, распухла и едва могла держать пилу. Онъ не рѣшается однако остановиться. Если онъ только на минуту выпуститъ изъ рукъ это страшное орудіе, онъ никогда не сможетъ взяться за него снова.

Часовой задвигался въ корридорѣ, и штыкъ его ударился о дверь. Оводъ остановился и оглянулся, все еще держа пилу въ поднятой рукѣ. Неужели все открылось?

Маленькій круглый комокъ вылетѣлъ изъ отверстія у двери и лежалъ на полу. Онъ положилъ пилу и нагнулся, чтобы поднять. Это былъ свернутый комокъ бумаги.

. . . . . .

Какъ тяжело было опускаться ниже и ниже, когда вокругъ него бушевали черныя волны. Какъ онѣ клокотали!..

Ахъ, да, онъ только опустился, чтобы поднять бумагу. У него нѣсколько закружилась голова. Это бываетъ иногда, когда нагибаешься. Это все ничего, ничего.

Онъ поднялъ бумагу, поднесъ ее къ свѣту и развернулъ.

«Выходите сегодня ночью, что бы ни случилось. Сверчокъ завтра будетъ переведенъ на другую службу. Сегодня послѣдній благопріятный случай».

Онъ разорвалъ бумагу, какъ и первую, схватилъ опять пилу и вернулся къ работѣ упорно молча и съ полнымъ отчаяніемъ въ душѣ.

Часъ ночи. Онъ работалъ три часа, и шесть штукъ изъ восьми были перепилены. Еще двѣ, потомъ можно будетъ вылѣзть.

Онъ сталъ припоминать прежніе случаи, когда начинались ужасные приступы его болѣзни. Послѣдній приступъ былъ въ Новый годъ, и онъ содрогнулся, вспоминая тѣ пять ночей. Но тогда болѣзнь не пришла такъ внезапно. Никогда она такъ не приходила.

Онъ опустилъ пилу и слѣпо протянулъ впередъ обѣ руки, молясь отъ отчаянія въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ утратилъ вѣру. Онъ молился неизвѣстно кому.

— Не въ эту ночь. О, пусть я заболѣю завтра. Я все вынесу завтра, только не сегодня.

Онъ остановился на минуту и поднесъ обѣ руки къ вискамъ. Потомъ онъ снова взялъ пилу и еще разъ вернулся къ работѣ.

Половина второго... Онъ началъ работать надъ послѣднимъ прутомъ. Рукавъ его рубашки былъ изгрызанъ на лохмотья, на губахъ была кровь, и глаза заволокло краснымъ туманомъ; потъ лился градомъ съ его лба, а онъ пилилъ, пилилъ, пилилъ.

. . . . . .

Послѣ восхода солнца Монтанелли заснулъ. Онъ былъ совершенно измученъ тяжелой безсонной ночью и нѣсколько времени спалъ спокойно. Потомъ ему стали видѣться сны.

Въ началѣ сны были смутные, туманные. Отдѣльные образы фантазіи слѣдовали одинъ за другимъ, безсвязные и мимолетные, но всѣ были полны одного и того же страннаго сознанія борьбы и страданія, той же тьмы и непонятнаго ужаса. Потомъ ему стала сниться безсонница, старый, страшный, знакомый ему сонъ, который былъ его кошмаромъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. И во время сна онъ продолжалъ помнить, что уже все это онъ когда-то чувствовалъ раньше.

Ему казалось, что онъ бродилъ въ большомъ пустомъ мѣстѣ, стараясь найти какой-нибудь уголокъ, гдѣ бы лечь и заснуть. Повсюду ходили люди, разговаривая, смѣясь, крича, молясь, звоня въ колокола и ударяя въ металлическіе инструменты. Иногда онъ немного удалялся отъ шумнаго мѣста и ложился на минуту то на траву, то на деревянную скамью, то на каменную плиту. Онъ закрывалъ глаза, клалъ еще на нихъ руки, чтобы защитить ихъ отъ свѣта. И тогда онъ говорилъ себѣ: «теперь я засну». Но въ это время подходили къ нему цѣлыя толпы людей, кричали, завывали и молили его: «проснись, проснись скорѣе! намъ нужно тебя!»

А то еще другой сонъ. Онъ въ боль-

шомъ дворцѣ, съ великолѣпными рядами комнатъ. Повсюду кровати, диваны, низкія, мягкія постели. Наступаетъ ночь, и онъ говоритъ себѣ: «здѣсь, наконецъ, я найду спокойное мѣсто, чтобы уснуть». Но когда онъ выбралъ темную комнату и легъ, кто то входитъ съ лампой, немилосердно свѣтитъ ему въ глаза и говоритъ: вставай, тебя намъ нужно!

Онъ встаетъ и идетъ дальше, шатаясь и оступаясь, какъ раненый на смерть. Онъ слышитъ, что пробило часъ, и знаетъ, что половина уже прошла, драгоцѣнной короткой ночи. Два, три, четыре, пять— въ шесть часовъ уже проснется весь городъ, и не будетъ больше тишины.

Онъ идетъ въ другую комнату и собирается лечь на постель, но кто-то подымается съ подушекъ и восклицаетъ: «постель мнѣ принадлежитъ». И онъ опять долженъ уйти съ отчаяніемъ въ душѣ.

Бьетъ часъ за часомъ, и все еще онъ блуждаетъ изъ комнаты въ комнату, изъ дома въ домъ, изъ корридора въ корридоръ. Страшная сѣрая заря подползаетъ ближе и ближе. Часы бьютъ пять, ночь прошла и онъ не нашелъ покоя. О ужасъ, еще одинъ день—новый день.

Онъ въ длинномъ подземномъ корридорѣ, въ низкомъ сводчатомъ проходѣ, которому нѣтъ конца. Онъ освѣщенъ яркими лампами и канделябрами, и черезъ рѣшетчатую кровлю доходятъ звуки танцевъ, и смѣха, и веселой музыки. Тамъ, *наверху*, въ мірѣ живыхъ существъ, происходитъ, вѣроятно, какое-нибудь празднество. О, гдѣ бы найти мѣсто, гдѣ спрятаться и уснуть. Маленькое мѣсто, хотя бы могилу. И говоря это, онъ наткнулся на открытую могилу, откуда доносится запахъ смерти и тлѣна. Все равно, лишь бы заснуть.

— «Могила моя!»—Это Гладисъ. Она подняла голову и смотритъ на него изъ за истлѣвшаго савана. Онъ становится на колѣни и протягиваетъ ей руки.

— Гладисъ. Гладисъ! сжалься надо мной. Позволь мнѣ лечь въ это узкое мѣсто и уснуть. Я не прошу твоей любви, я не трону тебя, не буду говорить съ тобой, только дай мнѣ лечь и уснуть. О, дорогая, я такъ давно не спалъ. Я не могу вынести еще одинъ день. Свѣтъ слѣпитъ мою душу, шумъ разбиваетъ мой мозгъ и превращаетъ его въ пыль. Гладисъ, дай мнѣ лечь и уснуть!

И онъ хочетъ потянуть ея саванъ и закрыть себѣ глаза. Но она отстраняетъ его съ крикомъ: «это грѣхъ, ты священникъ!»

Онъ идетъ все дальше, и дальше. приходитъ къ морскому берегу, къ голымъ скаламъ, на которыя падаетъ ослѣпительный свѣтъ; вода стонетъ тихимъ вѣчнымъ и тревожнымъ стономъ.—«О, говоритъ онъ, — море сжалится надо мной. Оно тоже устало до смерти и не можетъ спать». Тогда Артуръ поднимается изъ моря и громко кричитъ: море мое!

. . . . . .

— Ваше преосвященство, ваше преосвященство.

Монтаннелли вздрогнулъ и проснулся. Раздался громкій стукъ у двери. Онъ машинально всталъ и открылъ дверь. Слуга увидѣлъ его дикій, испуганный взглядъ.

— Ваше преосвященство, вы больны?

Онъ провелъ рукой по лбу.

— Нѣтъ, я спалъ и испугался, когда постучали.

— Простите меня. Мнѣ казалось, что вы рано проснулись утромъ, я предполагалъ...

— А теперь поздно?

— Девять часовъ. Пріѣхалъ губернаторъ. Онъ говоритъ, что у него важное дѣло, и зная, что ваше преосвященство рано встаетъ...

— Онъ внизу? Я сейчасъ сойду.

Онъ одѣлся и спустился внизъ.

— Простите, что я такъ безцеремонно явился къ вашему преосвященству,—началъ губернаторъ.

— Надѣюсь, что все благополучно?

— Совсѣмъ не благополучно. Риваресъ чуть не убѣжалъ.

— Пока онъ еще не убѣжалъ, ничего страшнаго нѣтъ. А какъ же это было?

— Его нашли во дворѣ, у маленькой желѣзной калитки. Патруль вошелъ для осмотра во дворъ, въ три часа утра, и одинъ изъ людей споткнулся о что-то на землѣ. Когда принесли свѣтъ, ока-

залось, что это Риваресъ, лежащій въ безчувствіи. Сейчасъ подняли тревогу и позвали меня. Осматривая его камеру, я увидѣлъ, что вся рѣшетка подпилена, и на ней веревка, сплетенная изъ разрѣзаннаго на полосы бѣлья. Онъ спустился внизъ и ползъ по стѣнѣ. Желѣзная дверь, которая ведетъ въ подземелье, найдена была незакрытой. Все это доказываетъ, что стража была подкуплена.

— Но какъ же онъ очутился лежащимъ на дорогѣ? Онъ упалъ со стѣны и ранилъ себя?

— Такъ я предполагалъ тоже сначала, ваше преосвященство, но тюремный докторъ не находитъ никакихъ слѣдовъ паденія. Солдатъ, бывшій вчера дежурнымъ, говоритъ, что Риваресъ очень плохо выглядѣлъ въ послѣдній вечеръ, когда ему принесли ужинъ, и ничего не ѣлъ. Но это глупости; больной человѣкъ не могъ перепилить рѣшетки и пробраться по крышѣ. Это немыслимо.

— А что онъ самъ говоритъ?

— Онъ въ безсознательномъ состояніи, ваше преосвященство.

— Все еще?

— Иногда онъ немножко приходитъ въ себя и стонетъ и потомъ опять впадаетъ въ бредъ.

— Это очень странно. Что думаетъ докторъ?

— Онъ не знаетъ, что и думать. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ болѣзни сердца, которая бы объяснила его состояніе; но какъ бы то ни было, припадокъ, очевидно, случился внезапно, когда онъ уже былъ почти на свободѣ. Я лично считаю, что онъ сраженъ былъ вмѣшательствомъ милостиваго Провидѣнія.

Монтанелли слегка нахмурился.

— Что вы намѣрены теперь съ нимъ дѣлать?—спросилъ онъ.

— Этотъ вопросъ я рѣшу черезъ нѣсколько дней. А пока мнѣ былъ хорошій урокъ. Вотъ, что значитъ, снимать кандалы... Простите, ваше преосвященство.

— Надѣюсь,—прервалъ Монтанелли,— что вы не наложите опять оковъ, пока онъ боленъ. Человѣкъ въ такомъ положеніи, какъ вы описываете, едва ли можетъ пытаться убѣжать.

— Я уже постараюсь, чтобы онъ больше не пытался,—пробормоталъ про себя губернаторъ, выходя изъ комнаты.— Его преосвященство пусть думаетъ что хочетъ, а Риваресъ теперь закованъ какъ слѣдуетъ и останется въ такомъ видѣ, больной или здоровый.

. . . . . .

— Но какъ же это случилось? Упасть въ обморокъ въ самый послѣдній моментъ, когда все сдѣлано, когда онъ былъ уже у воротъ! Какая гнусная насмѣшка судьбы.

— Я могу только сказать,—отвѣтилъ Мартини,—что, вѣроятно, съ нимъ сдѣлался припадокъ, и онъ боролся противъ него, пока хватало силъ, а потомъ лишился чувствъ отъ истощенія, когда уже спустился во дворъ.

Марконе съ яростью стряхнулъ пепелъ со своей трубки.

— Какъ бы то ни было, а теперь конецъ. Мы уже ничего не можемъ сдѣлать для него, бѣдняга.

— Бѣдняга,—тихо повторилъ Мартини.

Онъ вдругъ понялъ, какъ для него самого міръ утратилъ смыслъ съ исчезновеніемъ Овода.

— Ну, а что она говоритъ?—спросилъ контрабандистъ, глядя въ другой конецъ комнаты, гдѣ Гемма сидѣла одна, положивъ руки на колѣни и глядя передъ собой безцѣльнымъ взоромъ.

— Я ее не спрашивалъ; она еще ничего не сказала съ тѣхъ поръ, какъ я сообщилъ ей о томъ, что случилось. Лучше не безпокоить ее теперь.

Она, повидимому, не замѣчала ихъ присутствія, но они все-таки говорили тихимъ голосомъ, какъ въ присутствіи покойника. Послѣ тяжелой паузы, Марконе всталъ и отложилъ трубку.

— Я вернусь вечеромъ,—сказалъ онъ, но Мартини остановилъ его:

— Не уходите еще, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Онъ сталъ говорить еще тише и спросилъ почти шопотомъ:

— Неужели нѣтъ больше никакой надежды?

— Какая же можетъ быть надежда? Повторить попытку немыслимо. Даже

если бы онъ былъ въ состояніи исполнить свою роль, мы не могли бы уже ничего сдѣлать. Часовыхъ всѣхъ перемѣнили по подозрѣнію. Сверчокъ не можетъ навѣрное ничего сдѣлать для насъ.

— А какъ вы думаете,—спросилъ вдругъ Мартини,—когда онъ выздоровѣетъ, нельзя ли отвлечь часовыхъ и спасти его такимъ образомъ?

— Отвлечь часовыхъ? Что вы хотите сказать?

— Вотъ что мнѣ пришло въ голову. Если бы я очутился возлѣ губернатора во время процессіи, которая пройдетъ мимо крѣпости въ праздникъ Тѣла Господня и выстрѣлилъ ему въ лицо, всѣ часовые выскочили бы, чтобы схватить меня, а кто-нибудь изъ васъ тѣмъ временемъ помогъ бы Риваресу убѣжать среди общаго смятенія. Это, конечно, еще не обдуманный планъ, а такъ только мысль, которая пришла мнѣ въ голову.

— Я не думаю, чтобы это можно было устроить,—отвѣтилъ Марконе съ очень серьезнымъ видомъ. — Конечно, нужно было бы серьезно обдумать, что изъ этого можетъ выйти, но...—Онъ остановился и взглянулъ на Мартини.—Если бы это было возможно, вы бы это сдѣлали?

Мартини былъ въ обыкновенное время очень сдержанный человѣкъ, но теперь было время не обыкновенное. Онъ взглянулъ контрабандисту прямо въ лицо.

— Сдѣлалъ ли бы я это?—повторилъ онъ.—Посмотрите на нее.

Не было надобности въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. Этимъ было все сказано. Марконе обернулся и посмотрѣлъ въ ея сторону.

Она не двинулась съ самаго начала разговора. Въ лицѣ ея не было слѣдовъ ни сомнѣнія, ни ужаса, ни даже печали. Въ немъ была только смерть. Глаза контрабандиста наполнились слезами, когда онъ взглянулъ на нее.

— Скорѣе, Микелле,—сказалъ онъ, открывая дверь на веранду и выглядывая въ нее:—неужели вы оба еще не кончили? У насъ еще сто пятьдесятъ дѣлъ.

Микелле показался въ сопровожденіи Джино.

— Я готовъ,—сказалъ онъ.—Я хотѣлъ только спросить синьору.—Онъ хотѣлъ приблизиться къ ней, но Мартини дернулъ его за рукавъ.

— Не мѣшайте ей; лучше оставить ее въ покоѣ.

— Оставьте ее,—прибавилъ Марконе.—Мы ничего не поможемъ своимъ вмѣшательствомъ. Намъ всѣмъ довольно тяжело, но ей еще хуже, бѣдняжкѣ.

V.

Въ теченіе недѣли Оводъ былъ въ ужасномъ состояніи. Припадокъ былъ очень сильный, и губернаторъ, разсвирѣпѣвшій отъ страха и неожиданности, не только заковалъ его по рукамъ и ногамъ, но настоялъ на томъ, чтобы его привязали къ постели кожаными ремнями, такъ что при каждомъ движеніи ремни врѣзывались ему въ тѣло. Онъ терпѣлъ все съ упрямымъ озлобленіемъ въ теченіе шести дней. Потомъ гордость его поддалась, и онъ сталъ жалобно просить тюремнаго врача назначить ему опіумъ. Докторъ согласился, но губернаторъ, услышавъ о просьбѣ, строго запретилъ «всякія глупости такого рода».

— Откуда вы знаете, зачѣмъ ему опіумъ?—сказалъ онъ.—Весьма возможно, что онъ все время притворяется, и что опіумъ нуженъ ему для того, чтобы опоить кого-нибудь изъ часовыхъ или для какой-нибудь другой чертовщины. Ривaресъ на все способенъ.

— Если я ему дамъ дозу опіума, то это навряд ли опоитъ часового,—отвѣтилъ докторъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха;—а что касается притворства, то этого бояться нечего. Онъ совсѣмъ близокъ къ смерти.

— Во всякомъ случаѣ я не разрѣшаю опіума. Если человѣкъ хочетъ, чтобы съ нимъ обходились нѣжно, онъ долженъ вести себя сообразно съ этимъ. Ривaресъ же заслужилъ быть наказаннымъ. Это послужитъ ему урокомъ не выламывать оконъ.

— Законъ однако не допускаетъ пытокъ,—рѣшился возразить докторъ. А вѣдь это почти то же самое.

— Законъ, мнѣ кажется, ничего не

говоритъ относительно опіума, —сказалъ губернаторъ ворчливымъ тономъ.

— Конечно, ваше дѣло рѣшать, полковникъ. Надѣюсь, однако, что вы прикажете снять ремни. Они совершенно ненужнымъ образомъ увеличиваютъ страданія. Побѣга теперь опасаться нечего. Онъ бы не могъ стоять на ногахъ, если бы вы его теперь даже отпустили на свободу.

— Я полагаю, сударь, что докторъ такъ же можетъ ошибиться, какъ всякій другой смертный. Когда онъ связанъ, я спокоенъ за него и поэтому не намѣренъ ничего мѣнять.

— Во всякомъ случаѣ, велите хоть ослабить ремни. Истинное варварство затягивать ихъ такъ туго.

— Они будутъ затягиваться совершенно такъ же, какъ теперь, и я вамъ буду благодаренъ, сударь, если вы прекратите разговоръ о варварствѣ. Если я дѣлаю что-нибудь, то имѣю на это уважительныя причины.

Такимъ образомъ седьмая ночь прошла безъ всякаго облегченія, и солдатъ, стоявшій на часахъ у двери камеры, крестился отъ ужаса, слыша въ теченіе всей ночи раздирающіе стоны. Терпѣніе Овода совершенно ему измѣнило.

Въ шесть часовъ утра часовой передъ самой смѣной тихо пріоткрылъ дверь и вошелъ въ камеру. Онъ зналъ, что нарушаетъ дисциплину, но не могъ уйти, не выразивъ сочувствія, или не сказавши дружескаго слова.

Онъ засталъ Овода лежащимъ спокойно съ закрытыми глазами и полуоткрытыми губами. Онъ тихо постоялъ минуту, потомъ нагнулся и спросилъ:

— Не могу ли я чѣмъ-нибудь помочь вамъ, сударь? У меня только одна минута времени.

Оводъ открылъ глаза.

— Оставьте меня, —простоналъ онъ, — оставьте меня.

Онъ заснулъ почти раньше, чѣмъ солдатъ вернулся на свой постъ.

Десять дней спустя губернаторъ снова отправился во дворецъ, но не засталъ кардинала, который отправился навѣстить больного въ Піево Оттаво и долженъ былъ вернуться домой только черезъ нѣсколько часовъ. Въ тотъ же вечеръ, когда, губернаторъ садился обѣдать, вошелъ слуга съ докладомъ.

— Его преосвященство желаетъ видѣть васъ.

Губернаторъ быстро взглянулъ въ зеркало, чтобы убѣдиться, что все на немъ въ порядкѣ, принялъ очень достойный видъ и отправился въ гостиную. Монтанелли сидѣлъ тамъ, глядя въ окно. Глубокая морщина на лбу его обличала тревогу.

— Вы заѣзжали ко мнѣ сегодня, — сказалъ онъ, прерывая вѣжливыя рѣчи губернатора нѣсколько властнымъ тономъ, которымъ онъ никогда не говорилъ съ простымъ народомъ.—Вѣроятно, я вамъ нуженъ былъ по дѣлу, о которомъ самъ хотѣлъ поговорить съ вами.

— Мое дѣло касается Ривареса, ваше преосвященство.

— Такъ я и полагалъ. Я много думалъ о немъ за послѣдніе дни, но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, я хотѣлъ бы знать, что вы мнѣ скажете новаго

Губернаторъ сталъ крутить усы съ нерѣшительнымъ видомъ.

— Я въ сущности хотѣлъ узнать, что ваше преосвященство скажетъ мнѣ. Если вы все еще противитесь моему плану дѣйствій, то я былъ бы вамъ искренне благодаренъ за совѣтъ въ этомъ дѣлѣ, потому что, право, я не знаю, что теперь дѣлать.

— Развѣ представляется какая-нибудь новая трудность?

— Только то, что четвергъ третьяго іюня праздникъ Тѣла Господня, и что дѣло это нужно такъ или иначе рѣшить раньше.

— Въ четвергъ праздникъ—это вѣрно, но почему нужно рѣшить дѣло раньше?

— Мнѣ очень жаль, ваше преосвященство, что я какъ будто противорѣчу вамъ, но я вамъ долженъ сказать, что не могу отвѣчать за безопасность города, если мы не избавимся раньше отъ Ривареса. Все населеніе горъ собирается сюда въ этотъ день, какъ извѣстно вашему преосвященству, и болѣе, чѣмъ вѣроятно, что будетъ сдѣлана попытка ворваться въ крѣпость и освободить Ривареса. Это не удастся. Я объ этомъ позабочусь,

если бы даже мнѣ пришлось пустить въ дѣло порохъ и пули. Но въ томъ, что произойдутъ безпорядки, нѣтъ сомнѣнія. Населеніе Романьи, горячій народъ, и какъ только они выхватятъ ножи...

— Мнѣ кажется, что при нѣкоторомъ стараніи можно не допустить дѣло до ножей. Мнѣ всегда казалось, что съ здѣшнимъ населеніемъ легко ладить, если только обращаться съ ними разумно. Конечно, какъ только начать угрожать романьоламъ, они становятся нестерпимыми. Но какія у васъ причины думать, что готовится новая попытка освободить Ривареса?

— Я узналъ сегодня и вчера отъ моихъ агентовъ, что по всей странѣ ходятъ самые дикіе слухи, и что нѣчто готовится. Подробности узнать невозможно, а то бы конечно легче было принять мѣры предосторожности. А что касается меня, то послѣ послѣдней исторіи я предпочитаю дѣйствовать какъ можно осмотрительнѣе. Отъ такой хитрой лисицы, какъ Риваресъ, всего можно ожидать.

— По моимъ послѣднимъ извѣстіямъ, Риваресъ слишкомъ боленъ, чтобы двигаться или говорить. Такъ онъ значитъ выздоравливаетъ?

— Ему, кажется, гораздо лучше, ваше преосвященство. Конечно, онъ былъ очень боленъ, если не притворялся.

— Вы считаете это возможнымъ?

— Докторъ убѣжденъ, что болѣзнь его настоящая, но она какая-то странная. Во всякомъ случаѣ, теперь онъ поправляется, и съ нимъ еще труднѣе ладить, чѣмъ прежде.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Дѣлать то онъ, къ счастью, ничего не можетъ,—отвѣтилъ губернаторъ, улыбаясь, при воспоминаніи о ремняхъ,— но поведеніе его неописуемо. Вчера утромъ я отправился въ его камеру, чтобы предложить ему нѣсколько вопросовъ. Онъ недостаточно оправился, чтобы явиться ко мнѣ для допроса, и, кромѣ того, мнѣ кажется, что лучше не показывать его никому, пока онъ не выздоровѣетъ. А то всегда выдумаютъ разныя глупости.

— Значитъ вы отправились допрашивать его въ камеру?

— Да, ваше преосвященство. Я надѣялся, что теперь съ нимъ легче будетъ сговориться.

Монтанелли взглянулъ на него брезгливымъ взглядомъ, какъ будто передъ нимъ было невѣдомое и отвратительное животное. Къ счастью, однако, губернаторъ занятъ былъ тѣмъ, что прикрѣплялъ свою шпагу и не замѣтилъ его взгляда. Онъ продолжалъ спокойно:

— Я не подвергалъ его особеннымъ наказаніямъ, но принужденъ былъ проявить все-таки нѣкоторую строгость — вѣдь это военная тюрьма,—и думалъ, что, быть можетъ, теперь маленькое снисхожденіе окажетъ хорошее вліяніе. Я предложилъ ему значительно ослабить дисциплину, если онъ будетъ вести себя благоразумно, и какъ вы думаете, ваше преосвященство, что онъ мнѣ отвѣтилъ? Онъ глядѣлъ на меня лежа съ минуту, какъ волкъ въ клѣткѣ и затѣмъ тихо сказалъ: «Полковникъ, я не могу подняться и задушить васъ, но зубы у меня еще хорошіе. Поэтому лучше держите подальше ваше горло». У него нравъ, какъ у дикой кошки.

— Меня это не удивляетъ,—отвѣтилъ спокойно Монтанелли, — но я хотѣлъ предложить вамъ вопросъ: неужели вы серьезно думаете, что присутствіе Ривареса въ тюрьмѣ серьезно мѣшаетъ спокойствію города?

— Я въ этомъ убѣжденъ, ваше преосвященство.

— Вы полагаете, что для предупрежденія кровопролитія необходимо освободиться отъ него до праздника.

— Я могу только повторить, что если онъ будетъ здѣсь въ этотъ день, то праздникъ не обойдется безъ побоища, и, какъ я полагаю, очень серьезнаго.

— И вы полагаете, что если его не будетъ, то опасность тѣмъ самымъ исчезнетъ?

— Въ такомъ случаѣ или не будетъ никакихъ безпорядковъ, или только какія-нибудь невинныя вспышки и бросанье камней. Если ваше преосвященство найдетъ какой-нибудь другой способъ избавиться отъ него, то я возьму на себя

сохраненіе спокойствія. Въ противномъ случаѣ я ожидаю серьезныхъ безпорядковъ. Я увѣренъ, что готовится новая попытка освобожденія, и въ день праздника можно ожидать ея выполненія; но если окажется, что Ривареса въ этотъ день уже не будетъ въ крѣпости, то планъ его друзей разобьется самъ собой, и не будетъ никакого предлога начать побоище. Но если намъ придется сражаться и пойдутъ въ ходъ ножи среди такой толпы народа, нѣтъ сомнѣнія, что до ночи подожгутъ крѣпость.

— Такъ почему же не послать его въ Равенну?

— Я бы этого желалъ всей душой, ваше преосвященство, но какъ избѣжать, чтобы его не освободили дорогой.

— Вы, значитъ, все еще требуете военнаго суда и просите моего согласія?

— Простите, ваше преосвященство, я прошу у васъ только одного—помочь мнѣ предупредить безпорядки и кровопролитіе. Я готовъ допустить, что военные трибуналы вродѣ тѣхъ, которые были при полковникѣ Фредди, иногда судили слишкомъ строго и возбуждали населеніе вмѣсто того, чтобы успокаивать его, но я предполагаю, что въ настоящемъ случаѣ военный судъ былъ бы мудрой и, въ концѣ концовъ, благодѣтельной мѣрой. Онъ предупредилъ бы мятежъ, который самъ по себѣ великое несчастіе, и который возобновилъ бы военное положеніе, уничтоженное его святѣйшествомъ.

Губернаторъ кончилъ свою маленькую рѣчь съ большой торжественностью и ожидалъ отвѣта кардинала. Послѣ долгаго молчанія кардиналъ спросилъ, наконецъ, совершенно нѣчто неожиданное:

— Полковникъ Феррари, вы вѣрите въ Бога?

— Ваше преосвященство! — пробормоталъ полковникъ голосомъ, полнымъ восклицательныхъ знаковъ.

— Вы вѣрите въ Бога?—повторилъ Монтанелли, поднимаясь и глядя на него твердымъ испытующимъ взглядомъ.

Полковникъ тоже поднялся.

— Ваше преосвященство, я христіанинъ, и мнѣ еще никогда не отказывали въ причастіи.

Монтанелли поднялъ крестъ, висѣвшій у него на груди.

— Такъ поклянитесь крестомъ Спасителя, который умеръ за насъ, что вы мнѣ сказали правду.

Полковникъ стоялъ молча и растерянно глядѣлъ на распятіе. Онъ не могъ рѣшить, кто изъ двухъ сошелъ съ ума: онъ или кардиналъ.

— Вы меня просили, — продолжалъ Монтанелли,—дать согласіе на смерть человѣка, поцѣлуйте же крестъ, если осмѣливаетесь, и скажите мнѣ, что вы въ самомъ дѣлѣ не видите иного пути для предупрежденія большого кровопролитія, и помните, что если вы скажете ложь, вы этимъ губите свою безсмертную душу.

Послѣ короткаго молчанія губернаторъ наклонился и поднесъ крестъ къ губамъ:

— Я въ это вѣрю,—сказалъ онъ.

Монтанелли медленно отвернулся.

— Я вамъ дамъ рѣшительный отвѣтъ завтра, но до того я долженъ видѣть Ривареса и поговорить съ нимъ наединѣ.

— Ваше преосвященство, если вы позволите мнѣ посовѣтовать вамъ... Я увѣренъ, что вы будете раскаиваться. Онъ посылалъ ко мнѣ вчера просить позволенія видѣться съ вами, но я оставилъ его просьбу безъ отвѣта, потому что...

— Оставили безъ отвѣта?—повторилъ Монтанелли.—Человѣкъ въ такихъ обстоятельствахъ обращается къ вамъ съ просьбой, а вы не обращаете на нее вниманія?

— Мнѣ очень печально, что ваше преосвященство недовольны мной, но я не хотѣлъ тревожить васъ изъ за подобной дерзкой просьбы. Я достоточно знаю Ривареса: онъ только хочетъ оскорблять васъ. Позвольте мнѣ повторить вамъ, что было бы крайней неосторожностью для васъ приблизиться къ нему. Онъ въ самомъ дѣлѣ опасенъ, настолько даже, что я счелъ нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, очень мягкаго свойства, конечно.

— И вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что опасно приблизиться къ больному безоружному человѣку, относительно котораго приняты къ тому же мѣр
свойства?

Монтанелли говорилъ совершенно спокойно, но полковникъ чувствовалъ уколы его спокойнаго презрѣнія и покраснѣлъ отъ злости.

— Ваше преосвященство можете поступить, какъ желаете,—сказалъ онъ самымъ церемоннымъ тономъ.—Я только желалъ избавить васъ отъ непріятности выслушивать ужасныя проклятія этого человѣка.

— Что вы считаете болѣе тягостнымъ для христіанина: услышать слова проклятія или оставить близкаго въ минуту крайности?

Губернаторъ стоялъ прямо и упорно съ казеннымъ, деревяннымъ лицомъ. Онъ былъ оскорбленъ отношеніемъ къ себѣ Монтанелли и показывалъ это необычной сухостью тона.

— Когда ваше преосвященство желаетъ видѣть заключеннаго?—спросилъ онъ.

— Я отправлюсь сейчасъ

— Какъ вашему преосвященству угодно. Только, если вы подождете нѣсколько минутъ, я пошлю кого-нибудь предупредить заключеннаго.

Губернаторъ очень поспѣшно измѣнилъ свой оффиціальный тонъ. Онъ боялся, что Монтанелли увидитъ ремни.

— Благодарю васъ, я предпочитаю видѣть его безъ всякихъ предупрежденій. Я прямо отправляюсь въ крѣпость. Добрый вечеръ, полковникъ, я пришлю вамъ отвѣтъ завтра утромъ.

VI.

Услышавъ, что дверь въ камеру отворяется, Оводъ закрылъ глаза съ усталымъ равнодушіемъ. Онъ предполагалъ, что входитъ губернаторъ, который опять его будетъ мучить допросами.

Нѣсколько солдатъ поднимались на узкую лѣстницу. Ружья ихъ стучали объ стѣны и затѣмъ послышался заискивающій голосъ:

— Тутъ нѣсколько круто, ваше преосвященство.

Онъ судорожно вскочилъ и тотчасъ же откинулся назадъ; туго затянутые ремни не давали ему вздохнуть.

Монтанелли вошелъ съ сержантомъ и тремя солдатами.

— Соблаговолите подождать минуту, ваше преосвященство,—заговорилъ сержантъ нервнымъ голосомъ:—одинъ изъ моихъ людей принесетъ стулъ, онъ пошелъ за нимъ. Пусть ваше преосвященство извинитъ насъ; если бы мы ожидали васъ, мы были бы подготовлены.

— Никакихъ приготовленій не нужно, будьте любезны оставить насъ, сержантъ, и ждите внизу лѣстницы съ вашими людьми.

— Хорошо, ваше преосвященство. Вотъ стулъ; поставить его около кровати?

Оводъ лежалъ съ закрытыми глазами, но онъ чувствовалъ, что Монтанелли глядитъ на него.

— Мнѣ кажется, что онъ спитъ, ваше преосвященство,—заговорилъ сержантъ, но Оводъ открылъ глаза.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.

Когда солдаты уходили изъ камеры, ихъ остановило внезапное восклицаніе Монтанелли. Обернувшись, они увидѣли, что онъ нагнулся и разглядываетъ ремни.

— Это кто позволилъ? — спросилъ онъ.

Сержантъ смущенно мялъ въ рукахъ фуражку.

— Это было сдѣлано по спеціальному приказу губернатора,—сказалъ онъ.

— Я понятія не имѣлъ о ремняхъ, синьоръ Риваресъ,— сказалъ Монтанелли, съ глубокимъ отчаяніемъ въ голосѣ.

— Я вѣдь говорилъ вашему преосвященству,—отвѣтилъ Оводъ съ жесткой усмѣшкой,—что я никогда не ожидалъ, чтобы меня погладили по головкѣ.

— Сержантъ, съ которыхъ поръ онъ связанъ?

— Съ времени побѣга, ваше преосвященство.

— То-есть, около двухъ недѣль? Принесите ножъ и тотчасъ же снимите ремни.

— Простите, ваше преосвященство, докторъ тоже хотѣлъ снять ихъ, но полковникъ Феррари не дозволилъ.

— Принесите тотчасъ же ножъ.

Монтанелли не возвысилъ голоса, но солдаты видѣли, что онъ весь поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

Сержантъ вынулъ складной ножъ изъ кармана и нагнулся, чтобы перерѣзать

ремень на рукѣ, но по неловкости только болѣе туго затянулъ его, такъ что Оводъ невольно вскрикнулъ и закусилъ губу.

Монтанелли быстро подошелъ къ постели.

— Вы не умѣете это дѣлать, дайте мнѣ ножъ.

— А-а-а!—Оводъ вытянулъ руки съ глубокимъ вздохомъ облегченія, когда упали ремни.

Въ слѣдующую минуту Монтанелли перерѣзалъ ремни на другой рукѣ и на ногахъ.

— Снимите кандалы, сержантъ, и тогда подойдите сюда, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Онъ стоялъ у окна и молча глядѣлъ; сержантъ снялъ оковы и подошелъ къ нему.

— А теперь,—сказалъ онъ,—скажите мнѣ все, что здѣсь дѣлалось.

Сержантъ, ничего не скрывая, сказалъ ему о болѣзни Овода, о дисциплинарныхъ мѣрахъ, и о безуспѣшной попыткѣ доктора заступиться за Ривареса,

— Но я полагаю, ваше преосвященство, прибавилъ онъ,—что полковникъ употреблялъ ремни, какъ средство добыть нѣкоторыя показанія.

— Показанія?

— Да, ваше преосвященство. Третьяго дня я слышалъ, какъ онъ предлагалъ ему снять оковы, если онъ — сержантъ взглянулъ на Овода,—отвѣтитъ на одинъ вопросъ.

Монтанелли ударилъ кулакомъ по подоконнику, и солдаты съ изумленіемъ взглянули другъ на друга. Они никогда не видѣли кроткаго кардинала въ такомъ гнѣвѣ. Что касается Овода, то онъ совершенно забылъ объ ихъ существованіи. Онъ забылъ обо всемъ, кромѣ физическаго чувства свободы. У него свело всѣ члены, и теперь онъ вытягивался и вертѣлся и двигался въ восторгѣ отъ облегченія.

— Можете идти теперь, сержантъ,— сказалъ кардиналъ.—Не тревожтесь о томъ, что нарушили дисциплину. Вы были обязаны отвѣчать мнѣ на вопросы. Пусть никто намъ не мѣшаетъ. Я выйду самъ, когда кончу свое дѣло здѣсь.

Дверь закрылась за солдатами. Монтанелли оперся о подоконникъ и сталъ глядѣть на заходящее солнце, чтобы дать Оводу время совершенно оправиться.

— Я слышалъ,—сказалъ онъ, отойдя отъ окна и садясь рядомъ съ кроватью Овода,—что вы желали поговорить со мной наединѣ. Если вы чувствуете себя въ состояніи сказать мнѣ то, что хотѣли—я къ вашимъ услугамъ.

Онъ говорилъ очень холодно, сухимъ и церемоннымъ тономъ, совершенно неестественнымъ въ немъ. Пока оковы не были сняты, Оводъ былъ для него просто измученнымъ человѣческимъ существомъ, жертвой несправедливой жестокости, но теперь онъ вспомнилъ ихъ послѣднее свиданіе и смертельное оскорбленіе, которымъ оно закончилось.

Оводъ поднялъ глаза, небрежно опираясь головой на руку. У него былъ особенный даръ принимать изящныя позы, и когда голова его оставалась въ тѣни, трудно было догадаться о томъ, сколько этотъ человѣкъ пережилъ на своемъ вѣку. Но когда онъ поднялъ глаза, при ясномъ вечернемъ свѣтѣ видно было, какимъ онъ сталъ блѣднымъ и измученнымъ за послѣднія двѣ недѣли. Гнѣвъ Монтанелли сразу прошелъ.

— Вы, — кажется, были ужасно больны,—сказалъ онъ — я глубоко сожалѣю, что не зналъ этого, я прекратилъ бы эти истязанія.

Оводъ пожалъ плечами.

— На войнѣ всѣ средства хороши. Ваше преосвященство теоретически противъ оковъ, но нельзя вѣдь ожидать отъ полковника такого же взгляда. Онъ, конечно, предпочиталъ бы не испытать этого на себѣ самомъ—какъ, впрочемъ, и я; но это дѣло личнаго удобства. Въ эту минуту я побѣжденный, и чего же другого слѣдовало ожидать. Очень любезно, что ваше преосвященство пришли сюда, но, можетъ быть, это сдѣлано было изъ христіанскихъ побужденій. Навѣщать заключенныхъ... ахъ, да, вѣдь я забылъ; «по сколько вы дѣлаете для самаго низшаго изъ нихъ». Для меня это, конечно, не очень лестно, но «одинъ изъ низшихъ» благодаренъ, какъ и полагается.

— Синьоръ Риваресъ, прервалъ кардиналъ,—я пришелъ сюда, думая о васъ, а не о себѣ. Если бы вы не были «побѣжденнымъ», какъ вы это называете, я никогда больше не говорилъ бы съ вами послѣ того, что вы сказали въ наше прошлое свиданіе; но у васъ двойное преимущество, заключеннаго и больного человѣка, и я не могъ не придти, когда вы позвали меня. Есть у васъ что-нибудь сказать мнѣ теперь, или вы только для того послали за мной, чтобы тѣшить себя, оскорбляя старика?

На это отвѣта не послѣдовало. Оводъ отвернулся и лежалъ, закрывъ глаза рукой.

— Мнѣ очень совѣстно васъ безпокоить,—сказалъ онъ наконецъ отрывистымъ голосомъ,—но нельзя ли дать мнѣ немного воды.

Кувшинъ съ водой стоялъ у окна; Монтанелли поднялся и принесъ его. Когда онъ обнялъ одной рукой больного, чтобы помочь ему подняться, онъ вдругъ почувствовалъ что влажные и холодные пальцы Овода крѣпко сжали его руку.

— Дайте мнѣ вашу руку, скорѣе—на минуту,—прошепталъ Оводъ.—Вамъ вѣдь это все равно только на минуту.

Онъ прислонился головой къ плечу Монтанелли и дрожалъ съ головы до ногъ.

— Выпейте немного воды,—сказалъ Монтанелли черезъ минуту.

Оводъ молча послушался, потомъ легъ на спину и закрылъ глаза. Онъ самъ не могъ бы объяснить, что случилось съ нимъ, когда рука Монтанелли коснулась его щеки. Онъ только почувствовалъ, что ничто въ мірѣ не могло быть болѣе ужаснымъ.

Монтанелли пододвинулъ стулъ ближе къ постели и сѣлъ. Оводъ лежалъ безъ движенія, какъ трупъ, и лицо его было безжизненное и вытянутое. Послѣ долгаго молчанія онъ открылъ глаза и посмотрѣлъ на кардинала блуждающимъ взглядомъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ.—Простите, кажется, вы что-то спрашивали.

— Вы не въ состояніи говорить. Если у васъ есть что нибудь сказать мнѣ, я постараюсь придти завтра.

— Пожалуйста, не уходите, ваше преосвященство. Право, я совсѣмъ здоровъ, я былъ только нѣсколько разстроенъ въ послѣдніе дни, да и то на половину это было баловство. Полковникъ вамъ это подтвердитъ, если его спросить.

— Я предпочитаю дѣлать собственныя заключенія, — отвѣтилъ спокойно Монтанелли.

— П...полковникъ тоже; иногда онъ очень остроуменъ въ своихъ выводахъ. Эт...то трудно предположить, глядя на него, но, право, иногда у него зарождаются ор...ригинальныя идеи. Въ прошлую пятницу, напримѣръ,—кажется это было въ пятницу, но я какъ-то совсѣмъ спутался въ счетѣ дней—я попросилъ у него д...дозу опіума. Я это отлично помню: онъ пришелъ сюда и сказалъ, что я м...могу получить опіумъ, если только скажу ему, кто от...тпиралъ ворота? Я помню, какъ онъ говорилъ: если въ самомъ дѣлѣ, вамъ больно и нуженъ опіумъ, вы согласитесь. Если же нѣтъ, то это будетъ д...доказательствомъ, что вы притворяетесь. Я н...никогда не предполагалъ раньше. что это такъ забавно. Это одна изъ самыхъ з...забавныхъ вещей.

У него начался внезапный припадокъ рѣзкаго смѣха, потомъ быстро обернувшись къ молчавшему кардиналу, онъ сталъ говорить все болѣе и болѣе быстро и такъ заикаясь, что слова его были едва понятны.

— Вы не в...видите, что это з...забавно? Конечно нѣтъ. У васъ, людей в...вѣрящихъ, н...нѣтъ, чувства юм...мора. Вы ко вс...сему относитесь тр...трагично. Н...напримѣръ, въ ту ночь въ соборѣ какой у васъ былъ торжественный видъ. Кстати, какую пат...тетическую фигуру я из...зображалъ въ роли паломника. Я не д...думаю, что вы понимаете, какъ с...смѣшно то, что вы п...пришли сегодня.

Монтанелли всталъ.

— Я пришелъ услышать то, что вы хотите сказать мнѣ, но вы, кажется, слишкомъ возбуждены, чтобы говорить сегодня. Пусть лучше докторъ дастъ вамъ что-нибудь успокоительное, и мы поговоримъ завтра, послѣ того, какъ вы выспитесь.

*

— В...высплюсь? О, я успѣю выспаться ваше преосвященство, когда вы д...дадите ваше с...согласіе на планъ полковника. Унція с...свинца великолѣпное снотворное.

— Я васъ не понимаю,—сказалъ Монтанелли, глядя на него пораженный.

Оводъ опять расхохотался.

— Ваше преосвященство, ваше преосвященство! Правда гл...лавная христіанская добродѣтель. Н...неужели вы д...думаете, что я не знаю, какъ г...губернаторъ добивается вашего с...согласія на военный судъ. Вамъ бы л...лучше дать его, ваше преосвященство. Вс...сѣ ваши соб...братья по церкви сдѣлали бы это на вашемъ мѣстѣ. Cosi fan tutti; этимъ вы сдѣлали бы т...такъ много добра и такъ мало зла. Пр...раво это не с...стоитъ тѣхъ безсонныхъ ночей, которыя вы провели въ раздумьи.

— Ради Бога, перестаньте смѣяться на минуту,—прервалъ Монтанелли,—скажите, какъ вы объ этомъ узнали? Кто вамъ объ этомъ сказалъ?

— Р...развѣ полковникъ не говорилъ вамъ, что я ч...чортъ, а не человѣкъ. Нѣтъ? Мнѣ онъ говорилъ это довольно часто. И я въ самомъ дѣлѣ имѣю д...дьявольскій даръ уг...гадывать немножко мысли людей. Ваше преосвященство ужасно тяготится мною. Вы хотѣли бы, чтобы кто-нибудь другой рѣшилъ, что дѣлать со мной, не тр...ревожа вашу чувствительную совѣсть. Вѣдь я уг...гадалъ, не правда ли.

— Послушайте,—сказалъ кардиналъ, садясь около него съ очень серьезнымъ лицомъ.—Какимъ бы образомъ вы это ни узнали, но это совершенная правда. Полковникъ Феррари боится, чтобы ваши друзья не сдѣлали новой попытки побѣга и хотѣлъ бы предупредить это тѣмъ средствомъ, о которомъ вы говорите. Я совершенно открыто сообщаю это вамъ, какъ видите.

— Ваше преосвященство были всегда з..знамениты своей правдивостью,—съ горечью отвѣтилъ Оводъ.

— Вы знаете, конечно,—сказалъ Монтанелли,—что по закону я не имѣю никакой власти въ свѣтскихъ дѣлахъ Я епископъ, а не представитель свѣтской власти, но я пользуюсь большимъ вліяніемъ здѣсь, и полковникъ, я увѣренъ, не рѣшится на такую крайнюю мѣру безъ моего, по крайней мѣрѣ, молчаливаго согласія. До сихъ поръ я безусловно возставалъ противъ его плана, и онъ старался убѣдить меня опасностью вооруженной попытки бѣгства въ день праздника, когда толпа соберется для процессіи; онъ увѣренъ, что попытка кончится кровопролитіемъ. Вы слушаете меня?

Оводъ глядѣлъ отсутствующимъ взглядомъ въ сторону окна. Онъ оглянулся и отвѣтилъ усталымъ голосомъ.

— Да, я слушаю.

— Можетъ быть, вы въ самомъ дѣлѣ недостаточно здоровы сегодня для такого разговора. Не вернуться ли мнѣ завтра? Все это очень серьезно и требуетъ вашего полнаго вниманія.

— Мнѣ бы хотѣлось покончить съ этимъ теперь,—отвѣтилъ Оводъ тѣмъ же тономъ.—Я слышу все, что вы говорите.

— Если это вѣрно,—продолжалъ Монтанелли,—и если въ самомъ дѣлѣ изъ-за васъ могутъ произойти безпорядки и кровопролитія, то я беру на себя страшную отвѣтственность, идя противъ полковника; мнѣ кажется, что есть нѣкоторая правда въ томъ, что онъ говоритъ. Съ другой стороны, я склоненъ предположить, что сужденія его въ нѣкоторой зависимости отъ его личнаго недружелюбія къ вамъ. Весьма вѣроятно, что онъ преувеличиваетъ опасность. Это мнѣ кажется болѣе возможнымъ съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ эту гнусную жестокость.

Онъ взглянулъ на ремни и цѣпи, лежавшія на полу, и продолжалъ:

— Если я соглашусь, я убиваю васъ; если я откажусь—я подвергаюсь риску убить невинныхъ людей. Я серьезно обдумалъ это дѣло и искалъ всей душою выхода изъ этого ужаснаго столкновенія; теперь, наконецъ, я пришелъ къ твердому рѣшенію.

— Убить меня и с...спасти невинныхъ людей, конечно? Это единственное рѣшеніе, къ которому можетъ придти христіанинъ. «Если п...правая рука позоритъ тебя» и т. д. Я не имѣю ч...чести

быть правой рукой вашего преосвященства, и я причинилъ вамъ зло; з...заключеніе ясно. Нельзя ли было бы мнѣ сказать его безъ всякихъ предисловій?

Оводъ говорилъ усталымъ, равнодушнымъ и презрительнымъ тономъ, какъ человѣкъ, которому все это надоѣло.

— Такъ какъ же,—прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія,—я угадалъ ваше рѣшеніе, ваше преосвященство?

— Нѣтъ.

Оводъ повернулся, заложилъ руки за голову и взглянулъ на Монтанелли полузакрытыми глазами. Кардиналъ, опустивъ голову въ тяжеломъ раздумьи, ударялъ слегка пальцами по спинкѣ стула. О, это старое привычное движеніе.

— Я рѣшилъ,—сказалъ онъ, поднимая наконецъ голову,—поступить какъ никогда еще не поступали. Когда я узналъ, что вы зовете меня, я рѣшилъ придти сюда, разсказать вамъ все, какъ я и сдѣлалъ, и отдать дѣло въ ваши руки.

— Въ мои руки?

— Синьоръ Риваресъ, я пришелъ къ вамъ не какъ кардиналъ, не какъ епископъ, не какъ судья, я пришелъ къ вамъ, какъ человѣкъ къ человѣку. Я не прошу васъ сказать мнѣ, знаете ли вы что-нибудь о планѣ, котораго опасается полковникъ: я отлично понимаю, что если вы знаете, то это ваша тайна, и вы не можете мнѣ сказать ее. Но я прошу васъ поставить себя на моемъ мѣстѣ. Я старъ и, вѣроятно, мнѣ не долго остается жить. Я хотѣлъ бы сойти въ могилу безъ крови на моихъ рукахъ.

— А развѣ на нихъ до сихъ поръ не было крови, ваше преосвященство?

Монтанелли нѣсколько поблѣднѣлъ, но продолжалъ спокойнымъ голосомъ:

— Во всю свою жизнь я всегда возставалъ противъ жестокости и строгихъ мѣръ, гдѣ только встрѣчался съ ними. Я всегда былъ врагомъ смертной казни и часто и серьезно противодѣйствовалъ военнымъ мѣрамъ послѣдняго царствованія,—изъ-за этого я былъ даже долгое время въ немилости. До сихъ поръ все вліяніе и вся сила, какую я имѣлъ, направлена была на дѣло милосердія. Я прошу васъ повѣрить, по крайней мѣрѣ, что я говорю правду. Теперь же я поставленъ въ слѣдующую дилемму. Не давая своего согласія, я подвергаю городъ опасности мятежей со всѣми ихъ послѣдствіями, и дѣлаю это для спасенія жизни человѣка, который проклинаетъ мою вѣру, который оскорблялъ и клеветалъ на меня лично, хотя это сравнительно пустяки, и который, какъ я твердо вѣрю, употребитъ свою жизнь на зло, если эта жизнь будетъ ему возвращена. И все-таки дѣло идетъ о спасеніи жизни человѣка.

Онъ на минуту остановился и потомъ продолжалъ:

— Синьоръ Риваресъ, все, что я знаю о вашей жизни, мнѣ кажется дурнымъ и зловреднымъ, и я долго считалъ васъ безсовѣстнымъ, жестокимъ и безпощаднымъ человѣкомъ. До нѣкоторой степени я это считаю и теперь, но за послѣднія двѣ недѣли я все-таки убѣдился, что у васъ благородная душа и что вы умѣете быть вѣрнымъ своимъ друзьямъ. Вы съумѣли внушить любовь къ себѣ даже солдатамъ. А это можетъ сдѣлать не всякій. Мнѣ кажется, что я, быть можетъ, ошибался относительно васъ, и что вы лучше, чѣмъ кажетесь. И вотъ почему я обращаюсь и торжественно заклинаю васъ отвѣтить мнѣ по совѣсти и вполнѣ искренно, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ.

Послѣдовало долгое молчаніе. Потомъ Оводъ взглянулъ на него.

— Во всякомъ случаѣ я рѣшалъ бы свои собственныя сомнѣнія самъ и бралъ бы на себя послѣдствія своихъ дѣйствій. Я не приходилъ бы къ другимъ людямъ, и не просилъ бы рѣшать за меня жизненныя задачи.

Выходка была столь неожиданна и страстная злоба, сказавшаяся въ ней, была такимъ поразительнымъ контрастомъ мирнаго равнодушія Овода за минуту передъ тѣмъ, что казалось, будто говорящій сбросилъ маску.

— Мы невѣрующіе,—продолжалъ онъ страстно,—понимаемъ, что если у человѣка есть тяжелая нравственная ноша, онъ долженъ нести ее, какъ умѣетъ; если же онъ упадетъ подъ ней, то тѣмъ хуже для него. Но развѣ у меня не до-

вольно собственнаго горя, чтобы еще вы взваливали мнѣ на плечи свою отвѣтственность.

Онъ остановился, задыхаясь, и потомъ продолжалъ:

— И вы еще говорите о жестокости! Да вѣдь этотъ п...пустоголовый оселъ, если бы онъ цѣлый годъ бился, не могъ бы меня измучить, какъ вы. У него ума не хватаетъ. Все, что онъ могъ выдумать, это затянутые крѣпче ремни, а если отнять у него власть, онъ совершенно не будетъ знать, что дѣлать. А вѣдь это можетъ сдѣлать всякій дуракъ. Но вы: «подпишите, пожалуйста, сами вашъ смертный приговоръ, у меня слишкомъ мягкое сердце». О, нужно быть, чтобы додуматься до этого — мягкимъ, сострадательнымъ человѣкомъ, который блѣднѣетъ отъ вида оковъ. Я могъ бы это предвидѣть, когда вы вошли, подобно ангелу милосердія—возмущаясь «варварствомъ» полковника. Нужно было знать, что тогда-то и начнется настоящая мука. Чего вы на меня смотрите такимъ образомъ? дайте согласіе, конечно, и идите домой обѣдать. Изъ всего этого не стоитъ волноваться. Скажите вашему полковнику, что онъ можетъ разстрѣлять меня, или повѣсить, или даже сжарить меня живымъ, если это ему интереснѣе, и пусть будетъ конецъ.

Оводъ былъ почти неузнаваемъ. Бѣшенство и отчаяніе охватило его, онъ весь дрожалъ и задыхался, и въ глазахъ его сверкали зеленыя искры, какъ у разъяренной кошки.

Монтанелли всталъ и глядѣлъ на него молча. Онъ не понималъ смысла его бѣшенныхъ нападокъ. но онъ понималъ какимъ крайнимъ возбужденіемъ онѣ должны были быть вызваны, и, понявъ это, онъ забылъ всѣ прошлыя оскорбленія.

— Успокойтесь,—сказалъ онъ,—я не хотѣлъ причинить вамъ боли. Право, я не думалъ свалить свою тяжесть на васъ, которому и безъ того тяжело. Я никогда въ жизни не дѣлалъ этого.

— Это ложь.—вскрикнулъ Оводъ, съ горящимъ взоромъ,—а епископство?

— Епископство?

— Да, вы забыли? какъ легко забывать? «Если желаешь, Артуръ, я скажу что не могу ѣхать». Я долженъ былъ направлять вашу жизнь за васъ въ девятнадцать лѣтъ. Если бы это не было такъ гнусно, это было бы смѣшно.

— Замолчите!—Монтанелли поднялъ руки къ головѣ съ безумнымъ крикомъ. Потомъ онъ опустилъ ихъ и тихо подошелъ къ окну, положивъ одну руку на рѣшетку и прижимая къ ней лобъ. Оводъ лежалъ и слѣдилъ за нимъ, весь дрожа. Монтанелли поднялся и вернулся съ побѣлѣвшими губами.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ онъ, тщетно пытаясь заговорить въ своей обычной спокойной манерѣ,—но я долженъ уйти, я не совсѣмъ здоровъ —Онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Все бѣшенство Овода упало.

— Падре, развѣ вы не видите.

Монтанелли отшатнулся и молчалъ.

— Только не это,—прошепталъ онъ, наконецъ.—Господи, все кромѣ этого! Если я съ ума схожу.

Оводъ приподнялся одной рукой и взялъ его дрожащія руки въ свои.

— Падре, развѣ вы не понимаете, что я не утонулъ?

Руки вдругъ сдѣлались холодными и недвижными. На минуту все погрузилось въ молчаніе, и потомъ Монтанелли опустился на колѣни и скрылъ лицо на груди у Овода.

. . . . . .

Когда онъ поднялъ голову, солнце уже опустилось, и яркій закатъ умиралъ на западѣ. Они забыли время и мѣсто, жизнь и смерть, они даже забыли, что были врагами.

— Артуръ,—шепталъ Монтанелли,—неужели это ты, неужели ты вернулся ко мнѣ изъ мертвыхъ?

— Изъ мертвыхъ,—повторилъ Оводъ дрожа. Онъ положилъ голову на руку Монтанелли и лежалъ какъ больное дитя въ объятіяхъ матери.

— Ты вернулся, вернулся ко мнѣ, наконецъ.

Оводъ тяжело вздохнулъ.

— Да,—сказалъ онъ и вы должны бороться со мной или убить меня.

— О молчи, carino, къ чему все это? Мы были какъ двое дѣтей, заблудившихся въ потемкахъ, принимавшихъ

другъ друга за призраки. Теперь мы нашли другъ друга и вышла на свѣтъ. Мой бѣдный мальчикъ, какъ ты измѣнился, какъ страшно измѣнился. Какъ будто океанъ человѣческаго горя прошелъ надъ этой головой! А ты былъ такъ полонъ радости и жизни. Артуръ, неужели это ты? Мнѣ такъ часто снилось, что ты вернулся ко мнѣ. а потомъ я просыпался и видѣлъ полную темноту и пустоту. Какъ знать, что я не проснусь и не узнаю, что все это сонъ. Дай мнѣ что-нибудь осязательное, скажи, какъ это случилось.

— О, совершенно просто, я спрятался на торговомъ суднѣ и попалъ въ Южную Америку.

— Ну, а тамъ?

— Тамъ я жилъ... если это можно такъ назвать, пока... о я многое видѣлъ, кромѣ духовныхъ семинарій, съ тѣхъ поръ, какъ вы обучали меня философіи... Вы говорите, что видѣли меня во снѣ да, и я также, видѣлъ васъ.

Онъ остановился содрагаясь.

— Однажды,—началъ онъ отрывисто: я работалъ въ рудникѣ.

— Вѣдь не какъ рудокопъ.

— Нѣтъ, только какъ носильщикъ, вмѣстѣ съ индійскими кули. У насъ былъ сарай для спанья у самаго спуска въ рудникъ, и я разъ ночью—я былъ очень боленъ той же болѣзнью, какъ теперь—и, носилъ камни подъ палящимъ солнцемъ... У меня, вѣроятно, закружилась голова, и мнѣ показалось, что вы входите въ дверь. Вы молились и прошли мимо меня, не оборачиваясь. Я взывалъ къ вамъ о помощи, просилъ дать мнѣ ядъ или ножъ, что-нибудь, чтобы покончить съ собой, прежде чѣмъ сойти съ ума... А вы, о!..

Онъ закрылъ глаза одной рукой, Монтанелли все еще крѣпко сжималъ другую.

— Я видѣлъ по вашему лицу, что вы слышали, но вы ни разу не обернулись, а прошли мимо, продолжая молиться. Когда вы кончили, оглянулись и прошептали: Мнѣ очень жаль тебя, Артуръ, но я не смѣю показать это.

Когда я пришелъ въ себя и увидѣлъ сарай и гнусныхъ кули, я все понялъ. Я это запомнилъ; я забылъ объ этомъ теперь, когда вы дотронулись до меня. Я вѣдь былъ боленъ и когда-то васъ очень любилъ. Но между нами не можетъ быть ничего кромѣ войны, войны и войны. Зачѣмъ вы держите мою руку?

Монтанелли опустилъ голову и поцѣловалъ искалѣченную руку.

— Артуръ, какъ мнѣ не вѣрить въ Него? Я сохранилъ свою вѣру въ теченіи этихъ ужасныхъ лѣтъ, какъ же я усомнюсь теперь, когда онъ вернулъ тебя мнѣ. Пойми, вѣдь я думалъ что убилъ тебя.

— Вамъ еще придется это сдѣлать.

— Артуръ!—Въ голосѣ Монтанелли слышался ужасъ, но Оводъ продолжалъ, не обращая на него вниманія:

— Будемъ говорить честно, безъ увертокъ. Вы и я стоимъ на двухъ краяхъ пропасти, и безполезно пытаться протянуть другъ другу руку черезъ нее... И вы должны согласиться на то, чтобы полковникъ...

— Согласиться! Боже мой,—согласиться,—Артуръ, но вѣдь я люблю тебя.

Лицо Овода исказилось отъ боли.

Монтанелли медленно поднялся, вся душа его была охвачена ужасомъ, и онъ, казалось, весь съежился, сдѣлался слабымъ, старымъ и поблекшимъ какъ листъ пораженный морозомъ. Онъ очнулся отъ сна и опять тьма глядѣла на него изъ пустоты.

— Артуръ, сжалься надо мной.

— А вы сжалились надо мной, когда ваша ложь заставила меня сдѣлаться рабомъ негровъ въ сахарныхъ плантаціяхъ. Теперь вы содрагаетесь, мягкосердечный святой. Никто не умретъ кромѣ его сына. Вы говорите, что любите меня. Эта любовь мнѣ дорого стоила. Вы думаете, что я могу все забыть изъ за нѣсколькихъ мягкихъ словъ. Забыть то, что я мылъ посуду въ грязныхъ притонахъ и былъ конюхомъ у креоловъ-фермеровъ, которые хуже ихъ собственнаго скота. Забыть, что я былъ шутомъ и носилъ шапку съ побрякушками въ циркѣ и былъ на побѣгушкахъ у матадоровъ во время боя быковъ, былъ рабомъ всякаго негра, которому вздумалось бы толкнуть меня ногой. Я голодалъ, и всѣ меня ногами топтали, я просилъ подаянія, и мнѣ отказывали въ кускѣ

хлѣба, чтобы дать его собакѣ. Да къ чему все это. Какъ я могу сказать вамъ, что вы сдѣлали мнѣ. А теперь... теперь вы меня любите. Насколько вы любите меня?

Онъ разорвалъ рубашку и показалъ свои страшные шрамы.

Онъ упалъ на подушку въ изнеможеніи. Монтанелли сидѣлъ, подобный каменному изваянію, или сидящему мертвецу. Сначала, подъ пламеннымъ потокомъ отчаянія Овода онъ дрожалъ, какъ невольно дрожитъ тѣло отъ удара бича, но теперь онъ былъ совершенно спокоенъ. Послѣ долгаго молчанія онъ поднялъ глаза и заговорилъ безжизненно и терпѣливо.

— Артуръ, говори яснѣе; ты меня такъ смущаешь и ужасаешь, что я не понимаю тебя; чего ты требуешь?

Оводъ взглянулъ на него безумнымъ взглядомъ.

— Я ничего не требую. Нельзя насильно требовать любви.

— Я не понимаю,—повторилъ Монтанелли упавшимъ голосомъ.—Какъ я могу выбирать? Я не могу передѣлать прошлаго.

— Вы должны выбрать между нами. Если вы любите меня, вы должны уйти со мною. Мои друзья хотятъ устроить новую попытку высвободить меня, и съ вашей помощью она имъ легко удастся. Потомъ, когда мы переберемся черезъ границу, вы открыто признаете меня сыномъ. Но если вы недостаточно любите меня для этого, пойдите къ полковнику и заявите ему о своемъ согласіи. Только идите скорѣе и избавьте меня отъ страданія видѣть васъ. Съ меня и безъ того довольно мукъ.

Монтанелли взглянулъ на него весь дрожа. Онъ начиналъ понимать.

— Я могу снестись съ твоими друзьями, конечно, но идти съ тобой не могу—я священникъ.

— А я не приму никакихъ милостей отъ священника; я не хочу больше компромиссовъ, падре, ихъ было довольно. Или откажитесь для меня отъ церкви, или откажитесь отъ меня.

— Какъ я могу отказаться, Артуръ, какъ я могу отказаться?

— Такъ, откажитесь отъ церкви. Вы должны выбрать между нами. Неужели вы хотите предложить мнѣ половину любви—половину мнѣ, половину вашей церкви; я не хочу милостей. Если вы принадлежите ей, вы не принадлежите мнѣ.

— Ты хочешь, чтобы я душу разбилъ надвое, Артуръ, Артуръ! ты меня съ ума сведешь.

Оводъ ударилъ кулакомъ объ стѣну.

— Выбирайте между нами,—повторилъ онъ еще разъ.

Монтанелли вынулъ хранившуюся у него на груди маленькую коробку, въ которой была смятая, поблекшая бумажка.

— Посмотри—сказалъ онъ.

«Я вѣрилъ въ васъ, какъ вѣрилъ въ Бога, а вы обманули меня ложью».

Оводъ засмѣялся и вернулъ ему бумагу.

— Какъ люди молоды въ девятнадцать лѣтъ. Взять молотъ и разбивать вещи кажется имъ такимъ легкимъ. Теперь я самъ очутился подъ молотомъ.

— Можетъ быть, на твоемъ мѣстѣ.— сказалъ Монтанелли,—я былъ бы такъ же безпощаденъ, но я не могу дѣлать того, чего ты требуешь, Артуръ. Я сдѣлаю только то, что могу. Я устрою побѣгъ, и когда ты будешь въ безопасности, со мной случится приключеніе въ горахъ, или я по ошибкѣ возьму не то питье на ночь—какъ захочешь. Удовлетворитъ это тебя? Это все, что я могу сдѣлать. Это большой грѣхъ, но я думаю, что Онъ проститъ меня. Онъ болѣе милосердъ.

Оводъ съ крикомъ всплеснулъ руками.

— О, это слишкомъ, слишкомъ! Что я сдѣлалъ, чтобы вы такъ думали обо мнѣ. Какое право вы имѣете? Развѣ я хотѣлъ мстить вамъ, развѣ вы не понимаете, что я хочу спасти васъ? Неужели вы никогда не поймете, что я васъ люблю?

Онъ схватилъ руки Монтанелли и покрывалъ ихъ горячими поцѣлуями и слезами...

— Падре, пойдемъ съ нами! Падре, въ насъ жизнь, молодость. Мы—вѣчная весна, въ насъ будущее. Падре, заря близка, неужели вы уйдете отъ восходящаго солнца? Проснитесь, забудемъ страшные кошмары. Проснитесь, и

начнемъ новую жизнь. Падре, я всегда любилъ васъ. Всегда, даже когда вы убивали меня. Неужели вы опять убьете меня?

Монтанелли отдернулъ руки.

— Господи помилуй! — воскликнулъ онъ,—*у тебя глаза твоей матери.*

Странное молчаніе, долгое, глубокое и внезапное, охватило ихъ обоихъ. Они глядѣли другъ на друга въ сѣрыхъ сумеркахъ и ужасъ былъ въ сердцахъ ихъ.

— Что еще ты мнѣ скажешь,—прошепталъ Монтанелли,—какая надежда остается мнѣ?

— Никакой. Моя жизнь нужна мнѣ только для того, чтобы бороться противъ католической церкви; я не человѣкъ, а ножъ. Возвращая мнѣ жизнь, вы освящаете ножъ.

Монтанелли обернулся къ распятію.

— Господи, Ты слышишь это...

Голосъ его замеръ въ пустой тишинѣ. Насмѣшливый дьяволъ проснулся въ Оводѣ.

Монтанелли вздрогнулъ, какъ будто его ударили. Одну минуту онъ стоялъ, глядя прямо передъ собой, потомъ опустился на край постели, закрылъ лицо руками и сталъ рыдать. Долгая дрожь охватила Овода и все тѣло его покрылось влажнымъ холодомъ. Онъ зналъ, что означали эти слезы.

Онъ натянулъ одѣяло на голову, чтобы не слышать. Достаточно, что онъ долженъ былъ умереть, онъ, еще такой способный жить. Но онъ не могъ не слушать рыданій. Они звучали въ его ушахъ, отдавались въ мозгу, бились во всѣхъ жилахъ. Монтанелли рыдалъ, рыдалъ, и слезы его лились неудержимо.

Наконецъ, онъ пересталъ рыдать и осушилъ глаза платкомъ, какъ ребенокъ, переставшій плакать. Когда онъ всталъ, платокъ скатился у него съ колѣнъ, и упалъ на полъ.

— Больше говорить нечего,—сказалъ онъ:—ты понялъ?

— Я понялъ, — отвѣтилъ Оводъ съ мрачной покорностью.—Вина не ваша!..

Монтанелли повернулся къ нему. Могила, которую должны были скоро вырыть, не могла быть тише, чѣмъ они. Молча они глядѣли въ глаза другъ другу, какъ двое любящихъ передъ разлукой глядѣли бы черезъ границу, которую нельзя было переступить.

Оводъ первый опустилъ глаза. Онъ задрожалъ и закрылъ лицо руками. И Монтанелли понялъ, что жестъ этотъ означалъ: Уходи! — онъ повернулся и вышелъ изъ камеры.

Черезъ минуту Оводъ вскочилъ.

— О, я не могу этого вынести! Падре, вернитесь, вернитесь!

Дверь закрылась. Онъ медленно оглянулся вокругъ себя широкимъ тихимъ взглядомъ и понялъ, что все кончено

Въ теченіе всей ночи трава тихо шевелилась на дворѣ внизу, та трава, которая вскорѣ должна была завять подъ ударами лопаты; и всю ночь Оводъ лежалъ одинъ въ темнотѣ и рыдалъ.

VII.

Военный судъ происходилъ во вторникъ, утромъ. Это было очень короткимъ и простымъ дѣломъ. Пустая формальность, занимающая не болѣе двадцати минутъ. Нечего было тратить на это много времени, защита не допускалась, а единственными свидѣтелями были раненый шпіонъ, офицеръ, и солдаты. Приговоръ былъ рѣшенъ заранѣе. Монтанелли прислалъ требуемое согласіе; судьямъ (полковникъ Ферарри, мѣстный драгунскій маіоръ и два офицера швейцарской гвардіи) оставалось мало дѣла. Обвиненіе было прочитано вслухъ, свидѣтели дали свои показанія, приговоръ былъ подписанъ и прочтенъ осужденному съ подобающей торжественностью. Онъ слушалъ одну минуту молча, и когда его спросили, по обычаю, имѣетъ ли онъ что-либо сказать, онъ только отвѣтилъ на вопросъ нетерпѣливымъ движеніемъ руки. У него на груди спрятанъ былъ платокъ, который обронилъ Монтанелли. Онъ всю ночь плакалъ надъ нимъ и цѣловалъ его, какъ живое существо. Теперь видъ у него былъ безжизненный и изможденный, и слѣды слезъ были видны на его рѣсницахъ Слова «разстрѣлять», казалось, не произвели на него большого впечатлѣнія. Когда онѣ были произнесены зрачки его глазъ расширились, но это было все.

— Отведите его обратно въ камеру,— сказалъ губернаторъ, когда кончены были формальности, и сержантъ съ убитымъ отъ горя лицомъ дотронулся до плеча неподвижной фигуры. Оводъ вздрогнулъ и оглянулся вокругъ себя.

— Ахъ, да,—сказалъ онъ,—я забылъ.

Въ лицѣ губернатора показалось что-то похожее на жалость. Онъ не былъ жестокимъ человѣкомъ по природѣ и втайнѣ стыдился своей роли за послѣдній мѣсяцъ. Теперь, когда главное было достигнуто, онъ готовъ былъ сдѣлать ту уступку, которая была въ его власти.

— Не нужно опять накладывать кандалы,—сказалъ онъ, глядя на вспухшія кисти рукъ Овода; пусть онъ останется въ своей камерѣ. Камера осужденныхъ страшно темная и мрачная,—прибавилъ онъ, обращаясь къ своему племяннику.

Онъ кашлянулъ и зашаркалъ ногами въ очевидномъ смущеніи. Потомъ онъ позвалъ обратно сержанта, который уходилъ изъ комнаты вмѣстѣ съ осужденнымъ.

— Подождите сержантъ, мнѣ нужно поговорить съ нимъ.

Оводъ не двигался, и голосъ губернатора, казалось не доходилъ до него.

— Быть можетъ, у васъ есть какое-нибудь порученіе къ друзьямъ или родственникамъ—у васъ есть родственники, я полагаю?

Отвѣта не послѣдовало.

— Подумайте еще и скажите мнѣ. Или, быть можетъ, вамъ нуженъ духовникъ. Я позабочусь объ этомъ. Передайте лучше всѣ ваши порученія духовнику. Онъ придетъ сейчасъ же и останется съ вами ночь. Если у васъ есть еще желанія...

Оводъ поднялъ глаза.

— Скажите священнику, что я предпочитаю быть наединѣ съ собой. Нѣтъ у меня ни друзей, ни порученій.—Онъ сказалъ это спокойнымъ тихимъ голосомъ, безъ всякаго раздраженія или вызова въ тонѣ.

У дверей онъ опять остановился.

— Я забылъ, полковникъ. Я хотѣлъ у васъ попросить одного. Пусть мнѣ завтра не завязываютъ глаза,—я буду стоять совершенно спокойно.

. . . . . .

При восходѣ солнца въ среду утромъ его вывели на дворъ. Его хромота была болѣе замѣтна, чѣмъ всегда: онъ ходилъ съ видимымъ усиліемъ и болью, и тяжело опирался на руку сержанта. Но унылая покорность совершенно исчезла съ лица его. Смутные ужасы, которые одолѣвали его въ пустотѣ и тишинѣ, видѣнія и сны изъ міра тѣней исчезли вмѣстѣ съ ночью, которая ихъ породила. Какъ только солнце засіяло, и враги его были на лицо, возбуждая въ немъ воинственный духъ, онъ уже не боялся ничего.

Шесть солдатъ, которыхъ назначили для исполненія казни, выстроились въ рядъ у поросшей плющемъ стѣны, той самой, съ которой онъ спускался въ ночь своего неудачнаго побѣга. Они едва удерживались отъ слезъ, выстроившись съ ружьями въ рукахъ. Быть орудіями казни Овода казалось имъ ужаснымъ. Его остроумныя выходки и его постоянный смѣхъ, его свѣтлая и заразительная бодрость внесли въ ихъ мрачную тоскливую жизнь лучъ свѣта. То, что онъ долженъ былъ умереть, да еще отъ ихъ рукъ, казалось имъ помраченіемъ свѣтлаго небеснаго свѣтила.

Подъ большой ивой во дворѣ была вырыта для него могила. Она приготовлена была ночью руками, работавшими противъ воли; слезы падали на лопаты во время работы. Проходя мимо, Оводъ заглянулъ въ нее, улыбаясь при видѣ черной ямы и увядающей травы около нея. Онъ глубоко вздохнулъ, чтобы впитать въ себя запахъ свѣже взрытой земли. Около дерева сержантъ остановился, и Оводъ оглянулся вокругъ со свѣтлой улыбкой.

— Гдѣ мнѣ стать, сержантъ?

Сержантъ сдѣлалъ знакъ головой. У него что-то стало поперекъ горла, и онъ не могъ выговорить ни слова. Губернаторъ и его племянникъ, стрѣлковый офицеръ, который долженъ былъ командовать, докторъ и священникъ были уже во дворѣ и приблизились съ серьезными лицами, смущенные свѣтлымъ,

вызывающимъ видомъ Овода и его смѣющимися глазами.

— Д...доброе утро господа. А, и его преподобіе встали такъ рано. Какъ поживаете, капитанъ. Вотъ болѣе пріятная встрѣча для васъ, чѣмъ наша первая, не правда ли? Я вижу, что ваша правая рука все еще на повязкѣ; это потому, что я плохо сдѣлалъ свое дѣло. Надѣюсь, что эти молодцы будутъ ловчѣе меня. Не правда ли, братцы?

Онъ взглянулъ на мрачныя лица стрѣлковъ.

— На этотъ разъ повязки ужъ во всякомъ случаѣ не понадобится. Да нечего такъ горевать. Станьте твердо, сдвинувъ пятки, и покажите, какъ умѣете стрѣлять. Вскорѣ вамъ предстоитъ такъ много работы, что трудно будетъ справиться. Нужно поупражняться заранѣе.

— Сынъ мой,—прервалъ священникъ, подходя къ нему, въ то время, какъ другіе отступили назадъ, чтобы оставить ихъ вдвоемъ.—Черезъ нѣсколько минутъ вы должны предстать предъ лицомъ Создателя. Неужели вы не имѣете никакого другого употребленія для послѣднихъ минутъ, которыя оставлены для раскаянія. Подумайте, молю васъ, какой ужасъ умереть безъ отпущенія, со всѣми грѣхами на душѣ. Когда вы предстанете передъ верховнымъ судьей, будетъ слишкомъ поздно раскаиваться. Неужели вы приблизитесь къ его грозному престолу съ шуткой на устахъ?

— Шуткой, ваше преподобіе? Мнѣ кажется, что вы больше нуждаетесь въ такой маленькой проповѣди. Когда придетъ наша очередь, мы будемъ употреблять пушки вмѣсто полудюжины подержанныхъ ружей, и тогда вы увидите, какъ мы шутимъ.

— Вы будете употреблять пушки? О, несчастный, развѣ вы еще не понимаете, у какой пропасти вы стоите?

Оводъ оглянулся черезъ его плечо на вырытую могилу.

— Ваше преподобіе думаетъ, что, уложивъ меня туда, вы со мной покончите. Вы, быть можетъ, еще положите плиту сверху, чтобы быть совсѣмъ спокойными. Не безпокойтесь, ваше преподобіе, я буду лежать тихо, какъ м...мышка, когда улягусь тамъ, и все-таки *мы* будемъ дѣйствовать пушками.

— О, милосердый Боже, воскликнулъ священникъ,—прости этому несчастному.

— Аминь, — пробормоталъ офицеръ глубокимъ басомъ, между тѣмъ какъ полковникъ и его племянникъ набожно крестились.

Такъ какъ, очевидно, не было никакой надежды, чтобы дальнѣйшія настоянія поколебали Овода, священникъ отказался отъ безплодныхъ усилій и отошелъ, качая головой и бормоча молитву. Короткія и простыя приготовленія совершились безъ дальнѣйшихъ препятствій, и Оводъ всталъ самъ въ требуемое положеніе, повернувъ только одинъ разъ голову для того, чтобы оглянуться на красныя и желтыя полосы солнечнаго восхода...

Такъ какъ кардиналъ не выходилъ изъ своего окаменѣнія, полковникъ Феррари повторилъ болѣе громко: Ваше преосвященство!

Монтанелли взглянулъ на него.

— Онъ умеръ.

— Умеръ, ваше преосвященство. Не лучше ли вамъ уйти. Это тяжелое зрѣлище.

— Онъ умеръ,—повторилъ Монтанелли и опять взглянулъ на лицо Овода.—Я коснулся его. Онъ умеръ.

— Какъ не умереть, когда въ человѣка влѣпили полдюжину пуль?—презрительно сказалъ офицеръ.

И докторъ прошепталъ въ отвѣтъ:

— Кажется, видъ крови его разстроилъ...

Губернаторъ коснулся руки Монтанелли.

— Ваше преосвященство, лучше не глядѣть больше на него. Не позволите ли вы капеллану проводить васъ домой.

— Да, я иду.

Онъ медленно отвернулся отъ окровавленнаго мѣста и ушелъ въ сопровожденіи священника и сержанта. У воротъ онъ опять остановился и посмотрѣлъ назадъ съ тихимъ изумленіемъ и ужасомъ.

— Онъ умеръ.

. . . . . .

Нѣсколькими часами позже Марконе подошелъ къ одному домику на холмахъ, чтобы сказать Мартини, что нѣтъ больше надобности рисковать своей жизнью.

Всѣ приготовленія ко второму побѣгу были сдѣланы, тѣмъ болѣе, что планъ побѣга былъ на этотъ разъ гораздо проще. Было только условлено, что на слѣдующее утро, когда процессія пройдетъ мимо крѣпостного вала, Мартини выйдетъ изъ толпы, вынетъ пистолетъ и выстрѣлитъ въ лицо губернатора. Во время суматохи, которая неизбѣжно должна послѣдовать, двадцать вооруженныхъ людей должны были вдругъ кинуться къ воротамъ, ворваться въ крѣпость и, силой завладѣвъ ключами, войти въ камеру къ заключенному и увезти его, одолѣвая или убивая всякаго, кто попадется по пути. Отъ воротъ они рѣшили отступать, сражаясь, чтобы прикрыть такимъ образомъ отступленіе второй партіи вооруженныхъ контрабандистовъ, которымъ поручено было увезти его въ надежное убѣжище въ горахъ.

Гемма одна не была посвящена въ этотъ планъ. Отъ нея все скрыли по спеціальной просьбѣ Мартини.

— Она достаточно скоро будетъ изъ за этого убиваться,—сказалъ онъ.

Когда контрабандистъ вошелъ въ садовую калитку, Мартини открылъ стеклянную дверь и вышелъ на веранду къ нему на встрѣчу.

— Какія новости, Марконе? А!

Контрабандистъ снялъ свою широкополую соломенную шляпу.

Они оба сѣли на веранду. Ни слова не было сказано съ той минуты, какъ Мартини увидѣлъ лицо Марконе. Онъ все понялъ.

— Когда?—спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія, и его собственный голосъ звучалъ такъ уныло въ его ушахъ, какъ все другое.

— Сегодня на зарѣ. Мнѣ сержантъ сказалъ. Онъ былъ тамъ и видѣлъ.

Мартини опустилъ глаза и снималъ какую-то ниточку съ рукава сюртука.

— Суета суетъ,—и это тоже была суста. Онъ самъ долженъ былъ умереть на слѣдующее утро, а теперь обѣтованная страна исчезла, какъ волшебная страна солнечнаго заката исчезаетъ при наступленіи темноты. Онъ опять возвращенъ къ будничной жизни, въ міръ, гдѣ живутъ Грассини и Галли, къ шифрованнымъ письмамъ и памфлетамъ, къ партійнымъ распрямъ между товарищами, и низкимъ интригамъ между австрійскими шпіонами, къ будничной революціонной суетѣ, отъ которой ему становилось тоскливо на душѣ.

И гдѣ-то въ глубинѣ, на днѣ его совѣсти, было большое пустое мѣсто. Оно уже никогда никѣмъ не можетъ быть заполнено, потому что Оводъ умеръ.

Кто-то предложилъ ему вопросъ, и онъ поднялъ голову, удивляясь, о чемъ еще можно было спрашивать.

— Что вы сказали?

— Я говорю, что, конечно, вы должны извѣстить ее.

— Какъ я это могу сдѣлать,—крикнулъ онъ.—Вѣдь это значитъ пойти и убить ее. О, какъ я ей скажу, какъ я могу ей сказать.

Онъ закрылъ глаза руками. Но, не поднимая глазъ, онъ почувствовалъ, какъ вздрогнулъ около него контрабандистъ.

Онъ поднялъ глаза. Гемма стояла въ дверяхъ.

— Вы слышали, Чезаре, — сказала она:—все кончено. Они его разстрѣляли.

VIII.

«Introibo ad altare Dei». Монтанелли стоялъ у высокаго алтаря среди своихъ аколитовъ и читалъ Introit твердымъ голосомъ. Весь соборъ сіялъ отъ свѣта и яркихъ красокъ. Начиная съ праздничныхъ одеждъ священниковъ до колоннъ, обвитыхъ пурпурными тканями и вѣнками цвѣтовъ не было ни одного темнаго пятна. Надъ открытыми дверями висѣли длинныя пурпуровыя завѣсы, сквозь складки которыхъ сіяло горячее іюньское солнце, какъ сквозь лепестки красныхъ маковъ во ржи. Монашескіе ордена со свѣчами и факелами въ рукахъ, отдѣльныя депутаціи церквей, со своими крестами и флагами блестѣли въ темныхъ боковыхъ часовняхъ, а въ приходахъ спускались шелковыя складки знаменъ, приготовленныхъ для процес-

сія. Золотыя палки и кисти блестѣли изъ подъ арокъ. Рясы пѣвчихъ сіяли въ радужныхъ краскахъ подъ цвѣтными стеклами оконъ. Солнечный свѣтъ ложился на полъ разноцвѣтными красными, оранжевыми и зелеными пятнами. За алтаремъ висѣлъ сіяющій покровъ серебряной парчи, и на фонѣ этой завѣсы, среди всѣхъ украшеній и алтарныхъ свѣчей выступала фигура кардинала въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, похожая на ожившую мраморную статую.

Какъ всегда во время празднествъ съ процессіями онъ долженъ былъ только присутствовать при обѣднѣ, но не служить ее и, когда прочтена была «Indulgentiam», онъ отошелъ отъ алтаря и медленно приблизился къ епископскому престолу. Священнослужители низко кланялись, когда онъ проходилъ.

— Боюсь, что его преосвященству не по себѣ,—прошепталъ одинъ изъ священниковъ своему сосѣду,—онъ кажется очень страннымъ.

Монтанелли наклонилъ голову, чтобы надѣть украшенную камнями митру. Дьяконъ, который надѣвалъ ему ее, взглянулъ на него на минуту, потомъ нагнулся и тихо прошепталъ.

— Ваше преосвященство, вы больны?

Монтанелли слегка отвернулся отъ него. Въ глазахъ его не было никакого отвѣта.

— Простите, ваше преосвященство,— прошепталъ дьяконъ, и, преклонивъ колѣно, вернулся на свое мѣсто, упрекая себя въ томъ, что нарушилъ молитву кардинала.

Шла обычная служба. Монтанелли сидѣлъ молча и прямо; его сіяющая митра и обшитыя золотомъ одежды отсвѣчивали солнечный свѣтъ, и тяжелыя складки его бѣлой праздничной мантіи спускались на красный коверъ. Тысячи свѣчъ искрились въ сафирахъ на его груди и отражались въ его глубокихъ тихихъ глазахъ, не встрѣчая отвѣтнаго луча, и когда, при словахъ: Benedicite, pater emendissime, онъ наклонился, чтобы благословить кадильницу съ ладономъ и солнечные лучи заиграли въ драгоцѣнныхъ камняхъ, онъ казался какимъ то сіяющимъ и страшнымъ ледянымъ духомъ горъ, увѣнчаннымъ радугой, одѣтымъ въ снѣжные покровы и разсыпающимъ съ простертыми впередъ руками благословенія или проклятія.

При поднятіи дароносицы онъ сошелъ съ трона и опустился на колѣни у алтаря. Движенія его были странно ровныя. И когда онъ всталъ и вернулся къ своему мѣсту, драгунскій маіоръ, сидѣвшій въ праздничномъ мундирѣ за губернаторомъ, шепнулъ раненому капитану:

— Кардиналъ, кажется, старѣется. Онъ совершенно машинально продѣлываетъ свое дѣло.

— Тѣмъ лучше,—шепнулъ капитанъ въ отвѣтъ. Со времени проклятой амнистіи онъ сидитъ у насъ на шеѣ, какъ камень.

— Онъ однако согласился на военный судъ.

— Да въ концѣ концовъ. Но онъ очень долго не рѣшался. Господи, какъ здѣсь жарко. Во время процессіи у насъ всѣхъ будетъ солнечный ударъ. Какъ жаль, что мы не кардиналы, и надъ нами не будутъ носить балдахина во время всей процессіи. Однако тише, дядя глядитъ на насъ.

Полковникъ Феррари взглянулъ строгимъ взглядомъ на двухъ молодыхъ офицеровъ. Послѣ торжественнаго событія, случившагося наканунѣ, онъ былъ въ серьезномъ и набожномъ настроеніи; ему не понравилось, что молодые люди недостаточно почтительно отнеслись къ тому, что онъ считалъ «тяжелой государственной обязанностью».

Церемоніймейстеръ началъ собирать и устанавливать всѣхъ, кто долженъ былъ принять участіе въ процессіи. Полковникъ Феррари поднялся съ своего мѣста и подошелъ къ рѣшеткѣ алтаря, дѣлая знакъ другимъ офицерамъ, чтобы они слѣдовали за нимъ. Когда обѣдня кончилась и чаша поставлена была за хрустальнымъ щитомъ въ Геліосѣ, священники удалились въ ризницу мѣнять одежды, и по всей церкви раздались тихіе разговоры. Монтанелли продолжалъ сидѣть на своемъ тронѣ, неподвижно глядя передъ собой. Море человѣческой жизни и движенія поднималось и опускалось

вокругъ него и умирало у его ногъ. Ему принесли кадильницу. Онъ поднялъ руку автоматическимъ движеніемъ и положилъ куренія въ сосудъ, не глядя ни вправо, ни влѣво.

Священники вернулись изъ ризницы и ждали его въ алтарѣ, но онъ продолжалъ недвижимо сидѣть. Почетный діаконъ, нагибаясь, чтобы снять съ него митру, снова прошепталъ нерѣшительнымъ голосомъ:

— Ваше преосвященство!

Кардиналъ оглянулся.

— Что вы сказали?

— Увѣрены ли вы, что сможете перенести процессію. Очень жарко. Солнце слишкомъ палитъ.

— Что за дѣло до солнца.

Монтанелли говорилъ холоднымъ спокойнымъ голосомъ; священнику снова показалось, что онъ недоволенъ имъ.

— Простите ваше преосвященство. Мнѣ казалось, что вы нездоровы.

Монтанелли поднялся. ничего не отвѣчая. Онъ остановился на верхней ступени трона и спросилъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ:

— Что это?

Длинный шлейфъ его мантіи спускался со ступеней, и легъ на полъ у алтаря. Кардиналъ указывалъ на яркое пятно на бѣломъ атласѣ.

— Это свѣтъ солнца сквозь цвѣтное стекло, ваше преосвященство.

— Солнечный свѣтъ? Такой красный?

Онъ сошелъ со ступеней и опустился на колѣни передъ алтаремъ, медленно двигая кадильницей. Когда онъ отдалъ ее обратно, пестрый солнечный свѣтъ упалъ на его обнаженную голову и широко раскрылъ глаза, и бросалъ пурпурное сіяніе на бѣлую мантію, которую укладывали складками вокругъ него. Онъ взялъ у дьякона священный золотой геліосъ и поднялся, въ то время, какъ хоры и органъ исполняли торжествующую пѣсню:

Pange, lingua, gloriosi
Corporis mysterium,
Sanguinisque pretiosi
Quem in mundi pretium,
Fructus ventris generosi
Rex effudit gentium *).

Служители медленно выступили впередъ и подняли шелковый балдахинъ надъ его головой, въ то время, какъ почетные дьяконы подходили къ своимъ мѣстамъ направо и налѣво и откидывали назадъ длинныя складки мантіи. Когда аколиты наклонились, чтобы поднять его одежды съ полу алтаря, монашескіе ордена, которые должны были идти во главѣ процессіи, открыли шествіе стройнымъ двойнымъ рядомъ съ зажженными свѣчами по правую и лѣвую стороны.

Онъ стоялъ, возвышаясь надъ всѣми у алтаря, неподвижный подъ бѣлымъ балдахиномъ, высоко держа чашу съ Евхаристіей и смотрѣлъ, какъ они проходили мимо. По двое, со свѣчами, знаменами и факелами въ рукахъ, съ крестами, образами и знаменами, они медленно спускались со ступенекъ алтаря по широкому среднему кораблю церкви, между увѣшанными вѣнками колоннами и выступили изъ подъ поднятыхъ пурпуровыхъ занавѣсей въ ослѣпительный солнечный свѣтъ на улицѣ. Звуки ихъ пѣнія замирали въ общемъ рокотаніи, заглушенные пѣніемъ все новыхъ псалмовъ, по мѣрѣ того, какъ протекала мимо безконечная струя людей и все новые шаги спускались со ступенекъ на середину церкви.

Прошли церковныя общины со своими бѣлыми саванами и закутанными лицами, потомъ братья милосердія въ черномъ съ головы до ногъ, со смутнымъ блескомъ глазъ сквозь отверстія масокъ. Затѣмъ потянулись монахи торжественными рядами: нищенствующіе ордена въ темныхъ капюшонахъ съ голыми загорѣлыми ногами, степенные доминиканцы въ бѣлыхъ одеждахъ. Затѣмъ послѣдовали представители свѣтской власти, драгуны и стрѣлки и чиновники мѣст-

*) «О, языкъ, скорѣй
Тайну славнаго Тѣла
И драгоцѣнной крови,
Которую во искупленіе міра
Пролилъ Царь народовъ
Плодъ благороднаго чрева.

ной полиціи, губернаторъ въ праздничномъ мундирѣ, окруженный офицерами. За ними слѣдовалъ дьяконъ, держа большой крестъ и рядомъ съ ними два аколита съ зажженными свѣчами. Когда занавѣсъ высоко поднялась, чтобы дать имъ пройти изъ дверей, Монтанелли увидѣлъ на минуту съ своего мѣста подъ балдахиномъ залитую солнцемъ, украшенную коврами площадь, стѣны, покрытыя праздничными знаменами, и дѣтей въ бѣлыхъ одеждахъ, разсыпающихъ розы. О, эти розы, какія онѣ были красныя.

Процессія продолжала двигаться спокойно. Пестрѣли формы и цвѣта. Длинныя бѣлыя одежды, благочестивыя и торжественныя, смѣнялись пышными платьями и вышитыми плащами. Пронесли высокій, тонкій золотой крестъ, высоко поднятый надъ зажженными свѣчами, за ними шли соборные каноники, важные въ своихъ мертвенныхъ бѣлыхъ плащахъ. Капелланъ спустился съ алтаря, неся крестъ среди двухъ пылающихъ факеловъ. За нимъ медленно двигались аколиты, колебля кадильницы въ тактъ музыки, носильщики балдахина шли, считая шаги: разъ, два, разъ два, и Монтанелли началъ крестный ходъ.

Онъ сошелъ со ступеней алтаря и прошелъ по среднему кораблю, подъ галлереями, откуда раздавались громовые звуки органа, подъ дверьми, завѣшанными такими красными, такими страшно красными завѣсами. Онъ вступилъ на сіяющую площадь, гдѣ лежали красныя, какъ кровь, розы, и увядали, превращаясь въ красный коверъ подъ шагами столькихъ ногъ. На минуту онъ остановился у дверей; подошли свѣтскіе служители, чтобы смѣнить носильщиковъ балдахина. Потомъ процессія снова отправилась въ путь, и онъ съ нею, твердо держа въ рукахъ Геліосъ съ Евхаристіей, и голоса пѣвчихъ поднимались и замирали вокругъ него вмѣстѣ съ ритмичнымъ движеніемъ курильницъ и топотомъ ногъ.

Tantum ergo Sacramentum
Veneremur cernui *).

*) «И такъ, почтимъ великое таинство».

Онъ взглянулъ сквозь хрустальный щитъ на Евхаристію?

Неужели ты спишь дорогой? Неужели ты никогда не проснешься? Развѣ могила такъ ревниво оберегаетъ свою добычу, и неужели темная яма подъ деревомъ не отпуститъ тебя даже на минуту, о радость сердца моего?

О, Артуръ, Артуръ! Есть большая любовь, когда человѣкъ отдаетъ жизнь того, кто ему дороже всего. Развѣ это не выше?

Когда они кончили пѣть, онъ вошелъ въ двери и прошелъ между тихими рядами монаховъ и священниковъ, гдѣ они стояли на колѣняхъ, каждый на своемъ мѣстѣ съ поднятыми вверхъ зажженными свѣчами. И онъ увидѣлъ, какъ ихъ глаза устремлены были на Тѣло, которое онъ несъ.

Такъ онъ прошелъ до рѣшетки алтаря. Тамъ носильщики остановились и онъ вышелъ изъ подъ балдахина и сталъ подниматься по ступенькамъ алтаря. По правую и лѣвую сторону аколиты въ бѣлыхъ одеждахъ становились на колѣни со своими кадильницами и капелланы съ факелами и глаза ихъ жадно сіяли въ яркомъ свѣтѣ, когда они глядѣли на Тѣло Искупительной жертвы.

Когда почетный дьяконъ помѣстилъ священный сосудъ на алтарь, Монтанелли опустился тамъ, гдѣ онъ стоялъ, на колѣни на ступеньки. Голоса пѣвчихъ зазвучали подъ арками сводчатаго крова.

Уныло и покорно онъ заканчивалъ служеніе, исполняя механически, по старой привычкѣ, обряды. Потомъ, послѣ благословенія, онъ снова опустился передъ алтаремъ и закрылъ лицо руками. Голосъ священника, громко читавшаго отпущеніе, поднимался и опускался, какъ далекіе отзвуки міра, которому онъ больше не принадлежалъ.

ЭПИЛОГЪ.

— Гемма, васъ спрашиваетъ какой-то человѣкъ. — Мартини говорилъ тихимъ голосомъ, которымъ они всѣ безсознательно говорили послѣдніе десять дней.

Только это и какая-то особая ровность

движеній и рѣчи были единственнымъ выраженіемъ ихъ скорби.

Гемма въ передникѣ и съ оголенными руками стояла у стола, распредѣляя маленькіе пакеты съ патронами. Она работала надъ этимъ съ самаго утра и теперь въ жаркій полдень, на лицѣ ея выражалась усталость.

— Какой человѣкъ, Чезаре? Что ему нужно?

— Не знаю, милая. Онъ не хотѣлъ сказать мнѣ. Ему нужно поговорить съ вами наединѣ.

— Хорошо.

Она сняла передникъ и спустила рукава.

— Нужно выйти къ нему, что ли, хотя это навѣрное шпіонъ.

— Во всякомъ случаѣ, я буду въ слѣдующей комнатѣ. Какъ только вы отъ него отдѣлаетесь, подите прилечь. Вы цѣлый день сегодня на ногахъ.

— О, нѣтъ, я предпочитаю работать. Она медленно пошла внизъ по лѣстницѣ и Мартини молча пошелъ за ней. Она постарѣла на десять лѣтъ за эти нѣсколько дней, и сѣдая полоса въ волосахъ сдѣлалась совсѣмъ широкой. Она, большею частью, держала глаза опущенными, но когда она случайно поднимала ихъ, онъ содрогался отъ выраженія ужаса въ нихъ.

Въ маленькой пріемной внизу она застала неуклюжаго человѣка, который стоялъ среди комнаты и переминался съ ноги на ногу. По его виду и полуиспуганному выраженію, съ которымъ онъ взглянулъ на нее, она догадалась, что это кто-нибудь изъ швейцарской стражи. Онъ одѣтъ былъ въ крестьянскую рубаху, очевидно, чужую, и озирался, боясь, что его накроютъ.

— Вы говорите по-нѣмецки?—спросилъ онъ на неразборчивомъ цюрихскомъ нарѣчіи.

— Немного. Вамъ меня нужно было?

— Вы синьора Болла? Я принесъ вамъ письмо.

— Письмо?

Она задрожала и оперлась рукой о столъ, чтобы удержаться на ногахъ.

— Я одинъ изъ сторожей оттуда.

Онъ указалъ на виднѣвшуюся изъ окна крѣпость на холмѣ.

— Это письмо того человѣка, котораго разстрѣляли на прошлой недѣлѣ. Онъ написалъ его наканунѣ казни. Я обѣщалъ ему передать вамъ въ руки.

Она опустила голову.

— Значитъ онъ все-таки написалъ.

— Вотъ почему я и не приносилъ его такъ долго,—продолжалъ солдатъ,—онъ сказалъ, чтобы я никому не отдавалъ, кромѣ васъ, а я не могъ раньше выбраться, за мной очень слѣдили. Мнѣ пришлось одолжить эти вещи, чтобы явиться сюда.

Онъ засунулъ руку за воротъ рубашки. Погода была жаркая и сложенный листъ бумаги, который онъ вынулъ, былъ не только грязный и скомканный, но весь сырой. Онъ постоялъ еще минуту, потомъ поднялъ руку и почесалъ затылокъ.

— Вы вѣдь не выдадите меня,—началъ онъ снова робкимъ голосомъ и глядя на нее недовѣрчиво. Я рисковалъ жизнью, идя сюда.

— Конечно, ничего не скажу. Но, подождите минутку.

Когда онъ повернулся къ двери, она остановила его и вынула кошелекъ, но онъ обиженно запротестовалъ.

— Мнѣ не нужно вашихъ денегъ,—сказалъ онъ рѣзко,—я сдѣлалъ это для него; онъ меня объ этомъ просилъ. Онъ былъ такъ добръ ко мнѣ.

Въ комнатѣ наступило молчаніе. Онъ выпрямился, сдѣлалъ неловкій военный поклонъ и ушелъ. Она стояла нѣсколько времени съ бумагой въ рукахъ. Потомъ сѣла къ окну читать. Письмо было написано карандашемъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неразборчиво. Но первыя два слова были написаны совершенно четко. Они были написаны по англійски:

«Дорогая Джиммъ!

Остальное на минуту заволоклось туманомъ передъ глазами ея. Она не могла читать дальше. Итакъ, она опять потеряла его, опять потеряла! При видѣ знакомаго дѣтскаго выраженія, которое онъ повторилъ послѣ столькихъ лѣтъ, она снова почувствовала безнадежность потери и протянула впередъ руки въ безмолвномъ отчаяніи, какъ будто тяжесть

земли, давившая его, опустилась на ея сердце.

Потомъ она снова взяла бумагу и стала читать:

«Завтра на разсвѣтѣ меня разстрѣлятъ. Чтобы сдержать обѣщаніе и все вамъ сказать, я долженъ сдѣлать это сейчасъ! Но, въ сущности, нѣтъ нужды въ длинномъ объясненіи между нами: мы всегда понимали другъ друга, даже когда были дѣтьми.

«Итакъ, вы видите, дорогая, нечего было убиваться изъ-за того, что вы когда-то ударили меня. Тогда это было тяжело снести, но потомъ пришлось испытать еще много тяжелаго, и я все-таки со всѣмъ справился. Мнѣ удалось даже отомстить за нѣкоторые удары. И теперь я опять, какъ рыбка въ нашей дѣтской пѣсенкѣ (вотъ не помню ея заглавія) «живъ и веселъ, и рѣзвлюсь». Рѣзвлюсь-то я, впрочемъ, въ послѣдній разъ. Наступитъ завтрашнее утро и... Finita la commedia. Мы съ вами должны сказать: «кончилось представленіе въ балаганѣ» и должны благодарить боговъ, за то хорошее, что они намъ дали. Немного его, но кое-что было и за это возблагодаримъ ихъ.

«Что касается завтрашняго утра, то я хотѣлъ бы, чтобы вы и Мартини поняли, что я вполнѣ доволенъ и счастливъ и ничего лучшаго не желалъ бы отъ судьбы. Скажите это Мартини отъ моего имени. Онъ добрый малый и хорошій товарищъ и это онъ пойметъ.

«Есть у меня, однако, еще одно желаніе. Человѣкъ, идущій на смерть, имѣетъ право на послѣдній капризъ; мой капризъ въ томъ, чтобы объяснить вамъ, почему я всегда былъ такъ строптивъ по отношенію къ вамъ, почему я такъ медленно мирился со старыми обидами. Конечно, вы сами понимали причину, но я высказываю ее, чтобы имѣть радость писать эти слова. Я васъ любилъ, Гемма, когда вы еще были невзрачной дѣвочкой въ коротенькомъ платьицѣ и со спущенной косой и я продолжаю любить васъ до сихъ поръ. Помните, я разъ поцѣловалъ вамъ руку и вы такъ жалобно просили меня «никогда этого больше не дѣлать». Это была дерзкая выходка, я знаю, но простите ее. А теперь я цѣлую бумагу, на которой написано ваше имя. Я, такимъ образомъ, два раза поцѣловалъ васъ — и оба раза безъ вашего согласія.

«Вотъ и все. Прощайте, дорогая».

Подписи въ письмѣ не было, но въ концѣ приписано было четверостишіе, которое они вмѣстѣ учили дѣтьми.

«Живу ли я,
Умру ли я,
Я мошка все-жъ
Счастливая».

Получасомъ позже Мартини вошелъ въ комнату. Полжизни онъ провелъ около Геммы въ молчаніи; теперь онъ уже потерялъ власть надъ собой. Выронивъ изъ рукъ бумагу, съ которой онъ вошелъ въ комнату, онъ обнялъ молодую женщину.

— Гемма, что случилось? Не рыдайте такъ; вы, вѣдь, никогда не плакали. Гемма, Гемма! Дорогая, любимая моя.

— Ничего, Чезаре. Я вамъ все разскажу потомъ. Я не могу теперь еще говорить объ этомъ.

Она быстро сунула мокрое отъ слезъ письмо въ карманъ и, поднявшись, подошла къ окну, чтобы не показывать лица. Мартини закусилъ губу. Послѣ долгихъ лѣтъ выдержки, онъ какъ мальчишка выдалъ себя, а она даже не замѣтила.

— Звонятъ въ большой соборный колоколъ,—сказала она немного погодя, снова овладѣвъ собою. — Должно быть, кто-нибудь умеръ.

— Вотъ объ этомъ-то я и пришелъ сказать вамъ,—отвѣчалъ Мартини своимъ обычнымъ голосомъ. Онъ поднялъ съ полу выпавшій у него листокъ и подалъ Геммѣ,—это было напечатанное крупнымъ шрифтомъ объявленье, окруженное черной рамкой: «Нашъ глубоко уважаемый Епископъ, Его Преосвященство Монсиньоръ Кардиналъ Лоренцо Монтанелли внезапно скончался отъ разрыва сердца».

Она быстро перевела глаза съ бумаги на Мартини, и онъ, пожавъ плечами, отвѣтилъ на ея нѣмой вопросъ:

— Что-жъ, мадонна? Разрывъ сердца ничѣмъ не хуже всякаго другого названія.

Конецъ.

ведутъ войну женщины безпрепятственно продолжаютъ свои торговыя сношенія. Мужчины вмѣшиваются въ дѣло только въ важныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда дѣло идетъ о продажѣ или покупкѣ быка. У массаи существуетъ одинъ странный обычай: кто бы ни заключалъ торговую сдѣлку, когда она окончена, онъ плюетъ на товаръ и проситъ покупателя сдѣлать то же. Продавъ быка, массаи плюетъ на животное, раньше чѣмъ отдать его; въ свою очередь онъ требуетъ, чтобы покупатель плюнулъ на проволоку или бусы, которыя онъ даетъ взамѣнъ. По мнѣнію массаи, плевать, значитъ оказывать честь и уваженіе. Посѣтитель или посѣтительница чувствуютъ себя чрезвычайно польщенными, если хозяинъ плюнетъ на нихъ.

III. Нравственные и общественные результаты торговли у африканскихъ чернокожихъ.

Резюмируя всѣ наблюденія, собранныя въ этой и предъидущей главѣ, можно вывести нѣсколько общихъ положеній относительно торговли у наименѣе цивилизованныхъ чернокожихъ; во многихъ отношеніяхъ торговые обычаи западныхъ чернокожихъ и негровъ Габуна, напримѣръ, очень сходны.

Мы видѣли, какъ цѣнится соль въ центральной Африкѣ; иногда сахаръ соперничаетъ съ ней; онъ заставляетъ вытаскивать изъ кладовыхъ товары, когда бусы и украшенія уже перестаютъ оказывать дѣйствіе. Негръ покупаетъ разныя украшенія, главнымъ образомъ, для своихъ женъ, и когда онѣ достаточно разукрашены, онъ перестаетъ интересоваться ими, и не желаетъ болѣе ни покупать, ни продавать.

Вдали отъ большихъ торговыхъ путей Африки, гдѣ негръ рѣдко видитъ иностранца, торговля является для него не необходимостью, а прихотью.

Безконечныя формальности и длиннѣйшіе споры при самой незначительной покупкѣ доказываютъ, что дикія племена негровъ придаютъ мало значенія торговлѣ, особенно пока въ нихъ не проснулась жадность. Въ Фута-Джалонѣ, чтобы заставить туземца продать что-нибудь, надо прибѣгнуть къ дипломатическимъ пріемамъ; надо сдѣлать видъ, какъ будто желаешь просто познакомиться съ нимъ, дружелюбно разспросить его, какъ онъ себя чувствуетъ, выразить и внушить ему симпатію, и только тогда торговля съ нимъ станетъ возможной и намѣреніе купить у него что-нибудь не покажется ему дерзостью. Мы видѣли, что на востокѣ Африки съ чужеземца, желающаго вести торговлю, требуютъ разныхъ пошлинъ. А между тѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ чужеземные караваны уже давно познакомили туземцевъ съ торговлей. Принесла ли торговля пользу или вредъ негру? И то, и другое, конечно, но что преобладаетъ? Нѣкоторая общая польза торговли оче-

видна. Нѣсколько смягчилась жестокость нравовъ; племена стали легче смѣшиваться другъ съ другомъ; развилась промышленная дѣятельность. Но рядомъ съ этимъ распространилось господство частной собственности и склонность къ ней, а слѣдовательно, развился эгоизмъ. Говорятъ, что у низшихъ племенъ чернокожихъ существуетъ одна только движимая собственность. Дѣйствительно, для нихъ земля, пока она не обработана, не имѣетъ цѣны и принадлежитъ тому, кто можетъ съ своими рабами воздѣлать ее. Но съ началомъ торговли товары, играющіе роль знаковъ обмѣна, стали скопляться въ однѣхъ рукахъ; явились богатые и бѣдные; въ то же время страсть къ роскоши, къ негритянской роскоши овладѣла всѣми; чтобы удовлетворить ее понадобилось пріобрѣтать денежные знаки. Промышленность, земледѣліе и даже разведеніе скота — все это недостаточныя средства для накопленія денегъ, главное, средства, слишкомъ медленно дѣйствующія. Тогда стали прибѣгать къ болѣе дѣйствительнымъ способамъ: къ грабежу и убійству; захватывали имущество сосѣда, его самого или чаще его женъ и дѣтей, чтобы обмѣнивать ихъ потомъ на бусы и т. п. Торговля быстро извратилась; можно было ожидать, что съ развитіемъ торговли война уступитъ мѣсто мирнымъ сношеніямъ, а на дѣлѣ произошло какъ разъ обратное. Война запылала повсюду, грабежи и разбои стали обычнымъ явленіемъ; чужеземные караваны, не знающіе иныхъ способовъ торговли, кромѣ воровства и грабежа, наводнили Африку.

Прибавимъ еще, что надо различать два вида торговли. Торговый обмѣнъ внутри одного племени или народа приноситъ, конечно, больше пользы чѣмъ вреда; даже когда возникаютъ рынки они служатъ залогомъ мира и согласія. Между тѣмъ внѣшняя торговля, обмѣнъ между различными племенами и расами возбуждаетъ необузданную жадность, безсовѣстныя спекуляціи, кровавые разбои и обращеніе въ рабство. Обвинять и проклинать слѣдуетъ именно этотъ видъ торговли.

Глава IV.

Торговля у высшихъ негритянскихъ расъ.

I. Торговля въ маленькихъ государствахъ восточной Африки.—Эѳіопы, ихъ происхожденіе и ихъ переселенія.—Уніоро.—Употребительныя деньги.—Крики разносчиковъ.—Масло въ Уніоро и подѣлки его. — Хонго или право прохода. — Какъ его уплачиваютъ.—Незнакомство съ европейскими деньгами.—Промышленность.—Одежды изъ коры.—Торговля слоновой костью и рабами—II. Караваны рабовъ.—Охотники за рабами въ Хартумѣ.—Какъ организуется караванъ.—Капиталисты.—Грабежи и разбои.—Раздѣлъ добычи и рабовъ.—Зерибы.—Торговля въ нихъ.—Наложеніе пошлинъ.—Стоимость раба.—Доходы въ зерибахъ—III. Торговля у кафровъ.—Банту и ихъ происхожденіе.—Древняя цивилизація въ Машоналандѣ. — Переживанья.—Металлургія и кузнечное ремесло. Керамика и плетеніе корзинокъ.—Первобытное ткачество.—Почти полное отсутствіе рабства у кафровъ.—Рабочій классъ. — Корова, какъ денежная единица.—Продажа дѣтей.—IV. Дагомея и Ашанти.—Какъ населилась Африка.—Раздѣленіе расъ. — Устройство Дагомеи. — Дагомейская промышленность и власть короля.—Земледѣліе въ Дагомеѣ. — Торговля и королевскія права. — Домъ изъ раковинъ-каурисъ.—V. Нѣкоторыя вредныя слѣдствія первобытной торговли.—Деморализація вслѣдствіе торговли съ европейцами. — Торговая цивилизація и что подъ ней скрывается.

I. Торговля въ маленькихъ государствахъ восточной Африки.

Въ предыдущей главѣ я говорилъ только о наименѣе цивилизованныхъ племенахъ чернокожихъ; они и въ физическомъ, и въ умственномъ отношеніи очень напоминаютъ западныхъ чернокожихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ произошли, впрочемъ, отъ смѣшенія съ болѣе цивилизованными чернокожими, населяющими древнюю Эѳіопію. Въ древности эѳіопы достигли сравнительно болѣе высокихъ ступеней цивилизаціи и потомки ихъ, обитающіе въ Абиссиніи и Нубіи, выгодно отличаются отъ низшихъ племенъ чернокожихъ.

Въ различныя эпохи эти эѳіопы переселялись въ разныя части африканскаго материка. Нѣкоторые изъ нихъ сохранили обычаи дикарей, какъ, напримѣръ, бонго и монбутту; массаи на юго-востокѣ и кафры на югѣ Африкѣ.

Чернокожіе, живующіе на берегахъ большихъ озеръ восточной Африки, принадлежатъ тоже къ эѳіопской расѣ; они образуютъ маленькія монархическія государства и въ умственномъ отношеніи выказываютъ значительно меньше тупости, чѣмъ низшія племена негровъ. Страсть къ торговлѣ и жадность у нихъ сильно развиты, но способы обмѣна тѣ же самые, какъ и въ остальной Африкѣ: бусы цѣнятся у нихъ также высоко. И вообще денежными единицами служатъ тѣ же предметы, какъ и у низшихъ племенъ. Вотъ что́ кричатъ тамошніе разносчики. «Табакъ, табакъ! Два свертка табаку за бусы или раковины». Или «Продается молоко за бусы или за соль!»—«Масло по пяти бусъ кусокъ!» «Соль за наконечники копій». Эта торговля въ

разносъ указываетъ сама по себѣ, что жители Уніоро привычные торговцы. Всевозможныя торговыя хитрости и мошенничества тоже прекрасно привились у нихъ. Они, напримѣръ, очень ловко сбываютъ скверное масло (отмѣтимъ, что искусство сбивать масло очень рѣдко встрѣчается въ Африкѣ), покрывъ его сверху слоемъ хорошаго, свѣжесбитаго. Купцы ихъ замѣчаютъ, что торговля въ розницу, по мелочамъ выгоднѣе оптовой и потому они часто прячутъ свой товаръ, показываютъ его въ самыхъ маленькихъ количествахъ и только, когда предложенные предметы куплены, они вынимаютъ еще. Эѳіопы сохранили во всей неприкосновенности выгодный обычай взимать съ путешественниковъ хонго, т.-е. плату за проѣздъ, и перечень предметовъ, какими откупаются отъ нихъ путешественники, показываетъ, ихъ поистинѣ дѣтскіе вкусы. Королю Уніоро—Камзари Бекеръ предложилъ въ подарокъ кашемировый плащъ, красный шелковый кушакъ, яркія турецкія туфли, нѣсколько паръ чулокъ, нѣсколько нитокъ бусъ и, наконецъ, двуствольное ружье. Такого же рода хонго уплатилъ Спикъ Мтезу, могущественному королю Уганды. «Я думалъ заинтересовать его, предлагая ему кошелекъ съ разными монетами, стоимость которыхъ я старался объяснить ему; но онъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія и скоро отложилъ въ сторону».

Промышленность въ этой части Африка развита не больше, чѣмъ въ остальной. Въ Уганда, напримѣръ, ткацкое искусство до сихъ поръ неизвѣстно, такъ что высшіе сановники государства носятъ юпки изъ коры, а сверху накидываютъ плащи изъ шкуры антилопъ. Произведенія промышленности здѣсь не могутъ питать торговлю; главными предметами обмѣна служитъ скотъ, слоновая кость и рабы. Именно за этими предметами и приходятъ къ нимъ караваны изъ Судана.

II. Караваны рабовъ.

Многіе помнятъ до сихъ поръ, какое впечатлѣніе произвело въ Европѣ паденіе Хартума и смерть Гордона, этого героическаго авантюриста, одушевленнаго лучшими намѣреніями, но роковымъ образомъ участвовавшаго всегда въ самыхъ ужасныхъ предпріятіяхъ. Хартумъ, находившійся въ Суданѣ, былъ центромъ разноплеменныхъ авантюристовъ, откуда они посылали свои разбойничьи караваны въ разныя части Африки. Тутъ можно было встрѣтить и сирійцевъ, и коптовъ, и турокъ, и черкесовъ, и европейцевъ, а всѣмъ имъ покровительствовали египетскіе чиновники. Злополучные туземцы знали ихъ подъ общимъ именемъ «турокъ».

Бекеръ описываетъ намъ организацію такого рода торговли. Ее можно начать и безъ капитала; тогда предприниматель занималъ у одного изъ хартумскихъ капиталистовъ необходимую сумму приблизительно, подъ 36 — 80%. Должникъ обязывался уплатить ее слоновой

костью, считая ее въ половину рыночной цѣны. Потомъ онъ набиралъ охотниковъ и уплачивалъ имъ жалованье за 5 мѣсяцевъ впередъ, приблизительно, по 11 франковъ въ мѣсяцъ. Наконецъ, онъ закупалъ оружіе, разныхъ бездѣлушекъ, и отрядъ, распустивъ знамя, выступалъ въ путь съ самымъ воинственнымъ видомъ.

Обыкновенно они являлись прежде всего къ какому-нибудь туземному корольку и предлагали свои услуги въ его войнѣ съ сосѣднимъ племенемъ. Затѣмъ, все шло само собой. Они нападали на сосѣднее поселеніе, грабили имущество, скотъ, уводили въ плѣнъ женъ и дѣтей, а отъ союзника отдѣлывались нѣсколькими штуками скота и одной изъ плѣнницъ. Затѣмъ оставалось только обмѣнять добычу на болѣе удобный для перевозки товаръ. Рабы продавались по большей части арабамъ, которые доставляютъ ихъ на Чермное море и оттуда на корабляхъ отправляютъ въ Аравію, Персію, Каиръ и другія мусульманскія страны. Такое предпріятіе чрезвычайно выгодно для начальника экспедиціи, такъ какъ ему принадлежатъ всѣ захваченные рабы и двѣ трети скота; онъ сразу дѣлается капиталистомъ.

Но, конечно, всѣ эти операціи нельзя окончить въ одинъ день и караванъ долженъ иногда надолго останавливаться. Часто эти стоянки превращались въ мѣста постояннаго жительства, въ поселки или *зерибы*, какъ ихъ называютъ. Эти торговые пункты служили и складами, и рынками. Награбленные товары охранялись тамъ вооруженными людьми и тамъ же производилась торговля съ сосѣдями.

Большая часть этихъ пунктовъ принадлежали пяти, шести крупнымъ капиталистамъ Хартума. Каждая зериба служила какъ бы столицей извѣстной области, куда уже не могъ вступать никто посторонній. Проѣхать въ нее можно было только опредѣленной дорогой и желающій проникнуть туда долженъ былъ уплатить извѣстный налогъ, т. е. нѣчто въ родѣ хонго. Сосѣднія зерибы уступали или покупали другъ у друга это право проѣзда. Они вступали также въ дружественное соглашеніе по вопросу объ эксплуатаціи страны. Каждая изъ нихъ имѣла свою область, въ которой она одна могла производить разбои, т. е. вести охоту на людей.

Въ каждомъ такомъ пунктѣ купцы вели торговлю нитками, мыломъ, зеркалами, бусами, оружіемъ, амулетами, изреченіями изъ Корана; они покупали и продавали быковъ, барановъ и рабовъ, уступаемыхъ мародерами по дешевой цѣнѣ.

Благодаря непрерывности разбоевъ, въ зерибахъ товаръ, не переводится; маленькіе караваны безпрестанно развозятъ рабовъ отъ одной зерибы къ другой, отмѣчая свой путь трупами.

Слѣдующая маленькая рѣчь, записанная Швейнфуртомъ, рисуетъ положеніе негритянскихъ селеній, порабощенныхъ промышленниками зерибъ. «Ты, Курраггера, отправляйся въ свои деревни; собери тамъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ; возьми всѣхъ мальчиковъ,

которые могутъ нести что-нибудь, всѣхъ дѣвушекъ, которыя ходятъ за водой къ колодцу, и прикажи всѣмъ явиться сюда къ разсвѣту дня: они понесутъ зерно въ Дераго. У насъ есть тюки всякихъ величинъ, каждый понесетъ что въ силахъ. Но если хоть одинъ броситъ свою ношу и убѣжитъ, слушай меня: я вырву тебѣ глаза. Если хоть одинъ тюкъ будетъ украденъ, я отрублю тебѣ голову и т. д.».

Несчастные чернокожіе, постоянно обираемые этими ненасытными чужестранцами, скрываютъ, какъ могутъ, свое зерно, котораго у нихъ и безъ того не много. Ежегодно въ теченіе шести мѣсяцевъ ихъ постоянно отрываютъ для переноски товаровъ и у нихъ не остается времени воздѣлывать землю. Въ зерибахъ всегда царитъ изобиліе, а несчастные туземцы должны рыть землю и искать въ ней съѣдобныхъ корней.

Эти несчастныя племена не могутъ надивиться страсти бѣлыхъ къ слоновой кости, потребность въ рабахъ для нихъ болѣе понятна, такъ какъ рабство знакомо и имъ съ незапамятныхъ временъ.

Стоимость раба въ этой мѣстности сильно колеблется, въ общемъ она повышается по мѣрѣ приближенія къ Хартуму и къ приморскимъ портамъ. Въ среднемъ молодой рабъ стоитъ, по словамъ Швейнфурта около 40 франковъ вдали отъ крупныхъ рынковъ, въ Хартумѣ же значительно дороже. Вообще торговля въ зерибахъ чрезвычайно выгодна. Спикъ разсказываетъ, что ему встрѣтилась надобность закупить провіантъ въ Уніамуери и ему пришлось платить за все на 400% дороже, чѣмъ въ Занзибарѣ. Конечно, перспектива такой безумной наживы разнуздываетъ всѣ дикія страсти и привлекаетъ постоянно въ земли негровъ шайки ненасытныхъ грабителей.

III. Торговля у кафровъ.

Ужасная торговля людьми, описанная въ предъидущей главѣ, происходитъ главнымъ образомъ на востокѣ тропической Африки, отъ верховьевъ Нила до Замбези. Но эѳіопская раса проникла и еще южнѣе до страны готтентотовъ, придерживаясь восточнаго побережья. На югѣ она носитъ названіе банту или кафровъ. Когда переселились эти эѳіопы-банту въ южную Африку? Опредѣлить это точно невозможно, но, очевидно, это произошло въ тѣ доисторическія времена, когда цивилизація эѳіоповъ соперничала съ египетской.

Происхожденіе кафровъ доказывается не только ихъ анатомическимъ строеніемъ, но и разными чертами быта, сохранившимися у нихъ отъ ихъ отдаленныхъ предковъ; такъ, напр., обычаемъ обрѣзанія и музыкальными инструментами изъ веревокъ, такими же, какъ въ Конго. Кромѣ того, въ Машоналандѣ съ давнихъ поръ происходятъ археологическія находки, подтверждающія то же предположеніе. Богатство золота въ этой странѣ уже давно привлекло туда бѣлыхъ и на

ряду съ работами по добыванію золота стали производиться любопытныя археологическія изысканія. На скалахъ вблизи отъ пещеръ, служившихъ жилищами древнѣйшимъ обитателямъ этой страны найдены цѣлые рисунки, изображающіе людей, животныхъ, сцены войны и охоты, иногда они нарисованы краснымъ, желтымъ и чернымъ цвѣтами. Кромѣ того, въ Машоналандѣ найдена цѣпь каменныхъ укрѣпленій и много монолитовъ: стеатитовая колонна, покрытая геометрическими рисунками, круглыя вазы, украшенныя скульптурными изображеніями охоты, скульптурныя изображенія птицъ, сидящихъ на колоннахъ, сдѣланныя изъ одного камня съ колоннами. Можно бы предположить, что теперешніе кафры не принадлежатъ къ расѣ древнѣйшихъ обитателей страны, но существованіе у нихъ разныхъ архаическихъ обычаевъ опровергаетъ это предположеніе. Конечно, современные обитатели Машоналанда значительно менѣе цивилизованы чѣмъ ихъ предки, но все-таки кузнечное, гончарное и ткацкое искусства извѣстны имъ. Распространены они неравномѣрно по всей странѣ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ совсѣмъ не занимаются выдѣлкой желѣза, въ другихъ умѣютъ ковать только старое желѣзо, добывать же его изъ руды не умѣютъ; но въ большей части мѣстностей кафры очень искусно выдѣлываютъ наконечники для стрѣлъ и копій и разныя земледѣльческія орудія.

Гончарное ремесло у нихъ, какъ и у большинства дикихъ племенъ находится главнымъ образомъ въ рукахъ женщинъ, которыя выдѣлываютъ очень артистическія глиняныя вазы. Кромѣ того, онѣ плетутъ плотныя корзины, въ которыхъ можно съ удобствомъ переносить молоко. Ткацкое искуство наименѣе развито у нихъ, они выдѣлываютъ только самыя грубыя ткани. Одѣваются же они по преимуществу въ звѣриныя шкуры. Всѣ эти произведенія и корзины, и желѣзныя издѣлія, и посуду кафры охотно обмѣниваютъ на скотъ и хлѣбъ у сосѣднихъ готтентотовъ.

Торговля рабами почти неизвѣстна у кафровъ. Только на сѣверѣ по теченію Замбези она еще практикуется иногда, на югѣ же хотя и есть классъ рабовъ, но они не составляютъ ни чьей личной собственности. Только женщины и дѣти могутъ продаваться и покупаться. Обычная цѣна женщины — нѣсколько головъ скота, составляющаго вообще главное богатство населенія. Корова служитъ тамъ самой обычной денежной единицей, хотя и бусы также повсемѣстно распространены. Миссіонеръ Моффа разсказываетъ, какъ ему удалось однажды за нѣсколько фунтовъ бусъ выкупить ребенка взятаго въ плѣнъ, и возвратить его отцу. Сейчасъ же къ нему явилось двое туземцевъ съ предложеніемъ купить у нихъ ихъ дѣтей, одинъ за овцу, другой за извѣстное количество бусъ. Тотъ же миссіонеръ разсказываетъ, какъ во время одной изъ своихъ проповѣдей онъ упрекалъ аудиторію въ невниманіи. «У бечуановъ крѣпкія головы,—подтвердилъ одинъ изъ при-

сутствовавшихъ туземцевъ,—они не хотятъ ничего слушать, хотя Богъ далъ имъ столько хорошихъ вещей. Онъ далъ имъ быковъ, козъ и женщинъ». Представленіе о женщинѣ въ умѣ кафровъ совершенно совпадаетъ съ представленіемъ о домашнихъ животныхъ; это чрезвычайно полезное животное, хотя и уступаетъ немного быку и козѣ. Неудивительно поэтому, что и продается она совершенно наравнѣ съ остальными животными.

IV. Дагомея и Ашанти.

Мы видѣли, что эѳіопы-банту мало занимаются торговлей, а самая важная ея отрасль—торговля невольниками почти незнакома имъ. Но населеніе, живущее къ сѣверу отъ нихъ, на южной границѣ Сахары ведетъ оживленный торгъ рабами. Какъ мы уже упоминали ранѣе, эта полоса Африки была населена въ древности самыми низшими племенами чернокожихъ. Но постепенно съ сѣвера въ эту область переселялись и смѣшивались съ туземнымъ населеніемъ сначала эѳіопы, потомъ берберы и наконецъ арабы. Большая часть изъ образовавшихся такимъ образомъ племенъ приняла исламъ, но нѣкоторыя и до сихъ поръ остаются фетишистами. Къ этимъ послѣднимъ племенамъ принадлежатъ дагомейцы и ашанти.

Самый главный предметъ торговли въ этихъ маленькихъ монархическихъ государствахъ составляютъ рабы. Кромѣ этого, они продаютъ европейцамъ только пальмовое масло, клыки слоновъ и золотой песокъ, но все въ очень небольшихъ количествахъ.

Промышленность въ Дагомеи стоитъ на самой низкой ступени развитія, главнымъ препятствіемъ для ея совершенствованія служитъ политическій строй. Дагомейскій король неограниченный повелитель своихъ подданныхъ, и поэтому какъ только кто-нибудь изъ дагомейцевъ проявитъ малѣйшее искусство въ какомъ-нибудь производствѣ, король сейчасъ же отбираетъ у него его издѣлія и вознаграждаетъ его самымъ скуднымъ образомъ. Хотя и гончарное, и ткацкое, и кузнечное ремесло извѣстны въ Дагомеѣ, но они находятся еще въ первобытномъ состояніи. Скота тамъ также почти не держатъ, только козы водятся у нихъ хорошей породы. Землю воздѣлываютъ исключительно рабы и женщины. Земледѣліе тамъ вообще стоитъ нѣсколько выше остальныхъ отраслей промышленности, земля чрезвычайно плодородна, а, кромѣ того, дагомейцы, хотя и не пашутъ ея, но зато аккуратно удобряютъ. Два раза въ годъ они собираютъ на своихъ поляхъ обильный урожай всевозможныхъ овощей и плодовъ. Но всѣ эти продукты не могутъ вызвать оживленнаго торговаго обмѣна, такъ какъ они имѣются въ большемъ или меньшемъ количествѣ и у всѣхъ сосѣдей. Въ сосѣдней странѣ Ашанти, расположенной нѣсколько ближе къ морю, торговля немного значительнѣе; кромѣ рабовъ, ашанти продаютъ иноземнымъ купцамъ

соль и скотъ. Оба эти маленькія государства, Дагомея и Ашанти, представляютъ собой идеалъ абсолютной монархіи. Король безконтрольно распоряжается тамъ и людьми, и имуществомъ.

У ашанти король наслѣдуетъ все золото, остающееся послѣ смерти каждаго изъ его подданныхъ; торговля тоже въ полной зависимости отъ короля. При покупкѣ чего-нибудь для монарха употребляются гири на одну треть тяжелѣе принятыхъ въ странѣ. Эти дикари, имѣющіе такое смутное представленіе о торговлѣ, цѣнятъ, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно высоко богатство. Въ Абомеѣ—столицѣ Дагомеи—самой употребительной денежной единицей служатъ раковины-каурисъ. И вотъ король, чтобы поразить изумленіемъ свой народъ, воздвигъ себѣ домъ изъ раковинъ. Зданіе это имѣетъ около 70 метровъ длины и весь наружный фасадъ его, выходящій на площадь, сплошь покрытъ раковинами. Трогать эту драгоцѣнную стѣну строго воспрещено, и кража одной изъ раковинъ считается тягчайшимъ преступленіемъ.

V. Нѣкоторыя вредныя слѣдствія первобытной торговли.

Племена, о которыхъ шла теперь рѣчь, далеко не представляютъ собой одного слитнаго цѣлаго. Ихъ объединяетъ только большая или меньшая принадлежность къ эѳіопской расѣ. У дагомейцевъ и ашанти, напримѣръ, примѣсь крови высшей расы, вѣроятно, очень незначительна. Впрочемъ, быть можетъ ихъ покорили выходцы изъ долины Нигера, покинувшіе свою родину еще до вторженія туда Ислама, въ такомъ случаѣ Дагомейцы и Ашанти могутъ, и оставаясь фетишистами, составлять вѣтвь эѳіопской расы, тѣмъ болѣе, что, несмотря на всю свою дикость они достигли все-таки нѣкоторой политической организаціи, и далеко оставили за собой хотя бы негровъ Габуна.

Отличительной чертой всѣхъ эѳіопскихъ колоній служитъ малое развитіе въ нихъ промышленности. Ни въ Угандѣ, ни въ землѣ кафровъ неизвѣстно ткацкое искусство, а у ашанти и въ Дагомеѣ всѣ вообще ремесла находятся въ зачаточномъ видѣ. Вслѣдствіе этого и торговля тамъ не можетъ широко развиться, по крайней мѣрѣ торговля вещами. Что касается торговли скотомъ и женщинами, то и въ землѣ кафровъ и въ Угандѣ она сильно распространена. Наконецъ, третья отрасль торговли—торговля рабами—процвѣтаетъ и въ Дагомеѣ и у ашанти, но еще не получила никакого развитія у кафровъ.

Денежными единицами во всѣхъ этихъ маленькихъ государствахъ служатъ тоже раковины, бусы и, главнымъ образомъ, коровы.

Обращаясь теперь къ результатамъ торговли въ упомянутыхъ странахъ, мы должны будемъ признать, что они поистинѣ ужасны; наибольшій вредъ приносятъ чужеземные купцы, принадлежащіе къ высшимъ расамъ. Они пробуждаютъ въ туземцахъ жажду наживы и научаютъ ихъ легкимъ способамъ обогащенія—разбоямъ, доставляющимъ

въ изобиліи живой товаръ—скотъ и рабовъ, безпрестанно требуемыхъ караванами. Мы видѣли, какимъ образомъ ведутъ свои торговыя дѣла сами эти болѣе цивилизованные коммерсанты.

А между тѣмъ эти племена, особенно живущія на крайнемъ востокѣ Африки и въ землѣ кафровъ, сравнительно хорошо одарены и, вѣроятно, способны цивилизоваться. Какая будущность ожидаетъ ихъ? Бѣлые уже ознакомили ихъ съ Библіей, опирающейся на вѣскіе доводы пушечныхъ ядеръ. А тамъ, гдѣ почему-нибудь не хватало религіозныхъ посылокъ, они просто убивали, грабили ихъ и захватывали ихъ земли на благо цивилизаціи, какъ хотятъ насъ увѣрить. Если дѣйствительно за кафрами охотятся во имя цивилизаціи, то надо сознаться, что это цивилизація жестокая, жадная и беззастѣнчивая.

Глава V.

Торговля въ промышленной полосѣ Африки.

I. Торговля въ маленькихъ магометанскихъ государствахъ.—Населеніе промышленной полосы.—Маленькія монархіи и завоеванія. — Промышленные налоги.—Хонго и саламъ.—Города.—II. Промышленность данной полосы.—Ткацкія и красильныя мастерскія.—Керамика.—Металлургія и кузнечное ремесло.—Добываніе желѣза.—Выдѣлка кожъ. — Текстильная промышленность. — Красильное искусство. — Промышленное земледѣліе. — Удобреніе. — Суррогатъ соли. — III. Денежные знаки. — Первобытныя деньги.—Каурисъ.—Желѣзо и табакъ.—Кожа. — Матеріи, замѣняющія деньги.—Происхожденіе денегъ.—IV. Торговля.—Восточное происхожденіе африканской цивилизаціи. — Періодическіе рынки.—Торговки.—Распространенные товары.—Торговля рабами въ древнемъ государствѣ Конго.—V. Торговля въ Томбукту и Кано.—Паденіе Томбукту.—Его торговля.—Промышленность въ Томбукту.—Торговая роль кочующихъ туареговъ.—VI. Кано.—Торговля и населеніе.—Промышленность.—Работа невольниковъ.—Правительственныя стѣсненія.—Значительное развитіе капской торговли.—Торговля рабами. — Деньги и кредитныя операціи.—Проценты.—VII. Развитіе торговли у негровъ.—Переходъ отъ эпохи, предшествовавшей торговлѣ, къ эпохѣ коммерческой торговли.

I. Маленькія мусульманскія государства.

Чтобы закончить изученіе торговли въ Африкѣ, намъ остается разсмотрѣть полосу Африки, тянущуюся отъ Сенегала до Дарфура и Кордофау. Полоса эта приблизительно въ двѣсти верстъ шириной граничитъ на сѣверѣ съ Сахарой. Населеніе ея тоже смѣшанное. И эѳіопы, и берберы, и арабы внесли свою долю въ созданіе его. Особенно ясные слѣды оставили на немъ арабы, проникавшіе туда вскорѣ послѣ принятія ислама. Воодушевленные религіознымъ пыломъ, они прошли всю эту полосу, превращая населявшихъ ее полу-дикарей въ ревностныхъ служителей Магомета.

Въ результатѣ постоянныхъ войнъ всѣ эти мелкія государства превратились въ абсолютныя монархіи, пополняющія свою государ-

ственную казну главнымъ образомъ разбоями и еще платой, взимаемой съ путешественниковъ. Это въ сущности тоже хонго дикарей, только носящее названіе салама. Уплачиваютъ его всѣ, безъ исключенія, путешественники, какъ купцы, такъ и не купцы. Купеческіе караваны должны уплачивать въ нѣкоторыхъ государствахъ около одной десятой стоимости всѣхъ ихъ товаровъ. *Саламъ* вносится самому государю, но вслѣдъ за нимъ требуютъ, въ свою очередь, вознагражденія и всѣ высшіе сановники. Количество требуемыхъ подарковъ колеблется въ зависимости отъ величины государства. Европейцы въ общемъ отдѣлываются, сравнительно, легче, такъ какъ привозимые ими предметы являются рѣдкостью въ тѣхъ странахъ и цѣнятся очень высоко. Путешественникъ Бартъ приводитъ нѣсколько списковъ подобныхъ саламовъ. Король Кукауа остался очень доволенъ преподнесенными ему подарками, они состояли изъ англійской бритвы, перочиннаго ножа, бумажки толстыхъ иголокъ, полуфунта гвоздей и куска душистаго мыла. Въ Борну Бартъ послалъ государю красивый шелковый шнурокъ, кожанный сакъ-вояжъ и изящный экземпляръ Корана. Наконецъ въ Логонѣ король удовольствовался нѣсколькими бездѣлушками и парой турецкихъ шароваръ.

Очевидно, что вкусы этихъ маленькихъ деспотовъ мало чѣмъ отличаются отъ вкусовъ чернокожихъ дикарей. Но ихъ селенія уже не похожи на поселки негровъ. Это скорѣе города съ прямоугольными глиняными домами вмѣсто круглыхъ хижинъ дикарей. По большей части они обнесены кругомъ глиняной же стѣной съ нѣсколькими воротами. Столица Уаріи, напримѣръ, лѣтъ 60 тому назадъ представляла собой большой городъ, имѣвшій около 20 англійскихъ миль въ окружности, обнесенный высокими и толстыми стѣнами.

II. Промышленность средней полосы.

Въ этой средней полосѣ Африки промышленность, не имѣющая ничего общаго съ европейской промышленностью, достигла сравнительно довольно высокой ступени. Въ Бадагри, напримѣръ, Клапертонъ нашелъ цѣлую небольшую ткацкую мастерскую, съ нѣсколькими ткацкими станками. Употребленіе челнока тоже извѣстно тамъ. Тканьемъ занимаются обыкновенно молодые люди, окраска же тканей лежитъ на обязанности женщинъ. Для этого онѣ погружаютъ куски матеріи въ большіе глиняные горшки, наполненные краской индиго. Горшки эти выдѣлываются тамъ же, но другая глиняная посуда вымѣнивается ими обыкновенно у европейцевъ и цѣнится довольно высоко.

Добываніе желѣза изъ руды и кузнечное ремесло извѣстны съ давнихъ поръ въ этой мѣстности. Нѣкоторые пріемы, употребляемые при ковкѣ металловъ, устройство плавильныхъ печей и мѣховъ унаслѣдованы, вѣроятно, еще отъ древнихъ эѳіоповъ.

Еще большаго развитія достигло въ промышленной полосѣ Африки кожевенное ремесло. Быть можетъ, негры обязаны въ этомъ отношеніи арабамъ-переселенцамъ. Впрочемъ, всѣмъ вообще пастушескимъ народамъ приходится постоянно имѣть дѣло съ кожами животныхъ и они волей-неволей совершенствуются въ способахъ выдѣлки ихъ. Кожевенное ремесло настолько развилось въ этой полосѣ, что оно распалось даже на нѣсколько отдѣльныхъ спеціальностей. Въ Сакату, напримѣръ, есть и сапожники, и сѣдельщики, и скорняки.

Надо замѣтить, что крупный скотъ мало распространенъ въ западной Африкѣ. Овцы и козы являются тамъ чуть ли не единственными домашними животными. Поэтому и всѣ кожевенныя издѣлія приготовляются обыкновенно изъ козьихъ шкуръ. Прядутъ женщины главнымъ образомъ тоже козью шерсть. Въ Саккату Клапертонъ нашелъ исключительно козъ и овецъ.

Въ средней Африкѣ кожевенное ремесло, вѣроятно, предшествовало ткаческому, но постепенно это послѣднее догнало и даже перегнало его. Въ настоящее время ткачество распространено во всей этой полу-цивилизованной полосѣ Африки, и вездѣ отличается одними и тѣми же характерными чертами. Ткацкіе станки тамъ чрезвычайно просты по устройству, а куски матерій коротки и, главное, узки, въ Логунѣ и въ Боркну матеріи не шире 6, 7 дюймовъ, но зато прочны и прекрасно вытканы. Мѣстами матеріи достигаютъ даже только 4 дюймовъ ширины; чтобы выкроить изъ нихъ одежду ихъ приходится сшивать въ нѣсколько рядовъ. Пряжа нитокъ лежитъ исключительно на женщинахъ; ею занимаются обыкновенно жены и старыя, заслуженныя рабыни, такъ какъ эта работа считается самой легкой и пріятной. Между тѣмъ къ ткацкому женщины совершенно не допускаются, это уже область мужского труда. Иногда матеріи ткутся изъ смѣшанныхъ нитей—бумажныхъ и шелковыхъ или шерстяныхъ и шелковыхъ. Полученныя такимъ образомъ ткани отличаются красотой и прочностью. употребляются они только самыми богатыми неграми. Работа эта вообще не трудная и въ Тиксѣ, напримѣръ, она почти каждый вечеръ заканчивается веселыми танцами молодежи.

Искусство окраски матерій не отстаетъ въ этой мѣстности отъ ткацкаго искуства. Въ нѣкоторыхъ городахъ устроены настоящія красильныя мастерскія, гдѣ производится окраска сразу большихъ партій матерій. Самый любимый цвѣтъ негровъ—синій, и самая распространенная краска—индиго. Окраска производится въ большихъ чанахъ, куда куски матеріи опускаются на дополно продолжительное время, иногда на нѣсколько дней, а иногда даже недѣли на двѣ. Такая медленность зависитъ оттого, что краска при этомъ не нагрѣвается и матерія опускается въ совершенно холодную жидкость. Нѣкоторыя мѣстности славятся особеннымъ искусствомъ въ окрашиваньи, другія — наоборотъ, сильно отстали въ этомъ отношеніи и даже предпочитаютъ совсѣмъ не красить матеріи.

Вообще надо сказать, что промышленность въ этой средней полосѣ Африки хотя и не вездѣ стоитъ на одинаковой ступени, но достигла все-таки въ среднемъ значительной высоты и потому полоса эта можетъ бить по праву названа промышленной.

Впрочемъ, и земледѣліе развито тамъ нисколько не менѣе. Хлопчатая бумага, табакъ и нѣкоторыя растенія, дающія красящія вещества, воздѣлываются тамъ почти повсемѣстно. Изъ растеній, идущихъ въ пищу, особеннымъ распространеніемъ пользуются тамъ лукъ, ипинатъ, бананы и маніокъ, а изъ хлѣбныхъ растеній—просо, рожь и рисъ. Во многихъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Балтку и въ Мусгу ведется, по словамъ Барта, довольно правильная обработка полей, примѣняется даже унаваживанье. Лошади почти неизвѣстны въ западной части этой полосы, но чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ они встрѣчаются все чаще и чаще.

Соль составляетъ тамъ, какъ и вездѣ. настоятельную потребность населенія, добывается же она съ большимъ трудомъ. Мѣстами ее замѣняютъ разными суррогатами—золой нѣкоторыхъ растеній и т. п.

Такой относительно высокій уровень промышленности естественно влечетъ за собой и большую потребность и склонноть къ обмѣну. а слѣдовательно, приводитъ въ концѣ концовъ къ развитію торговли.

III. О деньгахъ.

Естественно предположить, что въ этихъ маленькихъ государствахъ съ довольно сложнымъ государственнымъ устройствомъ и развитою промышленностью, торговля тоже не должна стоять на самой первобытной ступени. Непосредственцй обмѣнъ тамъ уже почти не практикуется, вездѣ приняты какіе-нибудь денежные знаки. Наиболѣе распространеннымъ изъ нихъ остается здѣсь по прежнему раковина—каурисъ; она является самой мелкой денежной единицей. Мѣстами, впрочемъ, она теряетъ свой характеръ — монеты и, попадая въ руки негровъ-фетишистовъ, пріобрѣтаетъ свое первоначальное назначеніе—служить украшеніемъ. Эту первобытную мѣновую единицу замѣняютъ мѣстами другія, болѣе поздняго происхожденія. Изъ нихъ особенно распространены куски кожи, называемые *ротль*, и полосы желѣза. Въ Кермикѣ, столицѣ Логгуна, деньгами служили связки тонкихъ желѣзныхъ пластинокъ, отъ 10 до 12 штукъ въ связкѣ. Эти пластинки колебались въ цѣнѣ и каждую среду (базарный день) султанъ объявлялъ ихъ курсъ; эти постоянныя колебанія давали поводъ къ разнымъ спекуляціямъ, мѣстные коммерсанты съ успѣхомъ вели игру на повышеніе и пониженіе, совершенно какъ на нашихъ биржахъ.

Но на первомъ мѣстѣ по распространенности въ качествѣ денежной единицы во всей промышленной полосѣ Африки стоятъ куски матеріи опредѣленной ширины и длины. Самой мелкой монетой служитъ

такъ называемая *нананди*, кусокъ бумажной ткани въ четыре сажени длины и два съ половиной дюйма ширины. Семь такихъ *нананди* составляютъ *дору*. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ изготовленіе этихъ нананди составляетъ главное занятіе жителей. Вѣроятно, эти узкія полосы матеріи стали употребляться въ качествѣ мѣновыхъ знаковъ именно по причинѣ ихъ узости, такъ какъ они не громоздки и легко поддаются дѣленію на части. Впрочемъ. мѣстами приняты также матеріи обыкновенной ширины, идущія для одежды.

Теперь, когда намъ извѣстна промышленность центральной Африки и различные виды денежныхъ единицъ, распространенныхъ тамъ, мы можемъ обратиться къ изученію различныхъ способовъ торговли, существующихъ въ ней.

IV. Торговля.

Нельзя ожидать, чтобы торговля на всемъ протяженіи промышленной полосы Африки стояла на одной и той же ступени развитія. Эта полоса вообще значительно мѣняетъ свой характеръ по мѣрѣ передвиженія отъ запада къ востоку. Восточная ея часть достигла значительно высшаго уровня культуры, чѣмъ западная. Сообразно съ этимъ и торговля гораздо менѣе оживлена, и пріемы ея гораздо проще на западѣ. На нижнемъ теченіи Нигера негры, не привыкшіе къ обмѣну, торгуются цѣлые мѣсяцы, раньше, чѣмъ рѣшатся продать какую-нибудь лодку. Иначе обстоитъ дѣло въ наиболѣе промышленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ процвѣтаетъ и земледѣліе, и скотоводство, и промышленность. Несмотря на большіе и часто совершенно произвольные налоги, взимаемые правителями съ купцовъ, торговля тамъ идетъ чрезвычайно живо. Почти повсюду есть правильные періодическіе базары, на которыхъ можно встрѣтить не только мѣстныя произведенія, но и европейскіе товары. Въ нѣкоторыхъ городахъ базары эти устраиваются ежедневно и на нихъ продаются главнымъ образомъ разные плоды, овощи, птицы, овцы и козы, инструменты и мѣстныя матеріи. Рядомъ съ этими базарами, служащими исключительно для удовлетворенія потребностей мѣстныхъ жителей, существуютъ и другого рода базары, устраиваемые черезъ значительные промежутки времени. Эти послѣдніе носятъ скорѣе характеръ ярмарокъ, районъ ихъ бываетъ очень широкъ, они привлекаютъ товары и покупателей иногда за сотни миль. На такія ярмарки, напримѣръ, на ярмарку въ Кукѣ, собирается до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Кромѣ тѣхъ же продуктовъ, которые продаются въ меньшихъ количествахъ и на обыкновенныхъ базарахъ, однимъ изъ главныхъ товаровъ на этихъ ярмаркахъ служатъ рабы. Рабы продаются обыкновенно въ розницу и представляютъ чрезвычайно выгодный товаръ. Купецъ, пріобрѣвшій ихъ въ центральной Африкѣ за нѣсколько *нананди*, перепродаетъ на ярмаркѣ въ 10, 15 разъ дороже. Черезъ руки болѣе крупныхъ промышленниковъ проходятъ тысячи рабовъ. Конечно, эта тор-

говля велась еще оживленнѣе въ то время, когда дѣятельное участіе въ ней принимали европейскіе купцы.

V. Торговля въ Томбукту.

Мы остановимся теперь болѣе подробно на разсмотрѣніи торговли въ двухъ коммерческихъ центрахъ средней Африки—Томбукту и Кано.

Томбукту былъ нѣкогда столицей могущественнаго государства и крупнымъ торговымъ городомъ. Теперь онъ утратилъ большую часть своего прежняго значенія. Тѣмъ не менѣе, это большой городъ, не менѣе трехъ миль въ окружности съ настоящими каменными домами. Равнина, на которой расположенъ Томбукту, совершенно безводна и безплодна, она составляетъ прямое продолженіе Сахары. Каждый годъ Нигеръ разливается и затопляетъ окружающія городъ лагуны. Хлѣбныя растенія не вызрѣваютъ на этой почвѣ и ихъ привозятъ въ Томбукту съ верховьевъ Нигера и главнымъ образомъ изъ Сасанди. Хлопчатую бумагу, масло и овощи доставляются изъ Іене, и даже воду для питья рабы должны издалека привозить на ослахъ. Однимъ словомъ Томбукту живетъ исключительно торговлей и всецѣло зависитъ отъ каравановъ, приходящихъ главнымъ образомъ изъ Марокко и изъ оазиса Гадамесъ.

Но самымъ важнымъ предметомъ ввоза въ Томбукту служитъ соль. Цѣлые караваны доставляютъ ее туда, и потомъ верблюды остаются отдыхать и кормиться въ городѣ мѣсяцевъ шесть. Въ Томбукту цѣлая часть города заселена одними солеторговцами. Вообще Томбукту обязанъ своимъ существованіемъ исключительно выгодному положенію на среднемъ теченіи Нигера—этой главной торговой дорогѣ западной Африки.

Изъ разныхъ видовъ промышленности въ Томбукту больше всего развилось кожевенное производство. Тамошніе ремесленники выдѣлываютъ очень искусно разныя кожаныя вещи: саквояжи, чемоданы, подушки и т. п. Изъ другихъ ремеслъ развилось только кузнечное и отчасти ювелирное. Ткачество же, напримѣръ, почти совершенно неизвѣстно, такъ что матеріи тамъ употребляются исключительно привозныя и преимущественно европейскія, изъ которыхъ жители шьютъ нѣчто вродѣ арабскихъ бурнусовъ. Торговля съ европейцами, впрочемъ, имѣетъ мало значенія для Томбукту, такъ какъ европейскіе купцы рѣдко и съ большими затрудненіями могутъ проникать туда. Вообще въ настоящее время роль коммерческаго центра Африки переходитъ отъ Томбукту къ Кано. И, вѣроятно, европейскія государства не замедлятъ оспаривать другъ у друга протекторатъ надъ Кано.

VI. Кано.

Въ настоящее время Кано является дѣйствительно торговымъ центромъ Судана. Прежняя роль Томбукту цѣликомъ перешла къ нему. Какъ и всѣ негритянскіе города, Кано представляетъ собой поселеніе,

состоящее отчасти изъ каменныхъ домовъ, главнымъ же образомъ изъ конусообразныхъ хижинъ. Вокругъ онъ обнесенъ укрѣпленной стѣной. Въ немъ считается до 30 тысячъ постояннаго населенія, а если къ нему причислить разный пришлый торговый и бродячій людъ, круглый годъ наводняющій Кано, то цифра эта, по меньшей мѣрѣ, удвоится.

Кано имѣетъ одно громадное преимущество передъ Томбукту; въ противоположность этому послѣднему, онъ расположенъ въ чрезвычайно плодородной мѣстности, что, конечно, сильно вліяетъ на благосостояніе жителей. Улицы его представляютъ собой почти сплошной рядъ прекрасныхъ магазиновъ, и по нимъ безостановочно двигается шумная и пестрая толпа. Тамъ идетъ за провизіей скромная негритянка съ корзинкой, рядомъ съ ней сверкаетъ жемчугомъ и бриллiантами, разодѣтая въ яркіе цвѣта куртизанка. Тутъ богатый коммерсантъ въ шелковомъ халатѣ ведетъ за собой толпу полуголыхъ рабовъ. Оживленіе не уступаетъ крупнымъ европейскимъ центрамъ, но общій колоритъ восточный и даже типично африканскій.

Но не одни магазины наполняютъ Кано, въ немъ разсѣяна цѣлая масса маленькихъ мастерскихъ, ткацкихъ, кожевенныхъ и другихъ; кромѣ того, прекрасная почва позволяетъ жителямъ заниматься непосредственно подъ городомъ земледѣліемъ и скотоводствомъ. Такимъ образомъ, Кано не только торговый, но и промышленный центръ.

Вообще свободные жители Кано могли бы жить прекрасно, если бы не грабежи сосѣдей и не поборы своего князя. Этотъ послѣдній слишкомъ стремится проявлять свою власть, какъ всегда въ монархическихъ государствахъ и заставляетъ подданныхъ слишкомъ дорого платиться за свое вмѣшательство въ ихъ дѣла. Всѣ магазины—собственность государя и за наемъ ихъ купцы уплачиваютъ его чиновникамъ налогъ. Князь же налагаетъ произвольныя пошлины на всѣ товары. Двѣ трети всѣхъ плодовъ и овощей, вывозимыхъ на базаръ, должны представляться ко двору. Всякій чужестранецъ тоже обязанъ дѣлать подарки правителю. Хотя въ общемъ подарки эти значительно менѣе тяжело ложатся на путешественника, чѣмъ *хонго* восточной Африки. Вообще жизнь въ Кано довольно дешева. Цѣлая семья можетъ прожить тамъ въ годъ на 60.000 каурисъ; при томъ, что 2.500 этихъ раковинъ равняются одному австрійскому флорину.

Область торговыхъ сношеній Кано очень велика. Она простирается въ разныя стороны до Мурсука, Рата, Триполи, Томбукту, Дарфура и даже до Атлантическаго океана. Изъ Европы тоже доставляются въ Кано различные товары. Манчестерскія бумажныя ткани, французскій шелкъ, саксонское полотно, нюренбергское стекло, солингенская сталь и т. п.

Въ свою очередь, Кано вывозитъ мѣстныя бумажныя ткани, идущія на женскія туники и мужскіе плащи и другіе продукты своей промышленности. Но главный товаръ, на которомъ основывается торговля

Кано—остаются по прежнему рабы. Цѣлые караваны ихъ привозятся туда изъ центральной Африки и около пяти тысячъ вывозится ежегодно въ Борну, Фецданъ и Ратъ. Большая же часть ихъ раскупается въ самомъ Кано, такъ какъ все земледѣліе и скотоводство Кано держится на рабахъ.

Удивительно, что при такой оживленной торговлѣ, почти единственной денежной единицей въ Кано служатъ все тѣ же раковины—каурисъ. Между тѣмъ, оставляя ихъ крайнюю малоцѣнность, онѣ чрезвычайно громоздки и неудобны для перевозки. На одного верблюда можно нагрузить ихъ не болѣе 150.000. Европейскія монеты тоже извѣстны въ Кано, но не пользуются распространеніемъ. Такая неудобная монета при оживленныхъ торговыхъ оборотахъ неизбѣжно ведетъ къ возникновенію различныхъ кредитныхъ операцій.

И дѣйствительно, духъ спекуляціи чрезвычайно силенъ въ Кано. Бартъ разсказываетъ, что однажды во время пребыванія въ Кано у него не хватило денегъ. Государь тотчасъ же приказалъ купцамъ ссудить путешественнику двѣсти долларовъ. Они безпрекословно исполнили это, но по возвращеніи изъ Триполи по истеченіи четырехмѣсячнаго срока онъ долженъ былъ возвратить эту сумму и уплатить 300%. Очевидно, что кредитныя операціи не были тутъ новостью.

VII. Эволюція торговли у негровъ.

Теперь, заканчивая обзоръ негритянскихъ племенъ, мы можемъ подвести итоги эволюціи торговли у нихъ. Прежде всего тутъ, какъ и вездѣ существовала эпоха, предшествующая торговлѣ, когда никто не помышлялъ объ обмѣнѣ. Всякій родъ довольствовался тѣмъ, что имѣетъ, внутри у него все было общее, съ другими же кланами существовали только враждебныя отношенія.

Потомъ дѣлается шагъ впередъ, начинаютъ накопляться предметы уже не первой необходимости, появляется личная собственность. Отдѣльные члены клана владѣютъ иногда въ избыткѣ рабами, женщинами, украшеніями, продуктами земледѣльческой промышленности и т. п. Тогда начинаетъ практиковаться обмѣнъ. Сперва торгующія стороны пытаются обмѣниваться товарами, не входя въ непосредственныя сношенія. Но скоро этотъ способъ обмѣна, вызванный взаимнымъ страхомъ и въ то же время опирающійся на взаимное довѣріе, смѣняется другимъ, при которомъ происходитъ прямой обмѣнъ изъ рукъ въ руки. Какъ мы видѣли въ Нубіи, такой обмѣнъ происходитъ обыкновенно въ опредѣленные дни подъ защитой вооруженныхъ людей. Въ это время торговыя сношенія еще очень незначительны, онѣ становятся болѣе оживленными гораздо позднѣе, когда промышленность достигаетъ извѣстнаго развитія и сумма ея произведеній на много превышаетъ потребности населенія.

Единственно путемъ соціальной эволюціи всѣ народы достигли бы раньше или позже этого періода, который можно уже съ полнымъ правомъ назвать торговымъ. Но народы, нѣсколько запоздавшіе въ своемъ развитіи, обыкновенно вступаютъ на путь торговли при содѣйствіи болѣе культурныхъ расъ. Эти послѣднія стараются побороть ихъ равнодушіе къ торговлѣ, возбуждая ихъ жадность видомъ неизвѣстныхъ еще имъ предметовъ—украшеній, опьяняющихъ напитковъ и т. п.

Слѣдующая фаза, уже безспорно промышленная и торговая, встрѣчается изъ всѣхъ негритянскихъ странъ только въ средней полосѣ Африки. Тамъ и промышленность, и торговля спеціализировались, что стало возможнымъ, благодаря сильному развитію рабства. Наиболѣе тяжелыя работы, удовлетворяющія первымъ потребностямъ—земледѣліе, скотоводство—легли всецѣло на рабовъ, а свободное населеніе занялось ткацкимъ, кузнечнымъ и другими ремеслами, торговля продуктами которыхъ особенно выгодна.

Развитіе промышленности и торговли въ средней полосѣ Африки обязано, главнымъ образомъ, вліянію чужеземныхъ народовъ, ускорившихъ совершавшуюся тутъ эволюцію.

Но, какъ только торговля достигла извѣстной ступени развитія, непосредственный обмѣнъ товарами представилъ много неудобствъ, замедляя процессъ торговли. Тотчасъ же стали выдѣляться нѣкоторые товары, съ которыми сравнивались остальные, т. е. первоначальные денежные знаки. Чаще всего въ качествѣ такихъ денежныхъ единицъ фигурировали предметы роскоши, украшенія. Самымъ первобытнымъ изъ такихъ денежныхъ знаковъ можно считать раковины—*каурисъ*. Они употребляются и на островахъ Великаго Океана, и въ Африкѣ и вездѣ служили или служатъ въ тоже время украшеніями. Матеріи, играющія ту же роль, можно то же считать предметами роскоши, такъ какъ это, главнымъ образомъ, яркія ткани, служащія для нарядныхъ одеждъ.

Замѣтимъ, что настоящія золотыя и серебрянныя монеты, подобныя нашимъ, въ Африкѣ совсѣмъ не употребляются. Если и можно встрѣтить тамъ иногда такія монеты, то только привезенныя извнѣ; въ качествѣ денежныхъ знаковъ онѣ почти совсѣмъ не имѣютъ распространенія, ихъ употребляютъ только женщины, также какъ и мѣстныя монеты, для украшенія, изъ нихъ устраиваютъ обыкновенно ожерелья.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Желтыя расы.

Глава VI.

Торговля въ Полинезіи.

I. Желтокожіе и Полинезійцы.—Монгольское населеніе Азіи.—Монголы на Великомъ океанѣ.—Теорія о малайскомъ происхожденіи полинезійцевъ.—Критика этой теоріи.—Переселенія полинезійцевъ.—II. Полинезійская промышленность.—Полинезійскія пироги и ихъ устройство.—Торговыя путешествія.—Предметы промышленности и декоративная скульптура. — Матеріи изъ бумаги и окраска ихъ. — Соляныя варницы на Сандвичевыхъ островахъ.— Разведеніе плодовыхъ деревьевъ. — Домашнія животныя.—III. Торговля.—Торговыя сношенія между Тонга и Вити.—Господство собственности.—Семейное производство.—Обычай подарковъ.—Терпимость къ воровству. Незначительность торговыхъ обмѣновъ.—Старинные способы торговли. — Страсть къ желѣзу.—Гвозди въ качествѣ денежныхъ единицъ.—Женщины.—Красныя перья и ихъ цѣнность.—Первые случаи продажи земли европейцамъ.—Желѣзо замѣняетъ камень.—Торговая неопытность и европейскія монеты.—IV. Происхожденіе торговли въ Полинезіи.—Родовая промышленность.—Переходъ отъ подарковъ къ обмѣну.—Грабежъ замѣняетъ торговлю.

I. Желтокожіе и полинезійцы.

Желтокожіе или монголы—это самая многочисленная изъ трехъ человѣческихъ расъ, покрывающихъ землю. Большая часть ея населяетъ азіатскій материкъ. Къ ней относятся прежде всего четырехсотъ-милліонный китайскій народъ и другіе народы, претерпѣвшіе въ той или другой степени вліяніе китайской цивилизаціи: японцы, кочующія племена сѣверной Азіи, индо-китайцы и т. д.

Къ этой же монгольской расѣ принадлежатъ и желтокожіе туземцы Америки и обитатели многочисленныхъ острововъ Великаго океана: Каролинскихъ, Маріанскихъ, Микронезійскихъ и т. д. Наконецъ, къ ней же причисляются и полинезійцы, хотя въ достовѣрности происхожденіе ихъ и до сихъ поръ неизвѣстно. Относительно этого существуютъ три теоріи. Согласно одной изъ нихъ, полинезійская раса совершенно самостоятельна и представляетъ собой остатокъ какой-то крупной расы, первоначально населявшей погибшій материкъ, отъ котораго сохранились только небольшія части, извѣстныя подъ именемъ полинезійскихъ острововъ.

Возраженіемъ противъ этой теоріи служитъ, во-первыхъ, то, что острова эти всѣ коралловаго происхожденія, слѣдовательно, постепенно и медленно выростали на поверхности океана. Во-вторыхъ, въ Полинезіи извѣстно очень небольшое количество породъ млекопитающихъ животныхъ, такъ что мало вѣроятно, чтобы тамъ возникла самостоятельная человѣческая раса.

Вторая теорія объясняетъ происхожденіе полинезійцевъ переселеніемъ съ Малайскаго архипелага. Противъ нея можно тоже многое возразить и самое существенное то, что въ этой части Великаго океана существуетъ постоянное теченіе и постоянные вѣтра, дующіе съ востока на западъ, т.-е. какъ разъ въ направленіи отъ Полинезіи къ Малайскому архипелагу. Даже европейцамъ до изобрѣтенія паровыхъ машинъ было трудно противиться двойному напору и вѣтра, и теченія, туземцы же на своихъ пирогахъ едва ли могли переплывать значительныя разстоянія при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Остается третья теорія, согласно которой Полинезія заселилась переселенцами съ разныхъ другихъ великоакеанскихъ острововъ и, главнымъ образомъ, изъ Америки. Переѣздъ оттуда въ Полинезію, напротивъ, чрезвычайно облегчается попутнымъ вѣтромъ и теченіемъ. Это предположеніе подтверждается послѣдними научными экспедиціями, предпринятыми туда изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Во время этихъ изысканій найдены были въ Полинезіи характерныя пластинки съ надписями, несомнѣнно американскаго происхожденія. Переселенія въ Полинезію совершались, вѣроятно, въ такихъ же двойныхъ пирогахъ, какія и до сихъ поръ употребляются туземцами.

II. Полинезійская промышленность.

Эти двойныя пироги съ давнихъ поръ возбуждали удивленіе европейцевъ; не надо забывать при этомъ, какими первобытными инструментами пользовались полинезійцы для постройки ихъ. Пироги эти представляютъ собой двѣ лодки, сдѣланныя каждая изъ цѣльнаго куска дерева отъ 40 до 50 футовъ длины. Лодки связаны другъ съ другомъ довольно большой палубой, на которой во время далекихъ походовъ полинезійцевъ помѣщались воины. На ней иногда возвышалось нѣчто вродѣ рубки. Такія пироги подымаютъ болѣе 40 человѣкъ. Ходятъ онѣ подъ однимъ или двумя парусами изъ цыновокъ, а противъ вѣтра на веслахъ.

Какими же инструментами пользовались они для постройки такихъ, сложныхъ сооруженій? Посѣтивъ въ первый разъ полинезійцевъ, европейцы нашли у нихъ только—базальтовые топоры, сверло и скребокъ изъ коралловъ и кожу одного вида рыбъ для полированія дерева. Чтобы срубить одно дерево для пироги, нѣсколько островитянъ должны были работать нѣсколько дней. На своихъ пирогахъ островитяне предпринимали иногда довольно большія путешествія. Такъ, жители Тонго ѣздили на острова Фиджи или Вити, т. е. за 150 верстъ. Это разстояніе они проѣзжали обыкновенно въ трое сутокъ, направляя свой путь днемъ по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Они знаютъ главнѣйшія созвѣздія, изучили ихъ движенія по небесному своду и даже дали имъ свои названія. Въ облачную погоду единственными ихъ руководителями служатъ вѣтеръ и теченіе.

Путешествія изъ Тонго на острова Вити имѣли иногда торговую

цѣль. Жители Тонго, не знавшіе, какъ и всѣ вообще полинезійцы, гончарнаго искусства, привозили съ острововъ Вити глиняные сосуды и перья красныхъ попугаевъ—предметъ, цѣнимый очень высоко въ Полинезіи; кромѣ того они вывозили оттуда сандальное дерево, твердые камни для топоровъ и даже иногда животныхъ. Такъ, капитанъ Кукъ разсказываетъ, что когда онъ первый разъ посѣтилъ острова Тонга, тамъ совсѣмъ не было собакъ; но черезъ нѣсколько лѣтъ онъ заѣхалъ туда вторично и нашелъ довольно много этихъ животныхъ. Оказалось, что туземцы перевезли ихъ съ острововъ Фиджи.

Впрочемъ, примѣры такихъ далекихъ путешествій съ торговыми цѣлями встрѣчаются очень рѣдко въ Полинезіи. Всякій маленькій архипелагъ, всякій островъ даже, имѣетъ свою промышленность, совершенно сходную съ промышленностью сосѣднихъ острововъ и вполнѣ удовлетворяющую ограниченнымъ потребностямъ его обитателей. Обмѣнъ при этомъ условіи не вызывается необходимостью.

Полинезійская промышленность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достигла довольно значительнаго совершенства. Всѣ издѣлія изъ дерева—стулья, посуда, инструменты и т. п.—сдѣланы у нихъ чрезвычайно искусно и иногда даже изящно. Но особенно поразительна ихъ способность и страсть къ деревянной орнаментировкѣ. Пироги ихъ украшены такими тонкими деревянными рельефами, которые сдѣлали бы честь любому европейскому мастеру.

Матеріи, выдѣлываемыя ими изъ одного вида папируса тоже отличаются разнообразіемъ и вкусомъ въ отдѣлкѣ. Они окрашиваютъ ихъ обыкновенно при помощи соковъ разныхъ растеній въ красный, желтый и розовый цвѣта и даже иногда пропитываютъ благовоніями. Очень искусны они также въ изготовленіи корзинъ, сѣтей и удочекъ для рыбной ловли. Но рядомъ со всѣмъ этимъ въ полинезійской промышленности встрѣчаются иногда странные, ничѣмъ необъяснимые пробѣлы. Такъ, напримѣръ, гончарное искусство совершенно неизвѣстно имъ, тогда какъ малайцы и папуасы, стоящіе въ промышленномъ отношеніи гораздо ниже ихъ, давно уже знакомы съ нимъ. Между прочимъ, полинезійцы обладаютъ еще однимъ искусствомъ, совершенно чуждымъ первобытнымъ народамъ,—они умѣютъ извлекать соль изъ морской воды. На берегахъ Сандвичевыхъ острововъ капитанъ Кукъ видѣлъ цѣлыя приспособленія для этого. Въ землѣ вырыты квадратныя ямы отъ 6 до 8 футовъ ширины и около 8 дюймовъ глубины. Внутри онѣ тщательно обложены глиной. Въ нихъ выпаривается морская вода. Чтобы объяснить такія противорѣчія въ развитіи полинезійской промышленности, надо допустить, что первые переселенцы въ Полинезію принесли съ собой уже въ готовомъ видѣ нѣкоторыя знанія и искусства, заимствованныя у какой-нибудь варварской цивилизаціи.

Изъ земледѣльческихъ работъ они занимаются, главнымъ образомъ, разведеніемъ плодовыхъ деревьевъ—банановъ, кокосовыхъ пальмъ, хлѣбнаго дерева и т. п.

Домашнихъ животныхъ въ Полинезіи очень мало; изъ млекопитающихъ они знаютъ только собаку и свинью. Притомъ собака, также какъ и свинья, воспитывается у нихъ только на убой. Дружескихъ отношеній между человѣкомъ и собакой тамъ совсѣмъ не существуетъ; и удивительно, что тамошняя собака или утратила, или совсѣмъ не имѣла способности лаять. Этотъ способъ выраженія своихъ чувствъ оказывается исключительнымъ достояніемъ цивилизованныхъ собакъ. Главную пищу доставляетъ полинезійцамъ, конечно, море.

III. Торговля.

Обмѣнъ между островами Тонга и Вити представляетъ собою явленіе исключительное, вообще же случаи торговаго обмѣна были очень рѣдкимъ явленіемъ въ Полинезіи. Объясняется это тѣмъ, что до знакомства съ европейцами никакихъ условій, благопріятствующихъ появленію торговли въ Полинезіи, не было. Съ одной стороны, каждая полинезійская семья производила все необходимое для своего потребленія и производила совершенно такъ же, какъ и всѣ ея сосѣди. Съ другой стороны вся земля въ Полинезіи считалась собственностью государей. Да и права на движимое имущество подданныхъ были довольно ограничены. Государь могъ присвоить себѣ любой предметъ, находившійся во владѣніи его подданнаго.

Когда государь совершалъ путешествіе по своимъ владѣніямъ, глашатаи наканунѣ извѣщали объ этомъ населеніе, выкрикивая во всѣхъ поселкахъ: «Доставайте подарки». И всякій выносилъ государю подарокъ сообразно своимъ средствамъ.

Полинезійцы имѣютъ обыкновеніе селиться по нѣсколько семей въ одной хижинѣ. Такія хижины достигаютъ иногда 60 футовъ длины и даже болѣе. Внутри этихъ маленькихъ группъ всѣ работы производятся сообща. Женщины вмѣстѣ выдѣлываютъ свои бумажныя матеріи, иногда въ нѣсколько сотъ футовъ длины, мужчины вмѣстѣ вяжутъ громадные невода.

Кромѣ того, въ Полинезіи существуетъ еще одинъ характерный обычай. Мужчины часто заключаютъ между собой союзы тѣсной дружбы. У такихъ друзей—*тайо* или *икоа* все считается общимъ, не исключая и женъ. И даже жены сочли бы себя глубоко оскорбленными, если бы друзья не воспользовались своимъ правомъ.

Всѣ эти обычаи показываютъ, что отношеніе къ собственности у полинезійцевъ совершенно своеобразное, не похожее на европейское представленіе о ней.

Обычай дѣлать и принимать подарки пользуется большимъ распространеніемъ въ Полинезіи. «Казалось,—разсказываетъ Кукъ о жителяхъ острововъ Друзей,—что они даже больше любятъ дарить, чѣмъ получать подарки; тѣ, которые не могли подойти къ намъ ближе, бросали намъ черезъ головы другихъ цѣлые куски матерій, не прося и не ожидая ничего въ обмѣнъ... И старики, и молодые, и мужчины, и

женщины обнимали насъ, цѣловали намъ руки, прижимали ихъ къ своей груди и смотрѣли на насъ съ такой любовью, что мы, положительно, были тронуты».

Подарками въ Полинезіи всегда осыпаютъ путешественниковъ. На корабли имъ постоянно присылаютъ цѣлыя массы мѣстныхъ фруктовъ и всего, что имъ нравится. Только вещи, полученной на память отъ друга, ни одинъ полинезіецъ никогда не подаритъ и не промѣняетъ.

Не менѣе склонны островитяне и получать подарки. На корабль Кука явилось все многочисленное семейство короля съ острововъ Тайти, и всѣ дяди, тетки и племянники правителя безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти выпрашивали у англичанъ разныхъ плѣнившихъ ихъ бездѣлушекъ. И продѣлывали они все это съ такими умилительными взглядами и жестами, что отказать не было возможности. Молодыя женщины называли матросовъ «братьями» — старушки просили «не отказать доброй бабушкѣ» и т. п. Получивъ, что имъ хотѣлось, они сейчасъ же послали на берегъ и съ своей стороны одарили чужестранцевъ красивыми туземными матеріями розоваго, краснаго и соломеннаго цвѣта. На большей части острововъ Полинезіи смутное представленіе о частной собственности влечетъ за собой свободное отношеніе не только къ своей, но и къ чужой собственности. Воровство почти нигдѣ не считается преступленіемъ. Входъ въ хижины островитянъ обыкновенно заѣшивается только цынковкой и всякій легко можетъ утащить изъ чужого дома, что̀ ему приглянется. Но у хозяина есть средство защитить свое имущество. Ему стоитъ только повѣсить надъ дверями пучекъ священныхъ полосокъ, и тогда все находящееся въ домѣ считается *табу*, т. е. неприкосновеннымъ. Нарушеніе *табу*, а также кража вещей, принадлежащихъ непосредственно королю, считается тяжкимъ преступленіемъ.

Случаи торговаго обмѣна между островитянами чрезвычайно рѣдки, но все-таки иногда бываютъ. Такъ, напримѣръ, женѣ одного новозеландскаго начальника очень понравилась красивая цыновка, принадлежавшая другой женщинѣ. Послѣдняя ни за что не соглашалась уступить ее. Тогда начальникъ началъ всячески соблазнять ее, досталъ нѣсколько красныхъ перьевъ попугая и воткнулъ въ прически стоявшихъ тутъ же женщинъ. Собственница долго колебалась, но, наконецъ, не устояла, обмѣнъ совершился, и начальникъ тутъ же поднесъ женѣ желанную цыновку.

Живой товаръ тоже служилъ иногда предметомъ обмѣна въ Новой Зеландіи. Такъ, одинъ начальникъ, по словамъ Марсдена, купилъ себѣ молодого раба за 20 корзинъ сладкихъ бататовъ.

Одинъ фактъ, сообщенный Валлисомъ, указываетъ, повидимому, что и въ Полинезіи существовалъ обычай заглазнаго обмѣна. На островахъ Таити между англичанами и островитянами произошла небольшая ссора. Чтобы возстановить миръ, таитяне расположили по своему берегу рѣки, отдѣлявшей ихъ отъ англичанъ, связанныхъ свиней, собакъ и куски матеріи. Когда они удалились, англичане подплыли въ лодкахъ, взяли

животныхъ, а матеріи оставили, положивъ рядомъ съ ними топоры, гвозди и т. п. Увидѣвъ, что матеріи не тронуты, туземцы прибавили еще свиней и собакъ, чтобы удовлетворить противную сторону.

Гвозди и вообще разные желѣзные предметы всего охотнѣе принимались полинезійцами въ обмѣнъ на ихъ товары. Иногда видъ желѣза, неизвѣстнаго имъ раньше, до того возбуждалъ ихъ жадность, что они пытались силой вырвать его у путешественниковъ или утащить съ помощью хитрости. Но существуетъ еще одинъ предметъ, который цѣнится туземцами еще выше желѣза—это красныя перья попугаевъ (полинезійцы отлично умѣютъ различать ихъ и ни за что не возьмутъ крашенныхъ), за нихъ можно получить все, что угодно, начиная отъ матерій и плодовъ, и кончая женщинами. Одинъ вождь таитянъ, узнавъ, что у капитана Кука есть драгоцѣнныя перья, явился къ нему на корабль съ женой и предлагалъ ее взамѣнъ за нѣсколько перьевъ. Жена тоже поддерживала его просьбы и всѣми способами старалась склонить Кука на такую сдѣлку.

Вообще торговля женщинами составляетъ самое обычное явленіе въ Полинезіи, отцы и мужья съ готовностью уступаютъ желающимъ на время своихъ женъ и дочерей.

Новозеландскіе правители постоянно предлагаютъ своихъ женъ и подданныхъ за соотвѣтствующее вознагражденіе европейцамъ, и притомъ вся плата идетъ не самой женщинѣ, а предложившему ее вождю. Женщина же можетъ удержать себѣ только то, что она успѣетъ выманить или украсть сверхъ условленной платы. И женщины въ этомъ отношеніи обыкновенно не плошаютъ, онѣ стараются захватить съ собой все, что попадется подъ руку. Правитель имѣетъ право торговать такимъ образомъ только рабынями и незамужними женщинами; для замужнихъ же необходимо согласіе мужа, измѣна безъ его разрѣшенія строго наказывается.

На островахъ Таити торговля женщинами происходитъ еще проще. Валлисъ разсказываетъ, что при приближеніи его корабля на встрѣчу ему выѣхала пирога, наполненная голыми женщинами. Мужчина, предлагавшій ихъ, наигрывалъ на туземной флейтѣ, извлекая изъ нея звуки носомъ. На берегу женщины сами предлагали себя главнымъ образомъ за гвозди, такъ что матросы начали даже таскать гвозди изъ корабля. Иногда же ихъ предлагали мужчины, отцы приводили своихъ дочерей, тщательно опредѣляя съ помощью кусочка дерева, какой величины долженъ быть гвоздь, служащій платой. Женщины высшихъ классовъ держали себя нѣсколько болѣе сдержанно, хотя и ихъ мужья иногда предлагали.

На Маркизовыхъ островахъ каждый подплывающій корабль положительно осаждаютъ женщины. Иногда ихъ подвозитъ на пирогахъ кто-нибудь изъ мужчинъ и предлагаетъ или въ обмѣнъ на что-нибудь, или въ качествѣ подарка. Нѣкоторые отцы считаютъ даже за честь для себя, когда путешественники принимаютъ ихъ дочерей, и въ бла-

годарность сами дѣлаютъ имъ подарки. Иногда женщины просто вплавь слѣдуютъ за кораблемъ и съ легкостью взбираются на палубу. На утро онѣ возвращаются на берегъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ отцы, мужья и братья и отбираютъ у нихъ подарки, полученные отъ матросовъ. Наканунѣ мужчины тоже провожаютъ ихъ на берегъ, и когда онѣ бросаются въ воду, тѣ даютъ имъ послѣднія внушенія. «Уи,—раздаются вслѣдъ имъ восклицанія,—не забудь соленую рыбу!»—«Тахіо, попроси для меня пороху!»—«Ману, принеси мнѣ ожерелье!» А въ это время женщины стараются перегнать другъ друга и раньше приплыть на корабль. Опоздавшія, найдя всѣ мѣста занятыми, должны со стыдомъ возвращаться на берегъ, и ихъ сопровождаютъ насмѣшливыя восклицанія счастливыхъ соперницъ.

Такіе же нравы господствуютъ и на всѣхъ остальныхъ островахъ Полинезіи.

Теперь, впрочемъ, подъ вліяніемъ европейцевъ, въ Полинезію проникаютъ нѣкоторые обычаи, прежде совершенно неизвѣстные тамъ. Такъ, напримѣръ, земля считалась раньше въ Полинезіи собственностью правителей и находилась только во временномъ владѣніи у подданныхъ. Самая мысль объ отчужденіи ея была для нихъ невозможна. Европейцамъ долго пришлось знакомить ихъ съ этой идеей, но въ концѣ концовъ они достигли своей цѣли. Первая продажа земли была обставлена очень торжественно. Вожди долго совѣщались между собой, соглашаться ли на такое неслыханное предложеніе. Наконецъ, они рѣшились, и европейцы написали условіе. Каждый изъ присутствовавшихъ вождей приказалъ нататуировать у себя на лицѣ опредѣленный знакъ «моко», и тѣмъ же знакомъ вмѣсто подписи скрѣплена была бумага. Нечего и говорить, что при этомъ торжественномъ актѣ туземцы оказались далеко не въ выигрышѣ. 24 января 1815 года его преподобіе отецъ Марсденъ пріобрѣлъ такимъ образомъ у туземцевъ для *англійскаго общества миссіонеровъ* двѣсти акровъ земли за двѣнадцать топоровъ.

Въ настоящее время, послѣ знакомства съ европейцами, желѣзныя орудія совершенно вытѣснили прежнія каменныя. Старыя они дѣлаютъ только для продажи европейцамъ и несравненно хуже, чѣмъ раньше.

Гораздо труднѣе прививаются у нихъ европейскія деньги. Нѣкоторые, особенно женщины, охотно берутъ ихъ въ качествѣ украшеній, но также охотно мѣняютъ два старыхъ потемнѣвшихъ доллара на одинъ новый блестящій. Пріучить ихъ смотрѣть на золотыя монеты, какъ на мѣновые знаки, чрезвычайно трудно.

IV. Происхожденіе торговли въ Полинезіи.

Когда европейцы впервые проникли въ Полинезію, промышленность тамъ носила характеръ семейный, даже родовой; такъ какъ въ одной хижинѣ помѣщалось нѣсколько семей и всѣ занимались общей работой. Единственное раздѣленіе труда, извѣстное имъ, было раздѣленіе между мужчинами и женщинами. Выдѣлка разныхъ оружій, орудій, постройка домовъ

и пирогъ лежала всецѣло на обязанности мужчинъ; женщины же занимались тканьемъ матерій. Но каждый мужчина и каждая женщина могли исполнить всякую работу, относившуюся къ ихъ полу. При такомъ условіи обмѣнъ, очевидно, не вызывался необходимостью.

Но, съ другой стороны, господствовавшій во всей Полинезіи обычай дѣлать и принимать подарки неминуемо долженъ былъ породить идею торговаго обмѣна. Обмѣниваясь подарками, полинезійцы неизбѣжно должны были натолкнуться на мысль, выгоденъ ли для нихъ данный обмѣнъ подарковъ. А разъ явилась эта мысль, начало торговлѣ уже положено. При первомъ же случаѣ проснется желаніе пріобрѣсти съ помощью обмѣна какую-нибудь полезную или пріятную вещь.

Появленіе европейскихъ кораблей сразу превратило эту склонность къ обмѣну въ положительную страсть. Настоящія дѣти по характеру, островитяне совершенно обезумѣли при видѣ новыхъ невиданныхъ предметовъ. Часто, не имѣя терпѣнья вступать въ длинные переговоры съ европейцами относительно уступки какой-нибудь плѣнившей ихъ вещи, они предпочитали просто утащить ее, такъ чтобы чужеземцы не замѣтили. Но это происходило главнымъ образомъ не отъ нечестности, а отъ смутнаго пониманія идеи частной собственности.

Глава VII.

Торговля въ дикихъ странахъ Америки.

I. Происхожденіе и раздѣленіе жителей Америки.—Древность человѣка въ Америкѣ.—Происхожденіе его.—II. Промышленность дикарей въ южной Америкѣ.—Кочующія племена крайняго юга.—Земледѣльческія племена.—Одежда изъ шкуръ и коры.—Ткацкое искусство.—Каменныя издѣлія.—III. Торговля.—Право прохода.—Торговля съ европейцами.—Продажа плѣнныхъ и дѣтей.—Покупка женъ и положеніе женщинъ.—IV. Торговля у краснокожихъ.—Происхожденіе краснокожихъ.—Манданы и промышленность у нихъ.—Родовыя общины краснокожихъ.—Эпоха предшествующая торговлѣ.—Способы торговли.—Работы женщинъ.—Обработка кожъ.—Корзины.—Гончарное искусство у натчезовъ.—Торговля съ бѣлыми.—Торговля мѣхами.—Уничтоженіе животныхъ.—Развитіе промышленности краснокожихъ вблизи Мексики и Перу.—Торговля рабами.—Разбои.—Монеты.—Американскія *каурисъ*.—Водка и европейскіе товары.—Несчастныя попытки административной цивилизаціи.—V. О промышленности и торговлѣ индѣйцевъ вообще.—Незначительность мѣстной торговли.—Общинныя права.—Первоначальное братство.—Торговля съ бѣлыми и плохія слѣдствія ея въ нравственномъ отношеніи.—Переходъ отъ альтруизма къ эгоизму.—Отношеніе къ католической религіи.

I. Происхожденіе и раздѣленіе жителей Америки.

При изученіи многочисленныхъ племенъ, населяющихъ Америку, тоже прежде всего возникаетъ вопросъ о ихъ происхожденіи. Древность человѣка въ Америкѣ очень велика, но все же нельзя считать доказаннымъ, чтобы онъ появился тамъ самостоятельно; палеонтологія не открыла еще пока на всемъ этомъ громадномъ материкѣ суще-

ствованія антропоморфныхъ обезьянъ, на что только и могла бы опереться подобная гипотеза.

Съ другой стороны, переселеніе первобытныхъ обитателей Америки хотя бы изъ Азіи представляется вполнѣ вѣроятнымъ. Беринговъ проливъ и раньше, какъ теперь, не могъ служить препятствіемъ для сношеній между Азіей и Америкой. И дѣйствительно, большая часть американскихъ племенъ непосредственно примыкаетъ къ великой желтой расѣ. Только одно обстоятельство тутъ остается до сихъ поръ мало объяснимымъ: американскіе индѣйцы по мѣрѣ приближенія къ югу предстовляютъ все больше чертъ сходства съ монгольской расой. Жители бассейна Амазонки—типичные желтокожіе; наоборотъ, индѣйцы сѣверной Америки имѣютъ, рядомъ съ характерными монгольскими чертами, много чертъ сходства съ нѣкоторыми бѣлыми расами.

Это затрудненіе можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Очень возможно, что даже въ доисторическія времена въ сѣверную Америку заѣзжали переселенцы съ европейскаго материка. Относительно исторической эпохи у насъ имѣются относительно этого прямыя указанія. Скандивскія саги разсказываютъ, что около 1000 года, а можетъ быть, и ранѣе, скандинавскіе викинги доплывали до береговъ сѣверной Америки и даже основывали въ Гренландіи христіанскія колоніи. Относительно XIII и XV вѣковъ имѣются тоже подобныя указанія на европейскія поселенія въ Америкѣ. Но съ полнымъ вѣроятіемъ можно предположить, что отважные мореплаватели гораздо ранѣе переплывали изъ Европы въ Америку черезъ Исландію и Гренландію. У ирландскихъ кельтовъ сохранилось много преданій, дающихъ поводъ допустить подобнаго рода путешествія въ очень и очень отдаленныя времена.

Во всякомъ случаѣ, неоспоримымъ остается тотъ фактъ, что краснокожіе сѣверной Америки представляютъ собой расу, происшедшую несомнѣнно отъ смѣшенія желтокожихъ съ бѣлыми. Нѣкоторыя племена краснокожихъ, какъ, напримѣръ, манданы, представляютъ даже больше чертъ сходства съ бѣлыми, чѣмъ съ монголами.

II. Промышленность и торговля у дикарей южной Америки.

Индѣйцы южной части южной Америки стоятъ вообще на очень низкой ступени развитія. Племена, живущія на крайнемъ югѣ: огнеземельцы, патагонцы и т. д., не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о земледѣліи. Другія болѣе осѣдлыя племена, какъ напримѣръ, гварани, шикиты и т. д., хотя и занимаются земледѣліемъ, но самымъ первобытнымъ способомъ. Они вырубаютъ и сжигаютъ деревья, слегка царапаютъ землю и сѣютъ на ней маисъ. А когда онъ выростаетъ, и они соберутъ его, они переходятъ на другое мѣсто и тамъ продѣ-

лываютъ то же самое. Изъ домашнихъ животныхъ имъ извѣстна только собака.

По сравненію съ земледѣліемъ промышленность тамъ стоитъ нѣсколько выше. Такъ, напримѣръ, всѣ эти племена, исключая племенъ, живущихъ въ Пампасахъ знаютъ гончарное ремесло, неизвѣстное полинезійцамъ. Конечно, не всѣ племена одинаково искусны въ немъ; у отомаковъ оно находится еще въ самомъ зачаточномъ видѣ, а гварани между тѣмъ выдѣлываютъ замѣчательныя по своей величинѣ глиняныя вазы. Въ этихъ вазахъ они держатъ свой любимый напитокъ—маисовое пиво, и въ нихъ же они хоронятъ трупы своихъ покойниковъ. Эти вазы обжигались очень просто на солнцѣ въ вырытыхъ въ землѣ углубленіяхъ. Дѣлали ихъ всегда женщины.

Индѣйцы, живущіе въ Пампасахъ, во всѣхъ отношеніяхъ менѣе искусны, такъ какъ обширныя степи, гдѣ они кочуютъ, отдаляютъ ихъ отъ цивилизующаго вліянія Перу. Нѣкоторыя пампасскія племена заимствовали у горныхъ племенъ искусство ткать шерсть, но дѣлаютъ они это очень плохо. Ни одно изъ этихъ племенъ не пользуется гамакомъ—этимъ замѣчательно полезнымъ американскимъ изобрѣтеньемъ. Женщины шьютъ одежды изъ кожъ, которыя онѣ пытаются кое-какъ окрашивать; эстетическій вкусъ идетъ всегда впереди промышленнаго прогресса. Племена парани, шихиты и моксы, стоящія въ промышленномъ отношеніи нѣсколько выше индѣйцевъ Пампасовъ, умѣютъ ткать хлопчатобумажныя матеріи и дѣлаютъ гамаки. Но парани употребляютъ также одежду изъ коры. Женщины племени отомаковъ плетутъ цыновки, корзины и мѣшки.

Мужчины умѣютъ только выдѣлывать оружіе и иногда сѣти для ловли рыбъ. Нѣкоторыя изъ племенъ умѣютъ также строить хижины и пироги, но устройство ихъ считается чрезвычайно труднымъ дѣломъ. Караибы, напримѣръ употребляютъ цѣлый мѣсяцъ на то, чтобъ срубить одно дерево съ помощью своихъ каменныхъ топоровъ. А на устройство самой пироги требуется не менѣе года. Не мудрено поэтому, что нѣкоторыя племена никогда не плавали по рѣкамъ. Когда же имъ приходится переправляться черезъ какую-нибудь рѣку, они совершаютъ это вплавь. Взрослые плывутъ сами, дѣтямъ постарше даютъ куски дерева, а маленькихъ привязываютъ къ головамъ матерей.

III. Торговля у южныхъ индѣйцевъ.

При такомъ низкомъ уровнѣ земледѣлія и промышленности, естественно и торговыя сношенія у индѣйцевъ юга Америки должны быть чрезвычайно ограничены. Сильнымъ препятствіемъ для возникновенія торговли служили исключительно враждебныя и воинственныя отношенія между племенами южной Америки. Иноплеменникъ не могъ всту-

пить на территорію какого-нибудь племени, не уплативъ за это извѣстной контрибуціи. Въ Чили правители извлекали большую выгоду изъ этой платы за проходъ.

Къ сожалѣнію, древняя исторія Чили до сихъ поръ очень мало извѣстна, нѣкоторые обычаи, сохранившіеся тамъ отъ очень отдаленнаго времени, повидимому, перувіанскаго происхожденія. Тамъ, напримѣръ, и до сихъ поръ для толченія зерна употребляются ручныя мельницы, состоящія изъ двухъ камней, вращающихся одинъ на другомъ, верхній изъ нихъ—полированъ, а нижній покрытъ желобками.

Способъ торговли въ Чили напоминаетъ заглазный обмѣнъ, употреблявшійся у другихъ первобытныхъ народовъ, только въ нѣсколько измѣненной формѣ. Когда въ какое-нибудь поселеніе являлись люди, желавшіе торговать съ жителями, они прежде всего обращались къ начальнику и тотъ трубными звуками извѣщалъ объ этомъ населеніе. Желавшіе приступить къ обмѣну, приходили, выбирали изъ предложенныхъ товаровъ, что имъ было нужно и расходились по своимъ хижинамъ. Когда купцамъ наступало время уѣзжать, они опять давали знать начальнику и тотъ снова трубилъ сборъ своимъ подданнымъ. Разобравшіе товары купцовъ, являлись и приносили имъ въ обмѣнъ какія-нибудь мѣстныя произведенія.

Монахъ Тевэ, путешествовавшій по восточному берегу южной Америки, разсказываетъ, что онъ посѣтилъ одну французскую колонію у устья Амазонки, куда сходились индѣйцы за сто верстъ и больше для торговаго обмѣна. Они приносили перья казуаровъ и тукановъ, бѣлыя и черныя ожерелья и такъ называемые *ботоки*, зеленые камни, которые индѣйцы протыкаютъ себѣ въ нижнюю губу, а также бразильское дерево и попугаевъ. Французы давали имъ въ обмѣнъ топоры, ножи, сабли, зеркальца, гребенки и разныя стеклянныя бездѣлушки. Обмѣнъ, по словамъ Тевэ, совершался крайне быстро. «Дай мнѣ это, а я тебѣ дамъ вотъ это», и больше никакихъ переговоровъ.

Съ индѣйцами, живущими къ югу отъ Пампасовъ, европейцы начали торговать много позже, когда у тѣхъ появились стада быковъ и лошадей, завезенныхъ въ Америку испанцами, и дикари стали продавать колонистамъ шкуры.

До появленія европейцевъ случаи торговаго обмѣна, хотя и встрѣчались, но очень рѣдко. Нѣкоторыя племена продавали иногда своихъ военноплѣнныхъ другимъ, которые примѣняли уже рабскій трудъ. Магеллану, напримѣръ, привели въ обмѣнъ на предложенные имъ товары двухъ молодыхъ рабынь.

У племени гварани жены всегда покупаются, отцы охотно продаютъ своихъ дочерей за рыбу, за дичь и т. п. Мужчина, купившій такимъ образомъ жену, обращается съ ней очень жестоко, если вѣрить старинной пѣснѣ, которую обыкновенно поютъ старыя женщины молодой дѣвушкѣ, вступающей въ домъ мужа: «Муки родовъ ничто въ

сравненіи съ тѣми мученьями, которымъ будетъ подвергать тебя твой мужъ; онъ будетъ твоимъ тираномъ, ты будешь его жертвой».

IV. Торговля у краснокожихъ.

Индѣйцы сѣверной Америки—краснокожіе, вообщее ближе извѣстны европейцамъ, чѣмъ южно-американскіе дикари. Они представляютъ собой несомнѣнно смѣсь желтокожихъ съ бѣлыми. Когда и при какихъ условіяхъ происходило столкновеніе и сліяніе этихъ двухъ расъ, какъ сказано было выше, точно опредѣлить невозможно, но фактъ остается фактомъ. Особенно интересное явленіе представляетъ въ этомъ отношеніи племя мандановъ, теперь уже почти исчезнувшее, благодаря страшной эпидеміи оспы, свирѣпствовавшей въ 1837 году. Эти манданы были осѣдлое земледѣльческое племя, они занимались обработкой маиса и выбирали для этого обширныя поля, удаленныя отъ человѣческихъ жилищъ. Кромѣ маиса, они кормились еще охотой на бизоновъ, но только въ томъ случаѣ, когда стада бизоновъ подходили близко къ ихъ поселеніямъ. Сами же они никогда не перекочевывали съ мѣсто на мѣсто за стадами, какъ, напримѣръ, племя сіу. По наружности манданы болѣе всего походили на бѣлыхъ, у нихъ пепельные волосы и голубые глаза, а цвѣтъ кожи у нѣкоторыхъ почти бѣлый. По цвѣту волосъ они ближе всего подходятъ къ западнымъ финамъ; хотя Катлинъ, сообщившій много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о нихъ, утверждаетъ, что нашелъ въ ихъ языкѣ нѣсколько галльскихъ словъ. Промышленность у мандановъ стоитъ значительно выше, чѣмъ у остальныхъ краснокожихъ. Въ гончарномъ ремеслѣ они достигли положительно нѣкоторой художественности. Форма, цвѣтъ и рисунокъ ихъ издѣлій отличаются большимъ вкусомъ. Кромѣ того, они съ незапамятныхъ временъ умѣютъ дѣлать стекло, по крайней мѣрѣ голубыя стеклянныя бусы.

Очень возможно, что до краснокожихъ на американскомъ материкѣ жило какое-то населеніе, достигшее значительно болѣе высокой степени культуры. Эти невѣдомые предки усѣяли чрезвычайно любопытными памятниками весь материкъ сѣверной Америки. Между Мексикой и Перу съ одной стороны, между Флоридой и Канадой, Атлантическимъ и Великимъ океаномъ—съ другой—разсѣяны развалины какихъ то укрѣпленій, остатки башенъ, полуразрушенные колодцы, заброшенныя большія дороги и т. д., и т. д.

Въ долинѣ Миссисиппи подымаются мѣстами курганы и внушительныя укрѣпленія, занимающія пространство до четырехъ квадратныхъ миль. Памятники эти почти всегда находятся на берегахъ рѣкъ и озеръ и очень рѣдко внутри страны. Строители ихъ, повидимому, были земледѣльцы и имѣли довольно развитую промышленность. Они знали мѣдь и умѣли плавить ее, такъ какъ въ ихъ памятникахъ на-

ходятъ мѣдные браслеты, кольца и т. п. Въ то же время они владѣли гончарнымъ искусствомъ и выдѣлывали скульптурныя издѣлія изъ гранита, яшмы и дерева.

Являются ли эти первобытные обитатели Америки прямыми предками современныхъ индѣйцевъ? Вопросъ сложный. Несомнѣнно только то, что индѣйцы продолжаютъ до сихъ поръ строить каменные курганы, имѣющіе форму животныхъ или людей. Въ верховьяхъ Миссисипи находится на небольшой возвышенности курганъ, представляющій грубое подобіе человѣческой фигуры, лежащей на землѣ. Фигура эта имѣетъ около 400 футовъ длины. Она сдѣлана изъ плоскихъ камней и никогда краснокожій не пройдетъ мимо нея, не принеся новаго камня, а камни теперь можно найти только на значительномъ разстояніи, такъ какъ по близости не осталось ни одного. Очертанія человѣческой фигуры обозначаются довольно ясно, можно различить даже пальцы на рукахъ и на ногахъ. У индѣйцевъ этотъ любопытный памятникъ извѣстенъ подъ именемъ *«каменнаго доктора»*. Подъ словами *докторъ* и *медицина* индѣйцы подразумѣваютъ все, что представляется имъ сверхестественнымъ. Происхожденіе этого памятника, вѣроятно, надо отнести къ очень отдаленной древности.

Во всякомъ случаѣ, современные индѣйцы унаслѣдовали отъ своихъ невѣдомыхъ предковъ весьма слабое представленіе о торговлѣ. У нихъ господствуетъ въ значительной степени общинный родовой бытъ, и они во всемъ стараются оказывать взаимную помощь. Гостепріимство вмѣняется у нихъ даже въ обязанность. Если индѣецъ голоденъ, онъ можетъ смѣло войти въ любой вигвамъ, особенно въ вигвамъ вождя, сѣсть у очага и начать ѣсть. Хозяинъ тотчасъ же садится рядомъ съ чужестранцемъ, но не раздѣляетъ его трапезы, а приготовляетъ ему трубку. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ставится посреди́нѣ столбъ, который называется *деревомъ честности*, на него вѣшаютъ всѣ найденныя вещи, пока не объявится владѣлецъ и не возьметъ ихъ.

До знакомства съ европейцами краснокожіе индѣйцы очень мало интересовались торговлей; обмѣнъ, если и существовалъ, то рѣдко и въ самыхъ первобытныхъ формахъ. И до сихъ поръ сохранились еще у индѣйцевъ разные старинные обычаи обмѣна. Такъ, напримѣръ, мѣстами индѣйцы употребляютъ слѣдующіе способы торговли съ испанскими солдатами. По дорогѣ въ Санта-Фе они ставятъ рядъ небольшихъ крестовъ, наверху привязываютъ кожаный мѣшокъ съ небольшимъ кускомъ оленьяго мяса, а у подножія кладутъ кожу буйвола. На ихъ символическомъ языкѣ это означаетъ: «Мы желаемъ вести торговлю съ почитателями креста». Солдаты, понимающіе этотъ языкъ, берутъ кожу и кладутъ вмѣсто нея соленое мясо.

Такой способъ примѣнялся только къ торговлѣ съ иностранцами, между собой они вели дѣло нѣсколько иначе. Пріѣзжая въ деревню, купецъ являлся прежде всего къ начальнику, дѣлалъ ему подарокъ и

получалъ отъ него что-нибудь въ обмѣнъ. Потомъ онъ разсылалъ свои товары по отдѣльнымъ хижинамъ. Кто не хотѣлъ совсѣмъ торговать, отсылалъ ему товаръ обратно, остальные присылали въ обмѣнъ какія-нибудь мѣстныя произведенія.

Промышленность у краснокожихъ стоитъ на довольно низкой ступени развитія. Нѣкоторыя племена занимаются гончарнымъ искусствомъ, другіе — плетеньемъ корзинъ или выдѣлкой кожъ. Работы эти обыкновенно лежатъ на женщинахъ, мужчины же по большей части считаютъ для себя унизительнымъ заниматься чѣмъ-нибудь, кромѣ охоты.

Очевидно, что всѣ эти промыслы не могли породить оживленной торговли, пока не появились чужеземные купцы и не возбудили въ дикаряхъ страсти къ неизвѣстнымъ имъ до тѣхъ поръ предметамъ. Видъ желѣзнаго топора или стальной иголки вызывалъ въ индѣйцахъ восторгъ и безграничное удивленіе.

Вскорѣ индѣйскія пироги стали безпрестанно подплывать къ колоніямъ бѣлыхъ; краснокожіе привозили шкуры лисицъ, лосей и бобровъ и вымѣнивали на нихъ ружья, порохъ, пули и разные инструменты. Но больше всего имъ нравилась водка, которую колонистамъ запрещено было продавать.

Черезъ нѣкоторое время краснокожіе устроили по примѣру бѣлыхъ свои базары, гдѣ они вели торговлю мясомъ и мѣхами съ путешественниками. По индѣйскому обычаю они съ пляской выходили на встрѣчу путешественникамъ и потомъ уже начинали торговать съ ними.

По мѣрѣ оживленія торговыхъ сношеній между бѣлыми и индѣйцами, естественно непосредственный обмѣнъ товарами долженъ былъ оказаться неудобнымъ. Дѣйствительно, очень скоро изъ среды всѣхъ товаровъ выдѣлился одинъ, начавшій играть роль мѣновой единицы. Такой мѣновой единицей сдѣлалась бобровая шкура, называвшаяся «la plue». На европейскія деньги она цѣнилась отъ четырехъ до пяти франковъ. На бобровую шкуру оцѣнивались всѣ остальные товары. Шкура черной лисицы стоила шесть бобровыхъ шкурокъ, серебристой лисицы—пять, и т. д. Животныя стали истребляться съ громадной быстротой. Въ 1849 г. въ одинъ только городъ С.-Луи большая американская компанія доставила сто десять тысячъ шкуръ буйвола, оленя и козули и двадцать пять тысячъ соленыхъ языковъ бизона. Какъ извѣстно, теперь нѣсколько сотъ бизоновъ охраняются, какъ рѣдкія животныя, между тѣмъ какъ еще недавно цѣлыя громадныя стада ихъ бродили по американскимъ преріямъ.

Теперь табуны дикихъ лошадей замѣнили отчасти бизоновъ при торговлѣ съ бѣлыми. Да и между собой индѣйскія племена ведутъ теперь довольно оживленную торговлю.

Торговля рабами хотя и не была никогда особенно сильно развита въ Америкѣ, но все-таки существовала и до появленія европейцевъ.

стр.

15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Изъ неурожайныхъ мѣстностей. — Народные толки о переписи 1897 г. — Статистика ссылки въ Россіи. — Кустарное ткачество въ Черниговской губ.—Семья Бѣлинскаго послѣ его смерти. 14
16. **За границей.** Гладстонъ.—Микель и Рихардъ Вагнеръ въ роли героевъ 1848 года.—Американское войско.—Женское движеніе въ Индіи.—Этическое движеніе въ Германіи. 26
17. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des Revues».—«La Sciènce Sociale».—«Century Magazine». 37
18. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Интересная находка д-ра Дюбуа. **Н. Могилянскаго** 42
19. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. **Астрономія.** 1) Тѣнь, отбрасываемая землею. 2) Новая комета. **Физика и метеорологія.** 1) Аномалія сплавовъ желѣза съ никелемъ и объясненіе ихъ. 2) Лучи, испускаемые элементомъ торіемъ и его соединеніями. 3) Лунная радуга. 4) Удары молніи въ Юго-западной Россіи. **Геологія и минералогія.** 1) Фергюссонитъ—эндотермическій минералъ. 2) Новый замѣчательный гротъ Арманъ. **Біологія.** 1) Сумчатое животное съ плацентой. 2) Мозгъ и эмбріональное развитіе. 3) Вліяніе алкоголя на мускульную работу. **В. Агафонова.** 54
20. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги. Беллетристика. — Публицистика. — Исторія литературы. — Исторія всеобщая. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. 63
21. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Современный сфинксъ. **Ив. Иванова** 87
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 107

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ОВОДЪ (Gadfly). Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ. **М-ссъ Е. Войничъ.** Переводъ съ англійскаго **З. Венгеровой.** (Окончаніе). 117
24. ЭВОЛЮЦІЯ ТОРГОВЛИ У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. **Шарля Летурно.** Переводъ съ французскаго **Т. Богдановичъ** 27

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) ***Рукописи,*** **присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей**

2) **Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.**

3) **Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.**

4) ***Лица,*** **адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.**

5) **Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.**

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** **Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.**

7) **При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.**

8) **Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.**

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

JUN 22 1966 20
JUN 9 '66 73 RCD
MAR 12 1970 87
REC'D
APR 3 1970
JUL 8 1981
UCLA
INTERLIBRARY LOAN
RECEIVED BY
AUG 12 ENT'D
CIRCULATION DEPT.
NOV 04 1991
AUTO DISC OCT 04 '91

LD 21A-60m-10,'65
(F7763s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C038497963